
*Светлой памяти
моей жены Ланы
посвящаю*

«Скучно оставленному!
И тяжело и грустно становится сердцу,
и нечем помочь ему».

Н.В. Гоголь

Н. И. ЯКУШИН

*«Минувшее
проходит
предо мною...»*

Избранные труды
и воспоминания

МОСКВА
«РУССКОЕ СЛОВО»
2020

ББК 821.0
УДК 83.3(Рос=Рус)1
Я49

Художественное оформление, макет,
составление иллюстративного ряда,
подбор иллюстраций — *Н.Г. Ордынский*

В оформлении переплёта книги использованы иллюстрации:
титулы русских литературных журналов второй половины XIX века,
автографы Н.А. Некрасова и Ф.М. Достоевского,
фотографии Николая Ивановича Якушина и книжных полок
его библиотеки (фотосъёмка Н.Г. Ордынского, 30 сентября 2020 г.);
на фронтисписе повторена фотография автора книги,
воспроизведённая на переплёте.

Якушин Н.И.

Я49 «Минувшее проходит предо мною...»: избранные труды
и воспоминания / Н.И. Якушин. — М.: ООО «Русское слово —
учебник», 2020. — 512 с.

В книге известного исследователя отечественной литературы
и журналистики XIX века собраны статьи разных лет, посвящённые
русским писателям (А.С. Пушкину, Ф.М. Достоевскому, Н.А. Некра-
сову и др.), критикам и общественным деятелям, анализу историко-
культурной ситуации и литературной борьбы второй половины
XIX столетия. Многие статьи в своё время позволили ввести в на-
учный оборот неизвестные ранее архивные источники и материалы
периодики. В мемуарном разделе книги публикуются воспоминания
автора о друге детства, актёре и режиссёре О.Н. Ефремове и о пере-
житой в юности Великой Отечественной войне.

Книга адресована специалистам по истории русской литературы
XIX века, а также всем любителям отечественной истории и культуры.

ББК 821.0

УДК 83.3(Рос=Рус)1

© Н.И. Якушин, 2020

© ООО «Русское слово — учебник», 2020

ОТ АВТОРА

Содержание этого сборника во многом отражено в его названии. Действительно, все материалы, которые в него вошли, связаны с прошлым.

Первый раздел посвящён творчеству писателей XIX века (преимущественно его второй половины). Я позволил себе нарушить общий хронологический принцип, представив вниманию читателей прежде всего статьи о Ф.М. Достоевском, чьё творчество стало главной темой в моей исследовательской судьбе.

Во втором разделе собраны статьи по истории русской журналистики 1860—1890-х годов.

Наконец, третий раздел — это мои воспоминания о Великой Отечественной войне и рассказ о моём друге — Олеге Николаевиче Ефремове.

Работы, включённые в сборник, создавались на протяжении почти семидесяти лет, и естественно, на каждой из них лежит в определённой степени печать того времени, в которое статья была написана¹. Так, например, в 1950-е и даже ещё в 1960-е годы была необходима ссылка на труды И.В. Сталина, В.И. Ленина... О каких-то вещах и вовсе не принято было говорить, поскольку существовала цензура.

Но я не считал нужным вносить какие-то правки. Поэтому в отдельных статьях, например о народнической журналистике, много ссылок на Ленина. Вроде бы сейчас и не принято это делать, но, в общем-то, оценки народнической идеологии, да и в целом этого

¹ Объединяя статьи разных лет в этом сборнике, я постарался там, где это возможно, без ущерба логике повествования, исключить повторы, неизбежно присутствующие в статьях близкой тематики.

направления русской общественной мысли, данные им, во многом сохранились, и можно было ничего не править.

К тому же мне показалось, что в ряде случаев внесение правок было бы похоже, если угодно, на сражение с прошлым. И сразу вспомнились строки Веры Павловой¹:

Сражаться с прошлым — вдвойне
нелепое донкихотство:
во-первых, на его стороне
численное превосходство,
во-вторых, его войска
вылеплены из воска.
Поднимется ли рука
сражаться с таким войском?

Сражаться с «восковым войском» прошлого я не стал. А о том, что получилось, пусть судит читатель.

¹ Вера Анатольевна Павлова (род. 4 мая 1963 г.) — современная российская поэтесса. Автор 15 книг. Среди них: «Небесное животное» (М.: «Золотой векъ», 1997), «Второй язык» (СПб.: «Пушкинский фонд», 1998), «Линия отрыва» (СПб.: «Пушкинский фонд», 2000), «На том берегу речи» (М.: АСТ, 2009), «Однофамилица / Детские альбомы» (М.: АСТ, 2011) и др. Стихи В.А. Павловой переведены более чем на 20 языков. Лауреат Большой премии имени Аполлона Григорьева (2000), Специальной Премии «Московский счёт» (2003), премии «Антология» (2006).

*Из истории
русской литературы
XIX века*

«СИБИРСКАЯ ТЕТРАДЬ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО¹

Возвращаясь на родину после десятилетнего пребывания в Сибири, великий русский писатель Ф.М. Достоевский среди многочисленных бумаг вёз небольшую, сшитую из отдельных листов самодельную записную книжку. Это была знаменитая «Сибирская тетрадь», спутница «годов изгнания» писателя.

История возникновения «Сибирской тетради» весьма примечательна.

Оказавшись после разгрома кружка Петрашевского в мрачных стенах Омской каторжной тюрьмы, Достоевский больше всего тяготился тем, что не мог писать. Отправляясь в Сибирь, он говорил своему брату: «Да, если нельзя будет писать, я погибну. Лучше пятнадцать лет заключения и перо в руках»². Но случилось так, что первое время о литературной работе нечего было и думать. Отовсюду за Достоевским наблюдали сотни настроенных глаз, контролировавших каждый его шаг. Но ни на одну минуту в сознании писателя не прекращалась напряжённая внутренняя работа. С пристальным вниманием вглядывался Достоевский в лица окружающих его людей, прислушивался к их разговорам, стремился заглянуть во внутренний мир своих товарищей по несчастью. И с каждым днём каторга раскрывалась перед ним всё новыми и новыми сторонами. Обо всём этом мучительно хотелось писать, хотелось запечатлеть и потрясающие до глубины души картины острожного быта, и характеры арестантов, и истории, которые он слышал от них. Но писать Достоевский не мог. Это было

¹ Впервые опубл.: Труды научной конференции Сталинского пед. института. Кемерово, 1960. Вып. 2. С. 25–38.

² *Достоевский Ф.М.* Письма. Т. 1. М.; Л., 1928. С. 130.

строжайше запрещено тюремными правилами. Нужно было искать какой-то выход, как-то уберечь и сохранить в памяти всё то, что он видел и слышал.

Помощь пришла неожиданно. Однажды, когда Достоевский находился в госпитале, старший врач Троицкий, относившийся к писателю с большой симпатией, передал ему несколько листов бумаги и карандаш. Трудно описать то волнение, какое охватило Достоевского при виде этого скромного дара.

Достоевский, конечно, понимал, что до тех пор, пока он находится на каторге, ни о каком систематическом труде не может быть и речи. Поэтому писатель решил пока ограничиться сбором материала, который намеревался использовать при работе над будущими своими произведениями.

Листки бумаги, на которых появлялось всё больше и больше записей, и стали основой «Сибирской тетради». Эти листки Троицкий ошибочно принял за первые главы «Записок из Мёртвого дома». Его рассказ об этом попал в воспоминания П.К. Мартынова, напечатанные под названием «В переломе века» в журнале «Исторический вестник»¹, и с тех пор многие исследователи относят начало работы над «Записками из Мёртвого дома» к периоду жизни Достоевского в Омском остроге. Если бы это было так, то получилось бы, что не «Записки из Мёртвого дома» создавались на основе собранного в «Сибирской тетради» материала, а наоборот.

Сохранилось несколько записных книжек Достоевского. В большинстве случаев содержание их очень пёстро. В них мы найдём фрагменты и планы некоторых произведений, наброски отдельных характеров, а также сугубо личные заметки, касающиеся болезни писателя, рецепты врачей, адреса, счета и т.п.

«Сибирская тетрадь» в отличие от других записных книжек представляет собой обширный сборник сугубо литературного материала, к которому писатель обращался на протяжении всей своей творческой деятельности. Знакомясь с ним, нельзя не заметить, что Достоевского интересовали прежде всего материалы, характеризующие жизнь каторги, её нравы и обычаи. Причём эти материалы он собирал и после того, как стены «Мёртвого дома» остались позади.

Основную массу записей в «Сибирскую тетрадь» Достоевский внёс на каторге и в первые годы семипалатинской ссылки, когда сбор материала был для него чуть ли не единственной формой литературной работы. В конце своего пребывания в Сибири писатель почти не пополняет тетрадь, зато часто заглядывает в неё с целью позаимствовать оттуда какое-нибудь выражение или характерное словечко для повести «Село Степанчиково и его оби-

¹ Исторический вестник. 1895. № 11. С. 452.

татели» и «Записок из Мёртвого дома», над которыми в то время работал.

Следует заметить, что в том виде, в каком «Сибирская тетрадь» дошла до нас, она была создана Достоевским, по всей вероятности, уже после выхода из острога. Именно в это время он сшил из плотных листов писчей бумаги небольшую тетрадку, в которую аккуратно переписал записи, сделанные на отдельных листках. Об этом говорит хотя бы такой факт: первые 11 листков «Сибирской тетради» написаны одним почерком и одним пером, т.е., по видимому, одновременно¹. Если предположить, что «Сибирскую тетрадь» Достоевский впервые начал заполнять после выхода из каторги², то невольно возникает вопрос: мог ли писатель сразу, по памяти, не имея под рукой никакого материала, никаких записей, воспроизвести такое огромное количество отдельных выражений, пословиц, поговорок и т.п.? Вряд ли. Значит, Достоевский сначала воспользовался для «Сибирской тетради» уже имевшимися записями, собранными на каторге, а потом продолжал пополнять её в течение всего пребывания в Сибири. Этот факт говорит также о том, что дошедшая до нас «Сибирская тетрадь» появилась у писателя только после выхода из Омского острога, так как условий, при которых Достоевский мог спокойно работать над своими записями, у него на каторге не было, да и не могло быть.

Таким образом, многие материалы, вошедшие в «Сибирскую тетрадь», Достоевский собрал на каторге и записал их на отдельные листы бумаги. А выйдя из каторги, переписал их в свою заветную тетрадь.

«Сибирская тетрадь» представляет собой самодельную записную книжку, сшитую из плотных листов писчей бумаги размером 18 × 11,5 см. Первоначально листов было 22. Обложкой им служит лист более тонкий, чем остальные. Когда же все страницы тетради были заполнены, Достоевский отогнул обложку назад, и вскоре она тоже покрылась записями. Не желая заводить новую записную книжку, писатель к уже имевшейся тетради подшил ещё четыре листа несколько меньшего формата. Так объём тетради увеличился до 28 листов. Все записи, внесённые в «Сибирскую тетрадь», имеют свой порядковый номер. Всего их 485. Однако число номеров не совпадает с количеством записей. Очень часто под одним номером

¹ Дальнейшие записи, вплоть до листа 16, велись Достоевским уже другим пером, но теми же чернилами. На обратной стороне листа 16 имеется черта, которой писатель как бы отделял материал, собранный на каторге, от записей более позднего времени.

² Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ), где хранится подлинник «Сибирской тетради», ошибочно относит её создание к 1854–1860 гг., т.е. к тому времени, когда Достоевский уже вернулся с каторги.

значится несколько пословиц или отдельных выражений. Некоторые номера пропущены (421–424 и 477), а некоторые встречаются два раза (375 и 484). Отдельные выражения повторяются. Иногда Достоевский это замечал и сам вычёркивал вторую запись. Так было с выражениями: «Не суть важное» и «Железные носы, нас совсем заклевали». Другие, как, например: «Переменил участь» — так и остались записанными два раза (38 и 53).

Всего в «Сибирской тетради» 522 неповторяющиеся записи, большинство из которых представляют собой наиболее выразительные и меткие выражения обитателей острога и солдатских казарм. Несколько меньше там пословиц и поговорок; ещё меньше законченных сенок из жизни каторги, записей жаргонных слов и ругательств, и, наконец, очень немного песен и частушек.

Уже в первые дни жизни на каторге Достоевского поразило удивительно пёстрый социальный и национальный состав каторги. Он встретил там и дворян, и крепостных крестьян, и мещан, и людей купеческого звания. А среди них были не только русские, но и украинцы, и поляки, и татары, и евреи, и даже кавказские горцы. Писатель внимательно прислушивался к их разговорам, к манере излагать свои мысли, а наиболее образные обороты и выражения запоминал и, когда представлялась возможность, записывал.

Немало в «Сибирской тетради» записей, в которых во всей своей неприглядности раскрываются самые различные стороны жизни каторги. В некоторых из них арестанты рассказывают о наказаниях, которым их в своё время подвергали («Пришлось мне пройти по зелёной улице» — № 35), в других звучит ироническое отношение обитателей острога к самим себе («А у нас народ бойкий, задорный. Семеро одного не боимся» — № 13), в третьих слышится голос острожных балагуров («Фу! Как не славно, девушки!» — № 32) и т.п.

Насильственно собранные сюда со всех концов страны, вечно вместе, вечно под присмотром сотен глаз, люди делались раздражительными, не в меру обидчивыми. «Это народ грубый, раздражительный, озлобленный»¹, — писал Достоевский в письме к брату об узниках Омского острога. Стоило одному арестанту кого-нибудь задеть, что-то сделать не так, как принято на каторге, тотчас же возникала ссора. Отовсюду слышались ругательства. «А какие они были мастера ругаться! — говорит писатель в «Записках из Мёртвого дома». — Ругались они утончённо, художественно. Ругательство возведено у них было в науку: старались взять не столько обидным словом, сколько обидным смыслом,

¹ Достоевский Ф.М. Письма. Т. 1. М.; Л., 1928. С. 135.

духом, идеей — а это утончённое, ядовитее»¹. И действительно, нельзя не поразиться виртуозности выражений каторжников. Каких только бранных слов они не придумывали! Причём иные ругательства поражают яркостью и образностью. Взять, к примеру, хотя бы такое: «Он, батюшка, у бабы простоквашу поел, за то и кнута хватил. *Крыночная блудница*» — № 68. Вряд ли скажешь более метко!

Достоевский понимал, что при изображении каторги и её обитателей не обойтись без использования жаргонных слов и выражений. Поэтому он хотя и немного, но всё-таки включил в «Сибирскую тетрадь» образчики языка преступного мира («Смотри, идут две суфлёры»² — № 205).

Значительное место в «Сибирской тетради» занимают зарисовки сцен острожной жизни, легенды, притчи и тюремные песни. Большинство из них целиком, почти без всяких изменений, были включены позднее Достоевским в «Записки из Мёртвого дома». Это наводит на мысль о том, что «Сибирскую тетрадь» можно в известном смысле считать первым, самым ранним черновым наброском знаменитой книги писателя. Ведь если сопоставить общий объём сибирской записной книжки с количеством заимствованного отсюда материала для книги о «Мёртвом доме», то окажется, что туда вошло более половины всей тетради. Но далеко не всё собранное и имеющее отношение к каторжной жизни использовал Достоевский в своём произведении. Он отбирал для него только самое яркое, характерное.

Вместе с тем было бы неверно считать «Сибирскую тетрадь» сборником материалов, имеющих отношение только к каторге, к острожной жизни. Нет. Там мы найдём записи, в которых ясно звучит мысль о тяжёлом положении народа, о его бесконечных страданиях и мучениях. Есть там отдельные зарисовки, свидетельствующие о непокорности народа, о его тонком и проницательном уме.

Особое место в «Сибирской тетради» занимают пословицы и поговорки. Ведь именно в пословицах и поговорках запечатлены многовековой опыт русского народа, его талантливость, остроумие, оригинальный склад ума, взгляд на окружающий мир. И Достоевский это отлично понимал. Здесь, на каторге, перед ним открылись новые, доселе не известные ему сокровища родного языка, и он полной горстью спешит черпать их, мысленно украшая ими свои ещё не написанные произведения.

Многие пословицы и поговорки, приведённые в «Сибирской тетради», были собраны в своё время известным русским писа-

¹ Достоевский Ф.М. Собр. соч. Т. 3. М., 1956. С. 400.

² «Суфлёра — потаскуха, арестантская любовь» (Максимов).

телем и этнографом В.И. Далем и включены им в книгу «Пословицы русского народа», которая выходила отдельными выпусками в 1861–1862 годах. Естественно, что Достоевский не знал и не мог знать об этом сборнике, и его работа по сбору пословиц и поговорок шла самостоятельно. Интересен тот факт, что некоторые пословицы записаны у Достоевского иначе, нежели у Даля. Так, в «Пословицах русского народа» читаем: «Дураков не орут [пашут. — *Н.Я.*], не сеют, а сами родятся»¹, а в «Сибирской тетради» эта пословица выглядит так: «Нашего брата ведь не сеют, а мы сами родимся» (№ 2), у Даля: «Была бы бумажка — будет и милашка»², а у Достоевского: «Будут денежки, будут и девушки» (№ 122) и т.д.

Это, конечно, варианты одних и тех же пословиц, которые не уступают друг другу ни в меткости выражения, ни в образности передачи мысли. И они лишний раз свидетельствуют о многообразии форм и богатстве русского языка.

В «Сибирской тетради» есть немало очень своеобразных и редко встречающихся пословиц и поговорок, которые не вошли даже в такой обширный сборник, как «Пословицы русского народа». Например: «У бедного ребяты, у богатого теляты» (№ 375), «Сулёная скотина в доме не животина» (№ 453) и т.д.

Пословицы и поговорки, вошедшие в «Сибирскую тетрадь», посвящены самым различным сторонам жизни, отразили в себе всё многообразие русского национального характера, отношение народа к действительности. Достоевский записывает пословицы и поговорки, в которых слышится тоска по вольной волюшке («А в поле четыре воли» — № 128), говорится о нищете народной («У голодной куме и хлеб на уме» — № 222), о горе, часто навещающемся в дом бедняка («Чужую беду руками разведу, к своей ума не приложу» — № 96). Вместе с тем внимание писателя привлекают пословицы, где отразились чувство собственного достоинства простых людей («Я хоть и в саже, да никого не гаже» — № 452), их житейская мудрость («Дальше положишь, ближе возьмёшь» — № 256) и т.д.

Записывая пословицы и поговорки в «Сибирскую тетрадь», Достоевский отнюдь не ставил перед собой цели собрать их как можно больше. Он включал туда только те, которые по тем или иным причинам привлекали его внимание. Публиковать собранный материал Достоевский не собирался, так как считал сбор устного народного творчества делом серьёзным, требующим специальных знаний, которых у него не было. И всё-таки, хотел он этого или не хотел, «Сибирская тетрадь» превратилась

¹ *Даль В.И.* Пословицы русского народа. М., 1957. С. 438.

² Там же. С. 82.

в ценнейший сборник пословиц и поговорок, который не вправе игнорировать ни один исследователь устного народного творчества.

Следует отметить, что большинство записей, внесённых в «Сибирскую тетрадь», Достоевский без каких-либо существенных изменений перенёс в свои произведения, написанные после выхода из каторги. Особенно много их в «Записках из Мёртвого дома» и в повести «Село Степанчиково и его обитатели».

Отдельные выражения, почерпнутые из сибирской записной книжки, можно встретить также в романе «Преступление и наказание» («Кажись, и генеральские дочки, а носы всё курносые!» — № 81 и др.), в романе «Бесы» («Астролом! Все Божии планиды узнал» — № 261, «Переменил участь» — № 38 и др.), в романе «Подросток» («Голодом сидят» — № 105 и др.). Некоторые записи использованы Достоевским и в его последнем романе «Братья Карамазовы».

Всё это говорит о том, что «Сибирская тетрадь» была для писателя ценнейшей сокровищницей словесного материала, богатства которой помогли ему создать яркие картины тюремного быта, нарисовать выразительные характеры героев, передать тончайшие нюансы их речи.

Одной из любопытнейших особенностей «Сибирской тетради» является то, что отдельные записи в ней непосредственно связаны с мыслями, настроениями, а иногда и с некоторыми воспоминаниями Достоевского. Очень часто пословицы и поговорки, которые слышал писатель, как будто перекликались с тем, что у него было на душе. И, занося их в свою тетрадь, он рядом ставил какую-нибудь дату. Заветная тетрадь превращалась в своего рода дневник, тщательно зашифрованный и законспирированный, где нашли своё отражение некоторые события и факты из жизни Достоевского, по-видимому, очень важные для него.

Датированных записей в «Сибирской тетради» десять. Все они, кроме последней, были внесены туда писателем в период пребывания в Семипалатинске.

Следует оговориться, что далеко не все датированные записи легко поддаются расшифровке. О содержании некоторых из них можно лишь догадываться, зато о других можно говорить более или менее определённо.

Первая из датированных записей под № 387 выглядит так: «Ну, так что ж было попусту языком колотить!», а в скобках помечено (...5 июля¹). Эта запись относится к 1855 году и связана со следующим фактом.

¹ Многогочием обозначено трудно поддающееся прочтению слово: «Елен» или «Если». Это слово встречается перед несколькими датами.

Во время инспектирования батальона, в котором служил Достоевский, генералом Дометти писатель обратился к его адъютанту А. Иванову с просьбой найти способ передать командиру Сибирского корпуса Г.Х. Гасфорду стихотворение «На 1 июля 1855 года», посвящённое вдовствующей императрице¹. А. Иванов передал стихи Дометти, а тот Гасфорду, который наотрез отказался хлопотать о напечатании произведения опального писателя. Незадолго перед этим с этой же просьбой к Гасфорду обращался семипалатинский приятель Достоевского А. Врангель и тоже получил отказ². По-видимому, кто-то (скорей всего А. Иванов или Врангель) заверил писателя в успехе этого предприятия, и, узнав о неудаче, Достоевский, наверное, подумал: «Что ж было попусту языком колотить».

На подобном толковании нельзя настаивать категорически, но оно представляется нам довольно убедительным.

Следующая запись: «Дворик у него чистенький, как карточка» под порядковым № 398 датирована 28 августа и тоже относится к 1855 году. О чём здесь идёт речь и что именно хотел сказать Достоевский, предположить трудно.

Очередная датированная запись: «Жирно ели, оттого и обеднели» (№ 429) появилась в «Сибирской тетради» спустя месяцы, а именно 20 марта 1856 года.

Сохранилось письмо Достоевского к А. Врангелю от 23 марта 1856 года, из которого видно, что в дни, предшествовавшие его отъезду, писатель много думал о своей прежней литературной деятельности и сетовал на то, что в своё время не ценил свободы, не ценил возможности печатать свои произведения и говорить с читателями. И ему, по всей вероятности, показалось, что теперь он расплачивается за всё это: «Жирно ели, оттого и обеднели».

Впрочем, весьма вероятна и другая версия.

Достоевский в это время мучительно пересматривал свои прежние взгляды (об этом есть сведения в письме к А.Н. Майкову от 13 января 1856 года)³.

На свои прежние убеждения социалиста-утописта писатель смотрит теперь как на нечто несбыточное. Уж очень многого хо-

¹ На это стихотворение Достоевский возлагал большие надежды. Писатель предполагал, что оно поможет ему получить офицерский чин и тем самым прощение. Только в этом случае он мог надеяться на то, чтобы вернуться в литературу. Более подробно о стихах Достоевского см. статью Л.П. Гроссмана «Гражданская смерть Ф.М. Достоевского» (Литературное наследство. Т. 22–24. М.; Л., 1935), а также нашу статью «Возвращение в литературу (Сибирский период творчества Ф.М. Достоевского)» в наст. изд.

² В конце концов Гасфорд согласился представить стихи военному министру.

³ Подробнее об этом см. нашу статью «Возвращение в литературу (Сибирский период творчества Ф.М. Достоевского)» в наст. изд.

тел он тогда («жирно ели»). Настоящее же своё положение Достоевский склонен теперь рассматривать как наказание за слишком смелые проекты переустройства действительности («оттого и обеднели»).

Очень затруднительно ответить на вопрос о том, что имел в виду писатель, когда против записи «Эй ты, Разговор Петрович» (№ 435) помечает «...8 мая», а против записи «На лес взглянет, так он и вянет» (№ 442) ставит дату «17 августа». Единственное, о чём достоверно можно говорить, так это о том, что обе записи сделаны в 1856 году.

Далее в «Сибирской тетради» одна за другой возникают датированные записи, о значении которых можно говорить более определённо.

«Хорошая есть, а дурная так в честь!» (№ 450) — пишет Достоевский, а ниже в скобках добавляет «(26 сентября (56 ожиданье))». Это одна из самых интересных записей. И не случайно в числе немногих она помечена писателем знаком «№ 3».

Приведённая поговорка встречается очень редко. Её нет даже в «Пословицах русского народа» Даля. Она привлекла внимание Достоевского своей мудростью, а главное тем, что как нельзя лучше характеризовала то положение, в котором он оказался.

Достоевский верил в себя, верил в свой талант, в то, что он создаст ещё много замечательных произведений. Но то хорошее, настоящее, что было им написано раньше и здесь, в Сибири, отнюдь не давало ему право надеяться получить разрешение на публикацию своих произведений. «Хорошее есть», но оно лежало без движения. Зато «дурное», т.е. так называемые «патриотические» стихи, к которым писатель сам относился очень скептически, были «в чести», они способствовали его продвижению по служебной лестнице, наверху которой он уже видел желанный призрак свободы, они должны были в конце концов принести ему и право печатать свои сочинения. Отсюда и горькая ирония, которая звучит в поговорке: «Хорошая есть, а дурная так в честь!» Ценят его, оказывается, не за талант, а за то, насколько умело он может выразить верноподданнические мысли, не за подлинно художественные произведения, а за довольно посредственные вирши.

Всё лето 1856 года Достоевский живёт в лихорадочном ожидании вестей из Петербурга, куда было отправлено его очередное «патриотическое» стихотворение «На коронацию и заключение мира» («Умолкла грозная война!..»). Дадут ли ему право печататься? Осенью ожидание становится невыносимым. Друзья успокаивают его, говорят, что он получит желаемое. Но он не верит.

Вот эти сомнения, неуверенность и слышатся в очередной записи под № 453: «Сулёная скотина в доме не животина (17 октября)». Иначе говоря, обещания пока остаются обещаниями. Только 30 октября писатель узнал о присвоении ему офицерского звания, но самого главного — разрешения печататься — он пока ещё не получил.

В «Сибирской тетради» отразились не только события из жизни Достоевского в период его пребывания в Семипалатинске, но и далёкие воспоминания. После записи под № 459 «Руки свяжут, язык не завяжут» поставлена дата «19 декабря 46» и слово «Надежда». Эта запись появилась в конце 1856 года и, может быть, даже 19 декабря. О чём здесь идёт речь? О какой Надежде? Что было десять лет назад?

В конце 1846 года Достоевский напряжённо работал над романом «Неточка Незванова», с которым он после неудачи повести «Двойник» связывал большие надежды. «Мне кажется, — писал он брату 17 декабря 1846 года, — что я завёл процесс со всею нашею литературою, журналами и критиками, и тремя частями романа моего в “Отечественных записках” [речь идёт о романе «Неточка Незванова». — *Н.Я.*] Я устанавливаю за этот год моё первенство назло недоброжелателям моим»¹.

Точно так же, как и десять лет тому назад, Достоевский и теперь живёт надеждой. Правда, надежда иная и более скромная, а именно: вернуться в литературу, увидеть свои произведения опубликованными, но не менее горячая и страстная. «...Как важно для меня хоть какое-нибудь известие о позволенье печатать», — восклицал он в письме к Врангелю от 21 декабря 1856 года. А немного ниже с тревогой спрашивал: «...почему не напечатана моя *детская сказка*? <...> Не отказали ли? Это очень важно мне знать. ...Я готов печатать, хоть навсегда, без имени или псевдонимом»².

Достоевский страстно жаждал обнародовать свои произведения. Запрещение печататься сковывало его, мешало думать, работать, творить. Но теперь он не может молчать. Вопреки всему он решает, что будет работать, что если ему могут запретить печататься, то это ещё не значит, что его могут заставить не думать, не писать. Отсюда и появляется: «Руки свяжут, язык не завяжут».

№ 469 «Что ж это он? Утром пьян и вечером пьян. Значит, другую фуру везёт», — записывает Достоевский и помечает время: «11 мая». Здесь идёт речь о мае 1858 года, когда писатель од-

¹ Достоевский Ф.М. Письма. Т. 1. М.; Л., 1928. С. 205.

² Там же (курсив Ф.М. Достоевского).

новременно работает над двумя повестями — «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково и его обитатели». В это время он буквально изнемогает от усталости и торопится выполнить свои обязательства перед журналами «Русский вестник» и «Русское слово», куда обещал прислать свои произведения. Он пьян от работы, от спешки, от того, что не знает ни дня, ни ночи, и одна из причин этого заключается в трудности работы сразу над двумя повестями («...другую фуру везёт»).

«Сибирская тетрадь» завершается поговоркой «Не твоего ума дело» (№ 485), после чего стоит: «(...отъезд М. в сентябре 1860 года)». Эта запись сделана Достоевским уже в Петербурге и говорит, по всей вероятности, об отъезде из столицы его жены Марии Дмитриевны Исаевой, отношения с которой к этому времени обострились до крайности. Родные Достоевского встретили Марию Дмитриевну очень холодно, и это обидело болезненно самолюбивую женщину. Ещё в Семипалатинске писатель понял, что брак его — ошибка. Уже тогда началось взаимное охлаждение, усилившееся после переезда в Петербург. Весьма вероятно, что Мария Дмитриевна попыталась помешать издательской деятельности Достоевского (именно в сентябре было объявлено о подписке на журнал «Время»), на что он ей прямо заявил (или подумал): «не твоего ума дело».

Таким образом, «Сибирская тетрадь» Достоевского представляет собой не только своеобразную кладовую словесного материала, к которой писатель обращался чуть ли не на протяжении всей своей литературной деятельности, но и очень оригинальный дневник, помогающий разъяснить отдельные факты из его жизни в Сибири, его настроения и мысли. Всё это делает «Сибирскую тетрадь» важнейшим документом сибирского периода жизни Достоевского.

Впервые «Сибирская тетрадь» была подготовлена к печати Л.П. Гроссманом и опубликована в 1936 году (сб. «Звенья», т. VI). Однако в напечатанный текст вкралось множество ошибок и опечаток, а некоторые слова остались неп прочитанными. Всё это искажает подлинный смысл записей Достоевского и затрудняет их чтение. Так, остались неп прочитанными выделенные разбивкой слова в следующих выражениях: «А вам спасибо за то, что меня наблюдаете» (№ 3); «Не хочу в ворота, разбирай заплот¹», «Ты что так оболочся²?» (№ 153). А вот некоторые разночтения отдельных записей в рукописном и печатном текстах «Сибирской тетради».

¹ *Заплот* — «забор, деревянная сплошная ограда из досок или брёвен» (Даль).

² *Оболочся* — оделся.

В рукописи¹	В печатном тексте
310) Эж ты сморозил!	Эх ты, сморозил!
326) Я его любовница и на что это она мне сказала.	Я его любовница что это он мне сказал.
358) В картины тоже — наше дело заняться.	В картины тоже — наше дело занятие.
425) И тоскливо и грустливо.	И тоскливо и грустно.

Подобных примеров можно привести множество.

Знаки препинания в печатном тексте «Сибирской тетради» поставлены без учёта каких-либо правил. Они ничего общего не имеют с теми знаками, которые ставил Достоевский, и в то же время далеко не всегда подчиняются существующим синтаксическим нормам.

В рукописи	В печатном тексте
117) Ах ты змеиное сало, щучья кровь!	Ах ты змеиное сало, щучья кровь.
145) Наш брат, Савка. Совсем Максим и шапка с ним.	Наш брат Савка. Совсем Максим и шапка с ним.
282) Не хотел шить золотом, теперь бей камни молотом.	Не хотел шить золотом теперь бей камни молотом.

Всё это говорит о том, что давно назрела необходимость либо заново переиздать «Сибирскую тетрадь»², либо опубликовать подробные комментарии к ней, в которых кроме всего прочего говорилось бы о различиях рукописного и печатного текста.

«Сибирская тетрадь» — свидетельство мужества писателя, его несокрушимой веры в то, что он в конце концов получит возможность рассказать широкому кругу читателей о том, что видел в царских застенках, выставить на суд общественности все те ужасы, свидетелем которых он был на каторге. Сибирская записная книжка говорит также о том пристальном внимании, с каким До-

¹ Знаки препинания даются по рукописному тексту.

² К настоящему времени «Сибирская тетрадь» неоднократно переиздана — см., например: *Достоевский Ф.М. Сибирская тетрадь*. Петрозаводск, 2001.

Достоевский наблюдал за жизнью народа, который бесконечно любил и в который свято верил, о том, как чутко он относился к живому русскому языку, сокровищнице народной мудрости. Здесь, в Сибири, писатель вплотную столкнулся с народом, услышал его настоящую, ничем не прикрашенную речь, увидел глубину и меткость его суждений, тонкий юмор и умение блеснуть острым словом. Всё это Достоевский запечатлел на пожелтевших страницах «Сибирской тетради».

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЛИТЕРАТУРУ

СИБИРСКИЙ ПЕРИОД

ТВОРЧЕСТВА

Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО¹

В один из погожих сентябрьских дней 1859 года к заставе губернского города Тверь подъехала пыльная коляска. Видно было, что позади у неё осталась не одна сотня вёрст. Пассажиров было трое: средних лет мужчина, молодая ещё женщина и мальчик лет десяти. В подорожной значилось: отставной прапорщик Сибирского линейного № 7 батальона Фёдор Достоевский с семьёй направляется к месту своего нового жительства в город Тверь. Караульному солдату, конечно, и в голову не могла прийти мысль о том, что перед ним известный русский писатель Фёдор Михайлович Достоевский, у которого позади остались десять страшных лет каторги, солдатчины и ссылки. Он возвращался на родину, хотя и не сломленным, но всё-таки во многом уже другим человеком...

* * *

Пожалуй, трудно найти в русской литературе писателя, чей творческий путь начинался бы столь блистательно. Первая повесть Достоевского «Бедные люди» сразу выдвинула его в число лучших литераторов своего времени. Он выступил в литературе как писатель демократического лагеря, как писатель-гуманист, произведения которого были направлены на защиту обездоленных и угнетённых.

В судьбе молодого прозаика живейшее участие принял В.Г. Белинский, увидевший в Достоевском достойного продолжателя Гоголя. Критик ввёл его в кружок передовых русских литераторов, во главе которого стоял сам, и стал настойчиво обращать в свою

¹ Впервые опубли.: Сибирские огни. 1971. № 11. С. 150–161.

веру. Много лет спустя, вспоминая это время, Достоевский писал: «Я уже в 46 году был посвящён во всю *правду*... грядущего “обновлённого мира” и во всю *святость* будущего коммунистического общества ещё Белинским»¹.

С Белинским Достоевский скоро разошёлся, но его связи с передовым общественным движением того времени на этом не оборвались. Писатель становится постоянным посетителем заседаний кружка М.В. Буташевича-Петрашевского, активного пропагандиста идей утопического социализма. На собраниях петрашевцев Достоевский читал знаменитое письмо Белинского к Гоголю, вольнолюбивые стихи Пушкина, принимал участие в обсуждении вопросов общественного переустройства России. В то время он был сторонником немедленной отмены крепостного права, выступал с критикой политики правительства Николая I, ратовал за освобождение литературы от цензурного гнёта.

В ночь с 22 на 23 апреля 1849 года Достоевский вместе с другими петрашевцами был арестован. Восемь месяцев, пока велось следствие, писатель провёл в одиночной камере Александровского равелина — самого страшного застенка царской России. Следственная комиссия признала его «одним из важнейших» преступников, а военный суд приговорил к расстрелу.

22 декабря 1849 года на Семёновском плацу в Петербурге над петрашевцами был совершён обряд подготовки к смертной казни, и только в последнюю минуту им сообщили окончательный приговор, согласно которому Достоевский был осуждён на четыре года каторги и вечную солдатчину. Писатель отбывал наказание в Омской каторжной тюрьме, а затем в Сибирском линейном батальоне № 7, расквартированном в Семипалатинске.

Отправляясь на каторгу, Достоевский во многом был уже другим человеком. Одиночное заключение, страшные минуты ожидания смерти не прошли бесследно. Сомнения в истинности идей утопического социализма, которые он исповедовал, стали закрадываться в его сердце. Достоевский ни в чём не раскаивался. Своё участие в кружках Белинского и Петрашевского, свой путь исканий он считал вполне закономерными. И тем не менее со своим прошлым писатель решает порвать. Он думает начать новую жизнь. «Я перерожусь к лучшему», — пишет Достоевский брату накануне отъезда в Сибирь. Ему кажется, что, «переменяя жизнь», он «переродится в новую форму»². Но какова будет эта новая жизнь и новая форма, Достоевский тогда и сам не знал.

¹ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Т. 2. М.; Л., 1929. С. 135 (курсив Ф.М. Достоевского).

² Достоевский Ф.М. Письма. Т. 1. М.; Л., 1928. С. 131 (далее цитируем по этому изданию).

На каторге писатель впервые лицом к лицу столкнулся с народом. «Это... было, — писал он много лет спустя, — непосредственное соприкосновение с народом, братское соединение с ним в общем несчастье, понятие, что сам стал таким же, как он, с ним сравнён и даже приравнен к самой низшей ступени его»¹. Но Достоевский был поражён, когда увидел, с какой ненавистью обитатели острога относились к дворянам, в том числе и к осуждённым за политические преступления. «Да-с, дворян они не любят, — говорил писателю один из каторжников, — особенно политических... Во-первых, вы и народ другой, на них не похожий, а во-вторых, они все прежде были помещичьи, или из военного звания. Сами посудите, могут ли они вас полюбить-с?»² И вот эта мысль о трагическом разъединении с народом становится одним из основных аспектов духовной драмы Достоевского. Он снова и снова возвращается к прошлому, внимательно, шаг за шагом анализирует его, пытается ответить на вопрос, а правилен ли тот путь, по которому шёл он и его друзья — петрашевцы. «Одинокий душевно, — писал Достоевский в “Записках из Мёртвого дома”, — я пересматривал всю прошлую жизнь мою, перебирал всё до последних мелочей, вдумывался в моё прошедшее, судил себя один неумолимо и строго...»³

Результатом этих размышлений явились выводы о том, что народ невозможно поднять до уровня передовой интеллигенции, — Достоевский решает, что интеллигенция сама должна пойти на выучку к народу, приняв его таким, каков он есть. Свои мысли об этом он формулирует следующим образом: «Не многому могут научить народ мудрецы наши. Даже утвердительно скажу, — напротив: сами они ещё должны у него поучиться»⁴.

Для того чтобы лучше понять народ, чтобы сравняться с ним, писатель начинает сознательно укреплять в себе религиозное чувство, заставляет себя верить так, как верит простой народ, видя в этом путь приобщения к народной жизни и постижение тайн его мирозерцания. Революционный путь преобразования действительности Достоевский стал считать ошибочным и нежелательным. Его начинает страшить возможность революционных выступлений. По словам А.В. Луначарского, «Достоевский... подвергнутый мукам каторги и поселения, сломился, или, вернее, согнулся. В колоссальной внутренней работе он, сохранив свою ненависть по отношению к духу буржуазному, раздул в себе также ненависть к духу революционному»⁵.

¹ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Т. 2. М.; Л., 1929. С. 138.

² Достоевский Ф.М. Собр. соч. Т. 3. М., 1956. С. 419.

³ Там же. С. 685.

⁴ Там же. С. 550.

⁵ Луначарский А.В. Русская литература. М., 1947. С. 244.

Процесс пересмотра мировоззрения у Достоевского проходил очень сложно. От своего прошлого писатель уходил постепенно, порывал с ним мучительно долго. Стройной и завершённой системы взглядов писатель в Сибири так и не выработал. Он весь в поисках, колебаниях и сомнениях. Не изменилось у него только резко отрицательное отношение к общественным язвам современной ему России и глубоко сочувственное — ко всем обездоленным, угнетённым и обиженным.

Но, самое главное, Достоевский не мог и не хотел примириться с неволей. Он жаждет свободы, мечтает о том дне, когда снова сможет взять в руки перо.

* * *

Покидая Омский острог, Достоевский понимал, что за четыре года, проведённые им на каторге, в литературе многое должно было перемениться. И действительно, за это время появились новые имена, новые идеи волновали теперь читающую публику.

Писатель спешит наверстать упущенное. Он жадно читает всё, что попадётся ему под руку: новейшую периодическую литературу, произведения знакомых и незнакомых авторов, просматривает журналы за последние годы. «...Я начал перечитывать всю написанную без меня за пять лет литературу»¹, — вспоминал позднее Достоевский. Но этого ему кажется мало, и он просит брата прислать ему сочинения Канта и Гегеля, книги «европейских историков, экономистов, святых отцов, по возможности всех древних (Геродота, Фукидита, Тацита, Плиния, Флавия, Плутарха и Диодора и т.д.). Наконец, Коран и Немецкий Лексикон»². «Но всё-таки нет книг и даже нужных книг, — жаловался Достоевский поэту А.Н. Майкову, — а время уходит»³.

Достоевский пробует начать писать. Но в первые годы ссылки работает беспорядочно, урывками: мешает непривычная казарменная обстановка, непосильная для больного писателя солдатская служба и, наконец, отсутствие связи с литературной средой.

В течение первых трёх лет после выхода из каторги Достоевский ничего законченного так и не написал (если не считать его многочисленных писем и цикла стихотворений, написанных с целью исходатайствовать себе помилование).

Как и многие русские писатели, Достоевский серьёзно относился к переписке, которую всегда вёл с очень обширным кругом людей. В сибирский период своей жизни писатель оживлённо обменивался посланиями со старшим братом М.М. Достоевским, со

¹ *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. Т. 11. СПб., 1896. С. 353.

² *Достоевский Ф.М.* Письма. Т. 1. С. 145.

³ Там же. С. 166.

своим приятелем А.Е. Врангелем, М.Д. Исаевой, ставшей позднее его женой, с петрашевцем А.Н. Плещеевым, с жёнами декабристов Н.Д. Фонвизиной и П.Е. Анненковой и др. В этих письмах нашли отражение многие факты из жизни писателя в Сибири, а также вопросы, связанные с формированием его мировоззрения в этот период. Письма давали возможность Достоевскому хоть в какой-то мере почувствовать себя снова писателем, помогали более чётко сформулировать новые воззрения, изложить на бумаге свои сомнения и колебания, терзавшие его, чувства, переполнявшие его душу.

Эпистолярный жанр всегда был близок писателю, и он охотно использовал его в своих произведениях. Форму переписки имеет повесть «Бедные люди», рассказ «Роман в десяти письмах». неотъемлемой частью письма вошли в большинство его крупных произведений.

Письма сибирского периода интересны прежде всего с точки зрения отражения в них мучительного процесса пересмотра прежних взглядов, верований и убеждений. Как проходил этот процесс — проследить очень трудно. Достоевский говорит об этом крайне неохотно, всегда стараясь перевести разговор на другую тему, уйти от прямого ответа.

Однако порой приходилось всё-таки высказываться и более определённо. Но далеко не всегда при этом писатель говорил правду. В целом ряде писем Достоевский, например, говорит о полном отказе от своих прежних воззрений. В письме к Э.И. Тотлебену от 24 марта 1856 года он писал, что «был осуждён законно и справедливо», что «долгий опыт, тяжёлый и мучительный, протрезвил... и во многом переменял» его мысли, что ему тяжело «страдать за то, чего уже нет», что изменилось в нём в противоположную сторону, — «страдать за прежние убеждения, которых неосновательность»¹ уже сам видит.

Вряд ли мог иначе говорить Достоевский в письме, в котором он просил исходатайствовать ему отставку и возможность печататься, в письме, от которого зависела вся его дальнейшая жизнь. Конечно, здесь была и доля правды. Но процесс пересмотра прежних убеждений проходил у писателя очень сложно и отнюдь ещё не был закончен в это время.

Только в двух письмах Достоевский высказывается более или менее искренне, хотя и в них многое недосказано. Речь идёт о письме к Н.Д. Фонвизиной, написанном сразу же после выхода из каторги, и о письме к поэту А.Н. Майкову, отосланном два года спустя.

¹ Достоевский Ф.М. Письма. Т. 1. С. 178–179.

Оглядываясь на прожитые годы, Достоевский ещё полон сомнений, неуверенности. «Я — дитя века, — говорит он о себе, — дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки»¹. И вот в этих сомнениях, колебаниях у Достоевского выработался, говоря его словами, свой «символ веры», который сложился у него в те минуты, когда он был «совершенно спокоен» и чувствовал, что «любит и другими любим». Сущность этого символа сводилась к следующему: «верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но... и не может быть. Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и *действительно* было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной»².

Если до каторги в сознании писателя противоречиво сочетались идеи утопического социализма и вера в Христа, то теперь он противопоставляет их. Достоевский убеждает себя в том, что Христос — это воплощение чистоты и правды, идеал мученика, принявшего страдания во имя грядущего спасения человечества. Писатель отныне всё чаще возвращается к мысли о неизбежности и необходимости страдания ради спасения. Такая мысль вскоре зазвучала и в художественных произведениях Достоевского.

Всё это свидетельствовало о том, что писатель стремился уйти от прошлого, от прежних верований, от уроков Белинского и Петрашевского. Но удалось это ему далеко не сразу. Отсюда и появляется та раздвоенность, вечное сомнение и неуверенность, о которых писал сам Достоевский и о которых говорили его современники.

Многие годы оторванный от общественного движения России, писатель признавался, что ему многое ещё не ясно, что он живёт в каком-то ожидании, приближается «к кризису всей своей жизни»: «будет что-нибудь, может быть, тихое и ясное, может быть, грозное, но во всяком случае неизбежное»³.

Вот с какими мыслями оставил Достоевский Омский острог. Но, вопреки его надеждам, «кризис» жизни произошёл не так скоро, как ожидал писатель, а затянулся на долгие годы.

Минуло два года. Это было время напряжённых исканий, внимательного изучения явлений общественной жизни. Многое для писателя прояснилось, но во многом он так и не разобрался, а кое-что вообще осталось вне поля его зрения.

А жизнь шла. Началась и окончилась Крымская война, умер Николай I, из России доходили слухи о подъёме общественного

¹ Достоевский Ф.М. Письма. Т. 1. С. 142.

² Там же (курсив Ф.М. Достоевского).

³ Там же.

движения и готовящемся освобождении крестьян. Всё это время Достоевский почти ни разу ни с кем не говорил о том, что происходило с ним, о чём он думал и что переживал.

Правда, в письме к Майкову от 18 января 1856 года писатель многое разъясняет. Но и здесь мы встретим множество недомолвок. Достоевский, в частности, высказывает мысль о том, что всё его прошлое было ошибкой, заблуждением, даже утверждает, что «оно не более, как случай». Идеи утопического социализма, в которые он верил, показались ему теперь нежизненными. «Идеи, — писал он, — меняются»¹. Изменились они и у Достоевского. Теперь он во многом солидарен с Майковым, проповедовавшим в эти годы идеи православия и русской государственности. Но, в отличие от Майкова, Достоевский не считал эти взгляды чем-то новым, каким-то откровением. Он говорит, что всегда разделял эти мысли, что он «всегда был истинно русским»², разумея под этим любовь к родине и веру в то, что России принадлежит великое будущее, что она в конце концов объединит все народы в единое общечеловеческое братство. Но это объединение, по мысли Достоевского, произойдёт не на основе идей утопического социализма, как ему казалось раньше, а на основе идей православного христианства. Именно в этом направлении шло изменение взглядов писателя, хотя он и сам ещё не был окончательно убеждён в правильности своих новых мыслей.

Наиболее значительную часть сибирского эпистолярного наследия Достоевского составляют письма к старшему брату Михаилу Михайловичу, которого писатель считал единомышленником и другом. С любимым братом он хочет поделиться своими мыслями, планами на будущее, к нему обращается со всякого рода просьбами, ему адресует свои самые большие послания.

Особенно интересно первое письмо, написанное Достоевским сразу же после выхода из Омского острога. В нём писатель в сжатой, конспективной форме изложил многие события, художественно воплощённые позднее в «Записках из Мёртвого дома». Это письмо с полным основанием можно считать одним из самых ранних черновых набросков знаменитых «Записок...».

К удивлению писателя, брат отвечает нерегулярно, к тому же пишет мало, нередко ограничиваясь лишь общими, порой ничего не говорящими словами, или вообще молчит. Причём молчание это продолжается иногда по нескольку месяцев.

Не получая ответа, Достоевский настораживается. Он уже не уверен в прежней привязанности брата. Его письма к Михаилу Михайловичу становятся более сдержанными. Он не спешит

¹ Достоевский Ф.М. Письма. Т. 1. С. 165.

² Там же.

делиться с ним своими мыслями, хотя его письма, как и раньше, переполнены уверениями в любви и преданности, призывами не забывать бедного узника, горькими сетованиями на свою участь¹.

Письма Достоевского к брату написаны очень неровно. Писатель то говорит спокойно, последовательно развивая свои мысли, то вдруг начинает волноваться, и сразу же тон письма меняется. Фразы становятся угловатыми, в них чувствуется и затаённое страдание, и горечь, и глубокая душевная мука.

Большое количество сибирских писем Достоевского адресовано к его семипалатинскому приятелю А.Е. Врангелю, с которым писатель близко сошёлся и подружился в первые годы ссылки. Письма к Врангелю интересны прежде всего тем, что в них очень подробно рассказывается о развитии отношений между Достоевским и Марией Дмитриевной Исаевой, которая вскоре стала его женой.

Конечно, ещё больший интерес представляли письма Достоевского к М.Д. Исаевой, написанные после её отъезда из Семипалатинска в Кузнецк. К сожалению, из всей этой, видимо, очень обширной переписки сохранилось только одно письмо. Судить по нему о характере переписки, конечно, трудно. Но в письмах к А.Е. Врангелю Достоевский подробно говорит о своих взаимоотношениях с Исаевой, пересказывает то, о чём он писал к ней и что она ему отвечала. И это позволяет сделать некоторые обобщения.

Послания Фёдора Михайловича к своей возлюбленной писались пылко, страстно. В них он спешит, торопится высказаться. Ему хочется сказать всё сразу. Всё кажется чрезвычайно важным, а главное, ему хочется говорить с той, которую горячо любит. Он полон тревоги за её судьбу, хочет успокоить, подбодрить, но это ему плохо удаётся. Порой в словах писателя, обращённых к любимой женщине, вдруг начинают звучать интонации Макара Девушкина, героя повести «Бедные люди». И это вполне объяснимо. Достоевскому показалось, что М.Д. Исаева очутилась в таком же положении, как и его героиня Варенька Добросёлова. Говоря о своей возлюбленной, он писал: «Она в положении моей героини в “Бедных людях”, которая выходит за Быкова (напророчил же я себе!)»².

Много интересных сведений о жизни писателя в Сибири, о его взглядах, творческих замыслах и планах содержится в письмах к сыну декабриста Е.И. Якушкину, казахскому учёному и просветителю Ч. Валиханову.

¹ Своё молчание М.М. Достоевский объяснил следующим образом: «Мысль, что каждую строчку мою прочтут и взвесят люди посторонние, охлаждала во мне всякий порыв говорить с тобой» (*Достоевский Ф.М.* Письма. Т. 1. С. 528).

² *Достоевский Ф.М.* Письма. Т. 1. С. 175–176.

В одних письмах Достоевского (например, к Н.Д. Фонвизиной, А.Н. Майкову и др.) чувствуется, что писатель работал над стилем, старался как можно более чётко выразить свои мысли. Эти письма относительно лаконичны и сдержанны. В них, как правило, освещаются вопросы мировоззренческого характера, говорится об отношении писателя к тем или иным проблемам или общественным явлениям.

В других письмах (например, к А.Е. Врангелю, М.Д. Исаевой и др.), где Достоевский чаще говорит о своих личных делах, переживаниях, чувствах, сдержанность исчезает. Писатель не заботится о том, как ему лучше выразить наболевшее у него на душе, как высказать то, что волновало, мучило и терзало его. Эти письма многословны. Рассказывая о чём-нибудь, обращаясь с какой-нибудь просьбой, Достоевский обо всём этом пишет очень подробно, стараясь предусмотреть все возможные и даже невозможные осложнения. Его не смущает то, что об одном и том же он говорит по нескольку раз, часто повторяет одну и ту же мысль. Всё это приводило к появлению громоздких фраз, прерываемых восклицаниями и риторическими вопросами.

Сибирское (как, впрочем, и всё в целом) эпистолярное наследие Достоевского нуждается в специальном исследовании. Но даже самый общий взгляд на него позволяет сказать, что перед нами своеобразный литературный памятник, в котором не только нашли своё отражение мысли писателя по целому ряду литературных и общественных вопросов, но и проявилась особенность его манеры письма.

* * *

Особое место в творчестве Достоевского занимает цикл стихотворений, написанных в Сибири. Сам писатель при жизни о своих стихах не упоминал и не включал их ни в одно из собраний сочинений. Он считал их, по всей вероятности, слабыми и не заслуживающими внимания. Вместе с тем сибирские стихи Достоевского далеко не безынтересны. Ведь они в своё время предназначались для печати и поэтому в какой-то мере позволяют судить не только о взглядах, но и о литературных симпатиях писателя.

Покинув в феврале 1854 года мрачные стены «Мёртвого дома» и став солдатом Сибирского линейного батальона № 7, Достоевский хорошо понимал, что дорога в литературу для него по-прежнему закрыта. «В солдатской шинели я такой же пленник, как и прежде»¹, — жаловался он в письме к Фонвизиной. Не имея

¹ Достоевский Ф.М. Письма. Т. 1. С. 143.

в Петербурге ни влиятельных родных, ни высокопоставленных знакомых, писатель решает на свой страх и риск предпринять попытку ускорить свою реабилитацию. С этой целью он и пишет стихи.

В апреле 1854 года, т.е. через месяц после прибытия в Семипалатинск, Достоевский пишет стихотворение «На европейские события в 1854 году», в котором пытается дать оценку политическому положению, сложившемуся тогда на Западе.

В это время Европа жила в ожидании больших событий. Уже в течение полугода шла война между Россией и Турцией. Чаша весов склонялась далеко не в сторону последней. Но на помощь туркам пришли Англия и Франция, которые объявили России войну.

Стихотворение «На европейские события в 1854 году» примыкает к так называемым «патриотическим» произведениям, в большом количестве печатавшимся тогда в официальной прессе. В них прославлялось самодержавие, его политика, осуждались союзники Турции англичане и французы.

В своём стихотворении Достоевский говорит о «богатырской» мощи России, о её особой судьбе, о её праве на господство в Азии. Он утверждает, что подобная роль предначертана ей свыше, что его страна призвана возродить Византию и что час этот настал:

Звучит труба, шумит орёл двуглавый
И на Царьград несётся величаво!

Не вызывает сомнения, что многое из того, о чём писал Достоевский в стихотворении «На европейские события в 1854 году», он говорил искренне. Во всяком случае, мысль об особой роли России писатель высказывал не однажды. Так, в письме к А.Н. Майкову от 18 января 1856 года он писал: «Разделяю с вами идею, что Европу и назначение её окончит Россия. Для меня это давно было ясно»¹.

И в то же время нельзя не почувствовать, что Достоевский сознательно окрашивает своё стихотворение в нарочито восторженный и воинственный тон с целью обратить на себя внимание и показать свою лояльность правительству.

Однако стихотворение «На европейские события в 1854 году» не получило одобрения начальства. Представленное вместе с ходатайством о напечатании через штаб Сибирского корпуса в III Отделение, оно было похоронено в его архивах.

Неудача не обескуражила писателя. Он убеждён, что путь, избранный им, наиболее верный и скорее всего поможет ему за-

¹ Достоевский Ф.М. Письма. Т. 1. С. 166.

служить прощение и получить разрешение печататься. И летом 1855 года Достоевский пишет новое стихотворение — «На первое июля 1855 года». В нём писатель поёт восторженный гимн недавно умершему Николаю I и воспеваает добродетели вдовствующей императрицы Александры Фёдоровны. Покойного императора Достоевский называет «великим» человеком, «грозным архангелом», который «нас как солнцем озарил» и «путь нам вековой в грядущем указал».

Трудно поверить, что всё это писатель говорил от чистого сердца. Ведь личность Николая I никогда не вызывала у него симпатии, и позднее он ничего подобного о нём не говорил.

Достоевский ни на минуту не забывает, для чего и с какой целью пишет своё стихотворение. Поэтому старается как можно меньше говорить о себе и тщательно скрывает свои подлинные мысли. Он хочет лишь «прошение вымолить кровавою слезой». И только в одном месте стихотворения Достоевский высказывается более или менее искренне.

Но Боже! Нам судья от века и вовек!
Ты суд мне ниспослал в тревожный час сомненья,
И сердцем я познал, что слёзы — искупленье,
Что снова русской я и — снова человек!

Уже здесь начинает звучать мысль о необходимости страдания во имя спасения, уже здесь писатель чуть ли не буквально повторяет слова, сказанные спустя полгода в письме к А.Н. Майкову: «Я всегда был истинно русский».

В целом же стихотворение «На первое июля 1855 года» свидетельствовало о глубоком духовном кризисе, который переживал в это время Достоевский. Его страшит неопределённое будущее, перспектива остаться вне литературы. Это усугублялось ещё и личной драмой, разлукой с горячо любимой им М.Д. Исаевой, которая вместе с мужем уехала в Кузнецк.

На этот раз стихотворение писателя было замечено. 24 сентября 1855 года аудиторский департамент сообщил, что не видит препятствий для смягчения участи Достоевского. А спустя два месяца новый царь Александр II «всемиловитвейше повелеть изволил»: рядового Сибирского линейного батальона № 7 Фёдора Достоевского «произвести в унтер-офицеры, во внимание к хорошему его поведению и усердной службе»¹.

Успех стихотворения «На первое июля 1855 года» окрылил писателя, и он решается предпринять новый шаг для получения очередной «милости». Коронация Александра II, которая должна

¹ Литературное наследство. Т. 22–24. М.; Л., 1935. С. 717.

была состояться летом 1856 года, натолкнула его на мысль, подобно другим литераторам, обратиться к царю со стихотворным посланием. При этом Достоевский надеялся получить офицерский чин, который свидетельствовал бы о полном прощении и позволял выйти в отставку, а кроме того, разрешал печатать свои произведения.

Новое стихотворение Достоевского «Умолкла грозная война!..» выдержано в духе политической декларации. Писатель прославляет в нём нового императора и новую эпоху, которая должна наступить после вступления на престол Александра II. Обращаясь к Христу, Достоевский просит его благословить царя и осветить Россию «светом и любовью».

Всё это не было ни новым, ни оригинальным и на тысячу ладов перепевалось многими газетами и журналами того времени. И тем не менее было бы ошибкой считать стихотворение «Умолкла грозная война!..» только данью моде. Писатель несомненно разделял те надежды, которые возлагали на нового царя многие слои русского общества. В письме к Врангелю Достоевский говорил, например: «Вы пишете, что все любят царя. Я сам обожаю его»¹.

Стихотворение «Умолкла грозная война!..» было благосклонно встречено в Петербурге, и, хотя разрешения на его печатание писатель не получил, вскоре последовало «высочайшее повеление о производстве унтер-офицера Достоевского в прапорщики»².

Сибирские стихи Достоевского были написаны в жанре торжественной оды, возрождённой официальной литературой 50-х годов XIX века. Они многословны и изобилуют огромным количеством славянизмов, выпретенных выражений, восклицательных интонаций, риторических вопросов. Создавая свои стихотворения, опальный писатель во многом отталкивался от поэтической манеры Державина, произведения которого в те годы настойчиво культивировались литераторами правительственного лагеря. Стихи у Достоевского получились холодными и рассудочными. Нет в них ни серьёзных мыслей, ни глубоких чувств. Недаром М.М. Достоевский (кстати, очень неплохой поэт и переводчик) в одном из писем в Сибирь писал брату: «Читал твои стихи и нашёл их очень плохими. Стихи не твоя специальность»³.

Это, конечно, понимал и сам Достоевский. Стихи его, вне всякого сомнения, были написаны лишь с одной целью — исходатайствовать себе прощение. Он мечтал вернуться на родину и получить возможность писать и печататься.

¹ Достоевский Ф.М. Письма. Т. 1. С. 183.

² Литературное наследство. Т. 22–24. С. 721.

³ Достоевский Ф.М. Письма. Т. 1. С. 528.

* * *

«Не могу вам выразить, — писал Достоевский А.Н. Майкову, — сколько я мук претерпел оттого, что не мог в каторге писать. А между тем внутренняя работа кипела. Кое-что выходило хорошо, я это чувствовал»¹. Творческая мысль писателя продолжала работать и после того, как за спиной остались страшные стены Омской каторжной тюрьмы. Ни на минуту не перестаёт верить Достоевский в свой талант, в то, что он может и будет писать. «Я убеждён, что у меня есть талант и что я могу написать что-нибудь хорошее»², — доверительно говорит писатель своему брату в одном из писем. Его мучит обилие материала, накопившегося за последние годы. Но с чего начать, с каким произведением вновь предстать после многих лет молчания перед читающей публикой? Достоевский надеялся, что хоть одно из его стихотворений будет опубликовано, но они так и не увидели света. Он задумал публицистическую статью о России, которая должна быть написана как «чисто политический памфлет», но дальше замысла дело не пошло.

Наблюдая за развитием литературной жизни России, Достоевский мечтает высказать свои суждения о ней. В письме к А.Е. Врангелю писатель говорит, что работает над статьёй «Письма об искусстве». «Статья моя, — писал он, — плод десятилетних обдумываний... Будет много оригинального, горячего. За изложение ручаюсь. Может быть, во многом со мною будут не согласны многие. Но я в свои идеи верю, и того довольно... В некоторых главах целиком будут страницы из памфлета. Это, собственно, о назначении христианства в искусстве»³. Эта статья также не была написана.

Позднее Достоевский предполагал выступить с целой серией статей, посвящённых современному состоянию русской литературы. Этому замыслу также не суждено было осуществиться. В письме к брату от 3 ноября 1857 года писатель сообщал: «Хотел было я, под рубрикой “Писем из провинции”, начать ряд сочинений о современной литературе. У меня много созревшего на этот счёт, много записанного, и знаю, что я обратил бы на себя внимание. И что же: за недостатком материалов, т.е. журналов за последнее десятилетие, — остановился»⁴.

Мечта написать серию литературных статей не оставляла Достоевского. Спустя год он снова пишет брату: «...у меня записано и набросано несколько литературных статей... например, о сов-

¹ Достоевский Ф.М. Письма. Т. 1. С. 166.

² Достоевский Ф.М. Письма. Т. 2. С. 559.

³ Достоевский Ф.М. Письма. Т. 1. С. 183–184.

⁴ Достоевский Ф.М. Письма. Т. 2. С. 188.

ременных поэтах, о статистическом направлении литературы, о бесполезности направлений в искусстве»¹.

Интересно, что именно с публикации литературно-критических статей Достоевский предполагал возобновить свою прерванную арестом писательскую деятельность. Он думал, что возвращение в литературу лучше ознаменовать «серьёзной статьёй (об искусстве) и на неё просить разрешение печатать; ибо на роман до сих пор смотрят как на пустяки»². И всё-таки случилось так, что Достоевский выступил перед читателями не как критик, а в своей подлинной роли, в роли прозаика.

Конечно же, Достоевскому хотелось появиться перед читающей публикой с произведением во всех отношениях безукоризненным и зрелым, хотелось, чтобы о нём сразу заговорили, сразу обратили на него внимание. Насколько серьёзно он думал об этом, свидетельствуют весьма примечательные суждения писателя, которые мы найдём в письме к А.Н. Майкову. «Идеи смолоду так и льются, — писал Достоевский, — не всякую же подхватывать на лету и тотчас высказывать, спешить высказываться. Лучше подождать... пока многое мелкое, выражающее одну идею, соберётся в одно большое, в один крупный, реальный образ, и тогда выражать его. Колоссальные характеры, создаваемые колоссальными писателями, часто создавались и вырабатывались долго и упорно. Не выражать же все промежуточные пробы и эскизы?»³

Этот «крупный, реальный образ» далеко не сразу выкристаллизовался в творческом воображении писателя из огромного количества наблюдений, материалов. В сознании Достоевского возникает один замысел произведения за другим, и это мешает ему сосредоточиться на каком-то одном. Известно, например, что ещё на каторге Достоевский обдумывал «большую повесть» и что, живя в Семипалатинске, работал над ней, но потом отложил «в сторону», так как, по словам писателя, «нужно более спокойствия духа»⁴. Вслед за этим Достоевский говорит о возникновении у него замысла «комического романа». «Роман мой, — писал он брату, — влёт меня к себе. Это сочинение очень большое. Роман комический, началось с шуточного и составилось то, чем я доволен. Будут очень и очень хорошие вещи в нём»⁵. Вскоре определение «комический» исчезает, и свой замысел писатель стал называть «большим» романом.

¹ Достоевский Ф.М. Письма. Т. 2. С. 583 (курсив Ф.М. Достоевского).

² Достоевский Ф.М. Письма. Т. 1. С. 184.

³ Там же. С. 167.

⁴ Там же. С. 86.

⁵ Достоевский Ф.М. Письма. Т. 2. С. 570.

Одновременно Достоевский начинает понемногу систематизировать и записывать свои воспоминания о страшных годах, проведённых в стенах «Мёртвого дома». «В часы, когда мне нечего делать, — пишет он в письме к А.Н. Майкову, — я кое-что записываю из воспоминаний моего пребывания в каторге, что было любопытнее»¹.

К этому времени Достоевский ведёт переговоры с редакциями журналов «Русский вестник» и «Русское слово» о напечатании своих произведений. Он решает выделить из своего «большого» романа «эпизод вполне законченный, сам по себе хороший, но вредящий целому». Этот эпизод превратился в конце концов в повесть «Дядюшкин сон», которая была опубликована в журнале «Русское слово» (1859, март). Тогда же Достоевский возвращается к замыслу «большой» повести, которую обдумывал ещё на каторге, и создаёт повесть «Село Степанчиково и его обитатели». Напечатана она была после долгих мытарств в журнале «Отечественные записки» (1859, ноябрь и декабрь).

Среди других замыслов, возникших у Достоевского во время пребывания в Сибири, можно назвать «повесть небольшую» и «роман из петербургского быта, вроде “Бедных людей”». «Обе эти вещи, — сообщал писатель брату, — были давно мною начаты и частью написаны...»² О какой повести говорит Достоевский, сказать трудно. Что же касается «романа из петербургского быта», то это, вероятнее всего, роман «Униженные и оскорблённые».

Судя по письмам, во время пребывания в Сибири Достоевский работал ещё над романом о человеке, «которого высекли и который попал в Сибирь», а также над романом «со страстным элементом». Этот последний роман писатель хотел объединить с «исповедью-романом», который задуман «в каторге, лёжа на нарах, в тяжёлую минуту грусти саморазложения»³.

Да, замыслов было много. Одни из них вот-вот готовы были вылиться в законченные произведения, другие — оформлялись в виде заметок и набросков, третьи — так и остались лишь в творческом воображении писателя.

Самым серьёзным образом обдумывая своё возвращение в литературу, Достоевский был преисполнен желания работать спокойно и сосредоточенно. Он со страхом вспоминал свою зависимость от редактора журнала «Отечественные записки» А. Краевского, для которого вынужден был писать наспех, писать даже тогда, когда работа не шла и ему с трудом удавалось заставить себя сесть за стол. Теперь писатель решает не связывать себя

¹ Достоевский Ф.М. Письма. Т. 1. С. 164.

² Достоевский Ф.М. Письма. Т. 2. С. 586.

³ Там же. С. 608.

никакими предварительными обязательствами: «...на заказ писать не буду никогда, клятву дал». Но обстоятельства сложились так, что Достоевский вновь вынужден вести переговоры с редакторами разных журналов в надежде получить аванс, а получив его, готов запродать своё перо чуть ли не на несколько лет. «И всю-то я жизнь буду писать из-за денег! — с горечью сообщает он брату. — Да хоть бы я имел даже сильный талант, и тот пропадёт в этой тоске»¹.

В том, что Достоевскому всю жизнь приходилось работать, вечно торопясь и опаздывая, виновато, на наш взгляд, не только его стеснённое материальное положение. Это было свойством натуры писателя, его характера и темперамента. Чрезвычайно взыскательный и требовательный к себе, Достоевский никогда до конца не был удовлетворён тем, что выходило из-под его пера. И это — несмотря на то, что, прежде чем начать писать, он много раз мысленно вновь и вновь обращался как к замыслу произведения в целом, так и к отдельным его частям. Работа не прекращалась даже тогда, когда произведение было уже почти закончено. А между тем сроки поджимали. Вот и приходилось торопиться, спешить.

Если же не было необходимости срочно сдавать произведение редактору или издателю, Достоевский не писал. Ему казалось, что замысел произведения ещё недостаточно глубоко продуман, что мысль, которая должна лежать в основе нового романа или повести, проявлена недостаточно чётко, что некоторые характеры и эпизоды нуждаются в более тщательной разработке и т.д. и т.п. И так могло продолжаться до бесконечности. Но в конце концов наступало время, когда всё-таки надо было писать. Тогда и начиналась та изнурительная и интенсивная работа, на которую так часто жаловался писатель, но которая в конечном итоге приносила свои плоды.

Вот эта особенность творческой индивидуальности Достоевского в какой-то мере объясняет, почему писатель, несмотря на обилие замыслов (и даже возможность писать, после того как он стал офицером), долгое время не пытался воплотить ни один из них в нечто цельное и законченное. Не было срока, не было уверенности, что его произведение увидит свет. Работа началась только тогда, когда Достоевский получил конкретный заказ — написать произведения для журналов «Русский вестник»² и «Русское слово». Это были повести «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково и его обитатели», ставшие заметной вехой в творческом развитии писателя.

¹ Достоевский Ф.М. Письма. Т. 2. С. 593–594.

² Редактор журнала М.Н. Катков, ознакомившись с повестью «Село Степанчиково и его обитатели», отказался её напечатать, и она появилась в журнале «Отечественные записки».

* * *

Много лет спустя после возвращения из сибирской ссылки, отвечая на предложение сделать инсценировку повести «Дядюшкин сон», Достоевский говорил: «Я написал её [повесть. — Н.Я.] тогда в Сибири, в первый раз после каторги, единственно с целью опять начать литературное поприще, и ужасно опасаясь цензуры (как к бывшему ссыльному). А потому невольно написал вещичку голубиного незлобия и замечательной невинности»¹.

Оценка, как видим, весьма сурова. Повесть действительно оказалась во многих отношениях слабой и прошла, по существу, незамеченной. И это понятно. На фоне великолепных произведений русских писателей, которые появились после 1856 года (романы Тургенева «Рудин» и «Дворянское гнездо», «Обломов» Гончарова, трилогия Л.Н. Толстого, «Губернские очерки» Салтыкова-Щедрина и др.), новая повесть Достоевского выглядит весьма скромно.

К повести «Село Степанчиково и его обитатели» писатель отнесся иначе. Он сам говорил, что вложил в неё «свою плоть и кровь» и нарисовал там «два огромных типических характера, создаваемых и записываемых пять лет, обделанных безукоризненно... — характеров вполне русских и плохо до сих пор указанных русской литературой»². Однако и эта повесть не получила широкого общественного резонанса и не вызвала интереса у читателей.

Объяснялось же это тем, что Достоевский в своих новых произведениях слишком уж робко затрагивал те вопросы, которыми жило русское общество накануне отмены крепостного права.читающей публике показалось, что писатель намеренно уходит от решения основных проблем общественной жизни, старается говорить о вещах, для того времени малоинтересных и даже ненужных. Кроме того, современники писателя не увидели в сибирских повестях Достоевского принципиально нового, что отличало бы их от его произведений 40-х годов.

Между тем повести, написанные в Сибири, весьма примечательное явление в творческом наследии писателя. Они логически продолжают и развивают поиски раннего Достоевского, открывают собой новый этап в его писательской деятельности.

Повесть «Дядюшкин сон», на первый взгляд, производит впечатление невинного комического рассказа. Но при внимательном чтении нельзя не заметить, что писатель затрагивает в ней и многие важные проблемы. Основное внимание автора сосредоточено, прежде всего, на создании выразительной галереи обитателей города Мордасова. Перед читателем проходят образы провинци-

¹ Достоевский Ф.М. Письма. Т. 3. М.; Л., 1934. С. 85.

² Достоевский Ф.М. Письма. Т. 1. М.; Л., 1928. С. 246 (курсив Ф.М. Достоевского).

альной «львицы», виртуоза интриги Марьи Александровны Москалёвой; её мужа Афанасия Матвейча; прокурорши Анны Николаевны Антиповой, злейшего врага и вечной соперницы Марьи Александровны; полковницы Софьи Петровны Фарпухиной, мордасовской «ходячей газеты», и т.д. Все эти люди ненавидят друг друга и ведут ожесточённую борьбу за право считаться главной личностью Мордасова. Для них нет ничего святого. Все возвышенные чувства — благородство, любовь, бескорыстие — они считают романтическим бредом. Только богатство, знатность, чины имеют в глазах мордасовцев реальную ценность. Именно поэтому князь К., дряхлый и выживший из ума старик, становится в этом обществе центром внимания и всеобщего поклонения.

Всему этому страшному миру пошлости, лжи и лицемерия Достоевский противопоставляет образ дочери Марьи Александровны — Зины. Ей душно среди людей, которые её окружают, ей претит дух стяжательства и мелочных интересов, царящий вокруг. Она всеми силами стремится вырваться из этой среды, но как это сделать, Зина не знает и, в конце концов, сдаётся, становясь очередной жертвой страшного мира произвола и корысти. Создавая образ Зины Москалёвой, Достоевский затрагивает очень важную тему, намеченную ещё в повести «Бедные люди», а затем продолженную и углублённую в романах, написанных позднее, — тему осквернённой и поруганной красоты.

Особое место в повести занимает рассказчик, от имени которого ведётся повествование. Писатель ничего не говорит о том, кто он, чем занимается, каково его общественное положение. Это лицо анонимное, «скрытое». Сам рассказчик называет себя просто «мордасовцем». Но его манера говорить, оценки, которые он даёт окружающим, ирония, пронизывающая его рассказ, выдают в нём незаурядную личность, умного и тонкого наблюдателя, стоящего на голову выше тех, о ком он повествует. Позиция рассказчика в чём-то сродни позиции самого автора. Подобный тип повествователя позднее получит у Достоевского дальнейшее углубление (например, в романе «Братья Карамазовы»).

Хотя повесть «Дядюшкин сон» и писалась, по словам самого писателя, с оглядкой на цензуру, тем не менее Достоевский сумел коснуться в ней такого злободневного вопроса, как положение русского крестьянства. В повести можно найти отголоски споров, которые велись вокруг подготавливавшейся тогда крестьянской реформы. Так, один из героев произведения, помещик Мозгляков, говорит о намерении отпустить своих крестьян на волю, так как считает, что «надобно же что-нибудь сделать для века». Подобную же мысль высказывает и князь К. Конечно, это была только рисовка, и ничего подобного ни Мозгляков, ни тем более князь

делать не собирались, но сами факты говорят о том, что Достоевский знал о готовящейся реформе и полемике вокруг неё.

В повести отразился и тот панический страх, который испытывали дворяне перед своими крепостными. Князь К. с ужасом говорит, что кучер Феофил нарочно опрокинул сани и тем самым покушался на его жизнь. А лакей Лаврентий, по словам князя, «нахватался... каких-то новых идей! Отрицание какое-то в нём явилось... Одним словом: коммунист в полном смысле слова!».

Читая повесть «Дядюшкин сон», мы чуть ли не на каждой странице встречаем знакомые ситуации, реплики, целые монологи. Кульминационная сцена, происходящая в доме Москалёвой, перекликается с развязкой «Ревизора»; финал повести Достоевского в пародийном плане воспроизводит сцену бала из романа «Евгений Онегин», молодой князь К., рассказывая о том, что он был на «дружеской ноге» с Байроном и Бетховеном, несомненно, утрированно повторяет монолог Хлестакова; разглагольствования Марии Александровны о роли женщины в семье и обществе чрезвычайно близки к рассуждениям Гоголя, изложенным в главе «Чем может быть жена для мужа» книги «Выбранные места из переписки с друзьями» и т.д. По мнению В. Кирпотина, чужие образы и ситуации Достоевский использует здесь «только как материал для водевильного построения»¹. Это не совсем так. Дело в том, что к пародированию, например, гоголевских образов писатель обращается, прежде всего, с целью поспорить с Гоголем, преодолеть влияние громадного таланта великого реалиста, которое, как казалось Достоевскому, мешало ему найти самого себя, обрести своё собственное творческое лицо. Он хочет выработать не только свой стиль, но и свой взгляд на окружающий мир. К этому писатель стремился ещё в 40-е годы. Уже в повести «Бедные люди» он пробовал полемизировать с Гоголем, но делал это очень робко. И получилось так, что Достоевский не столько спорил с ним, сколько развивал и углублял его традиции. Теперь же, возвратясь в литературу после десяти лет молчания, Достоевский преисполнен желанием заявить о себе как об оригинальном и самобытном художнике. Однако повесть «Дядюшкин сон» вряд ли можно считать творческим открытием писателя. В ней ещё слишком сильны отголоски его раннего творчества, а нарочитое стремление Достоевского пародировать в своей повести Гоголя, Пушкина и некоторых западноевропейских писателей-романтиков помешало ему создать произведение, достойное его таланта.

Повесть «Село Степанчиково и его обитатели» — произведение более интересное, глубокое и оригинальное. Достоевский

¹ Кирпотин В.Я. Ф.М. Достоевский. М., 1960. С. 512.

попытался воплотить в нём результаты своих наблюдений и раздумий за последние годы. Кроме того, ему хотелось сделать так, чтобы новое произведение было не только хорошо написано, но и не повредило ему в глазах правительства. Поэтому писатель, как и в повести «Дядюшкин сон», стремится придать своему повествованию внешне довольно безобидный характер. Между тем в основе «Села Степанчикова...» лежит мысль весьма серьёзная, а именно — может ли привести к счастью и всеобщей гармонии доброта и всепрощение? Почему подчас ничтожные и невежественные люди, которые ничего, кроме ненависти и омерзения, не могут вызвать у здравомыслящего человека, вдруг оказываются в центре внимания, становятся вершителями многих судеб, облачаются неограниченной властью?..

Достоевский убеждён, что возвышению ничтожных людей, подобных Опискину, способствуют прежде всего окружающие. Только с молчаливого согласия Ростанева и ему подобных Опискины превращаются в «пророков» и приобретают огромную власть над людьми. Вместе с тем писатель отнюдь не хотел сказать, что торжество злых начал над силами добра неизбежно. Наоборот, в повести «Село Степанчиково и его обитатели» отчётливо звучит мысль, осуждающая покорность и смирение. По мнению Достоевского, только протест может если не уничтожить, то хотя бы ограничить силы зла. Ведь только взбунтовавшись, Ростанев сумел получить своё небольшое счастье, соединиться с любимой женщиной, против чего так возражал Фома. И хотя Опискин остался в Степанчикове, безраздельному его владычеству пришёл конец. Сам Фома это отлично понимает и поэтому уже не позволяет себе так откровенно глумиться над людьми, как раньше.

В своих крупнейших произведениях Достоевский ещё не один раз обратится к характерам, в той или иной мере близким к образам Опискина и Ростанева. Отдельные черты Фомы Опискина нельзя не увидеть в Степане Трофимовиче Верховенском («Бесы») и в Фёдоре Павловиче Карамазове («Братья Карамазовы»), а черты характера «положительно прекрасного человека», подобного Егору Ильичу Ростаневу, отчётливо проступают в образе князя Мышкина («Идиот»).

Особенностью повести «Село Степанчиково и его обитатели» является то, что Достоевский вводит в неё совершенно новый тип рассказчика, который раньше не встречался в его произведениях. Повествование здесь ведётся от имени одного из действующих лиц, являющегося не только наблюдателем событий, но и их участником. Таким повествователем в «Селе Степанчикове...» является Сергей, племянник Ростанева. Достоевский наделяет

его (в отличие от рассказчика в повести «Дядюшкин сон») совершенно конкретными чертами характера, определёнными взглядами и убеждениями. Он не только рассказывает о происходящих событиях и своём участии в них, но и пытается оказать влияние на развитие действия и на поведение отдельных героев (прежде всего — на полковника Ростанева). Подобный тип повествователя можно назвать «персонифицированным» рассказчиком. Позднее такой повествователь появится в романе «Униженные и оскорблённые» (Иван Петрович), в «Записках из Мёртвого дома» (Александр Петрович Горянчиков), в романе «Бесы» (Г-в). Позиция героя-рассказчика в таком типе повествования гораздо ближе к авторской позиции, нежели в произведениях с анонимным рассказчиком. Мало того, в романе «Униженные и оскорблённые» и в «Записках из Мёртвого дома» Достоевский наделяет повествователя многими автобиографическими чертами.

В повести «Село Степанчиково и его обитатели» Достоевский продолжает полемику с Гоголем. Но здесь он выступает не против традиций гоголевского творчества, а против идей книги «Выбранные места из переписки с друзьями», ведёт, если так можно выразиться, спор идеологический. Достоевскому в сибирский период жизни были ещё во многом близки и дороги идеи, которые он исповедовал в юности (хотя от многих из них он уже отказался). Поэтому писатель критикует книгу Гоголя в основном с позиций Белинского, высмеивает именно те аспекты её, которые в своё время подверглись суровому осуждению со стороны великого критика. Достоевский разошёлся с Белинским в вопросе о революции, о самодержавии и религии, но солидарен с ним в оценке крепостного права, реакционной идеологии славянофильства и т.д.

Писатель выступает в своей повести не против Гоголя-художника, а против Гоголя-моралиста, Гоголя-проповедника, который в его сознании ассоциировался с образом Фомы Опискина. Так же, как и Фома, Гоголь, по мнению Достоевского, «выдумал себя» как «пророк», как «учитель жизни», и в этом их сходство. Недаром один из первых читателей повести, издатель журнала «Отечественные записки» А. Краевский говорил, что Фома напомнил ему «Н.В. Гоголя в грустную эпоху его жизни»¹.

Готовясь к возвращению в литературу, Достоевский много думал над формой своих будущих произведений. Уже в Сибири он понял, что отныне должен писать иначе: «Короче. — Быстрым рассказом. — Юмористично, кратко и с меткими выражениями». Эти принципы писатель и попытался воплотить в сибирских по-

¹ Цит. по кн.: Гроссман Л.Л. Жизнь и труды Ф.М. Достоевского. М.; Л., 1935. С. 96.

вестях. В отличие от произведений 40-х годов, они написаны более лаконично, в них чувствуется стремление Достоевского занимательно построить сюжет, осложнить его введением острой интриги, массовых сцен, бурных объяснений, неожиданных развязок и т.п. Кроме того, в повестях «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково...» писатель, по удачному определению Н.М. Чиркова, впервые применил «форму драматизированного романа»¹. Всё это скоро станет неотъемлемой частью композиционного построения всех больших романов Достоевского. Новым в сибирских повестях было и то, что писатель впервые обратился в них к изображению русской провинции («Дядюшкин сон») и русской деревни («Село Степанчиково и его обитатели»).

Сибирские повести Достоевского, при всех их недостатках, занимают важное место в творчестве писателя, являются связующим звеном между его ранними произведениями и большими романами, написанными после возвращения из сибирской ссылки.

* * *

Годы, проведённые в Сибири, оставили неизгладимый след в жизни и творчестве Достоевского, расширили его представления о жизни, позволили ему ближе познакомиться с народом, заставили испытать на самом себе всю бездну унижений и оскорблений, которым может подвергнуться человек. Перед его глазами прошли сотни людей, и у каждого из них была своя судьба, своё горе, свои страдания. «Сколько я вынес с каторги народных типов, характеров!.. — писал Достоевский брату. — Сколько историй бродяг и разбойников и вообще всего чёрного, горемычного быта. На целые томы достанет»².

Действительно, материалов, собранных в Сибири, Достоевскому хватило на долгие годы. На их основе были созданы «Записки из Мёртвого дома» и многие другие произведения писателя. Опубликовав повести «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково и его обитатели», Достоевский заявил о своём возвращении в литературу. И хотя оно прошло почти незамеченным и оказалось не совсем таким, как предполагал писатель, он веровал в свои силы, почувствовал себя готовым к созданию новых произведений, которые позднее принесли ему всемирную известность.

¹ Чирков Н.М. О стиле Достоевского. М., 1967. С. 33.

² Достоевский Ф.М. Письма. Т. 1. С. 139.

СВОЕОБРАЗИЕ СТИЛЯ «СИБИРСКИХ ПОВЕСТЕЙ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО¹

«Сибирские повести» — название условное. Так мы называем два произведения Ф.М. Достоевского — «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково и его обитатели», созданные писателем в Сибири после почти десятилетнего вынужденного молчания, после каторги и ссылки, в период напряжённых идейных исканий, сомнений и колебаний. Известная неопределённость и нечёткость идеологических позиций писателя в это время, оторванность от общественно-политических центров, где тогда происходила напряжённая дискуссия по всем злободневным вопросам, волновавшим русское общество после смерти Николая I и окончания Крымской войны, — всё это не могло не сказаться на содержании «сибирских повестей».

«Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково и его обитатели» — произведения переходного характера и занимают несколько особое место в творчестве Достоевского. В них чувствуется стремление писателя, с одной стороны, подвести некоторые итоги своим ранним исканиям, а с другой — наметить новые пути, по которым должно было развиваться его дальнейшее творчество.

Как и в большинстве ранних произведений, в «сибирских повестях» отражено всё то же столкновение «слабых сердец», униженных и обижаемых героев с миром насилия, алчности и хищничества². В «Дядюшкином сне» — это конфликт романтически настроенной Зины Москалёвой с ложью, стяжательством и пош-

¹ Впервые опубликовано: Проблемы художественного метода и стиля в русской литературе. М., 1980. Вып. 61. С. 18–24.

² Этим, конечно, отнюдь не исчерпывается содержание ни ранних повестей и рассказов, ни «сибирских повестей» Достоевского.

лостью окружающей её среды. В «Селе Степанчикове...» — столкновение детски наивного, стремящегося к добру и всеобщему согласию полковника Ростанева с бывшим шутом и приживалом Фомой Опискиным. Многие герои «сибирских повестей» в чём-то повторяют героев произведений Достоевского 40-х годов, например, Вася («Дядюшкин сон») Васю Шумкова («Слабое сердце»), Зина («Дядюшкин сон») Вареньку Добросёлову («Бедные люди»), Фома Опискин («Село Степанчиково») Голядкина («Двойник») и т.д.

Вместе с тем в «сибирских повестях» нельзя не заметить много нового и своеобразного, не встречавшегося у Достоевского раньше. Так, он впервые обратился в них к изображению русской провинции («Дядюшкин сон») и русской деревни («Село Степанчиково»), в отдельных героях наметил характеры будущих своих персонажей: в образе полковника Ростанева отчётливо проступают черты князя Мышкина («Идиот»), Макара Долгорукого («Подросток»), в образе Фомы Опискина — черты Степана Тимофеевича Верховенского («Бесы»), Фёдора Павловича Карамазова («Братья Карамазовы») и т.д. Обо всём этом уже в достаточной степени говорилось в некоторых исследованиях¹. Однако авторы их почти ничего не писали о художественной форме «сибирских повестей»². Между тем анализ её чрезвычайно важен для объяснения развития и формирования структуры позднейших произведений писателя.

* * *

В повестях и рассказах Достоевского, написанных в 40-е годы, можно выделить четыре типа повествования.

1. Повествование в форме переписки двух героев («Бедные люди», «Роман в девяти письмах»)³.

2. Авторское повествование («Двойник», «Господин Прохарчин», «Хозяйка», «Слабое сердце», «Чужая жена и муж под кроватью»)⁴.

3. Повествование от первого лица, при котором рассказчик в произведении либо совсем не вырисовывается, либо намечает-

¹ См., напр.: *Кирпотин В.Я.* Ф.М. Достоевский. М., 1960; *Якушин Н.И.* Достоевский в Сибири. Кемерово, 1960; *Гус М.* Идеи и образы Ф.М. Достоевского. М., 1962 и др.

² Исключение составляет работа Н.М. Чиркова «О стиле Достоевского» (М., 1967), где содержится несколько интересных наблюдений.

³ К этому типу повествования позднее писатель уже не обращался, хотя письма и переписка героев органической частью вошли во многие его произведения.

⁴ В творчестве Достоевского этот тип повествования встречается в произведениях «Скверный анекдот», «Вечный муж», «Преступление и наказание», «Идиот».

ся лишь самыми общими контурами. Это тип анонимного, «скрытого» рассказчика. Как правило, он занимает в произведении пассивную позицию, выполняя роль стороннего наблюдателя, своеобразного летописца. Вместе с тем его отношение к изображаемому в отдельных случаях совпадает с авторским. Подобный тип повествования только ещё намечался в раннем творчестве писателя («Ползунков», «Честный вор», «Ёлка и свадьба»).

4. Повествование от имени главного героя («Белые ночи», «Неточка Незванова», «Маленький герой»)¹.

Деление на эти четыре типа, конечно, условно, так как далеко не всегда можно сближать и рассматривать в одном ряду произведения, близкие только по форме. Важно и то, каким содержанием наполнена эта форма.

Следует заметить, что в конце 40-х годов большинство своих произведений Достоевский писал в виде записок и воспоминаний. Многие из них имеют даже соответствующие подзаголовки. Так, например, рассказы «Честный вор» и «Ёлка и свадьба» — «Из записок неизвестного», повесть «Белые ночи» — «Из воспоминаний мечтателя», рассказ «Маленький герой» — «Из неизвестных мемуаров».

Художественная форма «сибирских повестей» во многом близка произведениям Достоевского 40-х годов. Прежде всего, повести «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково...» тоже написаны в виде записок. Первая из них имеет подзаголовок «Из мордасовских летописей», а вторая — «Из записок неизвестного».

Кроме того, в повести «Дядюшкин сон» Достоевский продолжает разработку намеченного ещё в раннем творчестве третьего типа повествования, где рассказчик — лицо анонимное, «скрытое». Писатель ничего не говорит о том, кто он, чем занимается, каково его общественное положение. Сам рассказчик называет себя просто «мордасовцем», по имени города Мордасова, где происходят описываемые события. Но его манера повествования, оценки, которые он даёт окружающим его людям, ирония, пронизывающая повесть, выдают в нём незаурядную личность, умного и тонкого наблюдателя, стоящего на голову выше тех, о ком ему приходится рассказывать. Позиция его в повести в чём-то сродни позиции самого автора. Спустя несколько лет этот тип повествования получит у Достоевского дальнейшее развитие и углубление (например, в романе «Братья Карамазовы»).

Что же касается повести «Село Степанчиково и его обитатели», то здесь мы впервые видим совершенно новый тип рассказчика, которого раньше у писателя не было. Повествование здесь

¹ Позднее писатель обратился к этому типу повествования в романе «Игрок», повести «Записки из подполья», романе «Подросток», рассказе «Кроткая».

ведётся от имени одного из действующих лиц, которое одновременно является и непосредственным участником (а не только наблюдателем и констататором) событий, хотя и не играет в них ведущей роли. Таким повествователем в повести «Село Степанчиково...» становится племянник Ростанева Сергей, отличающийся от анонимного рассказчика «Дядюшкина сна» и других подобных произведений Достоевского совершенно конкретными чертами характера, определёнными взглядами и убеждениями. Он не только рассказывает о своей роли в происходящих событиях, о том, чему был сам свидетелем, но и пытается оказать влияние на развитие действия и на линию поведения отдельных героев (например, полковника Ростанева). Рассказчик в повести «Село Степанчиково...» — фигура сложная и разносторонняя. Подобный тип повествователя можно назвать «персонифицированным» рассказчиком. С ним мы встречаемся у Достоевского и позднее. Это Иван Петрович в романе «Униженные и оскорблённые», Александр Петрович Горянчиков в «Записках из Мёртвого дома», а также Г-в в «Бесах». Позиция героя-рассказчика в этом типе повествования гораздо ближе к авторской позиции, нежели в произведениях с анонимным рассказчиком. Мало того, в романе «Униженные и оскорблённые» и в «Записках из Мёртвого дома» Достоевский наделяет повествователя многими автобиографическими чертами.

Особенностью построения «сибирских повестей» является то, что в них рассказу об основных событиях предшествует довольно пространная экспозиция, где писатель знакомит читателя с основными участниками действия. При этом экспозиция обычно построена в виде расположенных друг за другом отдельных характеристик. В повести «Дядюшкин сон» это рассказ о Марье Александровне Москалёвой, её муже Афанасии Матвеече, её дочери Зинаиде и князе К., а в «Селе Степанчикове...» — весьма выразительные портреты полковника Егора Ильича Ростанева, его матери-генеральши и Фомы Фомича Опискина. Правда, приём этот для Достоевского не был новым. Он использовал его ещё в повести «Неточка Незванова» и рассказе «Маленький герой». Но это были произведения совсем другой структуры: там в центре повествования стоял главный герой. Теперь же, начиная с «сибирских повестей», приём этот стал применяться писателем в произведениях как с анонимным, так и с «персонифицированным» рассказчиком. Например, в романе «Бесы» описанию событий предпослана обширная характеристика Степана Тимофеевича Верховенского, в «Братьях Карамазовых» — портрет Фёдора Павловича Карамазова.

Вслед за экспозицией, открывающей «сибирские повести», следует стремительно развивающееся и нарастающее от одного со-

бытия к другому действие, все нити которого потом как в фокусе собираются в центральной и самой важной сцене, являющейся своеобразным кульминационным пунктом произведения. Именно здесь, как правило, происходят бурные объяснения и резкие столкновения основных героев, разрушающие все сложные хитро-сплетения завязанной в начале интриги.

В «Дядюшкином сне» такой сценой является рассказ князя К. о своём сватовстве, которое он якобы видел во сне, а в «Селе Степанчикове...» — сцена в гостиной, когда взбешённый подлостью Фомы Опискина полковник Ростанев вышвырнул его вон из своего дома.

Как в первой, так и во второй сценах принимает участие большое количество самых различных действующих лиц. В «Дядюшкином сне» это семья Москалёвых, князь К., Мозгляков, а также многочисленные гости. В «Селе Степанчикове...» — вся семья полковника Ростанева, генеральша Крахоткина со всем штатом своих приживалок, мать и сын Обноскины, Мизинчиков, Бахчевев и другие. Кстати, ни в одном произведении Достоевского, написанном до каторги, мы не встретим ни сколько-нибудь занимательно построенного сюжета, ни усложнённого действия, ни острой интриги, ни массовых сцен, столь характерных для более позднего творчества писателя. Первая попытка в таком роде была сделана им в «сибирских повестях».

В своей книге «О стиле Достоевского» Н.М. Чирков писал, что в «Дядюшкином сне» и «Селе Степанчикове...» Достоевский впервые применил новую форму, которую исследователь удачно назвал «формой драматизированного романа»¹. Вот этот элемент драматизации отныне становится неотъемлемой частью большинства романов писателя. Неслучайно поэтому почти все сколько-нибудь значимые его произведения хорошо поддаются инсценировке и экранизации.

Новым для творчества Достоевского было и то обстоятельство, что действие в «сибирских повестях» развивается не по одной линии, как это было в ранних произведениях писателя, а по двум. В каждую из повестей Достоевский вводит параллельную интригу, неразрывно связывая её с основным действием. В повести «Дядюшкин сон» такой интригой является история романтической любви Зинаиды Москалёвой и бедного учителя Васи, а в повести «Село Степанчиково...» — похищение Татьяны Ивановны Обноскиным.

Включение дополнительной интриги, которая усложняла действие, делала его более насыщенным, стало в дальнейшем одним

¹ Чирков Н.М. О стиле Достоевского. М., 1967. С. 33.

из важных компонентов композиции почти всех основных произведений писателя, созданных после возвращения из Сибири.

Нельзя не обратить внимания на то, что в «сибирских повестях» Достоевский по-прежнему самое пристальное внимание уделяет раскрытию самых сокровенных тайников души своих героев. Но делает он это теперь не путём показа внутреннего мира «изнутри», через исповедь и самохарактеристику, а совсем иначе. Наряду с подробными характеристиками, которые дают отдельным персонажам «сибирских повестей» повествователи-рассказчики, Достоевский широко использует приём изображения психологии героя в процессе самого действия. При этом внимание писателя сосредоточивается на характерах только отдельных героев, являющихся носителями основной мысли, основной идеи произведения и которые по каким-либо причинам близки и дороги ему и которые он стремится понять и объяснить. Наиболее отчетливо это видно в повести «Село Степанчиково и его обитатели», где Достоевский крупным планом высветил два характера — полковника Ростанева и Фомы Опискина. Все остальные персонажи повести, при всей своей самобытности и оригинальности, выполняют лишь вспомогательную, служебную роль, помогая автору осветить дополнительным светом этих героев. Сам писатель говорил, что нарисовал в «Селе Степанчикове...» «два огромных типических характера, создаваемых и записываемых пять лет, обделанных безукоризненно... — характеров вполне русских и плохо до сих пор указанных русской литературой»¹.

Приёму изображения характеров героев в процессе развития действия Достоевский отныне стал уделять самое пристальное внимание и неоднократно использовал его с большим успехом. Примером могут служить как произведения, где повествование ведёт персонафицированный или анонимный рассказчик («Бесы», «Братья Карамазовы»), так и произведения других типов.

Исследователи творчества Достоевского неоднократно отмечали, что ранние произведения писателя написаны под несомненным влиянием традиций Н.В. Гоголя. Эти традиции были продолжены и в «сибирских повестях». Но если раньше Достоевский преимущественно отталкивался от «петербургских повестей» Гоголя, то теперь его больше привлекают сатирические произведения великого писателя, такие как «Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», «Ревизор», «Мёртвые души». Однако далеко не всё принимал Достоевский в творчестве Гоголя. Если традиции лучшей поры жизни и творчества великого художника в целом были близки и понятны Достоевско-

¹ Достоевский Ф.М. Письма. Т. 1. М.; Л., 1928. С. 246 (курсив Ф.М. Достоевского).

му (хотя и там он со многим не соглашался), то другой Гоголь, Гоголь периода «Выбранных мест из переписки с друзьями», остался ему так же чужд, как и раньше, когда он участвовал в кружке Петрашевского. И вот этого Гоголя Достоевский уже в повести «Дядюшкин сон» не только не принимает, но и начинает даже (правда, сначала очень робко) пародировать. Это особенно заметно в рассуждениях Марьи Александровны Москалёвой о роли женщины в семье и обществе. Точно такие же рассуждения мы найдём в книге Гоголя «Выбранные места...» (см. главу «Чем может быть жена для мужа»). Но если Гоголь об этом говорит серьёзно, то в устах Марьи Александровны эти рассуждения звучат явно иронически, так как она ни одному своему слову не верит.

Более последовательную полемику с «Выбранными местами из переписки с друзьями» и их пародирование можно наблюдать в повести «Село Степанчиково и его обитатели». Об этом уже писали многие исследователи¹, и нет нужды повторяться.

Таким образом, начиная с «сибирских повестей», отношение Достоевского к гоголевскому наследию существенным образом меняется. Из скрытой полемики в раннем творчестве (см., например, повесть «Бедные люди») оно превращается в открытую, нередко переходя в пародию. Это свидетельствовало о стремлении писателя более чётко определить пути дальнейшего развития своего творчества, освободиться от сковывающего его в известной степени влияния громадного таланта Гоголя и найти своё собственное место в литературе. Поэтому можно сказать, что «сибирские повести», несомненно, сыграли важную роль в этом сложном и не скоро завершившемся процессе.

Итак, «сибирские повести», вне всякого сомнения, являются важным этапом в развитии творчества Достоевского как в идейном, так и в художественном отношении. Писатель искал в них новые формы повествования, композиции, сюжетного построения, новые пути раскрытия внутреннего мира героев и т.п. Всё это лишний раз говорит о том, что Достоевского в течение всего времени, проведённого в Сибири, ни на минуту не оставляла мысль о возвращении в литературу, что готовился он к этому долго и тщательно. И хотя писатель мечтал вновь предстать перед читающей публикой с произведениями более значительными, нежели «сибирские повести», и хотя он сам считал их во многих отношениях неудачными, тем не менее повести «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково...» остались заметным явлением в литературном наследию Достоевского.

¹ См., напр.: *Тынянов Ю.Н.* Достоевский и Гоголь. К теории пародии. Пг., 1921; *Кирпотин В.Я.* Ф.М. Достоевский. М., 1960 и др.

САМЫЙ ТРУДНЫЙ В МИРЕ КЛАССИК

ТЕМА ДЕТСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ

Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО¹

Имя Фёдора Михайловича Достоевского — по праву одно из самых почитаемых среди выдающихся деятелей не только русской, но и мировой литературы. И наверное, творчество ни одного писателя в мире не вызывало столько разноречивых суждений и дискуссий. Ещё при жизни Достоевского вокруг каждого его нового произведения разгорались горячие споры. Не утихают они и по сей день. По-разному относились и относятся к творчеству писателя критики и читатели. Одни безоговорочно, другие, хотя и с некоторыми поправками, принимали и принимают всё им написанное, третьи считали да и теперь считают его непонятным, странным, даже «вредным» и «плохим» писателем. Но наиболее распространённым и живучим оказалось стремление противопоставить художественные произведения Достоевского его взглядам и убеждениям. Кто же прав в этом извечном споре? Кто же он в действительности, этот самый трудный в мире классик? В чём притягательность и тайна его сочинений? Почему современные читатели вновь и вновь обращаются к творчеству Достоевского?

Н.А. Бердяев ответил на главные из этих вопросов: «Достоевский принадлежит к тем писателям, которым удалось раскрыть себя в своём художественном творчестве. В творчестве его отразились все противоречия его духа, все бездонные его глубины. Творчество не было для него, как для многих, прикрытием того, что совершалось в глубине. Он ничего не утаил, и потому ему уда-

¹ Впервые опубликовано: *Достоевский Ф.М. Избранное / сост., вступ. статья и примеч. Н.И. Якушина. М., 1998.* В силу специфики издания данная статья была оформлена без сносок.

лось сделать изумительные открытия о человеке. В судьбе своих героев он рассказывает о своей судьбе, в их сомнениях — о своих сомнениях, в их раздвоениях — о своих раздвоениях, в их преступном опыте — о тайных преступлениях своего духа. <...> Особенность его гения была такова, что ему удалось до глубины поведать в своём творчестве о собственной судьбе, которая есть вместе с тем мировая судьба человека...»

Девизом жизни и творческой деятельности Достоевского была правда — правда о жизни и правда о человеке. Писатель был убеждён, что только правда и приоритет общечеловеческих ценностей способны объединить людей и уберечь их от духовной гибели. «Правда выше Некрасова, выше Пушкина, выше народа, выше России, выше всего — писал он, — а потому надо желать одной правды и искать её, несмотря на все те выгоды, которые мы можем потерять из-за неё, и даже несмотря на все те преследования и гонения, которые мы можем получить из-за неё».

Общим и определяющим смыслом произведений Достоевского является боль об униженном человеке — «боль о человеке, который признаёт себя не в силах или, наконец, даже не вправе быть человеком настоящим, полным, самостоятельным человеком» (Н.А. Добролюбов). И действительно, страдания каждого писателя воспринимал как свои собственные и всю жизнь искал пути избавления от них.

Одна из самых пронзительных тем в творчестве Достоевского — тема страдания детей. Начиная с «Бедных людей» и кончая «Братьями Карамазовыми», он постоянно обращался к судьбам несчастных детей. Писатель был убеждён, что дети не должны мучиться, ибо они невинны и безгрешны. Наиболее ярко эта мысль нашла своё воплощение в страстной исповеди Ивана Карамазова, который отказывался принять не только мир, где возможны мучения детей, но даже и Божескую гармонию, «ибо не стоит она слезинки хотя бы одного... замученного ребёнка». Как справедливо заметил Ю.Ф. Карякин, Достоевский «из-за детей даже с самим Богом готов спорить и — спорит».

Для Достоевского каждый ребёнок — мерило нравственной ценности, идеал чистый и возвышенный; это существо, не загрязнённое пагубными страстями, без душевной и интеллектуальной раздёрзанности, характерной для взрослого человека, воплощение высшего морального критерия. Дети, писал Достоевский, «научат многому и... делают нас лучшими уже одним только нашим соприкосновением с ними. Они очеловечивают нашу душу одним только появлением между нами». Ценность каждой человеческой личности, по мнению писателя, во многом определяется его

отношением к детям, сохранением в нём самой детскости. Этой чертой, кстати, наделены многие наиболее дорогие и близкие ему по духу романские герои. Уже в ранней повести писателя «Неточка Незванова» Александра Михайловна говорит: «Мы все дети», а в последнем, итоговом романе «Братья Карамазовы» появился афоризм: «Всё — дитё!»

В произведениях Достоевского дети — не только нравственный идеал. С ними он связывал свои мечты о «будущей России честных людей» и надежды на обновление и очеловечение грядущих поколений во всём мире. Отсюда столь пристальное внимание писателя к формированию личности ребёнка. Ведь от того, в каких условиях воспитывался человек, кто и как руководил им в детстве, во многом зависит его будущее. Достоевский писал, что «без святого и драгоценного, унесённого в жизнь из воспоминаний детства, не может и жить человек».

В настоящий том включены произведения Достоевского, в котором писатель с поразительной проникновенностью запечатлел сложные процессы формирования личности ребёнка на разных этапах его духовного и нравственного развития, поиски им жизненной правды, показал, как молодой человек, вступая в жизнь, учится соотносить свои желания, страсти, поступки с мыслями о прошлом, настоящем и будущем всего человечества.

* * *

Родился Фёдор Михайлович Достоевский 30 октября 1821 года в Москве, в семье врача Мариинской больницы для бедных.

Ранние литературные впечатления будущего писателя были весьма разнообразны. Часто по вечерам в доме Достоевских устраивались семейные чтения. Читали «Историю государства Российского» и повести Н.М. Карамзина, произведения Г.Р. Державина, В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, М.Н. Загоскина, И.И. Лажечникова, а также сочинения западноевропейских писателей. По воспоминаниям А.М. Достоевского, «брат Федя больше читал сочинения исторические, серьёзные, а также и попадавшие романы. Брат же Михаил любил поэзию и сам пописывал стихи... Но на Пушкине они мирились, и оба, кажется, тогда чуть не всего знали наизусть...».

Первоначальным обучением детей в семье занимались мать с отцом и приходящие учителя. В 1833 году Фёдор вместе с братом Михаилом был отдан в полупансион француза Сушарда (Н.И. Драшусова), а через год в пансион Л.И. Чермака, где преподавали тогда известные московские учёные и педагоги. Весной 1837 года отец отвёз двух старших сыновей, Михаила и Фёдора, в Петербург для подготовки к поступлению в Главное инженер-

ное училище, куда будущий писатель был зачислен в январе следующего года. Никакого влечения ни он, ни его брат к военной службе не испытывали.

Годы, проведённые в Инженерном училище, были для Достоевского временем напряжённой внутренней работы. Добросовестно изучая специальные предметы, предусмотренные программой, он много занимался самообразованием. Своими мыслями о литературе, о своих духовных исканиях и творческих планах Достоевский постоянно делился с братом. «Я в себе уверен, — писал он в одном из писем. — Человек есть тайна. Её надо разгадать, и ежели будешь её разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком».

Тогда же Достоевский впервые взялся за перо. Известно, что в Инженерном училище им были написаны не дошедшие до нас исторические трагедии «Борис Годунов» и «Мария Стюарт».

В 1843 году Достоевский окончил училище и был зачислен на службу в Инженерный департамент, но через год вышел в отставку. Началась жизнь литератора-труженика, жизнь, полная лишений и тягот.

Живя в Петербурге, Достоевский внимательно всматривался в окружающую его действительность. Столица николаевской империи предстала пред ним со всеми своими контрастами и противоречиями. Многое ему показалось страшным и непонятным. «...Петербург, не знаю почему, — писал он, — для меня всегда казался какою-то тайною». И в эту тайну ему хотелось проникнуть, понять, как и чем живут люди громадного города, и в первую очередь обитатели нищих кварталов. Всё чаще задумывался Достоевский над участью бедных и обездоленных людей, и у него возникло страстное желание рассказать об их жизни.

Почти год работал Достоевский над романом, который назвал «Бедные люди». По совету своего приятеля Д.В. Григоровича, он познакомил с этим произведением Н.А. Некрасова, а потом В.Г. Белинского. Прочитав роман, критик пригласил к себе молодого писателя и, как вспоминал позднее Достоевский, сказал ему: «Да вы понимаете ль сами-то... что это вы такое написали!» «Это была, — говорил писатель много лет спустя, — самая восхитительная минута во всей моей жизни».

В центре романа — история чистой и возвышенной любви чиновника Макара Девушкина и юной Вареньки Добросёловой. Избранная писателем форма романа в письмах позволила с необыкновенной теплотой и лиризмом раскрыть душевную красоту и благородство своих героев, погрузить читателя в их суждения и тип мышления, объяснить трагедию их жизни изнутри. В письмах Макара Девушкина и Вареньки перед читателем рисуется

широкая панорама столичной действительности, проходит целая галерея самых разных типажей. Большинство из них такие же бедняки, живут впроголодь, ютятся в жалких углах. Люди они честные, деликатные, внимательные друг к другу. Именно эти «бедные люди», а не такие, как соблазнитель Вареньки помещик Быков, начальник Девушкина — «его превосходительство», являются подлинными носителями высоких чувств и возвышенных стремлений.

Трогательно и нежно любит Макар свою избранницу, хотя и понимает, что он совсем не пара молоденькой девушке, чувствует, что она умнее и образованнее его. Но весь жар сердца, всё, что у него есть, он готов отдать любимой. На первый взгляд, его не смущает бедность, так как он давно решил, что «всякое состояние определено Всевышним на долю человеческую. Тому определено быть в генеральских эполетах, этому служить титулярным советником; такому-то повелевать, а такому-то безропотно и в страхе повиноваться». Однако порой подобные рассуждения сменяются совсем иными, и он спрашивает: «Отчего это так всё случается, что вот хороший-то человек в запустенье находится, а к другому кому счастье само напрашивается?» Подобные мысли редко возникают у Девушкина, и они пугают его. «Знаю, знаю... — говорит он, — что нехорошо это думать, что это вольнодумство; но по искренности, по правде-истине, зачем одному ещё во чреве матери прокаркнула счастье ворона-судьба, а другой из воспитательного дома на свет Божий выходит? <...> Грешно, маточка, оно грешно этак думать, да тут поневоле как-то грех в душу лезет».

Возмущение социальной несправедливостью сменяется в нём покорностью и признанием незыблемости существующих порядков. Он и другие герои романа способны лишь сочувствовать и помогать друг другу, но не могут выступить в защиту своих прав, рассматривая своё положение как нечто раз и навсегда установленное.

Роман «Бедные люди» открывал собой целый цикл произведений Достоевского, посвящённых жизни различных слоёв населения Петербурга. Одну за другой пишет он повести «Двойник» (1846), «Господин Прохарчин» (1846), рассказы «Роман в девяти письмах» (1847), «Ползунков» (1848) и, наконец, несколько повестей о «мечтателях»: «Хозяйка» (1847), «Белые ночи» (1848), «Слабое сердце» (1848), «Неточка Незванова» (1849), в которых нельзя не видеть отражения одной из важнейших проблем, волновавших людей 30–40-х годов XIX века, — разлада между мечтой и действительностью, идеалом и реальностью.

Наиболее полно образ мечтателя Достоевский раскрыл в одной из самых своих поэтических повестей «Белые ночи», герой кото-

рой попытался уйти от действительности, забыться, погрузиться в вымышленный им самим мир.

Мечтания героя повести — это не что иное, как реакция на однообразную и пошлую жизнь, которая его окружала. Герой «Белых ночей» не способен к активному протесту и поэтому уходил в фантастический мир, который создал своим воображением. Он живёт вне времени и пространства. У него нет даже биографии, и когда Настенька попросила его рассказать свою историю, ему нечего сказать: «Историю! — закричал я, испугавшись, — историю!! Но кто вам сказал, что у меня есть моя история? у меня нет истории...» Вся его жизнь — это цепь бесконечных грёз и мечтаний. Он даже справлял «годовщину своих ощущений, годовщину того, что было прежде так мило, чего в сущности никогда не бывало...»

Мечтатель «Белых ночей» потерпел поражение в первом же столкновении с действительной жизнью. Он оказался побеждённым даже в маленькой битве за своё крошечное счастье.

Мысль с ещё большей полнотой раскрыть образ мечтателя, показать его происхождение, развитие характера, не оставляла писателя. И он задумал написать уже не повесть, а роман под названием «Неточка Незванова», который, к сожалению, остался незавершённым. Арест и ссылка помешали Достоевскому осуществить этот замысел. По мысли писателя, в центре романа должна была находиться история жизни Неточки Незвановой. Он хотел проследить все этапы становления её личности с самого раннего детства. В характере Неточки с детства формируются черты, которые уведат её от реальной жизни. Она росла задумчивым, нелюдимым ребёнком, погружённым в мир фантастических мечтаний. Вместе с тем Неточка стремилась к жизни, к общению с простыми, обыкновенными людьми. Её интересовали их чувства, стремления, страдания и горести. Но Неточка слишком ушла в себя, слишком одурманила себя грёзами, чтобы самой попытаться выйти в иной мир, в мир настоящей, подлинной жизни. Столкновение с действительностью произошло у неё случайно, точно так же, как и у других героев-мечтателей Достоевского. «Действительность поразила меня врасплох, среди лёгкой жизни мечтаний, в которых я провела уж три года», — говорит Неточка. Жизнь предстаёт перед ней как клубок противоречий, как столкновение добра и зла, как порабощение добра злом. Но в отличие от героев-мечтателей, нарисованных Достоевским в повестях «Хозяйка», «Белые ночи», «Слабое сердце», Неточка не была слабым, лишённым воли, человеком. Она особый тип мечтателя. Если многие герои Достоевского становились мечтателями в силу жизненных обстоятельств и уход в фантастический мир у них являлся своего рода

реакцией, противодействием страшной действительности, то Нечка стала мечтательницей по причине уродливого воспитания, по причине воздействия на её характер окружающих людей. Она деятельная и активная по природе натура, и вероятно, Достоевский в ненаписанных главах романа показал бы выход своей героини в реальный мир, её отказ от фантастических грёз.

Творчество Достоевского в 1840-е годы развивалось под несомненным воздействием Белинского, который принял живейшее участие в судьбе молодого писателя. Он ввёл его в кружок передовых русских литераторов и, по словам Достоевского, «стал настойчиво обращать его в свою веру». Много лет спустя писатель вспомнил: «Я уже в 46 году был посвящён во всю *правду*... грядущего “обновлённого мира”... ещё Белинским». А в другом месте утверждал: «Я страстно принял всё учение его». Однако вскоре между ними наметились серьёзные разногласия, которые касались вопросов как общественных, так и литературных.

Главной задачей литературы Белинский считал борьбу с существующими порядками и пропаганду социалистических идеалов. Достоевскому же казалось, что критик силился «дать литературе частное, недостойное ей назначение», видя в ней прежде всего средство разрешения насущных проблем современности. Молодой писатель был убеждён, что задачи, стоящие перед литературой, гораздо шире и глубже, что она призвана постигнуть сложность и изменчивость характера человека, живущего в неустроенном и полном кричащих противоречий мире, проникнуть в сокровенные тайники его сознания и раскрыть, что мешает ему обрести человеческое достоинство. Особенно непримиримо писатель относился к атеизму критика, отрицавшего бессмертие души и Божественное происхождение Христа. Разногласие Достоевского с Белинским отчётливо проявилось после выхода в свет повести «Двойник», которая была воспринята критиком весьма сдержанно. А следующие произведения молодого писателя — «Хозяйка» и «Господин Прохарчин» — были встречены им с полным разочарованием. Белинский усмотрел в них отход от реализма.

В начале 1847 года Достоевский порвал с Белинским и его кружком. Но связи молодого писателя с общественным движением не прервались. Ещё в марте 1846 года он познакомился с бывшим служащим Министерства иностранных дел М.В. Буташевичем-Петрашевским, а с весны 1847 года стал постоянным посетителем его «пятниц». На собраниях у Петрашевского обсуждали политические, философские и социально-экономические вопросы, спорили об учениях социалистов-утопистов, Фурье и Сен-Симона. Петрашевцы выдвинули широкую программу де-

мократических преобразований в России, включавшую отмену крепостного права, реформы суда и печати, активно пропагандировали идеи утопического социализма.

На «пятницах» у Петрашевского Достоевский читал знаменитое письмо Белинского к Гоголю, вольнолюбивые стихи Пушкина, принимал активное участие в обсуждении вопросов об изменении общественного устройства России.

В ночь с 22 на 23 апреля 1849 года по личному приказу Николая I все члены кружка Петрашевского были арестованы и заключены в Петропавловскую крепость. Почти девять месяцев провёл Достоевский в сырых казематах Алексеевского рavelина, но это не сломило его духа. Он продолжал живо интересоваться всем, что происходило на свободе, просил брата присылать ему побольше книг и спешил поделиться с ним мыслями о прочитанном и своими замыслами. «Я времени даром не потерял, — писал он брату Михаилу, — выдумал три повести и два романа; один из них пишу теперь...» Однако ничего законченного (за исключением небольшого рассказа «Маленький герой») ему создать не удалось.

Во время следствия Достоевский держался с достоинством, стараясь выгородить своих товарищей. Он утверждал, что не разделял взглядов на социализм и революцию, обсуждавшихся в кружке Петрашевского, а интересовался этими вопросами лишь теоретически. О своих товарищах вообще отказывался давать какие-либо показания, ссылаясь на свою неосведомлённость. Однако это не мешало Следственной комиссии признать его «одним из важнейших преступников». Военный суд приговорил Достоевского и двадцать других петрашевцев к расстрелу.

22 декабря 1849 года на Семёновском плацу в Петербурге над петрашевцами был произведён обряд подготовки к смертной казни, и только в последнюю минуту им сообщили окончательный приговор. Достоевский, в частности, был осуждён на четыре года каторжных работ и солдатчину.

Наказание писатель отбывал в Омской каторжной тюрьме, а затем в Сибирском линейном батальоне № 7, расквартированном в Семипалатинске.

На каторге Достоевский впервые близко узнал жизнь простого народа. Писатель был поражён, когда увидел, с какой ненавистью обитатели острога относились к заключённым из дворян, в том числе и к осуждённым за политические преступления. Осознание трагического разъединения образованного сословия с народом стало одним из основных аспектов духовной драмы Достоевского. Он снова и снова возвращался к прошлому, тщательно, шаг за шагом, анализировал его, пытался ответить на вопрос, а верен ли тот путь, по которому шёл он и его друзья.

В итоге этих размышлений сложилось представление о том, что интеллигенция должна отказаться от политической борьбы и сосредоточить свои усилия на распространении в народе «грамотности и образования». Именно это, по мысли Достоевского, позволит примирить «цивилизацию с народным началом», восстановить разорванные связи между ними. Одновременно образованное сословие должно вернуться к народным истокам, основным содержанием которых, по убеждению писателя, является глубокая религиозность, терпимость, способность к самопожертвованию. Его начинают страшить любые революционные выступления. Политическую борьбу он стал считать величайшим заблуждением и противопоставлял ей морально-этический путь перевоспитания человека.

Живя в Семипалатинске, Достоевский не оставляет мысли о возвращении в литературу и пробует писать, но работает беспорядочно, урывками: мешает казарменная обстановка, отсутствие связей с литературной средой. За три первых года после каторги он ничего не писал.

В начале 1857 года в жизни Достоевского произошло важное событие: он женился на вдове отставного чиновника Марии Дмитриевне Исаевой и начал хлопотать об отставке. Но прошло без малого два года, прежде чем ему удалось её добиться. А пока приходилось по-прежнему тянуть ненавистное бремя военной службы. Однако главным занятием для него становится литература. Он много и напряжённо работает, и вскоре одну за другой оканчивает повести «Дядюшкин сон» (1859) и «Село Степанчиково и его обитатели» (1859), которые условно называют «сибирскими».

В мае 1859 года писатель получил известие о том, что «увольняется за болезнью от службы», и в начале июня навсегда покинул Сибирь. После непродолжительного пребывания в Твери, где ему первоначально было разрешено поселиться, он в конце 1859 года вернулся в Петербург.

Россия в то время переживала мощный общественный подъём, связанный с подготовкой и проведением крестьянской реформы. В стране обострились социальные противоречия, чётко обозначилось размежевание между различными направлениями общественно-политической мысли. Достоевский спешит принять непосредственное участие в обсуждении политических и литературных вопросов современности. Он убеждён, что должен высказаться и поведать людям о своём новом миропонимании, сложившемся в течение долгих лет каторги и ссылки в стройную, как ему кажется, систему взглядов. Свои мысли по вопросам общественной жизни и литературы писатель изложил на страницах

журнала «Время», который начал издавать с 1861 года его брат Михаил. Однако фактическим редактором издания был Фёдор Михайлович.

Идейной платформой «Времени» стала теория «почвенничества», сущность которой была сформулирована Достоевским в «Объявлении о подписке на журнал “Время” на 1861 год» и в ряде публицистических статей, где, в частности, развивалась мысль, что реформы Петра, несмотря на всю их необходимость, явились причиной того, что произошёл трагический отрыв культурных слоёв общества от народной «почвы». Если на определённом этапе исторического развития этот разрыв был оправдан, то теперь настало время преодолеть его, образованные слои общества должны сблизиться с народом, вернуться к «почве». По мнению Достоевского, перед ними стоит задача уничтожить словесные различия, поделиться с народом знаниями и приобщить его к культуре, а самим, в свою очередь, воспринять от народа высокие моральные устои его жизни: идеи добра, справедливости, способность отзываться на чужое горе, стремление помогать друг другу. Писатель считал, что Россия должна развиваться по особому, только ей свойственному, историческому пути, который поможет избежать революционных и иных общественных потрясений. В России, утверждал писатель, никогда не исчезала духовная связь между правящими классами и народом, и поэтому все социальные противоречия между ними могут быть разрешены мирным путём, чему в немалой степени должна способствовать крестьянская реформа. Отсутствие «взаимной вражды сословий» Достоевский и другие «почвенники» объясняли «самой природой» русского духа, сущностью «идеалов народных». Свою задачу они видели также в том, чтобы сгладить противоречия между демократами и либералами, славянофилами и западниками, призвать их к духовному примирению. Подобное желание занять надклассовую позицию, встать выше общественной и политической борьбы своего времени привело к тому, что журнал «Время» оказался под огнём критики как либералов и консерваторов, так и революционных демократов.

Первым крупным произведением, опубликованным Достоевским после возвращения из Сибири, был роман «Униженные и оскорблённые» (1861).

В основе сюжета романа лежат трагические истории двух семей: бедного дворянина Ихменева и фабриканта-англичанина Смита, разорённых богатым авантюристом князем Валковским. Рассказывая о судьбе дочери Смита и его маленькой внучке Нелли, писатель замечает, что «это была... одна из тех мрачных и мучительных историй, которые так часто и неприметно, поч-

ти таинственно, сбываются под тяжёлым петербургским небом, в тёмных, потаённых закоулках огромного города, среди взбалмошного кипения жизни, тупого эгоизма, сталкивающихся интересов, угрюмого разврата, сокровенных преступлений, среди всего этого крошечного ада бессмысленной и ненормальной жизни».

Достоевский считает, что в мире, где господствует власть денег, жестокость и угнетение, единственной защитой «униженных и оскорблённых» от всех жизненных невзгод является братская помощь друг другу, любовь и сострадание.

Миру «униженных и оскорблённых» в романе противопоставлена злоецащая фигура князя Валковского. Человек он жестокий, злой, циничный. Ради собственной выгоды он не останавливается ни перед чем: ограбил и бросил жену с маленькой дочкой, обобрал сына и его невесту, ошельмовал и возбудил уголовное дело против своего бывшего управляющего Ихменева, кристально честного человека. Он безгранично эгоистичен. «Всё для меня, и весь мир для меня создан», — говорит Валковский. «Люби самого себя — вот одно правило, которое я признаю. <...> Идеалов не имею и не хочу иметь...» — цинично заявляет он.

Князь Валковский — это герой-идеолог, чётко и ясно формулирующий свою философию жизни. Его образ во многом превосходит более глубоко и тщательно разработанные характеры Человека из подполья, Лужина, Петра Верховенского, Ставрогина и других героев произведений Достоевского, созданных в 60–70-е годы. Поэтому роман «Униженные и оскорблённые» можно считать первым опытом романа нового типа, принятого теперь называть «идеологическим».

Одновременно с романом «Униженные и оскорблённые» Достоевский опубликовал «Записки из Мёртвого дома» (1860–1862), одно из самых выдающихся своих произведений, в котором нашли отражение впечатления о страшных годах, проведённых в Омской каторжной тюрьме, и определились многие важные моменты нового мировоззрения художника.

«Записки из Мёртвого дома» — это книга очерков, каждый из которых логически завершён и воспринимается как нечто цельное и законченное. Единство всех глав определяет постепенное познание и осмысление автором разных сторон жизни каторги. Книга написана от лица каторжника Александра Петровича Горяничкова, осуждённого за убийство жены. Однако очень скоро писатель как бы забывает о нём, и уже начиная со второй главы читатель узнаёт, что рассказчик попал на каторгу не за уголовное, а за политическое преступление. В его взглядах, суждениях отчётливо проступают мысли самого Достоевского.

С первых страниц «Записок из Мёртвого дома» автор погружает нас в зловещую атмосферу острожной жизни: грязная и мрачная арестантская казарма, картины тяжкого подневольного труда каторжников, тюремная больница, где даже с умирающих не снимают кандалов, произвол и надругательства, творимые тюремной администрацией. Писатель рисует целую галерею обитателей каторги. Среди них немало разбойников и убийц, но в основном это люди, осуждённые за попытки протеста против насилия и произвола, выступившие в защиту поруганного человеческого достоинства. Поэтому Достоевский с полным основанием заявлял, что на каторге встретился не с худшими, а с лучшими представителями народа. Суровыми и горькими словами завершает свою книгу писатель: «И сколько в этих стенах погребено напрасно молодости, сколько великих сил погребло здесь даром! Ведь надо уж всё сказать: ведь этот народ необыкновенный был народ. Ведь это, может быть, и есть самый даровитый, самый сильный народ из всего народа нашего. Но погибли даром могучие силы, погибли ненормально, незаконно, безвозвратно. А кто виноват? То-то, кто виноват?»

«Записки из Мёртвого дома» — глубоко гуманная книга. В ней выражена вера писателя в человека, его стремление в каждом преступнике, как бы низко он ни пал, увидеть или, говоря словами самого Достоевского, «откопать человека», выявить то ценное, что сохранилось в нём, несмотря на ужасающие обстоятельства.

Летом 1862 года Достоевский впервые выехал за границу. Он побывал в Германии, Италии, Франции, Швейцарии, посетил Лондон, где встретился с А.И. Герценом. Свои впечатления от заграничного путешествия писатель изложил в цикле очерков «Зимние заметки о летних впечатлениях» (1863), где высказал мысль, что Европа утратила способность к развитию, что у неё нет будущего и там никогда не восторжествуют идеи социальной справедливости, поскольку люди, живущие на Западе, в силу господства в их среде эгоистических и индивидуалистических начал, лишены стремления к братству. Такие стремления, считал писатель, есть только в России, где народные массы, не утратив своего исконного тяготения к общинным началам, сохранили «всемирное боление за всех», и поэтому только одна Россия может указать Западу путь к общечеловеческому единению и братству.

В «Зимних заметках о летних впечатлениях» отчётливо проявилось несогласие Достоевского со взглядами революционных демократов, считавших, что поведение человека зависит в первую очередь от социальных условий, в которых он живёт. По его мнению, общественное лицо человека формируется не только под влиянием обстоятельств, а прежде всего его «натурой», сложив-

шейся в известных национально-исторических условиях на протяжении многих веков.

В апреле 1863 года журнал «Время» был закрыт за публикацию статьи Н.Н. Страхова «Роковой вопрос», посвящённой польскому восстанию, которую цензура посчитала идущей вразрез с официальной политикой правительства.

В 1864 году М.М. Достоевский получил разрешение на издание нового журнала под названием «Эпоха». К тому времени общественный подъём, охвативший русское общество в 1861–1862 годах, пошёл на убыль. После ареста крупнейших деятелей революционно-демократического лагеря — М.Л. Михайлова, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Серно-Соловьевича — и поражения польского восстания Достоевский начал вести активную полемику с идеями социализма и материализма. Причём полемическими выпадами против представителей революционной демократии были пронизаны не только публицистические статьи писателя, но и его художественные произведения. Так, в 1864 году он опубликовал повесть «Записки из подполья», направленную против романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?» и теории «разумного эгоизма», разработанной в нём.

Суть философской идеи, положенной в основу повести Достоевского, была изложена писателем ещё в «Зимних заметках о летних впечатлениях»: человеческую жизнь нельзя строить на «разумном основании». В «Записках из подполья» Достоевский развернул этот тезис в целую философскую концепцию, согласно которой социальное переустройство и обновление жизни на основе отвлечённых теорий невозможно, что мечты о будущем совершенном обществе бесперспективны, если они продиктованы только разумом. Разум человеческий противоречив и обманчив, и поэтому на его основе ничего нельзя построить.

Год 1864-й был для Достоевского трудным. После долгой болезни умерла Мария Дмитриевна, жена писателя. В том же году скончался Михаил Михайлович Достоевский. Со смертью брата Достоевский потерял близкого друга и единомышленника. Отныне все заботы по журналу «Эпоха» пали на его плечи. А забот было немало. Достоевскому приходилось не только редактировать журнал, но и вести все дела, связанные с его изданием. Кроме того, после брата осталось множество всякого рода долговых обязательств, которые писатель выплачивал почти до конца жизни.

Журнал «Эпоха» успеха у публики не имел, и Достоевский в феврале 1865 года был вынужден прекратить его издание. Пытаясь как-то поправить свои материальные дела, писатель заключил с книгоиздателем Ф.Т. Стелловским кабальный договор, согласно

которому он обязывался до 1 ноября 1866 года написать новый роман для готовившегося к печати собрания своих сочинений, а в случае невыполнения этого пункта договора на девять лет терял право собственности на все свои произведения.

Время шло, а к работе над романом писатель никак не мог приступить. Когда же до срока оставался один месяц, он по совету друзей обратился за помощью к стенографистке и за двадцать восемь дней продиктовал ей роман «Игрок» (1866). Совместная работа над романом сблизила Достоевского и Анну Григорьевну Сниткину, и спустя некоторое время он предложил ей стать его женой.

Вскоре после закрытия «Эпохи» Достоевский задумал написать роман «Пьяненькие», в котором намеревался рассказать историю семьи пьяницы-чиновника, продолжая разработку темы «униженных и оскорблённых». Однако этот замысел осложнился: у писателя возникали новые темы, идеи, образы, которые воплотились в большом романе «Преступление и наказание» (1866), а сюжет «Пьяненьких» стал одной из его составных частей.

«Преступление и наказание» — одно из самых сложных и совершенных произведений Достоевского, подобного которому раньше не было ни в русской, ни в мировой литературе. Писатель попытался решить множество проблем: от социальных и нравственных до философских. «Перерыть все вопросы в этом романе» — вот какую задачу поставил он перед собой.

Как отмечал Достоевский, его произведение — «это психологический отчёт одного преступления», преступления, которое совершил студент Родион Раскольников, убивший старуху-процентщицу. Однако в романе речь идёт не об обычном уголовном преступлении. Это, если так можно выразиться, идеологическое преступление, а исполнитель его — преступник-мыслитель, убийца-философ. Он убил ростовщицу отнюдь не во имя обогащения и даже не ради того, чтобы помочь своим близким: матери и сестре. Это преступление явилось следствием трагических обстоятельств окружающей действительности, результатом долгих и мучительных размышлений героя романа о своей судьбе, судьбе всех «униженных и оскорблённых», о социальных и нравственных законах, по которым живёт человечество.

Жизнь предстаёт перед ним как клубок неразрешимых противоречий. Повсюду он видит картины нищеты, бесправия, подавления человеческого достоинства. На каждом шагу встречаются отверженные и гонимые люди. Да и сам Раскольников оказался не в лучшем положении. Ему тоже, по существу, некуда пойти. Живёт он впроголодь, ютится в жалкой каморке, похожей на шкаф, откуда его грозят вышвырнуть на улицу. Трагически скла-

дывается судьба его матери и сестры. Всё это заставляет Раскольникова задуматься о том, что же происходит вокруг, как устроен этот бесчеловечный мир, где господствуют несправедливая власть, жестокость и корыстолюбие, почему никто не протестует и все молчат, покорно неся бремя нищеты и бесправия. И ему показалось, что существующие законы вечны и неизменны, что природу человеческую ничем и никогда ни исправить, ни преобразовать невозможно. Опираясь на примеры, взятые из истории (Магомет, Наполеон и др.), он пришёл к выводу, что все люди делятся на необыкновенных, которым ради высших соображений «всё позволено», позволено переступать любые человеческие законы, и обыкновенных, удел которых терпеть и покоряться. «...Люди, — говорит Раскольников следователю Порфирию Петровичу, — по закону природы, разделяются *вообще* на два разряда: на низший (обыкновенных), то есть, так сказать, на материал, служащий единственно для зарождения себе подобных, и собственно на людей, то есть имеющих дар или талант сказать в среде своей *новое слово*». Иначе говоря, во имя якобы высших целей совершать любые поступки и даже преступления.

На первый взгляд, из некоторых рассуждений Раскольникова можно сделать вывод, что в его теории есть некие альтруистические мотивы — отомстить за боль и страдания «униженных и оскорблённых», избавить себя и свою семью от безысходной нужды и в будущем облагодетельствовать человечество («Сто, тысячу добрых дел... на старухины деньги...»). Однако в разговоре с Соней Мармеладовой он более определённо объясняет причину, толкнувшую его на преступление: «Не для того я убил, чтобы, получив средства и власть, сделаться благодетелем человечества. Вздор! Я просто убил: для себя убил, для себя одного; а там стал бы я чьим-нибудь благодетелем или всю жизнь, как паук, ловил бы всех в паутину и из всех живые соки высасывал, мне, в ту минуту, всё равно должно было быть!..»

Раскольников, человек совестливый и легкоранимый, не может хладнокровно смотреть на ужасы и несчастья, преследующие людей в обществе. Отсюда, по словам Достоевского, «его идея: взять во власть это общество». С этой целью он и решил путём преступления испытать себя, проверить, может ли он стать властелином: обыкновенный он человек или необыкновенный, кто он: «Тварь ли я дрожащая или право имею...»; «...вошь ли я, как все, или человек?».

Идея Раскольникова о «праве на кровь», о праве утвердить своё «я» путём преступления могла возникнуть как реакция на несправедливое устройство мира, как бунт против него. Но путь, избранный героем романа, ложен, его протест против бесчеловечных

законов существующего общества оказался несостоятельным, потому что он носил антигуманный характер. И это он не сразу, но всё-таки осознал.

Характер Раскольникова противоречив. Он весь в сомнениях, колебаниях. В нём причудливо сочетаются непомерная гордость, озлобленность, холодность с мягкостью, добротой, отзывчивостью к чужим несчастьям. В его сознании всё время происходит напряжённая борьба. Он постоянно спорит с самим собой, пытается убедить себя в правильности своей теории. Сначала ему кажется, что после убийства старухи-процентщицы его отношение к миру и людям не изменилось. Но, совершив преступление, Раскольников, по словам Достоевского, испытывает «чувство разомкнутости и разъединённости с человечеством», и это «замучило его». Он начинает ощущать себя отщепенцем, понимает, что между ним и окружающими людьми образовалась пропасть, что он переступил нравственный барьер и сам поставил себя вне законов человеческого общества. «Разве я старушонку убил? — с горечью говорит Раскольников Соне. — Я себя убил, а не старушонку!» Муки совести, сознание своей духовной опустошённости привели его в конце концов к тому, что он, по совету Сони, идёт с повинной и отдаёт себя в руки правосудия.

Понять характер, взгляды, мотивы поведения и поступков героя во многом помогает соотнесение его образа с другими персонажами романа.

Трагична история семьи Мармеладовых. Потрясает душу рассказ старого пьяницы-чиновника о своей жизни, о муках и страданиях жены Катерины Ивановны, о судьбе дочери Сонечки, вынужденной ради спасения детей от голода пожертвовать собой. Мармеладов гибнет, раздавленный лошадьми, умирает Катерина Ивановна, выброшенная вместе с детьми на улицу. Для Раскольникова их судьбы олицетворяют трагическую безысходность жизни бедных и обездоленных людей и приводят его в конечном счёте к мысли о том, что так больше жить невозможно.

Особое место в романе занимает образ Сони Мармеладовой, судьбу которой Раскольников соотносит с судьбой всех «униженных и оскорблённых». В ней он увидел символ вселенского горя и страдания, и, целуя её ноги, он «всему страданию человеческого поклонился». Образ Сонечки преследует его, на каждом шагу встречает он подобных ей отверженных и страдающих. Размышляя об участи своей сестры Дуни, Раскольников восклицает: «Сонечка, Сонечка Мармеладова, вечная Сонечка, пока мир стоит!»

Своеобразную роль играют в «Преступлении и наказании» Лужин и Свидригайлов. Это как бы двойники Раскольникова. Ка-

залось бы, что может быть общего между ним и беспринципным дельцом и приобретателем Лужиным, с одной стороны, и «нравственным квазимодо», шулером и убийцей Свидригайловым — с другой? Между тем сам Раскольников, встретившись с Лужиным, убеждается, что их многое сближает. Он видит, что ради наживы, ради упрочения своего благополучия тот готов на любую подлость. В основе его поведения лежит принцип: «...возлюби, прежде всех, одного себя, ибо всё на свете на личном интересе основано». Слушая Лужина, Раскольников не мог не почувствовать, что подобные суждения есть не что иное, как умеренный вариант его собственной теории.

Ещё больше точек соприкосновения у Раскольникова и Свидригайлова, который не без основания говорит, что между ними имеется «точка общая» и что «они одного поля ягоды». Человек он циничный, развратный и одновременно в глубине души сознающий свою нравственную опустошённость. Он ни во что не верит и давно утратил ощущение различия между добром и злом. И если принципы Лужина в конце концов могут привести к теории Раскольникова о «праве» на преступление, то та же теория в своём развитии неминуемо должна выродиться в свидригайловщину, привести к полному моральному разложению личности.

Близость взглядов Лужина и Свидригайлова к теории Раскольникова лишний раз подчеркивает её губительность и аморальность.

По мнению Достоевского, идея Раскольникова явилась во многом результатом абстрактных «кабинетных» мудрствований и «отвлечённых» доводов рассудка, оторванных от жизни, от «почвы», и в основе её лежат материалистические идеи и атеизм. И хотя писатель в своём произведении не связал эту теорию с идеями социалистов и революционеров, тем не менее он в известной степени сопоставлял их, поскольку считал любые революционные выступления, любые формы революционной борьбы в чём-то сходными с анархическим бунтом героев-одиночек.

Против индивидуалистической теории Раскольникова в романе — каждый по-своему — выступают Порфирий Петрович, Разумихин и Соня Мармеладова. В отличие от «отвлечённых доводов разума», породивших человеконенавистнические взгляды Раскольникова, эти герои проповедуют необходимость «простого», «цельного» отношения к жизни. Порфирий Петрович, например, советует Раскольникову: «...Вы лукаво не мудрствуйте: отдайтесь жизни прямо, не рассуждая: не беспокойтесь, — прямо на берег вынесет и на ноги поставит». Признать существующую жизнь такой, как она есть, примириться с ней, положиться на Господнее провидение убеждает Раскольникова и Соня Мармеладова.

В романе звучит призыв Достоевского к преодолению эгоизма, к смирению, христианской любви к ближнему, очистительному страданию. Только таким путём человечество может спастись от скверны и выйти из нравственного тупика, только этот путь может привести его к счастью.

Мысль об очистительной силе страдания чётко сформулирована Достоевским в «эпilogue». Уже в первый год пребывания на каторге, после мучительных переживаний Раскольников «воскрес», и вместо «диалектики» (так писатель называл оторванную от жизни теорию) в его «сознании должно было выработаться что-то совершенно другое». Достоевский говорит, что Раскольникова ожидает «постепенное обновление», «постепенное перерождение», возвращение к людям, к жизни. Правда, замечает писатель, «он даже и не знал того, что новая жизнь не даром же ему достанется, что её надо ещё дорого купить, заплатить за неё великим будущим подвигом...». Но, по мнению автора, Раскольников готов принять муки, страдания во имя этой «новой жизни».

Роман «Преступление и наказание» отразил тревогу Достоевского и за судьбу России, за судьбы человечества. Его страшили всё усиливающаяся власть денег, падение нравственности, нарастание преступлений. И он настойчиво искал выход из кричащих противоречий современного ему общества.

В 1867 году, спасаясь от кредиторов, Достоевский уезжает за границу. И только в конце 1871 года, после того как ему удалось частично расплатиться с долгами, он смог вернуться в Петербург.

Среди произведений писателя, созданных в 60-е годы, исключительное место занимает роман «Идиот», опубликованный в 1868 году. Вот что он писал о замысле: «Идея романа — моя старинная и любимая, но до того трудная, что я долго не смел браться за неё... Главная мысль романа — изобразить положительно прекрасного человека. Труднее этого нет ничего на свете, а особенно теперь».

Таким «положительно прекрасным человеком» в романе «Идиот» стал князь Мышкин. Его многое роднит с героями прежних произведений: с Мечтателем из «Белых ночей»; с Иваном Петровичем из «Униженных и оскорблённых». Человек добрый, по-детски наивный и непосредственный, Мышкин с любовью и состраданием относится ко всем несчастным и обиженным независимо от того, кто они и каково их социальное положение. Он убеждён, что «сострадание есть главнейший и, может быть, единственный закон бытия всего человечества». В характере героя писателю дорога прежде всего его вера в то, что каждый человек носит в душе светлое начало. Он преисполнен любви к окружающим и мечтает о гармонических отношениях с ними. В его образе Достоевский

намеревался воссоздать своё представление о совершенном человеке, сродни Христу, который был для писателя не только Богом, сколько идеальной во всех отношениях личностью.

Но Мышкин живёт в мире, переполненном острыми конфликтами и противоречиями. В романе изображено сложное время, время переходное, беспокойное, когда рушились привычные, давно сложившиеся традиции и на злобу дня вставляли новые тревожные вопросы бытия. Развитие буржуазной цивилизации, всё возрастающая власть денег повлекли за собой разрушение моральных устоев, привычных понятий, разобщённость и разъединённость, чудовищный рост преступности. В этих условиях призыв Мышкина к добру, любви и состраданию к ближнему, его стремление примирить жестоких, эгоистичных, корыстолюбивых людей с обиженными, несчастными, бесправными терпит неудачу. Судьба героя Достоевского чем-то напоминает судьбу Дон Кихота, искренне желавшего людям добра и счастья, но не понятого и осмеянного ими. Проповедь Мышкина христианской любви и согласия терпит крушение. Она оказалась бессильной перед миром злобы, цинизма, разнузданных страстей и жажды наживы.

Большое место в романе занимает тема поруганной красоты, глубоко и убедительно раскрытая Достоевским в образе Настасьи Филипповны, одного из самых обаятельных и привлекательных характеров во всём творчестве писателя. Женщина удивительной красоты и внутренней чистоты, Настасья Филипповна неизмеримо выше своего окружения. Она горда и духовно независима. Ей чужды меркантильные побуждения и корыстные расчёты. Но общество, в котором она вынуждена жить, губит её. Воспитанная в доме помещика Тоцкого, Настасья Филипповна становится предметом купли и продажи. Стремясь к нравственному возрождению, мечтая о новой жизни, она в то же время ощущает себя существом искалеченным и навеки погибшим. Этим и объясняется необузданное желание отомстить за свою изломанную жизнь. Князь Мышкин был первым, кто понял глубину страданий и мук, истерзавших душу этой женщины. И Настасья Филипповна потянулась к нему. Ей показалось, что он способен спасти, защитить её. Но Мышкин мог предложить ей лишь любовь-жалость, любовь-сострадание. Таковую любовь она принять не может, так как не хочет воспользоваться его великодушием. Отсюда её лихорадочные метания между князем, в котором она видела олицетворение нравственной чистоты и совершенства, и купцом-миллионщиком Рогожиным, на котором Настасья Филипповна вымещает все накопленные обиды и связь с которым грозит ей неминуемой гибелью.

«С этакою красотой можно мир перевернуть!» — говорит Аделаида Епанчина о Настасье Филипповне. Однако красота не перевернула, не изменила, не спасла мир. Она сама оказалась погубленной миром Тоцких, Епанчиных и Рогожиных.

Роман «Идиот» — это роман-трагедия. Трагична судьба князя Мышкина, так и не сумевшего примером христианской любви и смирения добиться согласия и примирения людей; гибнет осквернённая и поруганная красота Настасьи Филипповны. Достоевский ещё раз показал, что ни стремления одного человека, пусть даже «вполне прекрасного», ни идеальная красота не способны изменить неприглядный облик существующей действительности.

Едва была окончена работа над романом «Идиот», как в творческих планах Достоевского возникли замыслы двух больших произведений: «Атеист» и «Житие великого грешника». Замыслы эти остались неосуществлёнными. Но отдельные темы и мотивы были разработаны писателем в романах «Бесы» (1871–1872), «Подросток» (1875) и «Братья Карамазовы» (1879–1880).

Роман «Бесы» создавался в период, когда революционное движение в России переживало кризис. Оно потеряло идейное и организационное единство и распалось на множество не связанных друг с другом отдельных групп и ячеек, проповедовавших самые различные политические взгляды. Достоевский, живший за границей, с глубокой тревогой следил за усилением в среде революционной эмиграции влияния анархических идей, активным пропагандистом которых был М.А. Бакунин, и проникновением их в Россию.

Подтверждение опасений он усмотрел в так называемом «Нечаевском деле» (убийство студента Петровской академии И.П. Иванова, совершённого членами тайного общества «Народная расправа», во главе которого стоял анархист-заговорщик С.Г. Нечаев). Это событие писатель воспринял как своего рода «знамение времени», как начало грядущих революционных потрясений и революционного террора.

В своём романе Достоевский дал объективную оценку нигилизма и анархизма в их крайнем проявлении. Писатель изобразил людей, называющих себя революционерами, как кучку авантюристов и честолюбцев, которые стремятся разрушить существующий общественный порядок, не брезгуя никакими средствами. При этом они не выдвигают никакой положительной программы, проповедуя насилие ради насилия, разрушение ради разрушения. В их среде господствуют обман, шантаж, устрашение, мистификация. Один из такого рода «революционеров» — Пётр Верховенский. Он возглавил созданную им в губернском городе «пятёрку»

и выдавал себя за представителя несуществующего «центра». Добиваясь беспрекословного подчинения членов организации, он решил скрепить их союз кровью. С этой целью был убит Шатов, который намеревался отойти от организации. Сам Пётр Верховенский ни во что не верит и так характеризует себя: «Я ведь мошенник, а не социалист...»

Конечно, было бы неверно полностью отождествлять Петра Верховенского с С.Г. Нечаевым, хотя нельзя не заметить их несомненного сходства. По словам писателя, Пётр Верховенский — это «то лицо, тот тип, который соответствует этому злодейству».

Центральное место в романе занимает Николай Ставрогин — «атеист» и «великий грешник», задуманный писателем как образ идейного вдохновителя современного нигилизма, испытавшего всю пагубность влияния западных идей. Это, в представлении Достоевского, фигура трагическая и одновременно «характер русский (известного слоя общества)», то есть той части русской интеллигенции, которая утратила связь с «почвой», с народом, народно-культурными традициями. Ставрогин — человек жестокий, во всём сомневающийся и ни во что не верящий. Ум его холоден и ожесточён. Ради проверки разного рода теорий он внушает окружающим его людям абсолютно противоположные взгляды (Кириллову — атеизм, Шатову — идею народа-богоносца), толкает их на преступление, на смерть, оставаясь при этом спокойным и равнодушным. Оторванный от народной жизни, во всём разочаровавшийся и разуверившийся, Ставрогин в конце романа кончает жизнь самоубийством.

Роман «Бесы» направлен прежде всего против своевольной и аморальной личности, это роман-предупреждение о пагубности увлечения крайними революционными теориями, которые провозглашали идеальным устройством общества жестокий коммунизм, с его уравниванием всех и вся, с нивелировкой человеческой личности и низведением её до положения «винтика». Достоевский прозорливо угадал, что попытка претворения в жизнь подобных «теорий» может привести к самым пагубным последствиям. В этом отношении роман «Бесы» не потерял своей актуальности. Но в то время он был воспринят многими как злой памфлет на революционеров. И потребовалось много времени, прежде чем во всей своей полноте и пророческой сущности было осмыслено глубинное содержание «Бесов».

Работа над романами не приносила Достоевскому полного удовлетворения. Он мечтал вновь вернуться к активной журнальной деятельности, и когда в 1873 году ему предложили стать редактором еженедельного журнала «Гражданин», писатель дал согласие. Решение это вызвало весьма негативную реакцию в про-

грессивных слоях русского общества, поскольку «Гражданин» пользовался репутацией ретроградного издания. Однако это не смутило Достоевского. Он надеялся придать журналу новое направление, хотя и понимал, что сделать это будет непросто.

На страницах «Гражданина» Достоевский выступил в новом для себя жанре, который он назвал «Дневник писателя». В форме непринуждённой и доверительной беседы с читателем он пытался разъяснить сущность своих взглядов и убеждений, высказать суждения о текущих событиях русской и западноевропейской жизни.

Сотрудничество Достоевского с «Гражданином» продолжалось недолго. Пост редактора оказался для него слишком обременительным и хлопотливым, отнимал много времени, отвлекал от работы над художественными произведениями. В апреле 1874 года, когда представилась возможность, писатель покинул журнал.

В том же году произошло знаменательное событие: Н.А. Некрасов предложил Достоевскому напечатать его новый роман «Подросток» в журнале «Отечественные записки», и писатель с радостью принял его предложение.

В романе «Подросток» Достоевский изобразил широкую картину современного ему общества, характерными чертами которого были «духовная опустошённость, разврат, алчность, всепобеждающая жажда богатства». В одном из набросков к роману Достоевский писал: «Разложение — главная видимая мысль романа...»

В этот водоворот всеобщей алчности, жажды обогащения и духовного нищания и попадает главный герой романа — Аркадий Долгорукий, незаконнорождённый сын аристократа Вавилова и крестьянки. Подросток испытывает чувство унижения и оскорблённой гордости. Под влиянием окружения он охвачен идеей «нажиться», «стать Ротшильдом». Он убеждён, что деньги — «единственный путь, который приводит на первое место даже ничтожество», что только богатство, «миллионы» могут дать ему «уединённое и спокойное сознание силы», «могущество» и свободу. Но это могущество, по мысли Аркадия, должно быть «тайным»: он бы «ходил в стареньком пальто и с зонтиком», «ел бы, имея сто миллионов, ту же тарелку супу с говядиной, как и теперь!». И далее перед Подростком встаёт проблема выбора: как использовать обрётённую вместе с миллионами свободу — воспользоваться властью для того, чтобы отомстить за свои страдания и позор, или отказаться от неё. «...Почём кто знает, как бы я употребил моё богатство?» — размышляет он. «...Мне именно нужна моя порочная воля вся, — единственно чтоб доказать самому себе, что я в силах от неё отказаться».

Отказ от власти, приносимой богатством, Подросток рассматривает как момент высшего самовыражения, сознание своей исключительности и возможность возвыситься над окружающими его людьми. Но в результате столкновения с жизнью эгоистичная идея Аркадия не выдержала испытания и «разом поколебалась». Мысль о невозможности строить жизнь по придуманным теориям, высказанная Достоевским во многих произведениях («Записки из подполья», «Преступление и наказание», «Бесы»), снова отчётливо прозвучала в «Подростке». В этом в конце концов убеждается и герой романа.

В поисках смысла жизни, пытаясь осмыслить, «что добро» и «что зло», Аркадий Долгорукий стремится к общению с представителями самых различных социальных кругов, в том числе и с революционерами. Но свои надежды получить ответы на «роковые вопросы» Аркадий связывает прежде всего с Версиловым. Это один из наиболее сложных персонажей романа, он, как и многие другие герои произведений Достоевского, носитель определённой «идеи». Если в Аркадии Долгоруком писатель показал искания и умственную жизнь молодого поколения, «детей», то Версиров — это представитель «отцов». Достоевский раскрыл внутреннюю противоречивость, неустойчивость и неопределённость его взглядов. Мечтая о «золотом веке» человечества, о гармонии и счастье для всех людей, он в то же время убеждён, что существующий миропорядок нельзя изменить насильственным путём, что революция разрушит все духовные ценности, созданные веками. Одновременно Версиров высказывает мысль о том, что дворянство, потеряв после крестьянской реформы определённые права, «не замыкаясь уже в отдельную касту», может остаться хранителем «чести, света, науки и высшей идеи». Но всё это лишь прекраснотушные иллюзии, поскольку сам Версиров не способен ни на решительные поступки, ни на какое-нибудь дело. И поэтому он не может ничему научить сына Аркадия, помочь ему обрести себя.

В качестве положительного героя в романе представлен простой человек из народа, «странник» Макар Долгорукий, бывший дворовый Версирова, когда-то глубоко обиженный своим баринном. В нём Достоевский снова, как и в образе князя Мышкина, воплощает своё представление об идеальном человеке, наделённом «чрезвычайным чистосердечием и отсутствием малейшего самолюбия». По мысли Достоевского, Макар Долгорукий воплощает в себе лучшие нравственные и культурные черты народа. И точно так же, как Мышкин, он выступает проповедником идей христианского смирения, любви и сострадания. В подготовительных материалах к роману Макар говорит: «Смирение — сила. Смирением всё победишь».

В конце романа Подросток, пройдя через множество искушений, столкновений с мерзостями окружающего мира, отказывается от своей «идеи» и начинает новую жизнь.

В 1870-е годы Достоевский находился в расцвете таланта. Он всеми признанный и широко известный писатель. Его избирают членом-корреспондентом Академии наук по отделению русского языка и словесности.

Роман Достоевского «Братья Карамазовы», над которым писатель работал последние два года своей жизни, явился самым значительным созданием великого писателя. Положив в основу произведения изображение конкретной социальной среды и сложных человеческих характеров, Достоевский соотнёс их с важнейшими проблемами, имеющими общечеловеческое значение.

В центре романа находится история семьи Карамазовых. Она — один из вариантов «случайного семейства», семьи распадающейся, где даже ближайшие родственники ненавидят друг друга и становятся смертельными врагами. В семье Карамазовых нашли отражение наиболее характерные черты морального состояния части русского пореформенного дворянства, его бездуховность и необузданность эгоистических устремлений. Всё, что совершается в карамазовском семействе, Достоевский связывал и соотносил с процессами, происходившими во всём мире. Повсюду писатель видел хаос, социальную деградацию, распад семьи, рост эгоизма и своеволия, полную утрату нравственных норм и духовных ценностей.

Наиболее полно всё это воспроизведено в образе главы «карамазовской семейки» — Фёдора Павловиче Карамазове. Подлость, корыстолюбие и алчность, цинизм и сладострастие — вот далеко не полный перечень качеств, характеризующих его. В нём Достоевский воплотил всё самое грязное, бесчеловечное, растленное, что было накоплено людьми в период крепостничества и новых буржуазных отношений, показал черты вырождения, распада, «силу низости карамазовской».

У Фёдора Павловича четыре сына: трое рождены в браках (Дмитрий, Иван, Алексей) и один незаконнорождённый — Смердяков, и в каждом из них отразились разные черты «карамазовщины».

Старший из братьев — Дмитрий — человек необузданный, страстный, самолюбивый и одновременно добрый и великодушный. В нём сочетаются противоположные начала: добро и зло, богатство и низость. Он выражает «карамазовщину» в «психологическом» плане. Отца своего Митя ненавидит, считает, что тот ограбил его. К тому же Фёдор Павлович мешает ему добиться благосклонности Грушеньки. И не один раз в раздражении Митя говорит, что может убить отца. Однако в последнюю минуту ро-

кового события он всё-таки сумел удержать себя от страшного преступления. Митя глубоко страдает от сознания, что часто обижал людей, и хочет страданием искупить свой грех.

Мите во многом противопоставлен Иван — мыслитель, философ, стремящийся познать «порядок вещей», понять смысл жизни. Он страстно, как истинный Карамазов, любит жизнь. И в то же время не приемлет мир, созданный Богом. Иван — атеист и не верит, что когда-нибудь наступит царство Божие, и люди, испытав множество страданий, простят друг друга, и на земле установится всеобщее примирение и гармония. Иван поднимает бунт против религии, которая оправдывает людские страдания на земле и обещает им блаженство в будущем. Он считает, что никакое будущее блаженство и никакая гармония не могут быть искуплены ценой мирских слёз и мучений людей, и прежде всего слезами невинных детей.

В уста Ивана Достоевский вложил страстную и убедительную критику религии и церковного учения. Это с особой силой прозвучало в рассказанной им «Легенде о Великом инквизиторе». Но те же аргументы, высказанные против Бога, писатель хотел обратить и против социалистических учений. В рассуждениях Ивана звучит мысль о том, что в мире никогда не будет установлена справедливость, что человечество никогда не сможет стать счастливым, так как счастье и согласие будущих поколений нельзя купить ценой горя и зла, которые переживают люди теперь, добываясь возможной гармонии.

Бунт Ивана против Бога и религии — это бунт индивидуалиста. Не веря в мировую гармонию и, по существу, не желая её («Не хочу гармонии, из-за любви к человечеству не хочу»), он освобождает себя от всех нравственных норм и приходит к выводу, что «всё позволено». Но Иван — теоретик, далёкий от практических дел. Он ненавидит своего отца (как, впрочем, и брата Митю, и хочет, чтобы «один гад съел другую гадину»), но отважиться на отцеубийство не решается. Однако его скептические рассуждения, проповедь «вседозволенности» находят отклик в душе озлобленного лакея Смердякова. Иван знает, что Смердяков собирается убить отца, но не пытается помешать ему и тем самым как бы поощряет преступление.

Убийство Фёдора Павловича Смердяковым, по мысли Достоевского, явилось следствием рассудочной, «философской» «карамазовщины», результатом безверия и нигилизма, воплощённых в образе Ивана.

Смердяков — наиболее отвратительное проявление «карамазовщины». У него нет ни принципов, ни убеждений. Он ненавидит весь мир: людей, Россию, человечество. В нём писатель

воспроизвёл самое низменное проявление плебейского духа, лаякство, цинизм и нравственную нищету личности.

Особая роль в романе отведена младшему из братьев — Алёше Карамазову, которого Достоевский намеревался сделать положительным героем. Воспитанный старцем Зосимой, который учил его «высшей правде жизни», он выступает в романе как носитель кротости, всепрощения, смирения, нравственной красоты и любви к людям. И хотя он тоже Карамазов, но стремится преодолеть в себе «карамазовщину», пытается примирить людей, обрести покой и душевное равновесие. Но это далеко не всегда ему удаётся. К Алёше тянутся все страдающие и обиженные люди, и особенно его любят дети. Именно к ним он обращается в конце романа с призывом быть всегда «добрыми, смелыми и честными». И в этом обращении прозвучала надежда писателя на молодое поколение.

Роман «Братья Карамазовы» — свидетельство упорных поисков ответа на важнейшие вопросы человеческого бытия, размышлений о путях и перспективах развития и преобразования общества.

Последним крупным событием в жизни и творчестве Достоевского стала его знаменитая «Речь о Пушкине», произнесённая им 8 июня 1880 года на торжественном заседании Общества любителей российской словесности, посвящённом открытию памятника поэту в Москве.

Пушкинские торжества проходили в атмосфере небывалого подъёма. Но самым ярким и впечатляющим явилось выступление Достоевского. Своей речью писатель придавал особое значение. Он много и серьёзно работал над ней, надеясь в отлитой форме высказать свои мысли о значении гениального художника для последующих поколений и попытаться раскрыть национальный характер творчества Пушкина и его мировое значение. Но Достоевский говорил не только о великом поэте. Он вновь обратился к заветной и дорогой для него мысли о необходимости слияния интеллигенции с народом.

В речи Достоевского отразилась вся сложность и противоречивость взглядов писателя. Отказавшись от полного и безоговорочного осуждения революционного движения, высказанного им в романе «Бесы», Достоевский теперь рассматривает его как закономерный путь исканий молодого поколения, не желавшего мириться с существующим миропорядком. Но путь этот он по-прежнему не принимает. Одновременно Достоевский высказывает мысль, что именно Россия сможет указать другим народам дорогу ко всеобщему «братству» и «гармонии», которая пролегает через «примирение» всех слоёв общества под эгидой христианского учения.

Речь Достоевского произвела огромное впечатление. Он был увенчан громадным лавровым венком. Ночью писатель отправился к памятнику Пушкину и положил венок к ногам «своего великого учителя и поклонился ему до земли».

В конце 1879 года врачи, осматривая Достоевского, отметили у него прогрессирующую болезнь лёгких. Ему было рекомендовано избегать физических усилий и опасаться душевных волнений.

26 января 1881 года Достоевский, всегда работавший по ночам, случайно уронил на пол ручку. Пытаясь достать её, он сдвинул с места тяжёлую этажерку с книгами. Физическое напряжение вызвало кровотечение из горла. Это привело к резкому обострению болезни. Кровотечение то прекращалось, то возобновлялось. Утром 28 января Достоевский сказал жене: «...я знаю, я должен сегодня умереть!» В 8 часов 28 минут вечера он скончался.

Проститься с великим писателем пришли тысячи людей. Впереди процессии несли множество венков. Близкие покойного шли в окружении гирлянды из живых цветов.

Над могилой Достоевского на кладбище Александро-Невской лавры в Петербурге друзья говорили о величии таланта писателя и его неопенимом вкладе в развитие русской литературы.

Почти полтора столетия прошло со дня смерти Достоевского. За это время известность писателя перешагнула границы нашей страны. Людям всего мира дорог писатель, страстно возвысивший голос против насилия и произвола над человеческой личностью, с такой щемящей болью писавший об «униженных и оскорблённых». Люди признательны писателю за то, что в тайниках человеческой души он разгадал светлое начало, поверил в него и высказал глубокое убеждение в конечном торжестве идей добра, справедливости, красоты и всемирного человеческого братства.

Вот почему Достоевский был и остаётся художником удивительно современным, помогающим нам и в XXI веке с надеждой смотреть в будущее.

ЗИМНИЕ МОТИВЫ РУССКОЙ ПОЭЗИИ ДОПУШКИНСКОГО ПЕРИОДА¹

Зимние мотивы занимают значительное место в русской поэзии. Наверное, трудно назвать поэта, который не обращался бы в своём творчестве к изображению зимы с её трескучими морозами, бескрайними заснеженными равнинами, глубокими сугробами, заметёнными дорогами и т.п. Связано это было, прежде всего, с особенностями климата России, где зима, как правило, составляет большую часть года. Ко всему прочему в сознании многих поэтов зима нередко ассоциировалась с общественной обстановкой самодержавной России.

Наиболее полно и разносторонне зимние мотивы нашли своё отражение в поэзии А.С. Пушкина. Именно в его произведениях русская зима представлена во всей своей неповторимой прелести и как неотъемлемая часть русского образа жизни, оказавшего существенное влияние на формирование национального характера. Однако зимние мотивы в творчестве Пушкина далеко не сразу обрели устойчивый характер. Кроме того, следует иметь в виду, что он не был первым из русских поэтов, кто обратился к изображению зимы. У него было немало предшественников, о которых и пойдёт речь.

Зимние мотивы в русской поэзии впервые зазвучали во второй половине XVIII столетия в произведениях М.В. Ломоносова и Г.Р. Державина. Другие поэты того времени о зиме почти не упоминали. Объяснялось это во многом тем, что принципы классицистической эстетики, в рамках которой развивалось их твор-

¹ Впервые опубли.: Страницы истории русской литературы: сб. статей: к 70-летию профессора В.И. Коровина. М., 2002. С. 77–84.

чество, как правило, игнорировали воспроизведение конкретных картин природы. Ломоносов, например, в своих одах обычно ограничивался изображением лишь самых общих примет зимы, избегая реальных пейзажных зарисовок. Поэт обычно только упоминает о «хладном севере», «льдином океане», «волнах, льдом отягощенных» и т.п.

Несколько иначе рисует зиму Державин. В таких стихотворениях, как «Желание зимы», «Осень во время осады Очакова», «Весна», «Зима» и др., можно встретить ярко выраженные и точно обрисованные картины русской зимы. Она предстаёт в его произведениях «В убранстве козырбацком / Со ямщиком-нахалом, / На иноходце хватском, / Под белым покрывалом...» («Желание зимы», 1787). Зима у Державина — «седая чародейка», машущая «косматым рукавом», сыплющая на землю «и снег, и мраз, и иней», превращающая воды «в льды», от «хладного дыхания» которой «цепенеет» «природы взор» («Осень во время осады Очакова», 1788).

Как это не покажется странным, но зима осталась вне поля зрения поэтов-сентименталистов. Только Н.М. Карамзин в нескольких произведениях упомянул «зиму печали» («Весенняя песнь меланхолика», 1788), «хладную зиму» («Осень», 1789), «снежные горы» («Мишеньке», 1790), «пушистый иней и снег» («Творение», 1801), а несколько позднее в оде «Освобождение Европы и слава Александра I» (1814) вспомнил об «ужасах зимы» и «глада», встретивших армию Наполеона, воины которой «едва имея жизни вид, / В страданиях неизъяснимых / Скитаются среди лесов; / Им пища — лёд, им снег — покров».

В русской поэзии начала XIX столетия зимние мотивы также встречаются довольно редко. Чаще других о зиме вспоминает в своих стихотворениях А.Х. Востоков. Для него зима — символ «старости года», когда гаснет «чувств огонь», слабеет память, «ум иступит / И разольёт по жилам мраз» («Зима. Ода к другу, в 1799 году»). В послании А.Х. Востокова «К А.Г. Волкову, в декабре 1802 года» есть такие примечательные строки:

Пусть декабрь оковал воды, в снега зарыл
Луг, на коем цвели розы и ландыши,—
Чаши налиты пуншем,
Щёки девушек лучше роз!

Кстати, позднее о «девичьих лицах ярче роз» будут писать П.А. Вяземский («Первый снег») и А.С. Пушкин («Зима. Что делать нам в деревне?..», «Медный всадник»).

Наиболее полно приметы русской зимы нашли своё отражение в стихотворении А.Х. Востокова «К зиме. В ноябре 1808 года».

Здесь впервые в русской поэзии зима названа «матушкой». По словам поэта, с её приходом «на святой Руси дороги» устилаются «пушистым снегом», «чтоб наши радовались ноги» и можно «подставив под ноги коньки, / Крылатому подобно духу, / Не уступать в бегу коням, / Катиться лёгким вслед саням», в которых восседают «младые красавицы в соболях», призванные «царство украшать зимы». О «пушистом снеге», заметающем дороги, о коньках, «звучно режущих лёд», о катаниях в санях «с Армидами младыми» будут не один раз говорить в своих произведениях П.А. Вяземский («Первый снег», «Зимние карикатуры», «Ещё тройка») и А.С. Пушкин («Евгений Онегин», «Осень»). Зима в стихотворениях А.Х. Востокова выступает и как особая черта русской природы, связанная с русским национальным характером. Так, в стихотворении «К зиме. В ноябре 1808 года» читаем: «Как под снегами зреет озимь, / Так внутренняя в нас жизнь кипит / И члены ко трудам крепит. / Доколе бодрость в нас не спит...» и «русских удалых сынов / Так не обидела природа, / Чтоб им и помощь и покров / Не дать от мразов, хладов норда!».

Упоминание о зиме можно встретить также в стихотворениях таких поэтов начала XIX века, как В.В. Попугаев («Вьюги, снега и морозы / На долинах, на лугах / Истребили красны розы, / Травку, лист на деревьях» — «К луне (Зимою)», 1799); А.Г. Волков («Порывисты ветры свистят, / И снежные вихри крутятся, / Пушистые стелют / Ковры по лугам» — «Зимою к друзьям (Подражание Горацию)», 1801); В.В. Дмитриев («Тенистый, древний кедр... / <...> Сребристый иней лишь стрясает. / Покрывшись мантией зелёной / На зиму люту от снегов, / Ни бурь, ни мразов не боится» — «Сибирский зимний кедр», 1809); Н.Ф. Остолопов («В те дни, когда Борей седой / На всю дорогу сон наводит...» — «К Амине», 1805); А.Ф. Мерзляков («Воет сыр-бор за горою, / Метелица в поле; / Встала вьюга-непогода, / Запала дорога» — «Чернобровый, черноглазый...», 1803); А.П. Бенитцкий («Не бывать у нас зиме. / Пусть наденет шлем алмазный, / В руки примет снежный щит, / Облечётся в льды ужасны / И на мразях к нам слетит: / В миг зардятся щёки белы» — «Сентябрь», 1805); М.В. Милонов («Когда ж печальную и хладную часть года / Юпитер от небес на землю низведёт...» — «Похвала сельской жизни», 1811); А.Ф. Воейков («О русская земля... <...> / Твой климат, хлад и мраз, для всех других столь грозный, / Иноплеменников изнеженных мертвит» — «К отечеству», 1812). Говоря об «иноплеменниках», поэт имеет в виду армию Наполеона, вторгшуюся в Россию.

О русских морозах, которые в немалой степени помогли русским войскам одолеть иноземных захватчиков, писали (вслед за

Н.М. Карамзиным и А.Ф. Воейковым) П.А. Вяземский («Петербург (Отрывок, 1818 года)»), А.А. Дельвиг («Отставной солдат», 1829) и др.

Таким образом, русские поэты конца XVIII — начала XIX века в подавляющем большинстве редко обращались к изображению зимы, а если и упоминали о ней, то лишь как об определённом времени года, когда наступают холода, сыплет снег, бушует метель и т.п. Что же касается примет русской зимы, то они проступают лишь в стихотворениях Г.Р. Державина и А.Х. Востокова.

И только на рубеже первого и второго десятилетий XIX века зимние мотивы в русской поэзии становятся более или менее устойчивыми и, самое главное, начинают служить для отражения быта, нравов, традиций и, в известной степени, черт русского национального характера. Это наиболее полно проявилось в знаменитой балладе В.А. Жуковского «Светлана» (1812), где с поразительным мастерством воспроизведены поэтические картины русской зимы с её святочными гаданиями, ночной бушующей метелью и сверкающим на солнце белым снегом, со скачущими «по буграм» «борзыми конями», топчущими «снег глубокий» и поднимающими копытами «вьюгу над санями».

Вслед за В.А. Жуковским К.Н. Батюшков в стихотворении «Пленный» (1814) расширяет образ зимы до олицетворения родины. Оказавшийся в неволе русский воин восклицает:

«Отдайте ж мне мою свободу!
Отдайте край отцов,
Отчизны вьюги, непогоду,
На родине мой кров,
Покрытый в зиму ярким снегом!»

О зиме в эти годы писали и лицейские друзья Пушкина А.А. Дельвиг и В.Г. Кюхельбекер. Первый упомянул о зиме в стихотворениях «Настанет час ужасной брани» (1812 или 1813) («Вослед, метелями повита, / Зима с бореями придёт») и «Тихая жизнь» (между 1814 и 1817) («дуб в огне горит зимой»), а чуть позже в послании «Музам» (1821), где он писал:

Когда ж весна до вечных льдов
Прогонит вьюги и морозы —
На ваш алтарь, красу цветов,
Положит первые он розы...

Столь же общими, уже ставшими традиционными, образами изображает зиму В.Г. Кюхельбекер, который в стихотворении «Песнь лопаря (При наступлении зимы)» (1815) упоминает

о «хладном севера дыханье», о пути, который «метелью занесён», а в стихотворении «Зима» (1816 или 1817) воспроизводит такую картину:

Всюду и холод и блеск. Обнажены древа и покрыты
Льдяной корой. Иду; хрустит у меня под ногою
Светлый, безжизненный снег, бежит по сугробам тропинка
В белую даль!

И, наконец, в послании «К брату» (1819) поэт пытается, правда, в весьма общих чертах, обрисовать приметы зимнего времени и говорит о «зиме седой», об олени, скитающемся «по сухим снегам», о глыбе, «в дол покотившейся по льду», о сугробах, по которым «тьнь лесная / Не протягалася вовек».

Среди других поэтов этого времени, в чьих произведениях встречаются зимние мотивы, можно назвать Ф.Н. Глинку, который в стихотворении «К снегирю» (1818) говорит о «скуке», царящей вокруг, где «жизни искры нет», а только «стужа, вьюги, бури снежны». В данном случае перед нами вовсе не изображение зимы, а скорее развёрнутое сравнение, позволяющее поэту сопоставить проживание в покое и тепле, но в «золотой клетке», с полной опаснейшей, стужи и холода свободной жизнью, дарованной матерью-природой.

Однако среди предшественников и современников Пушкина только в творчестве П.А. Вяземского зимние мотивы приобретают устойчивый характер. При этом изображение зимних пейзажей в его произведениях отнюдь не является самоцелью. Рисуя картины русской зимы, поэт стремился осмыслить специфические особенности жизни России, поразмышлять о её настоящем и будущем и одновременно попробовать разобраться в сложнейших вопросах человеческого бытия. Всё это проявилось в его известном стихотворении «Первый снег (В 1817-м году)» (18 ноября 1819 года). Но Пушкина и его современников поразило прежде всего то, как Вяземскому удалось выразить всю непередаваемую прелесть и очарование русской зимы. Недаром в пятой главе романа «Евгений Онегин» Пушкин вынужден был признать, что «Согретый вдохновенья богом, / Другой поэт [то есть Вяземский. — *Н.Я.*] роскошным слогом / Живописал нам первый снег / И все оттенки зимних нег».

И действительно, опираясь на опыт своих предшественников (и в первую очередь на опыт Г.Р. Державина, А.Х. Востокова и В.А. Жуковского), используя уже ставшие традиционными при изображении зимы отдельные художественные детали и образы, Вяземский сумел не только воспроизвести в своём стихотворении красочные зимние пейзажи, но и передать свои чувства и пере-

живания, вызванные созерцанием представших перед его взором восхитительных картин. Поэт приветствует «душой и песнью первый снег», заставивший забыть «скучную» осень, «природу бледную, с унылостью в чертах». Для него зима — это «праздник», когда как будто по манию «чудесного жезла; / Лазурью светлую горят небес вершины; / Блестящей скатертью подёрнулись долины, / И ярким бисером усеяны поля». Зима вызывает у поэта прилив новых чувств, ощущение радости и полноты бытия. Но одновременно у него возникают раздумья о быстротечности жизни, об угасающих мечтах, душевных утратах и т.п.

Для Пушкина стихотворение Вяземского «Первый снег» на долгие годы стало своеобразным эталоном в изображении русской зимы. Недаром во многих своих произведениях он почти дословно цитировал отдельные строки из произведений своего собрата по перу. Вслед за Вяземским Пушкин называет зиму «волшебницей» (хотя это определение восходит ещё к А.Х. Востокову), у него же он позаимствовал «серебристую пыль» (вспомним: «Морозной пылью серебрится / Его бобровый воротник» — «Евгений Онегин»). Позднее в стихотворном наброске «Стрекотунья белобока...» (1829) читаем: «Серебрится снежный прах», а неоконченное стихотворение 1833 года начиналось словами: «В поле чистом серебрится / Снег волнистый и рябой». И знаменитое «девичьи лица ярче роз» («Медный всадник») восходит к Вяземскому: «Румяных щёк твоих свежей алеют розы» (впрочем, и этот образ Вяземский тоже позаимствовал у А.Х. Востокова). Но Пушкин мог и не знать об этом и воспринимал поэтические образы Вяземского как нечто новое и оригинальное. И ещё один пример — строки из «Первого снега»: «И соболю на тебе чернеет и блестит» и «Счастлив, кто испытал прогулки зимней сладость! / Кто в тесноте саней с красавицей молодой, / Ревнивых не боясь, сидел нога с ногой, / Жал руку, нежную...» трансформировались у Пушкина в стихи: «Когда под сободем, согрета и свежа, / Она вам руку жмёт, пылая и дрожа!» («Осень»). И, конечно же, нельзя не отметить, что стихотворную строку из «Первого снега»: «И жить торопится, и чувствовать спешит!» Пушкин взял в качестве эпиграфа к первой главе «Евгения Онегина».

Как видим, обращаясь в своих произведениях к изображению зимы (речь идёт о произведениях, написанных в 1820-е годы), Пушкин не раз использовал поэтические образы стихотворения Вяземского. Но это не носило характера прямого заимствования. Пушкин творчески перерабатывал и наполнял новым содержанием образы, созданные Вяземским, поскольку его поэзия, начиная с романа «Евгений Онегин» (т.е. с 1823 года), развивалась уже в русле реалистического направления, тогда как стихотворение

«Первый снег» было написано ещё по канонам романтической эстетики.

К изображению зимнего времени Вяземский чуть позже вернётся в стихотворном цикле «Зимние карикатуры (Отрывки из журнала зимней поездки в степных губерниях. 1828)», в котором уже нельзя не увидеть влияния пушкинской поэзии, проявившегося прежде всего в воспроизведении бытовых, сугубо прозаических деталей («нос зябнет», «лай дворных собак», «солёные грибы, наливки, пастила», «мёрзлые поросята» и т.п.). Всё это было близко Пушкину. Недаром по поводу «Зимних карикатур» в письме от 2 января 1831 года он писал Вяземскому: «Стихи твои прелесть... Обозы, поросята и бригадир удивительно забавны»¹.

В середине 1810-х годов зимние мотивы начинают звучать и в поэзии юного Пушкина. Впервые о зиме поэт упоминает в лицейских стихотворениях «Послание к Юдину» (1815) и «Сон (Отрывок)» (1816). Правда, зима здесь представлена в самых общих чертах и весьма условно. В «Послании к Юдину», например, упоминаются лишь «угрюмая зимняя пора», «сани», «снежная глубина», а в «Сне» — наступившие сумерки «дня зимнего», которые созерцает лирический герой «в кабинете».

Всё это никак не было связано с реальными жизненными впечатлениями и духовным миром молодого поэта, а являлось данью литературным традициям в воспроизведении примет зимней поры. И позднее, вплоть до ссылки в Михайловское, о зиме Пушкин только мельком упоминает в стихотворениях «Товарищам» (1817), «Зима мне рыхлою стеною...» (1823) и в первой главе романа «Евгений Онегин» (1823). Только в произведениях, написанных в Михайловской ссылке, зимние мотивы обрели устойчивый характер и органически вошли в поэзию Пушкина. Но это уже предмет специального разговора.

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 14. М., 1996. С. 139.

ЗИМНИЕ МОТИВЫ В ЛИРИКЕ

А.С. ПУШКИНА¹

Лирика Пушкина поражает своим многообразием. «Что ж было предметом его поэзии?» — спрашивал в своё время Н.В. Гоголь. И отвечал: «Всё стало её предметом, и ничто в особенности. Не имеет мысль перед бесчисленностью его предметов»². И, конечно же, трудно себе представить поэзию Пушкина без картин русской природы. Для каждого времени года поэт находил удивительные по своему разнообразию художественно-изобразительные средства, с каждым из них у него было связано своё настроение, своё особое состояние духа. Весна, например, для Пушкина — это пора томления и скуки. «Я не люблю весны», — признавался поэт в стихотворении «Осень»: «Скучна мне оттепель; вонь, грязь — весной я болен; / Кровь бродит; чувства, ум тоскою стеснены». Правда, это время года для него ещё и «пора любви», но весной даже любовное чувство тяжело, «наводит скуку и томленье» («Евгений Онегин»).

«Лето красное» тоже не вызывало у Пушкина добрых чувств, поскольку в эту пору докучают «зной, да пыль, да комары, да мухи» и самое главное — оно «мучает» поэта, «все душевные способности губя» («Осень»).

А вот осень для Пушкина — это любимое время, время прилива жизненных сил и творческого вдохновения. Об этом он не раз говорил и в письмах («Это любимое моё время, — писал, например, поэт П.А. Плетнёву 31 августа 1830 года, — здоровье моё обыкновенно крепнет — пора моих литературных трудов настанёт...»³), и в стихах.

¹ Впервые опубликовано: Вестник МГОПУ им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2003. № 1. С. 5–28.

² Гоголь Н.В. Собр. соч.: в 6 т. Т. 6. М., 1950. С. 152.

³ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 19 т. Т. 14. М., 1996. С. 110.

Так, в «Осени» он признавался: «И с каждой осенью я расцветаю вновь... / Желания кипят — я снова счастлив, молод, / Я снова жизни полн...»

Ну, а зима? Зима тоже по душе поэту, зимой он доволен, о чём неоднократно упоминал в своих стихах: «люблю её снега» («Осень»); «Люблю зимы твоей жестокой / Недвижный воздух и мороз» («Медный всадник») и даже умолял: «Отдайте мне метель и вьюгу, / И зимний долгий мрак ночей» («Весна, весна, пора любви...»). Вместе с тем к зиме у Пушкина отношение было достаточно сложное. С одной стороны, её приход вызывает у поэта восторг («Мороз и солнце; день чудесный!» — «Зимнее утро»), он называет зиму «волшебницей», «матушкой» («Евгений Онегин»), ведь с нею приходят «зимних праздников блестящие тревоги» («Осень»), она сулит веселье и радость от быстрого бега коней по бескрайней снежной равнине, ощущение бодрости и силы («Здоровью моему полезен русский холод» — «Осень») и т.п. А с другой — зима ассоциируется у Пушкина с бушующей за окнами метелью («Зимний вечер»), с пустынной заснеженной дорогой, освещаемой печальной лунной («Зимняя дорога»), с долгими скучными вечерами, когда нет спасенья от тоски и одиночества («Зима. Что делать нам в деревне?..»).

К тому же поэта пугает продолжительность зимнего времени: «...Полгода снег да снег... / Нельзя же целый век / Кататься нам в санях с Армидами младыми, / Иль киснуть у печей за стёклами двойными» («Осень»).

Впервые у Пушкина зимние мотивы зазвучали ещё в лицейской лирике, а точнее, в стихотворении «Послание к Юдину» (1815). Правда, зима здесь изображена в самых общих чертах и весьма условно. В пылком воображении юного поэта возникают мечты, в которых он представляет себя раненым воином, вернувшимся с поля битвы и «угрюмой зимнею порой» поджидающим «красавицу драгую». И вот уже «готовы сани», и «помчались кони, вдаль пустились / По ветру гривы распустились, / Несутся в снежной глубине». Всё, о чём писал в данном случае поэт, не имеет никакого отношения к реально пережитому или увиденному им, а навеяно уже имевшимися и ставшими традиционными литературными образцами. В частности, в балладе Жуковского «Людмила» (1808) читаем: «Робко дева обхватила / Друга нежною рукой, / Прислонясь к нему главой». В его же балладе «Светлана» (1812) есть такие строки: «У ворот их санки ждут; / С нетерпенья кони рвут / Повода шелковы». Нечто похожее есть и у Пушкина: «С крыльца прелестная сошла, / Чуть-чуть дыша; идут украдкой, / И дева друга обняла. / <...> Прижалась робко ты ко мне».

Несколько иначе зимние мотивы проступают в стихотворении Пушкина «Сон (Отрывок)» (1816). Но и здесь налицо определённые черты условности и использование традиционных образов, никак не связанных с жизненным опытом молодого поэта. Например, описание кабинета, сидя в котором лирический герой видит сон, очень мало напоминает лицейскую келью юного Пушкина. Вместе с тем поэту удалось в этом стихотворении достаточно полно и точно воспроизвести атмосферу уходящего «дня зимнего», поздние сумерки, когда «час от часу темнеет окон свет; / На потолке какой-то призрак бродит; / Бледнеет уголь, и синеватый дым, / Как лёгкий пар, в трубу виазь уходит».

Последнее упоминание о зиме в лицейской лирике Пушкина встречается в стихотворении «Товарищам» (1817), в котором поэт размышлял о том, как может сложиться судьба его товарищей (и его собственная) после окончания Лицея. Один из вариантов — военная служба, которая при всей её привлекательности в представлении поэта связана со многими неудобствами, поскольку придётся «в воинственном наряде» в «крещенской утренней прохладе» красиво мёрзнуть на параде и греться ехать в ка-раул.

Как видим, зимние мотивы в лицейский период творчества едва намечены и очень слабо связаны с подлинными настроениями юного поэта. Это всего лишь дань литературным традициям того времени, и только иногда они соотносятся с реальными фактами жизни (например, с детскими воспоминаниями в стихотворении «Сон»).

Отсутствуют зимние мотивы и в поэзии Пушкина южного периода. О зиме есть упоминание только в первой главе романа «Евгений Онегин» и в стихотворении «Я пережил свои желанья...» (1821), где, говоря о чувстве разочарования, охватившего его в это время, поэт сравнивает свою судьбу с листом, замерзающим на зимнем ветру:

Так, поздним хладом поражённый,
Как бури слышен зимний свист,
Один — на ветке обнажённой
Трепещет запоздалый лист.

То, что, живя на юге, Пушкин не вспоминал о зиме, вполне объяснимо. Ведь холода, снег, метель — явления для юга довольно редкие. Правда, и там в иные дни выпадает снег, засыпая дороги. Об одном из таких дней Пушкин упомянул в небольшом стихотворении, которым начиналось письмо к его кишинёвскому знакомому В.П. Горчакову, написанному в январе 1823 года, где говорилось:

Зима мне рыхлою стеною
 К воротам заградила путь;
 Пока тропинки пред собою
 Не протопчу я как-нибудь,
 Сижу я дома, как бездельник...¹

Здесь нельзя не почувствовать досаду поэта, вынужденного из-за выпавшего снега сидеть дома и бездельничать. Что же касается зимы, то её приметы в данном случае едва обозначены.

Таким образом, зимние мотивы в лирике Пушкина вплоть до ссылки в Михайловское едва намечены и очень слабо связаны с духовным миром поэта.

Совершенно иной характер зимние мотивы приобретают в лирике Пушкина во время Михайловской ссылки. Оказавшись вдали от друзей и столичной культурной жизни, поэт остро переживал своё одиночество. Уже в первых стихах, написанных в Михайловском, начинают звучать жалобы на превратности судьбы, тоску, правительственные гонения. В послании «К Языкову» (1824) Пушкин писал: «Но злобно мной играет счастье: / Давно без крова я ношусь, / Куда подует самовластье; / Уснув, не знаю, где проснусь. / Всегда гоним, теперь в изгнание / Влачу закованные дни». Однако поэт не теряет присутствия духа. Призывая Н.М. Языкова вместе с А.А. Дельвигом посетить «изгнания тёмный уголок», он замечает: «Надзор обманем караульный, / Восхвалим вольности дары». И добавляет: «Пробудим шумные пиры... / И скуку зимних вечеров / Вином и песнями прогоним». Словно предчувствуя наступление «скуки зимних вечеров» (о которых он, кстати, вспомнит ещё не раз), Пушкин в самом первом письме, отправленном по прибытии в Михайловское к А.Н. Вульффу 20 сентября 1824 года, просил его: «Приезжай сюда зимой / Да Языкова поэта / Затащи ко мне с собой...»²

О том, что чувствовал и переживал Пушкин после приезда в Михайловское, он неоднократно говорил в своих письмах. Так, в начале ноября 1824 года поэт писал брату Л.С. Пушкину: «Скука смертная везде», а чуть позже в письме к своему кишинёвскому приятелю Д.М. Шварцу, написанном 9 декабря того же года, заметил: «Я в глухой деревне — скучно...»³

Скуку долгих зимних вечеров в Михайловском Пушкину скрашивали общение с няней Ариной Родионовной и её дивные сказки. «Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма!»⁴ — при-

¹ Пушкин А.С. Указ. соч. Т. 2. С. 249.

² Пушкин А.С. Указ. соч. Т. 13. С. 108.

³ Там же. С. 129.

⁴ Там же. С. 121.

знавался поэт в письме к брату. Об этом же он говорил в письме к М.Д. Шварцу: «...вечером слушаю сказки моей няни... она единственная моя подруга — и с нею только мне не скучно»¹.

Свои чувства и переживания этого времени Пушкин выразил в стихотворении «Зимний вечер» (1825), которое открывало собой ряд из нескольких лирических произведений, объединённых, говоря словами Д.Д. Благого, «темой русской зимы и образующих как бы некий “зимний” цикл, скреплённых не только общностью некоторых мотивов, но и наличием схожих образов, порой даже прямыми реминисценциями»². Помимо «Зимнего вечера» к этому циклу можно отнести также стихотворения «Зимняя дорога» (1826), «Зима. Что делать нам в деревне?..» (1829), «Зимнее утро» (1829) и «Бесы» (1830).

Работая над стихотворением «Зимний вечер», Пушкин, по всей вероятности, не предполагал, что это произведение положит начало определённому циклу. И тем не менее цикл образовался, чему в немалой степени способствовали реальные обстоятельства жизни поэта: жизнь в Михайловском («Зимний вечер»), поездка из Петербурга в Москву («Зимняя дорога»), пребывание в имении Павловское у П.И. Вульфа («Зима. Что делать нам в деревне?..» и «Зимнее утро») и, наконец, поездка в Болдино и связанные с нею грустные и тревожные настроения поэта («Бесы»).

Вторая половина 1820-х годов, когда создавался «зимний» цикл, занимает важное место в духовном и творческом развитии Пушкина. В это время поэт пережил трагедию 14 декабря 1825 года, надежду на возможность изменения жизни России в связи с восшествием на престол Николая I и последовавшее за этим разочарование. Как никогда раньше Пушкин в это время чувствовал одиночество, неприютность, потерю веры и надежды на обновление в стране и в своей собственной судьбе.

Эти горестные раздумья, тревога, мучительное стремление обрести душевный покой и цель в жизни своеобразно преломились в произведениях «зимнего» цикла. Если внимательно вчитаться в них, то нельзя не обратить внимания на наличие здесь целого ряда общих мотивов, тем и образов.

Объединяющим началом произведений цикла является мотив дороги. Он присутствует во всех стихотворениях. Причём в «Зимней дороге» и «Бесах» дорога приобретает ещё и значение жизненного пути.

Важнейшей темой «зимнего» цикла (за исключением, может быть, «Зимнего утра»), является тема одиночества, неприютности, тоски по дому, домашнему очагу и связанной со всем этим

¹ Пушкин А.С. Указ. соч. Т. 13. С. 129.

² Благой Д.Д. Творческий путь Пушкина (1826–1830). М., 1967. С. 474.

темой покоя. На это обратил внимание В.С. Непомнящий, добавив, что неперенным атрибутом покоя у Пушкина становится женщина, «хранительница... очага, источник и предмет любви»¹. И действительно, в «Зимнем вечере» в этой роли выступает няня, в «Зимней дороге» — невеста Нина, в стихотворении «Зима. Что делать нам в деревне?...» — хозяйка и старушка с двумя девицами, «стройными сестрицами», в «Зимнем утре» — «красавица», «друг милый». Нет женщины только в «Бесах».

Нельзя не отметить также, что во всех произведениях цикла наличествует контраст тьмы и света, скуки и радости (пусть даже не очень ярко выраженный, как, например, в «Зимней дороге»). При этом в каждом стихотворении просматриваются стремление и надежда лирического героя преодолеть чувство отчуждённости, тоски и одиночества. В «Зимнем вечере» — это надежда, что вино поможет разогнать тоску («сердцу будет веселей»); в «Зимней дороге» — предвкушение радости от свидания с милой, глядя на которую лирический герой надеется обрести душевное равновесие («загляжусь не наглядясь»); в стихотворении «Зима. Что делать нам в деревне?...» — приезд молодых девушек пробуждает в повествователе подъём жизненных сил, надежду на радость и счастье («Как жизнь, о Боже мой, становится полна!»). А «Зимнее утро» — это восторженный гимн жизни, прославление бытия, когда всё вокруг радуется и вызывает восхищение («Под голубыми небесами / Великолепными коврами...»). И опять же только в «Бесах» нет никакого проблеска, никакой надежды. Однако буквально на следующий день после завершения этого стихотворения Пушкин пишет свою знаменитую «Элегию» (1830), где тревога, неуверенность и безысходность сменяются верой в жизнь («Я жить хочу...»), надеждой на радость («...мне будут наслаждения»), на творческое вдохновение («...опять гармонией упыюсь, / Над вымыслом слезами обольюсь...») и любовь («Блеснёт любовь улыбкою прощальной»). «Элегия» как бы нейтрализует тревожный и трагический аккорд, прозвучавший в последнем произведении «зимнего» цикла — «Бесах».

Целостность и определённая завершенность «зимнего» цикла проявляется не только в идейно-тематической близости входящих в него произведений, но и в его композиционном построении, в основу которого положен принцип замкнутости. Цикл открывается картиной бури в стихотворении «Зимний вечер» («Буря мглою небо кроет...») и завершается стихотворением «Бесы», которое также начинается с описания разбушевавшейся стихии («Мчатся тучи, вьются тучи...»). При этом мотив метели и бури проступает также в стихотворениях «Зима. Что делать нам в де-

¹ Непомнящий В.С. Поэзия и судьба: книга о Пушкине. М., 1983. С. 175.

ревне?..» («вьюга веет») и в «Зимнем утре» («Вечор, ты помнишь, вьюга злилась...»), что, с одной стороны, подчёркивает объединяющее тематическое начало цикла, а с другой — позволяет сохранить в нём ощущение тревожности, переменчивости и неустроенности бытия, важнейшей доминанты всего «зимнего» цикла.

Помимо этого, стихотворение «Зимний вечер», открывающее цикл, и «Бесы», его завершающее, близки по своей структуре и музыкальному звучанию. В обоих случаях Пушкин использует восьмистрочную строфу, перекрёстную рифмовку и один стихотворный размер — четырёхстопный хорей. И в каждом из этих произведений поэт обращается к кольцевому построению композиции: первое четверостишие первой строфы дословно повторяется в начале последней.

И ещё одно немаловажное обстоятельство, свидетельствующее о том, что перед нами именно законченный и обладающий внутренним единством цикл. Центральное место в нём занимает стихотворение «Зима. Что делать нам в деревне?..». Это произведение является своеобразным объединяющим началом, поскольку оно, во-первых, как бы уравнивает две части цикла: первую («Зимний вечер» и «Зимняя дорога») и вторую («Зимнее утро» и «Бесы»), а во-вторых, по своему содержанию и проблематике, передаче смены настроений и, если так можно выразиться, населённости является наиболее насыщенным и ёмким; в нём сконцентрированы важнейшие темы и настроения других произведений «зимнего» цикла.

Лишним подтверждением того, что во второй половине 1820-х годов Пушкин уже сознательно работал именно над циклом произведений о зиме, является и тот факт, что в период с 1825 по 1830 год он не написал ни одного законченного произведения, в котором бы просматривались зимние мотивы. Исключением является лишь послание «И.И. Пущину», в котором поэт упоминает свой «двор уединенный, / Печальным снегом занесенный», то есть место своей ссылки в Михайловском, и стихотворение «Дорожные жалобы», где среди разных вариантов своей кончины поэт не исключает и того, что его где-нибудь «мороз окостенит».

Однако сохранилось несколько незаконченных произведений и отдельных стихотворных набросков, непосредственно связанных с мотивами зимы, которые можно рассматривать как подготовительные материалы для работы над «зимним» циклом, а также романом «Евгений Онегин». Причём в некоторых из них встречаются строки, уже ранее использованные Пушкиным, и образы, к которым поэт обратится в дальнейшем своём творчестве. Так, в неоконченном стихотворении «Как быстро в поле, вокруг открытом...» (1828) строки: «И, будто путник запоздалый, / Стучит-

ся буря к нам в окно» буквально повторяют стихи из «Зимнего вечера»: «То, как путник запоздалый, / К нам в окошко застучит». А вот строки: «Полезен русскому здоровью / Наш укрепительный мороз» почти дословно перекочевали в стихотворение «Осень». Точно так же, как двестише «Ланиты, ярче вешних роз, / Играют холодом и кровью» во многом близко к заключительным строкам стихотворения «Зима. Что делать нам в деревне?..»: «Но бури севера не вредны русской розе. <...> / Как дева русская свежа в пыли снегов!», а также напрямую связан с поэмой «Медный всадник», где появляются «девичьи лица ярче роз».

То же самое можно выявить и в незавершённом наброске «Стрекотунья белобока...» (1829), где возникают и «колокольчик небывалый» (ср. в «Зимней дороге»: «колокольчик однозвучный»), и «серебрится снежный прах» (ср. в «Евгении Онегине»: «Морозной пылью серебрится...»).

Но наибольший интерес представляет стихотворный фрагмент «Страшно и скучно...» (1829), который с полным основанием можно рассматривать как предварительный набросок «Бесов». Ср.: «Страшно и скучно. <...> / Тучи да снег. <...> / Небо чуть видно...» и в «Бесах»: «Мутно небо, ночь мутна. <...> / Страшно, страшно поневоле...»

Говоря о целостности и об определённой завершённости «зимнего» цикла и о связях, существующих между произведениями, входящими в него, нельзя не обратить внимания на то, что каждое стихотворение цикла в свою очередь представляет собой, говоря словами Д.Д. Благого, «целостный, замкнутый в себе и себе довлеющий художественный организм»¹.

Но при всей своей самостоятельности любое из них незримо связано со многими другими одновременно написанными произведениями Пушкина (и в первую очередь с вошедшими в «зимний» цикл). Это проявилось не только в переключке общих чувств, настроений и переживаний, но и в формообразующих элементах.

Цикл открывается стихотворением «Зимний вечер», особенностью которого является то, что главное внимание в нём сосредоточено не на описании разбушевавшейся непогоды, а прежде всего на раскрытии душевного состояния лирического героя, охваченного чувством печали и горя («выпьем с горя») и грусти о своей «бедной юности». Важно и то, что рядом с ним появляется и вполне реальный образ няни, «доброй подружки» (именно так называл поэт Арину Родионовну в уже цитированном письме к Д.М. Шварцу). Ей тоже невесело, она дремлет, утомлённая завыванием бури. Но именно к ней обращается лирический герой

¹ Благой Д.Д. Указ. соч. С. 474.

с просьбой развеять печаль песней, но не весёлой и радостной, а тихой, успокаивающей: «Спой мне песню, как синица / Тихо за морем жила», как неспешно «девица / За водой поутру шла», предлагает ей «выпить с горя», надеясь развеять скуку и тоску вином.

Весьма примечательна композиционная структура «Зимнего вечера». Стихотворение начинается и завершается дословно повторяющимся описанием разбушевавшейся стихии. Однако в последней строфе Пушкин повторяет только первые четыре строки начала произведения, а завершает её строками из начала третьего восьмистишия («Выпьем, добрая подружка... / Сердцу будет веселей»).

Таким образом, в стихотворении возникают и своеобразно переплетаются два лейтмотива: бури («Буря мглою небо кроет...»), навевающей тоску и уныние, и стремления преодолеть это настроение и хотя бы ненадолго забыться («Выпьем с горя... / Сердцу будет веселей»). Оба эти лейтмотива каждый раз по-своему будут звучать и в других произведениях «зимнего» цикла.

С «Зимним вечером» тесно связано стихотворение «Зимняя дорога», которое тоже открывается картиной зимнего вечера. Правда, это другой вечер. Здесь уже нет ни бури, ни круговерти снежных вихрей, но сохранено настроение уныния, грусти, одиночества и какого-то скрытого тревожного ожидания, которое становится главной доминантой всего стихотворения. Эти ощущения усиливают настойчиво повторяющийся эпитет «печальный» («На печальные поляны / Льёт печальный свет она»), а также несколько раз упоминаемые определения: «сердечная тоска», «скучно, грустно», «грустно, Нина», «путь мой скучен». Унылость и однообразие зимней дороги, которая лишь изредка освещается луной, «пробивающейся» «сквозь волнистые туманы», подчёркивают темнота («Ни огня, ни чёрной хаты») и периодически мелькающие полосатые верстовые столбы («Только вёрсты полосаты / Попадают одна...»).

Созерцание зимней дороги вызывает у путника не только грустное настроение и тоску, но и желание кому-нибудь поведать о своём душевном состоянии. Отсюда и его мысленное обращение к возлюбленной Нине («Скучно, грустно... Нина»), рядом с которой он мечтает обрести покой и умиротворение. С ней он хочет поделиться раздумьями о своей судьбе («путь мой скучен»). Здесь речь идёт уже не о дороге, а о жизненном пути, который «скучен» и непредсказуем. В этом настроении отразились тревожные ожидания Пушкиным своей участи. Ведь незадолго перед этим в письме к В.П. Зубкову он просил его «женить» на С.Ф. Пушкиной, ради свидания с которой поэт отправился из Пе-

тербурга в Москву. Мечтая о том, чтобы «познать счастье», Пушкин одновременно высказал сомнение в том, что сможет «сделать счастливой» свою избранницу. «Жизнь моя, доселе такая кочующая, такая бурная, — писал Пушкин, — характер мой — неровный, ревнивый, подозрительный, резкий и слабый одновременно — вот что иногда наводит на меня тягостные раздумья»¹.

Предчувствие не обмануло поэта. Приехав в Москву (19 декабря 1826 года), Пушкин узнал, что «Нина» — С.Ф. Пушкина, на встречу с которой он так спешил, не дождавшись его, вышла замуж за другого. Вместе с тем поэту стало известно, что Николай I учредил особый секретный комитет, призванный пересмотреть государственное устройство России и разрешить крестьянский вопрос. Пушкину показалось, что царь действительно намеревался воплотить в жизнь то, что обещал ему во время встречи, состоявшейся в Кремлёвском дворце после возвращения поэта из Михайловской ссылки. Надежда на грядущие преобразования помогла поэту преодолеть тоску и тяжесть личных переживаний, связанных с неудавшейся попыткой обрести семейное счастье. Через несколько дней (22 декабря) Пушкин пишет своё программное политическое стихотворение «Стансы», где выразил надежду на то, что добро и справедливость восторжествуют в его стране и что царь окажется «памятью незлобен» и облегчит участь осуждённых декабристов.

Исследователи творчества Пушкина (в частности Д.Д. Благой) в своё время отметили ощутимую связь стихотворения «Зимняя дорога» с «Путешествием из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева.

Близость этих произведений просматривается не только в том, что в них речь идёт об одном и том же пути — из Петербурга в Москву, и даже не в прямом совпадении отдельных деталей. Вслед за Радищевым, повествовавшим в первых главах своей книги («Выезд» и «София») о дорожной кибитке, мчавшейся по бескрайней равнине, о «наскучившем ушам» «почтовом колокольчике», о заунывной песне ямщика и о душевном состоянии путника, охваченного чувством одиночества, печали и скуки, Пушкин также пишет о «тройке борзой», летящей по «длинной скучной» дороге, о гремящем «однозвучном» колокольчике и долгой песне ямщика, в которой слышится то «разгулье удалое, / То сердечная тоска». Главное, что объединяет радищевское и пушкинское произведения, — это стремление авторов не замыкаться на своих сугубо личных, интимных переживаниях, а выйти на решение важнейших общественных вопросов. Только у Радищева это проявилось в одном произведении, а у Пушкина в двух друг за другом написанных стихотворениях: «Зимней дороге» и «Стансах».

¹ Пушкин А. С. Указ. соч. Т. 13. С. 562.

Как и в других стихотворениях «зимнего» цикла («Зимний вечер», «Бесы»), в «Зимней дороге» Пушкин использует опоясывающий принцип композиционного построения. Развёрнутая в начале стихотворения картина зимней дороги (в первых четырёх строфах), с её скукой, однозвучно гремящим колокольчиком и «долгой» песней ямщика, в финале произведения представлена в предельно концентрированной форме. Вместо луны, «пробирающей» сквозь «волнистые туманы», появляется лишь «отуманенный» «лунный лик», вместо утомительно гремящего однозвучного колокольчика — просто «однозвучный колокольчик». И ямщик уже не поёт свои «долгие» песни — он «дремля, смолкнул». Точно так же развёрнутое обращение к Нине в середине стихотворения, в заключительной его части сконцентрировано в одной фразе: «Грустно, Нина: путь мой скучен...»

Как уже было отмечено, особое место в «зимнем» цикле занимает стихотворение «Зима. Что делать нам в деревне?...» (1829). По внешним приметам (зима, вечер, метель), по общности мыслей и чувств, эмоциональному настрою и художественным ассоциациям оно неотделимо от других произведений цикла. Вместе с тем в нём отчётливо проявились принципиально новые черты поэзии Пушкина. Стихотворение написано в переходный период, когда вместе с изменением мировоззрения поэта существенным образом менялись поэтический строй и структурообразующие элементы его лирики. В данном случае это проявилось в открытом вторжении в произведение эпического начала и включении в него бытовых зарисовок. В результате стихотворение «Зима. Что делать нам в деревне?...» превратилось в развёрнутый рассказ о поместной жизни со всеми её особенностями и приметами быта (утренним чаем, охотой, вечерними разговорами «о близких выборах, о сахарном заводе», гаданьями и т.п.), выстроенный во временной последовательности («утром», «при первом свете дня», «поздней уж порой», «вот вечер»). Здесь, по верному наблюдению А. Чичерина, «положительно лирика превращается в сцену из романа», чему в немалой степени содействует органическое слияние поэтической речи с разговорными интонациями, придающее стиху непринуждённость и неторопливость бытового повествования, воспроизводящего течение жизни и смену настроений лирического героя. Всё это возникло не вдруг, а было подготовлено опытом работы Пушкина над поэмой «Граф Нулин» (ср. «В последних числах сентября... / В деревне скучно...»), романом «Евгений Онегин», где можно встретить дословные текстуальные совпадения (ср. «В глуши что делать в эту пору?» — «Евгений Онегин» и «Что делать нам в деревне?» — «Зима. Что делать нам в деревне?...»).

Стихотворение «Зима. Что делать нам в деревне?..» — одно из немногих лирических произведений Пушкина, где точно указана дата его создания (2 ноября). Это позволяет рассматривать его как дневниковую запись, в которой запечатлены не только внешние события и конкретная обстановка, но, прежде всего, чувства и переживания, вызванные ими («Куда как весело!», «глотаю скуки яд», «Тоска!» и, наконец, «Как жизнь, о Боже мой, становится полна!»), и стремление лирического героя преодолеть однообразие и скуку сельских будней, найти какое-нибудь занятие. Отсюда: «возня» «с старыми журналами соседа», охота, чтение, попытка писать стихи. Но нет источника вдохновения: к нему не располагает ни погода («вьюга воет»), ни монотонная деревенская жизнь, бесполезным оказывается и насильственное принуждение к творчеству, когда нет «расположения души к живейшему приятию впечатлений» («Беру перо, сижусь; насильно вырываю / У музы дремлющей несвязные слова. / <...> Стих вяло тянется, холодный и туманный»). Позднее в стихотворении «Осень» Пушкин снова попытается, правда уже на другом уровне и с иным настроением, передать сложность и характер творческого процесса, что лишней раз свидетельствует о связи многих тем, образов и настроений, отражённых в произведениях «зимнего» цикла, с другими лирическими стихами поэта.

Весьма примечательна вторая часть стихотворения «Зима. Что делать нам в деревне?..», где скуку и однообразие деревенских будней прерывает приезд «нежданной семьи»: старушки с двумя «белокуроыми» и «стройными сестрицами». И тональность всего повествования мгновенно меняется. Вяло текущие строки («Тоска! Так день за днём идёт в уединенье!») сменяются энергично звучащими стихами («Как оживляется глухая сторона! / Как жизнь, о Боже мой, становится полна!»). И нет уже ни скуки, ни уныния, ни тоски. Их сменяют «и дружный смех, и песни вечером, и вальсы резвые», «и ветреные речи». Стихотворение как будто озаряется ярким светом, а его мажорный тон в чём-то перекликается с «Вакхической песней». Там — «Да здравствует солнце, да скроется тьма!», здесь — «Как жизнь, о Боже мой, становится полна!».

Завершается стихотворение своеобразным гимном русской зиме, в котором нашли своё воплощение не только особенности природы России, но специфические черты русского национального характера. Невольно вспоминаются строки из романа «Евгений Онегин»: «Татьяна (русская душою, / Сама не зная, почему) / С её холодною красотою / Любила русскую зиму...» Да и в другом эпизоде романа Татьяна изображена на фоне русской зимы с её «первым снегом», которым она омывает «лицо, плечи и грудь».

А.С. ПУШКИН

*Литография А.С. Безлюдного под смотрением А.И. Сандомури
по оригиналу О.А. Кипренского (1827). 1830 г.*

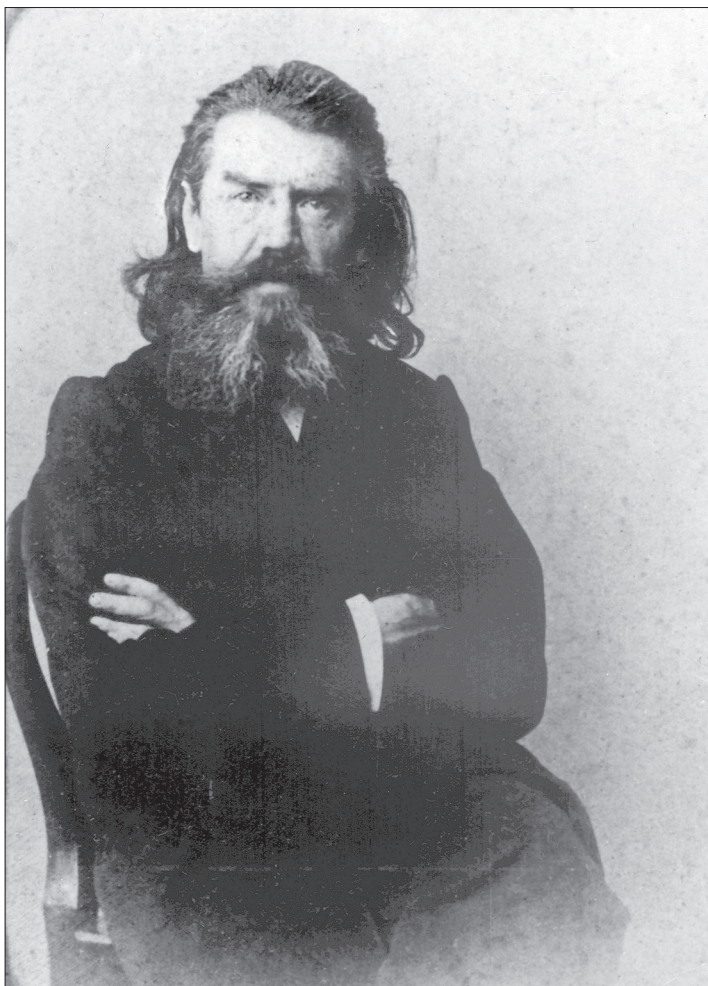
В.Г. БЕЛИНСКИЙ

Литография по оригиналу И.А. Астафьева. 1881 г.

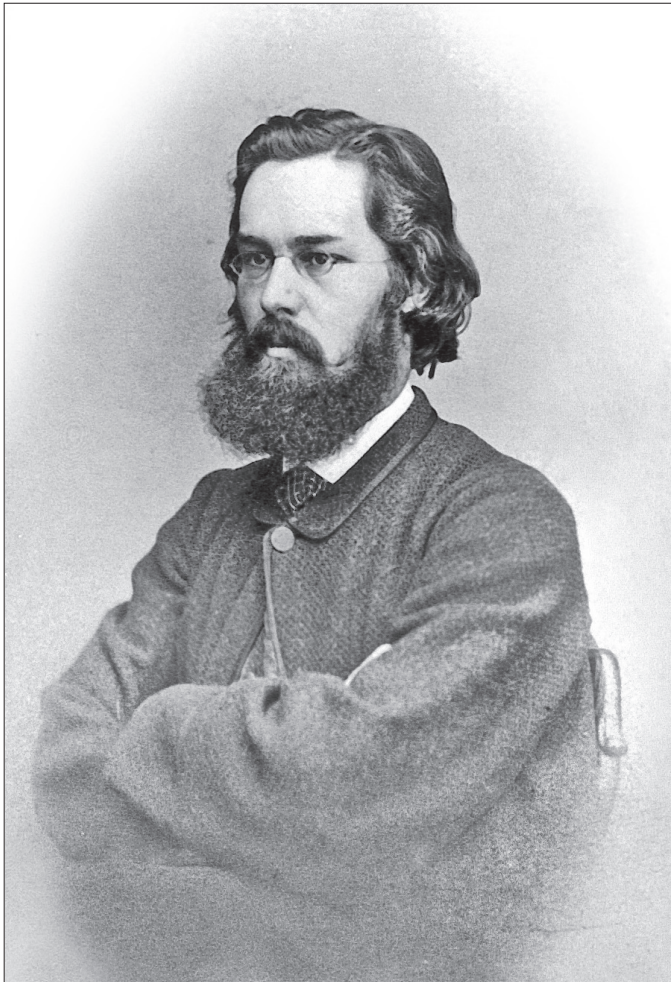
Н.А. НЕКРАСОВ

Литография И.Н. Крамского. 1877 г.

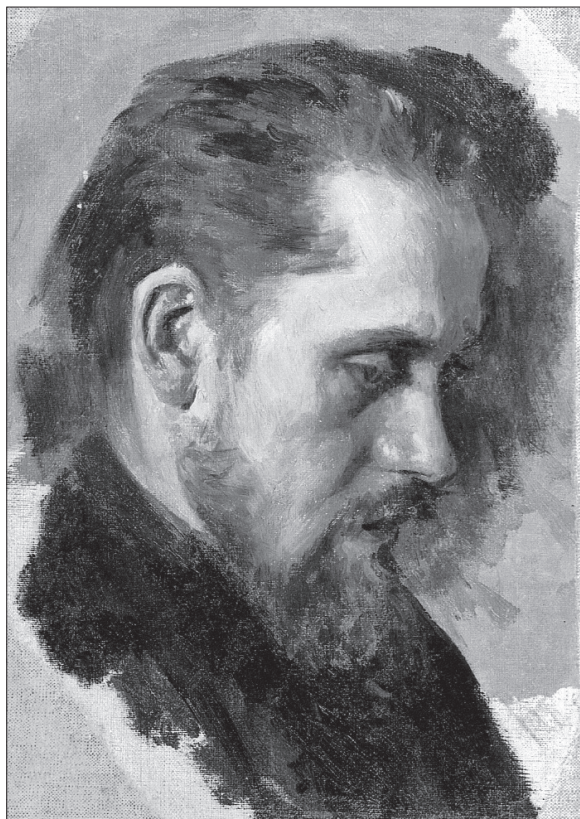
Г.З. ЕЛИСЕЕВ

Фотография. 1870-е гг.

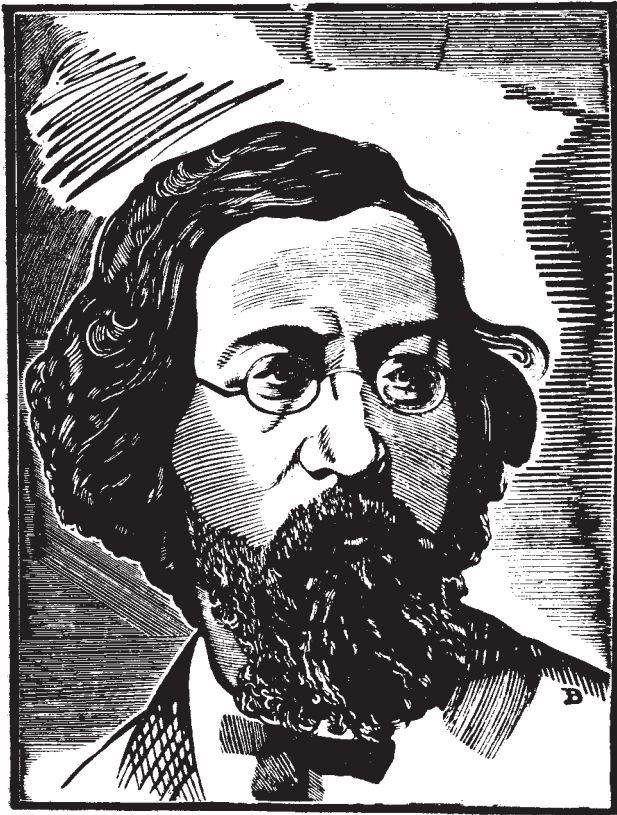
В.А. СЛЕПЦОВ

Фотография Берестова. 1860-е гг.

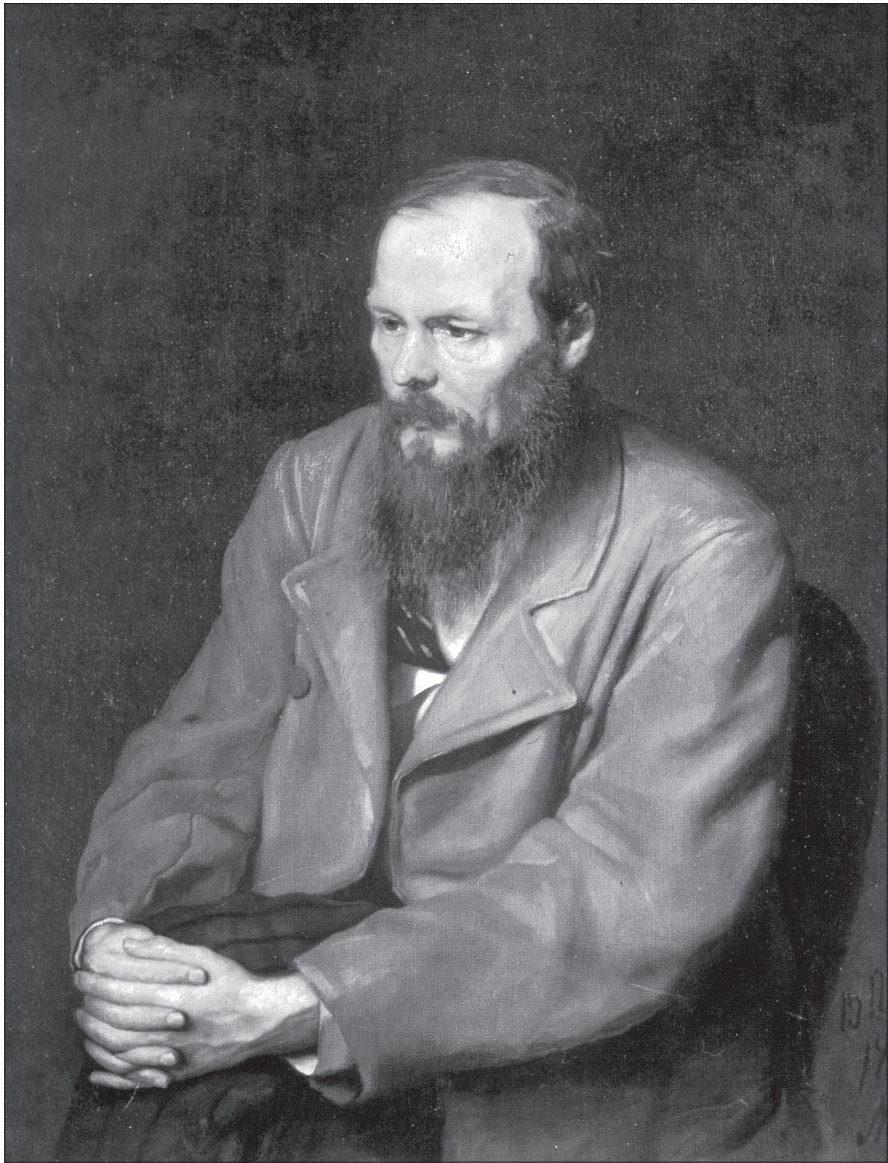
Н.Г. ПОМЯЛОВСКИЙ

Художник Н.В. Неврев. Начало 1860-х гг.

Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

Гравюра Н.П. Дмитриевского. 1928 г.

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ
Художник В.Г. Перов. 1872 г.

Всё это своеобразно преломилось в финале стихотворения «Зима. Что делать нам в деревне?..»: «Но бури севера не вредны русской розе. <...> / Как дева русская свежа в пыли снегов!» Любопытно, что в незавершённом наброске «Как быстро в поле, вокруг открытом» (1828), написанном незадолго до стихотворения «Зима. Что делать нам в деревне?..», есть такие строки: «Полезен русскому здоровью / Наш укрепительный мороз: / Ланиты, ярче вешних роз / Играют холодом и кровью», которые по своему содержанию и тональности очень близки не только к стихотворению «Зима. Что делать нам в деревне?..», но и к таким произведениям, как «Осень» («Здоровью моему полезен русский холод») и «Медный всадник» («девичьи лица ярче роз»).

Своеобразным продолжением стихотворения «Зима. Что делать нам в деревне?..» является «Зимнее утро», написанное на следующий день, — самое яркое и оптимистически звучащее произведение «зимнего» цикла. По своему названию оно перекликается с «Зимним вечером», но только в данном случае вечер сменяется утром, к тому же здесь можно наблюдать движение времени («Вечор, ты помнишь, вьюга злилась... / А нынче... погляди в окно: / Под голубыми небесами...» и т.д.). В то же время в «Зимнем утре» получает своё развитие жизнеутверждающее настроение, которым пронизан финал стихотворения «Зима. Что делать нам в деревне?..». Лирический герой охвачен чувством восторга. Жизнь предстаёт перед ним во всей своей поразительной красоте и очаровании и ему хочется, чтобы кто-нибудь разделил его радость. Отсюда и обращение к «другу прелестному»: «Пора, красавица, проснись: / Открой сомкнуты негой взоры...»

В «Зимнем утре» наметилось стремление поэта преодолеть тягостное настроение, довлевшее над ним в последнее время, которым пронизаны многие его лирические произведения. Выход из тяжёлого душевного состояния наметился у Пушкина ещё в цикле кавказских стихов, написанных вскоре после поездки в Арзрум, и продолжился в «Зимнем утре».

Важной особенностью стихотворения «Зимнее утро» является органическое соединение в нём «высокого», торжественно-праздничного начала («Навстречу северной Авроры, / Звездою севера явись!») с нарочито приземлённым, будничным, бытовым («Трещит затопленная печь», «лежанка», «бурая кобылка»), что превращало, по словам Д.Д. Благого, «и то и другое в неразрывно слитое, единое — в поэзию действительности»¹.

По своему названию, содержанию и общей тональности «Зимнее утро» во многом противопоставлено стихотворениям «Зимний вечер» и «Зимняя дорога». В «Зимнем утре» вместо бушу-

¹ Благой Д.Д. Указ. соч. С. 410.

ющей непогоды («Буря мглою небо кроет») и унылого пейзажа «Зимнего вечера» перед нами предстают великолепные просторы блестящих под ярким солнцем снежных полей. Подобный же контраст в «Зимнем утре» можно наблюдать при сопоставлении тоскливого, только что прошедшего, унылого и мрачного вчерашнего вечера («Вечор, ты помнишь, вьюга злилась...») с наступившим радостным солнечным утром («А нынче... погляди в окно: / Под голубыми небесами / Великолепными коврами, / Блестя на солнце, снег лежит»). Здесь не просто два разных пейзажа, а два совершенно различных душевных состояния лирического героя, свидетельствующих о победе света над тьмой, о его стремлении ощутить всю полноту жизни с её радостями, красотой и надеждой на счастье.

Однако этим надеждам не суждено было осуществиться, о чём свидетельствуют написанные спустя два месяца (26 декабря) стансы «Брожу ли я вдоль улиц шумных...». Стихотворение пронизано горестными, порой трагическими раздумьями поэта о неизбежности смерти, и не только своей собственной, но и всего, что его окружает. Подобные настроения появились здесь не случайно. Они стали результатом отражения кризисных настроений, охвативших русское общество в последекабрьские годы. И в этом Пушкин не был одинок. Помимо него к теме смерти обращались в своём творчестве и другие русские поэты («Последняя смерть» и «Смерть» Е.А. Баратынского; «Обетованная земля» И.И. Козлова; «Смерть, души успокоенье!..» А.А. Дельвига; «Ад» и «Надгробие» П.А. Катенина и др.). Однако в отличие от стихотворений современников в пушкинском произведении нет ощущения безнадежности. Наряду с горестными и печальными размышлениями в стихотворении «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» звучит оптимистическая мысль о вечности земного бытия, о неизбежности рождения новой, «младой» жизни: «И пусть у гробового входа / Младая будет жизнь играть, / И равнодушная природа / Красою вечною сиять».

Эта мысль позднее получит своё развитие в стихотворении «...Вновь я посетил...» (1835) («Здравствуй, племя / Младое, незнакомое!..»), где прозвучала надежда поэта на то, что его внуки когда-нибудь о нём «вспомянут».

Возникновение в лирике Пушкина второй половины 1820-х годов (в том числе и в «зимнем» цикле) настроений печали, тоски и отчаяния лишней раз свидетельствовало о том, как чутко улавливал поэт состояние современного ему общества, как остро ощущал свою причастность ко всему происходящему вокруг, а собственную судьбу рассматривал в неразрывном единстве с жизнью своей страны и своего народа.

Наиболее полно раздумья Пушкина о самом себе, о своём месте в жизни, о своём отношении к окружающей действительности и в конечном итоге об исторических судьбах России проявились в завершающем «зимний» цикл стихотворении «Бесы», написанном в начале сентября 1830 года, сразу же по приезде в Болдино.

Замысел «Бесов» возник у Пушкина в начале осени 1829 года, и тогда же им были сделаны наброски стихотворения, в котором речь шла о путнике, заблудившемся ночью в круговерти метели. Уже тогда в творческом воображении поэта возникли и тройка, едущая «в чистом поле», и «мутная метель», и путник, попукающий ямщика, которому вьюга слепит очи, и измученные кони, и бес, который, по словам ямщика, водит «среди проклятой тьмы». Но работа над стихотворением не задавалась, хотя Пушкин потратил на него немало усилий и времени, о чём свидетельствует множество черновых вариантов произведения. В конце концов поэт, набросав первые три строфы стихотворения, оставил его незавершённым¹.

В Болдино Пушкин приехал в тягостном настроении. В его письмах, написанных незадолго перед этим, настойчиво повторяются жалобы на скуку и тоску, что было вызвано целым рядом обстоятельств: смертью дяди В.Л. Пушкина, что привело к отсрочке свадьбы с Н.Н. Гончаровой, неопределённостью отношений с правительством, которые, по словам поэта, «подобны весенней погоде: поминутно то дождь, то солнце. А теперь нашла тучка...» и др.²

Исследователи, обращавшиеся к изучению «Бесов», по-разному пытались объяснить его содержание. Так, например, М.О. Гершензон видел в нём символическое отражение душевного состояния поэта и конкретные факты его биографии: «...вся эта семья Гончаровых, дедушка, тёща, “тётушки, бабушки, сестрицы”, московские сплетни о нём, приданое, мучительная мысль о деньгах, раздел Болдина, холера — хватали его цепкими когтями, дразнили красными языками, манили как блуждающие огни и поминутно оставляли во тьме»³.

Б.С. Мейлах считал, что «Бесы» «и по замыслу и по выполнению являются конкретным изображением метели и связанных с нею переживаний путника и ямщика» и что, используя «фольклорные мотивы, ничего символического в себе не содержат»⁴.

Ещё раньше по-своему осмыслил «Бесов» Ф.М. Достоевский. Озаглавив свой роман названием стихотворения Пушкина, он тем

¹ *Благой Д.Д.* Указ. соч. С. 470.

² *Пушкин А.С.* Указ. соч. Т. 14. С. 110.

³ Цит. по кн.: *Благой Д.Д.* Указ. соч. С. 472.

⁴ Там же.

самым соотносил его фантастику с изображением революционно-го движения своего времени, выродившегося в «бесовщину».

Более убедительное толкование «Бесов», на наш взгляд, дал Б.П. Городецкий, писавший, что это «чрезвычайно многоплановое произведение... Это — и реалистические картины метели... Это — и итог горьких раздумий Пушкина о путях современной ему России. Это в конечно счёте — и стихотворение о самом себе, о своём месте в жизни, о своём отношении к окружающей действительности»¹. Правда, подобная интерпретация показалась Д.Д. Благому недостаточно убедительной, поскольку «носит несколько общих характер» и «не обоснована в достаточной степени его анализом»².

Каково же истинное содержание «Бесов», что хотел сказать Пушкин, говоря о заблудившемся среди «неведомых равнин» и закруженном снежной круговертью путнике, что это за «бесы разные», «бесконечны, безобразны», которые властно влекут его в полную таинственной неизвестности неприглядную тьму, пугая и «надрывая» сердце?

Исчерпывающе ответить на все эти вопросы не представляется возможным. «Бесы» — произведение многоплановое. Его содержание поражает глубиной, стремлением поэта передать не только тревожную атмосферу своего времени, но и свою собственную растерянность перед «бесовщиной». И, конечно же, в пушкинском стихотворении речь идёт не просто о разбушевавшейся стихии и о «конкретном изображении метели и связанных с нею переживаний путника и ямщика», как считал Б.С. Мейлах³.

«Бесы» вобрали в себя целый комплекс чувств, переживаний и размышлений поэта, стремившегося осмыслить себя и происходящее вокруг не только в России, но и за её пределами. Об этом, в частности, свидетельствует письмо Пушкина, отправленное незадолго до поездки в Болдино к Е.М. Хитрово (21 августа 1830 года), в котором он благодарил адресата за сведения о «том, что происходит в Европе» и сетовал, что «осуждён жить в самое интересное время нашего века», не имея возможности получить достоверную информацию о европейских событиях, поскольку политические суждения о них, по его словам, сводятся к пустопорожним разговорам московских «орангутанов» в Английском клубе. А между тем Пушкин не на шутку был встревожен событиями во Франции, где после июльской революции 1830 года произошла реставрация монархии. Не усмотрел ли поэт во всём этом происки «бесов»?

¹ *Городецкий Б.П.* Лирика Пушкина. М.; Л., 1962. С. 358.

² *Благой Д.Д.* Указ. соч. С. 472.

³ Там же.

Но Пушкина волновала в первую очередь судьба его собственной страны, оказавшейся в трудном положении после восстания декабристов. Об этом размышлял не только он. О «несчастьях, сбивающих с пути Россию» писал, например, П.Я. Чаадаев в письме, полученном поэтом незадолго до того, как им были сделаны первые наброски «Бесов» (весной 1829 года). Позднее в окончательной редакции стихотворения слова П.Я. Чаадаева о «сбившейся с пути России» своеобразно преломились во мнениях «барина» и ямщика на положение, в котором они оказались: «Хоть убей, следа не видно; / Сбились мы. Что делать нам! / В поле бес нас водит, видно, / Да кружит по сторонам».

Пушкина не оставляет чувство тревоги, неопределённости, вызванное происходящим в России. Надежды на преобразования в стране, которые обещал поэту Николай I, угасли, политика правительства представлялась ему неопределённой и непредсказуемой, повсюду он видел торжество тёмных сил, тех же самых «бесов».

Разгулом «бесовщины» в литературной жизни того времени можно назвать грубые выпады многих критиков против поэтов пушкинского круга (объединившихся вокруг «Литературной газеты», издававшейся А.А. Дельвигом) и против самого Пушкина. Это проявилось, в частности, в откровенно пасквильном фельетоне Ф.В. Булгарина («Северная пчела», 7 августа 1830 года), в котором говорилось об аристократических замашках некоего «поэта-мулата», решившего, что «один из предков его был негр-итянский принц, тогда как дознано, что этот “принц” куплен был пьяным шкипером в одном из портов за бутылку рома». Чуть позже Пушкин ответил на эти гнусные инсинуации в стихотворении «Моя родословная», написанном в конце декабря 1830 года, а также собирался дать достойную отповедь Булгарину в незавершённой статье «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений», над которой работал в Болдине. Кстати, Булгарин неоднократно выступал в это же время с критикой романа «Евгений Онегин».

Помимо Булгарина резкие критические суждения о произведениях Пушкина тогда же высказывали М.А. Дмитриев в журнале «Атеней» (1828, № 4), Н.И. Надеждин в «Вестнике Европы» (1829, № 3), С.Е. Раич в «Галатее» (1830, № 4), Н.А. Полевой в журнале «Московский телеграф» и др. Все они писали об упадке таланта Пушкина, о закате его поэтического гения. Вне всякого сомнения, этот литературный шабаш воспринимался поэтом как засилье «бесов разных».

Ко всему прочему, нельзя не учитывать и обстоятельств жизни Пушкина, связанных с его женитьбой. Мелочность семьи Гонча-

ровых, разговор о приданом, сплетни и пересуды, которые велись в обществе вокруг предстоящей свадьбы, невольно представлялись в поэтическом воображении Пушкина неким подобием «бесовщины».

Таким образом, в стихотворении «Бесы» отчётливо просматриваются многие ассоциации, связанные с общественной, литературной и личной жизнью поэта. Как справедливо заметил Б.П. Городецкий, «в стихотворении есть и то, и другое, и третье, но в то же время в полном и взаимоисключающем виде нет ни того, ни другого, ни третьего. Всё стихотворение — сложнейший сплав самых разнообразных элементов пушкинского отношения к жизни, к своей судьбе, к окружающей действительности, и всё это переплавлено в единое целое, обусловленное определёнными общественными явлениями русской жизни и жизни семьи самого Пушкина, без чего стихотворение не может быть понято до конца во всей его глубине»¹.

Чувства и переживания поэта, отражённые в «Бесах», возникли не вдруг, а явились своеобразным итогом всего, что довелось ему пережить и перечувствовать во второй половине 1820-х годов, о чём говорят многие произведения, написанные Пушкиным в это время. Так, в стихотворении «Дорожные жалобы» (1829) поэт пишет о своём одиночестве, бесприютности и мечтает обрести, наконец, кров над головой, семью, покой, с которым он связывал возможность спокойно трудиться и ни от кого не зависеть. А ещё раньше в стихотворении «Воспоминание» (1828) Пушкин писал о своём «уме, подавленном тоской», об избытке «тяжких дум» при воспоминании о прожитых годах («И с отвращением читая жизнь мою, / Я трепещу и проклиная...»). Горестные раздумья поэта отразились также в стихотворении «Дар напрасный, дар случайный...» (1828), пронизанном трагическим ощущением бессмысленности земного бытия («Цели нет передо мною: / Сердце пусто, празден ум, / И томит меня тоскою / Однозвучный жизни шум»), и в тогда же написанном «Предчувствии» (1828), где есть такие строки: «Снова тучи надо мною / Собралися в тишине; / Рок завистливый бедою / Угрожает снова мне...»

Тягостные размышления, тревога перед будущим, ощущение одиночества, настроение подавленности звучали и в других произведениях Пушкина. И хотя поэт стремился преодолеть мрачные мысли и печальное настроение, тем не менее они во многом определяли общий тон его лирики конца 1820-х годов.

Так что в момент создания «Бесов» Пушкин был полон сомнений, неуверенности и тревоги, отсюда и настроение грусти

¹ Городецкий Б.П. Указ. соч. С. 380.

и тоски, постоянно звучавшее во многих его стихотворениях. Но в «Бесах» появляется ещё один мотив, мотив страха («Страшно, страшно поневоле / Средь неведомых равнин!»). Правда, впервые о страхе Пушкин упомянул в романе «Евгений Онегин» («Сон Татьяны»: «стало страшно вдруг Татьяне», «Мне стало страшно...») ещё в 1826 году. Но в лирических стихотворениях о страхе говорится только в незавершённом наброске «Страшно и скучно...» (1829). В «Бесах» же этот мотив становится одним из важнейших. Страшна и непредсказуема для поэта не только собственная жизнь, но судьба России да и всего мира.

Особенностью стихотворения «Бесы» является то, что в нём поэт соединил изображение конкретного предметного мира с раздумьями о глобальных вопросах бытия, подчеркнута бытового начала (ямщик с его выразительной речью, бесконечная русская дорога, теряющаяся в снежном буране) с ощущением трагедийного восприятия поэтом окружающего мира и чувством смятённости и растерянности, тревожного ожидания чего-то страшного и непредсказуемого. Душевное состояние путника, сбившегося с пути и охваченного страхом, усугубляет картина беспросветной ночной мглы. Ночь всегда рождала у Пушкина ощущение внутренней тревоги, предчувствие надвигающейся беды. Примерами могут служить его стихотворения «Закливание» и «Стихи, сочинённые ночью во время бессонницы», написанные вскоре после «Бесов». А ещё раньше о «ненастной ночи мгле», навевающей «мрачную тоску», поэт писал в элегии «Ненастный день потух...» (1824).

Уже в самом начале стихотворения «Бесы» поэт погружает читателя в стихию тоски, страха и тревожных предчувствий, которые на протяжении всего произведения усиливаются и подчёркиваются такими конкретными предметными деталями, как кручение «снега летучего» и «бесовской» круговерти метели («В поле бес нас водит, видно, / Да кружит по сторонам»; «Сил нам нет кружиться доле»; «Закружились бесы разны, / Будто листья в ноябре»), тем самым стремясь передать своё смятение и духовное блуждание по российскому бездорожью, тоскливое созерцание кружения «бесовщины», из которой он не видит выхода. «Бесы» в стихотворении Пушкина «бесконечны», они носители и источники зла, царящего в окружающем мире, они не только сбивают с дороги путников, но и сами вовлечены в круговорот какой-то неведомой силой, познать которую никому не дано.

Нельзя не заметить, что «Бесы» — это единственное произведение «зимнего» цикла, где присутствует достаточно пространственный диалог (он занимает две строфы из семи). В других же сти-

хотворениях цикла диалога как такового нет. В «Зимнем вечере» и «Зимнем утре» у лирического героя есть собеседник. В первом случае — это няня, а во втором — «красавица», «друг милый». Но, обращаясь к ним, он не ждёт от них ответа, а лишь выражает своё собственное эмоциональное состояние. В «Зимнем вечере» — грустное, печальное, и отсюда: «Выпьем с горя...», а в «Зимнем утре» — радостно-взволнованное: «Пора, красавица, проснись» и т.п., чуть позже задушевно-лирическое: «Но, знаешь, не велеть ли в санки / Кобылку бурую запретить?»

Отсутствует диалог и в стихотворении «Зимняя дорога». Правда, здесь рядом с лирическим героем находится ямщик, но с ним он не общается, а лишь слушает его «долгую песню». А обращается лирический герой (но мысленно) к далёкой возлюбленной (Нине). Ей он хочет поведать о своей грусти и печали, с ней поделиться своими горестными раздумьями, но при этом не рассчитывает на её ответ.

Несколько иной характер диалога можно наблюдать в стихотворении «Зима. Что делать нам в деревне?..». Здесь вроде бы и есть собеседники, но лирический герой не вступает с ними в контакт. Они ему неинтересны с их разговорами «о близких выборах, о сахарном заводе». Но вот издалека приезжает «нежданная семья»: старушка, две девицы, «две белокурые, две стройные сестрицы». Лирический герой вступает с ними в «разговоры», но о чём они говорят, можно только догадываться.

И только в «Бесах» диалог развёрнут во всей полноте: в виде разговора двух собеседников — ямщика и путника, каждый из которых выражает своё, во многом совпадающее душевное состояние — тревогу и страх. Но если путник старается не обнаружить этот страх и скрывает его за подчёркнуто уверенным понуканием: «Эй, пошёл, ямщик!..», то, ямщик, как натура непосредственная, выражает свои чувства открыто: «Нет мочи: / Коням, барин, тяжело; / Вьюга мне слипает очи...» и т.д. Вводя в стихотворение прямую речь ямщика, Пушкин стремился подчеркнуть, что не только путник, человек, несомненно, образованный, но и простой человек (в данном случае ямщик) осознаёт, что в окружающем мире не всё благополучно и что есть неведомая сила (для него это «бес»), которая «кружит по сторонам», не давая возможности выбраться из снежной круговерти на правильную дорогу. Но путник мыслит масштабнее. В его представлении разыгравшаяся метель лишь частное проявление неустроенности окружающего мира, и виноват в этом не «бес», как наивно полагает ямщик, а — «бесы». Их много, они «разны», «бесконечны, безобразны» и мчатся «рой за роём / В беспредельной вышине».

В диалоге путника и ямщика представлено столкновение двух стихий, двух уровней мышления — фольклорно-бытового, уходящего своими корнями в прошлое и связанного с языческими представлениями о мире, и современного, но в котором также присутствуют, хотя и в несколько иной, условной форме, отголоски всё того же языческого восприятия мира и невозможность разумом постигнуть происходящее. Это лишний раз подчёркивает мысль о духовном блуждании современного человека по русскому бездорожью и тоскливое созерцание разбушевавшейся «бесовщины».

Зимние мотивы продолжали звучать и в пушкинской лирике 1830-х годов. Так, в балладе «Будрыс и его сыновья» (1833) своеобразным рефреном повторяются строки: «Снег на землю валится» и «Снег пушистый валится». Но наиболее полно о зиме Пушкин написал в стихотворении «Осень» (1833), в котором поэт признавался, что «суровою зимой» он «более доволен» и любит «её снега». С ней у него связаны многие приятные воспоминания: прогулки «с подругой» в санях, катанье на коньках («Как весело, обув железом острым ноги, / Скользить по зеркалу стоячих, ровных рек!») и «зимних праздников блестящие тревоги». Вместе с тем в стихотворении «Осень» Пушкин, конечно же, не просто размышляет о разных временах года (в том числе и о зиме), а стремится прежде всего передать ощущение творческого вдохновения, которое он испытывает с наступлением осени («И мысли в голове волнуются в отваге, / И рифмы лёгкие навстречу им бегут, / И пальцы просятся к перу, перо к бумаге. / Минута — и стихи свободно потекут»). И здесь нельзя не вспомнить зимней «скуки яд», о которой Пушкин писал в стихотворении «Зима. Что делать нам в деревне?..», когда его муза дремлет и «ко звуку звук нейдёт... Теряю все права / Над рифмой, над моей прислужницею странной: / Стих вяло тянется, холодный и туманный». Зима, по мнению поэта, не лучшее время для творчества.

Весьма своеобразно зимние мотивы нашли своё воплощение в незавершённом стихотворении «В поле чистом серебрится...» (1833), где отдельные темы и образы напрямую связаны с произведениями «зимнего» цикла и романом «Евгений Онегин». Здесь и «в поле чистом серебрится» (ср. в «Бесах»: «...еду, еду в чистом поле»); и «светит месяц» (в «Зимней дороге»: «Сквозь волнистые туманы / Пробирается луна...», а в «Бесах»: «Невидимкою луна / Освещает снег летучий...»); и «тройка мчится / По дороге столбовой» (в «Зимней дороге»: «По дороге зимней, скучной / Тройка борзая бежит»); и «дорожная скука» (в «Зимней дороге»: «Скучно, грустно»); и «родные звуки / Звонкой песни удалой» (в «Зимней дороге»: «Что-то слышится родное / В долгих песнях ямщика: / То разгулье удалое, / То сердечная тоска...»); и, наконец:

«Пой, ямщик! <...> / *Пой*: “Лучинушка, лучина, / Что же не свет-ло горишь?”» прямо перекликаются с «Зимним вечером»: «*Спой* мне песню, как синица / Тихо за морем жила...».

Можно предположить, что стихотворение «В поле чистом се-ребрится...» потому и осталось незавершённым, поскольку в при-нципе ничего нового по сравнению с произведениями «зимнего» цикла в нём нет, и поэтому Пушкин не посчитал нужным его до-рабатывать.

Зимние мотивы в большей или меньшей степени нашли своё воплощение не только в лирике Пушкина, но и в произведениях других жанров, например в поэмах («Домик в Коломне», «Мед-ный всадник») и прозе («Метель», «Капитанская дочка»). Но это уже предмет специального исследования.

«ПРИЧУДЛИВО СМЕШАЛИСЬ СВЕТ И ТЕНИ»

ТВОРЧЕСТВО РУССКИХ ПИСАТЕЛЬНИЦ

ХІХ ВЕКА¹

Истинных любителей русской словесности не может не радовать, что за последнее время воскрешён из небытия ещё один пласт несправедливо забытой литературы. Речь идёт о произведениях русских писательниц ХІХ века. Читатели уже имели возможность познакомиться с избранными произведениями Н.А. Дуровой, Е.П. Ростопчиной, М.С. Жуковой, Н.Д. Хвоцинской, С.В. Ковалевской и др., а также с интересно составленными сборниками повестей и рассказов русских писательниц «Дача на Петергофской дороге» (1986), «Свидание» (1987), «Только час» (1988), «Женская логика» (1989), подготовленными издательством «Современник».

Цель настоящего сборника² — расширить представление современного читателя о творчестве русских писательниц, познакомить его как с новыми, малоизвестными авторами (например, Е.В. Салиас де Турнемир, А.П. Сулова, А.В. Корвин-Круковская и др.), так и с произведениями, многие из которых после первой публикации никогда не переиздавались («Напрасный дар» Е.А. Ган, «Наденька» М.С. Жуковой, «За чайным столом» К.К. Павловой, «Поминки» О.А. Шапир, «Счастлива» А.Р. Крандиевской). Особенностью настоящего сборника является также то, что в основу его положен тематический принцип. В нём собраны повести и рассказы, посвящённые русской женщине, её судьбе и положению в обществе.

¹ Впервые опубл.: Сердца чуткого прозреньем... / сост., вступ. статья и примеч. Н.И. Якушина. М., 1991. С. 3–18.

² Здесь и далее в статье речь идёт о сборнике «Сердца чуткого прозреньем...» (М., 1991).

Так называемый «женский вопрос» давно привлекал внимание русских писателей. Ещё в конце XVIII века Н.М. Карамзин в повести «Бедная Лиза» нарисовал образ возвышенно прекрасной, нравственно чистой девушки-«поселянки», наделённой глубокими чувствами. Карамзин одним из первых в русской литературе заявил, что способность «чувствовать» отнюдь не является привилегией представительниц образованных сословий, что «и крестьянки любить умеют».

Многотрудной, часто безрадостной и горькой доле русской женщины посвящали свои произведения не только великие художники прошлого, такие как А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Н.А. Некрасов, Ф.М. Достоевский, М.Е. Салтыков-Щедрин, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, но и менее известные писатели — В.Ф. Одоевский, Н.Ф. Павлов, В.А. Соллогуб, А.В. Дружинин, В.А. Слепцов и многие другие. И в этом не было ничего удивительного. Положение женщины в России во многом отражало духовное и нравственное состояние общества. Многие прогрессивные деятели русской культуры неоднократно ставили вопрос о необходимости уравнивания прав мужчины и женщины, о равноправном воспитании и образовании. «Только коренное преобразование женского воспитания, общественных прав женщины и семейных отношений, — писал революционер-демократ М.Л. Михайлов, — представляется мне спасением от нравственной шаткости, которую, как старческой немочью, больно современное общество»¹.

И всё-таки кто как не сами женщины, с их обострённым восприятием мира, могли лучше рассказать о своей судьбе, о своих чувствах и переживаниях, мечтах и стремлениях. Недаром В.Г. Белинский отмечал, что «женщина лучше нежели мужчина может изображать женские характеры, и её женское зрение всегда подметит и схватит такие тонкие черты, такие невидимые оттенки в характере или положении женщины, которые всего резче выражают то и другое и которых мужчина никогда не подметит»².

Об этом же очень точно сказал в стихотворении «Женщине» поэт Н.Ф. Щербина:

Ты сердца чуткого прозреньем
Те правды можешь угадать,
Которых нам ни размышленьем,
Ни долгой жизнью не дознать.

Однако далеко не сразу за русскими женщинами, взявшимися за перо, было признано право заниматься литературной деятель-

¹ Михайлов М.Л. Соч.: в 3 т. Т. 3. М., 1958. С. 375.

² Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. IV. М., 1954. С. 115.

ностью. Это, впрочем, было характерно не только для России. «Звание писательницы, — писал В.Г. Белинский в 1843 году, — пока ещё контрабанда не у одних нас. <...> Никакая пишущая женщина в Европе не избегнет пошлых намёков и названия *синепо чулка*, каков бы ни был её талант, равно всеми признанный. Никто там не оспаривает у женщины права высказываться печатно и возможности быть одарённою даже великим творческим талантом; никого не оскорбляет и не соблазняет зрелище пишущей женщины; но в то же время едва ли кто упустит случай, говоря о пишущей женщине, посмеяться над ограниченностию женского ума, более будто бы приноровленного для кухни, детской, шитья и вязанья, чем для мысли и творчества»¹.

Подобный взгляд на женщин, решившихся посвятить себя творчеству, очень долгое время господствовал и в русском обществе. Однако вопреки предвзятому к себе отношению они всё-таки утверждали своё право творить. Это проявлялось в самых различных областях искусства. Ещё в середине XVIII века прославилась знаменитая танцовщица Аксинья Баскакова, в конце XVIII — начале XIX столетия во всей своей полноте раскрылся талант актрисы Парашы Ковалёвой-Жемчуговой, балерины Татьяны Шлыковой-Гранатовой, певицы Елизаветы Сандуновой и многих других. Тогда же первые женские имена украсили и многие литературные произведения, и в первую очередь это коснулось поэзии. Преодолев господствующие предрассудки, начали печатать свои стихи талантливые русские поэтессы А.П. Бунина, А.А. Волкова. А чуть позже З.А. Волконская, Н.С. Теплова, Е.Б. Кульман, А.И. Готовцова, Е.П. Ростопчина и К.К. Павлова. Но прозаические произведения женщин-литераторов систематически начали появляться в печати лишь с середины 1830-х годов. Объяснялось это общими закономерностями развития нашей литературы. В это время проза становится доминирующим жанром. «Если есть идеи времени, то есть и формы времени», — писал Белинский в 1835 году. И такой формой становятся роман и повесть, которые, по словам критика, удобнее «для представления человека, рассматриваемого в отношении к общественной жизни»². И проза русских писательниц органически вписалась в общий ход развития русской литературы.

Наиболее распространённым жанром в 1830-е годы стала так называемая «светская повесть», возникшая в процессе становления романтической прозы. Жизнь светского общества, изображение пагубного воздействия его предрассудков на личность

¹ Белинский В.Г. Соч. Т. 7. С. 648.

² Белинский В.Г. Соч. Т. 1. С. 271.

незаурядного героя, зависимость частной жизни человека от господствующего уклада общественной жизни нашли своё воплощение в повестях и рассказах В.Ф. Одоевского, О.М. Сомова, А.А. Бестужева (Марлинского), Н.Ф. Павлова, Н.А. Полевого, В.А. Соллогуба, И.И. Панаева и др.

В основе светской повести, как правило, лежала любовно-психологическая драма, конфликт между «светом» и героями, осмелившимися нарушить его «законы». Это и определяло во многом их сюжетное развитие, взаимоотношения персонажей, особенности построения характеров, а также эмоциональный тон повествования.

В отличие от большинства авторов светских повестей русские писательницы, стремясь придать своим произведениям большую достоверность и даже определённую «документальность», широко использовали эпистолярную форму и дневниковые записи. Это позволяло им глубже передать внутренние переживания действующих лиц, искренность и непосредственность их чувств. Но главным достоинством повестей и рассказов писательниц было то, что в них более глубоко отразилась борьба в защиту прав женщины, протест против порядков, которые не давали ей возможности участвовать в общественной жизни своего времени. Борьба за свободу выбора, право на любовь, за равноправие в семье — вот основные темы их произведений.

Значительный вклад в разработку жанра светской повести внесла Н.А. Дурова. О её первом произведении «Кавалерист-девица. Происшествие в России», опубликованном в 1836 году, с похвалой отозвался А.С. Пушкин: «Сейчас прочёл переписанные “Записки”: прелесть! живо, оригинально, слог прекрасный»¹.

«Прекрасным слогом» написана и повесть Н.А. Дуровой «Игра судьбы, или Противозаконная любовь» (1837), в которой рассказана трагическая история молодой девушки, «пристроенной» родителями за человека безнравственного и развратного, который надругался над её пылкой и восторженной любовью. Не наделённая «ни высоким разумом, ни слишком утончёнными чувствами», героиня повести не сумела найти в себе достаточной силы воли, чтобы защитить своё человеческое достоинство, и попыталась «заглушить горе» в вине. Не спасла Елену и любовь татарского князя Гамета, которому лишь на время удалось избавить её от пагубного пристрастия. К тому же их любовь — магометанина и христианки — в глазах света выглядит «преступной».

Гибель князя, ставшего жертвой интриг собственных братьев, лишила Елену последней надежды на счастье. К тому же, по словам автора, «преступная связь с Гаметом тяжело легла на со-

¹ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 10. М.; Л., 1951. С. 670.

весть её, и невыносимые страдания её одни только могут выкупить столь тяжкий грех». Испытав «такие мучения тела и духа, что никакие слова не могут этого выразить», Елена умерла, всеми покинутая и забытая. Однако, конечно же, не «преступная» связь погубила молодую женщину, а те условия, в которых она воспитывалась и жила, общество, которое видело в ней лишь человека, «нарушившего приличие и закон».

В жанре светской повести выступала и известная поэтесса Е.П. Ростопчина, в стихах которой современники отмечали «энергию чувства», «одушевление», «грустные порывы», живую непосредственность и искренность. Эти черты свойственны и её прозе, в частности повести «Чины и деньги» (1838).

Уже в самом названии произведения чётко обозначены причины, погубившие его героев Вадима Свирского и Веру Клирмову. Их разъединили не несходство характеров и даже не сословные предрассудки (оба они принадлежали к одному кругу), а негласные законы светского общества, его безнравственная мораль, основанная на том, что главными и определяющими ценностями в жизни являются чины и деньги. Е.П. Ростопчина открыто выступила в защиту права женщины на личную свободу и жизнь, подчинённую лишь естественным чувствам.

В своём стремлении лишить женщину возможности самой решать свою судьбу, подчинить её существование своим законам светское общество с особой нетерпимостью относилось к тем, кто своей неординарной натурой не вписывался в принятые нормы поведения и выделялся на фоне пустоты и бессодержательности его жизни. И труднее всего было женщинам, наделённым талантом. Общество безжалостно расправлялось с ними, превращая их способности в «напрасный дар».

Непонятым и никому не нужным оказалось поэтическое дарование талантливой девушки Анюты Байченко, о судьбе которой поведала в своей повести «Напрасный дар» (1842) Е.А. Ган, выступавшая под псевдонимом Зенеида Р-ва. Талант этой писательницы высоко ценил В.Г. Белинский. «Не являлось ещё на Руси женщины столь даровитой, не только чувствующей, но и мыслящей, — отмечал он. — Русская литература по праву может гордиться её именем и её произведениями»¹. О повести «Напрасный дар» критик писал, что это произведение «об общественном невольничестве царицы общества, невольничестве столько великом и безвыходном, что для женщины величайшее несчастье иметь призвание к чему-нибудь возвышенно-человеческому, кроме любви...»². Общество оказалось равнодушным

¹ Белинский В.Г. Соч. Т. 7. С. 675.

² Там же. С. 667.

к «возвышенно-человеческому» призванию героини повести. Не сумев преодолеть глухую стену непонимания, вражды и отчуждённости, она погибла.

В повести Е.А. Ган отчётливо прозвучал протест против таких порядков, при которых женщина не имеет никаких прав, когда перед ней закрыты все дороги в жизни. «...Ведь не природа заслоняет женщине предназначенный ей свыше путь! — говорит автор. — Люди, законы, общество, условия... установили свои права».

Отдавая должное таланту писательницы, нельзя не отметить, что её повесть написана очень неровно. На это, кстати, в своё время обратил внимание и В.Г. Белинский, заметивший, что наряду с «искрами высокого таланта», «блётками яркого вдохновения» в произведениях Е.А. Ган есть «что-то недоговорённое», присутствие «какого-то провинциального идеализма а la Марлинский»¹.

В несколько иной тональности, более спокойно, без излишней экзальтации, написана повесть М.С. Жуковой «Наденька». Она была опубликована в 1853 году, когда господствующим направлением в русской литературе стал реализм. Однако вместе со своими современницами Н.А. Дуровой, Е.П. Ростопчиной и Е.А. Ган писательница осталась верна романтизму, хотя в её произведениях, написанных даже в 1830-х годах, отчётливо проступали реалистические тенденции (особенно в описании бытовых подробностей).

Основное внимание в повестях и рассказах М.С. Жуковой сосредоточено на раскрытии характеров бедных девушек, с горечью осознающих социальное неравенство своего положения, мешающего им обрести счастье. Такова и Наденька, героиня одноимённой повести, натура возвышенная и самоотверженная, готовая принести в жертву своё собственное чувство ради благополучия и счастья других.

В повести ей противопоставлена Елена Малуева, девушка «не без души и не без добрых стремлений», но воспитанная в богатой семье и заражённая светскими предрассудками. «Мы думали, — говорит Елена своему возлюбленному Леметьеву, — что нам позволено было любить, располагать сердцем, предаваться его влечению, как счастливым этого мира, богачам. Нет, я знаю, что великодушные или, лучше сказать, любовь могла бы увлечь нас, но она сгубила бы не меня, нас обоих». Для неё нет большего несчастья, чем бедность, и она решила не связывать свою судьбу с любимым, но необеспеченным человеком.

В настоящий сборник включена повесть «Долг» (1850) популярной в своё время писательницы Е.В. Салиас де Турнемир.

¹ Белинский В.Г. Соч. Т. 7. С. 674.

Пусть читателя не смущает несколько необычное имя писательницы. Это фамилия её мужа, а сама она происходила из старинного дворянского рода Сухово-Кобылиных (драматург А.В. Сухово-Кобылин — её родной брат). Романы и повести Евг. Тур (так она подписывала свои произведения) в течение многих лет, вплоть до конца XIX века, печатались в лучших русских журналах (в том числе в некрасовском «Современнике») и выходили отдельными изданиями. А потом о ней забыли, и в XX столетии произведения этой несомненно одарённой писательницы почти не переиздавались. Между тем они с интересом читаются и сегодня.

Творчество Евг. Тур, хотя и формировалось в эпоху расцвета реализма, тем не менее сохранило многие романтические черты. Нельзя не отметить также, что первые произведения писательницы создавались в период так называемого «мрачного семилетия» (1848–1855), когда цензура не давала возможности ставить острые социальные вопросы. Да и характер дарования Е.В. Салиас де Турнемир, её жизненные впечатления в известной степени ограничивали круг затрагиваемых в её творчестве проблем. В центре повестей и романов писательницы оказалась прежде всего жизнь сердца, отражение переживаний тонко и глубоко чувствующей женщины. И.С. Тургенев писал, что произведения Евг. Тур поражают «своей искренностью, неподдельным жаром чувства, какою-то стремительностью убеждений и благородным мужеством души», что её талант — «лирический», «способный передавать малейшие движения души автора, его собственный жизненный опыт»¹.

Лучшие стороны таланта писательницы проявились и в повести «Долг», посвящённой проблеме, которая, вероятно, никогда не потеряет своей актуальности, — проблеме ответственности человека за своё поведение и поступки перед обществом, и в частности долга женщины перед семьёй и мужем. Героиня повести делает трудный для себя выбор, сумев преодолеть разгоравшееся любовное чувство и навсегда расстаться с человеком, которого искренне и глубоко любила.

Современный читатель, конечно же, обратит внимание на некоторую многословность повести, на известный налёт дидактизма, которые проступают на некоторых её страницах, на то, что, говоря словами И.С. Тургенева, это произведение «более музыкальное, чем живописное». Но всё с лихвой окупает проявление «горячего русского сердца» писательницы, «опыт жизни женской и страстность убеждений»².

Своеобразную трактовку проблема положения женщины получила в творчестве талантливой поэтессы К.К. Павловой, чьё заме-

¹ Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. Т. 5. М.; Л., 1965. С. 385.

² Там же. С. 370.

чательное дарование было признано многими деятелями русской культуры. В своей творческой деятельности она обращалась к самым разным поэтическим жанрам: писала лирические стихотворения, баллады, послания, думы, «рассказы в стихах» и т.п. Поэзия К.К. Павловой, для которой характерны глубина душевного переживания, тонкая и богатая музыкальность, высокая стиховая культура, достаточно хорошо известна. Что же касается прозы, то она мало кому знакома.

В повести «За чайным столом» (1859) К.К. Павлова по-новому подошла к раскрытию женского характера. Сюжетное построение этого произведения во многом напоминает художественную структуру повести А.И. Герцена «Сорока-воровка», в которой собеседники, придерживающиеся разных взглядов, обсуждают вопрос о том, почему среди русских женщин нет талантливых актрис. Доводы спорящих опровергает «известный художник» своим рассказом о трагической судьбе встреченной им однажды крепостной актрисы.

В произведении К.К. Павловой также идёт спор. Собравшиеся «за чайным столом» спорят о положении женщины в обществе и о сущности женского характера. В оценке ненормальности воспитания женщины в семье, их зависимости от всякого рода условностей все спорившие во многом были единомышленны. Было высказано также мнение, что главное преимущество женщины перед мужчиной заключается в её умении более глубоко чувствовать, её «всегда тронет благородный поступок» и «на честную откровенность, на доверие сердце её всегда откликнется». И вот с этим не согласился один из присутствовавших, скептик Алексей Петрович, рассказавший историю взаимоотношений богатой молодой вдовы княгини Алины и Хозревского, у которого «имения нет, родства порядочного тоже нет, и есть только природный ум, который он, однако, тщательно скрывает, поскольку окружающие не терпят “умников” и не прощают превосходства над собой».

Княгиня Алина — женщина незаурядная. Она умна, красива, образованна. Но характер её достаточно сложен и противоречив. Разное было в жизни молодой женщины, и даже такое, что не даёт ей покоя, мучит и заставляет страдать. В глазах света она — человек расчётливый, «без души и совести», неспособная к благородным поступкам, поскольку в ней «нет никакого чувства, кроме самолюбия и эгоизма». Но ей хочется доказать обратное, и она решает связать свою судьбу с незнатным, не очень умным и малообразованным Хозревским (именно таким он старался выглядеть в глазах Алины и окружавших его людей).

По-разному можно трактовать такое решение героини повести. В нём можно увидеть желание бросить вызов светскому обществу, дать волю всему доброму и светлому, что всё-таки было в её ха-

рактуре. Но можно это рассматривать и как минутный каприз, как стремление лишней раз утвердить в глазах света свою исключительность и независимость от его мнения.

Неоднозначно можно судить и о решении Алины порвать с Хозревским после того, как он единственный раз в жизни рассказал правду о самом себе и поведал ей, что он совсем не такой, каким казался. «Я не могу решиться быть женой человека, который умеет так хорошо притворяться», — написала Алина Хозревскому на следующий день после его исповеди. И её в данном случае можно понять.

Повесть К.К. Павловой лишена моральных сентенций, весьма часто проявляющихся в произведениях женщин-писательниц. В ней нет чётко сформулированных выводов и поучений. Читатель сам должен сделать вывод из прочитанного. Ему самому предстоит дать оценку поведения героев.

Общественный подъём, охвативший русское общество после смерти Николая I и поражения России в Крымской войне, коснулся всех сторон духовной жизни страны. В канун подготовки и проведения крестьянской реформы, как никогда раньше, обострились все сколько-нибудь важные проблемы общественной жизни. Новый аспект проявился и в обсуждении «женского вопроса». Этому в немалой степени способствовало то обстоятельство, что женщины получили возможность учиться в гимназиях, им разрешили посещать в качестве вольнослушательниц лекции в некоторых высших учебных заведениях. Значительно расширился круг женщин, обратившихся к творческой деятельности. И если раньше литературным трудом занимались преимущественно представительницы привилегированных сословий, то теперь среди них всё чаще стали появляться выходцы из самых различных слоёв общества, и прежде всего из среды разночинцев (например, А.Я. Панаева, А.П. Сулова, М.А. Виленская, С.П. Соболева, О.А. Шапир и др.). Несмотря на новые веяния и активную борьбу за равноправие женщин, которая велась на страницах периодической печати, путь в литературу для многих писательниц, как и прежде, был труден. Им приходилось преодолевать множество препятствий в своём стремлении заниматься литературной деятельностью, поскольку это считалось делом предосудительным и несовместимым с женской благопристойностью. Писательница М.К. Цебрикова, например, вспоминала, что ей «право писательства пришлось брать с боя... Приходилось брать с боя каждый шаг жизни, когда чужие преследовали насмешками, а близкие бросали брёвна под ноги»¹. С упорным сопротивлением родных

¹ Цит. по кн.: Свидание: проза русских писательниц 60–80-х годов XIX века. М., 1987. С. 4.

и близких за право самостоятельно решать свою судьбу и заниматься литературным трудом довелось столкнуться М.А. Виленской, сёстрам Хвоцинским, А.В. Корвин-Круковской и многим другим писательницам.

Демократизация общественной жизни оказала существенное влияние и на развитие литературы. В ней стали преобладать критические тенденции, связанные с традициями «гоголевской» или, как её ещё называли, «натуральной» школы, эстетические принципы которой были разработаны В.Г. Белинским, а затем Н.Г. Чернышевским и Н.А. Добролюбовым. В своей работе «Очерки гоголевского периода русской литературы» Н.Г. Чернышевский писал: «...“критическое направление”, при подробном изучении и воспроизведении явлений жизни, проникнуто сознанием о соответствии или несоответствии изученных явлений с нормою разума и благородного чувства»¹. Эти принципы лежали в основе формирования демократической литературы 1860-х годов, неотъемлемой частью которой стало и творчество большинства русских писательниц второй половины прошлого века.

Активизация общественно-политического движения в стране, жившей ожиданием грядущих перемен, демократические тенденции, наметившиеся в литературе, не могли не отразиться на тематике и проблематике произведений русских писательниц. Их теперь в большей степени стало волновать не положение женщины в светском обществе, а судьба представительниц социальных низов. Героями их произведений становятся крестьянки, городские девушки из бедных семей, молодые женщины, осознавшие необходимость борьбы за переустройство несправедливых общественных отношений.

Одной из первых писательниц, обратившихся к изображению жизни крепостных крестьянок, была М.А. Виленская, выступавшая под псевдонимом «Марко Вовчок». Сборник её произведений «Рассказы из народного русского быта», вышедший в 1859 году, был сочувственно встречен демократической критикой. Н.А. Добролюбов писал: «Великие силы, таящиеся в народе, и разные способы их проявления под влиянием крепостного права — вот что видим мы в этих рассказах»². Эта мысль лежит и в основе повести Марко Вовчок «Институтка» (1860), посвящённой горестной судьбе крепостной девушки Устиньки, которой довелось пережить весь ужас унижения и рабского существования, но которая никогда не мирилась со своим подневольным положением и в конце концов обрела долгожданную свободу.

¹ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. 3. М., 1950. С. 807.

² Добролюбов Н.А. Собр. соч.: в 9 т. Т. 6. М.; Л., 1963. С. 222.

Произведения Марко Вовчок, созданные в 60-е годы, органически вписались в общее русло развития демократической литературы. Правда, созданные писательницей женские характеры не отличались глубиной психологического анализа, и ей не всегда удавалось в достаточной степени осмыслить процессы, происходившие в окружающей жизни, но тем не менее она сумела показать пробуждение самосознания в среде крепостного крестьянства и его неистребимую ненависть к рабству. Именно это привлекало читательские симпатии к творчеству писательницы. «В те годы, — писал известный деятель революционного движения П.А. Кропоткин, — вся образованная Россия упивалась повестями Марко Вовчок и рыдала над судьбой её героинь-крестьянок»¹.

«Девушка с обстриженными волосами, в костюме, издали похожем на мужской, девушка, везде являющаяся одна, посещающая... университет, пишущая, одним словом, эмансипированная»² — такую характеристику дала дочь известного петербургского архитектора Е.А. Штакеншнейдер Аполлинии Прокофьевне Суловой, с которой она познакомилась в 1862 году. А.П. Сулова была дочерью бывшего крепостного графа Шереметева. Вместе со своей сестрой Надеждой, ставшей первой русской женщиной-врачом, она принимала активное участие в демократическом движении 60-х годов и была хорошо знакома со многими деятелями революционного подполья. А.П. Сулову, как и многих писательниц XIX века, волновала прежде всего проблема женской эмансипации. Героиня её повести «До свадьбы» (1863) пытается понять себя, проанализировать процессы формирования своей личности, осмыслить своё назначение в жизни. «Необходимость доискиваться до всего самой, помимо посторонней помощи, — записывает она в своём дневнике, — спасла меня от страдательной участи личностей, безусловно принимающих готовые правила... Я чувствовала в себе перемену: во мне происходила внутренняя работа, родились новые мысли, новые желания». В отличие от своих сверстниц, обучавшихся вместе с ней в закрытом пансионе, она думает не о будущей жизни в свете, не о балах и не о выгодном замужестве. Молодая девушка мечтает о другой, освящённой высокими идеалами жизни. И хотя мечты её весьма туманны и неопределённы и она сама ещё не знает, чего именно хочет, «но остаться безучастной к народным движениям, не иметь значительной роли в обществе» ей кажется «нестерпимо обидным». А это свидетельствовало уже о новом уровне духовного сознания женщины.

¹ *Кропоткин П.А.* Идеалы и действительность в русской литературе. СПб., 1907. С. 244.

² *Штакеншнейдер Е.А.* Дневник и записки. М.; Л., 1934. С. 307.

Чувство глубокой неудовлетворённости, томление от ощущения бесцельности своего существования испытывает и героиня повести А.В. Корвин-Круковской «Сон» (1864). Ей хочется быть кому-нибудь нужной, полезной, кого-то любить и быть любимой. Но мечты эти так и остались неосуществлёнными. Душевная усталость, а главное — отсутствие всякой надежды на какие-либо изменения преждевременно сводят её в могилу. Она не нашла в себе достаточно сил отыскать путь в мир высоких помыслов и стремлений. Но нежелание мириться с обстоятельствами, в которых она вынуждена жить, попытка найти своё место в жизни лишней раз убеждали читателя в глубоких сдвигах, происходивших вокруг, и пробуждающемся самосознании женщины.

В течение почти двадцати лет, начиная с конца 40-х годов, на страницах журнала «Современник» систематически печатались произведения одной из самых талантливых писательниц середины XIX века А.Я. Панаевой. Современному читателю она известна прежде всего как автор интересно написанных «Воспоминаний», в которых воспроизведена идейная и литературная атмосфера 1840–1860-х годов. Но её романы, повести и рассказы, посвящённые главным образом проблемам женского равноправия, воспитания, любви и брака, мало кому известны. Между тем произведения А.Я. Панаевой, несомненно, заслуживают внимания, и их давно следовало переиздать.

«Рассказ в письмах» (1864), помещённый в настоящем сборнике, привлекает внимание прежде всего тем, что писательница нарисовала образ девушки, порвавшей с дворянской средой, в которой она родилась и воспитывалась, сумевшей понять, что «позорно жить праздною барышней, ищущей... выгодного жениха», самостоятельно решившей свою судьбу, активно включившись в общественную деятельность. А.Я. Панаевой удалось достаточно полно и глубоко раскрыть характер Саши (чему в немалой степени способствовал выбранный писательницей эпистолярный жанр повествования), показать её убеждённость в правильности избранного пути, её стремление приобщить к новой жизни младшую сестру Надежду, внушить ей мысль о необходимости преодолеть «житейское благоразумие», толкающее людей «сначала идти на мелкие сделки, а потом доходить до самых крупных подлостей», и выйти «смело на борьбу за своё счастье».

Произведения А.Я. Панаевой, созданные в начале 60-х годов (в том числе и «Рассказ в письмах»), написаны под несомненным воздействием Н.Г. Чернышевского. Героиня её рассказа — это новый человек, девизом жизни которого становится служение

общественным идеалам. «...Я не допущу себя до апатии и малодушия, — пишет Саша своей сестре, — какое бы личное горе или несчастье ни постигло меня, потому что есть ещё в жизни много целей, для которых человек должен забыть личные страдания, для которых он должен неумолимо работать».

А.Я. Панаева не имела возможности открыто указать, что Саша стала участницей революционного движения. Лишь в конце произведения содержится глухой намёк на то, что её постигла участь многих русских революционеров. Можно догадаться, что она была арестована и отправлена в ссылку.

Образы героических женских натур, открыто вступивших на путь борьбы за общественные преобразования, начиная с 1860-х годов стали занимать важное место в демократической литературе, в том числе и в творчестве русских писательниц. Наиболее яркое воплощение такой характер получил в повести С.В. Ковалевской «Нигилистка», написанной в середине 80-х годов. Это произведение не вошло в настоящий сборник прежде всего из-за ограниченности его объёма, а также потому, что за последние годы оно неоднократно переиздавалось. Но сказать несколько слов о повести «Нигилистка» необходимо, поскольку в ней С.В. Ковалевской, как никому другому, удалось показать сложный путь к «нигилизму», к революционной борьбе девушки из богатой и родовитой дворянской семьи. Путь этот проходил через общение с народом, через увлечение идеями религиозного самопожертвования во имя счастья людей, через приобщение к передовым веяниям времени, через тяжёлую личную драму (её возлюбленный, осуждённый за революционную деятельность, умер в ссылке). Целью жизни Веры Баранцевой становится служение народу, её жизненной программой — поиски настоящего дела, страстное желание быть полезной, что, по её словам, означало «работать лично над разрушением деспотизма и тирании или поддерживать тех, кто работает в этом направлении». Рассказывая историю жизни Веры Баранцевой, С.В. Ковалевская не изображает её какой-то исключительной личностью. Она обыкновенный человек, одна из многочисленных представительниц передовой молодёжи.

Характерной особенностью повести «Нигилистка» было то, что в ней достаточно полно отразилась личность самой С.В. Ковалевской, а многие высказывания и суждения героини произведения — это не что иное, как исповедь самой писательницы. Поэтому «Нигилистку» можно рассматривать не только как художественное произведение, но и как живое мемуарное свидетельство, как воспоминания о пережитом и передуманном.

Заметный след в развитии демократической литературы середины XIX столетия оставило творчество сестёр Софьи и Надежды Хвощинских. Главное внимание в очерках, повестях и ро-

манах рано умершей С.Д. Хвоцинской было сосредоточено на изображении жизни русской провинции середины века, а также на развенчании «великолепно дрессированной» обывательщины. Диапазон творчества её младшей сестры Н.Д. Хвоцинской более широк. Она писала стихи, романы и повести, критические и публицистические статьи. Но наибольшую известность ей принесли прозаические произведения, которые она подписывала несколько необычным именем — «В. Крестовский — псевдоним», чтобы читатель не спутал её с популярным в то время беллетристом Вс. Крестовским.

Как и других писательниц, Н.Д. Хвоцинскую в первую очередь интересовала судьба женщин, вынужденных жить в обществе, которое не давало им возможности для самовыражения, для проявления своих способностей. Ей близки и дороги героини, сумевшие обрести независимость и стремящиеся быть полезными тем, кто нуждается в помощи и сострадании (например, Лёленька в повести «Пансионерка», Катя из романа «Большая Медведица»). Вместе с тем Н.Д. Хвоцинская понимала, как порой трудно женщинам обрести равноправие, найти свою дорогу в жизни, что далеко не каждая из них находит мужество и волю, чтобы преодолеть возникающие препятствия. Поэтому писательница в своих произведениях обращается к рассказам о судьбах женщин, среди которых встречались не только натуры с сильными характерами, твёрдо идущие к намеченной цели, но и разочарованные, смирившиеся со своей участью, а также решившие, что главное в жизни — это прожить её беспечно, заботясь лишь о собственном благополучии. Говоря о характере своего творчества, Н.Д. Хвоцинская отмечала: «Я просто описывала положение женщины, каково оно было, каково оно часто и теперь. Мученичество этого положения — только следствие всего окружающего. Я показывала жертву для того, чтобы виноватые видели, до чего они доводят, и, одумавшись, стали бы жить толковее... Я не “смелая проводница новых путей”... Я не могла показывать пути, потому что в настоящем положении общества я его сама не вижу...»¹

В своих повестях и рассказах Н.Д. Хвоцинская стремится быть предельно объективной, изображать жизнь такой, какой она была. Писательница не навязывает читателю своей точки зрения, призывая его самого делать обобщения.

В повести «Свидание» (1879) представлены три женских характера. Это помещица Александра Сергеевна Табаева, в своё время отдавшая дань либеральным увлечениям, а теперь озабоченная лишь преувеличением доходов со своего имения и поисками подходящего жениха. Совершенно иной предстаёт перед

¹ Русская мысль. 1890. № 10. С. 83–86.

нами её невестка, жена умершего брата, Анна Васильевна, человек кристальной честности, самоотверженная труженица, нашедшая в себе достаточно сил пережить смерть любимого мужа и посвятить себя служению людям. И наконец, в конце повести появляется ещё один женский персонаж — дочь Анны Васильевны Саша, молодая девушка, вернувшаяся домой после окончания пансиона. Она убеждена, что мать после смерти мужа получила наследство, и надеется, что может теперь жить безбедно. Но оказывается, что Анна Васильевна отказалась от своих прав и у неё ничего нет, кроме незначительных средств, на которые она мечтала вместе с дочерью открыть школу для бедных. Поступок матери Саше непонятен. «Как вы могли, как вы смели сделать это, по какому праву вы забыли меня? — с возмущением говорит Саша. — Вам не нужно! Вы не хотели? Я хочу! За что по вашей милости я нищая?» И, не распаковывая чемодана, отправилась в Петербург с намерением поступить на курсы. Однако петербургская жизнь закружила молодую девушку. Слишком уж много соблазнов оказалось вокруг, и не устояла она — пошла на содержание к миллионеру и стала известна в кругах петербургского полусвета как славившаяся непристойным поведением Ада Дюнуайе.

Н.Д. Хвоцинская с горечью видит, что в новых исторических условиях иные аспекты приобретает проблема «отцов» и «детей». «Детям» оказываются глубоко чуждыми альтруистические устремления родителей, их самоотверженный труд во имя обездоленных и угнетённых. Они больше озабочены устройством собственных дел, желанием обрести духовный комфорт, жить в своём удовольствии. К этой проблеме разлада поколений Н.Д. Хвоцинская будет ещё не раз возвращаться в своём творчестве («Счастливые люди», «Альбом. Группы и портреты», «Здоровые», «Прощание» и др.).

В последние два десятилетия XIX века общественно-политическая, экономическая и духовная жизнь России претерпела существенные изменения. В новую фазу вступило и движение за женское равноправие. В нём наметились самые различные течения, от прогрессивно-демократических до уродливо феминистических. Это было связано прежде всего с тем, что к концу века значительно расширился круг женщин, добившихся права на высшее образование, права заниматься деятельностью, которая всегда была прерогативой мужчин. Теперь уже мало кого могло удивить, что женщины становились врачами, учительницами, переводчицами, журналистками и писательницами. И тем не менее образованным женщинам по-прежнему приходилось вести борьбу за право заниматься любимым делом и общественной деятельностью.

По-разному складывалась судьба женской интеллигенции в это время. Наиболее радикальная её часть в новых условиях исторического развития, как и раньше, стремилась посвятить себя служению общественным идеалам и примыкала к революционному движению. Но большинство обратилось к культурно-просветительской работе. Сотни молодых женщин отправлялись в самые отдалённые края Российской империи с целью просветить народ, научить его грамоте, приобщить к культуре, оказать медицинскую помощь. Долгое время подобную деятельность пренебрежительно называли «теорией малых дел», которая якобы отвлекала образованных людей от главной задачи — пропаганды революционных идей и подготовки народа к борьбе за свержение самодержавного строя. Думается, что подобное отношение к самоотверженной просветительской работе, которую вели среди широких народных масс представители передовой русской интеллигенции, глубоко неверно. Не говоря уже о том, что их воодушевляли бескорыстная идея служения общественному благу и поиски социальной справедливости, все они вносили свой вклад в подготовку грядущих социальных преобразований. И особую роль сыграла в этом деятельность русских писательниц, которые в своих произведениях защищали человеческое достоинство женщины, раскрывали её внутренний мир, показывали сложный путь поисков своего места в жизни, пытались ответить на извечные вопросы, стоявшие перед интеллигенцией, — «кто виноват?», «что делать?», «где лучше?».

Круг писательниц, выступавших в литературе конца XIX века, был довольно широк. К тем, чья творческая деятельность началась ещё в 60-е годы (М.Д. Цебрикова, Н.Д. Хвощинская), присоединилась целая группа новых женщин-литераторов — О.А. Шапир, М.В. Крестовская, В.И. Дмитриева, А.Р. Крандиевская, Т.Л. Щепкина-Куперник, Л.А. Авилова и другие. Их творчество развивалось в русле основных традиций реализма и было теснейшим образом связано с духовными исканиями русского общества последних десятилетий XIX столетия.

В повести «Поминки» (1889) О.А. Шапир поведала о судьбе женщины, отказавшейся от личного счастья и всю свою жизнь посвятившей служению людям. Всё её существование слагалось из забот «о чужих неприятностях, чужих затруднениях». По словам автора, «сказать, что тётя Катя [так все звали героиню повести, хотя настоящее её имя было — Конкордия. — *Н.Я.*] помогала каждому по мере сил — значило не сказать ровно ничего: тётя Катя жила жизнью каждого». И окружающие её люди воспринимают это как должное, как само собой разумеющееся. Мало того, они убеждены, что это её долг и обязанность. При этом, говорит писательница, она не имела «решительно никаких... прав. Она...

не могла ни контролировать, ни наставлять; её решительно никто не стеснялся, не совестился и не боялся, она не могла претендовать ни на чью откровенность». Ей предоставлялось лишь право служить «праздным лицом без определённого места в жизни», быть «чернорабочим на всех родинах, крестинах, свадьбах, похоронах... переездах и пр., и пр.». Никто никогда не интересовался ни её собственной жизнью, ни её чувствами и переживаниями. И внезапная смерть тёти Кати ни у кого не вызвала ни особого горя, ни горьких слёз.

* * *

А нужна ли подобная самоотверженность, эта «жизнь для других», принесла ли она кому-нибудь пользу?

На этот вопрос пытается ответить один из героев повести Фёдор Алазин. По его мнению, тётя Катя «появилась на свет для чужого удобства», она «воспитывала эгоистов». И тем не менее, по словам Алазина, «*всё для других* — это зенит человеческого совершенства», но направлено оно должно быть «на служение делу достойному», а не на прихоти бездельников и эгоистов. «Я хочу, — говорит он, — чтобы эта “чужая душа” не была расхищена, растащена по клочкам, по крупичкам всякими неумелыми руками!.. чтобы она не пошла прахом на покрытие чужих грешков, на потакание чужим слабостям, на исполнение чёрной работы за всевозможных лентяев!»

Трагична и поучительна судьба тёти Кати. Впустую прожита жизнь, даром растрочены её душевные силы и доброта. Самоотверженность, «жизнь для других» только тогда имеют смысл, если направлены на служение высоким идеалам и общественному благу, — вот основная мысль повести.

Завершает сборник рассказ А.Р. Крандиевской «Счастливая». Если судить по названию произведения, то можно подумать, что наконец-то мы встретимся со счастливой женщиной и узнаем, в чём же оно — это женское счастье.

В глазах окружающих героиня рассказа Ольга Осиповна Санина — счастливый человек. Она «работала в двух попечительствах, учила в воскресной школе и на вечерних классах для взрослых рабочих, заседала в разных комиссиях, устраивала концерты и спектакли с благотворительной целью, делала сборы в пользу голодающих, переселенцев, бедных курсисток и бедных студентов. Она не жалела себя для “хорошего дела”. Ездил из одного конца города в другой, всюду хлопотала, просила; убеждала, доказывала, грудью защищала и отстаивала всякое симпатичное начинание...». Её считали «светлой личностью» и ставили в пример другим. Но, по словам самой Ольги Осиповны, живёт она

«для других» только потому, что ей «больше не для кого жить», и от своей деятельности она не видит «никакой особенной “полезности”». «...Большое счастье, — говорит Ольга Осиповна, — основанное на бескорыстной любви к ближнему, может быть счастьем только для великих душ, способных на жертву, на подвиг... Только для них личное и сливается с общим благом, и они счастливы только тогда, когда счастливы другие». Себя же она считает человеком обыкновенным и поэтому мечтает о простом человеческом счастье, о том, чтобы встретить и полюбить достойного человека, выйти замуж и стать матерью.

Автор, конечно, далека от мысли доказывать, что самое главное для женщины — обрести семейное счастье, хотя и убеждена, что в каждой из них живёт неизбежное желание иметь семью и воспитывать детей.

Но главное всё-таки, по мнению писательницы, заключается в том, что женщина сама должна иметь право выбора, сама определить свой жизненный путь, своё предназначение, исходя из собственных возможностей и стремлений.

Далеко не все писательницы, чьи имена представлены в настоящем сборнике, оставили заметный след в нашей литературе, весьма различен и художественный уровень собранных здесь произведений. И тем не менее они заслуживают нашего внимания. Творческое наследие русских писательниц является неотъемлемой частью русской культуры и расширяет наше представление о её богатстве.

«ТАЛАНТЛИВЫЙ И СУРОВЫЙ РЕАЛИСТ»

ТВОРЧЕСТВО Н.Г. ПОМЯЛОВСКОГО¹

В один из пасмурных октябрьских дней 1863 года с Выборгской стороны по направлению к Малоохтинскому кладбищу, расположенному на окраине Петербурга, медленно двигалась похоронная процессия.

В толпе пришедших отдать последний долг покойному можно было видеть людей самых различных профессий. Не было среди них только официальных лиц, почти совсем не видно было карет и колясок. За гробом шли известные и малоизвестные литераторы, представители редакций газет и журналов, мелкий служилый люд. Невольно обращали на себя внимание идущие с непокрытыми головами Н.А. Некрасов, М.Е. Салтыков, Н.В. Успенский, К.Д. Ушинский, П.Л. Лавров и другие писатели, критики, публицисты. Было множество молодых людей: учащейся молодежи, студентов, семинаристов, кадетов. Все они стремились быть поближе к покойному, каждый из них старался хоть на короткое время подержаться за скобу гроба, который до самого кладбища несли на руках. «Не так провожают сильных мира сего, — писал один из современников, — так провожает публика того, чья смерть составляет для неё ощутительную потерю; так сходится с разных частей Петербурга, Бог весть из каких отдалённых, бедных его уголков, эта “беспокойная”, ни во что не верящая, над всем насмехающаяся, пустая молодёжь только к гробу того, кто честно служил своему делу; так провожает она... только того, в ком видела она истинного учёного, истинного писателя, истинного актёра!..»²

¹ Впервые опубликовано: *Помяловский Н.Г. Избранное / сост., вступ. статья и примеч. Н.И. Якушина. М., 1980. С. 5–24.*

² Библиотека для чтения. 1863. № 9. С. 159.

Так демократический Петербург прощался с одним из даровитейших молодых писателей — Николаем Герасимовичем Помяловским.

* * *

В сложное время вошёл Помяловский в литературу. Правительство, напуганное ростом крестьянских волнений, заявило о своём намерении отменить страшное зло русской действительности — крепостное право и провести ряд других реформ. «Под давлением военного поражения, страшных финансовых затруднений и грозных возмущений крестьян, — писал об этом периоде В.И. Ленин, — правительство прямо-таки *вынуждено* было освободить их. Сам царь признался, что надо освобождать сверху, пока не стали освобождать снизу»¹.

Страна вступила в новый период своего исторического развития. Начался буржуазно-демократический, или разночинский, этап в революционно-освободительном и литературном движении.

В.И. Ленин охарактеризовал разночинцев как «образованных представителей либеральной и демократической буржуазии, принадлежавших не к дворянству, а к чиновничеству, мещанству, купечеству, крестьянству»², которые «старались просветить и разбудить спящие крестьянские массы»³. Это были люди, воспринимавшие страдания народа как свои собственные, мечтавшие о коренных общественных преобразованиях, об уничтожении всех форм насилия и произвола. Они явились создателями оригинальных социальных и философско-этических концепций, страстными пропагандистами борьбы за счастье народных масс.

Из среды разночинцев вышли Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов, Д.И. Писарев, крупные деятели в области науки и искусства и, наконец, целая плеяда «размахисто талантливых» (М. Горький) писателей, которые принесли в литературу новое видение мира, ненависть к крепостному праву, страстное желание сделать свои произведения рупором пробуждающегося самосознания социальных низов.

Трудна была их жизнь, труден был их путь в литературу. «Редкий из литераторов-разночинцев, — писал впоследствии М. Горький, — доживал до сорока лет, и почти все испытали голодную, труппобную, кабацкую жизнь. Читателей у них было очень мало, и читатель, в огромном большинстве, был “чужой” человек»⁴.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 430.

² Там же. Т. 25. С. 93–94.

³ Там же. Т. 24. С. 333.

⁴ Горький М. О литературе. М., 1953. С. 518.

И всё, что выпало на долю этих писателей, с лихвой вобрала жизнь одного из самых талантливых, смелых и принципиальных литераторов-разночинцев — Н.Г. Помяловского.

Николай Герасимович Помяловский родился 11 апреля 1835 года в семье священника на окраине Петербурга. Восемь лет отец отдал его в церковно-приходское училище, а через два года в духовное училище при Александро-Невской лавре, в бурсу (так назывались обычно духовные училища, а также семинарии), где будущий писатель провёл шесть лет. Эти годы оставили в памяти Помяловского неизгладимый след. Через всю жизнь пронёс он неистребимую ненависть к «божественным наукам», преподававшимся в бурсе, к «долбне», ко всем видам казённого воспитания.

Обучение в духовном училище было поставлено из рук вон плохо. Преподавали там невежественные педагоги. Главными методами воспитания были розги и множество других унижительных наказаний. Во время пребывания в бурсе Помяловский испытал все ужасы бесчеловечного воспитания. Об этом он рассказал в очерке «Бегуны и спасённые бурсы», в котором изобразил себя в лице Карася. Позднее писатель говорил, что за время обучения в бурсе его высекли свыше четырёхсот раз.

В 1851 году Помяловский перешёл в семинарию. Преподавание там было поставлено немного лучше, чем в духовном училище: та же бессмысленная зубрёжка, то же стремление оболванить, отучить самостоятельно думать. Всё, что выходило за пределы богословских и других наук, изучавшихся в семинарии, всячески пресекалось. Семинаристам не разрешалось читать светские книги, петь песни не духовного содержания.

Помяловский находил утешение только в чтении. Читал он много, но довольно беспорядочно, особенно в первые годы учёбы. Наряду с талантливыми произведениями русских писателей проглатывал массу низкопробных сочинений.

Между тем общественный подъём, наступивший после окончания Крымской войны и смерти Николая I, отдалённым эхом докатился и до семинарии. И за её высокие стены стали проникать новые веяния. Среди семинаристов пробудился интерес к вопросам общественной жизни (выписали в складчину газету, устраивали втайне от начальства вечера и даже спектакли). В 1855 году стали выпускать рукописный журнал «Семинарский листок», в котором Помяловский принял самое деятельное участие. Он редактировал произведения своих товарищей, поместил там несколько своих статей и очерков, в том числе рассказ «Махилов», который произвёл на его друзей огромное впечатление. Уже в этом раннем литературном опыте будущего писателя обнаружилось его несомненное дарование.

Однако журнал просуществовал недолго. За вольнодумство из семинарии были исключены восемь человек. Семинаристы приуныли, многие из них отказались участвовать в «Листке», и на седьмом номере его издание прекратилось.

Последние годы, проведённые в семинарии, были для Помяловского годами напряжённой внутренней работы. Будущего писателя интересовали проблемы религии, отношения к природе. Он много пишет. «Я испытал свои силы, — говорил Помяловский, — во всех родах сочинительства, и, кажется, во всех неудачно, кроме некоторых рассуждений. Я думал быть и богословом, и историком, и философом, и драматургом, и романистом, и лириком, и, кажется, никем из них быть не могу. А впрочем, кто знает?»¹

Наконец семинарский курс был закончен. С горечью думал Помяловский о четырнадцати годах своей бурсацкой жизни и невольно приходил к мысли, что время это прошло впустую, что он не приобрёл ни прочных знаний, ни твёрдых убеждений. «Поганая бурса, — говорил Помяловский своему другу Н.А. Благовещенскому, — не дала нам никаких убеждений: вот теперь и добывай их, где хочешь!»²

Можно только поражаться, как ему, прошедшему через все ужасы и невзгоды бурсацкого воспитания, удалось не потерять веру в людей, сохранить в себе гордость и чувство человеческого достоинства, надежду на иную, светлую жизнь. Но всё же пребывание в бурсе не прошло бесследно для будущего писателя и явилось одной из причин его преждевременной гибели. «...Помяловский, — писал Д.И. Писарев, — вышел победителем из своей четырнадцатилетней борьбы с бурсой, но для этого надо быть Помяловским, да и Помяловский, несмотря на атлетическое сложение своего тела и своего ума, вынес с собою из бурсы роковое наследство — едкую и неизлечимую печаль о потерянном времени и, что того хуже, несчастную привычку топить эти невыносимо тяжёлые ощущения в простом вине»³.

Выйдя из семинарии, Помяловский вовсе не думал о духовной карьере, хотя отлично понимал, что с его знаниями, кроме как церковнослужителем, он никем стать не может. Это был период сомнений, колебаний, поисков своего места в жизни. Некоторое время Помяловский давал частные уроки, помогал справлять церковные службы, занимался воспитанием своего младшего брата. Одновременно усиленно занимался самообразованием, читал по-

¹ Помяловский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. I. М.; Л., 1935. С. XXV.

² Там же. С. XXX.

³ Писарев Д.И. Сочинения в 4 т. Т. 3. М., 1956. С. 195.

мимо художественной и педагогическую литературу, размышлял о различных теориях воспитания, писал статьи, очерки на педагогические темы. Один из них под названием «Вукол» Помяловский отнёс в «Журнал для воспитания», где вскоре он был напечатан за подписью «Герасимов» (1859. № 1).

Работал Помяловский чрезвычайно много. По воспоминаниям Н.А. Благовещенского, «сиднем сидел он над книгами и выработывал понемногу свои убеждения. Из всех журналов он с особенным наслаждением читал “Современник”. Его удивляло и радовало то, что мысли его сходятся с мыслями “Современника”... Статьи г.г. Чернышевского и Добролюбова имели громадное значение в деле его умственного развития; он перечитывал их по нескольку раз, вдумывался в каждую фразу...»¹. Позднее сам Помяловский признавался в письме к Н.Г. Чернышевскому: «...я ваш воспитанник, — я, читая “Современник”, установил своё миросозерцание»².

Значительное влияние на формирование взглядов Помяловского оказали лекции в Петербургском университете, которые он стал посещать по совету своих друзей. Постепенно он включился в студенческую жизнь, завёл новые знакомства, посещал собрания и сходки, жадно прислушивался к спорам о будущем России, о необходимости коренных социальных преобразований. С живым интересом следил за полемикой вокруг крестьянской реформы, развернувшейся на страницах газет и журналов.

Но процесс формирования мировоззрения происходил у будущего писателя трудно и мучительно, о чём свидетельствовал тот же Н.А. Благовещенский: «Глубоко засевавшая в душу философская мистика нелегко, однако ж, исчезала от влияния нового света науки; приходилось разбивать пункт за пунктом каждую отдельную сторону этой мистики, и каждая мысль отрывалась с болью, после жестокой усиленной борьбы... Помяловский тогда прямо глядел в свою душу и безжалостно вырвал из неё одну за другой все прошлые свои идеи... Да, нелегко достались ему его убеждения!»³

В начале 1860 года Помяловский со своими новыми товарищами — студентами начал преподавать в воскресной школе для детей бедняков, расположенной на Шлиссельбургском тракте, в одном из петербургских пригородов. Воскресные школы, открывшиеся тогда во многих городах России, были важным явлением в общественной жизни страны. Живо интересовавшийся тогда вопросами воспитания и образования, Помяловский вскоре стал одним из

¹ Помяловский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. I. С. XXXI.

² Там же. Т. II. С. 272.

³ Там же. Т. I. С. XXXII.

самых активных и деятельных преподавателей. Он даже некоторое время исполнял обязанности распорядителя школы.

Между тем Помяловский уже давно вынашивал мысль написать большое произведение, в котором собирался «разъяснить отношение плебея к барству». В конце 1860 года он принёс рукопись повести «Мещанское счастье» в журнал «Современник». Ознакомившись с нею, редактор «Современника» Н.А. Некрасов почувствовал свежесть и оригинальность таланта молодого писателя и пригласил его постоянно сотрудничать в журнале. В феврале 1861 года повесть «Мещанское счастье» была напечатана.

Появление нового сотрудника в «Современнике» было как нельзя более кстати. Незадолго перед этим в журнале произошёл раскол. Несогласные с революционно-демократическим направлением, которое стремились придать «Современнику» Н.Г. Чернышевский и Н.А. Добролюбов, его покинули И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, Д.В. Григорович и др. Им на смену стали приходиться новые литературные силы, писатели-разночинцы. Первым среди них был Николай Успенский, чьё творчество было высоко оценено Н.Г. Чернышевским в статье «Не начало ли перемены?». Вслед за ним в журнал пришёл Помяловский.

После публикации «Мещанского счастья» писатель сразу же приступил к работе над повестью «Молотов». Новое произведение появилось в октябрьской книжке «Современника» за 1861 год.

Повести «Мещанское счастье» и «Молотов» принесли молодому писателю известность не только в демократически настроенных кругах русского общества, но и в среде интеллигенции, придерживавшейся умеренных, либеральных взглядов. Так, например, И.С. Тургенев писал одной из своих корреспонденток: «Если у вас есть время и охота заниматься чтением, пробегите в “Современнике” (октябрьском) повесть г. Помяловского “Молотов”. ...Мне кажется, тут есть признаки самобытной мысли и таланта»¹.

Помяловский стал бывать на литературных вечерах, посещать литературные салоны, где познакомился со многими известными писателями, учёными, художниками и общественными деятелями, среди которых были и люди, принимавшие непосредственное участие в революционном движении. Все, кто встречался с Помяловским, всегда отмечали удивительное обаяние этого человека, его ум, тонкую наблюдательность и остроумие. Один из деятелей революционного движения 60-х годов Л.Ф. Пантелеев так рассказывал о молодом писателе: «В обществе, о чём бы ни шёл разговор, это был блестящий собеседник; его речь была жива, остроумна, но

¹ Тургенев И.С. Письма в 13 т. Т. 4. М.; Л., 1962. С. 313.

всегда сдержанна; его разливистый смех не только не резал уха, но всех заражал весёлостью. Самая наружность Помяловского невольно привлекала к нему; его густые русые волосы от природы закидывались назад надо лбом и делали лицо его открытым, смелым, но не вызывающим, а голубовато-серые глаза отражали детски-бесхитрое и любящее сердце. Не только все чтили в нём крупный талант, но, кто хоть раз встречался с ним в светлые минуты, тот не мог не поддаться обаянию его приветливой личности»¹.

В годы революционной ситуации 1859–1861 годов Помяловский оказался в самой гуще общественных событий. Он деятельно участвует в редакционных собраниях «Современника», бывает на квартире у Н.Г. Чернышевского, мечтает об издании книг для народа, специального журнала воскресных школ и т.д.

В самом начале 1862 года в Петербурге открылся Шахматный клуб, где писатели и общественные деятели обменивались политическими и литературными новостями, вели дискуссии и споры. В работе клуба Помяловский принимал самое активное участие. Он попытался организовать там общество писателей-тружеников для изучения различных сторон общественной жизни. Помяловский намеревался исследовать жизнь петербургских низов — людей, оказавшихся на дне жизни. Писатель хотел познакомиться с их бытом, привычками, языком и собранные материалы запечатлеть в произведениях, лишённых сентиментального сюсюканья. Но Шахматный клуб вскоре был закрыт, и задуманное Помяловским предприятие не состоялось.

Между тем, опасаясь усиления революционных настроений в обществе и участвовавших открытых выступлений против самодержавного строя, правительство перешло в наступление. В июне 1862 года на восемь месяцев было приостановлено издание революционно-демократических журналов «Современник» и «Русское слово». Вслед за тем был арестован вождь революционной демократии Н.Г. Чернышевский, закрыты воскресные школы.

Помяловский очень тяжело пережил эти события. Тоска и уныние обострялись и неудачной любовью. Всё чаще и чаще искал он забвения в вине. Но и это не приносило успокоения. Теперь он работал мало, с перерывами. Незадолго до смерти Помяловский с отчаянием говорил Н.А. Благовещенскому: «Бурса проклятая измозжила у меня... силу воли и научила меня пить. Потом и в жизни обстоятельства вышли скверные, наконец, привык... А мне жить ещё хочется, работ впереди много: силы ещё есть во мне, но они пропадут, если не остановиться вовремя... Тяжело мне! Научи, что делать? Или в самом деле пропадать надо?»²

¹ *Пантелеев Л.Ф.* Воспоминания. М., 1958. С. 249.

² *Помяловский Н.Г.* Полн. собр. соч. Т. II. С. XLV.

Однако к лету 1863 года Помяловский несколько воспрял духом. К тому времени снова стал выходить «Современник», где писатель опубликовал очерк «Женихи бурсы». Он поселился в небольшой деревеньке недалеко от Петербурга и с увлечением работал над очерком «Бегуны и спасённые бурсы», который также появился в «Современнике», над рассказом «Поречане» и романом «Брат и сестра», оставшимся, к сожалению, незавершённым. Сохранились лишь отдельные фрагменты, которые свидетельствовали о том, что писатель хотел нарисовать в нём широкую картину общественной жизни, показать представителей разных социальных слоёв.

В конце сентября 1863 года Помяловский заболел и спустя несколько дней, 5 октября, умер. Он прожил немногим более 28 лет.

* * *

К началу литературной деятельности Помяловского образ разночинца давно уже привлекал внимание русских писателей. Интерес к нему особенно обострился в 1840-е годы, в период господства так называемой натуральной школы. В качестве примера можно привести образ учителя Круциферского из романа А.И. Герцена «Кто виноват?», образы Нагибина и Мичулина в повестях М.Е. Салтыкова «Противоречия» и «Запутанное дело», образ студента-разночинца Беляева в пьесе И.С. Тургенева «Месяц в деревне» и др. Однако приоритет в раскрытии наиболее характерных черт разночинной интеллигенции, существа их взглядов принадлежит Помяловскому. Он, сам происходивший из разночинной среды, первый показал, что среда эта была далеко не однородной. Как писал В.И. Ленин, особенностью взглядов разночинцев было «совершенно не установившееся мировоззрение с бессознательным смешением демократических и примитивно-социалистических идей»¹. Поэтому разночинская интеллигенция выдвигала из своих рядов не только бесстрашных героев, борцов за революционно-демократические преобразования общества, таких как Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов и другие, но и людей, не находивших путей к общественно полезной деятельности, замыкавшихся в кругу своих личных интересов, или же людей разочарованных, скептически настроенных, ни во что не верящих. И наконец, среда разночинцев выдвигала и таких, кто открыто вставал в ряды охранителей и защитников существующего строя.

Всё это отлично понимал Помяловский, и в этом убеждают нас его повести «Мещанское счастье» и «Молотов», которые представляют собой своеобразную диалогию, объединённую единым содержанием и единым героем — разночинцем Молотовым.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 345.

В дилогии затронуты многие социальные проблемы: отношение «плебейства и барства», женская эмансипация, воспитание и т.п. Но главной, ведущей была проблема идейного формирования и социального осмысления своего положения в обществе разночинной интеллигенции, о её праве на определённое место в жизни, на счастье.

Перед читателем проходят разные типы разночинцев.

Прежде всего это университетский приятель Молотова Негодящев, который входит в жизнь без всяких сомнений, быстро приспосабливается к ней и сознательно обманывает себя и окружающих относительно роли и места разночинца в жизни. В письме к Молотову он так формулирует свои взгляды: «...мы родились жить, а не составлять программы. <...> ...Не будем выдумывать жизни. <...> Жизнь осмыслить? — никогда ты её не осмыслишь! <...> Бери её, наконец, без смысла или добивайся смыслу и в то же время служи; для службы человек создан. <...> — “Мы не чувствуем любви к той или другой службе”. <...> От тебя и не требуют любви к службе... её и в формуляр не вносят...»

Поэзия и высокий смысл жизни, по мнению Негодящева, должны отойти на задний план. «Мы тоже любим и закаты солнца, и май, и негу... но мы и ломать себя умеем... Можно читать “Фауста” и служить очень порядочно, не носить докторской хламиды, а приличный вицмундир. Прочь вопросы! их жизнь разрешит... <...> ...частная служба хуже общественной и относительно гонору, и относительно выгод. Ты опять спросишь, где же служить? Так считай же: ты не можешь быть доктором, не можешь быть купцом, архитектором, механиком, литератором, баринном, священником... ты можешь быть чиновником — это неизбежно».

Письмо Негодящева — кодекс житейской мудрости чиновника, основные принципы теории приспособления к жизни, лишённой какого-либо идеала. Для Негодящева нет нерешённых вопросов. Ему всё ясно, он ни в чём не сомневается.

Молотов очень точно назвал своего приятеля «канцелярским Гамлетом» за его склонность к философствованию и стремление возвысить «чиновничьи принципы к вечным началам разума». Писатель не ставил перед собой задачу дать политическую оценку фигуры Негодящева, но тем не менее объективно сумел показать в нём одного из тех благонамеренных разночинцев, кто стал, по существу, верным слугой и защитником самодержавно-буржуазного строя.

Другой тип разночинца Помяловский нарисовал в образе Егора Ивановича Молотова. Основное внимание писатель сосредоточил на том, чтобы показать, как его герой постигает жизнь, накапливает, осмысляет факты и явления действительности. Читатель зна-

комится с ним в тот момент, когда он думает: «...как хорошо жить помещику Аркадию Иванычу на белом свете, жить в той деревне, где он, помещик, родился, при той реке, в том доме, под теми же липами, где протекло его детство». И Молотов задаёт себе вопрос: «А где же те липы, под которыми прошло моё детство?» И сам отвечает: «...нет тех лип, да и не было никогда».

И действительно, что может вспомнить Молотов? Нищее, полуголодное детство, вечную заботу о хлебе насущном; потом более или менее обеспеченную жизнь в семье старого профессора, доброго и хорошего человека, но весьма заурядного учёного с отсталым мировоззрением; пребывание в гимназии и университете, откуда он вынес весьма неопределённое и идеализированное представление об окружающей действительности. «Жизнь, природа, человечество» — вот те довольно абстрактные вопросы, вокруг которых были сосредоточены его мысли.

Молотов вошёл в жизнь, полный высоких и чистых побуждений, мечтающий о «вольном труде». Ему кажется, что помещик Обросимов, в имении которого он служит, не только дружески относится к нему, но и видит в нём равного. Однако очень скоро Молотов убедился в собственной наивности. Ему открылось, что Обросимову он нужен лишь как полезный и нужный работник, который никогда не будет принят как равный в кругу людей дворянского происхождения, что между ним и ему подобными разночинцами, с одной стороны, и дворянами, с другой, существуют глубокие антагонистические противоречия.

Разрушение иллюзий повлекло за собой цепь вопросов, на которые нужно было ответить прежде всего самому себе. Молотов впервые задумался: кто же он на самом деле, каково его место и назначение в жизни? И он приходит к выводу, что ему, в отличие от выходцев из дворянской среды, которые «с пяти-шести лет знают, что они должны делать на свете», самому нужно думать о своём будущем, самому утвердить себя в жизни, добиваться нравственной и материальной независимости. Но как этого добиваться, Молотов пока ещё не решил.

Ему не по душе перспектива пути, который предлагал в своём письме Негодяшев. Он хочет самостоятельно разобраться в противоречиях окружающей действительности, изучить и теоретически осмыслить её и только тогда определить своё место в жизни.

Обо всём этом и идёт речь в повести «Мещанское счастье». О том, как сложилась дальнейшая судьба Молотова, читатель узнаёт из второй части диалогии.

Мы встречаемся с героем спустя десять лет. В жизни Молотова произошли большие изменения. Он предстаёт перед нами человеком, прошедшим суровую школу жизни, многое узнавшим, чего-

то добившимся. Но Молотов и во многом разочаровался. С одной стороны, он гордится тем, что «никогда и ничего не крал, ни от кого не получал наследства. У меня, — говорит Молотов, — ничего нет подаренного, найденного, заработанного чужими руками. Всё, что у меня есть в комнатах, в комодах, на плечах, в кармане, — всё добыто моей головой и руками. Ни материально, ни морально я ни от кого не зависю. Меня судьба бросила нищим; я копил, потому что жить хотел, и вот добился же того, что сам себе владыка».

И в то же время Молотов понимает, что его независимость относительна, что где-то существует иная жизнь, освещённая высокими идеалами и наполненная глубоким смыслом. Именно это сознание и вызывает у Молотова глубокое недовольство собой, горькие раздумья, сетования на судьбу. «Причина его грусти, — писал Д.И. Писарев, — очень понятна. Он сознаёт, что труд его бесполезен для общества. Он чувствует, что при других условиях он мог бы приносить людям действительную пользу. Но создать эти условия он не в состоянии»¹.

Молотов оказался не в силах вступить в активную борьбу против существующего правопорядка и думает лишь о тихом, спокойном существовании. «Были когда-то, — говорит Молотов своей невесте Наде Дороговой, — побуждения иные, высшие, а теперь приобретать хочется, копить, запастись и потреблять. Не поэтично, но честно и сытно. Честная чичиковщина настала, и вот сознаю, что я тоже приобретатель. <...> Что же делать, не всем быть героями, знаменитостями, спасителями отечества. Пусть какой-нибудь гений напишет поэму, нарисует картину, издаст закон, — а мы, люди толпы, придём и посмотрим на всё это. <...> Иначе простым людям жить нельзя на свете... <...> Неужели запрещено устроить простое мещанское счастье...»

Нет, конечно, не запрещено. К тому же устроить это «мещанское счастье» в условиях самодержавно-бюрократической России было делом довольно сложным. В качестве примера Помяловский приводит историю чиновничьей семьи Дороговых, её поистине героические усилия, предпринятые для того, чтобы получить право и возможность «жить, как люди».

Помяловский весьма доброжелательно относится к своему герою и семье Дороговых. Писатель отдаёт должное их жизнестойкости, упорству в достижении поставленной цели. Вместе с тем он не может принять их жизненную программу. «О, господи, — восклицает Помяловский, завершив свой рассказ о семье Дороговых, — не накажи меня подобным счастьем, не допусти успокоиться в том мирном, безмятежном пристанище, где совершается

¹ Писарев Д.И. Сочинения. Т. 3. С. 187.

такая жизнь!» Отсюда и горькие слова, завершавшие диалогию: «Эх, господа, что-то скучно...»

Скучно это «мещанское счастье», скучна и ограничена эта, говоря словами Молотова, «честная», «благонравная чичиковщина».

Помяловский осуждает своего героя за мещанские идеалы сытого и спокойного существования. Писатель убеждён, что человек не может удовлетвориться такой жизнью, что он должен искать иное, полноценное счастье, основанное на высоких устремлениях, хотя сам точно не знает, какое оно, это подлинное, настоящее счастье.

Ещё одну — и весьма своеобразную — фигуру разночинца нарисовал Помяловский в произведении — художника Череванина.

Когда-то Череванин мечтал о жизни, полной глубокого смысла, и стремился к ней. Было в его жизни «время выработки идей, взъерошивания волос, бессонных ночей и горячих речей»... Но время это прошло. Попытки найти себя, определить своё место в окружающем мире ни к чему не привели. Жизнь опротивела ему, он видит в ней только тёмные стороны. Но если Молотов смирился и как-то приспособился к обстоятельствам, то Череванин не желает этого делать. Он резко критикует сложившиеся общественные отношения, многое в современной ему культуре и искусстве. Ему глубоко чужды самообман, смирение и покой. «Кто надувает себя, тот всегда спокоен, — говорит он Молотову, — я не хочу вашего спокойствия».

Но и у Череванина нет определённой программы действий, его протест против окружающей действительности является результатом скептицизма и глубоко пессимистического настроения, которое полностью овладело им. Не случайно сам Череванин называет это своё настроение кладбищенством. Он тяготится той жизнью, которую ведёт, видит свою слабость, пытается что-то сделать, что-то предпринять, но из этого ничего не получается.

Беспокойный характер Череванина, некоторые его суждения о проблемах общественной жизни, о «мещанском счастье», которое он не принимает и отвергает, его взгляды на искусство, — всё это во многом близко самому Помяловскому. Однако писатель отнюдь не идеализирует своего героя. Он видит зыбкость и неопределённость его жизненной позиции и отлично понимает всю несостоятельность кладбищенства.

Критическое отношение Помяловского к своим героям, глубокая неудовлетворённость, которую высказывают Молотов и Череванин по отношению к самим себе, убеждённость писателя в том, что должны же быть и другие люди, которые знают, чего они хотят, чья жизнь связана с борьбой за светлые идеалы, — всё это заставляло читателей пристальнее вглядываться в окружающий их мир и делать выводы о необходимости поисков путей для его преобразования.

Одним из вопросов, затронутых Помяловским в диалогии, был вопрос о женской эмансипации, который стал в 60-е годы необычайно злободневным. В повести «Мещанское счастье» знаменателен образ Леночки, девушки из небогатой дворянской семьи. Узок её кругозор, наивны и примитивны её суждения. Пределом мечтаний Леночки является замужество и тихое семейное счастье. «Кисейная девушка», — презрительно называет её дочь помещика Обросимова Лизавета Аркадьевна, мнящая себя передовой и прогрессивно мыслящей женщиной. Но Помяловский не осуждает Леночку. Писатель понимает, что такой её сделала среда, в которой она выросла и воспитывалась. По словам Д.И. Писарева, Помяловский отнёсся к Леночке «с беспримечной кроткостью и нежностью», так как понимает, что от неё нельзя требовать «ни сильного ума, ни глубокого чувства»¹.

Совершенно иной характер у Нади Дороговой. Писателю глубоко симпатично её стремление вырваться из-под гнёта чиновничье-мещанской семьи, попытка найти себя в жизни, ответить на вопросы: «Что делать? Как жить на свете?» Наде кажется, что помочь ей в этом должен Молотов, в котором она видит не только своего избранника, но и учителя жизни. Однако в какой-то момент в её сознании возникает сомнение, а можно ли быть свободным и независимым «в душе», о чём толкует Молотов. Его идеал «мещанского счастья» она воспринимает весьма сдержанно.

На примере образа Нади Дороговой Помяловский показал, что новые идеи начинают проникать и в консервативно настроенную среду чиновничества. По существу, Надя бросает смелый вызов этой среде. Она не хочет жить так, как жили многие поколения семьи Дороговых, заботившиеся прежде всего о своём личном благополучии. Она мечтает о полезной и нужной обществу деятельности, и её внутренняя настороженность к рассуждениям Молотова о «мещанском счастье» заставляет предполагать, что со временем Надя перестанет видеть в нём учителя и будет искать свой собственный путь в жизни.

Многие исследователи отмечали, что свою дилогию Помяловский создавал, опираясь на лучшие традиции русской классической литературы, и в первую очередь на традиции Гоголя и Тургенева. Вместе с тем писатель с самого начала своей творческой деятельности стремился выработать свой подход к изображению жизни, свою оригинальную манеру повествования. Помяловский поставил перед собой задачу показать русскую действительность во всей её неприглядности, со всеми её язвами и пороками. При этом он сознательно противопоставлял свои произведения творениям своих предшественников, которые писатель так характе-

¹ Писарев Д.И. Сочинения. Т. 3. С. 200.

ризовал устами Нади Дороговой: «...там, в книгах, люди живут не по-нашему, там не те обычаи, не те убеждения; большею частью живут без труда, без заботы о насущном хлебе. Там всё помещики — и герой-помещик, и поэт-помещик. У них не те стремления, не те приличия, обстановка совсем не та. Страдают и веселятся, верят и не верят не по-нашему. <...> Барина описывают с заметной к нему любовью, хотя бы он был и дрянной человек; и воспитание и обстоятельства разные, всё поставлено на вид...»

Помяловский обратился к другим героям. Его интересовали в первую очередь выходцы из социальных низов. «Надоело мне это подчищенное человечество, — говорил он Н.А. Благовещенскому, — я хочу узнать жизнь во всех её видах, хочу видеть наши общественные язвы, наш забитый, измождённый нуждою люд...»¹ Внимание писателя было сосредоточено в первую очередь на раскрытии социальной сущности героев при изображении их повседневной жизни и общественного поведения. И писал об этом Помяловский, порою нарочито сгущая краски, беспощадно вскрывая всю подноготную изображаемых явлений, стремясь понять их истинный смысл и значение. Своё писательское кредо Помяловский изложил в предисловии к роману «Брат и сестра», где говорилось: «Мы сочли за необходимое предупредить читателя, что если он слаб на нервы и в литературе ищет развлечения и элегантных образов, то пусть он не читает мою книгу. Не скажу, чтобы я был циник, но предмет, выбранный мною, циничен часто до последнего предела. Зачем же автор выбирает такие предметы? А вот объяснимся. У нас есть огромный слой общества, целая масса людей, живущая особенною, мало известною для так называемого образованного общества жизнью, — это бедный разряд разночинцев. Люди они или нет? Узнаемте же, что это за существа, и разоблачимте гнойную язву нашего — да, нашего общества»². Писатель сравнивает свою деятельность с работой врача, изучающего сифилис и гангрену, стряпчего, проникающего «в самый центр разложения нравственности человеческой»³, священника, выслушивающего «ужасающую исповедь людей, желающих примириться с совестью»⁴. А ведь их никто не называет циниками! «Позвольте же и писателю принять участие в этой же самой работе и таким образом обратить внимание общества на ту массу разврата, безнадёжной бедности и невежества, которая накопилась в недрах его»⁵.

¹ Помяловский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. I. С. XLI.

² Там же. Т. II. С. 164–165.

³ Там же. С. 165.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Такой подход к изображению действительности требовал и новых приёмов в раскрытии противоречий окружающего мира, характеров героев. Показывая повседневную жизнь простых людей с их скрытыми страданиями и трагедиями, Помяловский исходил из того, что окружающая действительность формирует личность человека, оказывает влияние на его психологию и поведение. Отсюда то пристальное внимание, которое писатель уделил проблемам воспитания и семейных отношений.

Как и Чернышевский, Добролюбов, Помяловский считал, что основной задачей литературы является не только изображение жизни без всяких прикрас, но и пропаганда передовых идей и утверждение активного отношения к действительности. Поэтому писатель, как и идеологи революционной демократии, был далёк от мысли видеть причины бедствий и страданий человека только в воздействии на него внешних обстоятельств. Тезис «среда заела», звучавший во многих произведениях так называемой обличительной литературы тех лет, вызывает, например, справедливое возмущение художника Череванина. «Вечное пустословие!» — так говорит он о попытках некоторых людей оправдать свою общественную пассивность и бездействие.

Писатель сопоставлял в повестях разные характеры, сталкивал убеждения, взгляды, суждения. Это позволило ему дать свою трактовку целого ряда явлений. Так, например, Помяловский первый из русских писателей в художественной форме вскрыл социальный и исторический смысл таких понятий, как «мещанство» и «мещанское счастье». Он создал и ввёл в нашу литературу и жизнь такие термины, как «диалектический фокус», «кладбищенство», «честная чичиковщина», «сожжённая совесть» и другие, многие из которых прочно вошли в сознание не только современников писателя, но и последующих поколений.

В произведениях Помяловского остро ощущается аналитический ум автора, его страстная заинтересованность в решении вопросов, которые он ставит, полемическая заострённость его высказываний и выводов. Писатель никогда не был равнодушен к тому, о чём рассказывал, и никогда не скрывал своих симпатий и антипатий. Поэтому для него бывали тесны рамки художественного повествования, и он прерывал свой рассказ откровенно публицистическими отступлениями, в которых комментировал и разъяснял суть происходящего, поступки и суждения действующих лиц. Эти отступления звучат у Помяловского нередко взволнованно и страстно.

Публицистическое вмешательство автора в ход повествования было вообще характерно для демократической литературы. Подобную тенденцию можно было наблюдать ещё в произведениях

писателей «натуральной школы», сложившейся в 1840-х годах (и в первую очередь у А.И. Герцена). Однако у Помяловского авторская позиция, авторское отношение к изображаемому выражены более активно и непосредственно. Это не могло не сказаться и на языке писателя.

Он, как правило, избегает красочных описаний, освобождает язык от всякого рода украшательств, смело вводит в него резкие и порою грубые слова, не боится неправильно построенных фраз. Очень точно сказал о языке писателя Д.И. Писарев: «Помяловский всегда говорит резкими и грубыми словами о том, что резко и грубо в действительности»¹. Сказанное критиком в полной мере можно отнести ко всем произведениям писателя.

Сам Помяловский критически относился к своему творчеству. Он отлично понимал, что трудно соперничать с такими выдающимися художниками, как Тургенев, Толстой, Гончаров, Достоевский, которые писали в это время. Но в произведениях Помяловского страстность и искренность, критика основ существующего строя, беспощадный реализм, попытка поставить и решить вопросы, которые до него ещё не были затронуты в русской литературе. Эта особенность дарования писателя во всей своей полноте проявилась в его знаменитых «Очерках бурсы».

Ещё в конце 50-х годов, вскоре после окончания семинарии, Помяловский собирался написать произведение о бурсе. Но, по словам Н.А. Благовещенского, его удерживали два обстоятельства. С одной стороны, он не хотел растревлять старые раны: слишком больно было вспоминать всё то, с чем ему пришлось столкнуться за время своего четырнадцатилетнего пребывания в бурсе. А с другой — он боялся, что не сумеет быть беспристрастным при описании всех мерзостей бурсацкой жизни. И только в начале 60-х годов Помяловский наконец решился написать обо всём, что видел и знал. «Нет, вы узнайте, какая жизнь создала нашего брата, — говорил писатель, — я покажу вам, что значит бурсак, я заставлю вас призадуматься над этою жизнью»².

Одной из причин, побудивших Помяловского обратиться к изображению бурсы, была актуальность и злободневность в 60-е годы XIX века вопросов воспитания и образования. И писатель понимал, что, рассказывая о системе бурсацкого воспитания, он будет иметь возможность высказать своё отношение ко всей системе образования, насаждавшейся правящими кругами России как в духовных, так и в светских учебных заведениях.

Мысль о серии очерков о бурсе возникла у Помяловского не сразу. Первоначально он думал ограничиться одним «Зимним

¹ Писарев Д.И. Сочинения. Т. 3. С. 201.

² Помяловский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. I. С. XLI.

вечером в бурсе». Но, видя живейший интерес читательской публики, который вызвало появление этого очерка, писатель решил продолжить работу и нарисовать широкую картину всех сторон жизни духовных училищ.

Уже в первом очерке Помяловский рисует страшную картину. Полумрак, царящий в огромной комнате, где проводят свободное время бурсаки, грязь на полу, промёрзшие стены, провисшие, готовые вот-вот рухнуть потолки, — всё это производит угнетающее впечатление. А ведь это не просто помещение, здесь, говорит писатель, «дети играют». Можно себе представить, какие игры могут быть в подобной обстановке. И действительно, это бессмысленные, грубые и порой жестокие игры.

Спокойно и на первый взгляд невозмутимо Помяловский рассказывает о том, в каких условиях жили бурсаки, как проводили свободное время, как учились, как относились к учению и своим преподавателям, и каковы они, эти педагоги, призванные воспитывать будущих «пастырей душ человеческих». Порой писатель даже пытается шутить, приглашая читателя посмеяться над проделками бурсаков и над некоторыми незадачливыми преподавателями. Но в этом смехе слишком много горечи, и невольно приходит в голову мысль: до какой же степени может изуродовать человеческую душу, исказить представление о добре и зле бурсацкая жизнь?

С трудом сдерживая негодование, Помяловский говорит о «педагогической» системе, планомерно и последовательно насаждавшейся в бурсе. Основная цель этой системы заключалась в том, чтобы обезличить ребёнка, отучить его думать, заставить слепо подчиниться чужой воле. Этому должны были способствовать прежде всего многочисленные «божественные науки», изучавшиеся бурсаками, а также методика их преподавания, главным принципом которой была «долбня, долбня ужасающая, мертвящая».

Если же ученик был не в состоянии постигнуть туманный смысл «божественных наук» или просто не желал вызубривать, не вникая в смысл, целые страницы «священного» писания, его пороли. Пороли безжалостно, жестоко, пороли так, что бурсаки теряли сознание и после наказания нередко попадали в больницу. Впрочем, в бурсе пороли не только за невыученные уроки, но и по любому поводу, а иной раз и без всякого повода, как это делал учитель Долбёжин, у которого «было положено за священнейшую обязанность в продолжение курса непременно пересечь всех — и прилежных, и скромных, так чтобы ни один не ушёл от лозы».

Страшны были физические наказания, но не менее ужасны были и постоянные насмешки и издевательства, которым подвергали бурсацкие воспитатели и педагоги своих питомцев. «Скоти-

на», «мерзавец», «дурак», «пентюх» — вот далеко не полный набор ругательств, которые то и дело слышались в классах по адресу учеников.

Система воспитания и образования, насаждавшаяся в бурсе, приводила к тому, что каждый, кто попадал в её стены, выходил оттуда с искалеченной душой и изломанным характером. Недаром Карась (образ во многом автобиографический) с горечью говорил, что «многие честные дети честных отцов возвращаются домой подлецами; многие умные дети умных родителей возвращаются домой дураками. Плачут отцы и матери, отпуская сына в бурсу, плачут и принимая его из бурсы».

Целую галерею выразительных характеров бурсаков нарисовал в своём произведении Помяловский. Как лучом прожектора высвечивает писатель на фоне тусклой и до одурения однообразной жизни бурсы то одного, то другого ученика. И в каждом он стремился найти что-то светлое, привлекательное. Не всех до конца сломала и искалечила бурса. Среди её воспитанников было немало людей сильных, стойких, умеющих постоять за себя. Таков, например, Карась, мужественно переносивший все невзгоды бурсацкой жизни и умевший утвердить свою независимость. С живой симпатией рассказывает Помяловский о силаче Гороблагодатском, который вёл постоянную и непримиримую борьбу с несправедливостью бурсацких педагогов, об ученике по кличке Лапша, лицо которого «освещалось каким-то неразгаданным, постоянно меняющимся внутренним светом», о спокойном и сосредоточенном Васенде, «человеке честном, бодром, обладающем громадной физической силой». И даже в воре и хулигане Аксютке писатель прежде всего видит «человека необыкновенного, талантливого, человека сильной воли и крепкого ума», имеющего отличные способности и обширнейшую память. «Но его сгубила бурса, — с болью говорит Помяловский, — ...как она сгубила сотни и сотни несчастных людей».

Бурса уродовала и калечила характеры не только учеников, но и педагогов. Среди них было немало добрых и хороших людей. Образован и добр был, например, смотритель училища Звездочёт, честным человеком был Краснов, который избавил бурсаков от бессмысленной зубрёжки, интересные уроки давал Разумников, умевший к тому же заставить учиться самых отъявленных лентяев.

Но рано или поздно даже самые лучшие педагоги либо теряли всякий интерес к ученикам, либо становились извергами и изуверами. И на это, как ни странно, их толкали прежде всего сами предметы, которые они преподавали. «Если бы Лобов, Долбёжин, Батька и Краснов не употребляли противоестественных и страш-

ных мер преподавания, — писал Помяловский, — то, уверяю вас, редкий бурсак стал бы учиться, потому что наука в бурсе трудна и нелепа».

В «Очерках бурсы» воспроизведены действительные факты, хорошо известные автору. Писатель постоянно подчёркивает, что в его произведении нет ничего вымышленного.

Однако в «Очерках бурсы» читатель найдёт не только точное воспроизведение достоверных фактов, но и глубокие художественные обобщения. Только у немногих героев произведения есть реальные прототипы. Чаще всего писатель соединяет в одном персонаже черты характеров нескольких лиц, с которыми ему приходилось встречаться в период обучения в бурсе. И делает это так мастерски, что каждый из персонажей «Очерков» предстаёт перед читателем как цельная личность.

«Очерки бурсы» написаны необычайно выразительным языком. Помяловский смело вводит в художественную ткань произведения разговорную и просторечную лексику, использует чисто бурсацкие слова (например, «вселенская смазь», «на воздухах», «волосянка», «взбутетенить» и пр.), а порой и бранные выражения.

Кроме того, в «Очерках» широко использованы элементы церковно-книжной речи, дословные и перефразированные цитаты из богословских текстов, прибаутки и песни, обильно насыщенные церковнославянскими выражениями.

Появление в печати «Очерков бурсы» вызвало настоящий переполох в лагере реакции. Особенно неистовствовало консервативно настроенное духовенство, обвинившее Помяловского в злонамеренной клевете и искажении фактов. Церковники называли писателя лжецом, «Иудой-предателем». Их возмущало, что он осмелился выставить на всеобщее обозрение дикие нравы и порядки, господствующие в духовных учебных заведениях, показать нелепость преподававшихся там богословских «наук» и всю «педагогическую» систему, направленную на подавление и порабощение человеческой личности.

Постаралась сгладить впечатление, произведённое на читателей «Очерками бурсы», и либеральная критика, которая упрекала автора в преднамеренном сгущении красок, в преувеличении.

Исчерпывающую и наиболее глубокую оценку «Очерков бурсы» дал в своей статье «Погибшие и погибающие» Д.И. Писарев. Критик-демократ убедительно доказал, что порядки, господствующие в бурсе, страшнее ужасов каторжной тюрьмы, о которых рассказал Ф.М. Достоевский в «Записках из Мёртвого дома», что если «мёртвый дом, описанный г. Достоевским, заключает в самом себе задатки своего усовершенствования»¹, то в бурсе таких

¹ Писарев Д.И. Сочинения. Т. 4. С. 139.

здатков нет. При этом Писарев отмечал, что бурса с её тиранией, невежеством, нищетой является одним из наиболее характерных явлений русской действительности. «Рассматривая внутреннее устройство бурсы, — писал критик, — мы вовсе не должны думать, что имеем дело с каким-нибудь исключительным явлением, с каким-нибудь особенно тёмным и душным углом нашей жизни, с каким-нибудь последним убежищем грязи и мрака. Ничуть не бывало. Бурса — одно из очень многих и притом из самых невинных проявлений нашей повсеместной и всесторонней бедности и убогости»¹.

Помяловский оставил после себя небольшое литературное наследие. При жизни писателя были напечатаны психологический очерк «Вукол», диалогия о «мещанском счастье» и «Очерки бурсы». В бумагах, оставшихся после смерти Помяловского, сохранились фрагменты задуманных, начатых и незавершённых произведений. Это рассказ «Махилов», помещённый когда-то в «Семинарском листке», очерк «Данилушка», начало пятого («Переходное время бурсы») очерка из цикла «Очерки бурсы», недописанный рассказ об охтинских мастеровых «Поречане» и наброски романа «Брат и сестра». Кроме того, по свидетельству Н.А. Благовещенского, незадолго до смерти Помяловский рассказывал ему сцены из задуманного романа «Гражданский брак», где собирался «изобразить наивную, несколько экзальтированную девушку», которая попала в общество мнимо передовых людей, прикрывавших грубый цинизм разговорами о прогрессе.

Это, конечно, немного, но и немало, если учесть, что активная литературная деятельность Помяловского продолжалась чуть больше четырёх лет.

Однако вклад, внесённый писателем-демократом в развитие русской литературы, трудно переоценить. Он явился зачинателем новой, демократической литературной школы, из которой вышли такие писатели, как Ф.М. Решетников, В.А. Слепцов, А.И. Левитов, Г.И. Успенский и др. Творчество Помяловского оказало влияние на последующую литературу. Так, М. Горький писал в «Беседах о ремесле»: «Я думаю, что на моё отношение к жизни влияли — каждый по-своему — три писателя: Помяловский, Глеб Успенский и Лесков. Возможно, что Помяловский “влият” на меня сильнее Лескова и Успенского. Он первый решительно встал против старой, дворянской литературной церкви, первый решительно указал литераторам на необходимость “изучать всех участников жизни” — нищих, пожарных, лавочников, бродяг и прочих»².

¹ Писарев Д.И. Сочинения. Т. 4. С. 88–89.

² Горький М. О литературе. С. 512.

Больше полутора веков прошло с того времени, когда были написаны произведения Помяловского. Но и для современного читателя они сохранили несомненный интерес. Произведения писателя-демократа нельзя, конечно, рассматривать только как своеобразные художественные документы, запечатлевшие определённый исторический период: они и сегодня не утратили своей художественной и воспитательной значимости. Именно на это обратил внимание М. Горький, который уже после Октябрьской революции писал, что повести Помяловского «Мещанское счастье» и «Молотов» «весьма современны и очень полезны для наших дней, когда оживающий мещанин довольно успешно начинает строить для себя дешёвенькое благополучие в стране, где рабочий класс заплатил потоками крови своей за своё право строить социалистическую культуру»¹.

Да и сегодня встречаются люди, которые в погоне за материальными благами замыкаются в узком кругу чисто бытовых интересов, омещаниваются. Повести Помяловского убедительно показывают, как убога и скудна жизнь без высоких идеалов, как она может засосать и превратить даже некогда активного деятеля в обывателя и мещанина.

М. Горький назвал Помяловского «талантливым и суровым реалистом». Его произведения с беспощадной правдой вскрывали несостоятельность самодержавного строя, звали людей искать пути к иной, светлой жизни. Именно этим дорог и близок нам замечательный писатель-демократ.

¹ Горький М. О литературе. С. 315.

БЫЛ ЛИ П.В. ЗАСОДИМСКИЙ АВТОРОМ ПЕРЕДЕЛКИ РОМАНА ЭРКМАНА-ШАТРИАНА «ИСТОРИЯ КРЕСТЬЯНИНА»?¹

В интересном сообщении В. Захариной «Роман Эркмана-Шатриана “История крестьянина” и его переделка в революционной народнической пропаганде»² говорится о том, что наиболее вероятным автором этой переделки является тогда ещё только начинавший свою литературную деятельность писатель-народник Павел Владимирович Засодимский. К числу уже приведённых В. Захариной аргументов, подтверждающих вероятность его авторства, можно присоединить ещё несколько.

В 1870 году Засодимский познакомился и близко сошёлся со своими земляками-вологжанами М.В. Куприяновым и Ф.Н. Лермонтовым. Спустя год оба они стали активными членами кружка «чайковцев». Вполне возможно, что именно они привлекли Засодимского к работе над переделкой романа «История крестьянина».

Осенью 1872 года по рекомендации Ф.Н. Лермонтова Засодимский становится сельским учителем в селе Большие Меглецы Новгородской губернии, где находилось имение отца известной революционерки С.А. Лешери. Весьма вероятно, что он под руководством Лешери вёл среди крестьян пропагандистскую работу. Об этом свидетельствует тот факт, что вскоре после прибытия Засодимского по всей округе распространялся слух о необыкновенных успехах, которых удалось добиться молодому учителю, о его доброжелательном отношении к мужикам и т.д. В результате официально в должности учителя его не утвердили, и он очень скоро вынужден был покинуть деревню.

Известно также, что среди книг небольшой библиотеки, организованной Засодимским в деревне, был роман Эркмана-Шатри-

¹ Впервые опубли.: Русская литература. 1965. № 3. С. 191–193.

² Русская литература. 1964. № 2.

ана. Много лет спустя в одном из писем к В.Г. Черткову писатель говорил: «Когда я был сельским учителем... 2 тома Эркмана-Шатриана “История французского крестьянина”... при мне не стояли в школе, все ходили по рукам»¹.

Переделка романа Эркмана-Шатриана, как установлено В. Захариной, была напечатана осенью 1873 года, не позднее сентября. Если учесть время, которое могло потребоваться на доделку рукописи литературным комитетом «чайковцев», на её пересылку за границу (в Женеву), на набор и печатание, то Засодимский, по-видимому, должен был работать над «Историей крестьянина» с середины 1872 до начала 1873 года.

Казалось бы, ясно: «чайковцы» отправили Засодимского в деревню, чтобы он там (возможно, вместе с Лешери) работал над переделкой «Истории крестьянина», совмещая это с деятельностью учителя и пропагандиста. И всё-таки, как ни заманчиво считать автором брошюры «История одного французского крестьянина»² Засодимского, он им, вероятнее всего, не был. И вот почему.

В февральском номере «Отечественных записок» за 1872 год появилась статья А.Н. Энгельгардта об артельных сыроварнях в Тверской губернии. Г.Е. Благодетель, редактор журнала «Дело»³, где тогда сотрудничал Засодимский, отправил туда молодого писателя «исследовать состояние артельных сыроварен и представить о них правдивый, беспристрастный отчёт». «Два месяца странствовал я по Тверской губернии, где на лошадях, где пешком», — рассказывал позднее писатель в «Автобиографии»⁴.

По возвращении Засодимский написал отчёт о своём путешествии. Мало вероятно, что в это время писатель мог помышлять о какой-нибудь серьёзной литературной работе.

Осенью, как уже отмечалось выше, Засодимский стал учителем. В своих воспоминаниях и статьях⁵ писатель позднее не один

¹ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Архив В.Г. Черткова. Ф. 552. Оп. 1. Ед. хр. 1265. Л. 6.

² Под таким названием «чайковцы» напечатали переделку романа Эркмана-Шатриана.

³ Ссылка В. Захариной на то, что «Засодимский сотрудничал в ряде журналов — “Дело”, “Неделя”, “Слово” и др.», не точна. До 1873 года он был постоянным сотрудником только «Дела». Кроме того, одна статья писателя была опубликована в газете «Голос» (1867), несколько стихотворений — в «Иллюстрированной газете» (1868) и один рассказ в журнале «Сияние» (1872). В «Неделе», «Слове» и других изданиях Засодимский сотрудничал позднее.

⁴ Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (РО ИРЛИ). Собр. П.Я. Дашкова. Ф. 93. Оп. 3. № 529. Л. 3.

⁵ *Засодимский П.В.* Из воспоминаний. М., 1908; *Засодимский П.В.* Из записок старого учителя // Педагогический листок. 1873, 1874, 1875.

раз говорил о том, что школа целиком захватила его, что он абсолютно не имел свободного времени. Помимо занятий с учениками, он обучал грамоте взрослых, выдавал книги из библиотеки, посещал крестьянские сходки и т.д. Кроме того, живя в деревне, Засодимский начал работать над новым своим произведением. Сам он об этом писал: «В то же время, т.е. когда я был сельским учителем, мною были набросаны начальные главы моего первого романа “Хроника села Смурина” (впрочем, эту работой мне удавалось заниматься только ночью)»¹. При таких условиях, естественно, ничего другого Засодимский писать не мог.

Накануне 1873 года Засодимский вернулся в Петербург. В «Автобиографии» он рассказывал: «В течение 1873 г. я с небольшими перерывами писал роман из крестьянской жизни... С горячим увлечением, с любовью работал я над этим первым романом...»² В том же году писатель начал публикацию цикла статей под общим названием «Из записок старого учителя», где изложил целую систему своих взглядов на вопросы воспитания подрастающего поколения, а также написал рассказ «Дурак».

Всё это говорит о том, что Засодимский ни в конце 1872, ни в начале 1873 года работать над переделкой романа Эркмана-Шатриана не мог.

Далее. При постановке вопроса об авторстве переделки «Истории крестьянина» небезынтересно узнать, как относился Засодимский к литературе, предназначенной для чтения среди народа.

Известно, что в конце 80-х и начале 90-х годов писатель принимал активное участие в деятельности издательства «Посредник», созданного по инициативе Л.Н. Толстого. Сохранилось несколько очень интересных писем Засодимского к В.Г. Черткову, ведавшему всеми делами издательства, где много говорится о том, какой должна быть литература для народа. В одном из писем мы читаем: «...от народной книги, по моему мнению, требуются лишь два необходимых условия: во 1) чтобы книга была хорошая; во 2) чтобы она заинтересовала непременно читателя. Когда я был сельским учителем, специальные книги для народа (о громах и молнии, северных окраинах России, о деньгах и т.п.) стояли в школе на полках, а 2 тома Эркмана-Шатриана “История французского крестьянина”, полные таких слов, как “пролетарий, конституционный, революция, буржуа, эмигранты, аристократы” и проч., ни одного дня при мне не стояли в школе, все ходили по рукам. Конечно, у меня спрашивали пояснений — и я должен был давать их»³.

¹ Засодимский П.В. Из воспоминаний. С. 259.

² РО ИРЛИ. Собр. П.Я. Дашкова. Ф. 93. Оп. 3. № 529. Л. 4.

³ РГАЛИ. Архив В.Г. Черткова. Ф. 552. Оп. 1. Ед. хр. 1265. Л. 6.

Итак, Засодимский не видел ничего предосудительного в том, что в книге, предназначенной для народа, употреблялись слова «пролетарий», «конституция», «революция» и т.п. И если бы он был автором переделки романа Эрмана-Шатриана, то вряд ли стал избегать их во время своей работы. Между тем в нелегальной брошюре «История одного французского крестьянина» мы не встретим ни одного из подобных слов, хотя в переводе романа, сделанном Марко Вовчок, они встречаются довольно часто.

Кроме того, Засодимский считал Черткова очень близким человеком и делился с ним самыми сокровенными своими мыслями и чувствами. Поэтому если бы он имел какое-нибудь отношение к переделке романа Эрмана-Шатриана, он наверняка хотя бы вскользь упомянул об этом.

И, наконец, последнее. Незадолго до своей смерти Засодимский составил подробнейшую библиографию всех своих когда-либо публиковавшихся произведений под названием «Список всех сочинений П. Засодимского»¹. Помимо оригинальных сочинений, в библиографии учтены также все переводы и переделки с иностранных языков. В том числе и с французского. Среди перечисленных переводов и переделок роман Эрмана-Шатриана не значится. Маловероятно, что эту свою работу Засодимский забыл включить в библиографию. В неё вошли даже небольшие газетные заметки, печатавшиеся к тому же без подписи автора.

Таким образом, предположение, что автором переделки романа Эрмана-Шатриана «История крестьянина» был П.В. Засодимский, не подтверждается. Что же касается криптонима «З-аго», указанного в рукописи, посвящённой истории кружка «чайковцев», и совпадающего, по мнению В. Захариной, с фамилией Засодимского, то этот аргумент не убедителен. К тому же сам писатель никогда подобным криптонимом не пользовался. Большинство своих публицистических статей он подписывал: «П. З-ский».

Кто был автором переделки «История крестьянина», покажут дальнейшие изыскания.

¹ РГАЛИ. Архив П.В. Засодимского. Ф. 203. Оп. 1. Ед. хр. 32.

Л.Н. ТОЛСТОЙ И П.В. ЗАСОДИМСКИЙ К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ¹

Л.Н. Толстой лично знаком с П.В. Засодимским не был. Но он хорошо знал многие произведения известного писателя-народника, переписывался с ним и считал его талантливым художником.

В свою очередь П.В. Засодимский был горячим поклонником великого писателя, мнение которого было для него высшим авторитетом. Всю свою жизнь он мечтал встретиться с Толстым, поговорить с ним о многих волновавших его вопросах жизни и творчества. Засодимский много раз собирался приехать в Ясную Поляну. Но то обстоятельства складывались таким образом, что поездку приходилось откладывать, то какая-то боязнь удерживала его от встречи с великим писателем.

В 1885 году В.Г. Чертков, ближайший друг и сподвижник Л.Н. Толстого, стал официальным редактором издательства «Посредник», созданного по инициативе писателя. По поручению Толстого он обратился к ряду литераторов, в том числе и к Засодимскому, с просьбой прислать свои произведения для «Посредника». В начале 1886 года Засодимский прислал Черткову рассказы «Чёрные вороны», «Весь век для других», а несколько позже «Мирское дитё». Все эти произведения получили высокую оценку Л.Н. Толстого. С этого времени начинается заочное знакомство Засодимского с великим писателем и одновременно завязывается интенсивная переписка с В.Г. Чертковым.

¹ Впервые опубли.: Материалы I научной конференции Череповецкого педагогического института. Вологда, 1963. С. 89–95.

В своих письмах Засодимский делился мыслями о литературе для народа¹, сообщал о новостях общественной и литературной жизни, говорил о своём отношении к Л.Н. Толстому.

Самым интересным в переписке Засодимского с Чертковым является письмо, написанное 1 февраля 1888 года. В нём наиболее отчётливо выражено отношение Засодимского к Толстому, его сомнения и неуверенность в себе перед предполагавшимся свиданием с писателем.

«...Насчёт Л[ьва] Н[иколаевича] у нас, воистину, вышло грустное недоразумение. Вы пишете, что “не предлагали мне своей рекомендации”, “не желая напрашиваться”, а я со своей стороны не решился просить Вас, “не желая навязываться”. Я боялся, что Л[ев] Н[иколаевич], приняв меня, как и всех вообще, доброжелательно и ласково, тем не менее смешает меня в одну кучу с “петербургскими литераторами”, которые ездят к знаменитым людям для того, чтобы потом говорить кстати и некстати о своём “знакомстве” с ними и писать фельетоны (по 10 коп. за строчку) о том, как тот или иной знаменитый человек сидит в кресле, как чихает и т.п. Такой взгляд со стороны Л[ьва] Н[иколаевича] на пишущих собратий — после всего бывшего — был бы естественен, но для меня он был бы убийственнее прохождения сквозь строй. И вот почему я не пошёл бы к нему без Вашей рекомендации, а просить Вас о ней, как я сказал ниже, не решился. Потом я думаю, что от личного свидания с Л[ьвом] Н[иколаевичем] моё уважение к нему, как к человеку и писателю, не увеличилось бы; также думаю, что то, в чём я не согласен с ним (моё святое святых), я унёс бы от него в целости. Я слышал, что иные боятся идти к нему — боятся того, чтобы он не лишил их того, что они считают своей “верой” и “правдой”. Такое опасение меня не остановило бы: может быть, действительно, я не нашёл бы вдруг что ответить на какое-нибудь положение Л[ьва] Н[иколаевича] и замолчал бы, но я всё-таки остался бы при *своём* и при том убеждении, что я плохо владею словом и не в состоянии защитить *своё* [подчёркнуто Засодимским. — Н.Я.]. Едва ли что-нибудь в мире могло бы убедить меня в несостоятельности моей святая святых... Вы пишете, что Л[ев] Н[иколаевич] обо мне уже знает. Поэтому хочу просить Вас — когда Вы станете писать ему — передать ему мой привет и пожелание ему многих лет жизни и здоровья...»²

Что же это за «святое святых» Засодимского, о чистоте которого он так печётся?

¹ Подробнее об этом см. в нашей статье «За народную литературу» (Наш край: сборник. Вологда, 1963).

² РГАЛИ. Архив В.Г. Черткова. Ф. 552. Оп. 1. Ед. хр. 1265. Л. 22–23.

К началу 80-х годов в мировоззрении Толстого произошли коренные изменения. Содержанием творчества Толстого, его взглядов, его учения становятся настроения многомиллионного русского крестьянства. Со страстью истинного борца он обличает всё то, что считает причиной мужицкой нужды и народного горя. И в этом деятельность Толстого во многом сближалась с творчеством писателей народнического направления, к которому принадлежал и П.В. Засодимский.

Толстой с большим вниманием и сочувствием относился к произведениям писателей-народников. В их книгах он находит отзвуки своим собственным тревожным думам о судьбе миллионов русских земледельцев, о судьбе России, вступившей на путь капиталистического развития.

Однако религиозная проповедь Толстого, его учение о непротавлении злу насилием были чужды писателям-народникам. Была чужда она и Засодимскому. По его глубокому убеждению, не смирение, не добродетельные поступки, не сентиментальная любовь к простым труженикам смогут разрушить несправедливый, эксплуататорский строй и установить общечеловеческое братство, а последовательная и целеустремлённая борьба самого народа за свою свободу и счастье. Именно в этом заключалась святая святых Засодимского.

Между тем Засодимский по-прежнему тянется к Толстому. Он внимательно следит за его литературной деятельностью, ему дорог любой даже самый незначительный отзыв великого писателя о его произведениях.

Прошло два года. За это время в издательстве «Посредник» вышли произведения Засодимского: «Мирское дитё», «Алхимик», «Слепые-неразлучники», «Чёрные вороны», «Весь век для других», «Александр Македонский» и др. Писатель знает о положительном отношении Толстого к своим произведениям. Но ему хочется получить более подробный отзыв о том, что он пишет. Его временами охватывает сомнение: своим ли делом он занимается, так ли пишет, нужны ли его произведения, могут ли они хотя бы в небольшой степени способствовать искоренению зла, царящего вокруг. В разгар этих колебаний Засодимский пишет своё первое письмо к Л.Н. Толстому от 28 декабря 1890 года, в котором просит высказать своё мнение о рассказе «Перед потухшим камельком»¹.

В своём ответном послании великий писатель даёт очень высокую оценку рассказу Засодимского и говорит, что «это то самое искусство, которое имеет право на существование. Рас-

¹ Письмо опубликовано в кн.: *Толстой Л.Н. Переписка с русскими писателями.* М., 1962. С. 657.

сказ прекрасный, и значение его не только ясно, но хватает за сердце»¹.

Отзыв Толстого глубоко взволновал писателя. Об этом он пишет в письме к Толстому от 22 января 1891 года² и в письме к В.Г. Черткову, в котором говорит:

«...Жизнь моя радостями не богата, а поэтому мне хочется поделиться с Вами моею радостью. Я посылал Л.Н. Толстому мой святочный рассказ и просил его высказать мне своё мнение о нём, указать на недостатки. И он сделал это так, как только может сделать человек беспристрастный и чуткий, пронизательным умом своим высказывающий не только то, что выражается словами, но и то, что стоит за ними, подразумеваемые. Я был глубоко тронут его добрым письмом и отношением ко мне. Рассказ мой ему понравился, и его письмом я дорожу, ибо одобрение его для меня значит больше, чем дипломы всех академий в мире...»³

Теперь как никогда Засодимский мечтает встретиться с Толстым. Об этом он снова говорит Черткову:

«Дорогой мой Владимир Григорьевич!

Ваше письмо очень порадовало меня, как привет и ласка друга. Вокруг себя слышишь и видишь так мало искреннего участия, каждое такое (искреннее) слово ловишь, как манну небес. Вы пишете, что я не пожалею потом, если повидаюсь с Л[ьвом] Н[иколаевичем]. Да я только и помышляю о том, как бы мне повидаться с ним и побеседовать. Нынче осенью, возвращаясь с кумыса, я решил непременно (в августе) заехать в Яс[ную] П[оляну]. Я, не выдавши его, конечно, уже люблю его и понимаю... Моё обращение с письмом и рассказом к Л[ьву] Н[иколаевичу], конечно, не преминуло вызвать несколько косях взглядов по моему адресу со стороны петербургских литераторов. Но странное дело! К кому же, как не к такому сердцеведу, как Л[ев] Н[иколаевич], мог я обратиться за разъяснением моих сомнений и за советом и руководством в том деле, при котором я стою! Не к нашим же критикам, к людям партий, идти мне. Из высохшего источника воды не почерпнуть...»⁴

Письмо Засодимского лишней раз говорит о том глубоком уважении, которое вызывало у него имя Толстого и всё, что с ним было связано. В письме звучит также горечь и обида писателя на своих собратьев по литературному цеху, особенно на критиков, которые очень непоследовательно и довольно разноречиво оценивали произведения Засодимского.

¹ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. (юбилейное). Т. 65. М., 1953. С. 219.

² Толстой Л.Н. Переписка с русскими писателями. М., 1962. С. 659.

³ РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Ед. хр. 1265. Л. 31–32.

⁴ Там же. Л. 33–34.

Вслед за этим Засодимский пишет Л.Н. Толстому ещё два письма, в которых просит его принять участие в сборнике «Помочь», издававшемся в пользу голодающих, просит оказать помощь своему знакомому М.А. Сопочко, просит прочитать и высказать своё мнение о его новом романе «Грех»¹.

Знакомство с творчеством и учением Толстого, переписка с великим писателем не могли не оказать влияния на Засодимского. Особенно сильно оно сказалось на романе «Грех», герой которого Прокопий, совсем по-толстовски, во имя христианской любви к ближнему отказывается от «греха» частной собственности, от своих социальных привилегий и становится на путь самоусовершенствования.

Вслед за этим влияние толстовского учения на творчество Засодимского идёт на убыль. Прекращается и переписка. Чем было это вызвано, сказать трудно. Однако, несмотря на это, Засодимский по-прежнему с глубоким уважением относился ко всему, что было связано с именем великого писателя.

В 1908 году вся страна отмечала 80-летие со дня рождения Л.Н. Толстого. В адрес великого писателя поступали письма отовсюду. Все прогрессивно мыслящие люди спешили засвидетельствовать своё глубокое уважение к гениальному писателю и выдающемуся мыслителю. Среди множества писем и адресов Толстому было и скромное послание П.В. Засодимского:

«Дорогой Лев Николаевич!

Испытываю чувство глубокого нравственного удовлетворения при мысли, что весь цивилизованный, мыслящий мир сегодня чувствует Вас. Я нравственно удовлетворён, я рад за Вас и за человечество, уже разившееся настолько, чтобы понимать и оценить всё великое значение Вашей деятельности.

Пройдут года, и Вы сделаетесь героем легенды, и потомство окружит Ваш дорогой для нас образ сияющим ореолом. А пока — живите дольше, Лев Николаевич, дольше и в добром здоровье на благо человечества, на радость нам.

От всей души приветствую Вас.

П. Засодимский»².

В письме Засодимского прозвучало искренне восхищение талантом великого художника. В нём чувствуется гордость писателя за свою Родину, подарившую миру такого гиганта, как Толстой, счастье, что он был современником гениального писателя.

Сохранилось одно очень важное свидетельство о том, что вплоть до самой смерти Толстого Засодимский не оставлял мысли встретиться с великим писателем.

¹ Толстой Л.Н. Переписка с русскими писателями. М., 1962.

² Там же. С. 662.

В последние годы своей жизни Засодимский был близок с журналистом Николаем Никитичем Степаненко, с которым часто встречался и вёл довольно активную переписку. В своих воспоминаниях, написанных вскоре после кончины Засодимского, Степаненко рассказал любопытный эпизод:

«В приезд П[авла] В[ладимировича] в Москву он собирался съездить в Ясную Поляну. “Хочется мне, — сказал он, — повидаться с великим писателем земли русской, поговорить, потолковать кой о чём — это моя давнишняя мечта”.

Захожу к нему. П[авел] В[ладимирович] и не думает собираться.

— А в Ясную Поляну.. к Толстому?

— Раздумал! — отвечает он на мой вопрос, — всю ночь думал. Так и представляется мне: приезжаю к Льву Николаевичу, лакеи в перчатках... Не люблю я этого. Боюсь, что это ослабит силу обаяния, которую я питаю к нему, как к великому писателю и мыслителю. Пусть уж я не побеседую, не поговорю с ним, но зато то чувство, которое я питаю к нему, останется нетронутым. Может быть, это только моё воображение, может быть, это и не так, а всё же... Нет не поеду, завтра уезжаю домой в Жадины.

Так и не поехал»¹.

Воспоминания Степаненко в какой-то мере объясняют причину того, почему Засодимский так и не встретился с Толстым. Он, говоря его же словами, боялся «ослабить силу обаяния, которую питал к Толстому, как к великому писателю и мыслителю».

История взаимоотношений Л.Н. Толстого и П.В. Засодимского говорит о сложности литературного движения конца XIX и начала XX века, о сложности взаимоотношений писателей различных лагерей и, несомненно, открывает новую страницу жизни и творчества талантливого писателя-народника Павла Владимировича Засодимского, чья литературная деятельность только ещё становится предметом изучения.

¹ Голос минувшего. 1913. № 5. С. 156.

С.С. СИНЕГУБ В СИБИРИ И АМУРСКОМ КРАЕ

ПО НОВЫМ МАТЕРИАЛАМ¹

Маленький домик за Невской заставой уже давно находился у полиции на подозрении. Сюда под покровом темноты поодиночке и небольшими группами приходили рабочие петербургских фабрик и заводов и засиживались допоздна. Стало известно, что там бывают и лица, которые уже длительное время разыскиваются властями. Здесь, на окраине Петербурга, группа членов подпольного кружка «чайковцев» вела пропаганду революционных идей среди рабочих. С особым вниманием слушались беседы Силыча. Так называли активного деятеля революционного движения 70-х годов XIX века, талантливого поэта Сергея Силыча Синегуба (1851–1907). О многом говорил Силыч своим слушателям: о невыносимо тяжёлых условиях труда на петербургских заводах и фабриках, о необходимости бороться за свои права, читал пропагандистские брошюры, стихи и рассказы революционного содержания.

Общение с рабочим людом приносило Синегубу глубокое удовлетворение. Недаром один из участников революционного движения 70-х годов М.М. Чернавский писал позднее: «Мне вспоминаются восторженные рассказы С.С. Синегуба о его занятиях с рабочим кружком и не менее восторженные отзывы о “Силыче” Петра Алексеева. Должен добавить, что Петруха далеко не был восторженным человеком, но о “Силыче” вспоминал всегда с трогательным волнением...».

Действительно, Синегуб был одним из первых, кто учил Петра Алексеева начальной азбуке революционной борьбы. Пройдёт

¹ Впервые опубликовано: Сибирские огни. 1977. № 2. С. 175–182.

несколько лет, и вся Россия услышит «великое пророчество русского рабочего-революционера»¹, который, выступая на суде по «процессу 50-ти» в 1877 году, сказал: «Поднимется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, ограждённое солдатскими штыками, разлетится в прах!»²

В глухую ноябрьскую полночь 1873 года двери маленького домика, где С.С. Синегуб вместе со своей женой Ларисой Васильевной снимал комнату, задрожали от громких ударов. Свыше десятка жандармов и полицейских во главе с офицером ворвались в дом. В своих воспоминаниях С.С. Синегуб писал: «На моё жилище учинил нападение чуть ли не полк воинства, при шашках и револьверах, словно ожидали встретить по крайней мере десятка полтора людей и вооружённое сопротивление». Начался обыск. И хотя все сколько-нибудь компрометирующие материалы были заранее спрятаны, тем не менее в бумагах полиция обнаружила несколько произведений революционного содержания, среди которых были и стихотворения самого Синегуба. Одно из них начиналось так:

Гей, работники, несите
Топоры, ножи с собой.
Смело, братья, выходите
За свободу в честный бой!
Мы под звуки вольных песен
Уничтожим подлецов...

Вслед за обыском Синегуб был арестован и препровождён в III Отделение.

Ко времени ареста Синегуб был уже довольно известным поэтом. Его произведения «Дума ткача», «Барка», «Разговор царя с народом» и другие широко использовались революционерами для пропаганды социалистических идей.

Синегуб писал не только небольшие произведения с ярко выраженным агитационным содержанием. Известно, что ещё до своего ареста он создал две большие поэмы: «Илья Муромец» и «Атаман Сидорко»³.

Почти четыре года провёл Синегуб сначала в одиночной камере Петропавловской крепости, а затем в Доме предварительного заключения. И всё это время он продолжал писать стихи, где, обращаясь к друзьям-единомышленникам, призывал их мужаться, не падать духом, говорил о своей верности революционным идеалам.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 377.

² Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 1. М., 1964. С. 366–367.

³ Впервые опубликованы В.Г. Базановым в журнале «Русская литература» (1963, № 1 и 3).

В конце 1877 года в Петербурге началось слушание дела «О революционной пропаганде в империи» (или, как его ещё называли, «процесс 193-х»). Среди обвиняемых был и Сергей Синегуб.

Дело слушалось свыше трёх месяцев, и только в январе 1878 года был объявлен приговор, согласно которому Синегуб в числе других революционеров был осуждён на каторжные работы сроком на девять лет.

Перед отправкой на каторгу Синегуб и его друзья обратились с письмом к тем, кто оставался на воле: «Уходя с поля битвы пленными, — писали они, — но честно исполнившими свой долг... мы считаем нашим правом и нашею обязанностью обратиться к вам, товарищи, с несколькими словами. <...> Мы по-прежнему остаёмся врагами действующей в России системы, составляющей несчастье и позор нашей родины, так как в экономическом отношении она эксплуатирует трудовое начало в пользу хищного тунеядства и разврата, а в политическом — отдаёт труд, имущество, свободу, жизнь и честь каждого гражданина на произвол “личного усмотрения”. Мы завещаем нашим товарищам по убеждениям идти с прежней энергией и удвоенной бодростью к той святой цели, из-за которой мы подверглись преследованиям и ради которой готовы бороться и страдать до последнего вздоха»¹.

Насильственно оторванный от революционной деятельности, от друзей и единомышленников, Синегуб не был сломлен и до конца своих дней оставался врагом «действующей в России системы».

Каторжные работы Синегуб отбывал в Нижне-Карийской тюрьме. В 1881 году² ему разрешили выйти на поселение. «А дальше, — писала в одном из писем жена поэта Л.В. Синегуб, — годы шли в борьбе за существование: учительствовали, служили...»³ Жить было трудно. Росла семья, надо было думать о том, как дать детям образование. «Единственный способ, при котором я могу обеспечить существование семьи, состоящей из 6 душ детей, жены и меня грешного, — писал С.С. Синегуб своему старому другу Г.А. Мачтету, — это идти в наймы! Это я и проделывал со дня выпуска меня из каторжной тюрьмы на поселение...»⁴

Сейчас не представляется возможным сказать, чем занимался Синегуб сразу после выхода из каторги и где жил. Но, судя по сохранившимся письмам, по корреспонденциям, которые он изредка публиковал в сибирской периодической печати, можно предположить, что Синегуб преимущественно работал

¹ Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 1. М., 1964. С. 399–400.

² В счёт каторги Синегубу были засчитаны годы предварительного заключения.

³ РГАЛИ. Ф. 68. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 3.

⁴ ОР РГБ. Ф. 162. Ед. хр. 12. Л. 1 об.

в качестве служащего на золотых приисках¹. Предприниматели и золотопромышленники охотно нанимали бывших политических каторжников и ссыльнопоселенцев, зная об их честности и добросовестности. Но при этом они беспощадно эксплуатировали своих служащих. Синегубу самому пришлось испытать всю тяжесть подневольного труда. Работать приходилось много. Иногда по 12–14 часов в сутки и при этом, по словам поэта, «быть всегда почти в весьма тягостной зависимости от работодателя»².

Вероятно, Синегуб мог бы найти себе работу и полегче, и лучше оплачиваемую, и даже продвинуться на служебном поприще. Но он был удивительно щепетильным человеком. И поэтому, по словам близко знавшего его А.В. Прибылёва, часто отказывался от «выгодных предложений на том основании, что сомневался в своей пригодности принести делу ту пользу, которую требовало предлагаемое вознаграждение. Поэтому он брался только за такие обязанности, в которых был очень хорошо осведомлён, и не пытался ознакомиться с другими, более доходными, хотя был, несомненно, способен и на много большее. Эту щепетильность в отношении к людям и их обязанностям разделяла с Сергеем Силычем и его жена, и поэтому семья эта никогда не выходила из состояния крайнего материального недостатка»³.

В 1889 году Синегуб с семьёй живёт в Чите, а в следующем году он едет в Амурский край, где в течение двух лет работает на золотых приисках Ниманской компании.

Вот что писал Сергей Силыч в письме Г.А. Мачтету о месте своей службы на реке Охде: «Если бы я Вам сказала: возьмите карту и отыщите сию реку, то я задал бы Вам невозможную для разрешения задачу. На карте Вы найдёте Амур. Левый приток Амурса — Бурею, быть может, найдёте приток Буреи — Ниман, а уж приток Нимана — Олгу, а тем более приток Олги — Охду не найдёте... Пять месяцев в году — почти два с половиною месяца весной да столько же осенью — сношения этого места с миром живущих абсолютно прекращаются: нет ни проходу, ни проезда! Ни волки, ни медведи, ни дикие козы — сюда не забродят... Это край, куда никогда не заглядывают ласточки, это край, где нет воробья, воробья — этого постоянного спутника человеческих жилищ»⁴.

¹ Из письма неизвестного (РГАЛИ. Ф. 1291. Оп. 1. Ед. хр. 22), датированного 1888 годом, можно понять, что в это время Синегуб работал на каком-то золотом прииске. Об этом же говорит и рассказ поэта «Картинка приисковой жизни. Ильин день», напечатанный в «Сибирской газете» (1888. № 10).

² ОР РГБ. Ф. 162. № 12. Л. 2.

³ Прибылёв А.В. Записки народолюбца. М., 1930. С. 263.

⁴ ОР РГБ. Ф. 162. № 12. Л. 3.

Вот в этой глуши и живёт Синегуб. Но, пожалуй, не столько заброшенность и отдалённость места службы угнетали его, сколько сама атмосфера приисковой жизни, которая, по словам поэта, была «не только глуха, но и подла». Синегуб с горечью видит, как во время промывки золота «люди... как-то свирепеют, — чувство наживы возбуждается как в рабочих, так и в лицах, заведующих управлением, до последней степени».

Только дома, занимаясь с детьми, да в литературной работе находит Синегуб покой и утешение. К тому времени его стихи, рассказы, корреспонденции довольно часто появлялись на страницах сибирской и дальневосточной печати. Известно, например, что он печатался в газете «Владивосток» и «Сибирской газете». Однако точно определить, что именно Синегуб опубликовал там, чрезвычайно трудно, так как в силу своего положения политического ссыльного он не имел возможности подписывать свои произведения или скрывал своё имя под различными криптонимами¹.

После возвращения с приисков Ниманской компании Синегуб живёт несколько лет в Чите, а в конце 1895 года переезжает в Благовещенск.

В это время Благовещенск был довольно большим и оживлённым городом. В нём было три средних учебных заведения, общественная библиотека, читальня, театр. По словам ссыльного революционера Л.Г. Дейча, Благовещенск «по своей культурности ничем не уступал, если не превосходил, подобные же губернские города европейской России»². В городе не было только своей газеты. Но и она вскоре появилась. В январе 1895 года в свет вышел первый номер еженедельной «Амурской газеты».

Сразу же по приезде в Благовещенск Синегуб и его жена становятся активными сотрудниками «Амурской газеты». Уже в первых её номерах за 1896 год появились стихотворения Синегуба «Сон владельца рудника» (№ 1) и «Кварц» (№ 2). Оба эти стихотворения были напечатаны без подписи автора. Но в том, что они принадлежат Синегубу, нет ни малейшего сомнения: оба стихотворения были включены поэтом в сборник «Стихотворения. 1905 год» (Ростов-на-Дону, 1906). Спустя несколько месяцев в «Амурской газете» появилось стихотворение «Последнее желание» (№ 26). Оно также принадлежит Синегубу. Его по автографу из тюремной тетради поэта опубликовал В.Г. Базанов³.

¹ Отдельные произведения, опубликованные в «Сибирской газете», нам удалось атрибутировать — см. статью «Синегуб в Сибири» в журнале «Сибирские огни» (1969. № 10).

² Дейч Л.Г. 16 лет в Сибири. 3-е изд. М., 1924. С. 301.

³ См.: Базанов В.Г. К истории тюремной поэзии революционных народников // Русская литература. 1966. № 4. С. 173–174. В публикации стихотворение не имеет названия.

В «Амурской газете» печаталось довольно много стихов, но все они, как правило, подписаны. Не ставил никакой подписи под своими произведениями один Синегуб. Только начиная с 1897 года, поэт подписывает свои стихотворения криптонимом N. N.¹ Вполне вероятно, что Синегуб подписывался и другими криптонимами², а может быть, и какими-нибудь псевдонимами, но какими именно, пока сказать трудно.

Помимо стихов, на страницах «Амурской газеты» публиковались рассказы Синегуба (например, «Приисковские рассказы» — 1898, № 21; «Два типа» — 1898, № 51), его «Театральные заметки» (1898, № 43), корреспонденции «Из зала суда» (1898, № 45) и другие материалы. Особого внимания заслуживает фельетон Синегуба «Маленький путеводитель по Сибири», в котором рисуется неприглядный облик сибирских городов: «Страшная грязь на улицах и площадях, не менее загрязнённые двory, свалка нечистот почти в центре города, деревянные тротуары, играющие, скорее, роль капканов и ловушек для прохожих, жалкая пародия на освещение в виде тусклых керосиновых фонарей — вот обычная картина сибирского города» (1897, № 22).

Автор фельетона кратко характеризует все более или менее значительные сибирские города и всюду видит одно и то же: грязь, беспорядок, отсутствие элементарных удобств и т.п. Говорит Синегуб и о дальневосточных городах: Благовещенске, Хабаровске и Владивостоке. «В этих городах, — иронически замечает фельетонист, — пока нет ни... электрических железных дорог, ни... электрического освещения, ни... по-английски, ни по-американски организованной полиции, ни... асфальтовых и торцовых мостовых и т.п. предметов роскоши».

Но Синегуб был прежде всего поэтом. С 1896 по 1899 год в «Амурской газете» были опубликованы (кроме уже названных) стихотворения «Тяжело живётся батраку на свете» (1896, № 5), «Куда уйти от пошлой прозы» (1896, № 12), «Из второго послания Ап. Павла к Коринфянам» (1897, № 15), «Поток» (1898, № 37), «Мария» (1899, № 28).

¹ О том, что этот криптоним принадлежит ему, Синегуб писал в письме П.Я. Якубовичу (РГАЛИ. Ф. 583. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 4). Кроме того, в газете «Амурский край» этим криптонимом подписаны стихотворения «Весной» (1900, № 42), «На улице» (1901, № 140), «Воспоминания» (1902, № 70), вошедшие в сборник Синегуба «Стихотворения. 1905 год».

² Например, совершенно неожиданным криптонимом «З.М.» Синегуб подписал свою поэму «Сказка о мужике Егорке» (Амурская газета. 1896. № 40, 41). О том, что эта поэма написана им, поэт говорил в письмах к Г.А. Мачтету (ОР РГБ. Ф. 162. № 12). «Сказка о мужике Егорке» опубликована В.Г. Базановым в кн. «Русские революционеры и народознание» (Л., 1974). Других произведений, подписанных криптонимом «З.М.», в «Амурской газете» напечатано не было.

Важную тему верности революционной юности затрагивает поэт в одном из стихов:

Куда уйти от пошлой прозы,
 От тьмы житейских мелочей?!
 Как мне спасти святые грёзы,
 Наследье юности моей?!
 Так люди лживы и безбожны,
 Так вероломны все они!
 Так злы их мысли, так ничтожны,
 Пустой враждой полны их дни.
 Нажива — вот вся цель их жизни!
 Богатство — вот их всех венец!
 А ты, болящий об отчизне,
 Для них не больше, как глупец!..
 Как мне спасти живую веру
 В людей и свет грядущих дней,
 Мою «утопию-химеру»
 Как убережешь мне от людей?

В известной степени с этим произведением перекликается стихотворение «Из второго послания Ап. Павла к Коринфянам». К библейским образам поэт обращался неоднократно. Как и у многих других русских поэтов того времени, библейские образы Синегуба очень условны. Это своеобразная аллегория, весьма прозрачная. Даже неискущённому читателю видно, что в стихотворении «Из второго послания...» нет ничего мистического и что поэт говорит в нём прежде всего о самом себе. Причём в этом произведении нельзя не почувствовать отдельных мотивов «Пророка» М.Ю. Лермонтова:

Провозглашать я стал любви
 И правды чистые ученья:
 В меня все ближние мои
 Бросали бешено каменя.

У Синегуба:

Из тёмной бездны их паденья
 Я призывал их к свету дня,—
 Они же с чувством озлобленья
 Кидали камнями в меня.

Однако, в отличие от лермонтовского Пророка, Пророк Синегуба не бежит от людей в пустыню, не разочаровывается в них:

Во мне нет к людям озлобленья,
Я бесконечно их люблю.

Одним из любимых поэтических образов Синегуба является образ стремительного потока, не знающего преград на своём пути:

Неукротимый и живой,
Бежит поток с вершины горной
И, искрясь пенистой волной,
Как змей, блестит в степи просторной...
Ревёт, рокошет и бурлит.
И не страшат его преграды...
Холодный встретится ль гранит, —
И полон бешеной отваги.
В немую каменную грудь
Со злобой дикой ударяя,
Он вновь несётся в дальний путь,
Себе дорогу расчищая.
И весь свой век живёт борьбой,
Не отступая ни на шаг,
И бьётся с каменной скалою,
Пока стоит угрюмый враг.
Люблю, поток, твоё стремленье
И непокорность пред судьбой, —
Не знаешь ты ни отступленья
И ни сомненья пред борьбой.

В «Амурской газете» довольно много материалов опубликовала и Лариса Васильевна Синегуб. Свои корреспонденции она подписывала инициалами «Л... С...» или чаще «Л.С.»; по всей вероятности, часто выступала и анонимно. Поэтому с полной уверенностью можно говорить о том, что её перу принадлежат статьи «Кое-что о бабах» (1897, № 11), «Чума» (1897, № 13), «Китайцы» (1897, № 16), «Японцы» (1896, № 21, 22).

В «Амурской газете» Сергей Сильч Синегуб сотрудничал до середины 1899 года. А дальше произошло вот что.

В Благовещенске, помимо семьи Синегубов, жило ещё несколько политических ссыльных. Среди них были А.В. Прибылёв, А.П. Корба, С.П. Богданов, А.И. Комов и некоторые другие. Жили они, по словам Л.Г. Дейча, дружно и «составляли довольно тесный кружок». А поскольку многие из них имели некоторое отношение к литературе и в своё время участвовали в легальной и нелегальной прессе, то у них возникла мысль «приобрести собственную газету». Деньги на издание дал бывший политический ссыльный, а к тому времени уже довольно богатый золотопро-

мышленник П.Д. Баллод, редактором был утверждён местный чиновник Г.И. Клитчоглу. Назвали газету «Амурский край». Первый её номер вышел 31 октября (12 ноября) 1899 года.

Газета пошла хорошо и, по свидетельству Л.Г. Дейча, «приобрела некоторое распространение среди лучшей части населения и, кажется, имела кое-какое влияние на местную жизнь: отчасти с ней считались многие, в том числе и администрация».

На страницах новой газеты печатались стихи Сергея Силыча, его рассказы, публицистические статьи¹. Довольно часто выступала в «Амурском крае» и Лариса Васильевна Синегуб. Она опубликовала там рассказы «Страничка из жизни» (1900, № 1), «Грустная повесть» (1900, № 32, 33), «Прачка» (1900, № 81), «Одной прислугой» (1901, № 42), статьи «Благовещенская “коморра” детей» (1899, № 23), «О расторжении брака» (1900, № 8), «По вопросу о реформе школы» (1900, № 13), «Знакомы ли мы с комфортом, и культурный ли мы народ» (1902, № 13) и др. Наибольший интерес представляет автобиографическая повесть Л.В. Синегуб «Былое» (1904, № 24, 42, 50, 51, 54, 57, 64, 65), которая является своеобразным дополнением к «Запискам чайковца» С.С. Синегуба. Лариса Васильевна рассказывала в ней о своей жизни до замужества, о встрече со своим будущим мужем, о фиктивном браке с ним, вскоре соединившем молодых людей на всю жизнь.

В Благовещенске Синегубы прожили до 1900 года, а затем переехали в Томск. Здесь они становятся сотрудниками газеты «Сибирская жизнь», где Сергей Силыч вёл очерки провинциальной жизни, а Лариса Васильевна — журнальное обозрение. Не порывали они связи и с «Амурским краем». В архиве Синегуба сохранилось несколько писем редактора газеты Г.И. Клитчоглу, в которых тот сообщает поэту о судьбе присланных им материалов («Ваши статьи все помещены...») и просит: «Пишите, пожалуйста, не забывайте меня и “Край”»². Последние произведения Синегуба были опубликованы газетой в 1907 году незадолго до его смерти (умер 19 октября).

Своё первое стихотворение, опубликованное в «Амурском крае» (1899, № 2), Синегуб назвал «Над горной рекой». В нём он вновь общается к уже знакомому нам образу бурного горного потока. Но в привычную поэтическую интонацию врывается и нечто новое:

¹ Можно назвать рассказы «Часовой» (1904, № 1), «Делёж» (1904, № 31), цикл статей «Мысли и факты» (1903–1904), печатавшихся без подписи. О принадлежности их Синегубу можно судить из письма Г.И. Клитчоглу поэту (РГАЛИ. Ф. 1291. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 5).

² РГАЛИ. Ф. 1291. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 8.

Летом говор и спор
Слышал я среди гор.
Что как стражи стоят
Над бегущей рекой,
Жмут её и теснят
С двух сторон... Но живой,
Гордой силы полна,
Рвала злобно она
Скалы тёмных рядов
Своих мрачных врагов...
И был радости полн,
Шум ликующих волн:
Они пели в бою
Про свободу свою,
Но зима подошла,
Холодна и бела,
И накинула вдруг
Саван снежный вокруг:
И лихой злой мороз
И оковы принёс,—
И забрал он в тиски
Волны вольной реки...
В берегах ледяных
Шум весёлый затих,
Под наплывшей шугой
Смолкнул клич боевой!..
Эх! неволя горька!..
Стонет тихо река,—
И в тюремные сны
Погрузязь до весны,
Промерзая до дня,
Замирает она.

Несколько лет спустя Синегуб напишет стихотворение «Река», в котором скажет о «могучих волнах» реки, которые, прорвав плотину, сметают на своём пути всё, что стесняет их свободу...

Значительное место в поэзии Синегуба занимает тема жизни обездоленных и угнетённых. К ним поэт относился с неизменным сочувствием, им он посвятил стихотворения «На улице» (Амурский рай. 1901. № 140), «Осенние думы» (Там же. 1904. № 47) и несколько произведений, вошедших в цикл «Песни житейские» (Там же. 1904. № 69, 92). В стихотворении «Босьяк» поэт пишет:

Как его ужасна внешность:
 Худ он, жёлт и в синяках —
 Мук терзающих «безбрежность»
 Остро светится в очах...
 Без привета, без защиты,
 И голодный, и босой,
 Грязным рубищем прикрытый,—
 Где найдёт приют он свой?

Годы каторги и ссылки не сломили Синегуба, он по-прежнему чувствует себя бойцом. Лишённый возможности непосредственно заниматься революционной деятельностью, поэт продолжает борьбу с гнётом, насилием и произволом на страницах периодической печати. К этому он призывает и своих товарищей по перу в стихотворении «К братьям-газетчикам» (Амурский край. 1907. № 4):

Братья-газетчики!.. с тьмою парящей,
 Что полонила толпу,
 И с мракобесною кликой ликующей
 Смело ведите борьбу!
 Злятся на вас и вампиры и филины
 наших родных палестин!
 Пусть!.. Не беда! Они будут осилены:
 Пресса — силач-исполин!
 Слово — великая сила, могучая!
 Им завоёван прогресс!
 И перед ним, как пред молнею жгучею,
 В тайне дрожит мракобес, —
 Втайне дрожат наши «всякие чадушки»,
 Наши «дельцы» и «рвачи»,
 Втайне дрожат «Головлёвы-Иудушки»,
 Правды святой палачи!
 Страх же этого света гонители
 Вам и не могут простить...
 Вы же старайтесь — правды служители —
 Ярче их всех осветить!..

Известно, что Синегуб очень активно откликнулся в своих произведениях на политические события, происходившие в стране. В этом отношении особый интерес представляет стихотворение «После бури», напечатанное в газете «Сибирь» в декабре 1906 года. Оно являлось откликом на поражение революции 1905 года. Если произведения, написанные накануне революционных событий (например, «Последняя мольба» — Вечерняя

почта. 1905), пронизаны страстным ожиданием торжества долгожданной свободы, то здесь поэт с горечью говорит, что всё вокруг затихло и замолчало:

Гремела буря... молнии сверкали...
Дышала грудь отрадой неземной...
Смывало море гнёт земной печали
Весёлой, юною, певучею волной!
И страшной красотой сверкало море в гневе...
И скалы старые дрожали перед ним...
И пели волны гимн, и в чудном том напеве
Звучало счастье всем живым.
За валом вал, покрытый белой пеной,
Катился радостно и бился в грудь скалы,
Но сгибли вдруг те грозные валы,
Как воины, убитые изменой.
И успокоилось взволнованное море.
И буря с грохотом куда-то унеслась,
И в сердце вновь свой трон воздвигло горе,
Огонь надежды вновь погас...

В целом ряде своих публицистически заострённых, но порой не очень тщательно отделанных стихов Синегуб выступал против правительства, которое устроило пышный приём немецкому банкиру Эриксону («Экспромт» — Ерш. 1906. № 5), комментировал результаты фальсифицированных кадетами выборов в третью Государственную думу («Песнь торжествующих союзников» — Амурский край. 1907. № 113) и др. Но мало кто знает, что перу Синегуба принадлежит и несколько басен, где в острой сатирической форме поэт обрушивается на царя, на Булыгинскую думу.

В начале 1905 года, когда в стране начала складываться революционная ситуация, Синегуб пишет басню «Дурак и котёл», где прямо заявляет, что в сложившихся условиях стремление задушить любое проявление свободолобивых устремлений неминуемо приведёт к взрыву:

Под котлом костёр горит.
У котла дурак сидит.
А в котле вода кипит,
Вьётся в ней струёй кипучей,
Говорлива и звонка,—
Пар валит оттуда тучей,
Солнце скрыв от дурака.
«Распроклятый ты, котёл!

Вишь, как пар какой развёл!
Мало, друг, в тебе добра!
Нет, закрыть тебя пора!»
И дурак в азарте глупом
Крышку тяжкую схватил,
И, чтоб пар не вился клубом
Над котлом, его закрыл.
Сел на крышку, придавил.
Под котлом костёр горит,
А в котле вода кипит,
На котле дурак сидит,
А в сторонке
На сосёнке
Ворон вещей сел,
Жаден, хмурен,
Ждёт, чтоб дурень
Вместе с крышкою взлетел.
Он, на вид хотя угрюмый,
Полн одной сладчайшей думой,
Как ему дурак сосед
Попадётся на обед.
Смысл сей басенки таков:
Чтоб не ведаться с бедою,
Отнюдь не закрывать котлов
С ключом кипящею водою,
Их пар пускай идёт свободно.
Куда угодно.

В басне «Паук» (Амурский край. 1905. № 120) Синегуб говорит о необходимости единения всех сил в борьбе против деспотизма, так как разрозненные выступления приводят только к бессмысленной гибели борцов за свободу. Мудрый старик, глядя на сеть, раскинутую пауком на кусте, в которой погибло множество мух и комаров, размышляет:

Да, в том их гибели причина!
Пред дружным натиском и мух, и комаров
Не устояла б паутина!
И сам паук от их полков
Погиб бы, замертво сражённый...

Синегуб был одним из зачинателей «тюремной лирики». Этот «жанр» зародился в мрачных казематах Петропавловской крепости и Шлиссельбурга, в одиночных камерах Дома предварительного заключения. Некоторые из стихов Синегуба были тайно

переданы на волю и опубликованы в сборнике «Из-за решётки», изданном за границей (Женева, 1877), часть произведений сохранилась в рукописных тетрадах. Несколько таких тетрадей были найдены В.Г. Базановым и опубликованы в журнале «Русская литература» (1963, № 1, 4; 1966, № 4; 1967, № 1). Вероятно, существовали и другие тетради, написанные в тюрьме и на каторге. Об этом свидетельствуют стихи, опубликованные Синегубом анонимно или за подписью N. N. в газете «Амурский край» в течение 1899–1907 годов. О том, что они взяты поэтом из своих старых тетрадей, свидетельствуют такие факты. Стихотворение «Лишь кусочек неба виден» (Амурский край. 1900. № 35) в сокращённом варианте вошло в сборник Синегуба «Стихотворения. 1905 год» с подзаголовком «Из старых тюремных тетрадей». Некоторые произведения поэт напечатал в газете под рубрикой «Из тюремных песен». Итак, перед нами, вне всякого сомнения, стихи, созданные в 70–80-х годах, когда поэт находился в крепости и на каторге.

Большая часть тюремных стихов Синегуба была опубликована в газете «Амурский край» в 1907 году. Думается, что это не случайно. После поражения революции 1905 года в России свирепствовала реакция, отовсюду приходили известия о произволе военно-полевых судов, карательных экспедициях и т.п. И всё это в какой-то мере, вероятно, напомнило поэту время разгрома народнического движения в конце 70-х и начале 80-х годов.

В центре стихотворного цикла находится образ борца-революционера, вырванного из самой гущи борьбы и брошенного в темницу. Лирический герой поэта тоскует по воле, его гнетёт сознание того, что где-то идёт борьба, а он вынужден томиться в бездействии, что его удел только мечтать о «счастье золотом». Вместе с тем в отдельных стихотворениях проводится мысль о том, что страдания революционера не идут ни в какое сравнение с вековыми муками народа, «чья жизнь проходит в вечном горе, а смерть — отрада для него!». Пострадать за народ, за его счастье — высшая награда для человека. Об этом говорит возлюбленная узника, как видение явившаяся к нему в темницу:

Терпи, терпи, мой друг любимый!
Сноси с отвагой свой удел!
Блажен, кто много за свободу,
За братство светлое терпел!
«Видение узника»

Возлюбленная не только утешает героя, но и вселяет в него мужество и зовёт на бой с насилием и злом.

Сопутствовать тебе готова,
Любовь моя, в бою!
Погибнешь ты, я на могиле
Свободы песнь спою! —

воскликает героиня в стихотворении «Песня возлюбленной». Почти во всех произведениях цикла звучит вера в светлое будущее, в торжество свободы, призыв к борьбе за народное счастье. Так, в стихотворении «Из Священного Писания» читаем:

Верим: настанет пора —
Злобы рассеется сила.
Ярко заблещет светило
Правды, любви и добра!

В стихотворном цикле Синегуба много традиционных образов, характерных для «тюремной лирики». Почти всегда перед нами возникает образ тюрьмы, каземата, как правило, сопровождаемый эпитетом «сырой». Узника давят «тяжкие цепи», но он мечтает и рвётся к «светлой свободе». Обращается поэт и к библейским образам.

В научной литературе уже не один раз говорилось о влиянии на поэзию революционеров-народников творчества Н.А. Некрасова. Всё это так. Однако в произведениях поэтов-народников и особенно в так называемой тюремной лирике, пожалуй, ещё более отчётливо звучат мотивы поэзии М.Ю. Лермонтова. Именно его творчество оказалось наиболее созвучным настроениям заключённых в тюрьмах революционеров. Сергей Синегуб здесь не был исключением.

Следует отметить ещё одно обстоятельство: в цикле «Из тюремных песен» поэт обращается к образам устного народного творчества. Так, например, «Песня узников» написана в духе народных песен-причитаний. Герой оплакивает свою горькую долю:

А теперь пришли дни без долушки.
И в лихой тюрьме, что в могилушке,
И без солнышка, и без полюшки,
Гибель лютая нашей силушке!

Надо сказать, что вообще устное народное творчество по своему духу было близко Синегубу (см. его поэмы «Атаман Сидорко» и «Илья Муромец»).

Ниже публикуем несколько стихотворений, вошедших в цикл «Из тюремных песен».

Боже! как тянется ночь бесконечная,—
Душная, душная... с грёзами страшными:
Тюрьмы с запорами, с тёмными башнями,
Пытка над жертвами бесчеловечная...
Трудно дышать... по подушке мотается
С болью в висках голова полусонная...
Сердце от страшных видений сжимается —
Кажется, падаешь в пропасть бездонную,
Где окружают тебя ядовитую
Гады проклятые алчною свитою...
Боже! как тягостно ночь эта тянется, —
Скоро ли небо зарёй зарумянится,—
Скоро ли солнышко выглянет ясное!
(«Душная ночь» // Амурский край. 1899. № 25)

* * *

Лишь кусочек неба виден
Сквозь тюремное окошко —
Даже неба мне, бедняге,
Уделили так немножко!
Пронесётся, словно птица,
Тучка по небу, и кротко
Голубой кусочек неба
Снова смотрит сквозь решётку:
Скучно днём вот в этом гробе!
Рад, как сумерки настанут —
С неба звёздочки украдкой
Целых две ко мне заглянут!
Так они мерцают ясно!
Сколько жизни в том мерцаньи!..
И оно в душе рождает
Целый рой воспоминаний!
Прожитая жизнь на воле,
Счастья дни, труды, волненья,
Круг друзей, моя подруга,—
Всё встаёт в воображеньи!..
Всё, чем сердце страстно билось,
Всё, о чём теперь тоскует,
Жаждой воли, жаждой жизни
Снова кровь мою волнует...
Днём намучившись тоскою,—
Взора я не отрываю
От тех звёздочек волшебных:

От их ласки воскресаю!..
Скучно, скучно в этом гробе!..
Скоро ль сумерки настанут,
Скоро ль звёздочки украдкой
Целых две ко мне заглянут?!
(Амурский край. 1900. № 35)

* * *

Полночь. С колокольни
Слышен бой часов..
Крепко, крепко держит
Дверь тюрьмы засов..
За решёткой воет
Ветер, и под вой,
На ружьё опершись,
Дремлет часовой.
Мой ночник так тускло
Светит на стене,
Словно загрустил он
Тяжко обо мне.
Из угла не слышно
Песенки сверчка..
Видно, дал счастливей
Из тюрьмы стрелка!
Похоронным маршем
Здесь часы идут, –
Словно всё застыло,
Омертвело тут.
Только думы реют
Где-то далеко,
Где живётся людям
Вольно и легко..
Сладко мне о воле
Думать под замком,
О грядущей доле,
Счастье золотом.
(Амурский край. 1907. № 27)

Под некоторыми стихами цикла нет подписи. Однако принадлежность их Синегубу не вызывает сомнения, так как по своему общему настроению и даже по названиям (неподписанное стихотворение «Виденье узника» близко к «Грёзе узника», под которым стоит криптоним N. N.) они близки другим произведениям поэта.

Трудную жизнь прожил С.С. Синегуб: тюрьма, каторга, ссылка, смерть детей (при жизни поэта умерло и погубло четверо из десяти), материальная необеспеченность и, наконец, тяжёлая болезнь. И всё-таки он никогда не падал духом, верил в неизбежность новой жизни, свободной и радостной. Свои надежды на лучшее будущее он связывал прежде всего с молодёжью. В стихотворении «В альбом» поэт писал:

Я прожил свою жизнь, я кончаю свой путь,
Я, пожалуй, не прочь и навеки уснуть,
Чтобы вместо меня начал жизнь молодой.
(Ведь, где много старья, там и сон, и застой!)
Только пусть молодёжь в свои юные дни
Разжигает сильней те святые огни,
Что с трудом старики в своё время зажгли
Кое-где в уголках тёмной русской земли.
Чтоб народ, — наш кормилец-поилец родной, —
Шёл широкой дорогой свободы святой.
Чтоб не знал он нужды, чтоб не ведал сумы,
Чтоб домишко его не был хуже тюрьмы,
Чтоб он с горя не пил, чтобы он не болел,
Чтоб сосновой коры вместо хлеба не ел,
Чтобы он был и сыт, и силён, и учён,
Чтобы не был, как скот, силой злой удручён...
(Амурский край. 1905. № 52)

В этой публикации, конечно, приведены далеко не все произведения Синегуба, написанные им за годы жизни в Сибири и Амурском крае. Дополнительные разыскания, несомненно, приведут к новым находкам, которые обогатят наше представление о творчестве поэта-революционера.

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ «СКАЗКИ О МУЖИКЕ ЕГОРКЕ» С.С. СИНЕГУБА¹

В Приложении к своей чрезвычайно интересной и содержательной книге «От фольклора к народной книге» В.Г. Базанов опубликовал «Сказку о мужике Егорке (посвящается гр. Л.Н. Толстому)» С.С. Синегуба. Произведение это сохранилось в семейном архиве внука поэта С.В. Синегуба в виде брошюры без титульного листа и без заключительного обращения «К читателю».

Ссылаясь на письмо С.С. Синегуба к П.Ф. Якубовичу от 14 (27) октября 1903 года, В.Г. Базанов указывает, что «Сказка о мужике Егорке» без подписи автора была в своё время опубликована в «Амурской газете», но обнаружить её пока не удалось².

Действительно, «Сказка...» Синегуба была напечатана в двух номерах «Амурской газеты» от 5 и 13 октября 1896 года (№ 40 и 41). Своё произведение поэт подписал довольно странным криптонимом «З. М.». Странным потому, что никогда раньше и позже Синегуб им не пользовался. Свои стихи, статьи и заметки, печатавшиеся на страницах многих сибирских и дальневосточных газет, он публиковал либо анонимно, либо под криптонимами N. N. и xxx.

Текст «Сказки о мужике Егорке», напечатанный в «Амурской газете», почти полностью совпадает с текстом, опубликованным В.Г. Базановым. Однако газетный вариант сказки всё-таки несколько полнее. В него вошли обращение «К читателю» и ещё один небольшой фрагмент.

В своей книге В.Г. Базанов не указывает точного времени написания «Сказки...». Между тем это небезынтересно. Сохранившие-

¹ Впервые опубликовано: Русская литература. 1976. № 1. С. 171–173.

² Базанов В.Г. От фольклора к народной книге. Л., 1973. С. 318.

ся письма С.С. Синегуба к Г.А. Мачтету позволяют восстановить время и историю её создания.

Осуждённый по «процессу 193-х» на девять лет каторжных работ Синегуб после отбытия наказания в 1881 году вышел на поселение. В течение нескольких лет он работал в качестве служащего на различных золотых приисках Сибири. Жилось ему трудно. «Единственный способ, при котором я могу обеспечить существование семьи, состоящей из 6 душ детей, жены и меня грешного, — писал поэт своему старому другу Г.А. Мачтету 3 декабря 1889 года, — это идти в наймы! Это я и проделывал со дня выпуска меня из каторжной тюрьмы на поселение»¹. В этом же письме Синегуб, между прочим, писал: «...есть у меня, видите ли, сказочка в стихах, озаглавленная “Сказка о мужике Егорке”. Я сравнивал её с теми книжками, котор. продаются для народа Леухиным, Манухиным и “хорошим человеком” Сытинным, — и нашёл, без всякого пристрастия, что она нисколько не хуже их в художественном отношении, а со стороны содержания, пожалуй, и лучше, но во всяком случае безнравственного ничего в себе не заключает. Стало быть, почему и её не издать? Может быть, мой Егорка принёс бы для меня немалое подспорье теперь! Так вот: не можете ли Вы мне устроить это дело? Самое лучшее было бы, если бы её можно было продать какому-нибудь издателю книжек хоть за сотню рублей, а уж он пусть поступает как знает...»²

Итак, «Сказка о мужике Егорке» была написана, по всей вероятности, не позже 1889 года. Было бы неверно предполагать, что, создавая её, Синегуб имел в виду только заработок. Думается, что В.Г. Базанов совершенно прав, считая, что «Сказка...» была написана поэтом не без влияния полемической статьи Н.К. Михайловского «А.Н. Островский. — Ещё о гр. Л.Н. Толстом»³. Статья эта опубликована в 1886 году⁴, но познакомиться с нею Синегуб мог и несколько позже, так как, работая на отдалённых золотых приисках, он не мог систематически следить за периодической печатью. На знакомство поэта со статьёй Н.К. Михайловского указывают и неоднократные упоминания в письмах к Г.А. Мачтету леухинских и манухинских изданий (см. у Н.К. Михайловского: «сравнивать толстовские рассказы с манухинскими и леухинскими изданиями мы, разумеется, не будем»)⁵.

Любопытно, что в следующем письме от 3 июня 1890 года Синегуб писал своему другу: «...Егорка может существовать только

¹ ОР РГБ. Ф. 162. № 12. Л. 1 об.

² Там же. Л. 2 об.

³ Базанов В.Г. От фольклора к народной книге. С. 316.

⁴ Северный вестник. 1886. № 6 (июнь). Отд. II. С. 197–216.

⁵ Там же. С. 201.

в форме отдельной книжечки и в К° с Леухинскими и Манухинскими изданиями, где он будет всё-таки один из благопристойных экземпляров, а отнюдь не следует помещать ни под каким видом на страницы периодической печати...»¹

«Сказку о мужике Егорке» Синегуб выслал Г.А. Мачтету 16 июля 1890 года. В сопроводительном письме он писал: «...вот и посылаю Вам своего Егорку. Посылаю своё детище на Ваш суд! Нельзя сказать, чтобы я равнодушно относился к его судьбе, но, сознавая ясно, что моё перо не может создать вполне путёвого, не особенно буду огорчён, если Вы забракуете Егорку настолько, что не сочтёте даже возможным поместить его в Леухино-Манухинский литературный гарнизон... Я бы своего Егорку никогда не выпустил в свет, если бы на это не давало мне смелости одобрение, которое он заслужил среди моих друзей по ссылке, — а посему и рискую...»²

Как видим, друзья поэта с сочувствием отнеслись к «Сказке...» в отличие от сибирских либеральных чиновников, которым Синегуб читал своё произведение позднее³.

Несмотря на просьбу Синегуба, Г.А. Мачтет решил, вероятно, всё-таки попробовать напечатать «Сказку о мужике Егорке» в периодической печати и обратился в редакции журналов «Русская мысль» и «Северный вестник». И получил отказ. Узнав об этом, Синегуб в письме от 28 февраля 1891 года писал: «...а относительно Егорки (я сам ему цену знаю) просил не совать его в литературный калашный ряд, а примостить его в сообщество с Францелем Венециалом, с Георгом милордом, с Ерусланом, с улыбкой за рубль и т.п. Среди сих произведений мой Егорка, убеждён в том, сиял бы красотою и рабочему люду понравился бы... Надо было сунуть его — суконное рыло — не в калашный ряд, а в рабочий, — а ежели бы сие оказалось невозможным, сжечь его... И тогда бы мой Егорка не потерпел фиаско! А то помилуйте. Русская мысль — Северный вестник! Бог мой! куда уж мне! Нет, совсем напрасно Вы заставили меня получить щелчок по носу там, куда я, совершенно искренне, не мечтал и соваться!»⁴

В 1895 году Синегуб поселился в Благовещенске, где вскоре стал сотрудничать в только что основанной еженедельной «Амурской газете». Уже в начале 1896 года там были напечатаны (без подписи автора) стихотворения «Сон владельца рудника» (№ 1)

¹ ОР РГБ. Ф. 162. № 12. Л. 4 и 4 об.

² Там же. Л. 5.

³ См.: *Базанов В.Г.* От фольклора к народной книге. С. 318.

⁴ ОР РГБ. Ф. 162. № 12. Л. 9, 9 об. и 10.

и «Кварц» (№ 2), вошедшие позднее в сборник Синегуба «Стихотворения. 1905 год» (Ростов-на-Дону, 1906). Спустя некоторое время в «Амурской газете» появилось стихотворение «Последнее желание» (№ 26)¹, а в конце года поэт опубликовал там свою «Сказку о мужике Егорке» (№ 40 и 41).

Об идейном содержании и полемической направленности пропагандистской сказки Синегуба достаточно подробно писал в своей книге В.Г. Базанов. Поэтому целесообразно обратиться лишь к тем фрагментам произведения, которые не вошли в текст, опубликованный в Приложении к монографии «От фольклора к народной книге».

В «Сказке о мужике Егорке» есть описание села Кусочи, куда пришёл в поисках работы герой произведения Егорка. Были в этом селе храм Николы, кабак и школа.

Вот Егор раз к ночи
И зашёл в Кусочи.
А где храм есть Божий,
Там наверно тоже
Есть и поп...

И далее в тексте «Сказки...», опубликованной В.Г. Базановым, идут точки. В газетном варианте читаем:

Есть и поп... Вот значит
Под вечер и скачет —
К попу в гости тройкой
Сам становой бойкий,
Баловать настойкой,
Песни петь с гитарой,
Попадёй не старой,
Не в сурьёз, а в шалость
Побаловать малость.
Поп был добродушный,
Попадье послушный,
Рад был становому
Гостю дорогому,—
При том же у бати
Страсть подвыпить кстати.
(Грешен бобе тоже,
Прости ему Боже!)

¹ Автограф этого стихотворения («Если скоро я кончу свой путь...») сохранился в одной из тюремных тетрадей, опубликованной В.Г. Базановым (Русская литература. 1966. № 4. С. 173–174).

Вот они пируют,
 Пьют, поют, танцуют;
 Урядник, причётник,
 Сам поп греховодник,
 В присядку с угару
 Жарят под гитару:
 Становой смеётся,
 Знай перемигнётся
 С молодой игривой,
 Попадъёй красивой.
 Наконец с устатку
 Бросили присядку;
 Выпивши не мало,
 Каждый, где попало,
 Свалился. (Кутнули,
 Значит, и уснули)¹.

Отрывок этот не вошёл в текст отдельного издания сказки, по всей вероятности, из-за слишком резких выпадов против духовенства и представителей власти.

«Сказку о мужике Егорки» завершает обращение «К читателю».

Кончил сказочку я,
 Вижу — точно вранья
 В этой сказке найдётся немало,
 Хоть кого ни спроси
 Ничего на Руси
 И похоже-то не бывало!
 Но беда: у меня
 Не богата родня,
 И в кармане моём весьма пусто.
 Вот и начал я врать,
 Чтобы сказку продать,
 И денегат получить хоть не густо.
 И при том ныне век,
 Когда лжёт человек
 И не хочет в лганье лишь сознаться,
 И не надобно нам
 По чужим по дворам
 Далеко за примерами шляться,
 Уж на что Лев Толстой,
 Человек он большой,

¹ Амурская газета. 1896. № 41. 13 октября. Стлб 1452–1453.

В мире нашем не малая сошка,
А ведь тоже подчас
(Свечка, Ангел,¹ Ильяс)
Даже он привирает немножко.
И его век теснит...
Ну, а мне Бог простит,
Да ты мне прости, мой читатель:
Купишь сказку мою —
Я другую спою.
Хоть я и не знатный писатель.
З. М.²

В обращении «К читателю» Синегуб прямо указывает на полемическую направленность своей сказки. По мысли поэта, Л.Н. Толстой «привирает немножко», когда говорит, что «покорись беде, и беда покорится» (рассказ «Свечка»), что «жив всякий человек не заботой о себе, а любовью» (рассказ «Чем люди живы»), что человек находит счастье в покорности и терпении (рассказ «Ильяс»). Герой «Сказки...» Синегуба Егорка не хочет покориться беде, как Михеич («Свечка»), не верит он, что любовь к ближнему, которую проповедует Ангел («Чем люди живы»), может избавить человека от горя и страданий, не желает Егорка быть покорным и безропотным батраком, как толстовский Ильяс. Он решает лучше умереть, чем быть батраком у кулака Климки и продолжать жизнь, полную унижений, горя и нищеты.

После того как «Сказка о мужике Егорке» была напечатана в «Амурской газете», Синегуба не оставляла надежда опубликовать своё произведение в виде отдельной книжки. Своё намерение поэт выполнил. Об этом свидетельствует текст «Сказки...», найденный В.Г. Базановым в семейном архиве С.В. Синегуба. Сейчас трудно сказать, когда именно было напечатано отдельное издание сказки, дошло ли оно до читателя или было запрещено цензурой. Ответы на эти вопросы могут дать только дальнейшие разыскания.

¹ «Ангел этот упал с неба голый и босой, хотя потом оказался чудеснейшим сапожником [речь идёт о рассказе Л.Н. Толстого «Чем люди живы». — *Н.Я.*]; а я полагаю, что он мог бы оказаться и прекраснейшим портным или пирожником и даже колбасником. В сказке всё возможно, ибо «не любо — не слушай, а лгать не мешай»» (*Примеч. С.С. Синегуба*).

² Амурская газета. 1896. № 41. 13 октября. Стлб 1456–1458.

«... ЧТО-ТО ПОГАСЛО ВДАЛИ»

О СУДЬБЕ СЕМЬИ С.С. СИНЕГУБА¹

Наверное, многие ещё помнят кинофильм «Нас венчали не в церкви» и щемяще грустную «Дорожную песню» Б. Окуджавы о любви и разлуке, звучавшую в нём. Но мало кто знает, что в основу сценария фильма положены «Записки чайковца» активного участника революционного движения 1870-х годов, талантливого поэта С.С. Синегуба, в которых он рассказал о своём знакомстве и фиктивном браке с Ларисой Васильевной Чемодановой и о том, как этот брак стал настоящим, связавшим молодых людей на всю жизнь. История эта была типичной для того времени, когда русская молодёжь под воздействием учения народников решила посвятить себя «служению народу». Она искренне верила, что сможет помочь своему многострадальному народу, пробудить в нём чувство самосознания, познакомить с социалистическими идеями и поднять на борьбу за социальную справедливость и «всеобщее благополучие». Ради этого сотни юношей и девушек под любым предлогом (в том числе и при помощи фиктивного брака) покидали родительский кров и отправлялись в народ. Закончилось это трагически: большинство из них было арестовано, брошено в тюрьмы, а затем отправлено на каторжные работы и в ссылку. Не избежала этой участи и семья Синегубов.

Публикуемое ниже письмо Л.В. Синегуб к жене известного общественного деятеля 60–70-х годов XIX века, публициста и социолога, автора знаменитой в своё время книги «Положение рабочего класса в России» В.В. Берви-Флеровского является своеобразным продолжением фильма «Нас венчали не в церк-

¹ Впервые опубли.: Дом Остроухова в Трубниках. М., 1998. Т. 2. С. 353–358.

ви». В этом поразительном документе не только просто и безыскусственно изложена поистине трагическая история семьи Синегубов, но и отразилась судьба целого поколения, захваченного идеями революционного переустройства страны. В нём нельзя не почувствовать острой печали автора о прошедшей молодости, несбывшихся надеждах и горечи от потерь и разочарований, когда, говоря словами «Дорожной песни» Б. Окуджавы, «что-то погасло вдали».

Родилась Лариса Васильевна в семье сельского священника в 1856 году. После окончания Вятского епархиального духовного училища жила в доме родителей, но страстно мечтала уехать в Петербург, где намеревалась продолжить образование и заняться общественной деятельностью. Однако отец запретил дочери и думать об этом. Лариса Васильевна пыталась бежать из дома, но неудачно. Вот тогда друзья и посоветовали ей вступить в фиктивный брак, в котором роль «жениха» весьма успешно сыграл Сергей Силыч Синегуб. В конце 1872 года молодые люди уехали в столицу и включились в пропагандистскую работу. А вскоре, вспоминал позднее Сергей Силыч, «моя фиктивная жена совершила весьма основательную брешь в моём сердце». И он был безмерно счастлив, когда узнал, что и Лариса Васильевна разделяет его чувства.

Осенью 1873 года Сергей Силыч был арестован и четыре года провёл в Петропавловской крепости и Доме предварительного заключения. Его судили вместе с другими 193 революционерами, обвинявшимися в пропаганде социалистических идей, и приговорили к девяти годам каторжных работ. В 1874 году арестовали и Ларису Васильевну, но вскоре освободили. Вместе со своей подругой Л.И. Сердюковой она стала основательницей общества помощи заключённым революционерам, впоследствии получившего название Политического Красного Креста.

Каторжные работы Сергей Силыч отбывал на Каре, куда вслед за ним, как некогда жёны декабристов, отправилась и Лариса Васильевна. После выхода на поселение Синегубы жили в Чите, на сибирских золотых приисках, в Благовещенске и, наконец, поселились в Томске. Жить было трудно. Росла семья, нужно было думать о том, как её прокормить и дать детям образование. В одном из писем, отправленном в начале 1890-х годов своему другу Г.А. Мачтету, Сергей Силыч писал: «Единственный способ, при котором я могу обеспечить существование семьи, состоящей из 6 душ детей, жены и меня грешного, это идти в наймы! Это я и проделывал со дня выпуска меня из каторжной тюрьмы на поселение...» А потом семья ещё увеличилась (всего у Синегубов было 10 детей), и супругам приходилось прилагать невероятные

усилия, чтобы свести конца с концами. В какой-то мере помогало то, что С.С. Синегуб активно сотрудничал во многих газетах Сибири и Дальнего Востока, где печатал стихи, рассказы и корреспонденции. Вместе с мужем к литературной работе приобщилась и Лариса Васильевна. Её рассказы, статьи, посвящённые самым различным сторонам жизни Сибири, и журнальные обзоры публиковались на страницах «Амурской газеты» и «Амурского края», выходявших в Благовещенске, томской газете «Сибирская жизнь», самарской газете «Волжское слово» и др.¹ Среди произведений Л.В. Синегуб особый интерес представляет автобиографическая повесть «Былое» (Амурский край. 1904).

Письмо Л.В. Синегуб к Э.И. Берви-Флеровской, отправленное, по всей вероятности, в конце 1915 или в начале 1916 года, интересно тем, что в нём содержится много новых сведений о С.С. Синегубе, последних годах его жизни, об их детях и, наконец, о самой Ларисе Васильевне, женщине поистине героической и трагической судьбы. Вот это письмо:

Дорогая Эрмиона Ивановна! Получила сегодня Ваше письмо и, признаюсь, всплакнула... Поплакала о Вас<илии> Васильевиче [Берви-Флеровском. — *Н.Я.*], о том, что я не собрала несколько лет ранее послать ему привет. Ведь это же был учитель нашего поколения! Как много будил он чувств, мыслей в наших юных головах своей книгой «Положение рабочего класса в России». Я пятнадцатилетней девочкой прочла эту книгу, и она оставила неизгладимое впечатление. Потом встреча с автором в Финляндии, с Вами... Всё, всё вспомнилось, а вот Василию Васильевичу уже и нельзя ничего припомнить, нельзя сказать, как его любили и ценили. Вы поцелуйте от меня ту руку, которая писала для нас «Положение рабочего класса». Пусть забыл кто, но я-то его помню!

Вы торопите написать Вам своё житьё, но я не знаю, с чего начать. Суд над Сергеем, ссылка на Кару, моё добровольное за ним следование — об этом Вы знаете из «Воспоминаний чайковца» [речь идёт о «Записках чайковца» С.С. Синегуба. — *Н.Я.*], которые, Вы пишете, что читали. А дальше — годы шли в борьбе за существование: учительствовали, служили и только последние 15–20 лет приобщились к провинциальной печати. Семья была очень большая: у нас было 10 человек детей. Сначала с детьми всё шло «ладно», росли красивые, способные, но не особенно крепкие и нервные (первые годы в Сибири жили в большой нужде). А потом и пошло и пошло... Старший сын Серёжа, будучи в 6 классе гимназии, в припадке меланхолии покончил с собой. Через несколько лет дочь старшая Наташа тоже в припадке меланхолии покончила с собой (тоже была уже в 6 классе гимназии).

¹ Подробнее об этом см. статью «С.С. Синегуб в Сибири и Амурском крае (по новым материалам)» в наст. изд.

В Японскую войну убили сына Анатолия: был прапорщик запаса. Потом сын Лёва в 1907 г. был казнён за покушение на В<еликого> К<нязя> (Азеф). Умерла ещё девчушка 4-х лет, любимица отца. Восемь лет тому назад умер и сам С<ергей> С<илич>. Была у него грудная жаба и склероз. Болезнь длилась несколько лет, но он работал до последнего дня. При этой болезни смерть всегда скоропостиженная. Так и было: писал вечер, пошёл в постель, упал, и всё было кончено. И он сам, и мы все знали, что так будет.

Конечно, доконала тюрьма, ссылка, нужда, несчастья с детьми (только Лёва умер уже после смерти отца. Бог сжалился и не дал перенести ещё и этого ужаса).

Теперь у меня осталось пятеро детей, но надолго ли — это большой вопрос... Сын Евгений (который работает в «Русск<их> Ведомостях») тоже прапорщик запаса и сейчас на фронте, где-то в Лифляндии. И убить могут, и здоровье очень неважное, но на фронт просился сам. Очень утомился учить солдат, с начала войны всё в Москве учил партию за партией. Беда ещё в том, что у него ещё периодически возвращается меланхолия (в 5–7 лет), и этот ужас вечно висит над ним. Вот и опять захандрил, и это, вероятно (отчасти, конечно), и заставило его искать перемены места и обстановки. В Москве осталась жена (учится на зубоврачебных кур<сах>) и две девчушки, уже большие: 10 и 18 лет.

Дочь Маруся замужем за инженером, живёт около Владивостока, у неё двое детей.

Сын Владимир живёт в Томске, служит в банке. У него 4 детей. Из-за болезни сердца он «белобилетник», но на днях объявлено переосвидетельствование белобилетников, и могут не обратить внимания на порок сердца. Пока отправят в военное училище, 100 раз может умереть во время солдатского учения. Ребятишки мал мала меньше: ему 25 лет, а он уже семь лет женат: прямо из гимназии к венцу! Жена его тоже служит. Со мной живут две дочери: Лида 16-ти лет, учится в 6 классе гимн<азии>, и Лариса 22-х лет на 2-м курсе фельдшерской школы. Эта очень болезненная, боялись даже чахотки, но как будто беда миновала.

Живу я с дочерьми в собственном небольшом домике на окраине, держу квартирантов-студентов, прислуги не имею и ещё настолько крепка, что даже полы мою и снег отгребаю «за дворника». Конечно, всё это «с грехом пополам». Укатили сивку крутые горки! А представьте, Эмиона Ивановна, что был такой период (лет 35–40), когда ваша «красавица» была 4 1/2 пуда весу. И работала за деревенскую бабу. Вот, должно быть, от той поры и осталась ещё былая силушка, но только уже всё на убыль идёт: один горб растёт не по дням, по часам, и всё ростом меньше становлюсь.

Да слепота одолевает и заработать пером уже много не могу. Очков нет на мои глаза, ибо у меня не просто близорукость, а в одном глазу потеря сетчатки (не полностью, а частями: почему и предметы вижу, но ни писать, ни читать правым глазом не могу). Сейчас даю одно обозрение журналов в газету, — раз в месяц, — за что и полу-

чаю 15 р<ублей>, как бы то ни было, пока ем свой хлеб. Надо дотянуть ещё года 2 с дочерьми, даже год, а там они уже сами зарабатывать начнут, Лариса уже 2 лета лечилась, чтоб зиму в состоянии учиться. А Лида, хотя и в 6 классе, но настоящий ещё ребёнок. Да и чем бы могла заработать? Уроками? Но в университетском городе этот заработок недоступен для девчонки. Даёт Лит<ературный> Фонд 15 рублей, пока учатся дочери. Так и перебиваемся. Кой-когда помогают дети, но, как видите, у них уже семьи и пока они ещё не выбились из «недостатков». Маруся, напр<имер>, только год, как инженерша, а то выходила за студента. У Евгения так складывались дела, что едва выберется на большой заработок, так и случится что-нибудь: период болезни, война. Долго был эмигрантом.

А какая и Вы старенькая! 70 лет... Напишите, как Вы живёте. В 70 лет уж, конечно, работать не приходится. И неужели уже 9 лет болеет Вас<илий> Васильевич? И девять лет неработоспособен. Почему он так страдает? Боль головы? Бедная, Вы, бедная... С<ергей> Сил<ыч> часами страдал, но в светлые промежутки и работал, и шутил. Только физических напряжений не мог делать и ходил еле-еле, чтоб не вызвать безумную боль в груди.

Пока до свидания! Когда взгрустнётся, когда в силах — черкните. Целую Вас.

Л.С.¹

Э.И. Берви-Флеровская, по всей вероятности, ответила на это письмо, о чём свидетельствуют две открытки, полученные ею от Ларисы Васильевны. В первой (от 14/XII 1916 года) она писала, что её сын Владимир всё-таки призван в армию, а во второй (от 11/XI 1917 года) сообщала, что переехала жить к дочери Марии под Владивосток.

Во время Гражданской войны Лариса Васильевна вернулась в Томск, где воспитывала внука Сергея от сына Владимира, призванного в армию. Как мне рассказывал недавно скончавшийся С.В. Синегуб, именно бабушка Лариса выучила его «читать, писать, считать и подготовила прямо в четвёртый класс». Он же говорил, что в 1918–1922 годах жилось им скудно и голодно, хотя его бабушка и получала от правительства персональную пенсию как участница революционного движения. Сергей Владимирович рассказывал также, что слышал от Ларисы Васильевны немало весьма нелестных слов в адрес большевиков. И это можно понять. Всё, что она видела вокруг: бессмысленную гибель ни в чём не повинных людей, голод, разруху — мало соответствовало тем мечтам, надеждам и идеалам, с которыми она и её товарищи вступали в борьбу с самодержавием во имя счастья и процветания народа.

¹ РГАЛИ. Ф. 68. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 3, 4.

Н.А. НЕКРАСОВ И СОВРЕМЕННОСТЬ¹

— Николай Иванович, сколько лет Вы занимаетесь изучением творчества Н.А. Некрасова? Ведь та книга, которая вышла в издательстве «Русское слово» в серии «Писатели в жизни и творчестве», это только одна из Ваших работ, посвящённых поэту, и почему именно Некрасов?

— На этот вопрос не сразу можно ответить. Дело в том, что к Некрасову, его личности, его судьбе я пришёл не сразу. И, как это ни покажется, может быть, странным, я пришёл к нему через Достоевского. Первая моя книга была о Достоевском — «Ф.М. Достоевский в Сибири». В тот момент Некрасов мелькнул совершенно необычной для меня стороной. И потом, когда я начал заниматься и Достоевским, и Некрасовым, меня поразили удивительные, необъяснимые совпадения. Прежде всего, родились они в один год и почти в один месяц. Кроме того, у каждого из них в чём-то похожи их родители. Отцы их были с тяжёлыми характерами, подчас с необузданными страстями. Матери сглаживали эту неистовость, подчас невоздержанность и угрюмость своих мужей. И свою неистраченную любовь они перенесли на детей. Некрасов и Достоевский всегда вспоминали о своих матерях с благоговейным чувством. Мало того, у каждого из них было по четыре брата и по две сестры. Характеры братьев очень интересные. Со старшими братьями писатели были близки, хотя у Некрасова старший брат Андрей умер довольно рано. Вторые братья были неудачники — оба злоупотребляли, как мы сейчас говорим, хотя были талантли-

¹ Интервью с главным редактором издательства «Русское слово», доктором филологических наук А.В. Фёдоровым.

вы, но судьба их не состоялась — они были несчастными, старшие братья всегда стремились им помогать. А младшие братья были очень прижимистые — и Андрей Фёдорович Достоевский, и Фёдор Алексеевич Некрасов. Удивительно совершенно. Ну и самое главное, что они по духу были очень близки. В своё время, наверное, лучший некролог о Некрасове написал Достоевский, который назвал его «Навсегда раненное сердце». Сердце, раненное состраданием к русской женщине, детям, семье, не устроенной в стране. И Достоевский потом признавался, что они с Некрасовым иногда подолгу не встречались, но, когда встречались снова — люди совершенно разных политических и общественных взглядов, — что-то их очень сближало... И это, по-моему, сострадание, невозможность видеть зло, несправедливость. Интересно то, что, когда Достоевский провожал Некрасова в последний путь, он говорил своей жене, что очень хочет быть похороненным рядом с Некрасовым. Но когда Анна Григорьевна решила купить место в Новодевичьем монастыре рядом с Некрасовым, то монахи заломили такую цену, что пришлось отказаться, и Достоевский был похоронен в Александро-Невской лавре.

Вот это, наверное, мне особенно близко — всегда было близко — сострадание: без боли не могу смотреть на страдания людские. А вплотную Некрасовым я стал заниматься позднее. И понял, какой это действительно великий русский поэт, который не только написал совершенно изумительные произведения, не только был одним из лучших журналистов XIX века, редактором двух лучших журналов — «Современник» и «Отечественные записки», но по существу явился ещё и крестным отцом для многих русских писателей. Подумать только, кого он ввёл в литературу! Достоевского, Гончарова, Григоровича, Елисеева, Добролюбова, Помяловского, Решетникова... Я уже не говорю о менее известных писателях. Это тоже заслуга Некрасова, которая заставляет к нему относиться с необычайным уважением и пиететом.

— Можно ли говорить о том, что детские впечатления Николая Алексеевича Некрасова определили главную интонацию его лирики?

— Думаю, что, конечно, во многом это так. Надо сказать, что, как и другие великие русские поэты, которые писали о народе, он не был выходцем из народа, он был дворянин, но он вырос среди деревенской голытьбы, деревенских ребятишек, — он об этом писал, в частности, в стихотворении «Крестьянские дети», и потом говорил, что, когда приезжал в деревню, каждый что ни встречный — то приятель, то друг. И вот это понимание народной жизни было заложено в детстве. Потом жизнь в городе, Петербурге, с его

кричащими противоречиями... Особенно в первые годы жизни в столице Некрасов насмотрелся многого. Он видел жизнь городской бедноты, сам был полунищим, часто ночевал в ночлежках, оказался бездомным — это целая история... И поэтому сострадание, чувство боли и самое главное чувство вины, что ты не можешь изменить существующий порядок вещей, — это определяло главный нерв его поэзии. Но, конечно, всё начиналось с детства.

О русской матери, русской женщине в русской литературе никто так глубоко, так всесторонне, с такой болью не написал, потому что мать для Некрасова — это было что-то святое, в самые трудные минуты он мысленно к ней обращался и, наверное, чувствовал всегда неизбывность вины перед ней: он опоздал на её похороны. Этого он не мог себе простить. Обострённое чувство вины перед ней переносилось на русскую женщину. И не обязательно крестьянку. Неслучайно поэму «Русские женщины» он хотел назвать сначала «Декабристки». Дворянские женщины — это тоже русские женщины. И, конечно, образ матери у Некрасова во многом ассоциировался с образом России. Поэтому о ней так много писал, о ней так страдал и с горечью говорил: «Мать-отчизна! дойду до могилы, / Не дождавшись свободы твоей!..»

— В романе И.А. Гончарова «Обыкновенная история» рассказывается о том, как столичный, холодный, жестокий Петербург ломает идеалиста-провинциала, который приехал, что называется, покорять столицу. Можно ли этот сюжет соотнести с тем, что выпало на долю Некрасова в его первые годы петербургской жизни, о которых он иронично вспоминал, точнее не об этих годах, а о главной цели своей поездки: «За славой я в столицу торопился...»? И какие черты характера Некрасова проявил, а может быть, сформировал Петербург?

— Вроде бы внешне похоже, но всё-таки есть различия. Герой Гончарова — человек из дворянской семьи, очень обеспеченной. Его внутреннее перерождение происходило под влиянием того, что его окружало: были романтические устремления, но эти романтические устремления в период нового времени, новых отношений постепенно разрушались, и он поддался общему процессу, происходившему со многими людьми. У Некрасова было всё по-другому. Да, он «за славой торопился» — в Петербург он приехал с тетрадкой своих юношеских стихов, но оказался в очень трудном положении: он пытался поступить в университет, о чём мечтала его мать, — не удалось, и началась его трудовая жизнь. Целых три года Некрасов искал себя, брался за любую работу. Он как-то потом писал: «Господи, сколько я работал! Уму непостижимо, сколько я работал...» Он говорил о том, что за три года

написал свыше 200 печатных листов. Что он только ни писал: сказки, сонники, рецензии, повести, стихи, водевили и т.д. Многие современники встречали его на улице в это время дурно одетым, он вечно был голодным. Рассказывал, как приходил в трактир, закрывался газетой и ел хлеб, который раньше трактирщики выставляли для молодёжи, прежде всего для студентов. Так что сравнивать трудно. Да, жизнь ломала. В эти годы лишений, нужды, как он говорил в одном из своих набросков:

...Как тут таланту вырасти,
Как ум тут развернёшь,
Когда в нужде и сырости
И в холоде живёшь!..

Но, несмотря ни на что, он не хотел стать, как все, он считал, что должен голос свой поднять в защиту угнетённого народа, за всех обиженных, оскорблённых. Другое дело, что и герой Гончарова, и Некрасов — оба изменились.

— Да, изменение Адуева — это весьма печальное превращение, а Некрасова Петербург закалил, это был для него жизненный университет?

— Совершенно верно.

— Принято считать, что бывают литературные дебюты удачные (как у Льва Николаевича Толстого или у Фёдора Михайловича Достоевского) и неудачные (как «Ганс Кюхельгартен» у Николая Васильевича Гоголя). Чем определяется, на Ваш взгляд, эта удачность, успешность — отзывами критики, реакцией читателей или последующим отношением писателя к своему «первенцу»? И как в этом отношении можно оценить первый сборник Некрасова «Мечты и звуки»?

— Вопрос интересный, потому что каждый настоящий писатель входит в литературу своим собственным путём. Что касается Достоевского и Толстого, то надо помнить, что их в литературу ввёл не кто иной, как Некрасов, который к тому времени уже был редактором журнала, человеком достаточно опытным и, самое главное, обладавшим очень тонким эстетическим вкусом, талантом «отыскивать и приманивать таланты», как сказал позднее о нём Гончаров. И Достоевский, и Толстой сразу стали знаковыми фигурами — с этого времени начинается их литературная слава. Что касается Некрасова и, например, Гоголя, то они сами искали пути в литературу. Это звучит достаточно современно. Нужно, чтобы кто-то поддержал: просто ворваться в литературу очень сложно. И каждый из них на свой риск выпустил свои первые книги. Кни-

ги, которые пролежали в книжных лавках: никто их не читал, потому что это были ученические опыты, построенные по существу на пересказе того, что было уже сделано. В некрасовском сборнике «Мечты и звуки» (внешне стихи, кстати, выглядят вполне пристойно) можно уловить отголоски самых разных поэтов: слышен и Пушкин, и Лермонтов, и Бенедиктов — кого там только нет... И неслучайно сам Некрасов, когда подготовил этот сборник, стал сомневаться. Обратился к Жуковскому: он слышал, что Василий Андреевич всегда очень внимательно относится к молодым, начинающим писателям. Некрасов явился к нему на квартиру (Жуковский тогда жил в крыле Зимнего дворца), оставил ему рукопись своих стихов, и Жуковский сказал ему зайти через несколько дней. Некрасов пришёл, а Жуковский ему посоветовал не печатать сборник. Некрасов объяснил, что не печатать уже нельзя. «Если хотите печатать, то издавайте без имени, впоследствии Вы напишете лучше, и Вам будет стыдно за эти стихи». И Некрасов выпустил сборник, скрывшись под буквами «Н.Н.». И никогда к этому сборнику не обращался, ничего из него не перепечатывал.

— Благодаря чему или кому, может быть, Некрасов всё-таки нашёл свою неповторимую ноту на лире? И можно ли считать своеобразной точкой отсчёта в его становлении, в его обретении себя как поэта стихотворение 1846 года «В дороге», после которого Белинский воскликнул: «Да знаете ли Вы, что Вы поэт, и поэт истинный?»?

— После урока со сборником «Мечты и звуки», на который, кстати, было несколько положительных отзывов в печати, но в основном, конечно, ругательные, Некрасов попытался возразить, получил ещё более резкую критику и после этого зарёкся: никогда, ни при каких обстоятельствах не реагировать на выпады против себя, как бы это ни выглядело — устно, письменно. Никогда не оправдывался. Однажды он пытался объяснить свой поступок с Муравьёвым Салтыкову-Щедрину — сохранился черновик его письма на трёх или четырёх страницах, которое он не отправил. Там стихи, в которых он пытался объяснить неверный звук своей лиры, написанные в 1866 году, — он не печатал эти стихи. Так они и остались у него и были опубликованы Елисеевым с разрешения умирающего Некрасова. Так что всё-таки он выдержал паузу после первого сборника. Тем временем познакомился с Белинским, за плечами у Некрасова уже была большая работа — черновая работа. И ему было важно показать стихотворение «В дороге» критику, чтобы тот оценил. Белинский для того времени был авторитет — с его словом считались все писатели самых различных убеждений.

Интересно, что через всё творчество Некрасова прошёл образ дороги. Этот образ помог поэту не только передать необъятные просторы нашей страны, но и провести своих героев через многие города и вёси и взглянуть на Россию широко и всесторонне.

— В чём особенность содержания и построения сборника стихотворений 1856 года?

— Этот сборник Некрасов рассматривал как итоговый сборник, как итог всей своей литературной деятельности. Ведь в 1853 году он очень тяжело заболел: потерял совершенно голос... Он был в отчаянии и решил подвести итоги того, что сделал. О его состоянии писал Чернышевский. Некрасов с трудом говорил, но тем не менее продолжал работать. Потом он уехал — и там его всё-таки вылечили.

Структура сборника очень хорошо продумана. Он состоит из четырёх частей. Открывает сборник знаменитое стихотворение «Поэт и гражданин». При изучении этого стихотворения главная его мысль сводилась к противопоставлению поэта «чистого искусства» и поэта-гражданина. Говорилось о том, как плохо быть поэтом вообще и как важно быть гражданином. Но надо иметь в виду, что это произведение создавалось в эпоху 60-х годов: гражданственность стала пронизывать литературу, все в той или иной мере обращались к решению общественных вопросов, в ожидании эпохи великих реформ. Многие говорят о том, что Некрасов в этом стихотворении задаёт тон, идёт вместе с Чернышевским, призывает Русь к топору, ведь «дело прочно, / Когда под ним струится кровь...». Но ведь не льётся, а струится. И когда струится кровь — это живая кровь человеческая, поэтому никакого отношения к бунту строки не имеют. И Чернышевский на эту тему с Некрасовым не говорил, свои заветные мысли он записывал в дневник. Здесь главная трагедия — трагедия поэта, который изменил своим прежним убеждениям, своему гуманному отношению к окружающему миру. Ведь он говорит, что когда был молод, ходил в больницы, посещал тюрьмы, писал об униженных и оскорблённых. Но молодость, увлечения — всё забыто. И произошло самое страшное. Муза отвернулась. Поэзия закончилась. Вот ведь о чём это произведение.

В первую часть сборника Некрасов включил стихотворения, связанные с народом, народной жизнью. Это «В деревне», «Забывтая деревня»... Первая часть имеет определённую продуманность в композиции. Стихотворение «В дороге» начинается с того, что ямщик рассуждает о женской доле, последнее стихотворение — «Школьник». Мальчик тоже в дороге, но в дороге к знанию. А в качестве примера — судьба Ломоносова:

Как архангельский мужик
По своей и Божьей воле
Стал разумен и велик.

Это главное.

Вторая часть — это стихи сатирического характера: Некрасов в 60-е годы говорил о том, что время такое, что нужно обличать зло, и поэтому он в этот сборник включил такие стихотворения, как «Нравственный человек», «Колыбельная песня», «Отрывки из путевых записок графа Гаранского» и целый ряд других.

Третья часть — это «Саша», первая поэма Некрасова, где он попытался нарисовать образ женщины — особой женщины, решившей посвятить себя служению людям. Некрасов выводит здесь и образ Агарина, ставит вечную проблему русской интеллигенции, которая вступает в жизнь с высокими идеями, устремлениями, но проходит время, и всё это остаётся словами. «Оба тогда мы болтали пустое! — говорит он Саше, хотя вначале уверял её: Солнышко правды взойдёт над землёю!» И Саша нашла себя: она начала служить людям, помогать бедным... И полное разочарование Агарина её всё-таки не остановило. Вот это очень важно, потому что Некрасов как бы отталкивается от библейской притчи о том, что падшее зерно даёт рост. И Агарины тоже нужны, потому что такой человек заронил зерно в душу Саши. И оно дало всходы. Любопытный подход к оценке образа лишнего человека. К тому времени уже были и Бельтов, и Рудин...

И, наконец, последняя часть сборника — это автобиографические стихотворения, стихи, посвящённые музе, в которых Некрасов определяет своё назначение, даёт определение своей музе: она не гнушается посещать бедных, страждущих. И самое главное, он говорит о том, что «кто живёт без печали и гнева, / Тот не любит отчизны своей». Это служение людям неотрывно у поэта от служения родине. Родину надо не прославлять, её надо любить и творить.

— **Николай Иванович, почему, на Ваш взгляд, Некрасов не ограничился ролью авторитетного писателя своего времени? В чём был смысл и цель его журналистской, издательской деятельности? Каких особых умений, способностей это требовало? Всегда ли ему удавались компромиссы, всегда ли он делал правильный выбор на этом пути редактора — сначала «Современника», потом «Отечественных записок»?**

— Наверное, всё-таки Некрасов считал, что его жизненной позиции, его боли и сострадания при виде бедствий народных — этого мало для того, чтобы что-то изменить. К тому вре-

мени в России журналы стали органами, которые высказывали определённые взгляды на происходящие события. Это началось, прежде всего, конечно, с «Отечественных записок» Краевского. Некрасов почувствовал вкус к журналистике ещё в те три трудных года, когда он брался за любую работу, сотрудничал во многих журналах... И, конечно, у него возникла мысль о том, как сделать журнал интересным, доходчивым, хотя попытки создать энциклопедические журналы уже предпринимались: это и «Московский телеграф» Полевого, и «Библиотека для чтения» Сенковского... Но всё-таки у этих журналов была определённая позиция, и в полной мере, по мысли Некрасова, она не соответствовала тем задачам, которые должны стоять перед прессой. Кстати, к журналам-то он ведь пришёл не сразу. Был опыт в создании альманаха «Физиология Петербурга» и «Петербургского сборника». И Некрасов почувствовал, как важно собрать талантливых людей, как важно сказать слово правды. Поэтому он решил взять в аренду журнал «Современник» — с этого времени началась его активная журнальная деятельность. И даже тогда, когда после закрытия «Современника» Некрасов решил, что больше не будет заниматься журналистикой, он всё-таки вернулся, и журнал «Отечественные записки» тоже стал лучшим журналом своего времени. Некрасов считал, что через журнал, через просвещение, через обличение зла и несправедливости можно сделать мир лучше. Эта трибуна нужна. Да и вообще он был человеком общественным, при всей своей скромности он очень много делал. Он открыл и держал за свой счёт школу в Грешнёве, он постоянно помогал молодым писателям, подкармливал их, посещал бедных студентов, давал им деньги. Я уж не говорю о том, что, когда он бывал на родине, приезжал туда отдыхать, всегда помогал крестьянам.

Наверное, именно поэтому он так много сил и внимания уделял журналистике. И то, что он делал в журналистике, никому не удавалось. Когда в период «мрачного семилетия», после 1848 года, журнал возвращался из цензуры перечёркнутым — там иногда половина была перечёркнута красными чернилами, — Некрасов судорожно искал, чем его заполнить. А как он отстаивал каждую строчку в своём журнале! Мало того, он даже иногда приглашал в свои журналы людей, далёких от всяких вещей. Был такой Фукс, он возглавлял цензурное ведомство, и Некрасов дал ему возможность писать какие-то музыкальные обозрения. Он даже садился играть с ним в карты и проигрывал, естественно, это он называл «подкармливать зверя». Приходилось идти на компромиссы. Время такое. Но, простите, оно и сейчас мало изменилось.

— То есть, Николай Иванович, можно сказать, что журнальная деятельность, организационная, требовала от Некрасова максимальной гибкости?

— Конечно.

— Но при этом широко известен эпизод, когда Некрасов оказался перед выбором, перед которым его фактически поставил Иван Сергеевич Тургенев, который ему заявил: «Либо Добролюбов со своей статьёй “Когда же придёт настоящий день?”, либо я». И вот тут пресловутая гибкость Некрасова оказалась неуместной, потому что выбор Николай Алексеевич сделал, и после этого выбора в начале 1860-х годов редакцию «Современника» покинули и Тургенев, и Лев Толстой, и многие другие писатели. Фактически после этого момента почти все лучшие большие произведения выходили в журнале Каткова «Русский вестник».

— Писатели стали уходить из «Современника» раньше, постепенно, один за другим. (Кстати, Островский не порывал связи с Некрасовым.) И дело тут не в компромиссе даже. Да, действительно, когда Тургенев прочитал статью Добролюбова (она ещё не была напечатана), он написал письмо: «Дорогой Некрасов, очень прошу тебя не печатать эту статью. Она, кроме неприятностей, ничего мне принести не может». Некрасов ему ответил. Он сказал, что статья эта написана человеком, которого он глубоко уважает, с мнением которого можно соглашаться или не соглашаться, но почему я должен это запрещать? Я не в праве это сделать. После этого Тургенев порвал с Некрасовым. Надо отметить одну важную деталь: Некрасов обожал Тургенева. Их переписка 50-х годов показывает, что он с нежностью к нему относился. Но были какие-то вещи, через которые он переступить не мог. Не мог, потому что считал, что человек имеет право на свою точку зрения. И ещё одна маленькая деталь. Некрасов очень по-доброму относился к Добролюбову, и не просто по-доброму. Удивительно то, что самые личные, самые сокровенные свои чувства (об отношениях с Авдотьей Яковлевной Панаевой) Некрасов доверял не кому-нибудь, а Добролюбову, который на 15 лет был его моложе. И стихотворение ему посвятил: «Какой светильник разума угас! / Какое сердце биться перестало...». В Добролюбове поэт видел образец служения Родине, народу. Да, в чём-то он и не соглашался, но эта одержимость, эта искренность, эта боль — именно о боли за страдания человека писал же Добролюбов, когда рецензировал произведения Достоевского. Это боль за человека — человека, который не в силах и ощутить себя человеком. Самый главный нерв творчества Достоевского он уловил. Поэтому Некрасов не мог запретить статью Добролюбова.

— Что, на Ваш взгляд, нового внёс Некрасов в любовную лирику? И можно ли объяснить это новое только биографически — его трудным романом с Авдотьей Яковлевной Панаевой? Или это общая особенность некрасовской поэзии, его поэтического зрения в целом, стремящегося сблизить поэзию с прозой?

— Вообще о взаимоотношениях Авдотьи Яковлевны Панаевой и Некрасова можно написать целый роман. Их знакомство, их первые годы совместной жизни — это и трагедия, и счастье. И всё это у Некрасова. Другое дело, что то, о чём писал Некрасов в своих стихах, дало возможность другим поэтам несколько по-иному относиться к объекту своего поклонения. Потому что любовная лирика, особенно, конечно, романтическая лирика, — это о чём? Это всегда рассказ поэта о своих чувствах, о том, как он любит, как он страдает, как он ревнует и т.д. А что при этом чувствует его возлюбленная — поэта мало интересовало. Главное ему самому высказаться. У Некрасова всё по-другому. Он понимал, что этот роман трудный, потому что сошлись два очень одиноких человека. Некрасов к тому времени потерял самых близких людей: умерла мать и умерла его сестра Лизавета. В письме сестре, которое сохранилось, он писал: «Ты не только мне сестра, ты мне друг, самый духовно близкий мне человек». И когда её не стало, Некрасов оказался словно в вакууме. Вскоре он познакомился с Авдотьей Яковлевной Панаевой. Это была талантливая, необыкновенно красивая женщина. Когда А. Дюма посещал Россию, он оценил её красоту, пытался за ней ухаживать. Но она тоже оказалась очень несчастным человеком. Она вышла за муж за Ивана Ивановича Панаева, хорошего человека, небесталанного писателя. И с Некрасовым они сохранили добрые отношения. Но Панаев не изменил своим холостяцким привычкам, любил посещать дам полусвета, проводить время со своими друзьями, а Авдотья Яковлевна оставалась одна.

— **Такой безответственный добряк?**

— Да, да. Ну такая натура. И вот сошлись два человека, и потянулись друг к другу. И это переросло в чувство. Сложное чувство. Были взлёты, были разочарования, были обиды. И продолжалось это довольно долго — больше 15 лет... Некрасов в своих стихах передал самые разные периоды этого чувства: зарождение, свою скромность, свою застенчивость, свою робость. Это совершенно удивительно: сейчас на этих стихах надо показывать, как люди любили, ценили друг друга, как заботились друг о друге. Хотя, понятно, Авдотья Яковлевна тоже небезгрешный человек. Ведь она Некрасова очень сильно подставила. Панаева была близка с женой Огарёва, который по существу расстался с супругой, и она жила за

границей. Огарёв снабдил её достаточными средствами. Она своими денежными делами не занималась, попросила Авдотью Яковлевну, а та передала эти дела своему кузену. В результате деньги исчезли. Герцен и Огарёв заподозрили, что в этом не обошлось без Некрасова. Некрасов несколько раз потом пытался объяснить, но они не захотели слушать. А Некрасов не мог об этом публично говорить и ставить в неловкое положение Авдотью Яковлевну. Он всё это перенёс. И всё-таки самое главное, что этот роман нашёл отражение в совершенно удивительном «Панаевском цикле», в котором можно проследить все этапы развития любовного чувства. Причём, интересно то, что почти одновременно с некрасовскими стихами подобное чувство прозвучало в «Денисьевском цикле» Тютчева. Некрасову Тютчев был очень близок: через многие годы забвения Тютчева Некрасов опубликовал статью в «Современнике» «Второстепенные русские поэты» и дал подборку тютчевских стихотворений. Чем-то по духу поэты были близки.

Так вот, Некрасов в «Панаевском цикле» попытался раскрыть, что чувствует, переживает его возлюбленная, понимая, в каком трудном положении она находилась, ведь её мать, семья осудили этот гражданский брак с Некрасовым, сестра, которая была за мужем за Краевским, тоже на дух не принимала, хотя жили они чуть ли не в одном доме. Всё было очень сложно. Это первое, что Некрасов хотел передать в стихотворениях цикла. Мало того, как правило, в любовной лирике всегда есть одно какое-то превалирующее чувство. Например, как часто у Лермонтова, это упрёки в предательстве и т.д. Некрасов в своих стихах показывает и зарождение чувства, и его угасание.

Я не люблю иронии твоей,
Оставь её отжившим и нежившим,
А нам с тобой, так горячо любившим,
Ещё остаток чувства сохранившим, —
Нам рано предаваться ей!

Пока ещё застенчиво и нежно
Свидание продлить желаешь ты,
Пока ещё кипят во мне мятежно
Ревнивые тревоги и мечты —
Не торопи развязки неизбежной!

И без того она недалеко:
Кипим сильней, последней жаждой полны,
Но в сердце тайный холод и тоска...
Так осенью бурливее река,
Но холодней бушующие волны...

Это чувство, которое ещё теплится, его пытаются сохранить, но оно неизбежно исчезнет, — так ещё никто не писал.

И ещё. Некрасов был, наверное, первым, кто заговорил, что любовь — это не всегда радость, восторг и умиление, но есть и проза любви: «Мы с тобой бестолковые люди: / Что минута, вспышка готова!». Поэт говорит о том, что неразумная резкость слова может всё разрушить — так давай сердиться открыто: после ссоры всегда примиренье прекрасно. О прозе любви он тоже, наверное, сказал одним из первых. Об этом можно много говорить, но это то, на что мне хотелось обратить внимание.

— Почему вообще образ русской женщины стал, наверное, ключевым для всего творчества Некрасова: это и образ его музыки, это и героиня его лирики, это и героиня, наверное, лучших его поэм — «Мороз, Красный нос», «Кому на Руси жить хорошо?» (Матрёна Тимофеевна), «Русские женщины»?.. Как Вам кажется, чем это можно объяснить, только ли идеалом материнским, который он вынес из детства?

— Мне кажется, это, прежде всего, от образа матери — страдалицы. Она всегда хорошо пела, была очень образованным человеком. Своей любовью она, может быть, охранила детей от всего дурного. А отец чему учил? Стрелять, в карты играть. И Некрасов, надо сказать, всему научился, но, по его словам, это в какой-то мере ему сыграло на руку: помогло преодолеть многое, настоять на своём, приобрести сильный характер. Ведь Некрасов не был каким-то мечтателем, это был борец прежде всего. Кроме того, наблюдая страдания матери, ему было важно понять, откуда берутся эти силы: как могла русская женщина сохранить себя, своё достоинство. Муки, страдания — это ведь и Матрёна Тимофеевна, Екатерина в «Коробейниках». Образ матери, как я уже говорил, в какой-то мере соотносился с Родиной. Он считал, что многострадальная, несчастная, и могучая, и обильная, и бессильная одновременно — это сочетание силы и бессилия — нашло своё отражение в образе матери, который действительно проходит через всё творчество Некрасова.

— То есть это получается воплощение и русской судьбы, и русской души?

— Да, конечно. И самое главное, что «вынесет всё...». Хотя там о народе идёт речь, но и о женщине тоже.

— Почему главной темой некрасовского творчества оставалась тема страданий простого народа, не сгущал ли в этом отношении поэт краски, на Ваш взгляд? И связано ли это с его комплексом личной вины как представителя дворянского сословия

перед народом? С его страхом остаться счастливым эгоистом, как в строчке из стихотворения «Размышления у парадного подъезда»: «Но счастливые глухи к добру»? И почему эта тема не потеряла для него своей актуальности после царского манифеста 19 февраля 1861 года?

— Снова вспомним слова Достоевского о Некрасове: «Навсегда раненное сердце». Это неизбывная боль. Реформу Некрасов встретил очень скептически: разве это воля? «Знаю, на место цепей крепостных / Люди придумали много других». Он это чувствовал и понимал, что реформа до конца не была решена. Она долго, основательно готовилась, не была шоковой терапией, она была серьёзно подготовлена, и всё равно не была до конца решена. Неизбывный долг перед народом — это идеология русского народничества. Именно в этот период рождается русский интеллигент, который отличался от всех других своей потребностью вернуть неоплаченный долг перед народом. Это от учения Лаврова, который говорил, что интеллигенция получила образование за счёт народа — надо этот долг вернуть. Отсюда такое отношение к другому: русский интеллигент думает не столько о себе, сколько о других, не забывает о том, что есть страждущие, печальные, нищие и т.д. Кстати, и Чехов ведь это потом подхватит — напишет в «Маленькой трилогии» о том, что у каждого счастливого человека на двери должен висеть молоточек, который будет напоминать о бедных и несчастных. К сожалению, наши новые реформаторы обижаются, когда их называют интеллигентами, потому что это им недоступно, они об этом не думают. Они думают прежде всего о самих себе. И неплохо в этом преуспевают.

— **Николай Иванович, как Вы считаете, почему именно за счастьем, а точнее за информацией о том, «кому на Руси жить хорошо», отправил Некрасов своих семерых мужиков в последней незавершённой поэме? И почему их традиционно называют правдоискателями — не счастьеискателями?**

— Почему крестьяне? Самый униженный класс — это крестьяне. Ниже никого не было. Поэтому они обращаются и к священнику, и к помещику... И нигде не находят счастливого. Почему? Это ведь сказочный сюжет. Всегда герои народных сказок отправляются за поисками счастья, любви, справедливости. Так и семь странников — очень разные, с разными характерами — пошли за этим. И ищут они, конечно, правду. Счастье и правда — для них близкие понятия. Здесь ведь и любопытство: кто же хорошо живёт? И как этого достигнуть? Это вечный поиск, который звучит вполне по-человечески.

— Тем более что во время этого поиска первоначальные-то представления о счастье меняются, становятся более одухотворёнными?

— Конечно, и они нашли всё-таки. Ведь Некрасов вёл к чему — кто счастливый человек? Борец за правду, за справедливость. Гриша Добросклонов.

— А иначе «счастливые глухи к добру». Их счастье — счастье героя чеховского «Крыжовника». Можно ли соотносить «Последние песни» Некрасова с таким жанром, как лирический дневник?

— Несомненно. Даже по форме. Ведь многие стихотворения помечены «день» и даже время: «ночь такого-то дня, такого-то года». Невольно при этом вспоминаешь ранние стихи Лермонтова, который тоже писал «10 июля такого-то года». Конечно, это лирический дневник, в котором он пишет о своих страданиях и о том, что он не сделал, что его мучило. То, что его мучило, он всегда пытался объяснить своим близким людям — Салтыкову, Михайловскому, Елисееву, объяснить неверный шаг, который его муза совершила, когда он обратился с хвалебной одой к Муравьёву. Он же никогда себе не мог этого простить. Он хотел исповедоваться, покаяться. Некрасов чувствовал, что умирает, что осталось мало жить, — ему хотелось объяснить, не требуя к себе сострадания. И это выплеснулось в эти стихи. Он говорил так, что боли мешают ему писать, «когда боль отступает, стихи обрушиваются на меня — и я пишу». Так что многие стихи, вошедшие в последний сборник, написаны именно в этот период болезни.

— В отношении к Некрасову были периоды, когда его возвеличивали. Характерно воспоминание Достоевского, что когда он говорил свою речь у могилы Некрасова и поставил его вслед за Пушкиным и Лермонтовым, то раздались голоса: «Выше Пушкина и Лермонтова!» Были периоды, когда его низводили с этого пьедестала и довольно скептически оценивали его именно как поэта. Многие сейчас в том социологическом прочтении, которое было характерно для советской эпохи, наверное, устарело. И тем не менее, на Ваш взгляд, что в поэзии и судьбе Некрасова, в его творческой личности особенно актуально для нас сегодняшних? Какой совет или пожелание Вы хотели бы сформулировать для молодого человека, школьника, открывающего для себя Некрасова сегодня?

— Интересен отзыв Чернышевского о Некрасове. Казалось бы, он прежде всего должен ценить его стихи социальной ориентированности, а Чернышевский говорит: «Мне больше всего нравятся Ваши лирические стихи, любовные стихи». И ведь совершенно

потрясающее письмо прислал Чернышевский из Сибири, где находился на каторге. Я никогда не могу спокойно его цитировать. Он писал из ссылки: «...Если, когда ты получишь моё письмо, Некрасов ещё будет продолжать дышать, скажи ему, что я горячо любил его как человека... что я убеждён: его слава будет бессмертна, что вечна любовь России к нему, гениальнейшему и благороднейшему из всех русских поэтов».

Тургенев заявил однажды, что у Некрасова «поэзия и не ночевала», хотя о некоторых стихах писал, что они «пушкински хороши». Всё было связано с той вознёй, которая шла вокруг имени Некрасова. Ведь в чём его только не упрекали! И в том, что живёт в роскошных палатах, а пишет о горе народном. Ну что же, он в онучах должен ходить? И в том, что в карты всегда выигрывает, — Тургенев назвал его даже шулером. Но ведь Некрасов действительно никогда не проигрывал. У него была целая система — он к игре готовился: отдыхал, никогда не давал денег в займы даже накануне игры. А играли по ночам. Играл часто с флигель-адъютантами. И ему важно было показать им, кто они. «Я, простой русский дворянин, и выиграю у вас». Любопытно то, что, когда мы говорим об этом дурном отношении, мы должны помнить, что все поэты чистого искусства, начиная с Блока и заканчивая Анной Ахматовой, к Некрасову относились с глубоким пиететом. И не только по содержанию его произведений, но и по тому, что он сделал для поэтического языка, для создания новых поэтических форм.

Кроме того, ведь долгое время при изучении Некрасова в школе «Панаевский цикл» вообще не упоминался. То есть замыкали Некрасова в круг узкой крестьянско-обличительной темы, хотя и в этих произведениях не только размышления о том, как трудно живётся русскому народу, но и целый ряд других замечательных тем. Например, в «Забывтой деревне»: «Вот приедет барин — барин нас рассудит...». Как это и сегодня актуально звучит. Поэтому важно подчеркнуть: Некрасов — поэт, до конца не прочитанный. Он требует тщательного изучения, глубокого понимания, потому что не всё лежит на поверхности. И сам Некрасов никогда не считал себя каким-то пророком, для него мерил мастерства, гениальности был Пушкин. К этой линии он всегда стремился. И считал, что до Пушкина ему ещё далеко. Некрасов выделял ещё и Лермонтова, которого считал поэтом, впервые подошедшим к раскрытию подлинной народности. Вспомним: «Люблю отчизну я, но странною любовью!...» Сейчас, к сожалению, часто забывают про то, что это чувство патриотизма, любви к родине сокровенное, необъяснимое, а не предмет, который изучается в школе. Это несерьёзно.

Как о Пушкине ещё не всё сказано, так и о Некрасове. А объясняется это многими вещами. И завистью: дескать, почему ему такая слава и деньги? А он умел зарабатывать. Но он не тратил их на себя, на какие-то дворцы. Купил Карабаху и отдал её брату. А сам ютился во флигеле. Он был в этом отношении человеком широким.

— **Получается, что те, казалось бы, остро социальные произведения Некрасова, которые тесно связаны со своим временем, как-то удивительно современно начинают звучать и сейчас, как будто времена во многом повторяются?**

— Совершенно верно Вы отметили. Я как раз об этом хотел сказать. Дело в том, что Некрасов творил в эпоху, очень похожую на нынешнюю, когда в России происходит смена экономической и общественной формации: переход от феодализма к капитализму, а у нас от социализма к капитализму. Многие процессы, которые происходили около 170 лет назад, похожи на нынешние. И к этому надо быть готовым. Для того чтобы проводить реформы, изменения в общественном строе, общественном сознании, надо учитывать опыт того времени. Но, к сожалению, не все нынешние деятели читают классику. Иногда даже ненавидят. Чубайс, помнится, сказал, что он ненавидит Достоевского. Конечно, Достоевский не его писатель.

Некрасов очень многое сказал об интеллигенции в «Рыцаре на час». Вот это стихотворение надо в школе изучать:

Захватило вас трудное время
Неготовыми к трудной борьбе.
Вы ещё не в могиле, вы живы,
Но для дела вы мёртвы давно,
Суждены вам благие порывы,
Но свершить ничего не дано...

Это упрёк и нынешней интеллигенции, которая, к сожалению, начинает полностью вырождаться.

— **«Нынче тоскует лишь тот, / Кто не украл миллиона...»?**

— Да, и его поэма «Современники» (она вошла в сборник «Последние песни»). В ней Зацепин говорит:

Я — вор! Я — рыцарь шайки той
Из всех племён, наречий, наций,
Что исповедует разбой
Под видом честных спекуляций!

В основе каждого состояния есть или подлог, или «коническая пуля». Так это же сегодняшний день!

— **И в то же время получается, что Некрасов всё равно поэт, который писал о вечном. О чувствах, любви, ненависти и сострадании... И в этом смысле он тоже наш вечный спутник, как и другие русские классики?**

— Несомненно. Ведь то, о чём мы говорили с Вами, это провидчество. То есть он предсказал, что всё это может повториться, он нас предостерегал. А философская часть наследия Некрасова почти не изучалась. И во многом только начинает изучаться сейчас.

— **Христианские мотивы некрасовской поэзии, например?**

— Конечно. Поэтому, повторяю, Некрасов — это поэт, пока не прочитанный. И, конечно, к нему нужно относиться очень бережно. Выбирать самое главное, самое существенное — и не только по содержанию, но и по форме. Неслучайно многие некрасовские стихи положены на музыку. А некоторые стали народными песнями. Его «Ой, полна, полна коробушка...» или:

Меж высоких хлебов затерялося
Небогатое наше село.
Горе горькое по свету шлялося
И на нас невзначай набрело.
Ой, беда приключилася страшная!
Мы такой не знавали вовек:
Как у нас — голова беспшашная —
Застрелился чужой человек!

Это же целый сюжет в поэме с завязкой, развязкой и т.д.

Поэзия воздействует на читателя непосредственно, эмоционально, сразу. И Некрасов в этом отношении удивительный поэт: у него почти нет поучений. Он просто говорит о том, что видит, передаёт свои чувства, мысли, суждения. Причём по разным проблемам. И приглашает читателя к тому, чтобы он тоже всё это прошёл и выбрал то, что ему ближе. Некрасов сделал для себя очень важный вывод, который должен сделать каждый человек. Кто-то делает это в молодости, кто-то в зрелом возрасте, а к кому-то это приходит в конце жизни. Когда человек задумывается, так ли он жил, не пропустил ли что-то, не обидел ли кого-то... Некрасов помогает читателю понять это раньше. Чтобы потом не было «мучительно больно». Кого-то ты недолюбил, что-то недосказал и мучился, страдал. И это ведь очень важно. Когда человека приглашают к сочувствию, сопричастности к тому, что он думает, что переживает, это помогает человеку сделать выбор. Господь Бог дал человеку право выбора. И это самое главное. Не кто-то подталкивает человека, а он сам должен понять, осмыслить, кто он, что он, зачем он появился в этом мире, что он должен сделать

и что он после себя оставит. Чтобы не получилось так: «Ни сказок про вас не расскажут, / Ни песен про вас не споют!». Нужно жить, имея какую-то цель, не существовать, а потому страшно, когда есть такая правительственная линия: «Готовить общество потребления». Филиппов провозгласил. Вот это преступление. Конечно, обществом потребления проще управлять, когда человек озабочен прежде всего тем, где бы урвать. И тогда не надо бороться с коррупцией. Ведь в таком обществе коррупцию можно ставить на пьедестал и считать, что именно через неё можно приобрести блага.

— **Как у Лужина, теория целого кафтана: «Возлюби, прежде всех, одного себя, ибо всё на свете на личном интересе основано»?**

— Да, конечно.

— **Вернулись опять к Достоевскому.**

— Да, потому некоторые так и не любят его...

— **Огромное спасибо, Николай Иванович, за интересную и содержательную беседу!**

— Взаимно.

*Из истории
русской журналистики
второй половины
XIX века*

ГАЗЕТА «ОЧЕРКИ» — ОРГАН РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕМОКРАТИИ¹

Среди многочисленных периодических изданий, рождённых в бурные 60-е годы XIX столетия, особое место занимает газета «Очерки» (1863). Это был один из интереснейших печатных органов, где в период начавшегося наступления реакции твёрдо и последовательно отстаивались идеи революционной демократии. К сожалению, до последнего времени газета «Очерки» ещё не стала предметом внимательного изучения. Правда, упоминание о ней можно встретить в целом ряде исследований², но специальных работ об «Очерках» нет. Исключение составляет небольшая статья С. Брейтбурга «К истории газеты “Очерки” (1863)»³, которая написана почти сто лет назад и, по существу, является лишь попыткой рассказать о некоторых фактах истории возникновения газеты и в самых общих чертах охарактеризовать её направление.

История появления «Очерков» в достаточной степени освещена в вышеупомянутой статье С. Брейтбурга. Поэтому нет нужды подробно о ней говорить. Следует только напомнить, что идея создания газеты принадлежала А.Н. Очкину, журналисту, критику

¹ Впервые опубл.: Русская литература. 1969. № 1. С. 151–164.

² См., например: *Клейнборг Л.М.* Григорий Захарович Елисеев. Пг., 1923; *Чубинский В.В.* М.А. Антонович. Очерк жизни и публицистической деятельности. Л., 1961; *Лейкина-Свирская В.Р.* Публицистика Г.З. Елисеева в 60-х годах // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1965. С. 364–386 и др.

³ *Брейтбург С.* К истории газеты «Очерки» (1863) // Русская журналистика. Т. I (Шестидесятые годы). М.; Л., 1930. С. 53–71.

и переводчику, человеку весьма благонамеренному и довольно ограниченному.

Время для организации новой газеты было мало благоприятным. Майские пожары, восьмимесячный перерыв в издании журналов «Современник» и «Русское слово», арест М.Л. Михайлова, а потом Н.Г. Чернышевского, Н.А. Серно-Соловьевича и Н.В. Шелгунова — вот далеко не полный перечень событий 1862 года, накаливших и без того напряжённую обстановку, царившую в стране после отмены крепостного права. Очкин это отлично понимал и поэтому, прежде чем обратиться с официальным ходатайством о разрешении газеты, решил заручиться поддержкой властей. Он обратился с письмом к управляющему III Отделением А.Л. Потапову¹, после чего сообщил в Петербургский цензурный комитет о своём намерении издавать ежедневную «политическую и литературную» газету «Очерки», целью которой «будет обозрение важнейших событий как внутренних, так и внешних, и обсуждение тех предметов, которые на основании высочайше установленных цензурных постановлений подлежат рассмотрению в периодических изданиях»². К письму была приложена программа предполагавшегося издания, которая, по существу, только перечисляла разделы будущей газеты: «Внутренние известия», «Политика», «Смесь», «Казённые и частные объявления»³.

Таким образом, Очкин задался целью издавать газету вполне благонамеренную, не выходящую за рамки дозволенного.

Разрешение на издание «Очерков» было получено 4 сентября 1862 года⁴.

По своему многолетнему опыту редакторской работы Очкин знал, что лицо любого печатного органа определяет прежде всего состав его сотрудников. Будучи человеком крайне умеренных взглядов, он тем не менее видел, что газеты и журналы, проводящие правительственные идеи, пользуются незавидной репутацией у читающей публики, особенно у молодёжи. Поэтому он решил пригласить в качестве редактора «Очерков» сотрудника «Современника» Г.З. Елисеева.

Предложение Очкина заинтересовало Елисеева возможностью в очень трудное для революционно-демократической литературы время приобрести новую трибуну для выступления пе-

¹ Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР). Ф. 109. Ед. хр. 61/1862. Л. 45–45 об.

² Центральный государственный исторический архив (ЦГИА). Ф. 777. Оп. 2. 1862. № 74. Л. 1.

³ Там же. Л. 2.

⁴ ЦГАОР. Ф. 109. Ед. хр. 61/1862. Л. 93.

ред довольно широким кругом читателей; кроме того, ему всегда хотелось работать в газете — наиболее оперативном печатном органе.

Внутриредакционные переговоры завершились, по-видимому, в самом начале октября 1862 года. А спустя две недели в газете «Северная пчела» появилось большое объявление, отражавшее суть программы новой газеты, написанное, вне всякого сомнения, Елисеевым.

«Никогда ещё русское общество, — говорилось в объявлении, — не было в таком напряжённом положении, в каком оно находится теперь... Все понимают, что уничтожение крепостного быта не конец реформ, а только начало их. Крепостной быт был плотиною, державшею силы народа в бездействии, гнёте, расслаблении. Теперь плотина эта разрушена. Сдавленные силы должны ринуться на простор и уложиться в другие формы, удобные для свободного действия». Елисеев далее пишет, что преобразования, наметившиеся в стране, будут сопровождаться борьбой партий — явной или тайной, так как в обществе всегда найдутся люди, которые «держатся всеми силами за всё старое, каково бы оно ни было, потому что в старом порядке им тепло и привольно». В эпохи переходные, когда всё пришло в движение, когда всё образованное общество стремится принять деятельное участие в происходящих изменениях и хочет высказать свои мысли и взгляды, на первый план в литературе выдвигаются газеты.

«Цель наша, — писал Елисеев, — содействовать скорейшему общественному прогрессу во всех отраслях общественного развития... чтобы правильным устройством общества и общественных отношений между людьми высвободить человеческую личность на всех степенях её общественного положения от того тяжёлого гнёта, в котором она находилась в течение тысячелетий, от неустройства быта экономического, от деспотизма семейного, от неудобства общественных учреждений, от притязаний грубого произвола и невежества и т.п.». Елисеев говорил, что газета «Очерки» будет выступать в защиту человеческой личности, не оставляя «без особенного... внимания ни одного частного случая, как бы он мелочен с первого взгляда ни казался»¹. В заключение следовал весьма обширный перечень вопросов и проблем, которые должны были освещаться на страницах газеты.

Первый номер газеты «Очерки» вышел в свет 1 января 1863 года.

Как и предусматривалось программой, «Очерки» стали ежедневной газетой, выходящей двумя выпусками — утренним и ве-

¹ Северная пчела. 1862. № 280. 17 октября. С. 1120.

черним. При этом вечерний выпуск почти ничем не отличался от утреннего. Лишь иногда утренние телеграммы и «правительственные известия» заменялись там на более свежие. Печатались «Очерки» на четырёх страницах небольшого формата. Открывала газету, как правило, передовая статья, иногда без названия (указывалось только число), без подписи и нередко с продолжением. Впрочем, на месте передовых печатались статьи и с названием, и за полной подписью автора.

В каждом номере помещались «правительственные известия», «телеграфные депеши», «иностранные известия», «разные известия». Часто печатались «политические обозрения»; художественные произведения — повести, рассказы, очерки; объявления, а также в разделе «Славянские земли» циклы статей, посвящённые городам России, вопросам, связанным с жизнью Сибири, и т.д. Кроме того, подвал первой страницы газеты обычно занимала большая статья (с продолжением на второй и третьей страницах), посвящённая какому-нибудь актуальному общественно-политическому или литературному вопросу.

Состав сотрудников «Очерков» был весьма своеобразен. Елисеев привлёк в газету главным образом тех, кто печатался в «Современнике», «Искре», а также в артельном журнале «Век», который он редактировал в начале 1862 года. Это, во-первых, ближайшие помощники Елисеева М.А. Антонович и А.П. Щапов; во-вторых, критики и публицисты А.С. Афанасьев-Чужбинский, Н.А. Гайдебуров, П.М. Ковалевский, Н.Н. Мазуренко, М.М. Стопановский, С.С. Шашков, писатели Марко Вовчок, Г.П. Данилевский, Н.И. Наумов, Н.Г. Помяловский и др. Были среди сотрудников «Очерков» и новые лица — В. Вагин, В. Васьков, Н. Вельяшев (как выяснилось позднее, агент III Отделения), К. Попович. Однако последних было меньше, и существенного влияния на направление газеты они не оказывали.

Первый номер «Очерков» открывала анонимная передовая статья, растянувшаяся на пять номеров. Названия она не имела. Лишь в начале её стояло: «Петербург, 1 января»; потом — «Петербург, 5 января» и так далее до «Петербург, 8 января». Автором передовой, по всей вероятности, был Елисеев¹, и мысли, изложенные им здесь, в известной степени определили общее направление газеты.

¹ Правда, редактор «Домашней беседы» В.И. Аскоченский в статье, посвящённой «Очеркам», решил, что передовую написал М.А. Антонович. Однако С. Брейтбург в работе «К истории газеты «Очерки»» убедительно доказал принадлежность статьи Г.З. Елисееву.

В статье говорится, что ушёл год, «ознаменовавшийся постановлениями и событиями, ещё более усиливающими тот разрыв с нашим прошедшим, который произведён положением 19 февраля. Старые формы будут ещё держаться среди нас, доживая свой век, но их недолговечность очевидна... Напряжение общества слишком велико, напор идей очень силён, чтобы можно было полагаться на их прочность»¹. Условиями эпохи, продолжает Елисеев, мы поставлены в такое положение, что должны идти вперёд, хотим мы этого или не хотим. Но как идти? Чтобы ответить на этот вопрос, Елисеев исследует тот путь, который прошла русская цивилизация с древнейших времён до последнего времени. Начала древней русской цивилизации действовали, по его словам, на общество злокачественно. Правда, «низших слоёв населения цивилизация эта коснулась лишь поверхностно, и поэтому они, несмотря на свою отсталость... сохранили в себе задатки лучшего будущего развития»². Народ, по мнению автора, сохранил свою силу и лучшие свои черты только благодаря общине. «...Главное, что смягчало и очеловечивало нравы в сельском быту, это общее всех равенство и *общинное житьё*... Мы думаем, что не ошибёмся, если скажем, что *истинная общественная союзность*, имеющая в основании своём нравственный элемент, и по настоящее время у нас *существует только в крестьянских обществах*...» (курсив наш. — Н.Я.)³.

В отличие от славянофилов Елисеев далёк от идеализации порядков Древней Руси. Он считает, что начала древних обществ были во многом несостоятельны и ни в коем случае не могут служить основой для дальнейшего развития: «Нет, для будущего нужен другой путь, другие начала»⁴. Этот путь, по мнению Елисеева, открыла крестьянская реформа, за которой должны последовать новые преобразования.

Вопрос о путях развития России и о её будущем Елисеев не случайно затронул в статье, которая открывала первый номер «Очерков». Об этом он уже говорил в ряде своих «Внутренних обзоров», печатавшихся на страницах «Современника», об этом он будет писать и позднее.

В передовой статье от 25 января Елисеев снова повторяет, что после реформы 19 февраля «для нас поворот к нашему прошедшему невозможен». И далее он указывает, каким именно путём пойдёт развитие России. «Мы ближе теперь, — говорит автор, — к Европе, чем к нашему, по-видимому, недалёкому прошедшему,

¹ Очерки. 1863. № 1. 1 января. С. 1.

² Там же. С. 2.

³ Очерки. 1863. № 6. 7 января. С. 21.

⁴ Очерки. 1863. № 7. 8 января. С. 26.

и наша история во многих отношениях пойдёт по тому же пути, по которому идёт история Европы»¹.

Таким образом, Елисеев чётко и определённо заявил, что Россия во многих отношениях пойдёт по пути Европы, отнюдь не подразумевая под этим слепое копирование её капиталистического развития. Наоборот, он, как и большинство представителей революционно-демократического лагеря, считал, что Россия должна всячески развивать сохранившиеся в стране общинные начала, видя в них зачатки социалистических отношений. Но при этом, добавлял Елисеев, мы должны хорошо помнить и о многовековом опыте Европы, в результате которого она пришла к убеждению, что «без благосостояния масс благосостояние государства невозможно».

Вопрос о путях развития России ставили в своих статьях и другие сотрудники «Очерков». Об этом писал М.А. Антонович, который так же, как и Елисеев, полемизируя со славянофилами, говорил: «Чтобы ни говорили о непостижимой своеобразности русского духа, как бы ни преувеличивали историческую самобытность русской жизни, — во всяком случае Западная Европа ещё долго будет для нас, если не идеалом — потому что она сама далека от идеала, — то вспомогательным средством и руководством

¹ Очерки. 1863. № 24. 25 января. С. 93. Как это ни странно, но С. Брейтбург в своей статье «К истории газеты “Очерки”» утверждает, что передовая статья, написанная Елисеевым, и «Политическое обозрение» Антоновича «весьма существенно отличаются друг от друга. Здесь... обнаруживается ряд антагонистических положений: решительное отрицание инородной цивилизации во имя первоизданной самобытности — в первой, и, напротив, энергичная ориентация на западноевропейский прогресс — во втором» (Русская журналистика. С. 69). Исходя из этого, С. Брейтбург делает вывод о том, что внутри редакции «Очерков» не было единства, что газета не проводила какой-то определённой линии и т.д. По-видимому, на основании утверждения С. Брейтбурга в справочнике «Русская периодическая печать (1702–1894)» (М., 1959. С. 443) также говорится, что «газета не имела единой политической программы по основному вопросу: о путях дальнейшего развития России. В передовой статье (№ 1), принадлежавшей Елисееву, решительно (!) отвергается современное европейское общественное устройство и пропагандируется реставрация (!) исконной русской общины, не повреждённой бюрократическими перестройками и “злонамеренным воздействием цивилизации”. А в “Политическом обозрении” (принадлежит Антоновичу) и фельетоне Щапова “С Новым годом” (№ 1 и сл.), также имевших программный характер, выдвигается требование революционной ломки существующих отношений». Как увидим далее, никакого противоречия между позициями Елисеева и Антоновича (точно так же, как А.П. Щапова) не было. Их статьи только дополняли друг друга. С. Брейтбург и автор заметки в справочнике (С.Г. Рунич), по-видимому, ограничились анализом только первых номеров газеты, не обратив должного внимания на то, что многие свои положения Елисеев позднее развил и уточнил.

для нашего развития. Мы не усвоили ещё, но только начинаем усваивать европейскую цивилизацию. Как ни справедливы теоретические рассуждения о нашей своеобразности и самобытности и о непригодности для нас всего европейского, однако посмотрите на нашу жизнь, разберите все совершённые и проектируемые реформы; вы увидите, что нравственной инициативой для них была Европа, и сопоставление европейской жизни с нашею ясно указывало нам недостатки последней, возбуждало желание их устранения и представило даже способы и средства для устранения»¹.

Как уже отмечалось, Елисеев в своей первой передовой статье очень много внимания уделил характеристике русской общины. К этому вопросу в той или иной степени обращались многие авторы, но наиболее последовательно высказался об этом Г.Н. Потанин в статье «Современный Яик». Автор, в частности, утверждал, что оригинальное общинное устройство, сохранившееся в среде яицких казаков, в немалой степени способствовало развитию их материального благосостояния. Он выразил надежду, что общинные начала среди уральских казаков не ограничатся только сферой поземельной собственности, а будут продолжать своё развитие, и народ «станет строить артельные заводы и фабрики»². В этом Потанин видел спасение общины от разрушения, которое он наблюдал во многих областях России, куда уже проникли капиталистические отношения.

«Очерки» стремились всячески популяризировать общинное ведение хозяйства, приветствовали создание любого общества, объединения, товарищества, в основу которого был положен артельный принцип (см., например, статью С. Яхонтова «Церера», устав торопецкого общества сельского хозяйства для взаимного содействия землевладельцам «Нептун» (Очерки. 1863. № 10. 11 января и др.).

Столь же важное место в «Очерках» занимал вопрос о самоуправлении. О нём писал Елисеев, о нём говорилось в «Заметке о самоуправлении» (Очерки. 1863. № 2. 3 января; № 3. 4 января), написанной, по свидетельству сотрудника газеты Н.М. Ядринцева, известным историком А.П. Щаповым³, а также в анонимных статьях «Село Горохино» (Очерки. 1863. № 12. 13 января; № 13. 14 января) и «Мысли по поводу речи московского выборочного от сословия купцов, г. Якунчикова» (Очерки. 1863. № 49. 20 февраля).

Возвращаясь к характеристике первого номера «Очерков», особо следует остановиться на статье А.П. Щапова «С Новым

¹ Очерки. 1863. № 2. 3 января. С. 7.

² Там же. 1863. № 20. 21 января. С. 78.

³ См.: Сборник избранных статей, стихотворений и фельетонов Николая Михайловича Ядринцева. Красноярск, 1919. С. 43.

годом!». Раньше и теперь, говорит автор, принято поздравлять «с новым годом», «с *новым счастьем*!»! Но пора уже убедиться, что «истинное наше счастье зависит единственно от нас самих, от всей доброй воли народа, от его могучих, но задержанных и дремлющих сил, дарований, да от этих богатых, неистощимых естественных сокровищ, какими изобильно обладает русская земля!». Пока же годы идут, а «допетровское невежество и суеверие царюют в умственной жизни народа»; поэтому надо теперь говорить не с «новым счастьем», а с «*новой мыслью*!». Нам нужна «живая, светлая, здравая, энергическая неутомимо-деятельная мысль». Общество наше страдает «бедностью, мелочностью, малопроизводительностью мысли... невыработанностью или бессилием общественного мнения...».

Оглядываясь вокруг, Щапов нигде не видит «*энергической инициативы*»: ни в народе, ни в обществе. Нигде не видит сопротивления злу, протеста против него.

Приветствуя новый год, Щапов связывает с ним надежду на гласный суд, на выборы областных земских собраний, потому что «без свободы юридического и экономического саморазвития народного не может быть народной инициативы и успеха в просвещении и в общественном, материальном благополучии!»

Заканчивается статья цитатой из Т. Маколея: «Если вы хотите скорее и успешнее просветить народ, дайте только ему наперёд свободные права»¹.

Основные положения статьи Щапова ни в коей мере не идут вразрез с теми положениями, которые высказывали другие авторы «Очерков». Новым и своеобразным в статье была, может быть, только постановка вопроса о необходимости всемерно содействовать развитию мысли, развитию знаний в обществе, без которых, по мнению автора, невозможны дальнейший прогресс и развитие. В данном случае Щапов был более близок к позиции редакции журнала «Русское слово», считавшей, что основной задачей общества в настоящий момент является овладение знаниями и распространение их. Впрочем, ведь и «Современник» никогда не отрицал значения знаний и науки, только его руководители не считали их основополагающими в преобразовании общества.

Вопросы о дальнейшем развитии России, об общине, о самоуправлении редакция газеты «Очерки» решала с учётом положения русского крестьянства в начале 60-х годов.

Отлично сознавая, что для популярности газеты, для привлечения к ней внимания читателей недостаточно освещать на её страницах только вопросы внутренней жизни, Елисеев стремился широко представить в «Очерках» информацию о событи-

¹ Очерки. 1863. № 1. 1 января. С. 1, 3.

ях за рубежом. В каждом номере газеты печатались «иностранные известия». Был создан специальный отдел «Политическое обозрение», призванный комментировать и разъяснять всё то, что происходило за пределами России. Возглавил этот отдел М.А. Антонович¹. «Политическое обозрение “Очерков”, — писал он в первом номере газеты, — имеет в виду сообщить своим читателям возможно полные сведения о текущих политических делах европейских и значительнейших внеевропейских государств». Обозреватель обещает не только излагать происходящие события, но и «заниматься разъяснением смысла и внутреннего значения этих событий, исходя от частных политических фактов и новостей к общим воззрениям и заключениям». «Для этой цели мы намерены при рассказе о текущих событиях обращаться к истории, к *прошедшим* и *давно прошедшим событиям*, чтобы показать их связь с настоящими... Вообще мы будем стремиться к тому, чтобы наше политическое обозрение имело вид сколько-нибудь *связной* современной истории политической, а не было бы простым перечнем политических новостей, удовлетворяющим... одностороннему любопытству» (курсив наш. — Н.Я.)².

Интересно, что подобное обещание обозревателя шло вразрез со специальным циркуляром, изданным правительством незадолго перед этим, где говорилось: «При настоящем взволнованном положении умов в европейских государствах нельзя не признать вредным распространение сочинений, в которых выставляются яркие описания революций, необходимых будто бы для оживления организма государства...»³

Антонович не только обещал, но уже начиная с первого своего обозрения основное внимание читающей публики стремился обратить именно на политическое движение в странах Запада, на растущие в них классовые противоречия. Казалось бы, говорит обозреватель, в Европе всё пока спокойно. Однако девиз «порядок и прогресс», столь модный в наше время, чреват скрытыми противоречиями. В обществе налицо неравномерное «распределение благ, выработанных цивилизацией и прогрессом»⁴. Это положение Антонович иллюстрирует целым рядом фактов, почерпнутых из жизни ведущих европейских государств. Так, «Англия в течение всего года решительно ничего не сделала в пользу безземельной и безденежной меньшей братии и ни разу не подумала о приискании действительных средств к облегчению жалкой

¹ О деятельности Антоновича в качестве политического обозревателя «Очерков» в общих чертах говорится в книге В.В. Чубинского «М.А. Антонович. Очерк жизни и публицистической деятельности» (Л., 1961).

² Очерки. 1863. № 1. 1 января. С. 2.

³ См.: *Лемке Мих.* Эпоха цензурных реформ 1859–1865 годов. СПб., 1904. С. 37.

⁴ Очерки. 1863. № 1. 1 января. С. 3.

участи рабочего класса»¹. Франция, несмотря из кажущийся покой, «вовсе не безмолвна и апатична в политическом отношении», о чём свидетельствует стремление правительства «вмешаться в выборы» и его репрессии по отношению к прессе².

В «Политических обозрениях» «Очерков» Антонович пишет о деятельности законодательного корпуса Франции и Наполеоне III, о прусской палате депутатов и Бисмарке, о напряжённом положении на Балканах и о поражении Гарибальди, о политической жизни славян и т.д.

Начавшееся в январе 1863 года польское восстание на долгое время приковало к себе внимание читателей самых различных слоёв общества. Вся русская пресса в той или иной степени старалась откликнуться на события в Польше³. «Очерки» в этом отношении не были исключением. Начиная с 13 января в каждом номере газеты печатались «известия из Царства Польского» в разделе «Разные известия», под рубрикой «Правительственные известия», в созданном особом отделе под названием «Последние телеграфные известия из Польши». Основную массу заметок о польском восстании составляли официальные материалы, которые перепечатывались главным образом из газеты «Русский инвалид». Сначала сообщения из Польши, печатавшиеся в «Очерках», носили сугубо информационный характер⁴, но положение изменилось, когда о польском восстании начал писать в своих обозрениях Антонович.

Известно, что русские революционные демократы с глубоким сочувствием относились к освободительной борьбе польского народа. Однако прямо об этом они не могли говорить. Приходилось прибегать к иносказаниям, намёкам и т.д. То, что происходило в Польше, Антонович называл «несчастными событиями» и с горечью вынужден был признать, что «волнение будет подавлено... и друзья человечества будут только сожалеть, что кровь человеческая проливалась напрасно!»⁵

¹ Очерки. 1863. № 1. 1 января. С. 3.

² Там же. № 35. 5 февраля. С. 139.

³ Подробно об этом см. в статье П.С. Рейфмана «Демократическая газета "Современное слово"» // Учёные записки Тартуского гос. университета. Вып. 121. Тарту, 1962. С. 71–114.

⁴ В этом отношении «Очерки» придерживались той же тактики, какой придерживался позднее «Современник». Елисеев писал во «Внутреннем обозрении» журнала: «Высказывая мнения различных наших и иностранных газет по польскому вопросу, мы сами затрудняемся высказать какое-нибудь определённое своё мнение по этому предмету» (Современник. 1863. № 4. С. 356). Подобное заявление служило лишь для усыпления бдительности цензуры. И «Очерки», и «Современник» находили всё-таки возможность говорить о польском восстании, высказывать к нему своё отношение.

⁵ Очерки. 1863. № 19. 20 января. С. 75.

Наиболее чётко и последовательно своё отношение к событиям в Польше Антонович высказал в «Политическом обозрении», напечатанном 6 апреля 1863 года. Незадолго перед этим газета «С.-Петербургские ведомости» перепечатала из «Русского инвалида» статью славянофила А.Ф. Гильфердинга «За что борются русские с поляками», где говорилось, в частности, что в настоящее время Россия осталась единственной «хранительницей» «духовной и общественной самобытности славянского племени», а Польша подчинилась «стихиям латиногерманской Европы» и тем самым совершила «историческую измену славянскому делу», а восставшие поляки борются против «исторической будущности славянского мира»¹.

Антонович протестует против подобного толкования польского вопроса. Он говорит, что к польским событиям ни в коем случае нельзя применять подобные исторические мерки. Дело в том, что «живые люди заботятся о живом, о настоящих насущных потребностях, которые, если они сознаются и чувствуются, суть действительные потребности»².

Антонович отрицает право России предъявлять какие-либо требования другим славянским народам, даже ссылаясь на свою «историческую миссию». Не может обозреватель согласиться с дилеммой, выдвинутой Гильфердингом, который считал, что у поляков есть два выхода: согласиться либо на автономию в пределах Царства Польского, либо на военное управление. По мнению Антоновича, всё обстоит гораздо сложнее, и «в выбор может быть вставлен ещё целый десяток предметов».

В рассуждениях обозревателя «Очерков» о восстании в Польше много недоговорённостей. Но уже само признание публицистом «действительности» (т.е., иными словами говоря, законности) потребностей, испытываемых поляками, а также отрицание права России навязывать свою волю и поработать другие славянские народы, прикрываясь всякого рода рассуждениями об «исторической миссии», говорили о сочувственном в целом отношении Антоновича к восставшим полякам. Впрочем, не только одного Антоновича, а и всей редакции «Очерков».

О польских событиях в той или иной степени упоминалось и в других статьях газеты. Так, в анонимной корреспонденции «Письма о чехах» автор, намекая на события в Польше, говорит, что нельзя навязывать народу чужую волю, что это произвол и насилие, что «судьёю в этом случае может быть только история»³.

¹ С.-Петербургские ведомости. 1863. № 73. 4 (16) апреля.

² Очерки. 1863. № 92. 6 апреля. С. 367.

³ Там же. № 41. 12 февраля. С. 162.

Таким образом, отношение редакции «Очерков» к польскому восстанию было противоположно позиции правительственной и реакционной прессы. Оно отражало настроения прогрессивного лагеря, лагеря революционной демократии. Следует отметить также, что в то время «Современник», только что начавший выходить после вынужденного восьмимесячного молчания, был, по существу, лишён возможности говорить о событиях в Польше, и «Очерки» в значительной степени восполнили этот пробел в журнале.

Газета «Очерки» с самого начала мыслилась как орган, широко освещающий на своих страницах жизнь провинции, и прежде всего жизнь губернских городов. Одна за другой появляются на страницах газеты статьи «Николаев» П. Гайдебурова (№ 11), «Тверь», подписанная «Тверской обыватель»¹ (№ 17), «Дерпт» В. Девлезерского (№ 29), анонимные статьи «Киев» (№ 21), «Воронеж» (№ 23) и др. Авторы статей волнуют самые различные стороны жизни губернских городов.

П. Гайдебуров, например, писал, что он не знает «ни одного города, по величине и значению в губернии равного Николаеву, где бы элемент общественный был так незначителен, ничтожен, где бы господствовало такое равнодушие по отношению большинства к делам города»².

«Тверской обыватель» говорил, что в Твери купцы пришли к управлению городом, и в губернское собрание приглашаются только богатые, а во время выборов там было немало злоупотреблений, вплоть до подкупа голосов.

Значительное место на своих страницах «Очерки» уделяли освещению жизни самых отдалённых уголков России, и прежде всего Сибири. Кстати, среди сотрудников газеты было немало сибиряков, да и сам Елисеев был выходцем из Сибири. Поэтому его глубоко волновали проблемы освоения Сибири, жизнь крестьян далёких окраин, а также положение сибирских инородцев. Так, в статье «О положении крестьян в Сибири» Елисеев снова выступил против публициста Колмогорова³, пытавшегося доказать, что в Сибири народ живёт богато и счастливо: «...ежели говорить вообще о народе целого края или целой губернии, то он просто беден: почти безошибочно можно положить круглым числом на каждые 500 домов в крестьянских селениях 5 зажиточных, остальные — бедные»⁴.

¹ Псевдоним «Тверской обыватель» нам раскрыть не удалось. В «Словаре псевдонимов» Н.Ф. Масанова он не зарегистрирован.

² Очерки. 1863. № 11. 12 января. С. 42.

³ О нём Елисеев писал ещё в статье «О Сибири», напечатанной в «Современнике» (1858. № 12. С. 161–208. 2-я пагинация).

⁴ Очерки. 1863. № 10. 11 января. С. 38.

В статье С. Шашкова «О колонизации» осуждается правительственная колонизация, которая «ведёт за собой отягощение народа»¹. В другой своей статье «Российско-Американская компания» (№ 61) С. Шашков рассказал об освоении Дальнего Востока, о бесчинствах, творимых там промышленниками и купцами, о преступной деятельности Российско-Американской компании, которая превратила местное население — алеутов — в бессловесных рабов, подвергаемых немилосердной эксплуатации.

Заботой о процветании Сибири, росте благосостояния её жителей, развитии её городов пронизаны анонимная статья «Сибирь» (№ 10), статья М. Стопановского «Из воспоминаний о Тобольске» (№ 15, 21, 29, 34) и др.

Особо следует отметить статью В.И. Вагина «О судебной реформе в Сибири» (№ 31–32), где автор, по существу, выступает с конкретными предложениями по демократизации судостроительства в России.

Однако наиболее полно жизнь провинции отражалась в специальном отделе газеты — «Разные известия», который вёл редактор «Очерков» Елисеев.

Это был один из самых важных и богатых по содержанию отделов газеты. В нём освещались не только вопросы провинциальной жизни. Там говорилось о внутривластном положении страны, о событиях, происходящих в столицах, губернских и уездных городах, о жизни различных сословий России, помещались полемические заметки, направленные против реакционных и либеральных органов печати, сообщались многочисленные сведения по самым различным вопросам.

Отдел «Разные известия» играл в «Очерках» приблизительно такую же роль, как и «Внутреннее обозрение» в «Современнике». Однако если во «Внутренних обозрениях» Елисеев мог не только говорить о тех или иных фактах русской действительности, не только освещать те или иные проблемы, но и в известной степени прямо высказывать о них свои суждения, комментировать их, то здесь он был вынужден, в силу прежде всего цензурных условий, пойти по иному пути. В отделе «Разные известия» Елисеев только сообщал факты, а выводы, как правило, предлагал делать читателям, но всё дело было в том, *какие* факты отбирал он для своей газеты!

Из огромного количества различной информации, в изобилии печатавшейся на страницах столичных и провинциальных газет, Елисеев отбирал прежде всего материалы, характеризующие бесправное положение крестьянства, злоупотребления властей, сообщения о голоде, преследовании провинциальных корреспондентов, осмелившихся писать в столичные газеты, и т.д.

¹ Очерки. 1863. № 22. 23 января. С. 85.

Так, в заметке «Канцелярская забывчивость» (№ 58) Елисеев рассказывает о крестьянке деревни Язвищи Старорусского уезда Матрёне Дмитриевой, которую за какую-то провинность наказали... розгами (это после-то отмены крепостного права!). А потом там сменился пристав, и её за тот же проступок наказали ещё раз. Пристав скоро должен опять смениться, говорит в заключение Елисеев, и крестьянка снова ожидает уже третьего наказания.

Выводов никаких. Просто констатация факта. Но выбор этого факта, изложение его, на первый взгляд объективное и беспристрастное, говорят об очень многом. И прежде всего о том, что положение крестьян после отмены крепостного права нисколько не изменилось, что по-прежнему в деревне господствуют насилие и произвол. Об этом же свидетельствует и информация «Факт из крестьянского дела» (№ 70), сообщавшая о незаконном взимании с крестьян денег за землю.

Иногда составитель «Разных известий» не ограничивался только констатацией фактов. Нет-нет да и прорвутся у него долго сдерживаемые гнев и возмущение. В заметке «Речь волостного писаря», ссылаясь на газету «Вятские губернские ведомости»¹, Елисеев с негодованием писал: «Гг. губернские ведомости! Шутите ли вы или говорите серьёзно? Ужели вы не видите, что русская земля более всего страдает от проказы лживых спичей, речей, отчётов, панегириков, гнусных публицистических статей и т.п., что порок словоизвержения стремится у нас всюду прикрыть злоупотребления или отсутствие дела?.. Нам нужны писаря — не ораторы. Народ наш практичен и разумен, и без всяких речей делает то, что требуется законом. Нам нужны писаря, понимающие быт и нужды крестьянина, сочувствующие его убогому положению и в пределах своей власти и средств старающиеся облегчить это положение...»²

Так информация служила Елисееву поводом для очень широких выводов и обобщений. И это не единственный пример.

Сообщение газеты «День» о предполагавшемся чтении П.Д. Юркевичем публичных лекций по философии позволило Елисееву дать отпор тем, кто считал Юркевича способным развенчать материализм. Этого не произойдёт, говорит автор заметки, так как «известно из примеров истории, что только открытая борьба ведёт к истине, односторонний же разбор предмета, хотя бы и самый благонамеренный и истинный, всё-таки будет оставлять в слушателях веру в разбираемый предмет, оставляя им про-

¹ «Вятские губернские ведомости» напечатали речь одного волостного писаря, которую тот произнёс перед тем, как вынуть рекрутские номера из урны, и восторженные комментарии к ней.

² Очерки. 1863. № 31. 1 февраля. С. 122.

стор предполагать в нём существование и других сторон, кроме показываемых г. лектором»¹. Мало того, Елисеев попутно заявил, что учение немецкого философа-материалиста Бюхнера, которое было очень популярным в определённой среде молодёжи 60-х годов, отнюдь не разделяется всеми передовыми людьми того времени — Бюхнер является «непогрешимым недосыгаемым авторитетом», как выразился редактор газеты «День» И. Аксаков, далеко не «для *всех детей*». «Сколько знаем, — добавляет Елисеев, — им увлеклись более других *дети московские*»², намекая на кружок, созданный в Москве студентами университета П.Э. Аргиропуло и П.Г. Заичневским и незадолго перед этим разгромленный царским правительством³.

Среди других вопросов, затрагиваемых в «Разных известиях», были о бедственном положении мелких чиновников (№ 37), о том, как безобразно проходили выборы почётных граждан в Москве (№ 29), о трудной жизни студенчества (№ 33), о необходимости введения гласных прений в губернских присутствиях во время разбора крестьянских дел (№ 31), о распечатывании писем на почтах (№ 84) и множество других.

Следует отметить, что материалы для «Разных известий» Елисеев черпал не только из столичной и провинциальной прессы. Он стремился поддерживать непосредственные контакты с корреспондентами на местах.

Известно, что в 60-е годы проблема воспитания и образования находилась в центре внимания деятелей революционной демократии. Они считали, что успех дела борьбы за демократические преобразования в стране во многом зависит от «новых людей», кадры которых формировались главным образом из представителей учащейся молодёжи. Вполне понятно, что проблема воспитания оказалась очень близкой и сотрудникам «Очерков». В газете печатались статьи об организации народных школ, о новом университетском уставе, печатались и обсуждались «Проект положения о народных училищах» и другие проекты, связанные с вопросами просвещения и образования.

Наиболее интересными материалами по вопросам воспитания были две статьи известного педагога Н.И. Ильминского «Ясная Поляна, или Новый метод школьного учения» и «Ещё об Ясной Поляне». Характерно, что незадолго перед этим о Ясной Поляне

¹ Очерки. 1863. № 52. 23 февраля. С. 205.

² Там же.

³ Подробно об этом см.: Козьмин Б.П. Кружок Заичневского и Аргиропуло // Козьмин Б.П. Из истории революционной мысли в России. М., 1961. С. 127–222. Кроме того, вопрос о полемике вокруг лекций П.Д. Юркевича освещён в работе П.С. Рейфмана «Демократическая газета “Современное слово”».

писал Чернышевский. Правда, он писал прежде всего о педагогическом журнале «Ясная Поляна» и довольно критически отзывался о некоторых положениях педагогической системы Л.Н. Толстого. Вместе с тем Чернышевский приветствовал стремление Толстого «предоставлять детям полную свободу»¹, отказ от принудительного обучения и наказаний, искреннее желание заинтересовать детей.

Так же, как и Чернышевский, Ильминский одобряет кажущийся «беспорядок», царящий в Яснополянской школе, так как, по его мнению, предоставив детям полную свободу, учителя «видят, как развёртываются и возрастают в голове каждого ребёнка научные представления, и могут следить за проявлением характера каждого»². Ильминский осуждает старую школу, где господствовали розга и насилие, дух казённости и долбни.

Деятельность школы, созданной Л.Н. Толстым, Ильминский рассматривал как очень серьёзный и нужный педагогический эксперимент, который надо всячески поддержать и дождаться окончательных его результатов.

Сотрудники «Очерков» неоднократно касались вопросов о необходимости просвещения народа в целом. Они выступали в защиту недавно закрытых воскресных школ, так как в этих школах не ограничивались механическим обучением, а учили думать: говорили, что в настоящее время мало ратовать за открытие народных школ, а нужно стремиться развивать умственную жизнь народа. Неоценимую пользу в этом отношении, по мнению анонимного автора статьи «О собраниях работников в Берлине» (№ 51), должна оказать литература.

Особое внимание «Очерки» уделили проблемам развития высшей школы. В передовой статье «Новое глубокомыслие “Современной летописи” (1862, № 49–52) (по вопросу об университетах)» содержалась резкая критика катковской «Современной летописи», которая требовала ограничить приём в университеты представителей неимущих классов. Университетское образование, по мнению автора статьи, является «одним из необходимейших орудий, которыми может быть подвинуто народное развитие, и, если это образование даётся иногда бедняку, лишённому всяких собственных средств, это есть только оплата народу за его трудовые копейки»³.

С последовательно демократических позиций газета выступала также в защиту прав женщин на университетское образование и труд. Откликаясь на запрещение женщинам посещать лекции

¹ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: в 15 т. Т. X. М., 1950. С. 505.

² Очерки. 1863. № 26. 27 января. С. 101.

³ Там же. № 8. 9 января. С. 30.

в Петербургском университете, «Очерки», не имея возможности открыто осудить этот вопиющий факт, заявили, «что в настоящее время, когда употребляется так много усилий к распространению образования, признаваемого насущною потребностью каждого без различия пола, мера эта принята, вероятно, на время и для одного только здешнего университета»¹.

Ещё более определённо высказывались «Очерки» о праве женщин на труд. Не следует забывать, что совсем недавно «Современник» самое серьёзное внимание уделял обсуждению женского вопроса (см., например, статьи М.Л. Михайлова). Теперь к нему обратились и «Очерки». В статьях П.А. Гайдебурова «Постановка вопроса о женском труде» и «Дополнение к статье о женском труде» говорилось, что, несмотря на многочисленные выступления печати в защиту прав женщин, положение их в обществе почти не изменилось. Они по-прежнему лишены элементарных прав, большинство из них не имеют возможности получить образование, найти работу. «...В обществе нашем, — говорит автор, — никто так не страдал, как женщины, и ни перед кем так не виновато общество, как перед ними»². Труд принесёт женщинам свободу (эта же мысль проводится и в романе Чернышевского «Что делать?», который начал печататься в мартовской книжке «Современника» за 1863 год). Гайдебуров требует допуска женщин в кассы железных дорог, к телеграфным аппаратам и т.д. Пора уже кончать, говорит он, рассуждать о возвышенной эмансипации: нужно предпринять конкретные шаги для того, чтобы женщина «нашла работу и могла добыть себе кусок хлеба...»³

Важное место в «Очерках» отводилось литературе. Ведь газета была не только политическая, но и литературная. Поэтому почти в каждом номере печатались повести, рассказы, очерки, литературно-критические статьи и заметки, литературные и театральные обзоры.

За те три с небольшим месяца, в течение которых выходили «Очерки», на их страницах были напечатаны отрывок из повести А.И. Левитова «Горбун» (№ 61–62), очерк Н.Г. Помяловского «Вукол» (№ 87), рассказы и повести Марко Вовчка «Скрипка» (№ 44), «Чернокрыл» (№ 45–49), «Не под пару» (№ 88), «Два сына» (№ 89), «Чары» (№ 90). Все эти произведения неоднократно переиздавались позднее и включались в собрания сочинений их авторов, вышедших уже в наше время. Перечисленные повести и рассказы нет необходимости подробно характеризовать, так как о них написано значительное количество исследований и крити-

¹ Очерки. 1863. № 47. 18 февраля. С. 186.

² Там же. № 83. 27 марта. С. 333.

³ Там же. № 85. 29 марта. С. 341.

ческих работ. Следует только заметить, что и Помяловский, и Левитов, и Марко Вовчок были писателями демократического лагеря, сотрудниками «Современника». В своих произведениях они затрагивали самые актуальные вопросы того времени.

Литературные и эстетические позиции «Очерков» были определены в одном из первых номеров газеты. В редакционной статье «Современная литература» говорилось о существенных изменениях, которые произошли за последнее время в области литературы: поборники «искусства для искусства» повсюду терпят поражение, количество читателей с каждым днём увеличивается, поскольку литература перестала служить только богатым и праздным людям, круг вопросов, затрагиваемых ею, расширился. Правда, некоторым это не нравится, предметы, которыми занимается современная литература, «представляются им до того пошлыми, низкими, так сказать, недостойными», что они «называют её не иначе, как *острожною...* или *мужицкою*»¹. Но подобные суждения теперь уже никого не смущают. Главная задача литературы, по мнению редакции, заключается в том, чтобы освещать общественные вопросы, решению которых литература раньше уделяла явно недостаточное внимание. Однако это совсем не значит, что мы отвергаем художественное достоинство произведений. «Во время напряжённой общественной деятельности бывает как-то трудно отделить в одном и том же человеке поэта от гражданина»², — говорилось в статье.

Редакция отмечала, что современная жизнь поставила множество вопросов, и в связи с этим перед литературой встают особые задачи, выполнить которые сможет только молодое поколение демократически настроенных писателей. Это, однако, совсем не означало, что «Очерки» пытались противопоставить литературу прошлую и настоящую. Напротив, в газете не один раз говорилось о необходимости беречь замечательные традиции русской реалистической литературы первой половины XIX века. Откликаясь на выступление в Московском обществе любителей российской словесности М.Н. Погодина, который к числу выдающихся русских писателей отнёс Хомякова, Жуковского, Карамзина, С. Аксакова, «Очерки» в редакционной статье без иронии спрашивали: «А если вспомянем Пушкина, Лермонтова, Кольцова, то что ж за беда? Нам казалось бы, что даже Гоголя и Белинского упомянуть тоже бы можно, а, впрочем, нет, тут уж опасно; этими именами нужно пользоваться с крайней осторожностью»³.

¹ Очерки. 1863. № 2. 3 января. С. 5.

² Там же. С. 7.

³ Очерки. 1863. № 73. 16 марта. С. 290.

Как видим, эстетическая и литературно-критическая позиция «Очерков» была чрезвычайно близка позиции «Современника»: общий смысл её сводился к борьбе за передовую демократическую литературу, пронизанную высокими общественными идеалами, к поддержке молодых писателей-демократов и непримиримости по отношению к сторонникам «чистого искусства».

Редакция газеты «Очерки» рассматривала свой орган как своеобразный филиал «Современника» и неизменным долгом считала в той или иной форме напоминать читающей публике о вожде революционной демократии Чернышевском, томившемся в каземате Петропавловской крепости. В газете довольно часто цитировался «Военный сборник», в редактировании которого, как известно, принимал участие великий демократ, а в номере от 10 февраля (№ 40) появилось объявление о предполагавшемся печатании в «Современнике» романа Чернышевского «Что делать?».

Кроме того, в «Очерках» был опубликован один из первых печатных откликов на «Что делать?» под названием «Письмо в редакцию (по поводу романа г. Чернышевского)»¹.

Известно, какая ожесточённая полемика возникла в печати вокруг романа Тургенева «Отцы и дети». Самое активное участие в ней принял «Современник». Однако приостановка журнала на время прервала разгоревшийся спор. Его продолжили «Очерки». Позиция газеты по отношению к роману Тургенева была резко отрицательной, о чём недвусмысленно было заявлено в «Перечне некоторых более замечательных открытий, сделанных русской литературой в 1862 году», где говорилось: «14. И.С. Тургенев открыл враждебность современных детей к отцам. Глубоко возмущённый этим явлением, он стал искать идеи, его породившей, но... не нашёл новорождённого отрочати и, подобно царю Ироду, “в своих отцах и детях” набил тысячи неповинных младенцев»².

Вслед за этим в «Очерках» была напечатана большая статья-письмо «Молодое поколение (отрывок из письма одного из подрастающих детей отцу-Тургеневу)», подписанная «Окнерузам» (псевдоним Н.Н. Мазуренко).

По мнению автора письма, молодое поколение совсем не такое, каким его изобразил Тургенев. Базаровы в жизни мало походят на тургеневского героя. Они ненавидят притеснителей и любят обиженных, они бичуют врагов и готовы поделиться с несчастными всем, что у них есть, но поделиться не с тихим смирением, а с «ожесточением, почти презрением к жалкому, загнанному созданию, не умеющему мстить и бороться...»³

¹ Подробно об этом см. в статье «Г.З. Елисеев и Н.Г. Чернышевский. К вопросу о взаимоотношениях» наст. изд.

² Очерки. 1863. № 1. 1 января. С. 4.

³ Там же. № 56. 27 февраля. С. 221.

Характерной особенностью молодого поколения, по мнению Мазуренко, является то, что оно борется всегда и всюду за истину. Для него нет непреложных авторитетов, нет ничего незыблемого. Новое поколение видит то же самое, что и их отцы. Но у них не те мысли, не то понимание окружающего. Отцы, отмечает автор письма, верили в призраки, в химеры, мы — в стремление к знаниям, верим в движение вперёд, к лучшему. Чтобы не умереть с голоду, считают Базаровы, нужно работать. Если работы нет, «так это штуки капиталистов, или их невежество, неумение с помощью рук перерабатывать окружающее в полезные для нас продукты, словом — нехотение или неумение употребить в дело рабочие силы. А в таком случае рабочие силы имеют полное право научить и принудить капиталистов дать пищу их деятельности»¹.

И, наконец, Базаровы никогда не лгут, ложь других им невыносима. Но пока ещё кругом господствует ложь, и это главная причина всех зол. «...Ложь, грязной паутиной опутывающая каждый шаг всей нашей жизни, — пишет Н. Мазуренко, — вот основная и самая страшная, потому что всегда скрытая, причина всех зол, всех преступлений!»²

Этими словами оканчивается статья. Но вывод напрашивается сам (кстати, он подготовлен всем рассуждением автора): раз Базаровы ненавидят ложь, борются против неё, а вся жизнь вокруг опутана ложью, то они, следовательно, борются против существующего общественного порядка, при котором возможно господство лжи. Мало того, Н. Мазуренко незадолго перед этим недвусмысленно заявил, что «мы очнулись от тяжкого сна, начали размышлять, ужаснулись... вопиющей несправедливости общественных условий»³ и осознали «необходимость других условий жизни и более справедливых и разумных отношений людей к людям»⁴.

Как видим, статья Н. Мазуренко «Молодое поколение» — это не столько критическая, сколько политическая статья, где изложены основные принципы и взгляды молодого поколения. Что же касается оценки романа Тургенева «Отцы и дети», то она не выходила за рамки общих положений, высказанных в своё время Антоновичем на страницах «Современника».

Редакция «Очерков» отлично понимала, какое огромное значение в культурной жизни может играть театр. Поэтому газета неоднократно поднимала на своих страницах вопросы о бедственном положении русских провинциальных театров, о скудности репер-

¹ Очерки. 1863. № 58. 1 марта. С. 230.

² Там же.

³ Очерки. 1863. № 57. 28 февраля. С. 225–226.

⁴ Там же. С. 225.

туара, о невысоком уровне драматургии и т.д. Этим вопросам были посвящены анонимные статьи «Слово о театре» (№ 24), «Заметки добродушного господина (некто вроде фельетона)» (№ 20) и др.

Поместила газета и обстоятельную рецензию на новую пьесу Островского «Грех да беда на кого не живёт» (№ 55). Несмотря на весьма критическое отношение к этому произведению, рецензент высказывает свои замечания с большим тактом. Ведь Островский — сотрудник «Современника», и его пьеса, по мнению критика, всего лишь временная неудача талантливого драматурга.

В поле зрения газеты «Очерки» попадали факты литературной и театральной жизни не только России, но и Запада. Кроме того, серьёзное внимание газета уделяла рецензированию вновь выходящих из печати книг как у себя на родине, так и за рубежом.

Революционно-демократический характер направления «Очерков» не укрылся от внимания и реакционной, и либеральной прессы. Она сразу почувствовала в новом издании своего врага и начала ожесточённую кампанию против него.

Одним из первых откликнулся на выход в свет «Очерков» редактор «Домашней беседы» В.И. Аскоченский, который в статье «Журнальные жучки» подробно прокомментировал весь первый номер газеты. О фельетоне Щапова «С Новым годом!» он писал: «Такой дребедени мы ещё нигде не встречали. Очень ясно видно, что... фельетонист набрался кое-каких социалистических идей, что он рвётся провести их в среду читателей...» Об Антоновиче, авторе «Политического обозрения», Аскоченский с ужасом восклицает: «Коммунист, как есть коммунист, взирающий на Европу с бурсацкой койки!»¹

Из номера в номер вплоть до закрытия «Очерков» Аскоченский печатал статьи, направленные против газеты Елисеева. Уже названия статей в «Домашней беседе» во многом говорили об их содержании: «Курьёзный номерок “Очерков”» (№ 5), «Трусливое слово правды» (№ 6), «Журнальная бестактность» (№ 15) и т.п.

«Домашняя беседа» не была одинокой в своих нападках на «Очерки». В разное время и по разным поводам о них писали многие газеты и журналы. И, как правило, писали только дурное. Единственный сочувственный отзыв о газете был помещён в журнале «Искра», где автор «Хроники прогресса» писал об «Очерках»: «Признаюсь вам, не очень я долюбиваю эту газету. Во 1-х, В.И. Аскоченский засвидетельствовал, прочитав один только номер её, что она преисполнена материализма, коммунизма и, не помню, ещё чего-то; во 2-х, один помещик пишет в листок², изда-

¹ Домашняя беседа. 1863. № 2. С. 51.

² Речь идёт о газете «Русский листок» (1862–1863), примыкавшей к реакционно-охранительному лагерю.

ваемый г. Кори с г. Скарятиным сообща, что в “Очерках” пишет недоученная демократическая молодёжь; в 3-х, я сам стороной кой от кого, впрочем, совершенно достоверно, разузнал, что в числе сотрудников “Очерков” нет ни одного столбового дворянина или учёного, имеющего диплом, а вся редакция набрана из семинаристов... Как бы то, впрочем, там ни было, но, когда я взял в руки газету и прочёл несколько строк, я сейчас увидел, что газета пренеблагонамеренная. Факт она передаёт, пожалуй, верно, но направление чисто злостное»¹.

Отзыв хроникёра «Искры» можно считать сугубо положительным, хотя он и высказан в очень своеобразной манере.

Редакция «Очерков», в свою очередь, редко оставалась в долгу. Довольно часто газета сама начинала спор, точнее, продолжала полемику против реакционной прессы, начатую ещё «Современником». Почти в каждом номере «Очерков» можно встретить полемические выпады против «Русского вестника» и газеты «Современная летопись». Не забывали они и «Московские ведомости», передовые статьи которых, по мнению «Очерков», «огорчают здравый смысл... читателей»².

Доставалось от «Очерков» и либеральной прессе. В подборке «Некоторые мысли, изречения, иносказания о современной русской литературе» читаем: «Некоторый философ, прочитав январскую книжку “Библиотеки для чтения” за нынешний год, заметил: “Нынешнюю ‘Библиотеку для чтения’ можно смело уподобить помойной яме, содержимой в русской литературе для стока умственных нечистот...”»³

Но, пожалуй, наиболее последовательную полемику «Очерки» вели с журналом «Время». Причин для этого было много, но главная заключалась в том, что перерыв в издании «Современника», наступивший весной 1862 года, не дал возможности революционерам-демократам закончить спор со «Временем», и теперь «Очерки» решили продолжить его. Уже в первом номере газеты мы находим довольно резкий выпад против направления журнала: «...учёная редакция “Времени”... всё продолжает заниматься открытием особой русской народности, которую давно обещалась открыть, но доселе открыть всё не может...»⁴

«Время» также довольно резко отозвалось об «Очерках», заявив, что это издание меньше всего походит на газету, так как там слишком много места занимают вопросы не столь уж и актуальные⁵.

¹ Искра. 1863. № 6. С. 77.

² Очерки. 1863. № 54. 25 февраля. С. 214.

³ Там же.

⁴ Там же. 1863. № 1. 1 января. С. 4.

⁵ Время. 1863. Январь. С. 184.

Отвечая журналу, автор анонимного «Литературного обзора» писал, что эти обвинения несостоятельны. И далее он чётко и последовательно определил задачи, стоящие перед редакцией «Очерков»: «...мы хотим вести своё дело честно. Мы назвали нашу газету *литературною* и *политическою*, потому и считаем нечестным помещать сюда известия о бешеных волках, о разрешении от бремени, о повешении на гвоздях, хотя бы они и были вбиты в стену, и т.п. Что касается до известий, имеющих смысл и даже оттенок политический и литературный, то вы не найдёте ни одного, на которое бы мы не обратили внимания; даже вот как: если бы вы присматривались к газетам, то увидели бы, что многие газеты идут в этом случае по нашим следам. Ясно ли вам теперь, что о газетном деле вы так же мало имеете понятия, как и о журнальном, которым вы занимаетесь?»¹

Несколько раньше, в одном из первых февральских номеров газеты, была напечатана заметка под названием «“Время”, само себя восхваляющее», в которой язвительно высмеивались попытки редакции журнала изобразить свою позицию как наиболее объективную в русской журналистике.

Среди других газет и журналов, с которыми полемизировали или против которых выступали «Очерки», можно назвать «С.-Петербургские ведомости», редактировавшиеся В.Ф. Коршем, славянофильскую газету «День», выходившую под редакцией И.С. Аксакова, «Сын отечества» (редактор А.В. Старчевский) и др.

Особо следует остановиться на статьях газеты, которые были по различным причинам не допущены цензурой к печати. В Центральном государственном историческом архиве хранится более десятка корректур статей, написанных для «Очерков», но так и не увидевших света. Многие из них хранят следы цензурской правки, а поскольку часто её оказывалось слишком много, статью в конце концов запрещали всю целиком. Так произошло, например, со статьёй «Крест и крестики», подписанной «А. Т.». Уже название её не удовлетворило цензора М. Касторского, который, перечеркнув его, написал «Литературный труд». Однако речь в статье идёт не столько о литературном труде, а о том положении, в котором оказалась литература и её деятели после ареста Чернышевского, Шелгунова и других литераторов, а также после закрытия «Современника» и «Русского слова». Автор говорит, что быть в настоящее время литератором дело весьма небезопасное, что он должен быть ко всему готовым. «Он должен отречься от состояния, от семейства, да и от самой жизни... Было бы странно, если бы кузнец не предполагал обжечь себе лица или рук. Так

¹ Очерки. 1863. № 53. 24 февраля. С. 209.

и писатель всегда имей в виду: в одну тихую, таинственную ночь предстать перед судом Каифа — и на суд Пилата...» Правда, автор тут же спешит пояснить: «Мы говорим это, конечно, по тем образцам, которые представляет история и, ещё ближе, современное состояние прессы в некоторых европейских монархиях. По газетам мы видели и видим, что многих настигла несчастная участь *заключения, кандалов и ссылки*, не говоря уже о денежных пенях... У нас, благодарю Бога, всё благополучно»¹.

Однако подобные оговорки не убедили цензора: весь этот абзац он вымарал. Слишком уж прозрачно намекал автор статьи на волну репрессий, совсем недавно обрушившихся на русскую литературу.

Среди других запрещённых статей можно назвать «Естественно-исторические думы о цивилизации простого народа» (написана, по всей вероятности, А.П. Щаповым), «Наши встречи и прощания (по прочтении 1-го № “С.-Петербургских ведомостей” и 3-го № “Дня”)», «Паразиты в экономическом быту общества», а также статьи и заметки без заглавия.

Наиболее интересной из них является анонимная статья «Паразиты в экономическом быту общества», в которой автор очень точно определяет сущность экономических отношений в России. В отличие от тех, кто делит общество на правительство и народ, имущих и неимущих, он делит его на *сосущих* и *сосомых*. Если по Священному Писанию, говорит он, семь тощих коров пожрали тучных, то у нас наоборот — «тучные пожирают тощих: и оттого первые всегда тучны, а последние всегда тощи».

И далее: «...ни хозяев, ни работников у нас нет, а есть у нас — *паразиты* и их *жертвы*, которых первые сосут так же, как муху сосёт проворный толстобрюхий паук. Это у нас есть значение труда. Экономическое»².

Конечно, подобные суждения в обстановке всё усиливающейся реакции не могли увидеть света.

Петербургский цензурный комитет, таким образом, тоже очень быстро понял, что из себя представляют «Очерки»: поэтому каждый номер газеты тщательно просматривался, и всё, что скольконибудь вызывало сомнение, беспощадно вырезалось и запрещалось.

С каждым днём газета становилась всё более популярной. У неё был свой круг читателей, её влияние вышло далеко за пределы столицы, её читали во многих отдалённых уголках России. Всё это очень тревожило издателя «Очерков» Очкина. Он давно уже убедился, что газета, которую он хотел видеть не столько попу-

¹ ЦГИА. Ф. 777. Оп. 2. 1862. № 74. Л. 24.

² Там же. Л. 27.

лярную (хотя и это входило в его планы), сколько благонамеренную, отнюдь не является таковой. Мало того, с каждым номером её выступления становились всё более острыми и последовательно революционно-демократическими.

Очкин пытался вмешаться в редактирование газеты, старался убедить Елисеева изменить или хотя бы смягчить её направление, но эти попытки успеха не имели. Очкин не на шутку испугался и начал вести тайные переговоры с редактором «Современного слова» Н.Г. Писаревским о передаче ему подписчиков своей газеты.

8 апреля 1863 года вышел последний номер «Очерков», а на следующий день в газете «Современное слово» появилось объявление о прекращении издания.

Это было полной неожиданностью для Елисеева. Вместе с Антоновичем он подготовил для печати протест, где, как писала своим родителям Е.Н. Пыпина, говорилось, что Очкин «сделал объявление о прекращении “Очерков” так, что можно думать, будто оно делается от лица всей редакции... что продажа подписчиков “Совр[еменному] Слову” была для них так же неожиданна, как для этих подписчиков... Они послали это объявление в “Петер[бургские] вед[омости]”, но редактор их Корш отказался напечатать под тем предлогом, что Очкин назван там Амплием Очкиным без прибавления “господин”»¹.

Прекращение «Очерков» вызвало ряд сочувственных откликов. Известный библиограф П.В. Быков в книге «Силуэты далёкого прошлого» позднее писал об «Очерках»: «...это был яркий прогрессивный орган, о прекращении которого сожалели и проникательные и непроницательные читатели»². В краткой заметке, опубликованной в «Колоколе», отмечалось: «“Очерки”, *вынужденные обстоятельствами*, прекратили своё издание. Злой, иронический “Le Nord” насмешливо прибавляет: “А газеты консервативного направления процветают”»³.

О закрытии «Очерков» писал также Некрасов в стихотворении «Песня об “Очерках”», во «Вступительном слове» «Свистка» (Современник. 1863. № 4) и в наброске «Два издателя».

Так закончилась немногим более трёх месяцев продолжавшаяся жизнь «Очерков». Срок небольшой. Но и за это время газета сумела стать очень заметным явлением в русской журналистике 60-х годов. Она последовательно проводила идеи революционной демократии и снискала широкую популярность среди прогрессивно настроенных читателей.

¹ Литературное наследство. Т. 25–26. 1936. С. 392–393.

² Быков П.В. Силуэты далёкого прошлого. М.; Л., 1930. С. 104.

³ Герцен А.И. Собр. соч. в 30 т. Т. XVII. М., 1959. С. 324.

«ОТЦЫ И ДЕТИ» И.С. ТУРГЕНЕВА В ОЦЕНКЕ ЖУРНАЛА «ВЕК» (1862)¹

Известно, что революционно-демократическая критика очень оперативно откликнулась на появление в печати романа И.С. Тургенева «Отцы и дети». Почти одновременно в марте 1862 года были опубликованы в журнале «Русское слово» статья Д.И. Писарева «Базаров (“Отцы и дети”, роман И.С. Тургенева)», а в «Современнике» — статья М.А. Антоновича «Асмодей нашего времени». Авторы этих статей коренным образом разошлись в оценке нового произведения Тургенева. Если Писарев дал ему положительную характеристику, то Антонович отозвался о нём чрезвычайно резко, увидев в романе лишь «беспощадную и... разрушительную критику молодого поколения»² и отсутствие всякой художественности. Это было отнюдь не субъективное мнение критика, а отражение взглядов большинства членов редакции «Современника». Позицию Антоновича поддерживала и «Искра».

Однако следует отметить, что, соглашаясь с основными положениями статьи «Асмодей нашего времени», некоторые сотрудники «Современника» были против той, как позднее выразился С.А. Венгеров, «разносительной критики», которая была характерна для Антоновича. Так, например, внутренний обозреватель журнала Г.З. Елисеев писал позднее, что «критика Антоновича была похожа не столько на литературную статью, сколько на судебный доклад по обвинению Тургенева в злостном оклеветании молодого поколения»³. Елисеев отмечал, что нельзя было после

¹ Впервые опубли.: Русская литература и освободительное движение. Казань, 1976. Вып. 7. С. 3–10.

² Антонович М.А. Литературно-критические статьи. М.; Л., 1961. С. 45.

³ Шестидесятые годы. М.; Л., 1933. С. 274.

Добролюбова говорить о Тургеневе как о писателе, лишённом художественного дарования.

Всё это Елисеев говорил много лет спустя, а тогда он по существу не принял участия в полемике, развернувшейся вокруг «Отцов и детей». Но резкость и крайности многих положений статьи Антоновича публицист попытался сгладить тем, что поместил в редактируемом им журнале «Век» статью «Нигилист Базаров (по поводу последней повести Тургенева “Отцы и дети”）」, подписанную криптонимом «Н»¹. Напечатана она была в конце апреля 1862 года, т.е. вскоре после появления статей Антоновича и Писарева.

В научной литературе о романе «Отцы и дети» эта статья, как правило, не упоминается. Между тем она представляет несомненный интерес для характеристики отношения революционно-демократической печати к роману «Отцы и дети».

Журнал «Век» под редакцией Елисеева просуществовал очень недолго — всего два с половиной месяца. Несмотря на довольно разнородный состав сотрудников журнала, общее направление его было теснейшим образом связано с программой «Современника». Во всяком случае к этому стремился Елисеев. Поэтому в статье «Нигилист Базаров» мы не найдём прямых высказываний, идущих вразрез с мнением «Современника». Но вместе с тем в ней нельзя не заметить известной полемичности. Автор её писал, например, что будет «воздержан», намекая на своё несогласие с резкими суждениями Антоновича.

В самом начале своей статьи критик «Века» отмечал, что имя Тургенева пользуется большой известностью в нашей литературе, что «появление его произведений доселе составляло в ней особенное событие, которое встречали все с приветствием», что «публика видела в Тургеневе талантливую художника, симпатизирующего успехам нашего общественного развития». Однако, по его мнению, в новом своём произведении писатель сделал «крутой поворот к воззрениям совсем иного рода». И это очень обидно, добавляет критик, так как «Тургенев обладает необыкновенным чутьём в отгадке того, что занимает общество»², умеет «следить за идеалом общества, постоянно меняющимся», что и привело его к созданию образа Базарова, явившегося ответом «на вызов общественного сознания».

¹ Век. 1862. № 15–16. С. 207–211.

² В данном случае нельзя не вспомнить слова Н.А. Добролюбова, который писал, что Тургенев «быстро угадывал новые потребности, новые идеи, вносимые в общественное сознание, и в своих произведениях непременно обращал (сколько позволяли обстоятельства) внимание на вопрос, стоявший на очереди и уже смутно начинавший волновать общество» (*Добролюбов Н.А. Собр. соч.: в 9 т. Т. 6. М., 1963. С. 99*).

Автор статьи «Нигилист Базаров» предупреждал, что будет говорить лишь об основной идее романа «Отцы и дети» и о его главном герое Базарове с тем, чтобы ответить на вопрос, в какой мере он соответствует идеалу современного героя и как писатель понял «потребности общественного сознания». Все остальные вопросы критик оставлял в стороне.

Особенностью статьи «Нигилист Базаров» является то, что по своему характеру она близка к традициям революционно-демократической критики. Автор её выступал как защитник интересов народа, решение литературных вопросов он стремился связать с общественно-политическими проблемами. Кроме того, в статье содержится немало, на наш взгляд, интересных и оригинальных для того времени суждений о романе Тургенева.

Пересказывать содержание всей статьи «Нигилист Базаров», вероятно, нет необходимости. Остановимся лишь на наиболее важных её положениях. Так, автор справедливо замечал, что «социальные типы Тургенева исключительно *говорящие*. Рудин говорит, Инсаров говорит и собирается на дело, — за то он и болгарин. Наконец, Базаров говорит и совсем уже собрался на дело, — за то и умирает внезапно». Критик «Века» отнюдь не упрекает за это писателя, так как, по его словам, «всякий слишком хорошо знает, что деятели у нас пока невозможны, стало быть ещё более невозможно изображение деятелей в нашей литературе». Но поскольку Базаров уже не только говорит, но и собирается действовать, то от него ждут иных речей.

Автор статьи правильно отметил, что Базаров очень одинок, что у него нет единомышленников и что он оказался в среде, которая ему глубоко чужда¹. Базаров, пишет критик «Века», «во всей действительности, его окружающей, не видит ничего, к чему бы мог относиться иначе, как отрицательно». Поэтому он всё отвергает и отрицает, поэтому он не может найти для себя ни одной сферы деятельности, которая была бы для него приемлема.

Понимая это, критик одновременно убеждён и в том, что нельзя просто отрицать, отрицать во имя отрицания. В любом отрицании должно заключаться ядро положительного. «Отрицание без основы, — говорит он, — в силу которой отрицается что-нибудь положительное, немислимо». А под отрицанием, под нигилизмом Базарова как раз и нет ничего реального, конкретного, «нет ни клочка твёрдой почвы». Критик считает, что, если бы Базарову даже представилась возможность действовать, он оказался бы не

¹ На это обстоятельство обратил внимание и Писарев в статье «Базаров». Он писал, что вокруг героя Тургенева «почти вовсе нет родственных элементов» и что люди, его окружающие, «ничтожны в умственном отношении» (Писарев Д. И. Сочинения: в 4 т. Т. 2. М., 1955. С. 30).

у дел, так как сам не знает, чего хочет и во имя чего ниспровергает авторитеты. «Он не признаёт ничего, — писал критик «Века», — но он не имеет ничего за собою, никакого стимула, который подстрекал бы его к деятельности. Он, может быть, герой, но никак не деятель»¹.

Это положение в статье отнюдь не бездоказательно. Автор её считал, что человек, заявляющий о своём безразличии к тому, в какой избе будет жить крестьянин Филипп, когда из него самого лопух будет расти, никогда и ничего не сделает для изменения существующего положения. Это сделает не Базаров, нарисованный Тургеневым, а другой Базаров, для которого «это дело будет такую же простую и неизбежную необходимостью, как рассуждения об этом деле каждого из нас».

Автор статьи «Нигилист Базаров» отмечает ещё одну характерную особенность в судьбе героев Тургенева — большинство из них внезапно умирает или исчезает. И в этом критик видит художественный такт писателя, который не мог не видеть того, что усилия отдельных личностей при существующем порядке вещей ничего изменить не могут. «У нас и в действительности герои нашей мысли и слова (героев дела ещё не было) гибнут внезапно. Легко понять почему. Слишком толста эта внешняя, многовековая кора, чтобы лопнуть, раздаться от разрозненных усилий», — уточняет критик. По его мнению, Базаров «рано явился — рано и случайно умирает», так как в противном случае Тургенев бы просто не знал, что ему делать со своим героем.

Появление в русском обществе нигилистов, отрицателей, автор статьи считал вполне закономерным явлением. «Их выжила из себя наша среда, — говорил он. — Отрицатели потому всецело отвергают среду, что их среда всецело отвергает». Но признавая появление нигилистов в русском обществе объективной закономерностью, автор статьи в «Веке» тем не менее считал, что отрицателей, подобных тургеневскому Базарову, на самом деле не существует. Настоящий Базаров, по его мнению, это «Базаров плюс пониманье и уменье». А это не просто отрицатель, а «отрицатель настолько, насколько отрицает... ну, всякое животное, которому вместо травы дают есть... ну, хоть навоз — навоз и отрицает животное, а траву — нет, не отрицает. Дело в том, что Тургенев своего

¹ Кстати, эта мысль в известной степени перекликается с одним из положений статьи Писарева «Базаров». По мнению критика, герой Тургенева — это «богатырь, которому негде повернуться, нечем дышать, некуда девать исполнинские силы, некого полюбить крепкою любовью» (*Писарев Д.И.* Сочинения. Т. 2. С. 49). Об этом же Писарев говорил и позднее, в статье «Реалисты»: «Трагизм базаровского положения заключается в его полном уединении среди всех живых людей, которые его окружают» (Там же. Т. 3. С. 21).

Базарова окружил одним навозом; ясно, что Базарову не придется ничего делать больше, как отрицать, отрицать... навоз. Травы Тургенев не доискался». И за это отрицание, по выражению критика, «навоза», он готов оправдать писателя. Тургенев нарисовал такого героя, какого сумел нарисовать, и осуждать его за это не следует.

И тем не менее, повторяет автор статьи, нельзя просто отрицать даже «навоз», как это делает тургеневский Базаров, потому что «без положительного фона, в силу которого отрицание имело бы логическое право отрицать, оно просто невысказано». И если герой Тургенева «не невозможная отвлечённость, писатель должен был хотя намекнуть на этот фон. Он этого не делает».

Базаров, по убеждению критика, «не выясняется перед читателем. Потому последний и не знает, как смотреть на Базарова: как на изображение действительно существующего существа или как на безотчётный плод авторской фантазии...». Если герой Тургенева живое лицо, то значит «Базаров не договорил своей мысли, то есть автор недодумал идеи, представляемой Базаровым». К тому же писатель в своём романе не привёл достаточно убедительных фактов и аргументов, объясняющих причину базаровского ниглизма. Это и привело, по мнению критика, к «недосказанности основной идеи и доказывает недодуманность замысла».

Интересно, что несколько раньше автор статьи заметил, что последнее время появилось много людей, подобных Базарову, изображённому Тургеневым. Но они ни в коей мере не являются представителями молодого поколения и не претендуют на это. В отличие от героя тургеневского романа, они даже и не собираются ни на какое дело, не говорят о нём. Они только смотрят вокруг и всё отрицают. Действовать они не могут, так как у них нет никаких оснований, никаких причин для действия. «Такие люди — зрители: они относятся к действительности, выгораживаясь из неё — в стороне... Это часто отчаяние бездействия».

И ещё один вопрос ставит критик: чем заинтересовал Базаров Тургенева, почему именно о нём он написал свой роман. Причин могло быть две. Весьма вероятно, что Базаров привлек писателя «как любопытное для наблюдения проявление известного настроения общества в известную пору». Или, может быть, образ Базарова явился для Тургенева своеобразной полемической темой, которую автор «задумал разрешить путём литературного произведения».

Но так или иначе, заключает критик «Века», Тургеневу не удалось «сделать Базарова героем мысли, типом современного мыслящего человека; представителем умственного движения настоящей минуты». Если бы он был «героем любви, олицетворением

добродетели или зла, игроком, мотом и т.п., словом, писатель пустил бы его на поле исключительной разработки человеческих страстей, на что у него столько таланта и умения, мы бы наверное со всеми прочими стали восхищаться его искусством, нам бы ничего, вероятно, больше не осталось, как хвалить новое произведение...». Но этого не случилось, и поэтому судить о Базарове следует «по рассудочным критериям, по тем логическим данным, на которых автор построил идею своего героя».

Таким образом, основная мысль статьи заключается в том, что нигилисты и отрицатели в современной действительности, несомненно, есть. Причина их появления — в несовершенстве и неустроенности существующих общественных отношений. Однако лучшие представители молодого поколения, которых называют нигилистами, совсем не похожи на Базарова. Они, в отличие от тургеневского героя, знают чего хотят, во имя чего отрицают. Для Тургенева это осталось неясным, и поэтому он нарисовал своего героя односторонне.

Вместе с тем автор статьи «Нигилист Базаров» не обвинял писателя ни в сознательном искажении героя времени, ни в его окарикатуривании, как это делал Антонович. Не отрицал критик и художественных достоинств романа «Отцы и дети».

Статья, опубликованная в «Веке», интересна тем, что она является одним из ранних откликов революционно-демократической печати на роман «Отцы и дети». Автор её, несомненно, разделял взгляды Добролюбова на творчество Тургенева. Отрицая прямую связь Базарова с представителями передовых кругов русского общества, он тем не менее соглашался (не оговаривая этого специально) с отдельными положениями статьи Писарева. Кроме того, и сам критик «Века» сделал несколько интересных наблюдений над характером тургеневского героя.

Можно даже сказать, что автор статьи «Нигилист Базаров» в какой-то мере стремился сблизить точки зрения редакции «Современника» и «Русского слова» на роман «Отцы и дети».

Кто же был автором статьи в «Веке», кто скрыл своё имя под криптонимом «Н»? Ответить на этот вопрос нелегко... Известно, что во главе журнала «Век» стояла издательская артель, в которой, согласно заметке «От редакции», помещённой в номере от 18 февраля 1862 года, насчитывалось 29 постоянных сотрудников-соиздателей. Искать среди них автора статьи «Нигилист Базаров» дело чрезвычайно затруднительное. Ведь у девяти из 29 сотрудников фамилия или имя начинаются с буквы «Н». Вероятнее всего, на наш взгляд, автором статьи мог быть Н.В. Шелгунов. И вот почему. Во-первых, он был один из немногих сотрудников «Века», которые писали о Тургеневе, и, в частности,

об «Отцах и детях». Во-вторых, в момент появления статьи «Нигилист Базаров» в печати Шелгунов сотрудничал в «Современнике», а спустя год мы видим его уже в числе авторов «Русского слова». Этим, на наш взгляд, можно объяснить то обстоятельство, что в статье «Нигилист Базаров» можно встретить как мысли Добролюбова, так и отдельные суждения Писарева. И, наконец, последнее. Из всех сотрудников «Века» только Шелгунов пользовался криптонимом «Н».

В целом же статья «Нигилист Базаров» показывает, что отношение революционно-демократической прессы к роману И.С. Тургенева «Отцы и дети» было в достаточной степени сложным и не включало только отрицательные отзывы «Современника» и «Искры», с одной стороны, и положительные — «Русского слова» — с другой.

Г.З. ЕЛИСЕЕВ В КАРАКОЗОВСКОМ ПРОЦЕССЕ¹

Каракозовский выстрел 4 апреля 1866 года вызвал небывалую в России волну репрессий. Вслед за арестом членов московской и петербургской «Организации», руководимой Н.А. Ишутиным и И.А. Худяковым, была арестована и отправлена в Петропавловскую крепость группа литераторов, среди которых были редактор журнала «Русское слово» Г.Е. Благодетель, публицист Г.З. Елисеев, критик В.А. Зайцев, редактор «Искры» В.С. Курочкин, его брат поэт Н.С. Курочкин, поэт Д.Д. Минаев и др. В «Списке лиц, отданных на поручительство и под надзор полиции по делам Высочайше учреждённой в С.-Петербурге следственной комиссии» говорилось, что первоначальным поводом к аресту названных лиц послужило то обстоятельство, что «все они, будучи сотрудниками разных журналов, известных своим вредным социалистическим направлением, в особенности “Современника” и “Русского слова”, тем самым доказали свою неблагонадёжность в политическом отношении...»². В процессе следствия по делу Каракозова были обнаружены связи отдельных литераторов с деятельностью революционной организации Ишутина — Худякова. Особенно тяжёлые обвинения были предъявлены ведущему сотруднику журнала «Современник» Григорию Захаровичу Елисееву. О его связи с деятельностью революционного подполья

¹ Впервые опубл.: Филологические науки. 1970. № 4. С. 94–107.

² ЦГАОР. Ф. 95. Оп. 1. Ед. хр. 163. Т. II. Л. 85.

60-х годов и роли в каракозовском процессе и рассказывается в настоящей статье¹.

* * *

Судьба Елисеева была типичной для большинства представителей разночинной интеллигенции XIX века: ранее сиротство, безрадостная юность, воспитание, полученное в духовном училище и семинарии. Незаурядные способности позволили ему продолжить образование в Московской духовной академии, после окончания которой он почти десять лет был профессором Казанской духовной академии.

По свидетельству самого Елисеева, в его характере рано сложился «моральный и публицистический элемент», стремление быть в гуще жизни, желание высказаться о насущных проблемах современности. А поскольку духовная академия ни в коей мере не могла удовлетворить запросов Елисеева, он оставил её и отправился служить в Сибирь.

Годы, проведённые на службе (1854–1858), дали будущему публицисту громадный материал. Он узнал жизнь во всех её проявлениях, во всей её неприглядности. И особенно хорошо познакомился Елисеев с жизнью русской деревни. Здесь, в Сибири, определилось главное направление его будущей общественной и публицистической деятельности — всегда и всюду бороться против любых форм угнетения и произвола, отстаивать интересы русского крестьянства, выступать за общественный прогресс и демократические идеалы. С этими мыслями и надеждой посвятить себя общественной и журналистской деятельности Елисеев покидает службу и едет в Петербург.

Вскоре по приезде в столицу Елисеев познакомился с Н.Г. Чернышевским, который сыграл немаловажную роль в судьбе начинающего публициста: привлёк его к сотрудничеству в «Современнике», а в феврале 1861 года поручил ему один из основных отделов журнала — «Внутреннее обозрение». Одновременно Елисеев становится членом редакции сатирического журнала «Искра».

Период сотрудничества Елисеева в «Современнике» и «Искре» — один из важнейших в творчестве публициста. В это время

¹ Об участии Елисеева в делах и предприятиях «Организации» уже говорилось в некоторых работах, посвящённых каракозовскому процессу. Так, например, довольно много внимания этому вопросу уделяет Э.С. Виленская в своей книге «Революционное подполье в России (60-е годы XIX века)» (М., 1965), а также Р.В. Филиппов в работе «Революционная народническая организация Н.А. Ишутина — И.А. Худякова (1863–1866)» (Петрозаводск, 1964). Однако, как совершенно справедливо замечает Р.В. Филиппов, роль Елисеева «в конспиративных делах петербургского кружка и московского подполья ещё далеко не вполне выяснена» (см.: Указ. соч. С. 115).

он целиком разделяет революционно-демократические взгляды Чернышевского и пользуется его неограниченным доверием. С его помощью Елисеев завязывает отношения с революционным подпольем 60-х годов, принимает участие в создании общества «Земля и воля» и даже избирается кандидатом его Центрального комитета, а также является активным членом Шахматного клуба, служившего местом легальных встреч революционеров. В делах III Отделения сохранилась справка следующего содержания: «Отставной надворный советник Григорий Елисеев принадлежит к числу литераторов, составляющих интимный кружок Чернышевского, который им весьма дорожит; статьи его в “Современнике” носят отпечаток проводимых этим журналом идей. Елисеев член Шахклуба и сильно старается поддерживать это учреждение»¹.

Таким образом, к 1863 году Елисеев становится уже заметной фигурой в революционном движении. К этому же времени относится его сближение с будущим руководителем петербургского отделения «Организации» Иваном Александровичем Худяковым (1842–1876).

Когда впервые встретился Елисеев с Худяковым и кто именно их познакомил, сказать трудно. В своей автобиографии Худяков говорил, что его с Елисеевым познакомил сибиряк Г.Н. Потанин², публицист, ставший позднее известным путешественником. Это вполне вероятно, так как, приехав в Петербург осенью 1862 года, Худяков жил некоторое время на квартире у Потанина и его друзей.

Елисеев же во время одного из допросов заявил следственной комиссии: «С Худяковым я познакомился бывши редактором “Очерков”, когда он приносил мне, сколько помнится, статью»³.

В конце концов не столь уж важно, как и через кого познакомился Худяков с Елисеевым. Важно другое — встретился он с ним сразу же после приезда в Петербург и стал очень близким ему человеком. Сближению этому в немалой степени способствовало то, что Худяков был уроженцем Сибири, а Елисеев всегда с трогательной заботливостью относился к своим землякам, а кроме того, как выяснилось, он в своё время служил вместе с отцом Худякова в Тобольском губернском правлении.

Худяков становится частым гостем в доме Елисеева. Общение с одним из виднейших публицистов того времени не прошло для него даром. «Знакомство моё с Е., — вспоминал позднее Худяков, — было весьма полезным для меня в умственном отношении.

¹ ЦГАОР. Ф. 109. Оп. 1. Ед. хр. 61/1862. Л. 24.

² См.: Худяков И.А. Записки каракозовца. М.; Л., 1930. С. 190.

³ ЦГАОР. Ф. 95. Оп. 1. Ед. хр. 260. Л. 1–1 об.

В то же время археологи возмущали меня своим равнодушием к насущным потребностям народа»¹. Несомненно, что в данном случае Е. — это не кто иной, как Елисеев, который в противовес «археологам», учёным консерваторам, с которыми Худякову приходилось общаться, был для него идеалом борца за интересы народа.

Не без помощи Елисеева Худяков знакомится со многими деятелями революционного движения того времени — членами «Земли и воли» Л.Ф. Пантелеевым², Н.И. Утиным, с братьями Вас. и Н. Курочкиными, В.А. Слепцовым, П.И. Якушкиным и др. Во время следствия по делу Каракозова Н. Курочкин показал, например: «...познакомился с ним [с Худяковым. — Н.Я.] я у Елисеева, сотрудника “Искры”...»³.

Всё это говорит о том, что Елисеев не только оказал серьёзное влияние на формирование мировоззрения Худякова, но и стремился связать его с деятелями революционного подполья. Усилия Елисеева не пропали даром. В связи с прекращением деятельности «Земли и воли», о существовании которой Худяков если и не знал, то, наверное, догадывался, у него возникла мысль создать свой революционный кружок.

В настоящее время советские исследователи (Э.С. Виленская, Р.В. Филиппов) убедительно доказали, что Худякову удалось создать в Петербурге довольно сплочённую революционную группу, ставшую позднее частью единой организации, руководимой Иштутиным — Худяковым. При этом следует иметь в виду, что ни Иштутин, ни Каракозов, ни другие участники московского подполья не были посвящены во все дела петербургской организации и не знали многих из её членов. Они только предполагали, что в Петербурге имеется «особое революционное общество» и что Худяков является «его влиятельным членом»⁴. Об этом они заявили и на суде.

Сам Худяков во время следствия и на суде не отрицал своей принадлежности к социалистической партии, однако пытался доказать, что «общество» и «партия» — понятия разные, что если «общество» — это «собрание людей, организованное в известном порядке», то «партия есть просто собрание людей, думающих известным образом»⁵, что сам он ни к какой революционной ор-

¹ Худяков И.А. Записки каракозовца. С. 95.

² См.: Пантелеев Л.Ф. Воспоминания. М., 1958. С. 329–330.

³ Цит. по: Колосов Е.Е. Н.К. Михайловский в деле Каракозова // Былое. 1924. № 23. С. 50–51.

⁴ Покушение Каракозова. Стенографический отчёт по делу Д. Каракозова, И. Худякова, Н. Иштутина и др. Т. 1. М., 1928. С. 37.

⁵ Там же. С. 41.

ганизации не принадлежит и ничего о её существовании не знает. Худяков в своих показаниях был очень осторожен и старался говорить о том, что нельзя было скрыть. Только один раз во время допроса 25 и 26 апреля 1866 года он в припадке нервного расстройства дал несколько откровенных показаний, но позднее отказался от них.

Всё это привело к тому, что следственной комиссии не удалось собрать достаточных материалов о деятельности петербургского революционного подполья и найти юридические основания для привлечения к суду большинства из арестованных его членов. Судили только троих: И.А. Худякова, А.М. Никольского и А.А. Кобылина. Но двух последних суд вынужден был оправдать, а Худяков вместо виселицы, которую ему готовил председатель следственной комиссии М.Н. Муравьёв, был приговорён к ссылке.

Между тем петербургское тайное общество несомненно существовало, и одним из его членов был Елисеев. Об этом свидетельствует несколько фактов.

Так, интересные сведения приводит каракозовец В.А. Черкезов в рукописной справке о Н.Д. Ножине, активнейшем деятеле петербургского подполья: «Ближайшим человеком у каракозовцев в Петербурге был И.А. Худяков, а также был близок Александр Никольский, переводчик “Образования человеческого характера” Овена. Из молодых, вращавшихся вокруг него, мне помнятся имена Павла Михайлова, Германа Лопатина и *Ножина*. У каракозовцев были связи с народнической фракцией “Современника” — *Гр. Зах. Елисеев, В.А. Слепцов...*»¹. Здесь перечислены все наиболее значительные деятели петербургского подполья. И среди них назван Елисеев.

Далее. В своей книге «Революционное подполье в России (60-е годы XIX века)» Э.С. Виленская высказала предположение о том, что существовавшая в Петербурге «Издательская артель» была не чем иным, как внешним прикрытием подпольной деятельности довольно значительной группы революционеров². Членом этой артели был и Елисеев. Об этом говорили в своих показаниях инженерный поручик корпуса путей сообщения П.В. Михайлов³ и бывший студент Петербургского университета И.А. Рождественский⁴.

На принадлежность Елисеева к петербургскому обществу указывал Худяков подосланному к нему чиновнику А. Трофимову во

¹ Цит. по указ. ст. Е. Колосова. С. 52.

² См.: *Виленская Э.С.* Революционное подполье в России (60-е годы XIX века). М., 1965. С. 362–371.

³ См.: ЦГАОР. Ф. 95. Оп. 1. Ед. хр. 220. Л. 71.

⁴ См.: Там же. Ед. хр. 246. Л. 8 и 8 об.

время пребывания в Верхоянской ссылке. А. Трофимов доносил: «В большой дружбе с каким-то Елисеевым из семинаристов, который принадлежит к их заговору»¹. Позднее, составляя «Особую записку», он снова сообщал: «Худяков в Петербурге был в коротких отношениях с Елисеевым, бывшим учителем семинарии. Курочкиным — который перевёл Беранже, книжным торговцем Кожанчиковым и Якушкиным...»². И, наконец, в «Последнем донесении» Трофимова содержится важное свидетельство этого жандармского агента о Худякове: «Он весьма тяжёл на знакомства и прежде ознакомился с лицами одних с ним убеждений»³.

Трофимову, несмотря на все его ухищрения, кроме отдельных частных, ничего нового узнать не удалось. Худяков точно так же, как и на следствии, был очень сдержан и осторожен. Вместе с тем из отдельных реплик, брошенных вскользь во время разговоров с Трофимовым, видно, что именно с Елисеевым Худяков был наиболее близок и с ним поддерживал тесные отношения.

О своём знакомстве с Худяковым говорил и сам Елисеев в воспоминаниях, написанных в конце жизни. Следует иметь в виду, что эти воспоминания написаны им очень неровно. Часть из них Елисеев намеревался опубликовать и поэтому писал очень сдержанно, многое умалчивая и недоговаривая. Другая часть написана иначе — откровенно, не осторожничая. На эту особенность воспоминаний Елисеева обратил в своё время внимание Н.К. Михайловский, когда после смерти публициста разбирал его архив: «То он пишет в таком даже утрированно-осторожном тоне, который ясно показывает намерение приладиться к данным условиям времени и, следовательно, печатать статью теперь же; то, говоря о более или менее щекотливых вещах, немало не стесняется в выражениях»⁴.

Часть воспоминаний Елисеева, где говорится о Худякове и каразовском процессе, несомненно, предназначалась автором для печати. Поэтому там о многом не упоминается, имена почти не называются (Чернышевский, например, назван «важным политическим преступником»). О Худякове Елисеев писал, что это «очень ко мне близкий молодой человек, хорошо меня знавший, к которому я был очень привязан, равно как и он ко мне. По нравственному своему характеру это был человек не только вполне безупречный, но некоторым образом подвижник... В высшей степени нервный от природы, крайне подвижный, всегда озабоченный и занятый делом, постоянно спешащий, он забегал ко мне

¹ Русская литература. 1962. № 4. С. 11.

² Там же. С. 154.

³ Там же. С. 156.

⁴ Михайловский Н.К. Полн. собр. соч. Т. VII. СПб., 1909. С. 409–410.

раза два-три в месяц, сидел час или два, не более и, переговорив о чём нужно по своим литературным занятиям, убегал»¹.

Таким образом, Елисеев стремился представить свои отношения с Худяковым как отношения, не выходящие за рамки литературы. Между тем, как мы увидим ниже, именно Худяков познакомил его с членами московского кружка, именно по его рекомендации обращались к нему каракозовцы с целым рядом вопросов и за советами. Ничего не говорит в своих воспоминаниях Елисеев и о том, что в конце 1865 года Худяков несколько месяцев прожил в его квартире, которая в это время превратилась в своеобразный штаб петербургского подполья.

Худяков для Елисеева был образцом бескорыстного служения великому делу борьбы за народ. Не случайно в заметке «О личности Некрасова» он называет его «молодым героем, пожертвовавшим жизнью за свои убеждения»².

Итак, близкие отношения и известная общность взглядов Елисеева и Худякова не подлежат сомнению, точно так же, как и принадлежность Елисеева к деятельности петербургского подполья. Что же произошло с Елисеевым после покушения Каракозова?

В его воспоминаниях мы читаем: «...я был уверен, что меня непременно арестуют, и, начиная с 4 апреля, я находился в постоянном нервном возбуждении и непрестанной тревоге, не имея возможности ничего делать и ни о чём думать, кроме ожидаемого ареста и неизбежно сопряжённых с ним разного рода самых неутешительных возможностей в жизни моей и моей жены и в настоящем и в будущем. Это тревожное состояние увеличивалось существовавшей кругом меня паникой в обществе — каждый день и всегда почти утром приносили известие: сегодня ночью взяли такого-то и такого-то литератора, на другое утро опять взяли таких-то и таких-то... Но не только в это время, т.е. к концу апреля, но задолго перед моим арестом, а даже вскоре после каракозовского выстрела, я был в таком тревожном нервном состоянии, так был всецело подавлен своей мыслью о предстоящем, что едва видел и слышал, что предо мною происходило»³. Елисеев беспокоился и тревожился не зря. Он опасался, что его имя очень скоро станет известным следственной комиссии. Так оно и случилось.

7 апреля 1866 года был арестован Худяков. На следующий день во время допроса среди других своих знакомых он назвал имя Елисеева⁴. Это было первое упоминание фамилии публи-

¹ Михайловский Н.К. Полн. собр. соч. Т. VII. СПб., 1909. С. 466.

² Шестидесятые годы. М.А. Антонович. Воспоминания. Г.З. Елисеев. Воспоминания. М.; Л., 1933. С. 467.

³ Там же. С. 331–332.

⁴ См.: ЦГАОР. Ф. 272. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 9 об.

циста в обширнейшем «Производстве Высочайше учреждённой в С.-Петербурге следственной комиссии».

Вслед за этим имя Елисеева почти не сходит со страниц протоколов допросов, производимых следственной комиссией. Его фамилию в своих показаниях назвали Н.А. Ишутин, О.А. Мотков, В.Н. Шаганов, А.К. Маликов, П.Ф. Николаев, А.А. Бибииков и многие другие.

21 апреля Николаев заявил, что обращался к Елисееву с письмом от Д.А. Юрасова по поводу оказания помощи при утверждении устава «Общества взаимного вспомоществования»¹.

23 апреля И.А. Рождественский назвал Елисеева в качестве члена «Издательской артели»².

24 апреля Мотков показал, что тоже был у Елисеева с письмом от Юрасова³.

Все эти показания относительно Елисеева не привлекли особого внимания следственной комиссии. Но 26 апреля Худяков заявил, «что к числу лиц, знавших об отношениях моих к московскому кружку, но не принимавших в них прямого участия, принадлежал и Г.З. Елисеев, коллежский советник на Вас. остр., 9 линия, д. Рейхенберга. Косвенное его участие состояло в том, что к нему приезжали иногда лица из московского кружка для толков об ассоциациях и разных артельных обществах. Молодёжь составляла ассоциации на основании романа “Что делать?” Чернышевского, в котором проводилась та мысль, что при устройстве ассоциаций плата будет распределяться равномерно»⁴. Сопоставив это показание с более ранним, М.Н. Муравьёв понял, что Елисеев, по-видимому, играл далеко не последнюю роль в революционном подполье, и отдал приказ о его немедленном аресте. Это случилось 27 апреля 1866 года⁵.

Елисеев, зная Худякова как глубоко порядочного человека, был поражён его заявлением. Об этом он писал много лет спустя в своих воспоминаниях (опять же не говоря всей правды и очень

¹ См.: ЦГАОР. Ф. 272. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 390.

² См.: ЦГАОР. Ф. 95. Оп. 1. Ед. хр. 246. Л. 8 и 8 об.

³ См.: ЦГАОР. Ф. 272. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 456.

⁴ Там же. Л. 518, а также см.: Партахив. Т. IV (XVII). 1926. С. 111.

⁵ См.: ЦГАОР. Ф. 272. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 558. Указание в «Списке лиц, отданных на поручительство...» (Ф. 95. Оп. 1. Ед. хр. 163. Т. II. Л. 84 об.) о том, что Елисеев арестован 26 апреля, ошибочно. Не совсем точно и приведённое там утверждение о том, что первоначальным поводом для ареста послужило участие Елисеева и других литераторов в журнале «Современник» и «Русское слово». Несомненно, что список неблагонадёжных литераторов был составлен раньше, но аресты начались только после показания Худякова 26 апреля, когда отчётливо выяснилась принадлежность Елисеева к тайной революционной организации.

осторожничая): «...показание, сделанное Худяковым относительно меня, очень меня изумило. Он знал очень хорошо, какую я веду жизнь, знал все мои знакомства и поэтому не мог показать, что у меня бывали какие-нибудь собрания, тем более с членами каракозовского общества, знакомство моё с которыми было совсем случайное. Сверх того, Худяков был так ко мне привязан, что, если бы такое собрание и было у меня, он никогда бы этого не показал, чтобы не повредить мне. Я был в этом убеждён. И потому показание объяснил себе так, что он впал во время следствия в нервное расстройство, был в ненормальном состоянии и вместо того, что было, писал в своих показаниях то, что ему мерещилось в его расстроенном мозгу, — свои собственные галлюцинации»¹.

Как мы увидим ниже, Елисеев во многом погрешил против правды. Но важно другое: он лишний раз подтвердил свои близкие отношения с Худяковым и был прав, когда объяснил откровенные его признания нервным расстройством.

Уже на следующий день после ареста Елисеев давал первые показания, где, в частности, заявил: «Из числа моих постоянных знакомых могу указать только на Гайдебурова и Василия Курочкина. Случайно же бывают и бывали у меня разные лица. Знаю я почти все лица, занимающиеся литературой, или большую часть их, преимущественно знаю сотрудников “Современника” Некрасова, Антоновича, Пыпина, Жуковского.

На вопрос, сделанный мне: знаю ли я Худякова, отвечаю: знаю. Близких и постоянных отношений с Худяковым я не имел, но Худяков заходил ко мне не чаще раза в месяц большею частью за книжками вышедших журналов и никогда не бывал у меня даже полчаса времени. Ножина совсем не знаю и никогда его не видел. Никольского, жившего с Худяковым, знаю, но видел не более двух раз...»²

В своих показаниях Елисеев почти ничего не сказал кроме того, что следственной комиссии было уже известно, и назвал имена только тех, от знакомства с которыми никаких нельзя было отказать. Мало того, что о многом умолчал или сказал далеко не всё: будто бы Ножина не знает, хотя не один раз встречался с ним; своё общение с Худяковым попытался представить как случайное и редкое.

Показания Елисеева были подтверждены специальной «Докладной запиской»³, где, кроме названных им имён своих знакомых, назывались Н.С. Курочкин, Солодовникова (начальница женского училища), брат жены Елисеева штабс-капитан Гофште-

¹ Цит. по указ. ст. Е. Колосова. С. 466.

² ЦГАОР. Ф. 272. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 53.

³ См.: Там же. Л. 55.

тер, её племянник Негрескул и зубной врач Топоров. Но эти лица никакого отношения к делу Каракозова не имели и комиссию не заинтересовали. Сведения, приведённые в «Докладной записке», были подтверждены показаниями Екатерины Павловны Корбецкой¹ — гражданской жены Елисеева (их брак был оформлен позднее), а также показаниями её брата В.П. Гофштетера², Е.К. Гайдебуровой³ (жены публициста журнала «Дело» П.А. Гайдебурова), кухарки А. Сидоровой⁴ и др.

После первого допроса Елисеева временно оставили в покое. Почти в течение целого месяца комиссия собирала всё новые и новые данные о его связях с революционерами и об участии в их предприятиях. Обвинения, предъявленные Елисееву и сформулированные в вопросах следственной комиссии, можно разделить на следующие:

- 1) участие в замысле освобождения Чернышевского,
- 2) участие в других делах московского кружка, руководимого Ишутиным.

Впервые о причастности Елисеева к замыслу ишутинцев освободить с каторги Чернышевского упомянул в своих показаниях 1–5 мая Л.Е. Оболенский. Он писал, что брат его жены А.К. Маликов рассказывал ему: «Ишутин и он были в Петербурге и познакомились с сотрудником “Современника” Елисеевым, который их подговаривал освободить Чернышевского, на что дадутся им, Елисеевым, деньги»⁵. Тот же Оболенский немного позднее повторил, что Маликова на это дело «подбил Елисеев»⁶ и что «дело Чернышевского началось с Елисеева»⁷.

Маликов на допросе 8–9 мая подтвердил показания Оболенского и, рассказывая о своём посещении Елисеева (вместе с Ишутиным), заявил: «...как-то раз разговор зашёл о Чернышевском, причём Елисеев рассказывал о его строгости к себе в жизни и о его симпатическом характере да между прочим в заключение и высказал: “вот хорошо кому бы помочь деньгами: он мог бы с ними уехать за границу”. На это Ишутин и отвечал: мы похлопочем; а Елисеев засмеялся и говорит: только народ-то вы всё такой неимущий, а потом в заключение и прибавил: всё это фантазия — пустяки. После этого мы отправились от Елисеева, а дорогой мне Ишутин стал говорить, что надо спросить у Елисеева, где он ука-

¹ См.: ЦГАОР. Ф. 272. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 56 и 56 об.

² См.: Там же. Л. 60–61.

³ См.: Там же. Л. 57.

⁴ См.: Там же. Л. 58.

⁵ Там же. Л. 305 об.

⁶ Там же. Л. 318.

⁷ Там же. Л. 352.

жет средства, прибавив при том, “а людей можно найти, которые возьмутся доставить уже их Чернышевскому”; я ему и ответил на это: “конечно, можно”»¹.

Позднее (4 июля) Маликов снова повторил, что мысль об освобождении Чернышевского «впервые возникла, как я уже и прежде показывал, в июле месяце [1865 года. — *Н.Я.*], при свидании Елисеева с Ишутинным»².

Всё, о чём говорил Маликов, очень похоже на правду. Своими показаниями он довольно точно передал характер Елисеева, его осторожный, прощупывающий разговор, умение свести серьёзную беседу на шутку с целью скрыть своё истинное суждение. И, наконец, здесь прозвучало глубокое и искреннее уважение Елисеева к Чернышевскому, которого он безгранично любил³.

Спустя несколько дней В.Н. Шаганов во время допроса 17 мая заявил: «К освобождению Чернышевского их уговорил один петербургский литератор, не могу никак теперь припомнить его фамилии, а знаю, что его псевдоним Грыцко»⁴ (псевдоним Елисеева).

Об участии Елисеева в деле освобождения Чернышевского говорил и О.А. Мотков 19 мая: «Бывши в марте месяце у Маликова, я узнал от него, что в этом деле принимает участие Елисеев, который должен дать для этого 1000 рублей»⁵.

О том, что субсидировать предприятие для освобождения Чернышевского должен Елисеев, говорила на допросе и Е.К. Оболенская⁶.

К лицам, знавшим о причастности Елисеева к делу по организации побега Чернышевского, относился также А.П. Полумордвинов, который заявил на суде, что об этом ему сообщил О.В. Малинин, ссылаясь на разговор с Мотковым⁷.

Таким образом, участие Елисеева в попытке освобождения Чернышевского подтвердили несколько человек. Причём именно ему приписывали инициативу в этом деле. Следует отметить, что ишутинцы не только говорили, но и приступили к конкретному

¹ ЦГАОР. Ф. 272. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 55 об. — 56.

² Там же. Ед. хр. 17. Л. 324.

³ Любопытная деталь. Среди отобранных при аресте Елисеева бумаг у него были изъяты собранные и тщательно переплетённые в роскошный переплёт сочинения Чернышевского (ЦГАОР. Ф. 272. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 54 и об.). Он хранил их, несмотря на то, что со дня на день ожидал ареста. Никаких других компрометирующих материалов (кроме портрета А.И. Герцена) у него обнаружено не было. Не оказалось даже ни одного письма.

⁴ ЦГАОР. Ф. 272. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 8 об. — 9.

⁵ Там же. Л. 119 об.

⁶ См.: Там же. Ед. хр. 16. Л. 352.

⁷ См.: Покушение Каракозова. Т. 1. М.; Л., 1928. С. 96.

выполнению плана по организации побега Чернышевского: были отобраны люди для экспедиции, собраны деньги, намечен маршрут и т.д. Аресты помешали осуществлению этого одного из важных предприятий московской организации¹.

Столь частое упоминание имени Елисеева в связи с освобождением Чернышевского не могло не насторожить следственную комиссию. На очередном допросе, который состоялся 21 мая, ему задали вопрос о разговоре, происшедшем у него при свидании с Ишутиным и Маликовым по поводу освобождения Чернышевского. Елисеев отлично понимал, то грозило ему, если комиссии удастся доказать его причастность к этому делу. Поэтому он с самого начала избрал тактику отрицания. Так, о свидании с Ишутиным и Маликовым он заявил: «...кто такой Ишутин, я не знаю, а также не помню, кто приходил ко мне вместе с Маликовым в августе 1865 г. ...также, был ли у нас какой разговор о Чернышевском. Но утвердительно могу сказать, что не был и не могло быть разговора о похищении Чернышевского из Сибири, да и мне никогда не приходило ничего подобного в голову о Чернышевском, и поэтому отрицаю все разговоры по этому предмету как с Маликовым, так и с господином, пришедшим с ним, которого в вопросе мне поставили под фамилией Ишутина. Если подобное показание кем-нибудь на меня сделано, то я считаю это возведённой на меня клеветой»².

Ответ Елисеева, однако, не удовлетворил комиссию. Ему было предложено ещё раз письменно ответить на следующие вопросы: «Какие отношения существовали между вами и Чернышевским до ссылки его по судебному приговору; когда и где вы познакомились с ним? По какому случаю у вас родилась мысль об освобождении его из каторжной работы? С какой целью вы заявили эту мысль в присутствии Маликова и Ишутина? Что говорили они с вами по этому случаю? Вообще изложите подробно весь ваш разговор относительно Чернышевского и то, кто, когда и каким образом должен был предпринять освобождение его из каторжной работы?»³

Как видно из вопросов, предложенных Елисееву, комиссию интересовало очень многое, в том числе история взаимоотношений публициста с Чернышевским. Вот что написал Елисеев в ответ:

«На предложенные мне вопросы имею честь ответить:

1) С Чернышевским я познакомился в конце 1858 года или начале 1859 года, когда стал помещать статьи в “Современнике”;

¹ Более подробно об этом см.: *Виленская Э.С.* Революционное подполье в России (60-е годы XIX века). М., 1965. С. 356–362.

² ЦГАОР. Ф. 95. Оп. 1. Ед. хр. 260. Л. 1 об.

³ ЦГАОР. Ф. 272. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 166 и об.

в близких отношениях с ним никогда не состоял и даже домашним образом знаком с ним не был, а видел в редакции, где видятся обычно сотрудники журнала.

2) Мысли об освобождении Чернышевского из каторжной работы никогда не имел и подобной мысли иметь не мог, как совершенно нелепой: ибо, как я объяснил уже в показании 21 мая, что почитаю возможным скорее похищение луны с неба, чем Чернышевского из Сибири; кроме того, твёрдо убеждён в том, что если бы кто решился на похищение Чернышевского, то сам Чернышевский, как человек разумный, нашёл бы подобное похищение себя нелепым, в том убеждении, что оно неосуществимо, да если бы было осуществимо, то, оставив Россию, ему надобно было бы умереть голодом. Ведь лучшего для себя в будущем он не может надеяться ни от кого более, кроме как от милости Монарха.

3) Ни Маликову, ни Ишутину подобной мысли, т.е. о похищении Чернышевского, я заявить не мог и подобное их показание с их стороны относительно меня я считаю чисто их собственным сочинением.

4) Что я с ними говорил и говорил ли что-нибудь о Чернышевском, я не помню.

5) Таких бессмысленных людей, которые бы намерены были предпринять освобождение из каторжной работы Чернышевского, я не только не знаю, но никогда не имел и мысли, что такие люди могут быть»¹.

Внешне показания Елисеева выглядят вполне правдоподобно. Действительно, познакомился он с Чернышевским в конце 1858 года, когда послал свою первую статью «О Сибири» в «Современник». Но он ничего не сказал о том, как Чернышевский разыскал его, больного и одинокого, на какой-то бедной квартире, привёл ему доктора и «некоторое время отправлял даже должность сиделки»². Мало того, Елисеев отлично понимал, что вопросом о похищении Чернышевского будут ещё не один раз заниматься русские революционеры (вспомним попытки Д.А. Клеменца, Г.А. Лопатина и, наконец, И.Н. Мышкина), и поэтому всячески стремился убедить комиссию в безнадежности этого предприятия и в том, что сам Чернышевский никогда бы не согласился бежать, надеясь на милость монарха. Уж кто-кто, а Елисеев, видевшийся с Чернышевским накануне его отправки в Сибирь, знал, что тот никогда подобных иллюзий не испытывал. Ведь даже спустя несколько лет, когда Чернышевскому предложили написать прошение о помиловании, он отказался это сделать.

¹ ЦГАОР. Ф. 272. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 166 и об.

² Письма Г.З. Елисеева к М.Е. Салтыкову-Щедрину. М., 1935. С. 83.

Вопрос об освобождении Чернышевского снова всплыл во время суда над каракозовцами, куда в качестве свидетеля был вызван и Елисеев. Председатель суда П.П. Гагарин обратился к нему: «Расскажите во всей подробности разговор, который вы имели с Маликовым об Чернышевском.

Елисеев: Это было так давно, что не только не помню того, что было говорено о Чернышевском, но я даже не помню, что у нас был такой разговор.

Председатель: Вы после учинения присяги, памятуя всю святость её, утверждаете, что не помните разговора об Чернышевском, не знаете даже, был ли такой разговор?

Елисеев: Так точно, не помню, был ли у нас разговор об этом.

Председатель: Говорил ли вам Маликов, чтоб вы достали денег для улучшения участи Чернышевского?

Елисеев: Как, чтобы я достал денег для помощи Чернышевскому?

Председатель: Найти ли денег или другое что, одним словом, не было ли у вас разговора об освобождении Чернышевского?

Елисеев: Нет»¹.

Свои показания Елисеев на этот раз давал в присутствии Маликова и, как мы видели, снова отказался признать свою принадлежность к делу освобождения Чернышевского.

Маликов спустя несколько дней во время допроса слегка изменил свои показания и основной упор делал на то, что хотя Елисеев и говорил о необходимости освободить Чернышевского, однако сам признал, что «это фантазия, которая никогда не исполнится» и что «к тому нет никаких средств...»².

Таким образом, ни у следственной комиссии, ни у суда не оказалось достаточных улик для привлечения Елисеева к ответственности за участие в попытке освободить Чернышевского. Показаний отдельных лиц оказалось недостаточно, а принудить самого Елисеева сделать чистосердечное признание так и не удалось. Он был в течение всего следствия очень последователен и ни разу не отступил от избранной тактики отрицания. И это вполне оправдало себя.

Не менее серьёзны были обвинения Елисеева в том, что он не только знал, но и принимал непосредственное участие в делах московского кружка. Об этом заявил во время своих откровенных показаний 26 августа Худяков, а потом говорили многие из привлекавшихся по каракозовскому делу: Маликов, Михайлов, Мотков, Николаев и др.

¹ Покушение Каракозова. Стенографический отчет по делу Д. Каракозова, И. Худякова, Н. Ишутина и др. Т. II. М.; Л., 1930. С. 150–151.

² Там же. С. 237.

Так, в процессе следствия выяснилось, что Елисеев принимал активное участие в попытке иштутинского кружка основать артельный чугуноплавильный завод в Жиздринском уезде Калужской губернии¹. В каракозовском процессе он фигурировал как Мальцевский, или Людиновский завод, по имени крупного заводчика С.И. Мальцева, которому принадлежал завод в Людинове и рабочие которого, подвергавшиеся немилосердной эксплуатации, должны стать владельцами вновь открываемого артельного предприятия. Члены московского кружка весной 1865 года обратились к Елисееву, лечившемуся тогда в Москве, с просьбой оказать содействие в получении разрешения на открытие артельного завода и помочь найти средства для его организации. Елисеев написал по этому поводу рекомендательное письмо к Худякову, а после возвращения в Петербург вместе с Худяковым, Ножиным и другими членами тайного петербургского общества несколько раз встречался и вёл переговоры с представителями иштутинского кружка².

О том, что Елисеев имел непосредственное отношение и к другим делам московской организации, свидетельствуют, например, показания О. Моткова, данные им на допросах 13–16 мая 1866 года. Мотков заявил: «Теперь расскажу о своих сношениях с Елисеевым. Когда я уехал в Петербург, то Юрасов сказал мне, что я могу исполнить взятые мною поручения от общества взаимного вспомоществования, а также и спросить у него об уставе и разрешении на него для швейной артели. Я просил у Юрасова рекомендательное письмо к Елисееву, и он дал мне его, объяснив также в этом письме, что именно я хочу узнать у него. С этим письмом я и был у Елисеева. Он мне объявил, что он эти дела плохо знает, но что ему, впрочем, известно, что с просьбою о дозволении общества переводчиков и издателей должно обратиться к министру. За уставами же петербургского общества переводчиков он советовал обратиться к г. Рождественскому, говоря, что тот все эти дела хорошо знает...»³

Во время допроса 21 мая 1866 года Елисеева спросили, что он знает о московском кружке и его членах, кто бывал у него и о чём он вёл с ними переговоры, каковы были отношения Худякова с московским кружком и т.д. Елисеев ответил, что ему ничего неизвестно о существовании московского кружка, что ничего не знает об отношении к нему Худякова, так как тот ничего ему об

¹ Подробно об устройстве завода см. в кн.: *Виленская Э.С.* Революционное подполье в России... С. 282–294.

² См. показания А.К. Маликова от 8–9 мая 1866 г.: ЦГАОР. Ф. 272. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 54 об. — 55 об.

³ ЦГАОР. Ф. 272. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 380–380 об.

этом не говорили. Он рассказал, что у него действительно бывали разные молодые люди, приезжавшие из Москвы с различными просьбами, и что он вёл с ними разговоры по многим вопросам, в том числе и по поводу Мальцевского завода. Однако фамилий он их не помнит и может назвать только Бибикова и Маликова. «...Фамилии Ермолов, Юрасов, Загибалов, Странден, Шагалов и Николаев мне неизвестны. Фамилии Моткова и Ишутина узнаю при сделанном выше вопросе, хоть, может быть, они и называли мне свои фамилии, когда ко мне приходили, но фамилии их я запомнил»¹, — показывал Елисеев. Из числа своих петербургских знакомых Елисеев назвал И.А. Рождественского, домашнего учителя детей принца Ольденбургского, Н.П. Лыжина и публициста А.И. Европеуса, т.е. тех, знакомство с кем отрицать было бессмысленно.

Как видим, и здесь Елисеев снова всё отрицает и признаёт лишь то, от чего никак нельзя отказаться: от знакомства и встреч с отдельными людьми.

Следственную комиссию такие уклончивые и ничего не говорящие ответы Елисеева не удовлетворили и спустя несколько дней (дата не указана) ему было предложено снова, только на этот раз в письменной форме, ответить на те же самые вопросы.

И снова Елисеев, как и в показании от 21 мая, всё отрицает². Только теперь, помимо уже использованных аргументов — не знаю, не видел, не знаком, — он выдвигает ещё один — болезнь и в связи с этим потерю памяти.

И на этот раз следственная комиссия ничего нового не узнала из показаний Елисеева ни о нём самом, ни о других революционерах. Впрочем, ей так и не удалось раскрыть многих фактов из деятельности тайных революционных обществ и в особенности петербургского центра. Неслучайно поэтому Худяков, находясь в Сибири, говорил: «Немного же, впрочем, узнало правительство при этом следствии. Самую суть знают только избранные, но от них никогда им ничего не узнать, а все прочие, которые при следствии делали показания, знали только некоторые подробности, а потому под страхом пытки и смертной казни немилосердно врали и тем ещё больше спутали правительство»³.

К этим избранным, как один из наиболее близких к Худякову людей, надо полагать, относился и Григорий Захарович Елисеев.

Показания, данные Елисеевым в конце мая, были последними. Председатель следственной комиссии Муравьев понял, что ничего нового он уже не скажет. Предстояло решить — что делать

¹ ЦГАОР. Ф. 95. Оп. 1. Ед. хр. 260. Л. 2.

² См.: ЦГАОР. Ф. 272. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 370–371.

³ Русская литература. 1962. № 4. С. 154.

дальше. Либо привлечь Елисеева к суду, но для этого не было достаточных юридических оснований, либо освободить его. Но время шло, а Елисеев по-прежнему находился в крепости. Его жена, Екатерина Павловна, три раза (5, 17 и 27 июня) обращалась к Муравьёву с прошением о разрешении свидания с мужем. Два раза Муравьёв накладывал резолюцию «Отказать» и только на прошении от 27 июня написал: «Разрешить»¹.

В своих воспоминаниях Е.П. Елисеева² подробно рассказала о своих хлопотах сначала для получения свидания с мужем, а потом для его освобождения. Женщина настойчивая и энергичная, она встречалась со многими чиновниками III Отделения и даже добилась аудиенции у самого Муравьёва. Она просила освободить мужа под поручительство своего брата — офицера В.П. Гофштетера. Но только после долгих колебаний Муравьёв наконец направил коменданту Петропавловской крепости бумагу следующего содержания:

**Высочайше учреждённая
в С.-Петербурге
Следственная комиссия
№ 1660**

**Господину Коменданту
С.-Петербургской Крепости**

21 июля 1866 года

Имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство приказать освободить из крепости, содержащегося в оной, отставного коллежского Советника Григория Елисеева и отправить его к С.-Петербургскому Обер-Полицейстеру для учреждения за ним строгого полицейского надзора, с отдачею на благонадёжное поручительство, о чём мною вместе с сим сделано сношение с свиты его Величества генерал-майором Треповым.

Подписал Член Государственного совета генерал от инфантерии Граф Муравьёв³.

В отношении, написанном Петербургскому обер-полицейстеру, Муравьёв приказывал «учредить строгий полицейский надзор за отставным коллежским советником Григорием Елисеевым, с отдачею его на благонадёжное поручительство и с обя-занием подпискою о не отлучке из города вплоть до особого распоряжения»⁴.

Следует заметить, что из числа арестованных в конце апреля 1866 года литераторов Елисеев был освобождён одним из последних.

¹ См.: ЦГАОР. Ф. 95. Оп. 1. Ед. хр. 260. Л. 3–5.

² См.: Шестидесятые годы. М.А. Антонович. Воспоминания. Г.З. Елисеев. Воспоминания. С. 429–437.

³ ЦГАОР. Ф. 95. Оп. 1. Ед. хр. 260. Л. 6. Подчёркнуто в подлиннике.

⁴ Там же. Л. 7. Подчёркнуто в подлиннике.

Однако участие Елисеева в каракозовском процессе ещё не закончилось. 10 сентября 1866 года он был вызван в суд свидетелем, и его вновь спрашивали о причастности к делу освобождения Чернышевского и о том, какое он имел отношение к организации артельного завода¹. Кроме того, во время суда имя Елисеева упоминалось в показаниях Ишутина, Полумордвинова, Моткова, Худякова, Бибикова и Маликова. Однако никаких последствий это для него не имело. Если не считать того, что вскоре после вынесения приговора каракозовцам для управляющего III Отделением Н.В. Мезенцева была составлена справка, где говорилось: «Григорий Захарович Елисеев отставной Коллежский Советник, литератор, сотрудник бывшего журнала “Современник” и других журналов: нигилист и при том старый, закалённый приятель Худякова, — сообщника по Каракозовскому делу. Худяков жил одно время на квартире Елисеева. К Елисееву обращались социалисты каракозовского кружка — Бибикив, Маликов, Ишутин и другие для совещаний по устройству Людиновского завода, с враждебной против заводчика Мальцева целью. — По делу было указание, что Елисеев принимал участие в замысле — освободить Чернышевского из каторжной работы. Елисеев был арестован и находился в крепости и потом освобождён по распоряжению покойного графа Муравьёва, с учреждением за ним полицейского надзора и отдачей на поруки, о чём писано обер-полицмейстеру. Всё производство об Елисееве вошло в общее дело Каракозова... Об Елисееве давно уже известно 3-му отделению как о весьма благонадёжной личности»².

В этой справке нашло отражение не только мнение официальных кругов о Елисееве, но и всё, что удалось узнать о его участии в революционном движении.

Итак, в ходе каракозовского процесса выяснились дополнительные данные, свидетельствующие об участии Елисеева в революционном движении 1860-х годов. Но правительству многого так и не удалось узнать. Оно только догадывалось, что Елисеев знает гораздо больше, чем говорит, и что его деятельность в тайных организациях не ограничивалась той, о которой стало известно во время процесса. Действительная роль Елисеева в петербургском революционном центре полностью ещё не раскрыта. Более подробно о ней можно будет говорить только тогда, когда в достаточной степени будет изучена деятельность этого центра.

¹ См.: Покушение Каракозова. Т. II. М.; Л., 1930. С. 151–152.

² ЦГАОР. Ф. 109, 100, 47, г. 1866. Л. 6 об. и 7.

Н.А. НЕКРАСОВ И Г.З. ЕЛИСЕЕВ

К ИСТОРИИ

ВЗАИМООТНОШЕНИЙ¹

История взаимоотношений Н.А. Некрасова и Г.З. Елисеева уже не один раз освещалась в работах разных исследователей (В. Евгеньева-Максимова, С. Макашина, М. Теплинского, Н. Емельянова и др.). И тем не менее многое здесь остаётся ещё не прояснённым и до конца не осмысленным. Изучение основательно забытых теперь статей, печатавшихся на страницах русских журналов и газет 1860–1880-х годов, а также ряда никогда ранее не публиковавшихся рукописных материалов позволяет в известной степени проследить и по-новому осмыслить историю многолетнего сотрудничества и личных взаимоотношений двух выдающихся деятелей русской литературы.

Некрасов и Елисеев были людьми очень непохожими, что определялось не только разностью социального происхождения, воспитания, образования, положения в литературе, но и особенностями их характеров и образа жизни.

По своему происхождению, образованию, поведению, привычкам Елисеев был типичным разночинцем. К тому времени, когда его имя впервые появилось в печати, ему было уже тридцать семь лет. Позади были годы учения в духовном училище, семинарии, духовной академии, после окончания которой Елисеев был несколько лет профессором в Казанской духовной академии, а затем занимал достаточно высокие посты на государственной службе в Сибири, дослужившись до чина коллежского советника, что соответствовало чину полковника. По свидетельству современ-

¹ Впервые опубл.: Вестник МГОПУ им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2003. № 3. С. 5–40.

ников, он проявил себя на государственной службе как человек безукоризненной честности, активно боровшийся со взяточничеством, коррупцией и другими злоупотреблениями, надеясь, что его деятельность может принести пользу стране. Однако, убедившись, что усилия одного человека, при всех его высоких моральных достоинствах и благородстве устремлений, ничего в существующей государственной системе изменить не могут, Елисеев вышел в отставку и отправился в Петербург, где, кстати, у него не было ни друзей, ни знакомых, ни надежд на чью-либо протекцию. Начал он с того, что послал в редакцию «Современника» статью «О Сибири», которая под псевдонимом «Грыцко» была опубликована в декабрьской книжке журнала за 1858 год. Поскольку за отдел публицистики «Современника» отвечал Н.Г. Чернышевский, то новый сотрудник имел дело преимущественно с ним, а с Некрасовым лично познакомился позднее. Однако до начала 1861 года, когда по инициативе Н.А. Добролюбова ему было поручено вести отдел «Внутреннее обозрение», он не так уж часто бывал в редакции «Современника», и его встречи с Некрасовым носили, по всей вероятности, эпизодический характер. К тому же много сил и внимания у Елисеева занимала работа в «Искре», где он был одним из ведущих сотрудников. Став внутренним обозревателем «Современника», Елисеев ближе сошёлся со многими деятелями журнала, стал посещать редакционные собрания и обеды, которые ежемесячно устраивал Некрасов. И хотя по возрасту он был ближе к Некрасову (оба они родились в 1821 году), но тесные отношения у него сложились с более молодыми членами редакции, и прежде всего с Чернышевским. По словам известного общественного деятеля и публициста Н.М. Ядринцева, который в то время познакомился с Елисеевым, это был «нервный, желчный человек, худощавый, с сильной проседью и длинными волосами... Высматривал он несколько истощённым и измученным журнальной работой: цвет лица был земляной, в нём было много подвижности, болезненной нервности, раздражительности. Расположение духа Г.З. Елисеева было желчное, сатирическое, и он бросал острые, как ножи, сарказмы, что придавало прелесть его публицистическому разговору, его негодованию... Он казался изнервничавшимся до последней степени... Он не щадил сил — он горел, как многие из нас, писателей»¹.

Как видим, и по характеру, и по поведению Елисеев мало походил на Некрасова, и о каких-либо тёплых и дружеских отношениях между ними не могло быть и речи. Но уже тогда их объединяли общие взгляды на многие социальные процессы,

¹ Ядринцев Н.М. Значение женщины в жизни писателя // Литературное наследство Сибири. Т. 5. Новосибирск, 1980. С. 130–131.

происходившие в России, и преданность общему делу. Это проявилось уже в конце 1861 года, когда «Современнику» пришлось пережить тяжёлые испытания. В сентябре по обвинению в распространении прокламации «К молодому поколению» был арестован и осуждён на каторжные работы активный сотрудник журнала М.Л. Михайлов. Затем последовал арест другого сотрудника — В.А. Обручева. А в ноябре умер Н.А. Добролюбов, что было невосполнимой утратой для «Современника» и лично для Некрасова, которого связывали с умершим критиком самые тёплые отношения. Ко всему прочему, усиливались и цензурные преследования. Член Главного управления цензуры А.А. Берте потребовал «испросить у его императорского величества решительное запрещение этого журнала»¹.

Ещё более трудным оказался для «Современника» 1862 год. В феврале умер соредактор Некрасова И.И. Панаев, стоявший у истоков журнала и выполнявший значительный объём редакторской работы. После майских пожаров в Петербурге были приостановлены на восемь месяцев «Современник» и «Русское слово», «вследствие замеченного в них систематического вредного направления и постоянных усилий к распространению противорелигиозных и противоправительственных теорий»². И, наконец, в начале июля были арестованы виднейшие деятели революционно-демократического движения и активные сотрудники «Современника» — Н.Г. Чернышевский и Н.А. Серно-Соловьевич.

И всё время, вплоть до приостановки «Современника», ведущие сотрудники журнала, среди которых был и Елисеев, работали с полной отдачей. В редакции «Современника» царил атмосфера доверия и взаимной поддержки. Позднее Чернышевский в одном из писем вспоминал: «Читал ли кто статьи Григ. Зах. Елисеева? Никто. Ответственность за них лежала на мне. Я никогда не читал их (кроме первых, по которым увидел, что можно доверять Елисееву). А Некрасов тем меньше читал их»³.

Несмотря на обрушившиеся на «Современник» репрессии и арест ведущих сотрудников, Некрасов не оставлял надежды на возобновление журнала и, пользуясь своими связями в правительственных кругах, сумел добиться разрешения на публикацию сообщения о его издании в 1863 году, в котором весьма прозрачно намекалось, что «Современник» будет придерживаться прежнего направления. Однако говорить об этом вслух Некрасов остере-

¹ *Евгеньев-Максимов В.Е.* «Современник» при Чернышевском и Добролюбове. Л., 1936. С. 501.

² *Чернышевская Н.М.* Летопись жизни и деятельности Н.Г. Чернышевского. М., 1953. С. 259.

³ *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч.: в 15 т. Т. 14. М., 1950. С. 783–784.

гался. Наоборот, он стремился представить себя человеком, далеко стоявшим от идейного руководства журналом и не всегда осведомлённым о его направлении. Вот что писал по этому поводу Елисеев в своих воспоминаниях: «Все друзья и враги интересовались знать, почему остановлен “Современник”, и все приставали к Некрасову с этим вопросом. Некрасов всюду, куда являлся, чтобы отвязаться от вопрошающих, отвечал кратко: “Да, я не знаю за что остановили ‘Современник’, верно моя консистория [намёк на духовное происхождение Чернышевского, Елисеева, М.А. Антоновича, А.Н. Пыпина и некоторых других сотрудников журнала. — Н.Я.] там что-нибудь напутала”»¹.

Эти слова стали известны Елисееву и Антоновичу, и они пришли к выводу, что Некрасов «решил изменить направление журнала и расстаться с нынешними сотрудниками», а потому приняли решение, что не будут «участвовать в “Современнике”, даже если бы он и открылся»².

Перестав считать себя связанным с «Современником», Елисеев принял предложение возглавить газету «Очерки» и пригласил туда Антоновича в качестве политического обозревателя.

Некрасов, узнав об этом, поспешил к своим недавним сотрудникам, и, как вспоминал Елисеев, просил, чтобы «мы не покидали “Современник”, и перед каждым, а потом перед обоими вместе он клялся, призывал в свидетели всё, что было для него святого, что никогда он переданных слов не говорил, что он привязан и душой, и сердцем к идеям, проводимым “Современником”, но что, как ни дороги для него эти идеи, он не решится без нас продолжать издание журнала, что “если мы не согласимся участвовать в нём, он немедленно закроет журнал”»³.

И Елисеев, и Антонович, конечно же, знали, что Некрасов всё-таки говорил о «консистории», но они знали и другое — редактор «Современника» всегда был в курсе всех дел журнала и не только поддерживал его направление, но и нёс за это полную ответственность. Поэтому они решили продолжить своё сотрудничество в «Современнике».

Переговоры с Елисеевым и Антоновичем Некрасов вёл задолго до того, как был окончательно решён вопрос о возобновлении издания «Современника» (разрешение было получено только 6 ноября 1862 года). Но уже тогда Некрасов твёрдо обещал Елисееву и Антоновичу, что журнал будет издаваться по прежней программе. Об этом свидетельствует неопубликованное письмо Елисеева

¹ Шестидесятые годы. М.А. Антонович. Воспоминания. Г.З. Елисеев. Воспоминания. М.; Л., 1933. С. 315–336.

² Там же. С. 227.

³ Там же. С. 318.

к писателю Ф.Д. Нефёдову от 24 октября 1862 года, где прямо говорится, что «с нового года возобновляется “Современник” в том же духе и в том же направлении, в каком был прежде...»¹.

Во имя общих целей и задач примирение было достигнуто. Однако в новой редакции возобновлённого «Современника», куда помимо Некрасова вошли М.Е. Салтыков-Щедрин, Елисеев, Антонович, Пыпин, не было прежнего единства. Елисеев вспоминал, что «между “Современником”, возобновившимся с 1863 г., и прежним “Современником” было мало общего... прежней души “Современника”, в нём действовавшей, всем управлявшей и направлявшей, уже не было. Этою душою “Современника” был до сих пор Н.Г. Чернышевский»². По словам Елисеева, сотрудники возобновлённого журнала были «хорошие работники по разным детальным частям журнала и специальностям, но не имевшие ни верного глазомера, чтобы надлежащим образом оценивать все тяготеющие над журналом сторонние влияния, ни таланта находиться и умно вести себя среди этих влияний, идти, когда представляется возможным, прямым путём к цели, когда угрожает опасность — окольную дорогою, не лезть в ненужную, бесплодную борьбу, прямо опасную, когда ничего нельзя было ожидать, кроме поражения и закрытия журнала»³. И тем не менее новая редакция надеялась, что «журнал, поставленный прежде хорошо, само собою пойдёт недурно»⁴.

Однако на деле оказалось не так. В «Современнике» не стало былой сплочённости и взаимного доверия. Между сотрудниками возникали постоянные недоразумения. Дело дошло до того, что сотрудники (М.А. Антонович, Ю.Г. Жуковский, В.А. Слепцов, А.Ф. Головачёв и Г.З. Елисеев) решили провести ревизию конторских книг журнала, чтобы убедиться, не скрывает ли Некрасов от них каких-нибудь дополнительных доходов «Современника». Вспоминая этот эпизод, Елисеев всегда испытывал чувство мучительного стыда. Вероятно, это был далеко не единственный факт недоверия Некрасову со стороны сотрудников возобновлённого «Современника». Недаром Елисеев говорил, что «таких унижений, самых оскорбительных для самолюбия всякого человека... Некрасов претерпел немало...»⁵.

Всё это, конечно, не могло способствовать установлению взаимопонимания между Некрасовым и членами новой редакции, в том числе и Елисеевым.

¹ РО ИРЛИ. Ф. 208. Ед. хр. 43. Л. 3.

² Шестидесятые годы. М.А. Антонович. Воспоминания. Г.З. Елисеев. Воспоминания. М.; Л., 1933. С. 267.

³ Там же. С. 268.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 318.

Более доверительные отношения сложились у Некрасова с Салтыковым, но и тот устал от неоднократных столкновений с Антоновичем и Пыпиным, которые довольно часто правили без его ведома присланные им статьи, а порой просто отказывались их печатать. В одном из писем к Некрасову сатирик жаловался на цензуру «духовной консистории» и «антоновический дух», зародившийся в журнале. Но необходимо отметить, что Салтыков ни разу при этом не упомянул имени Елисеева. К нему он относился иначе, нежели к другим членам редакции журнала. Об этом говорит следующий факт. Когда после закрытия «Современника» Некрасов и Салтыков вели переговоры об аренде «Отечественных записок», сатирик заявил о необходимости помимо себя и Некрасова «пригласить ещё третье лицо, знакомое с земскими и бытовыми вопросами и указал как на такое подходящее лицо на Г.З. Елисеева»¹. Весьма прохладные отношения, сложившиеся между Некрасовым и членами редакции возобновлённого «Современника», попыталась объяснить Екатерина Павловна Елисеева, жена публициста, которая писала, что «действительную внутреннюю душу “Современника” составляли Чернышевский и Добролюбов. Некрасов же особенной популярностью не пользовался, преимущественно благодаря своему богатству и той жизни, которую он вёл: то в среде богатых прохвостов и людей сомнительного направления, то среди интеллигентного круга с чисто демократическими тенденциями; из этого выходило то, что и та, и другая партии всегда относились к нему недоверчиво, и ни одна из них не могла сказать с определённым убеждением, что “он — наш”. Эта двойственность положения принесла ему лично много горя, но делу, во главе которого он стоял, нисколько не вредила, а, напротив, ещё способствовала. В душе он был, конечно, “наш”, так как был умён и чуток к истине и добру, которые влекли его к расширению прав угнетённого большинства»².

Мнение своей жены, вне всякого сомнения, разделял и Елисеев, поскольку известно, что Екатерина Павловна полностью и во всём поддерживала его взгляды и мнения и высказывала то, о чём он, будучи человеком немногословным и сдержанным, предпочитал не распространяться.

Во всяком случае, хотя тёплых и дружеских отношений между Некрасовым и Елисеевым в период совместной работы в «Современнике» не было, это не мешало им ценить и уважать друг друга, а в трудный момент прийти на помощь.

¹ Белоголовый Н.А. Из воспоминаний о М.Е. Салтыкове // М.Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. М., 1957. С. 264.

² Шестидесятые годы. М.А. Антонович. Воспоминания. Г.З. Елисеев. Воспоминания. М.; Л., 1933. С. 439–440.

В этом отношении весьма показательным поведением Некрасова после покушения Д.В. Каракозова на Александра II, когда в Петербурге были проведены многочисленные аресты среди литераторов. В числе других арестовали и Елисеева. Вот что рассказывал он об этом в своих воспоминаниях: «На другой день после моего ареста Некрасов храбро явился на мою квартиру, чтобы осведомиться: что случилось и как. Я говорю “храбро” потому, что ни один из моих товарищей, и вообще никто из сотрудников “Современника”, не решился это сделать. Ибо с того самого момента, как известие о выстреле Каракозова стало известно всему Петербургу, все прикосновенные к литературе тотчас поняли, что как бы ни пошло дело следствия, но литература, по установившемся у нас обычаю, всё-таки первая будет привлечена к ответу, и поэтому все засели дома, стараясь как можно меньше иметь между собой сообщений. <...> Некрасов прибыл на мою квартиру как раз в тот момент, когда там присутствовал гвардейский офицер, тот самый, который накануне арестовал меня, проводил обыск у меня и который теперь отбирал показания у моей жены и прислуги. Гвардейский офицер при появлении Некрасова, немедленно арестовал его»¹.

И только находчивость Екатерины Павловны Елисеевой предотвратила весьма неприятные последствия этого инцидента. Она заявила, что видит Некрасова в первый раз и что он лишь изредка по редакционным делам бывал в их доме. «Некрасов, — заявила она, — лицо слишком уважаемое не только в Петербурге, а в целой России... Он, конечно, никуда не убежит, зачем же вы будете удерживать его здесь без всякой нужды, когда ни я его не знаю, ни он меня не знает»².

Доводы Е.П. Елисеевой офицеру показались убедительными, и он отпустил Некрасова, хотя потом горько об этом сожалел: «А это всё вы виноваты, — ворчал он, то и дело обращаясь к ней с упрёком. — Со страху Некрасов очень легко мог бы сказать что-нибудь такое, что послужило бы нитью на раскрытие заговора. Некрасов, наверное, играет тут не последнюю роль»³.

Более красочно описала эту сцену в своих воспоминаниях сама Е.П. Елисеева: «После его [Некрасова] ухода Теньков [фамилия офицера. — Н.Я.], до сих пор сдержанный, чуть ли не с пеной у рта и с сжатыми кулаками начал кричать на меня, что я у правосудия выхватила самую ценную добычу, что они много бы дали, чтобы найти какой-нибудь клочок или иной повод взять этого подлеца,

¹ Шестидесятые годы. М.А. Антонович. Воспоминания. Г.З. Елисеев. Воспоминания. М.; Л., 1933. С. 329.

² Там же. С. 330.

³ Там же.

что я не понимаю, какой это вредный иезуит, и что из-за него половина сидит, а он остаётся невредимым и катается в колясках, что он думает подкупить правосудие, написавши и читавши стихи в честь Муравьёва, но Муравьёв во время его чтения отвернулся от него, и, уж, погоди, не увернётся он, не может быть, чтобы нельзя было его запощать, и проч. и проч. <...> Этот эпизод я считаю необходимым ввести, так как он, кажется, единичный случай, который указывает de facto, что Муравьёв имел намерение арестовать Некрасова»¹.

Некрасов знал, что у Елисеева не было никаких источников дохода, кроме литературного труда, и что после ареста мужа Екатерина Павловна осталась без средств. При первой возможности он передал ей через Пыпина 300 рублей.

Более двух месяцев Елисеев провёл в заключении, а выйдя на свободу, оказался без работы и без денег. И здесь Некрасов пришёл ему на помощь. Елисеев вспоминал: «Когда я только что вышел из крепости и, не находя нигде работы, не имел, чем содержаться, Некрасов написал мне из деревни письмо, в котором предлагал мне заняться приготовлением статей для предполагаемого сборника, обещая мне в счёт этого будущего издания давать время от времени некоторое количество денег на моё содержание. Я, конечно, с охотою на это согласился и занялся приготовлением статей. Вследствие этого по приезде Некрасова из деревни я виделся с ним часто...»² В одну из встреч Некрасов сказал Елисееву, что, может быть, вместо «Сборника» он будет издавать журнал и что есть все данные «надеяться на успех»³. Чуть позже Некрасов вновь заговорил об основании нового журнала вместо уничтоженного «Современника», о чём писал Елисееву летом 1867 года, и советовался с ним о приглашении новых сотрудников, в числе которых назвал А.К. Толстого, Я.П. Полонского и др. По словам Елисеева, он ответил поэту, что привлечение этих сотрудников может дать журналу новую окраску, и продолжал: «“Современник” с вами во главе заявил себя горячим борцом за новую идею... отступать от этого пути, хотя бы на одну пядь, было бы нерезонно и невыгодно. Вам в новом журнале следует развернуть то же самое знамя и нести его так же твёрдо и неуклонно, как и прежде, в полной уверенности, что новые идеи, в конце концов, победят и всем завладеют»⁴.

Некрасов понимал, что ни ему, ни какому-нибудь из прежних сотрудников «Современника» правительство не разрешит осно-

¹ Шестидесятые годы. М.А. Антонович. Воспоминания. Г.З. Елисеев. Воспоминания. М.; Л., 1933. С. 419.

² Там же. С. 350.

³ Там же. С. 351.

⁴ Там же. С. 345.

вать новый журнал. Поэтому в сентябре 1867 года он начал вести переговоры с редактором журнала «Отечественные записки» А.А. Краевским об аренде его издания.

Известие это сначала несколько насторожило Елисеева. Ему показалось неудобным сотрудничество в журнале, против которого он и его товарищи по «Современнику» неоднократно резко выступали. «Но потом я подумал, — писал Елисеев в своих воспоминаниях, — что же тут дурного, что мы отнимаем орган у противной партии и превращаем его в орган своей партии. Тут мы не только ничего не проигрываем, напротив, приобретаем. Надобно только устроить дело так, чтобы мы стали в нём вполне независимы от собственника [т.е. от Краевского. — Н.Я.]»¹.

В процессе переговоров, в которых принимал участие и Елисеев, была достигнута договорённость, что Краевский не будет вмешиваться в редакционные дела. Вместе с тем выяснилось, что Некрасов, становясь фактическим руководителем «Отечественных записок», не мог стать официальным редактором журнала. Им должен был остаться Краевский.

Это обстоятельство едва не привело к срыву переговоров. «Возможность издавать журнал под ответственной редакцией Краевского, — писал Елисеев, — прежде мне никогда не приходила и не могла прийти в голову. Ибо имя Краевского было всё время так скомпрометировано в литературных кружках, и при этом едва ли в каком-нибудь журнале оно подвергалось большему осмеянию и глумлению, чем в “Современнике”, что мысль о том, чтобы сотрудники “Современника” могли очутиться под редакцией Краевского, являлась *contradictio in re* [противоречием на деле (лат.). — Н.Я.], чистым бессмыслием»². Поэтому Елисеев самым решительным образом выразил своё несогласие с подобным проектом. К нему присоединился и М.Е. Салтыков. Некрасову стоило больших трудов убедить своих товарищей в том, что иного выхода пока нет и что это лишь временная мера.

Предстояло решить ещё один важный вопрос — о составе редакции. Некрасов с самого начала стремился к тому, чтобы собрать в обновлённых «Отечественных записках» всех прежних сотрудников «Современника». Однако, как рассказывает в своих воспоминаниях Елисеев, на одном из совещаний Ю.Г. Жуковский, который выступал также от имени Антоновича и Пыпина, потребовал от Некрасова права на получение половины всех прибылей, права контроля над всеми расходами, включения в состав редакции Антоновича и Пыпина и оплаты их работы из средств журна-

¹ Шестидесятые годы. М.А. Антонович. Воспоминания. Г.З. Елисеев. Воспоминания. М.; Л., 1933. С. 346.

² Там же. С. 347.

ла. На вопрос Некрасова о том, как же быть с Елисеевым, ведь он тоже входит в состав редакции, Жуковский заявил, что вообще не имел его в виду, но если Некрасов настаивает на его приглашении в журнал, пусть оплачивает его труд из своей доли»¹.

Подобные условия были для Некрасова неприемлемы, во-первых, потому что ущемлялись права одного из давних сотрудников запрещённого «Современника», а во-вторых, он считал Елисеева талантливым публицистом, прекрасно ориентирующимся в вопросах внутренней жизни страны, без освещения которой не мог существовать новый журнал.

При отстаивании кандидатуры Елисеева Некрасова несколько не смущали его политическая «неблагонадёжность» и то, что за ним после каракозовского процесса был установлен негласный полицейский надзор. О неприятностях, которые могли ожидать обновлённые «Отечественные записки», если в них будет участвовать Елисеев, предупреждал Некрасова А.Н. Пыпин, который писал поэту, что за Елисеевым «тянется неприятный для журнала хвост, который всегда будет вредить журналу»². Говоря о «хвосте», пояснял Елисеев в своих воспоминаниях, Пыпин разумел, вероятно, «моё сидение в крепости, и учреждённый затем над мною полицейский надзор, и большое или меньшее моё знакомство с теми лицами, которые во время каракозовской истории подвергались одинаковой со мной участи»³.

Итак, Некрасов сделал свой выбор. Однако и после провала переговоров с бывшими своими сотрудниками он, как человек принципиальный и всегда ставивший интересы общего дела выше личных обид, не исключал возможности их участия в новом журнале.

Как свидетельствует переписка Некрасова и Елисеева начала 1868 года, оба они принимали самое живейшее участие в обсуждении всех материалов, которые предполагалось поместить в обновлённых «Отечественных записках». В чём-то их мнения совпадали, в чём-то расходились. Шла обычная журнальная работа. В редакции царил деловая и творческая атмосфера, которая сохранилась и после того, как в августе 1868 года, после выхода в отставку, к Некрасову и Елисееву присоединился Салтыков.

О том, как строились взаимоотношения в редакции «Отечественных записок», Некрасов чуть позже написал в письме от 27 февраля 1874 года Я.П. Полонскому, который, получив отказ опубликовать его поэму «Келиот», причину этого усмотрел в том,

¹ Шестидесятые годы. М.А. Антонович. Воспоминания. Г.З. Елисеев. Воспоминания. М.; Л., 1933. С. 353.

² Там же. С. 356.

³ Там же.

что сотрудники журнала (в первую очередь Салтыков и Елисеев) мнение поэта «ни в грош не ставят»¹, и высказал сожаление по поводу утраты им свободы в решении редакционных дел. Некрасов ответил: «Вы... сожалеете о порабощении моей свободы. На это скажу Вам: 1) не я один редактор “Отечественных записок”: нас трое, и мы *равноправны* [выделено Некрасовым. — Н.Я.], 2) никакое общее дело не может идти без некоторой взаимной уступчивости, и если я уступаю своим товарищам, то и они мне уступают в свою очередь; если Вы точно болеете за мою свободу, то это может Вас успокоить»². И далее Некрасов разъяснял своему корреспонденту, что в отказе напечатать в журнале то или иное произведение нет ничего особенного, так как решение об этом принимается по согласованию со всеми членами редакции.

Письмо это лишний раз свидетельствует о том, что в «Отечественных записках» царило взаимопонимание и уважительное отношение к мнению каждого из соредакторов журнала.

К этому следует добавить, что Некрасов всегда заботился о том, чтобы его сотрудники не испытывали материальных затруднений. Подтверждением этого может служить его письмо к Краевскому, где он писал: «Я очень рад, что Вы, как пишет мне Елисеев, не отказали ему в деньгах, несмотря на то, что он уже изрядно должен и конторе “Отеч<ественных> зап<исок>”, и мне лично»³. Мало того, Некрасов постоянно следил за справедливым распределением доходов журнала между своими соредакторами. С этой целью он составил внутрив редакционное соглашение, чётко регулирующее материальное вознаграждение Елисеева, Салтыкова и его самого. Соглашение это в связи с расширением подписки на «Отечественные записки» и увеличением доходов журнала постоянно пересматривалось, и устанавливались дополнительные выплаты. Поэтому никаких трений в связи с оплатой труда каждого из соредакторов в «Отечественных записках» никогда не возникало.

Но неверно предполагать, что в редакции не было никаких разногласий. Они, конечно же, были. Известно, например, что Салтыков неоднократно критически отзывался о некоторых статьях Елисеева. Возникали недоразумения и между Некрасовым и Елисеевым. Так, летом 1869 года, находясь за границей, Некрасов договорился с бывшим сотрудником «Русского слова» В.А. Зайцевым, жившим тогда в эмиграции, о его сотрудничестве в «Отечественных записках». Однако Елисеев, познакомившись со статьёй Зайцева «Новое правительство», решил, что она слишком «беспокойная» и «радикальнейшая» и что с ней «ничего нельзя

¹ Переписка Н.А. Некрасова: в 2 т. Т. 2. М., 1987. С. 177.

² Там же. С. 179.

³ Там же. С. 329.

более делать, как отправить её обратно»¹. И Некрасов с доводами Елисеева согласился.

Порой между ними возникали более серьёзные разногласия. Примером может служить такой факт. В конце 1871 года Некрасов, не предупредив Елисеева, который отвечал в журнале за публицистику и литературную критику, отстранил Н.С. Курочкина от заведования отделом «Новые книги». Решение это было вполне оправданным, поскольку библиографический отдел под руководством Курочкина был далёк от совершенства и вызывал справедливые нарекания со стороны сотрудников «Отечественных записок». В частности, Салтыков ещё летом 1869 года писал Некрасову: «Библиография... совсем плоха, надо бы что-нибудь сделать»². И Некрасов, хотя и не сразу, но всё-таки решил провести соответствующую реорганизацию. Но сделал это не очень тактично. Не переговорив ни с Елисеевым, ни с Курочкиным, он поставил обоих перед свершившимся фактом.

Елисеев обиделся и написал Некрасову достаточно резкое письмо, в котором, между прочим, упрекнул поэта в невнимательности к своим сотрудникам, в непоследовательности принятия решений и т.п. Он писал: «Помимо меня был решён план о новом устройстве библиографии»³. Кроме того, был несправедливо обижен близкий Елисееву человек (Курочкин), который чрезвычайно болезненно прореагировал на своё перемещение в редакции.

Конфликт был разрешён не без взаимных уступок. Известно, что Елисеев предложил свой план реорганизации библиографического отдела, который Некрасов отверг. В свою очередь, чтобы не обострять внутриредакционных разногласий, он отказался и от своего плана. В результате решено было за лучшее пока вообще закрыть отдел на неопределённое время. Лишь спустя шесть лет, в 1878 году, «Библиография» снова появилась на страницах журнала.

Ещё более серьёзный конфликт между Некрасовым и Елисеевым возник в 1876 году. Дело заключалось в следующем. В январском «Внутреннем обозрении» за 1876 год Елисеев писал о на шумевшем в своё время деле Кронеберга (Кроненберга), обвинявшегося в истязании своей тринадцатилетней дочери, и поэтому полагал, что именно он будет освещать судебный процесс по этому делу. Однако Некрасов, ничего не сказав Елисееву, заказал статью о деле Кронеберга Салтыкову. Произошло это по элементарной забывчивости Некрасова. Однако Елисееву показалось, что это неспроста, что Некрасов, вероятно, недоволен им и не до-

¹ Переписка Н.А. Некрасова: в 2 т. Т. 2. М., 1987. С. 456.

² Там же. С. 248.

³ Переписка Н.А. Некрасова: в 2 т. Т. 1. М., 1987. С. 458.

веряет ему. В письме к Салтыкову он жаловался: «Некрасов мне не сказал ни слова о том, что заказал вам статью о Кронеберге. Этому обстоятельству, по-видимому не важному, я придаю особенное значение... Если бы дело делалось без всякой задней мысли, то, заказав Вам статью о Кронеберге, Некрасов должен бы был сказать мне об этом. Но Некрасов скрыл от меня это. Как это понимать, я и ума не приложу»¹.

Во всяком случае, Елисеев отправился к Некрасову и, как он сам рассказывал в том же письме к Салтыкову, попросил «отставки от "Отечественных записок"». «Думал попаду прямо в его душевную мысль. "Нет, — даже как будто огорчился. — Да что вы? — говорит, да как, да из-за чего, да для чего, да почему", — доискивается всяких причин. — Да никаких, — говорю, — особенных причин нет, а вот мои соображения: мне уже 56-й год; долго я, верно, не проживу: хочется при конце жизни иметь побольше свободы и спокойствия. Внутренним обозревателем я останусь, но жить буду, — где и как мне угодно. Потом, — говорю, — имею я в виду выгоды журнала. С моей отставкой от редакции у журнала прибудет порядочное количество денег. "Нет, говорит, как можно! Что деньги! Ваша часть от Вас неотъемлема, но Вы необходимы для журнала, мне нужно быть непременно в той обстановке, в какой я теперь, — без этого я сам уйду, пожалуй, из журнала". Вот его подлинные слова. А между тем... но, одним словом: если он говорит искренне, то я ничего не понимаю. Само собою разумеется, я отвечал ему, что если он моё участие в редакции считает нужным для пользы журнала, то я останусь, потому что заинтересован в успехе журнала более чем кто-нибудь»².

Как видим, и в данном случае всё уладилось. Конечно же, были и другие разногласия, но они не носили принципиального характера и ни в коей мере не отражались ни на ведении журнала, ни на личных взаимоотношениях соредакторов «Отечественных записок».

Высоко ценя Некрасова как «лучшего русского поэта, которым зачитывалась вся Россия», как выдающегося организатора журнального дела, Елисеев весьма критически относился к некоторым сторонам личности поэта и образу его жизни. Как вспоминал Н.К. Михайловский, ему не раз «случалось слышать от него очень резкие отзывы о нравственной личности поэта»³. Об этом же писал и С.Н. Кривенко, отмечавший, что насколько Елисеев «любил

¹ Письма Г.З. Елисеева к М.Е. Салтыкову-Щедрину. М., 1935. С. 37.

² Там же. С. 36.

³ Михайловский Н.К. Литературные воспоминания и современная смута. Т. 1. СПб., 1900. С. 34.

Салтыкова, настолько же лично ему был неприятен Некрасов. К Салтыкову, например, и некоторым сотрудникам... он сам меня звал и ехал с удовольствием, а к Некрасову, когда тот позвал нас обедать, ехал с такого рода комментариями: “Ох, уж и не люблю я этих его обедов. Есть ведь редакционные обеды, так вот нет — ещё и у него пообедайте: а там чёрт знает кого можно встретить”». Кстати, эти обеды недолюбливал и Салтыков.

Всё это объяснялось несколькими причинами. И прежде всего тем, что по своей натуре Елисеев был типичным разночинцем, и он неодобрительно смотрел на стремление Некрасова поддерживать знакомства с людьми чуждого ему круга и на роскошный, с его точки зрения, образ жизни, который вёл поэт. Позднее Елисеев поймёт, что всё это было связано не столько с личными пристрастиями Некрасова, сколько с целью отвлечь внимание правительства от «крамольного» направления своего журнала и уберечь его от цензурных преследований. Ради этого он старался выглядеть в глазах официальных кругов лояльным человеком и представить свой журнал скорее коммерческим предприятием, нежели оппозиционным изданием. Елисеев это понял позже и в своих поздних суждениях о Некрасове не только не осуждал, но даже оправдывал его поведение.

Кстати, свидетельства Михайловского и Кривенко об отношении Елисеева к Некрасову не следует воспринимать буквально. Конечно, Елисеев мог высказать в адрес Некрасова несколько нелицеприятных слов. Однако он считал его хорошим и глубоко порядочным человеком и не один раз открыто выступал в его защиту от несправедливых обвинений и клеветнических нападок. Об этом, в частности, свидетельствует история, связанная с памфлетом Антоновича и Жуковского «Материалы для характеристики современной русской литературы», опубликованным в начале 1869 года. В нём бывшие сотрудники «Современника», отстранённые от участия в обновлённых «Отечественных записках», обрушили на Некрасова и руководимый им журнал поток несправедливых, граничивших с клеветой обвинений. Они попытались доказать, что Некрасов как поэт и редактор журнала изменил прежним своим демократическим убеждениям и подчинил свою деятельность денежному расчёту и угодничеству перед правительством. Помимо Некрасова в отступничестве обвинялась и вся редакция «Отечественных записок», и прежде всего Елисеев. Нельзя сказать, что всё написанное Антоновичем и Жуковским о Некрасове было неправдой, но многие факты, приведённые в памфлете, освещались тенденциозно и с явным желанием опорочить имя поэта. Так, например, авторы не упустили случая

лишний раз вспомнить о «муравьёвской» оде, прочитанной Некрасовым, и о том, какое впечатление она произвела в демократически настроенных слоях русского общества.

Но даже не это было главным. Некрасова глубоко обидело то, что обвинения в адрес его и новой редакции «Отечественных записок» исходили от тех, кого он совсем недавно считал своими единомышленниками. О впечатлении, которое в редакции «Отечественных записок» произвёл памфлет Антоновича и Жуковского, вспоминал позднее Н.К. Михайловский, который писал, что, придя в день его публикации на квартиру к Некрасову, «застал там переполох. Салтыков рвал и метал, направляя по адресу авторов брошюры совершенно нецензурные эпитеты. Елисеев сидел молча... и думал, очевидно, невесёлую думу... Сам Некрасов произвёл на меня истинно удручающее впечатление... Он прямо-таки заболел, и я как сейчас вижу его вдруг осунувшуюся, точно постаревшую фигуру в халате»¹.

Естественно, что обвинения, адресованные Некрасову и «Отечественным запискам», нельзя было оставить без ответа. Но сам Некрасов, в силу целого ряда тактических, этических и психологических причин, не мог выступить с какими-либо объяснениями и оправданиями. Это сделали Салтыков в обширной рецензии на «Материалы...» и Елисеев в статье «Ответ на критику», опубликованных в апрельской книжке «Отечественных записок» за 1869 год. В частности, Елисеев, не выступая открыто в защиту Некрасова (что было бы не совсем корректно), вслед за Салтыковым заявил, что брошюра Антоновича и Жуковского «есть не что иное, как пасквиль, и что в ней кроме личных дразгов и грязи... ничего нет и появление её на свет никаким общим интересом не вызывалось и ничем не может быть оправдано», что там «такая масса инсинуаций, сплетен, кривых толкований, извращающих смысл фактов, подсказываний и разного рода произвольных сообщений и измышлений, что стираются всякие грани между истиною и ложью»².

Почти одновременно с появлением брошюры Антоновича и Жуковского в мартовском номере журнала «Вестник Европы» были опубликованы «Воспоминания о Белинском» И.С. Тургенева, куда оказались включёнными отрывки из писем В.Г. Белинского, содержавшие достаточно резкие высказывания критика о позиции Некрасова в период формирования редакции «Современника» в конце 1846 года. При этом Тургенев утверждал, что

¹ Михайловский Н.К. Литературные воспоминания и современная смута. Т. 1. СПб., 1900. С. 74.

² Елисеев Г.З. Ответ на критику // Отечественные записки. 1869. № 4. С. 336–337.

Белинский «был постепенно и очень искусно устранён [Некрасовым] от журнала, который был создан собственно для него»¹.

Письма критика были подобраны весьма тенденциозно. Тургенев использовал те из них, в которых действительно содержались упрёки и жалобы Белинского на своё положение в журнале, причём Тургенев не указал на то, что имелись и другие письма (например, к В.П. Боткину), где эти упрёки снимались.

Пристрастность Тургенева при публикации писем Белинского имела своей целью бросить тень на Некрасова. К тому же он назвал поэта «богатым человеком» и «официальным поэтом Английского клуба», намекая на чтение Некрасовым оды М.Н. Муравьеву. Враждебное отношение Тургенева к Некрасову, с которым его когда-то связывала многолетняя дружба, явилось продолжением конфликта, возникшего между ними после раскола в редакции «Современника» в связи с публикацией статьи Добролюбова о романе «Накануне».

«Воспоминания» Тургенева Некрасов прочитал, находясь за границей. «Тургенев, имеющий свои причины пакостить мне, является на помощь Антоновичу»² — вот как расценил Некрасов публикацию своим недавним другом писем Белинского.

Если на появление памфлета Антоновича и Жуковского редакция «Отечественных записок» откликнулась, то по поводу воспоминаний Тургенева на страницах журнала не было сказано ни слова. И лишь много лет спустя, уже после смерти Некрасова, Елисеев попытался объяснить цель, которой руководствовался Тургенев, публикуя письма Белинского, и причину молчания «Отечественных записок». В апрельском «Внутреннем обозрении» за 1879 год публицист писал, что Тургенев свои недоброжелательные чувства к «Современнику» перенёс на «Отечественные записки». Этим, по мнению Елисеева, и объясняется появление отрывков из писем Белинского, где речь шла о Некрасове. Эта публикация, продолжает он, была бы уместна лишь в том случае, если в печати уже появились бы разные суждения о поэте, как его друзей, так и недругов. Но в то время, т.е. в 1869 году, знакомя читателей с письмами Белинского, Тургенев преследовал одну цель — «набросить неблагоприятную тень на человека в глазах других»³. Елисеев был убеждён, что «И.С. Тургенев очень хорошо понимал такое значение своего материала и потому обнародовал его не тотчас после размолвки с Некрасовым, когда ещё сущест-

¹ Тургенев И.С. Воспоминания о Белинском // Тургенев И.С. Соч.: в 15 т. Т. 14. М.; Л., 1967. С. 51.

² Переписка Н.А. Некрасова: в 2 т. Т. 2. М., 1987. С. 243.

³ Елисеев Г.З. Внутреннее обозрение // Отечественные записки. 1879. № 4. С. 228.

вовал “Современник” и когда цель несвоевременного обнародования подобного материала была бы всем понятна и вооружила бы в глазах всех не против Некрасова, а против него самого. Нет, И.С. Тургенев как отличный охотник терпеливо выжидал самого удобного момента для нападения на своего противника. После закрытия “Современника”, когда на Некрасова посыпались удары с разных сторон, в это время И.С. Тургенев счёл нужным обнародовать свой драгоценный материал. Момент был выбран самый удобный, и удар нанесён очень ловко. Что мог отвечать на это Некрасов, при существовавшем тогда неприязненным к нему настроении публики?! Всё, что бы он ни ответил, только усилило бы брошенное на него подозрение и вызвало бы насмешки в журналистике»¹.

Это, вне всякого сомнения, понимал и сам Некрасов. К тому же не в его правилах было публично оправдываться и объясняться со своими недругами. И лишь в набросках писем к Салтыкову (сохранившихся в бумагах поэта) Некрасов подробно рассказал о сущности недоразумений, возникших у него с Белинским, и об их преодолении.

Отказавшись от каких-либо публичных объяснений, Некрасов, по всей вероятности, запретил это делать и своим сотрудникам, считая, что это не пойдёт на пользу ни журналу, ни ему самому.

Вся эта история тяжело отразилась на настроении Некрасова, и только к середине лета 1869 года он несколько успокоился, о чём и написал Елисееву. К сожалению, письмо это не сохранилось. Однако о его содержании можно судить по ответному посланию Елисеева от 9 июля 1869 года. «Очень благодарен Вам за известие о Вашем пребывании и состоянии Вашего духа, — писал он. — Хотя я и прежде не лишён был некоторых о Вас сведений, но так как сведения эти были передаточные, а не личного впечатления, то были недостаточно ясны и тверды. Письмо Ваше было тем приятнее для меня, что я его никак не ожидал. Ибо сам писать письма крайне ленив и, когда был за границею, едва ли написал три письма в Россию, потому думал, что и Вам за границею не до писем, исключая, разумеется, самых необходимых»². И далее Елисеев подробно информировал Некрасова обо всём, что происходит в редакции «Отечественных записок». «Дела по журналу, — писал он, — идут у нас вообще мирно и ладно, в частности с хозяином [А.А. Краевским. — Н.Я.] тоже, только Феофила [Ф.М. Толстой, исполнявший в это время обязанности начальни-

¹ Елисеев Г.З. Внутреннее обозрение // Отечественные записки. 1879. № 4. С. 228.

² Переписка Н.А. Некрасова: в 2 т. Т. 2. М., 1987. С. 454.

ка Главного управления по делам печати. — *Н.Я.*] причиняет по временам досады и горести»¹.

Тон письма Елисеева, очень дружеский и проникнутый заботой о состоянии духа поэта, лишний раз свидетельствует о достаточно тёплых и доверительных отношениях, сложившихся к этому времени между Некрасовым и Елисеевым.

Казалось бы, что после публикации писем Белинского к В.П. Боткину в «С.-Петербургских ведомостях», разъяснивших сущность конфликта, возникшего между критиком и Некрасовым, на всей этой истории поставлена точка. Однако спустя некоторое время кому-то снова потребовалось обострить отношения между Тургеневым и Некрасовым. Об этом факте до сих пор не упоминалось ни в одном исследовании. Но об этом свидетельствует неопубликованное письмо Е.П. Елисеевой к писательнице М.А. Маркович (Марко Вовчок) от 12 июня 1870 года. В нём говорилось, что в литературных кругах стали распространяться слухи о том, что Тургенев, приехавший в Россию в конце мая 1870 года, намерен предать гласности якобы имеющееся у него письмо Некрасова к Герцену, в котором речь шла о так называемом огарёвском деле и о роли в нём поэта. Причём утверждалось, что в этом письме Некрасов выглядит не лучшим образом. Вот что писала об этом Е.П. Елисеева своей корреспондентке: «Кстати о Некрасове, хотя Вы знаете, что я только поклонница его поэтического таланта, а как на человека я смотрю на него как на дюжиного, и некоторые стороны — Вы знаете — меня даже отталкивают от него, но всё-таки едва ли кому-нибудь приходилось так часто вести борьбу из-за него, как мне. Я терпеть не могу уклоняться (что, разумеется, было бы благоразумнее), когда задевают людей, по-моему, несправедливо. Представьте себе, что я здесь слышу, что одна из главных причин поездки Тургенева в Петербург есть напечатать письмо к покойному Герцену относительно дела Огарёва и ещё кое-что обличающее Некр<асова> и, так сказать, изничтожающее его и что, дескать, Тур<генева> в Петербурге умоляли пощадить Нек<расова>, и он был так велик, что сжалился над русскою литературою и обещал помиловать Нек<расова>. На что я сказала (что готова повторить, если бы случилось, самому г-ну Тургеневу), что он врёт, что никаких писем, которые бы Нек<расов> не мог опровергнуть, когда бы дело пошло гласным путём, он не имеет. В этом я Нек<расову> верю. Нек<расов> очень умён для того, чтобы не понять, что в таких вещах ещё более истина не только честнее, но и выгоднее. Во-вторых, положим даже Тургенев имеет что-нибудь гибельное для Нек<расова>, на мой взгляд, хороший человек не станет так

¹ Переписка Н.А. Некрасова: в 2 т. Т. 2. М., 1987. С. 454.

поступать даже и не в видах блага русской литературы подобные вещи или ставятся в открытие, или их никто не знает; а то ставить себя на пьедестал охранителя русской литературы на счёт другого и таким способом, что обвиняемый не имеет никакой возможности защитить себя, что было бы подчас необходимо, так как податливых голов много. Мне кажется (если это правда), что г-н Тур<генев> не рассчитал, что есть люди, для которых подобный образ действия кажется, по малой мере, глупым, чтобы не сказать чего больше. Но, пожалуй, придумал это какой-нибудь недруг Некрасова и равномерно Тургенева, чтобы поймать двух зайцев. В видах той же русской литературы я не желала бы, чтобы Тургенев мог так поступить, т.е. из-за угла метить в неприятеля. Вы его знаете, скажите, в его ли характере так действовать?»¹

Что ответила на этот вопрос М.А. Маркович, мы не знаем. Но это не столь уж и важно. Письмо Е.П. Елисеевой интересно прежде всего тем, что в нём нашло своё отражение мнение о Некрасове не только Екатерины Павловны, но и Г.З. Елисеева, поскольку, как свидетельствовали современники, она очень часто, в силу своей непосредственности и эмоционального характера, высказывала то, о чём её муж предпочитал не очень распространяться. Что же касается слухов о намерении Тургенева опубликовать материалы, компрометирующие Некрасова, то, по всей вероятности, Е.П. Елисеева была права, утверждая, что всю эту историю «придумали недруги Некрасова и равномерно Тургенева». И хотя эта история не имела последствий, но она лишний раз свидетельствовала о той злобной кампании, которая велась в те годы вокруг имени и репутации поэта. Во всяком случае, письмо говорит о том, как близко воспринимала чета Елисеевых всё, что касалось Некрасова, и об их готовности защитить его имя от нападок недоброжелателей.

О близких отношениях, сложившихся между Некрасовым и Елисеевым, говорит и такой факт. В конце февраля 1872 года в связи с отъездом А.А. Краевского, являвшегося официальным редактором «Отечественных записок», за границу Некрасов принял очередную (четвёртую по счёту) попытку освободиться от его редакторского имени на титульном листе журнала. Прежде чем обратиться с официальным ходатайством об этом в Главное управление по делам печати, он предложил стать ответственным редактором «Отечественных записок» Елисееву. И невольно возникает вопрос, а почему именно ему, а не Салтыкову, Некрасов сделал это предложение. По всей вероятности, он исходил из того, что Елисеев имел уже достаточно большой опыт руководства периодическими изданиями (в своё время он редактировал журнал

¹ РО ИРЛИ. Ф. 9476/LV16. Л. 7 об.

«Век» и газету «Очерки»). К тому же Некрасов, по-видимому, считал, что Елисеев, в отличие от импульсивного и вспылчивого Салтыкова, будучи человеком сдержанным и умеющим контролировать своё поведение, лучше сумеет найти взаимопонимание с цензурным ведомством.

О чём конкретно Некрасов говорил с Елисеевым и какие убедительные аргументы в пользу своего предложения он выдвигал, мы не знаем. Но из сохранившегося письма Елисеева к поэту известно, что одним из таких аргументов являлось намерение Некрасова выплачивать ему за новые обязанности дополнительное вознаграждение в сумме 2000 рублей в год. И именно это обстоятельство оказалось для Елисеева неприемлемым, поскольку был он человеком скромным и никогда не требовал никаких привилегий в оплате своего труда. Поэтому он решил, что особое вознаграждение за то, что он будет считаться ответственным редактором, в какой-то мере может ущемить материальные интересы других сотрудников журнала. В связи с этим Елисеев писал Некрасову: «Поразмыслив о редакторстве, я пришёл к следующим соображениям, которые и считаю нужным сообщить Вам для правильной постановки дела. Ответственное редакторство ни на одну йоту не увеличит моей работы. Краевский не берёт денег за редакторство [он получал деньги только за аренду журнала. — *Н.Я.*]. Вы говорите, что также не будете брать, если Вас утвердят редактором. За что же буду брать я? Это одно соображение. А вот другое: если я буду получать 2000 р. в год, то этим уничтожится почти вся та сумма, которая делится между нами, и Салтыков моим жалованием будет конфискован на 1000 и более рублей в год. Для него это будет материально чувствительно, и нравственно обидно, а этого ни Вы, ни я никак не можем желать.

Было бы справедливо, чтобы я ничего не брал за редакцию как за дело, не прибавляющее никакой работы, и как за это не берёт Краевский и не стали бы брать Вы. Но я нахожусь в другом положении и не прочь получать что-нибудь. Размер этого *что-нибудь* [подчёркнуто Елисеевым. — *Н.Я.*] безобидно, мне кажется, может быть определён следующим образом:

Из сторонних лиц можно бы было найти номинального редактора за сумму от 600 до 1200 р. в год. Мне кажется, средняя этих сумм будет достаточным вознаграждением за редакторство и для меня. Эта средняя, т.е. 900 р. при 6000 подписчиках, будет составлять 15 к. с рыла. Очень довольно!»¹

Одним словом, Елисеев в принципе принял предложение Некрасова, но настаивал на значительном уменьшении своего вознаграждения за новую должность.

¹ Переписка Н.А. Некрасова: в 2 т. Т. 2. М., 1987. С. 459–460.

Хлопоты Некрасова о смене официального редактора и на этот раз ни к чему не привели. Главное управление по делам печати наотрез отказалось даже рассматривать кандидатуру как самого Некрасова, так и Елисеева.

Весьма любопытна была реакция Е.П. Елисеевой на инициативу Некрасова сделать её мужа ответственным редактором «Отечественных записок». В своём ранее не публиковавшемся письме к Некрасову от 14 марта 1872 года она с присущей ей непосредственностью писала: «Вы, Николай Алексеевич, хороший человек, — именно тем, что никогда не поленитесь из своего положения извлечь пользу для блага ближнего. Это при современной скудости общественных добродетелей есть черта, достойная всякого уважения, — я действительно глубоко уважаю в Вас это свойство, говорю я Вам это не только по данному случаю, а хочу Вам сказать, что, насколько я Вас знаю в продолжение всего времени, я сделала себе именно такой вывод, — и в этом отношении едва ли Вас кто-нибудь так ценит, как я» (подчёркнуто автором. — *Н.Я.*)¹. Такое отношение к Некрасову, вне всякого сомнения, разделял и её муж.

Начиная с этого времени (а не с 1876 года, как утверждают некоторые исследователи), многое изменилось во взаимоотношениях Некрасова и Елисеева. Они стали внимательнее, терпимее и сердечнее относиться друг к другу, хотя и старались не показывать этого, поскольку оба были людьми сдержанными в проявлении своих чувств. Но нельзя не обратить внимания на то, как изменился тон и характер их писем. Теперь они сообщают друг другу не только сведения о журнальных делах, но и о делах сугубо личных, о чём раньше никогда не писали. Так, в письме от 18 августа 1875 года Елисеев подробно описывает свои впечатления о пребывании за границей, о своей озабоченности состоянием здоровья Салтыкова и других сугубо житейских делах. Узнав о серьёзности болезни Некрасова, Елисеев писал ему в конце сентября 1876 года: «Я был уверен, что Вы после моего отъезда за границу поправились, а в Крым отправились только освежиться и покупаться. Лишь на днях из письма Вашего к Салтыкову я узнал, что Вы всё продолжаете хворать, по прибытии чувствуете себя всё не по себе. Не могу выразить Вам, как эта весть огорчила не только меня, но и мою жену, и не эгоистично только, не потому, что Вы стоите во главе нашего общего дела, а лично за Вас. В наши лета и так не особенно много радостей, а тут, чёрт возьми, ещё хворь навяжется, которая не даёт покою ни днём, ни ночью и просто даже как-нибудь жить не даёт». И далее Елисеев советует Некрасову не торопиться с возвращением в Петербург и как

¹ РО ИРЛИ. Ф. 203. Ед. хр. 72. Некрасовский музей. Л. 1.

следует полечиться: «В Ялте и климат хорош, и, кроме того, по верованию многих докторов, море насыщает воздух такими частицами, которые, дескать, имеют силу целить болезни, совсем не доступные до сведения современной медицины»¹. Как следует из письма Елисеева, Некрасов просил его присмотреть за своей квартирой. «В доме у Вас, — писал Елисеев, — как кажется, обстоит всё благополучно. Ваш домовник кучер такая симпатичная личность, какую отыскать трудно, вот человек, которого нельзя не любить и на которого во всём можно положиться, как на каменную гору.

До свидания. Выздоровлявайте скорее. Мой поклон Зинаиде Николаевне, таковой же от моей жены, которая кланяется также Вам и просит напомнить Вам о давно уже обещанном портрете»². Упоминание о портрете, обещанном Е.П. Елисеевой, лишний раз говорит о тёплых и сердечных отношениях между четой Елисеевых и Некрасовым.

Елисеев, конечно же, знал о неизлечимой болезни поэта, но не терял надежду, что он поправится, пытался отвлечь его от грустных мыслей и утешить.

В последний год жизни поэта его отношение к Елисееву стало не только дружеским, но и очень доверительным. Именно его он просил присутствовать при обряде венчания с Зинаидой Николаевной в своей квартире, его сделал одним из своих душеприказчиков, ему подарил свои самые искренние и трагические стихотворения «Ликует враг, молчит в недоуменье...» и «Зачем меня на части рвёте...». А когда Некрасову стало совсем плохо, Елисеев почти не покидал его квартиру. Как вспоминала Е.П. Елисеева, она тоже часто навещала больного поэта. А однажды весной 1877 года Некрасов «сам пожелал её видеть» и во время встречи сказал: «Я хочу, чтобы Вы знали и передали Григорию Захаровичу то, чего я никогда не говорил: я смотрел на него, как на умного, полезного и достойного человека, но особенной цены я ему не придавал, и только с «Отечественных» записок» я вполне понял, каков он в действительности и чем он был для меня лично и для литературы»³.

После смерти Некрасова во многих журналах и газетах были опубликованы разного рода статьи, заметки, некрологи и т.п., посвящённые умершему поэту. Не промолчал и Елисеев. Во «Внутреннем обозрении», написанном для январской книжки «Отечественных записок», он подробно рассказал о похоронах Некрасова. Публицист отметил, что проститься с любимым поэ-

¹ Переписка Н.А. Некрасова: в 2 т. Т. 2. М., 1987. С. 464.

² Там же. С. 465.

³ Шестидесятые годы. М.А. Антонович. Воспоминания. Г.З. Елисеев. Воспоминания. М.; Л., 1933. С. 457.

том пришёл «весь интеллигентный Петербург, вся лучшая будущая Россия». «Похороны Некрасова, — писал Елисеев, — были торжеством того нового направления литературы, во главе которого стоял Некрасов как поэт и журналист. Своим сочувствием к покойному, признанием его заслуг интеллигентное общество указало тот путь, по которому должен идти каждый талант, чтобы удостоиться общественного признания»¹. Елисеев поведал читателям, какие нравственные муки довелось пережить Некрасову в связи со злобными нападками на него после чтения «муравьёвской» оды и как он перед смертью старался не оправдаться, а объяснить причину своего поступка. И в подтверждение этого Елисеев привёл в своей статье никогда до этого не печатавшиеся стихотворения «Ликует враг, молчит в недоуменье...» и «Зачем меня на части рвёте...», которые подарил ему Некрасов незадолго до смерти. К сожалению, стихи эти так и не дошли до читателя, поскольку весь раздел «Внутреннего обозрения», посвящённый Некрасову, был запрещён цензурой. Только через год Елисееву удалось включить в первое посмертное собрание сочинений поэта стихотворение «Ликует враг, молчит в недоуменье...», а «Зачем меня на части рвёте...» было опубликовано через тридцать лет в книге «Н.А. Некрасов в воспоминаниях современников, письмах и несобранных произведениях» (М., 1911).

В запрещённом цензурой разделе «Внутреннего обозрения» Елисеева содержался интересный рассказ публициста о посещении больного Некрасова делегацией петербургских студентов, пришедших выразить поэту свою любовь и сочувствие. «Я уверен, — писал Елисеев, присутствовавший при этой встрече, — что в это время он [Некрасов] переживал лучшие минуты в своей жизни, и не могу не прибавить к этому, что счастливая мысль молодого поколения заявить своё сочувствие больному поэту была лучшим лекарством для него. Она умиротворяла его мятущуюся душу, дав ему ясно разуметь, что враги его напрасно ликовали, что за него Россия и её молодое поколение»².

Вскоре после смерти Некрасова вышел из печати сборник «На память Николая Алексеевича Некрасова», куда были включены статьи, заметки, некрологи, многие из которых принадлежали перу известных деятелей литературы. Однако далеко не всё сказанное ими об умершем поэте раскрывало подлинное значение его поэзии и роль в отечественной литературе и журналистике. Это обстоятельство не прошло мимо внимания Елисеева. В своём «Внутреннем обозрении», опубликованном в мартовской книжке

¹ *Евгеньев-Максимов В.Е.* Похороны Некрасова (Запрещённая статья Г.З. Елисеева) // Пролетарские писатели — Некрасову. М.; Л., 1928. С. 66.

² Там же. С. 71–72.

«Отечественных записок» за 1878 год, он писал, что в сборник, за исключением одной-двух статей, вошло много «ни к чему не годного газетного хлама»¹, в том числе разного рода сплетен, изречений поэта, высказанных «в тесном кружке, интимных беседах»², требующих специального разъяснения. «Я уверен, — писал Елисеев, — что когда впоследствии обнародованы будут все воспоминания, записки и заметки о Некрасове, то суждения и мнения о нём разных лиц поразят всех своим противоречием... Но тогда личность Некрасова будет вполне понятна и разъяснима, и не трудно будет видеть, что он говорил и делал действительно по душе и что только ради аккомодации к обстоятельствам и *ad hominem* [применительно к человеку (лат.). — *Н.Я.*]. Теперь же всякий одинокий факт, вырванный из необщественной деятельности Некрасова и тем более из *quasi*-интимных его откровений, может бросить только тень на покойного, может быть не совсем верную, и служить основанием для разного рода сплетен и выводов, не менее оскорбительных для памяти покойного и, кроме того, дающих фальшивое освещение всей его деятельности»³.

Давая оценку материалам, включённым в сборник, Елисеев особое внимание уделил опровержению мнений и суждений о Некрасове А.С. Суворина и Ф.М. Достоевского. Резкую отповедь публициста вызвало утверждение Суворина, что целью всей жизни умершего поэта было обогащение, поскольку ещё в молодости он поклялся «не умереть на чердаке», о чём якобы ему говорил сам Некрасов. По мнению Елисеева, подобные слова поэт мог сказать в приватном разговоре, но ведь вся его деятельность свидетельствует о том, что деньги никогда не являлись для него главным и определяющим стимулом.

Не согласился Елисеев и с рядом положений статьи Достоевского «Смерть Некрасова. О том, что сказано было на его могиле». В частности, возражение публициста вызвало утверждение писателя, что «демоном», всегда мучившим Некрасова, был «миллион». Правда, не в собственном смысле этого слова. Это был, по словам Достоевского, «демон гордости, жажды самообеспечения, потребности оградиться от людей твёрдой стеной и независимо смотреть на их злость, на их участь»⁴.

Возражение Елисеева вызвало и утверждение Достоевского, что Некрасов в силу своего неглубокого образования не имел собственных убеждений и находился под влиянием людей, его

¹ Елисеев Г.З. Внутреннее обозрение // Отечественные записки. 1878. № 3. С. 118.

² Там же. С. 119.

³ Там же. С. 120.

⁴ Евгений-Максимов В.Е. Похороны Некрасова (Запрещённая статья Г.З. Елисеева) // Пролетарские писатели — Некрасову. М.; Л., 1928. С. 123.

окружавших, и что «большая часть его стихотворений писалась под чужим внушением»¹. «Отрицать самостоятельность Некрасова, — писал Елисеев, — значит не только унижать, но и совершенно уничтожить значение Некрасова, низводить его на степень простого стихослагателя и рифмача...»²

Суровую отповедь Елисеев дал и тем, кто ценил Некрасова только как редактора, умевшего проводить свой журнал через цензурные рогатки. «Россия, — утверждал Елисеев, — знала и ценила Некрасова только как поэта, и в этом только смысле значение Некрасова было громадно и останется незаменимым для неё до появления нового подобного поэта»³

Для Елисеева Некрасов — это поэт, на стихах которого «воспитались смысл и чувство многих поколений в том направлении, которого он желал»⁴.

Отвечая тем, кто считал поэзию Некрасова односторонней и нехудожественной, Елисеев писал: «И в художественном отношении стихи Некрасова были настолько удовлетворительны, что их могла читать и публика, наслаждающаяся единственно художественными произведениями»⁵.

В апрельском «Внутреннем обозрении» Елисеев был вынужден вновь заговорить о Некрасове. Дело в том, что Суворин в редактируемой им газете «Новое время» продолжал отстаивать свою мысль о практицизме Некрасова. Мало того, он заявил, что Некрасов писал о народе вовсе не потому, что его действительно волновало бедственное положение народа, а руководствовался только выгодой. И в этом Суворин не видел ничего особенного и даже оправдывал Некрасова, считая, что для людей сильного ума и таланта, каким в его глазах был и Некрасов, не существует общих для всех людей правил поведения. Подобный взгляд Елисеев назвал «гнусной теорией», развращающе действующей на молодое поколение. По существу, Суворин поставил под сомнение искренность Некрасова не только в гражданских стихах, но и во всей его поэзии. Для него Некрасов просто талантливый актёр, умеющий в зависимости от обстоятельств играть ту или иную роль. «Г. Суворин, — писал Елисеев, — забывает, что с нравственной точки зрения наискуснейшее притворство актёра есть его величайшее достоинство, триумф, и, напротив, наискуснейшее притворство поэта-граж-

¹ *Евгеньев-Максимов В.Е.* Похороны Некрасова (Запрещённая статья Г.З. Елисеева) // Пролетарские писатели — Некрасову. М.; Л., 1928. С. 131.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 135.

⁵ Там же.

данина есть его величайшее преступление, позор, так сказать, прямое его уничтожение...»¹

За долгие годы совместной работы с Некрасовым, наблюдая за ним в разных обстоятельствах, Елисеев убедился в предельной его искренности как человека и как поэта. И любое сомнение в этом вызывало у него гнев и возмущение.

Известно, что все права на своё литературное наследие Некрасов завещал сестре — А.А. Буткевич. В начале 1878 года она решила подготовить к печати первое посмертное собрание сочинений своего брата. С этой целью была создана специальная комиссия, куда помимо А.А. Буткевич вошли Елисеев, Салтыков и М.М. Стасюлевич. О том, как шла работа над этим изданием можно судить по переписке Буткевич со Стасюлевичем и библиографом С.И. Пономарёвым. И хотя имя Елисеева там неоднократно упоминается, однако о его действительной роли в подготовке посмертного издания сочинений Некрасова в большей степени говорят ещё не опубликованные письма публициста к сестре поэта. Из них следует, что Елисеев активно помогал в работе над изданием: участвовал в обсуждении вопросов о содержании каждого тома, читал корректуры, проверял правильность текстов публикуемых стихотворений поэта и т.п. Мало того, Елисеев высказывал свои соображения по поводу иллюстрированного издания, которое намеревалась осуществить Буткевич, уговаривал её снять запрет на публикацию в четвёртом томе статьи доктора Н.А. Белоголового «Болезнь и последние дни жизни Н.А. Некрасова», которая не понравилась сестре поэта. Кроме всего прочего, он хлопотал о публикации в газете «Голос» составленного им объявления по поводу сбора пожертвований на основание сельских школ в память Некрасова, от имени Буткевич вёл переговоры с вдовой поэта Зинаидой Николаевной о продаже её места на кладбище и т.п.

После смерти Некрасова, при непосредственном участии Елисеева, на страницах «Отечественных записок» было опубликовано много разного рода материалов, связанных с именем поэта. Среди них можно назвать две статьи библиографа С.И. Пономарёва «Копеечная свечка в память о Некрасове» (1878, № 3, 4), две статьи А.М. Скабичевского «Николай Алексеевич Некрасов. (Его жизнь и поэзия)» (1878, № 5, 6) и его же рецензия «К биографии Николая Алексеевича Некрасова...» (1879, № 7), подборка «Из бумаг Николая Алексеевича Некрасова. (Библиографические заметки)» (1879, № 1) и др.

¹ Елисеев Г.З. Внутреннее обозрение // Отечественные записки. 1878. № 4. С. 325.

В начале 1881 года к Елисееву обратился П.Л. Лавров с просьбой помочь ему подготовить к печати рукопись книги «Иван Александрович Худяков. Опыт автобиографии». Елисеев согласился, поскольку хорошо знал и уважал недавно скончавшегося в Сибири И.А. Худякова, который был в своё время одним из главных обвиняемых в «каракозовском» процессе. Работая над рукописью, публицист не мог не обратить внимания на резкие высказывания Худякова о поведении Некрасова во время «каракозовской» истории и о его «муравьёвской» оде, которую назвал «подлостью». «Некрасов сделал бы меньшую подлость, — писал он, — если бы на собственный счёт построил для нас виселицы»¹.

Подобное отношение к умершему поэту Елисеев счёл «несправедливым и жестоким». Своё мнение о том, чем руководствовался Некрасов, обращаясь с хвалебными стихами к М.Н. Муравьёву, он изложил в пространной заметке, которую намеревался опубликовать в качестве примечания к книге Худякова. Елисеев был убеждён, что своей одой Некрасов надеялся не только спасти «Современник», но и сохранить «возможность существования новой идеи» и предупредить угрозу «гонений на литературу»². «Жертва, принесённая Некрасовым чудовищу, — утверждал он, — была, по нашему мнению, не только закономерна, но и необходима»³. И далее Елисеев писал, что сам поэт всегда «сокрушался о своём поступке» и «даже перед смертью, мучимый страшной болезнью, едва дышавший и говоривший, он не переставал приносить в нём покаяние. Так давила его и мучила жертва, принесённая им в пользу своего великого дела»⁴. Елисеев считал, что Некрасов «ясно понимал ветошь и ничтожество существующего строя, видел невозможность его долгого существования и не мог не быть борцом за новую идею. Только во имя её он мог слагать свои песни, только её дело он мог нести так усердно всю жизнь, как он нёс её»⁵. Но, по мнению публициста, Некрасов не был героем «в том смысле, как ныне понимают это слово... Это был, если угодно, герой-раб, который поставил себе целью добиться во что бы то ни стало свободы, упорно преследует эту цель, по временам применяясь к обстоятельствам, делает уступки, но на своём главном пути держит её в уме», в течение десятков лет идя «шаг за шагом по тому тернистому пути, по которому шёл он, подвергаясь изо дня в день разным мелким мучениям и пере-

¹ Шестидесятые годы. М.А. Антонович. Воспоминания. Г.З. Елисеев. Воспоминания. М.; Л., 1933. С. 459.

² Там же. С. 462.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 463.

⁵ Там же. С. 465.

нося сделки со своей совестью»¹. Елисеев считал, что у каждого времени есть свои герои, «герой тот, кто понял условия битвы и выиграл победу». Но «по условиям нашей жизни у нас может выработаться в литературе только герой-раб. Скажем больше, только такой герой и мог вынести дело новой идеи при первом её появлении и утверждении в обществе»². Именно это обстоятельство, по мнению Елисеева, не понял автор книги, не сумев осознать того, что «герой-раб позволил своей руке “у музы исторгнуть звук неверный” единственно для того, чтобы уровнять и сделать менее тернистым путь для других героев, подобных Худякову!»³.

При этом публицист говорил, что если такие литераторы, как М.Н. Катков и А.С. Суворин, шли на компромисс с самодержавной властью, преследуя свои личные и далеко не бескорыстные цели, то Некрасов «не пошёл этой дорогой», потому что «не мог петь фальшиво», «мог петь только своим голосом и петь то, что хватало его за живое»⁴.

Примечание, написанное Елисеевым, в книгу Худякова, изданную Лавровым в Женеве (1882), не вошло. По всей вероятности, издатель усмотрел в нём не столько объяснение, сколько оправдание поведения Некрасова в «каракозовской» истории. Не разделял он, по-видимому, и взгляда на поэта как на «героя-раба», и тем более не был согласен с тем, что только такой деятель мог возникнуть в нашей литературе.

Поздние суждения о Некрасове, высказанные Елисеевым в примечаниях к книге Худякова, не один раз служили поводом для обвинения публициста в оппортунизме и «фетишизации легальности».

Конечно, нельзя согласиться с мнением Елисеева, что в условиях самодержавной России в литературе только и мог выработаться «герой-раб». Однако нельзя не считаться с тем, что далеко не каждый честный и порядочный человек в силу особенностей своего характера мог открыто вступить в борьбу за свои идеалы. Многие из них сознательно шли на компромиссы для их достижения. Таким деятелем, в представлении Елисеева, был и Некрасов. И в этом он, по нашему мнению, был прав.

В середине 1881 года Елисеев тяжело заболел и вынужден был оставить литературную деятельность. Это было для него тяжёлым ударом. Привыкнув всегда находиться в центре журнальной борьбы, он очень страдал от вынужденного молчания и не один

¹ Шестидесятые годы. М.А. Антонович. Воспоминания. Г.З. Елисеев. Воспоминания. М.; Л., 1933. С. 466.

² Там же. С. 467.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 464.

раз писал Салтыкову о своём желании поскорее вернуться к любимому делу. Но болезнь не отступала, и о литературном труде пока не могло быть и речи. А после закрытия «Отечественных записок» в 1884 году Елисеев понял, что его мечта так и останется неосуществлённой. К тому же наступили новые времена, в литературу пришли новые люди. Всё чаще стали раздаваться голоса о необходимости пересмотреть наследие 1860-х годов. Были предприняты попытки бросить семена сомнения в правильности и целесообразности пути, по которому следовали деятели недавнего прошлого. Одну из таких попыток Елисеев усмотрел в статье П.Н. Полевого «Муза мести и печали» (Исторический вестник. 1887. № 1), посвящённой творчеству Некрасову. Не имея возможности публично высказаться, Елисеев в письме к Салтыкову, отправленном в середине апреля 1887 года, назвал публикацию П.Н. Полевого «мерзостью». По его словам, в этой статье «поэзия Некрасова разбивается в пух и прах и не потому, чтобы в Некрасове не было поэтического таланта, а потому, что, служа ради выгоды модному направлению, он вымучивал из себя скорби и мучения, которых не видел и не испытал, живя в полном довольстве, и к воспеванию которых вовсе не лежала его душа. Разумеется, всё это делается с приличными книксенами и восхвалениями уму, деловитости и даже таланту Некрасова, и хотя бичуется исключительно один Некрасов, но в виду имеет, конечно, и целое направление шестидесятых годов»¹.

Ещё до публикации статьи П.Н. Полевого, у Елисеева возникла мысль о необходимости рассказать о том, что же на самом деле представляли собой 1860-е годы, какую роль сыграли они в духовном развитии русского общества, описать события, свидетелем которых он был, и рассказать о людях, с которыми ему довелось работать. «Что же делать, — писал Елисеев в наброске автобиографии, сохранившемся в его бумагах, — маленькой личности для собственной самозащиты и для защиты самого дела и лиц, которые с ним стояли около него. Как, если не предупредить совершенно, то, по крайней мере, ограничить до известного минимума как те легковесные приговоры об известной эпохе и действовавших в ней лицах, так и тот бесчестный лай, который поднимают на них достоверные свидетели с бухгалтерскими книгами в руках. Мне кажется, самое лучшее, что она может сделать, это взяться за перо и, насколько помнит, правдиво изобразить свою жизнь, по крайней мере, в выдающихся её моментах в связи с теми событиями и лицами, с которыми она соприкасалась»².

¹ Письма Г.З. Елисеева к М.Е. Салтыкову-Щедрину. М., 1935. С. 189–190.

² Шестидесятые годы. М.А. Антонович. Воспоминания. Г.З. Елисеев. Воспоминания. М.; Л., 1933. С. 250.

Однако болезнь и смерть помешали Елисееву полностью осуществить задуманное. Но в его рукописях сохранился целый ряд интереснейших свидетельств об эпохе 1860-х годов, о журналах «Современник» и «Отечественные записки» и других событиях, помогающих лучше и глубже понять многие аспекты литературной жизни этого важнейшего периода в истории России.

Многие страницы своих воспоминаний Елисеев посвятил личности Некрасова, его литературной и журнальной деятельности. В его представлении это был «лучший русский поэт, которым зачитывалась вся Россия, на песнопениях которого воспитывалось столько поколений, в поэзии которого свет и правду черпал даже я, его сверстник...»¹. По словам Елисеева, Некрасов «имел очень крупный поэтический талант, увлекавший всех не столько своей громадностью, сколько верным и метким изображением тогдашней России, и потому пользовался всеобщими симпатиями»².

В глазах Елисеева Некрасов был не только выдающимся русским поэтом, но и блестящим организатором журнального дела, обладавшим «сильно развитым эстетическим и критическим чутьём», умевшим не только подбирать талантливых сотрудников, но давать им возможность самовыражаться, «не подражая тем малоопытным и неискусным кучерам, которые бестолку дёргают лошадей и мешают им бежать спокойно и ровно», и поэтому «дело действительно шло хорошо, как только могло идти при данных наличных силах»³. «Обозревая деятельность Некрасова за всё то время, с которого я его узнал, вплоть до его смерти, — писал публицист, — я не знаю ни одного человека, который бы столько потрудился и оказал столько услуг русской литературе, как он»⁴.

¹ Шестидесятые годы. М.А. Антонович. Воспоминания. Г.З. Елисеев. Воспоминания. М.; Л., 1933. С. 319.

² Там же. С. 377.

³ Там же. С. 404.

⁴ Там же. С. 400.

Г.З. ЕЛИСЕЕВ И Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

К ВОПРОСУ

О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ¹

О жизни и творчестве замечательного русского публициста, сотрудника и редактора журналов «Современник», «Искра», «Отечественные записки», сподвижника Н.Г. Чернышевского, Н.А. Некрасова и М.Е. Салтыкова-Щедрина Григория Захаровича Елисеева (1821–1891) за последнее время сказано немало осуждающих, но далеко не всегда справедливых слов. Тщательное исследование характера и направления его литературной деятельности, глубокое изучение рукописного наследия публициста и архивных документов позволяет в конце концов правильно и всесторонне охарактеризовать место Елисеева в истории русской общественной мысли и журналистики.

Настоящая статья ставит перед собой задачу: показать связь Елисеева с лагерем революционной демократии и его взаимоотношения с Н.Г. Чернышевским².

В декабрьской книжке журнала «Современник» за 1858 год появилась статья «О Сибири». Автор её скрыл своё имя под псевдонимом Грыцко. С этого и началась литературная деятельность Григория Захаровича Елисеева, продолжавшаяся без малого почти четверть века. Ко времени вступления в литературу у начинающего публициста позади была уже большая жизнь:

¹ Впервые опубли.: Русская литература. 1966. № 3. С. 139–148.

² Этот вопрос в самом общем виде освещают в своей заметке «О месте Г.З. Елисеева в истории русской общественной мысли» Л.Н. Коган и Ю.С. Мелентьев (Вопросы философии. 1958. № 2. С. 175–177), а также В.Р. Лейкина-Свирская в статье «Публицистика Г.З. Елисеева в 60-х годах» (сб. «Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг.». Т. IV. М., 1965. С. 364–386).

учёба в Московской и профессорство в Казанской духовной академии, а потом четыре года службы в разных городах Западной Сибири.

Статья появилась в печати, но автор её в редакции не появлялся. Тогда на розыски его отправился Н.Г. Чернышевский, всегда чрезвычайно чутко относившийся к начинающим сотрудникам. Вот что об этом рассказывал сам Елисеев в письме к Салтыкову-Щедрину много лет спустя: «Я был в то время беден, как церковная мышь, болен и не имел в Петербурге ни одного человека знакомого, занимал комнату у одной из петербургских квартирных хозяек. Он [Чернышевский. — Н.Я.] разыскал меня, когда я лежал больной почти без всякой помощи и призора, привёл мне доктора и некоторое время отправлял даже должность сиделки. Только благодаря его помощи и старанию я стал тогда на ноги. Потом, выдаясь время от времени со мной, он, будучи любителем литературы и зная, что я могу писать (тогда уже была напечатана одна моя статья в «Современнике»), он уговаривал меня не искать службы... а заняться литературой»¹. Так произошло их знакомство. Однако более близко они сошлись не сразу.

Пригласив Елисеева сотрудничать в «Современнике», Чернышевский внимательно следит за его выступлениями в печати, пытается выявить его склонности и возможности как журналиста. Помимо статей он предлагает ему выступить с журнальными заметками и рецензиями. В письме к Н.А. Добролюбову от 29 января 1860 года Чернышевский отмечает: «Елисеев пробует писать журнальные заметки (с октября) и рецензии (с сентябрьской книжки), посмотрим, что из этого выйдет»². Работой нового своего сотрудника он, по-видимому, остался доволен.

К этому времени, после четырёх лет безрезультатных хлопот Н.А. Некрасова и И.И. Панаева, «Современнику» разрешили наконец открыть отдел «Внутреннее обозрение». Вёл его сначала автор повестей и рассказов из народной жизни С.Т. Славутинский. Однако уже первые «Обозрения» показали, что он не оправдал надежд, возлагавшихся на него редакцией журнала. В письме к Добролюбову Чернышевский сетует по этому поводу: «Кстати, я очень жалею, что “Внутреннее обозрение” уже было обещано Славутинскому, когда мне пришлось узнать, что Елисеев был бы не прочь заняться им»³. Некоторое время Славутинский продолжал вести «Обозрения», пока наконец редакция не была вынуж-

¹ Письма Г.З. Елисеева к М.Е. Салтыкову Щедрину. М., 1935. С. 83.

² Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений в 15 т. Т. XIV. М., 1949. С. 406.

³ Там же. С. 408–409.

дена отказаться от его сотрудничества и в феврале 1861 года передала отдел в руки Елисеева.

Во «Внутренних обозрениях» во всей своей полноте развернулся талант Елисеева-публициста и полемиста. Чернышевский очень скоро понял, что отдел находится в надёжных руках и во всём положился на его руководителя. Об этом свидетельствует письмо Чернышевского к В.М. Лаврову от 20 декабря 1888 года, где он писал своему корреспонденту, что нельзя вести журнал без доверия к сотрудникам, и привёл пример: «Так было в “Современнике”. Не говорю о себе и Добролюбова, — но читал ли кто статьи Григ. Зах. Елисеева? Никто. Ответственность за них лежала на мне. Я никогда не читал их (кроме первых, по которым увидел, что можно доверять Елисееву)»¹.

Чернышевский оказался прав. Елисееву можно было доверять и доверять во всём. В своих статьях и «Внутренних обозрениях» он последовательно проводил взгляды революционной демократии. Вместе с Чернышевским Елисеев выступил противником существующего строя, ратовал за установление новых общественных отношений, основанных на свободе и равенстве всех граждан, призывал к сопротивлению насилию и гнёту, требовал полного освобождения крестьян и наделения их землёй, а после проведения реформы 19 февраля 1861 года заявил о её несостоятельности и половинчатости. В своих исторических работах Елисеев вслед за Чернышевским и Добролюбовым отстаивал мысль о народе как основной силе исторического прогресса, говорил о ведущей роли народных масс в решении судеб государства, осуждал учёных, которые недооценивали значение народа в истории, смотрели на него как на тёмную и инертную массу.

Революционно-демократические идеи, идеи Чернышевского и Добролюбова, проповедовал Елисеев и в других изданиях, где сотрудничал. Пафосом непримиримой ненависти к самодержавно-крепостническому правопорядку, к реакции, либерализму были проникнуты его знаменитые «Хроники прогресса», которыми в течение нескольких лет открывался сатирический журнал «Искра». Многие из них освещали те же вопросы и события, о которых писал Чернышевский в своих статьях.

Редактируя в начале 1862 года журнал «Век», а в начале следующего года ежедневную газету «Очерки», Елисеев стремился сделать эти органы своеобразными филиалами «Современника». Там печатали свои материалы главным образом сотрудники «Современника» и лица, связанные с революционными кругами того времени.

¹ Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений в 15 т. Т. XV. С. 783.

Елисеев становится близким Чернышевскому человеком, которого последний часто привлекает для решения многих важных вопросов и советуется с ним. Об этом свидетельствует целый ряд фактов.

В конце марта 1861 года в связи с усилившимися цензурными гонениями Чернышевский и Елисеев выступили инициаторами созыва совещания московских и петербургских редакторов по вопросу о средствах улучшения положения печати. Был составлен проект записки, требовавший смягчения цензурных притеснений, с которым Чернышевский и Елисеев отправились в Москву. Там на квартире Каткова происходило обсуждение проекта, и было решено с учётом всех замечаний составить новую записку и направить её министру внутренних дел П.А. Валуеву¹.

Осенью того же года в Петербурге начались студенческие волнения: происходили сходки, выпускались прокламации, призывающие к борьбе с правительством. В результате волнений университет был закрыт, а среди студентов произведены аресты. Члены кружка Чернышевского (сам он был в то время в Саратове) живо интересовались происходящими событиями, встречались с руководителями студенческого движения, обсуждали с ними сложившееся положение и тактику борьбы. Л.Ф. Пантелеев рассказывал в своих воспоминаниях: «В разгар истории Г.З. Елисеев с другим очень выдающимся сотрудником “Современника” (М.А. Антоновичем) явились к студенту М.П. Покровскому... и поставили ему такой вопрос: “Есть у вас триста человек, на всё готовых?” — “Да”, — ответил слишком самоуверенно Покровский». «Если так, то вот что мы вам предлагаем: надо отправиться в Царское Село, напасть на дворец и захватить наследника... затем немедленно телеграфировать царю в Ливадию: или он должен тотчас же дать конституцию, или пожертвовать наследником...» «...Разговор кончился ничем. Как-то раз я [т.е. Пантелеев. — *Н.Я.*] и Н. Утин рассказали Чернышевскому этот эпизод. “Не удивляюсь”, — отвечал Николай Гаврилович, — ведь Григорий Захарович, несмотря на свои седые волосы, самый юный в редакции “Современника”»². Если даже допустить, что рассказ Пантелеева в данном случае грешит преувеличениями (вообще характерными для его воспоминаний), то всё-таки известная доля истины в них, несомненно, была. Это в какой-то мере подтверждается заметкой «Н.Г. Чернышевский и кавказцы» Г.М. Туманова, где воспроизводится рассказ Я.П. Исарлова, бывшего в начале 1860-х годов студентом Петербургского университета, о том, что Елисеев вместе с Чернышев-

¹ Чернышевская Н.М. Летопись жизни и деятельности Н.Г. Чернышевского. М., 1953. С. 203–204.

² Пантелеев Л.Ф. Воспоминания. М., 1958. С. 246, 533.

ским принимал самое горячее участие в делах студенческого движения. Исарлов, в частности, говорил, что «по делам, связанным со студенческим движением, из кавказцев В.Л. Гогоберидзе (впоследствии директор народных училищ Тифлиской губ. и крупный общественный деятель) нередко совещался с Чернышевским, Антоновичем и Елисеевым»¹.

Летом 1861 года в Петербурге началась подготовительная работа по созданию тайного революционного общества «Земля и воля». Душой и идейным вдохновителем общества был Чернышевский. Формально он не был его членом, но, по словам одного из руководителей «Земли и воли» А.А. Слепцова, живо «интересовался работой нарождавшегося общества... то подвергал критике... очередные проекты, то давал советы»². Елисеева избрали заместителем члена Центрального комитета³.

Связь с революционным подпольем, большая работа в «Современнике», предчувствие, что его деятельностью серьёзно заинтересовалось III Отделение, заставили Чернышевского резко ограничить круг людей, посещавших его. Согласно агентурным донесениям, он «велел допускать к нему ежедневно не всех, а принимать во всякое время нижепоименованных лиц: Некрасов, Панаев, Антонович, Огрызко, Добролюбов, Кожанчиков, *Елисеев*, Городков, Пекарский, Серно-Соловьевич, Воронов, Боков». Для всех остальных Чернышевский назначал среду до трёх часов, и «в этот день у него бывает чрезвычайно много посетителей, не исключая офицеров»⁴.

О том, что у Чернышевского не было от Елисеева никаких секретов и что он считал его человеком, которому можно доверять во всём, свидетельствует любопытное донесение агента III Отделения после похорон Добролюбова. Известно, что Чернышевский выступил там с большой речью, где с горечью говорил о своём безвременном ушедшем друге и о причинах его смерти. Агент писал между прочим: «Чернышевский вынул из кармана тетрадку и сказал: “Вот, господа, дневник покойного, найденный мною в числе его бумаг... Из этого дневника я прочту вам некоторые заметки, из которых вы ясно увидите причину его смерти; лиц я называть не буду, а скажу только NN”. Тут Чернышевский начал читать статей восемь, приблизительно следующего содержания:

¹ Н.Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. Т. 1. Саратов, 1958. С. 404–405.

² См.: *Чернышевский Н.Г.* Статьи, исследования и материалы. Саратов, 1962. С. 269–270.

³ Там же. С. 273.

⁴ *Чернышевская Н.М.* Летопись жизни и деятельности Н.Г. Чернышевского. С. 225 (курсив наш. — Н.Я.).

“Такого-то числа пришёл ко мне (Добролюбову) NN и объявил мне, что в моей статье сделано много помарок. Такого-то числа явился ко мне NN и передал, что за мою статью, которая была напечатана там-то, он получил выговор. <...> Читая один параграф, Чернышевский забылся и назвал пришедшего к Добролюбову Елисеева (он один из тех, который во всякое время имеет доступ к Чернышевскому). При наименовании его он смутился немного, но тотчас же, обратясь к публике, сказал: “Вы его знаете, это ‘наш’!”»¹.

Чернышевский всегда стремился к расширению круга людей, охваченных революционной пропагандой. С этой целью он предполагал обратиться с прокламациями к различным слоям русского общества: крестьянам, солдатам, молодёжи. Кроме того, он хотел сблизиться с лучшими людьми из писательской, журналистской, научной и студенческой среды. Этому в известной степени и должен был способствовать организованный при активном участии Чернышевского и Елисеева знаменитый Шахматный клуб. Это был своеобразный центр литературной и политической жизни петербургских писателей, учёных и журналистов, который вскоре стал местом легальных встреч революционеров, конспиративных бесед, горячих споров и дискуссий. На публичных собраниях члены клуба обсуждали самые различные вопросы: о цензуре, об установлении свободы книгопечатания, о значении публичных лекций профессоров Петербургского университета и т.д. Агенты III Отделения, засланные в Шахматный клуб, доносили, что его члены «отличаются либеральным направлением» и обсуждают вопросы о введении конституции в России. Чаше всего в агентурных донесениях фигурирует имя Чернышевского и его ближайших сподвижников, среди которых всегда упоминается Елисеев. В справке, составленной III Отделением 28 марта 1862 года, говорится: «...Елисеев принадлежит к числу литераторов, составляющих интимный кружок Чернышевского, который им весьма дорожит; статьи его в “Современнике” носят отпечаток проводимых этим журналом идей. Елисеев член Шахклуба и сильно старается поддерживать это учреждение»².

Отныне имя Елисеева в тесном соседстве с именем Чернышевского постоянно упоминается в делах III Отделения. 27 апреля 1862 года шеф жандармов В.А. Долгоруков сделал доклад царю Александру II о политическом положении в стране, к которому приложил записки «О полицейских мерах», «О чрезвычайных мерах» и «Список лицам, у которых предполагается сделать одновременный строжайший обыск». В «Списке...» на первом месте

¹ Н.А. Добролюбов в воспоминаниях современников. М., 1961. С. 400.

² ЦГАОР. Ф. 109. Оп. 1. Ед. хр. 61/1862. Л. 24.

стоит имя Чернышевского, а под номером 10 значится «Елисеев, литератор», «подозревается в преступных сношениях с Чернышевским, к которому имеет во всякое время доступ»¹.

К этому времени судьба великого революционера-демократа была уже решена. Правительство теперь ждало только повода для того, чтобы расправиться с Чернышевским и тем самым обезглавить растущее с каждым днём революционное движение в стране. Одновременно реакционная и либеральная печать начала бешеную кампанию, направленную против «Современника» и его идейного руководителя Чернышевского, в которую включились такие газеты и журналы, как «Северная пчела», «Северная почта», «Наше время», «Отечественные записки», «Время» и др. «Мысль о том, что “Современник” имеет отрицательное направление, сделалась каким-то общим местом в нашей литературе, хотя доселе место это остаётся для всех совершенно тёмным», — писал в очередной «Хронике прогресса» Елисеев². Он отлично понимал, что резкими выпадами и обвинениями по адресу реакционной и либеральной прессы ничего не добьёшься. Поэтому публицист сдержанно, но последовательно и точно показал читателям, что представляет собою «Современник» и его руководители (в первую очередь Чернышевский), какие задачи и цели преследуют они. «“Современник”, — писал Елисеев, — журнал по преимуществу или почти исключительно общественный. Развитие общественного сознания, возбуждение и развитие известного взгляда в обществе на общественные вопросы — вот его цель. Поэтому направление “Современника” бьёт изо всех его статей...»³ Это направление, говорил дальше публицист, особенно чувствуется в статьях Чернышевского и Антоновича, в которых глубокое научное содержание сочетается с простотой и ясностью изложения. Их статьи «удобны во всех отношениях»⁴.

В апрельском «Внутреннем обозрении» журнала «Современник» Елисеев снова выступил против тех, кто пытался дискредитировать революционно-демократические взгляды Чернышевского, и едко высмеял клеветнические выпады реакционной прессы в его адрес. «Разработка г. Чернышевского (разумеется, в абстракте) производится литературою уже довольно долгое время. В особенности ревностно этим делом занята “Северная пчела”. Поговаривали, что там предполагается учредить даже особенный ежедневный литературный отдел под названием “Чернышевщина”. После долгих, неутомимых разысканий ныне литературою

¹ Процесс Н.Г. Чернышевского. Саратов, 1939. С. 30.

² Искра. 1862. 20 апреля. № 14. С. 204.

³ Там же. С. 205.

⁴ Там же. С. 206.

дознано... что все зло, какие только содеваются в мире, непременно содеваются по злоумышлению Чернышевского или при его несомненном участии, видимом и невидимом содействии, влиянии и т.п... В том, что всё зло в мире происходит от Чернышевского, согласны все наши лучшие газеты и журналы, как то: “Северная почта”, “Наше время”, “Северная пчела”, “Санкт-петербургские ведомости”, “Отечественные записки”, “Русский мир”»¹. Елисеев осудил пустопорожнюю брань по адресу Чернышевского, которая всё чаще и чаще стала раздаваться со страниц многих газет и журналов. Он зло иронизировал по поводу беспочвенных, нелепых, а иногда просто анекдотических обвинений, выдвинутых против него, и считал, что все эти выпады недостойны серьёзной журналистики и не могут ни в коей мере запятнать светлое имя революционера-демократа. «...Мы не понимаем брани без предмета, огулом, — писал публицист. — Это в своём роде искусство для искусства, которое в обыкновенной жизни можно встретить разве только между пьяными людьми и на торговых площадях и которое в сущности есть то же самое, что лай на луну»².

Между тем развязка приближалась. Вслед за появлением прокламации П.Г. Заичневского «Молодая Россия» и петербургскими пожарами в середине июня 1862 года было объявлено о временном прекращении журналов «Современник» и «Русское слово» «вследствие замеченного в них систематического вредного направления и постоянных усилий к распространению вредных противурелигиозных и противуправительственных теорий»³. А спустя месяц, 7 июля 1862 года, был арестован и заключён в Петропавловскую крепость Чернышевский.

Елисеев и другие сотрудники «Современника» остались не у дел. Правда, незадолго до ареста Чернышевский, сообщая Некрасову о закрытии журнала, предложил рассчитаться с подписчиками изданием сборников, куда должны быть включены принятые к печати материалы и «то, что будут писать Елисеев и Антонович, потому что с ними мы более или менее тесно связаны и надобно дать им время для устройства их дел, а может быть, и побережь связь с ними на случаи возобновления журнала»⁴. Но проект Чернышевского об издании сборников остался неосуществлённым.

В начале 1863 года Елисеев был приглашён А.Н. Очкиным для редактирования газеты «Очерки». Уже первые номера газеты по-

¹ Современник. 1862. Апрель. С. 296–297.

² Там же. С. 306.

³ См.: *Чернышевская Н.М.* Летопись жизни и деятельности Н.Г. Чернышевского. С. 259.

⁴ *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений в 15 т. Т. XIV. С. 454.

казали, что это будет орган с ярко выраженным демократическим направлением. Среди сотрудников газеты было много тех, кто раньше печатался в «Современнике» (М. Антонович, Н. Помяловский, А. Щапов и др.). Цензура с первых номеров стала самым беспощадным образом преследовать «Очерки». В архиве Главного управления по делам печати сохранилось более десятка запрещённых цензурой статей по самым различным вопросам¹ и среди них «Введение» к переводу «Оснований политической экономии» Дж. Ст. Милля, написанное Чернышевским и напечатанное в своё время на страницах «Современника».

Это была далеко не единственная попытка Елисеева и других сотрудников «Очерков» привлечь внимание читателей к имени Чернышевского. Так, в газете довольно часто цитировался «Военный сборник», в редактировании которого, как известно, принимал непосредственное участие великий демократ. А в номере от 10 февраля 1863 года в разделе «Разные известия» (кстати, этот отдел вёл Г.З. Елисеев) появилась небольшая заметка под названием «Роман г. Чернышевского», в которой говорилось: «В вышедшей 1-й книжке “Современника” помещено объявление, что в будущей книжке “Современника” начнётся печатанием роман г. Чернышевского “Что делать?”. Доселе имеется в редакции романа уже около десяти печатных листов. Лица, читавшие роман, на вкус которых мы можем положиться, уверяют, что это произведение открывает в многостороннем таланте г. Чернышевского новую блестящую сторону, доселе никем не подозреваемую»².

Но этого мало. Роман Чернышевского ещё не был целиком напечатан, а в газете «Очерки» появилось очень любопытное «Письмо в редакцию (по поводу романа г. Чернышевского)», подписанное «А. Горский». Автор письма сообщает, что он человек весьма благонамеренный, что у него уже сложились определённые взгляды на материализм, о котором так много стали писать в последнее время. «Каждый раз, — писал А. Горский, — когда я, думая о материализме, закрывал глаза, мне представлялось безобразное чудовище, невымытое и нечёсанное, и если я встречал человека, делающего в обществе невежливости, то заключал о нём, что он материалист. Мне приятно было узнать, что и лучший наш романист Тургенев держится о нём того же мнения»³. И вдруг «является роман, ниспровергающий все мои построения, всю блистательную теорию». Это роман Чернышевского «Что делать?», в котором речь идёт о молодом материалисте, но «между тем он не представ-

¹ ЦГИА. Ф. 777. Оп. 2. Ед. хр. 74.

² Очерки. 1863. № 40. С. 160.

³ Там же. № 94. С. 374.

ляется чудовищем, а оказывается простым и очень порядочным смертным»¹.

Автор письма говорит, что всегда считал эгоизм враждебным чувством, несовместимым с нормальными человеческими отношениями. «А тут вдруг вышло, что материалист тратит для девушки время, деньги, оставил занятия, отказался от блестящей и выгодной будущности. И действуя таким образом, он утверждает, что его побуждает к этому эгоизм»².

А. Горский в недоумении. Всюду, где только можно, ругают материалистов, а на самом деле они оказываются порядочными и симпатичными людьми. Видимо, говорит он, во взглядах на материалистов отстала и наука и литература. «Да, судари, целое море сомнений поднялось в душе моей и не знаю я, где истина?»³ — так заканчивается письмо.

Кто же был автором «Письма в редакцию»? Никто из литераторов 1860-х годов псевдонимом А. Горский не подписывал своих произведений, тем более что в то время действительно жил человек с такой фамилией. Этим человеком был А.В. Горский (1812–1875), историк русской церкви, автор нескольких исследований, профессор Московской духовной академии. Ему, по всей вероятности, и принадлежало «Письмо в редакцию». В своё время Г.З. Елисеев учился у А.В. Горского. Мало того, довольно долгое время они поддерживали между собой весьма тесные отношения: встречались, беседовали, а потом вели интенсивную переписку. В отделе рукописей Российской государственной библиотеки хранится целая пачка писем Елисеева к своему учителю, относящихся к концу 1840-х и началу 1850-х годов. Вполне вероятно, что они встречались и позднее, во время работы Елисеева над исследованием по истории Казанского края. Можно предположить, что А.В. Горский написал «Письмо в редакцию» по собственной инициативе и отправил в «Очерки», зная, что газету редактирует его бывший ученик. Могло случиться и по-другому: письмо было написано по просьбе самого Елисеева. Но так или иначе появление «Письма...» в газете «Очерки» весьма знаменательно. Это было одно из самых первых печатных выступлений о романе Н.Г. Чернышевского, появившееся к тому же на страницах демократического органа. Кстати, именно это письмо переполнило чашу терпения издателя А.Н. Очкина. Испугавшись явно революционно-демократического характера, который приобрела газета, он принял решение прекратить её издание. Номер «Очерков», где появилось «Письмо в редакцию», был последним — Очкин, не

¹ Очерки. 1863. № 94. С. 375.

² Там же.

³ Там же.

предупредив Елисеева, передал подписчиков своего издания газете «Современное слово».

В феврале 1863 года после восьмимесячного перерыва вышел первый (сдвоенный) номер «Современника». Несмотря на то что журнал потерял двух лучших своих авторов — Добролюбова и Чернышевского, оставшиеся сотрудники во главе с Некрасовым стремились и в условиях жесточайшего цензурного гнёта высоко держать знамя революционной демократии. К сожалению, это им не всегда удавалось, в том числе и Елисееву. Кстати, об этом он и сам не один раз говорил позднее в своих воспоминаниях.

Следствие по делу Чернышевского продолжалось почти два года. И всё это время вокруг имени бесстрашного революционера в русской журналистике шла непрестанная борьба. Реакционеры и либералы обвиняли Чернышевского в неуважении авторитетов, глумлении над наукой, считали его причиной всех зол и общественных неурядиц.

Уже в первом номере «Современника», вышедшем после вынужденного молчания, Елисеев не побоялся выступить в защиту своего друга и учителя, находившегося в заключении. Он резко осудил автора статьи, напечатанной в журнале «Время» (1862, № 4) ещё до ареста Чернышевского. Спустя почти девять месяцев Елисеев обратился к этой статье. И обратился, вероятно, не потому, что на неё необходимо было ответить. Главное для него заключалось в том, чтобы печатно назвать имя Чернышевского, дать понять его врагам, что арест не выключил великого революционера из борьбы, что, наконец, у него есть последователи, которые продолжают его дело и никому не позволят глумиться над его именем. Выступление Елисеева в известной степени подготавливало появление в печати романа Чернышевского «Что делать?», публикацию которого предполагалось начать со следующего номера «Современника».

Поводом для выступления Елисеева послужило замечание автора статьи во «Времени» о том, что Чернышевский смеётся над историей, а Антонович — над философией. «Что это такое? — спрашивал Елисеев. — Шутка, насмешка или печальное недоразумение? Г. Чернышевский пишет положительные исторические статьи, г. Антонович пишет положительные философские статьи, — и тот, и другой обвиняются в непризнании истории и философии. Как всё это понять и как вяжется это в голове обвинителя? Г. рецензент никак не может понять той простой вещи, что можно быть страстно влюблённым в историю, и в философию, и во все науки, и можно вместе с тем, и даже именно вследствие этой страстной любви к ним, смеяться над многими науками в их современном состоянии... Какие насмешки г. Чернышевского мо-

гут сравниться, например, хоть с отзывом Фауста об истории!.. Что ж, и Гёте не признавал истории? Нигилист был?»¹

Особый интерес представляет оценка Елисеевым романа Чернышевского «Что делать?». В критической литературе уже не один раз отмечалось, что Елисеев отнёсся к роману «трезво» (как иронически писал Я. Эльсберг) и сдержанно (в особенности к «снам» Веры Павловны). Правда, говорилось и то, что Елисеев «отрицательно встретил» роман Чернышевского «Что делать?» (Вопросы философии. 1956. № 4. С. 198), но в том же журнале эта точка зрения была совершенно справедливо опровергнута (Вопросы философии. 1958. № 2. С. 177).

Действительно, в октябрьском «Внутреннем обозрении» «Современника» за 1863 год Елисеев писал о «четвёртом сне» Веры Павловны: «Конечно, всё это в абстракте мысли, в идеале фантазии прекрасно, но покорнейше прошу вас отыскать что-нибудь похожее на всё это в действительности... Конечно, г. Чернышевский со своей точки зрения прав. Он пишет роман будущего. Придёт время, лет через тысячу, а может быть, и гораздо раньше, лет через пятьсот, когда у нас будут истинные Астарты, истинные Афродиты, истинные Непорочности, следовательно, будут необходимые элементы для образования той царицы, которой нет имени, тогда явится и эта царица... Теперь же... Мы можем только махнуть рукой и сказать, что автор позволил себе самую чудовищную идеализацию для настоящего времени. Крепкому смыслу, трезвому взгляду она, конечно, и теперь может доставить большую пользу. Но мы, россияне, склонные к идеальничанью от нашей юности, не извлечём из неё ничего поучительного для себя, напротив, будем черпать здесь истинную пагубу для наших нравов, для нашей жизни»².

Несомненно, что «четвёртый сон» Веры Павловны сыграл большую роль в пропаганде революционных идей и того общественного идеала, к которому стремились все передовые люди того времени. Но не следует забывать, что Чернышевский писал свой роман зимой и в самом начале весны 1863 года с уверенностью, что летом этого года может произойти революция. Так считал не только Чернышевский. В прокламации «Великорусс» читаем: «Народ неудержимо поднимется летом 1863 года». Однако революции не произошло. Наоборот, в связи с польским восстанием по стране прокатилась масса шовинистических выступлений, реакция подняла голову, правительство стало принимать самые энергичные меры для борьбы против угрозы революционных выступлений. Именно в это время, осенью 1863 года, когда совер-

¹ Современник. 1863. Январь — февраль. С. 264.

² Современник. 1863. Октябрь. С. 403.

шенно ясно стало, что надежд на близкую революцию нет, Елисеев и высказался против чрезмерного увлечения идеалами будущего. Видеть в этом неверие публициста в революционный путь преобразования действительности, как это иногда ставится ему в вину, вряд ли будет верно. К тому же, у нас нет других достаточных оснований считать, что уже в это время у Елисеева наметился определённый отход от позиции Чернышевского. Это произошло значительно позднее.

Будучи человеком практического склада ума, Елисеев считал, что в настоящее время более правильным будет не мечтать об отдалённом будущем, а делать полезное и нужное дело — создавать артели и ассоциации, в которых ему виделись зачатки социалистических общественных отношений. Кстати, то же самое видел в них и Чернышевский, пропагандируя в своём романе организацию швейных артелей. Поэтому любые выступления, подвергавшие сомнению взгляды Чернышевского на ассоциации и артели, вызывали резкую реакцию Елисеева независимо от того, кто был автором этих выступлений.

В последнем номере «Современника» за 1863 год появилась статья постоянного сотрудника журнала Ю.Г. Жуковского под названием «Затруднения женского дела», в которой прозвучало скептическое отношение автора к создавшимся тогда женским артелям. В своих воспоминаниях Елисеев писал позднее, что «статья Жуковского... принадлежала к числу статей, несколько не подходящих к программе “Современника”... Но этого мало. Помещение её было прямо бестактно после романа Чернышевского»¹. Появление подобной статьи вынудило Елисеева в мартовском «Внутреннем обозрении» журнала за 1864 год дать отповедь Жуковскому (правда, не называя его имени). Это лишний раз подтверждает ту мысль, что убеждения Елисеева в это время ещё не шли вразрез со взглядами Чернышевского, а его сдержанное толкование «четвёртого сна» Веры Павловны объясняется, с одной стороны, изменившейся общественной обстановкой в стране, а с другой, вероятно, тем, что необходимо было выработать новую тактику революционной борьбы. Кстати, это предположение подтверждается участием Елисеева в «Организации», руководимой И.А. Худяковым и Н.А. Ишутиным².

Следствие по делу Чернышевского было наконец закончено. При огромном стечении народа на Мытнинской площади в Петербурге ему объявили приговор и произвели гнусный обряд

¹ Шестидесятые годы. М.; Л., 1933. С. 304–305.

² См.: Виленская Э.С. Революционное подполье в России (60-е годы XIX в.). М., 1965; Филиппов Р.В. Революционная народническая организация Н.А. Ишутина — И.А. Худякова (1863–1866). Петрозаводск, 1964.

«гражданской казни». М.А. Антонович, сотрудник «Современника» и близкий Чернышевскому человек, рассказывал, что после суда и приговора «мы с Григорием Захаровичем решили, чего бы это нам ни стоило, добиться свидания с Николаем Гавриловичем и обращаться с просьбами о разрешении свидания ко всевозможным властям»¹. С большим трудом они получили разрешение на встречу с Чернышевским после его возвращения в крепость с Мытнинской площади. Это было их последнее свидание.

Судьба осуждённого Чернышевского глубоко волновала Елисеева. Он отлично понимал и не один раз писал в своих воспоминаниях, что в лице Чернышевского русское общество потеряло талантливейшего писателя и организатора литературных сил. По вполне понятным причинам он ничего не мог сказать о том, что и революционная партия лишилась своего вождя и руководителя. С первого дня отправки Чернышевского на каторгу Елисеева не оставляет мысль об организации побега. Познакомившись через известного литератора-сибиряка И.А. Худякова с членами кружка Ишутина, Елисеев в беседе с ними, как они сами потом показали во время следствия по каракозовскому процессу, «между прочим заявил мысль о том, что полезно было бы заняться освобождением из каторжной... Чернышевского, что ему хорошо бы помочь деньгами и что он мог бы уехать с ними за границу»². Причём эту мысль он высказывал не один раз и нескольким лицам (Маликову, Ишутину, Моткову и др.). Мало того, с членами ишутинского кружка Елисеев обсуждал вопрос об устройстве артелей и разного рода ассоциаций. Так, во время следствия И.А. Худяков показал, что к Елисееву приезжали иногда лица из московского кружка для толков об ассоциациях и разных артельных обществах. Молодёжь составляла ассоциации под влиянием романа «Что делать?» Чернышевского³.

Таким образом, и после того, как Чернышевский оказался в Сибири, Елисеев пытался воплотить его идеи в жизнь и не только теоретически, но и практически. Известно, например, что он вместе с ишутинцами непосредственно участвовал в организации ассоциации рабочих Мальцевского завода⁴.

Поддерживая связь с революционерами, Елисеев не мог не знать, что за ним давно ведётся наблюдение, что чуть ли не каж-

¹ Шестидесятые годы. С. 130–131.

² ЦГАОР. Ф. 272. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 166. См. также: *Виленская Э.С.* Революционное подполье в России... С. 356–362; *Филитов Р.В.* Революционная народническая организация Н.А. Ишутина — И.А. Худякова... С. 177–181.

³ ЦГАОР. Ф. 272. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 518; см. также: *Партархив. 1926. Т. IV (XVII).* С. 111.

⁴ См.: *Виленская Э.С.* Революционное подполье в России... С. 282–294; *Филитов Р.В.* Революционная народническая организация Н.А. Ишутина — И.А. Худякова... С. 166–174.

дый его шаг регистрируется в III Отделении. Вот что, например, говорил председатель следственной комиссии по делу о казанском заговоре (1863) Жданов: «Мы, слава Богу, обзавелись верными людьми, теперь наша полиция не уступит наполеоновской, у нас в вагонах по железной дороге и за границей есть свои люди. Вот Чернышевский, хотя умный, каналья, и язвительно смеётся, а запрятали. Мы вот тоже окружили глазами и ушами Антоновича с Елисеевым, не увертятся...»¹

4 апреля 1866 года Д.В. Каракозов стрелял в царя Александра II. По стране прокатилась волна массовых арестов. В числе других были арестованы члены московского кружка, а также Худяков и др. И нет ничего удивительного, что уже в первые дни работы Следственной комиссии, учреждённой по делу Каракозова, имя Елисеева замелькало в протоколах допросов и очных ставок. Председатель комиссии М.Н. Муравьёв отдал приказ о немедленном аресте публициста. В квартире Елисеева был произведён обыск, все найденные бумаги опечатали и отправили в комиссию. Сохранилась опись отобранных при аресте документов и материалов Елисеева. Первой в описи значится: «Отдельная книга: сочинения Чернышевского в роскошном переплёте и в футляре»². Следует иметь в виду, что отдельным изданием сочинения Чернышевского к тому времени ещё не были изданы. И то, что имелось у Елисеева, было им самим собрано, специально переплетено и хранилось в особом футляре.

Обвинения, предъявленные Елисееву, были очень серьёзные. Ему вменялось в вину подстрекательство к освобождению «государственного преступника» Чернышевского, знакомство с членами кружка Ишутина и обсуждение с ними вопросов «об ассоциации, разных артелях и обществах»³. Всё это грозило каторгой. Только необычайная выдержка, хладнокровие и сдержанность спасли Елисеева от сурового наказания. Он отверг все предъявленные обвинения, следственная комиссия всё-таки вынуждена была из-за недостаточности улик освободить Елисеева из-под стражи. Но петербургскому обер-полицмейстеру было приказано «учредить строгий полицейский надзор за отставным коллежским советником Григорием Елисеевым, с отдачею его под благонадёжное поручительство, с обязанием подпискою о неотлучке из города впредь до особого распоряжения»⁴. Полицейский надзор сохранялся за Елисеевым вплоть до самой смерти.

¹ См.: *Евгеньев В.* Редакция «Современника» в 1866 году // *Голос минувшего.* 1915. № 1. С. 29.

² ЦГАОР. Ф. 272. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 54.

³ Там же. Ед. хр. 14. Л. 370.

⁴ Там же. Ф. 95. Оп. 1. Ед. хр. 260. Л. 7.

Глубокое уважение и чувство беспредельной любви к Чернышевскому Елисеев пронёс через всю свою жизнь, несмотря на то, что к концу 70-х годов его взгляды претерпели серьёзные изменения и в целом ряде вопросов он отошёл от убеждений своего учителя. В последние годы Елисеев работал над воспоминаниями, в которых о великом революционере сказано много тёплых и проникновенных слов. Отдельные части своих воспоминаний публицист готовил к печати. Но имя «государственного преступника» Чернышевского в то время ещё находилось под запретом. Поэтому Елисееву приходилось так говорить о нём, чтобы даже неискущённый читатель мог понять, о ком идёт речь. В статье «Дон Кихоты просвещения», сохранившейся в бумагах публициста, читаем: «...снять с русской мысли тот вековой гнёт, который давил её, дать ей возможность широкого полёта всюду, открывать ей самые широкие горизонты и вооружить всем необходимым для правильного зрения. Такова была задача, которую поставило себе лицо, составлявшее душу журнала»¹.

И всюду, где в бумагах Елисеева встречается имя Чернышевского, оно всегда окружено мало сказать любовью, скорее восторженным почитанием.

Целый ряд фактов позволяет сделать вывод о том, что Елисеев систематически оказывал ссильному Чернышевскому материальную помощь. До 1881 года он делал это, вероятно, сам. Потом Елисеев тяжело заболел и вынужден был несколько лет прожить за границей. Но его не оставляет мысль о том, что какое-то время он ничем не мог помочь своему опальному другу. Поэтому, едва поднявшись на ноги, Елисеев пишет Салтыкову-Щедрину письмо, в котором говорит о значительной сумме денег, которую якобы остался должен Чернышевскому и просит выполнить следующую просьбу: «Вы пишете, что взяли для меня в счёт дивиденда 3 тысячи рублей и купили на них облигации Петербургского кредитного общества... Прошу Вас — будьте так добры — передайте все купленные облигации А.Н. Пыпину, — если только кредитор мой находится ещё в живых, он, вероятно, знает, где он, и отошлёт их ему. Кроме того, скажите ему, что я, вероятно, найду возможность и в будущем году дать некоторую сумму в уплату моего долга»².

Вся эта история с долгом была придумана Елисеевым с целью конспирации. Он знал, что все его письма просматриваются и поэтому открыто говорить о посылке денег Чернышевскому было нельзя. В письме вообще не названо ни одного имени. О Черны-

¹ РО ИРЛИ. Ед. хр. 21668/СХ IXб 61. Л. 23.

² Письма Г.З. Елисеева к М.Е. Салтыкову-Щедрину. С. 84–85.

шевском говорится: «один человек», «мой кредитор», о А.Н. Пышине — NN.

Кстати, своё обещание помогать Чернышевскому и в дальнейшем Елисеев, по-видимому, выполнил и посылал ему 300 рублей ежегодно. Это подтверждается тем, что, составляя в 1886 году завещание, Елисеев специальным пунктом оговорил: «...ежегодно выдавать... проживающему в Астрахани Николаю Гавриловичу Чернышевскому... по смерти его триста рублей»¹. Кроме того, в завещании отмечалось, что в том случае, если на билеты внутреннего займа, хранившиеся в банке, выпал бы выигрыш, то часть его тоже должна быть выплачена Чернышевскому.

Таким образом, с полным основанием можно говорить, что Г.З. Елисеев в 60-е годы был близким Чернышевскому человеком, разделял его убеждения и вместе с ним принимал участие в революционном движении тех лет. Позднее, когда великий революционер-демократ оказался на каторге, отношение Елисеева к нему не изменилось. Он по-прежнему с глубоким уважением относился к Чернышевскому, стремился в меру своих сил продолжить дело своего учителя (это, к сожалению, не всегда ему удавалось), а также помогал ему материально.

Все приведённые выше факты позволяют говорить о том, насколько важное место занимал Елисеев в общественном и литературном движении 1860-х годов.

¹ РГАЛИ. Ф. 591. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 1 об.

А.П. ЩАПОВ И Г.З. ЕЛИСЕЕВ¹

Удивительно, как иногда похоже складывается жизнь разных, порой очень непохожих друг на друга людей. Примером может служить жизнь и литературная деятельность двух замечательных сибиряков — публициста Григория Захаровича Елисеева (1821–1891) и историка Афанасия Прокопьевича Щапова (1831–1876).

Оба они родились в семьях бедных священников, оба росли в деревне, образование получили сначала в бурсе, затем в семинарии и, наконец, в духовной академии (Елисеев — в Московской, а Щапов — в Казанской), оба после окончания учёбы оставлены были на преподавательской работе, оба проявили серьёзный интерес к церковной, а затем к гражданской истории. Но поскольку Елисеев был на десять лет старше Щапова, то он раньше завершил образование, раньше начал преподавать. Любопытно, однако, что в литературе Елисеев и Щапов выступили почти одновременно. Статья Елисеева «О Сибири» появилась в журнале «Современник» в конце 1858 года², а работа Щапова «О причинах происхождения и распространения раскола во второй половине XVII века и первой половине XVIII столетия» была напечатана в журнале «Православный собеседник» годом раньше.

¹ Впервые опубликовано: Сибирские огни. 1976. № 2. С. 182–192.

² Если быть более точным, то первыми печатными произведениями Елисеева были книги «История жизни первых насадителей и распространителей Казанской церкви святителей Гурия, Варсонофия и Германа» (1847) и «Краткое историческое сказание о чудотворных иконах Казанской, Седмиозерной, Раифской и Мироносицкой» (1849). Но эти работы были посвящены вопросам церковной истории и стоят особняком в литературном наследии публициста.

И всё-таки, конечно, не общность фактов биографии Елисеева и Щапова позволяет ставить их имена рядом, а та многолетняя и сердечная дружба, которая связывала этих двух замечательных деятелей.

Познакомились они, вероятнее всего, в 1852 году, когда Щапов поступил в Казанскую духовную академию, где уже несколько лет преподавал Елисеев. «В Казанской академии, — вспоминал позднее Елисеев, — мы были не только знакомы, но и довольно близки между собою. Потому что и он, и я были сибирские уроженцы, хотя он из Восточной Сибири, а я из Западной. Землячество между сибиряками вообще уважается, и где бы сибиряки ни были, они считают друг друга как бы родственниками»¹. Далее Елисеев рассказывает: «Два года он [Щапов. — *Н.Я.*] слушал у меня русскую гражданскую историю. Он был в числе лучших студентов, но ничем особенно от других не выделялся». Последнее утверждение не совсем верно. Уже в академии Щапов обратил на себя внимание необычайным трудолюбием, упорством, стремлением восполнить недостатки своего образования. «Он изумлял всех своим труженичеством, — писал Н.М. Ядринцев, хорошо знавший Щапова. — Часов по 17 он проводил... за конторкой, так что от его сапог образовались углубления на полу, студенты водили друг друга смотреть на это диво, и углубления прозвали ямами нового столпника, блаженного Афанасия»².

Серьёзное отношение к научным занятиям пробудилось у Щапова не без воздействия Елисеева, который был одним из самых уважаемых и чтимых профессоров Казанской духовной академии. Лекции его студенты слушали с громадным интересом. И это понятно. Ведь Елисеев был первым, кто открыто заговорил в академии «о горемычном житье народа и о крепостном праве», «о важности в русской истории народного элемента»³ и т.п. Многие из того, о чём говорил Елисеев в своих лекциях, Щапов прочно усвоил и позднее развил и углубил как в лекционном курсе, который он читал в Казанском университете, так и в ряде исторических исследований. Молодого учёного больше всего волновала мысль о путях улучшения благосостояния народных масс.

Позднее Елисеев вот ещё как объяснял повышенный интерес своего ученика к жизни народа, его истории и развитию его религиозных верований: «Подобно большей части людей, родившихся и воспитавшихся среди народа, Щапов, так сказать, с молоком матери всосал в себя любовь к нему, и идеи о его благосостоянии

¹ РО ИРЛИ. Ед. хр. 21698/СХ IX 6 65. Л. 92.

² Ядринцев Н.М. Жизнь и труды А.П. Щапова. Красноярск, 1919. С. 4.

³ Знаменский П.В. История Казанской духовной академии. Вып. III. Казань, 1892. С. 111, 278.

были всегда близки его сердцу. Суровая, аскетическая дисциплина духовно-учебных заведений, стоявшая в прямом противоречии с преподаваемым в них евангелическим учением о любви, отрицательным путём должна была способствовать уяснению и развитию этих идей, а внимательное изучение древних грамот, актов, в том числе множества поступивших из соловецкого монастыря в Казанскую академию раскольнических сочинений, полных самых разнородных протестов, должно было открыть более широкий горизонт для их применения»¹.

Конечно, всё, что говорил Елисеев о Щапове², было справедливым. Но, как нам кажется, публицист несколько преуменьшил своё влияние на формирование мировоззрения и научных интересов будущего учёного.

Потом пути Елисеева и Щапова на несколько лет разошлись.

В начале 1854 года Елисеев покинул Казанскую духовную академию и отправился на службу в Сибирь. А спустя пять лет мы видим его уже в Петербурге, где он вскоре становится одним из ведущих сотрудников революционно-демократических журналов «Современник» и «Искра».

Щапов же после окончания академии (1858) преподавал там, а в 1859 году был приглашён в Казанский университет, где, по словам Елисеева, «получил такую блестящую известность, которая едва ли доставалась на долю какого-нибудь профессора...».

И хотя все эти годы они не встречались, однако Елисеев, всегда внимательно следивший за текущей журналистикой, не мог не знать о работах своего бывшего ученика по истории русского раскола³, не мог не слышать и о том успехе, который сопровождал его лекции в Казанском университете.

В свою очередь, Щапов, по всей вероятности, был знаком с историческими исследованиями своего учителя, печатавшимися в «Современнике»⁴.

Годы 1859–1861-е были временем интенсивного духовного роста как Елисеева, так и Щапова. Первый, начав сотрудничать в «Современнике», полностью принял программу революционных демократов и стал активным деятелем революционного и общественно-литературного движения 60-х годов. Что же касается

¹ Елисеев Г.З. Сочинения. Т. 1. М., 1894. Стлб 728.

² Кстати, всё вышесказанное Елисеев мог с полным основанием отнести и к самому себе, с той только разницей, что сам он, в отличие от Щапова, не изучал столь глубоко и основательно историю русского раскола.

³ Он мог узнать о них, например, из рецензий Н.А. Добролюбова на работы Щапова «Голос древней русской церкви об улучшении быта несвободных людей» и «Русский раскол старообрядства», напечатанных в апрельской и сентябрьской книжках журнала «Современник» за 1859 год.

⁴ Там были напечатаны работы Елисеева «Богдан Хмельницкий. Соч. Н. Костомарова» (1859, № 12) и «Исторические очерки...» (1860, № 11).

Шапова, то и его мировоззрение в этот период претерпевает существенные изменения: он порывает с клерикализмом, становится материалистом и демократом. В своих лекциях и научных трудах Шапов начинает последовательно проводить мысль о том, что «главный фактор в истории есть сам народ, что сущность и содержание истории есть жизнь народная»¹, что управление государством необходимо строить на основе широкого привлечения народных масс, что крепостное право должно быть отменено и т.д.

Таким образом, формирование общественно-политических взглядов Елисеева и Шапова шло приблизительно в одном направлении. С той лишь разницей, что взгляды Елисеева отличались большей стройностью и цельностью, чему в немалой степени способствовали совместная работа и непосредственное общение публициста с вождем революционной демократии Н.Г. Чернышевским.

Шли годы. И хотя Елисеев и Шапов были хорошо осведомлены друг о друге, тем не менее встретиться им удалось только летом 1861 года. Произошло это так.

Вскоре после отмены крепостного права по всей стране прокатилась волна крестьянских бунтов. Самым крупным выступлением крестьян было восстание в селе Бездна, жестоко подавленное царскими властями. Свыше трёхсот человек было убито и ранено, а Антон Петров, возглавивший восставших крестьян, был по личному приказу царя расстрелян. Весть об этой жестокой расправе потрясла всех передовых людей того времени.

В знак протеста против бездненского кровопролития студенты Казанского университета отслужили панихиду по убитым, на которой с революционной речью выступил Шапов. Учёный осудил расправу над беззащитными крестьянами, заявив, что они «пали жертвами деспотизма за давно ожидаемую всем народом свободу», что их выступление разрушило «наше несправедливое сомнение, будто народ наш неспособен к инициативе политических движений». Свою речь он закончил словами: «Да здравствует демократическая конституция!»²

О выступлении Шапова стало известно правительству. По указанию Александра II историк был арестован и препровождён в Петербург. Сначала он находился в тюрьме, а затем в связи с болезнью был помещён в госпиталь. И вот тут-то Елисеев, ссылаясь на давнишнюю дружбу со Шаповым, сумел добиться разрешения на свидание с ним. В этом поступке проявилось незаурядное мужество публициста и его стремление помочь и поддержать своего старого друга в трудную минуту.

¹ Цит. по кн.: *Научитель М.В.* Жизнь и деятельность Афанасия Прокопьевича Шапова. Иркутск, 1958. С. 18.

² ОР РГБ. № п192. № 2.

Много лет спустя Елисеев рассказывал о встрече в тюрьме: «Мне было трудно узнать в Щапове не только прежнего студента Щапова, которого я знал восемь лет назад, но и писателя “раскола старообрядчества”, так обратившего на себя внимание»¹.

Да, конечно, Щапов изменился, и особенно за последние месяцы. Недаром он говорил Елисееву, что «во время... невольного переезда из Казани в Петербург он вырос умственно более, чем вырос бы в десять лет обыкновенной жизни»². Причину подобных перемен, происшедших со Щаповым, Елисеев объяснял тем, что «из мира идей», в котором он до сих пор только и вращался, он «попал прямо в объятия самой суровой действительности и здесь опытно понял, что людские отношения в мире действительности складываются не так стройно и гуманно, как в мире идей. Урок был суровый, но развивающий и полезный».

Елисеев, как только мог, старался скрасить пребывание Щапова в тюрьме. Он снабжал его газетами и журналами, рассказывал о новостях политической и литературной жизни, вёл с ним переговоры о сотрудничестве в столичных журналах, в том числе и в «Современнике»³.

В тюрьме Щапов пробыл до августа 1861 года, после чего был определён чиновником по раскольническим делам при Министерстве внутренних дел. Это было продиктовано тем, что правительство стремилось, с одной стороны, успокоить общественное мнение, возмущённое репрессиями, которые обрушились на Щапова, а с другой стороны, лишить историка трибуны, с которой он мог бы пропагандировать свои взгляды, и поставить всю его деятельность под свой контроль.

Щапов всё это отлично понимал и поэтому, находясь ещё в тюрьме, писал своим друзьям: «Г.З. Елисеев, когда испрашивал у Шувалова позволения увидеться со мной... слышал от него и передавал мне за достоверное, что будто я уже прикомандирован на службу по Министерству внутренних дел по делам крестьянским или раскольничьим. Если это правда, то едва ли я соглашусь поступить на это место. Кажется, предпочту частную учёно-литературную деятельность»⁴.

Перспектива стать чиновником ни в коей мере не устраивала Щапова. Единственное, что в какой-то мере смиряло его с будущей службой, так это, как он писал в одном из писем, «возможность извлечь из архива Министерства внутренних дел материа-

¹ РО ИРЛИ. Ед. хр. 21698/СХ IX6 65. Л. 92.

² Елисеев Г.З. Сочинения. Т. 1. Стлб 731.

³ ОР РГБ. № п192. № 2.

⁴ Там же. № 7.

лы для истории и современной характеристики демократических партий в расколе».

Как и следовало ожидать, Щапов чуть ли не с первых дней своей службы почувствовал себя ненужным и чужим в среде чиновников. Ко всему прочему, учёного постоянно угнетала мысль о том, что, хотя он и выпущен был на свободу, тем не менее дело, возбуждённое против него после событий в Бездне, ещё не было закончено. Щапов чувствовал, что за ним ведётся наблюдение, что полиция не спускает с него глаз. С горечью писал он в Казань: «Теперь нахожусь в гадком состоянии в распоряжении и под надзором Министра внутренних дел».

Только в декабре 1862 года Александр II утвердил решение по делу Щапова, согласно которому историк должен был быть подвергнут «вразумлению и увещанию в монастыре»¹. Местом ссылки предполагалось сделать один из монастырей Костромской губернии.

Решение это вызвало гнев и недовольство в среде демократической общественности Петербурга. Был составлен протест, направленный в защиту учёного. Вероятно, не без совета Елисеева; живейшее участие в составлении и организации подписей под ним принял Н.Г. Чернышевский. И хотя он сам собирался быть одним из членов депутации², которая должна была вручить протест министру народного образования А.В. Головнину, тем не менее Чернышевский в письме к Краевскому очень чётко определил, что именно следовало сказать при вручении протеста. По его мнению, депутация должна была заявить, что правительство подрывает свой авторитет, когда пересматривает дело, считавшееся уже решённым, что один «проступок не может подвергаться двум наказаниям»³.

Чернышевский считал, что Щапов и так уже сурово наказан. «Лишение кафедры, — говорил он, — было очень тяжёлым наказанием для человека, думавшего посвятить себя учёной и преимущественно профессорской обязанности». И теперь ещё одна кара. «Самый род второго наказания — ссылка в монастырь, — с возмущением писал Чернышевский, — показывает ли, что правительство чувствует различие между второю половиною XIX столетия и средними веками?»

Протест вручить не пришлось, так как правительство, боясь нежелательных эксцессов, пересмотрело своё решение. 19 февраля 1862 года Александр II повелел Щапова «простить и не отсылать в монастырь»⁴.

¹ Цит. по: *Лушинский Г.А.* Афанасий Прокопьевич Щапов // *Щапов А.П.* Собрание сочинений. Т. III. С. LI.

² Кроме Чернышевского, в неё должны были войти Н.А. Некрасов, издатель журнала «Отечественные записки» А.А. Краевский и журналист Н.Л. Тиблен, близкий в те годы к передовым кругам общества.

³ *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч. Т. XIV. М., 1949. С. 448.

⁴ Цит. по статье Г.А. Лушинского. С. LII.

Служба Щапова в Министерстве внутренних дел продолжалась недолго. К обязанностям своим он относился небрежно, на службу ходил редко, с начальством ссорился из-за притеснений министерской цензуры, которая не только выбрасывала целые куски из его статей, но порой запрещала их целиком. Поэтому, как только представилась возможность, Щапов подал в отставку.

Между тем с того самого времени, как Щапов вышел из тюрьмы, он много и напряжённо работал. Одновременно он завязывает тесные отношения с прогрессивными литераторами и с представителями революционно-демократических кругов. И особенно близким человеком для Щапова становится Григорий Захарович Елисеев, который знакомит его со своими литературными друзьями и единомышленниками. Известно, что Елисеев принимал активное участие в делах создававшегося тогда подпольного революционного общества «Земля и воля», куда он входил в качестве кандидата в члены Центрального комитета. Своего друга Елисеев познакомил с некоторыми деятелями общества, в частности с редактором журнала «Искра» В.С. Курочкиным, и привлёк Щапова к участию в некоторых делах «Земли и воли». Есть предположение¹, что издание еженедельного литературного и общественного журнала «Мирской толк», во главе которого предполагалось поставить Елисеева и его друзей (в том числе и Щапова), было принято с целью помочь организационно оформиться и укрепить обществу «Земля и воля».

Главная идея предполагавшегося издания заключалась в пропаганде необходимости замены самодержавно-крепостнического государства свободным демократическим строем. Вот что писал Щапов одному из своих друзей по поводу программы журнала «Мирской толк»: «Основная, потаённая идея журнала: общинно-демократическая, федеральная или союзная конституция русская. Основные начала её: мир, земство, уравнивание прав и средств развития низших классов народа с высшими, сельские мирские сходы и... думы, всеобщие земские общие федеральные советы и проч.»².

В делах нового журнала Щапов принял самое горячее участие: работал над составлением его программы, написал статьи «О русских раскольниках» и «О русском управлении XVIII века».

Однако издание «Мирского толка» не было разрешено. Ознакомившись с программой журнала, Петербургский цензурный комитет заявил, что «подобное периодическое издание, доступное простому народу и беднейшим классам наших сословий, получит, по всей вероятности, большое распространение и может этим

¹ См. кн. *Линков Я.Н.* Революционная борьба А.И. Герцена и Н.П. Огарёва и тайное общество «Земля и воля» 1860-х гг. М., 1964. С. 274.

² ОР РГБ. № п192. № 7.

произвести весьма вредное влияние на упомянутый класс читателей...»¹. На основании такого заключения правительство решило, что гораздо спокойнее будет издание журнала запретить.

Неудача не обескуражила Елисеева, Щапова и их друзей. После долгих поисков они решили взять в свои руки журнал «Век», находившийся тогда в крайне тяжёлом положении. Не было средств на его издание и, главное, не было подписчиков. Редактором обновлённого журнала стал Елисеев. Под его руководством «Век» за сравнительно короткую жизнь (журнал выходил с 18 февраля по 29 апреля 1862 года) заметно выделялся среди других петербургских газет и журналов последовательно проводимой демократической общественно-политической программой, чрезвычайно близкой к программе «Современника». Недалом вскоре после выхода первых номеров обновлённого «Века» цензор Ю.М. Богушевич писал: «“Век” обновлён значительным кружком сотрудников, отчасти отделившихся от “Современника”, которого отрицательное (демократическое) и возбуждающее направление перенесено ими и в новый орган, с той при том разницей, что в последнем [т.е. в «Веке». — Н.Я.] направление это осязательно опирается на реальную основу — на наш простой народ, через это и получает более устойчивости и влиятельной силы. Поэтому “Век” должен быть рекомендован особенно строгому вниманию гг. цензоров»².

Одним из самых активных сотрудников журнала «Век» был Щапов. Он опубликовал в нём статьи «Сельская община», «Земство», «Земские соборы XVII столетия» и др. Важно отметить, что в период совместной работы на поприще журналистики взгляды Щапова и Елисеева по многим вопросам общественно-политической жизни совпадали. Оба они были сторонниками конституции и мечтали о таком обществе, в котором господствовали бы демократические принципы равноправия и «народосоветия». Щапов и Елисеев считали, что можно предотвратить процесс буржуазного развития, на который вступала Россия.

Они разрабатывают теорию самобытного пути демократизации страны через возрождение и расширение земских начал, возникших ещё во времена Древней Руси, ратуют за созыв Земского собора, который в качестве органа народного самоуправления должен противостоять самодержавному деспотизму. Всё это в конечном итоге сводилось к требованию полной ликвидации самодержавного управления. Конечно, нельзя не видеть, что Елисеев и Щапов идеализировали земство, считая его образцом для демократической организации общества. Они не замечали тех глу-

¹ ЦГИА. Ф. 777. 1881. Оп. 2. Ед. хр. 97. Л. 2.

² Там же. Ед. хр. 1. Л. 3.

боких сословных противоречий, которые на протяжении многих веков существовали в земстве. В целом же, надо отметить, что, выступая сторонниками развития земских начал и созыва Земского собора, Елисеев и Щапов тем самым отстаивали социалистические принципы переустройства общества.

В январе 1862 года при активном участии Чернышевского и Елисеева в Петербурге был открыт Шахматный клуб, который вскоре стал своеобразным центром литературной и политической жизни писателей, учёных и журналистов.

Здесь проводили свои легальные встречи революционеры, велись конспиративные беседы, споры и дискуссии. К участию в Шахматном клубе Елисеев привлёк Щапова, который вскоре стал одним из самых деятельных его членов и был хорошо осведомлён о значении этого литературного центра. Не случайно поэтому историк писал своим товарищам в Казань, что он и его друзья собираются обсуждать в клубе «насуточные вопросы нашего времени: между прочим, будет речь и о литературных листках: “К молодому поколению”, “Великоросс” и т.п.»¹. И действительно, на своих собраниях члены клуба говорили о цензуре, об установлении свободы книгопечатания, о значении публичных лекций профессоров Петербургского университета и т.д. Агенты III Отделения, засланные в Шахматный клуб, доносили, что его члены «отличаются либеральным направлением», а шеф жандармов В.А. Долгоруков писал в своём докладе Александру II: «Главный предмет рассуждений их [Чернышевского, Некрасова, Елисеева и др. — Н.Я.] в клубе составляют необходимость конституционно-го правления и уничтожения цензуры»².

Казалось, что внешне для Щапова всё складывается не так уж и плохо. Однако «учёно-литературная деятельность», как говорил он сам, не приносила ему удовлетворения. Дело в том, что по складу своего характера Щапов не был ни кабинетным учёным, ни публицистом. Он был прежде всего преподавателем. Ему постоянно нужна была аудитория, с которой он имел бы возможность общаться, делиться своими мыслями и результатами своих научных изысканий. И совершенно прав был Елисеев, когда писал о Щапове: «Ему нужны были люди, которым он мог бы лично сообщить результаты своей работы, мог бы лично видеть, как зажигается в них его мысль, как она постепенно овладевает ими, как по мере его одушевления растёт их одушевление; одним словом — ему нужна была громадная аудитория, напряжённое внимание слушателей, восторженные лица...»³

¹ ОР РГБ. № п192. № 7.

² Дело Чернышевского. Сборник документов. Саратов, 1968. С. 125.

³ Сочинения Г.З. Елисеева. Т. 1. Стлб 732.

Но ничего этого не было. Не было многочисленной аудитории, не было вокруг молодёжи, не было, по существу, и журнальной трибуны, с которой Щапов мог бы говорить во весь голос о своих взглядах. Ведь в тех журналах, где печатал свои статьи историк, он был лишь рядовым сотрудником, и ему приходилось принимать во внимание как интересы читателей, так и общее направление издания, далеко не всегда совпадающее с его убеждениями. Ко всему прочему, надо было считаться и с цензурой, которая весьма придирчиво относилась к тому, что выходило из-под пера недавнего узника. В частности, цензура запретила такие работы Щапова, как «Раскол», «Регламентация и бюрократия» и др.

Летом 1862 года по стране прокатилась волна правительственных репрессий. В результате приостановлены были на восемь месяцев журналы «Современник» и «Русское слово», закрыт Шахматный клуб, арестованы Н.Г. Чернышевский, Н.А. Серно-Соловьевич, Н.В. Шелгунов и другие деятели революционно-демократического лагеря. Репрессии коснулись и Щапова. Он был привлечён к дознанию по делу о сношениях с «лондонскими пропагандистами» А.И. Герценом и Н.П. Огарёвым. К счастью, после нескольких допросов его оставили в покое.

Всё это самым гнетущим образом действовало на Щапова. В своей думе «Гражданская грусть» он с глубокой скорбью писал: «И о чём только не призадумаетесь, на что не взглянете, к чему не присмотритесь в нашей общественной жизни — всё возбуждает гражданскую грусть»¹.

Щапов становится нелюдимым, подозрительным. В каждом госте, в каждом новом знакомом ему видится шпион, подсланный полицией. Тоску свою Щапов старался заглушить вином... А в пьяном виде был он труден, порой невыносим. Щапов знал за собой эту слабость и больше всего боялся, что о его, не всегда пристойном, поведении узнает Елисеев, перед которым ему было мучительно стыдно. Один из близких знакомых Щапова, публицист С.С. Шашков, тоже уроженец Сибири, писал позднее: «Перед бывшим своим профессором Елисеевым он [Щапов. — Н.Я.] решительно пасовал и как школьник старался скрывать от него свои похождения. Запив, бывало, и поправившись через несколько дней, он просит знакомых: “Вы не говорите Григорию Захаровичу!..” Но знакомые в интересах Щапова говорили, и Щапов бывал в большом смущении, когда, приходя к Елисееву, слышал добродушно-насмешливый вопрос, что, отче Афанасие, пал еси?...»²

¹ Опубликовано в кн.: *Аристов Н.Я.* Афанасий Прокопьевич Щапов. СПб., 1883. С. 160.

² Новое время. 1876. № 245. 2 ноября.

Елисеев не только добродушно журил своего друга, но и настойчиво рекомендовал ему продолжать свои исторические исследования, старался найти ему работу, сделать так, чтобы он не испытывал материальных затруднений. И, конечно, по-прежнему привлекал его ко всем своим новым литературным предприятиям.

В конце 1862 года весьма благонамеренный журналист А.Н. Очкин решил издавать ежедневную газету «Очерки». В качестве редактора он пригласил Елисеева. Публицист согласился с тем условием, что сотрудников для газеты он подберёт сам и что Очкин вообще не будет вмешиваться во внутриредакционные дела.

Елисеев поставил перед собой цель — в очень трудное для передовой литературы время, когда были закрыты «Современник» и «Русское слово», сделать новую газету органом революционной демократии. И это ему в полной мере удалось.

Щапов был одним из первых сотрудников, кого Елисеев пригласил работать в новой газете. И уже в первом номере «Очерков», вышедшем 1 января 1863 года, была напечатана его статья «С Новым годом!», которая, точно так же, как и передовая, написанная Елисеевым, носила программный характер. Щапов, в частности, писал, что «истинное наше счастье зависит единственно от нас самих, от всей доброй воли народа, от его могучих, но задержанных и дремлющих сил, дарований, да от этих богатых, неистощимых естественных сокровищ, какими изобильно обладает русская земля!» Пока же годы идут, продолжал он, а «допетровское невежество и суеверие царюют в умственной жизни народа». Нам нужна «живая, светлая, здравая, энергическая неутомимо-деятельная мысль». Общество наше страдает «бедностью, мелочностью, малопроизводительностью мысли... невыработанностью или бессилием общественного мнения...»

Оглядываясь вокруг, Щапов нигде не видит сопротивления злу, протеста против него.

Приветствуя Новый год, учёный связывает с ним надежду на гласный суд, на выборы областных земских собраний, потому что, по его словам, «без свободы юридического и экономического саморазвития народного не может быть народной инициативы и успеха в просвещении и в общественном, материальном благополучии!»

Заканчивается статья весьма знаменательными словами Т. Маколяя: «Если вы хотите скорее и успешнее просветить народ, дайте только ему наперёд свободные права!»¹

¹ Очерки. 1863. № 1. 1 января. С. 1, 3.

Мысли, высказанные Щаповым в этой статье, были очень близки к позициям «Современника»¹, хотя отдельные суждения историка перекликались и со взглядами сотрудников журнала «Русское слово», считавших, что основной задачей общества в настоящий момент является овладение знаниями и распространение их.

Между тем положение Щапова с каждым днём становилось всё более сложным. Произведения его, одно за другим, запрещались цензурой, те же, которые удавалось провести через цензурные рогатки, безжалостно кромсались. Ко всему прочему, на Щапова ещё в конце 1862 года поступило несколько доносов, в одном из которых А.Н. Муравьёв² писал одному влиятельному лицу, что книга Щапова «Земство и раскол» «от начала до конца проникнута... мятежным духом, который обнаруживается в самых резких выражениях», что сущность этой книги заключается в изображении раскола «как *протеста земства против правительства*»³.

В результате уже осенью 1862 года правительственные круги решили выслать Щапова из столицы. Комиссия, созданная для наблюдения за лицами «неблагонадёжного поведения», решила: «Принимая во внимание, что бакалавр Щапов своими действиями заявил себя перед правительством как человек неблагонамеренный и замечен полицией в буйстве, постановлением от 30-го минувшего ноября заключили: выселить Щапова из С.-Петербурга с учреждением за ним в месте нового жительства секретного надзора и воспрещением въезда в столицу»⁴.

Щапова предполагали сослать в его родное село Анга, один из самых глухих районов Восточной Сибири. И только благодаря хлопотам друзей учёного, понимавших, что это погубит его, местом ссылки Щапову был назначен Иркутск.

Вместе со своей женой Ольгой Ивановной весной 1863 года Щапов прибыл в Иркутск, где и прожил до конца своих дней. Но и здесь правительство не оставило учёного в покое. Не прошло и года, как Щапова обвинили в принадлежности к обществу си-

¹ Известно, что Н.Г. Чернышевский внимательно следил за деятельностью Щапова и считал необходимым привлечь его к сотрудничеству в «Современнике». Весной 1862 года по инициативе Чернышевского на квартире А.Н. Пыпина состоялась встреча со Щаповым, где, по словам Н.Я. Аристова, «целый вечер продолжался горячий спор между ними о коренных воззрениях на русскую историческую жизнь и современное состояние народов» (Аристов Н.Я. Афанасий Прокопьевич Щапов. СПб., 1883. С. 91).

² А.Н. Муравьёв (1806–1874) — писатель, автор книг на религиозные темы. М.В. Научитель в своей книге «Жизнь и деятельность А.П. Щапова» (Иркутск, 1958) ошибочно считает автором доноса М.Н. Муравьёва.

³ Русский архив. 1882. № 6. С. 210 (разрядка автора. — Н.Я.).

⁴ А.П. Щапов в Иркутске (Неизданные материалы). Иркутск, 1938. С. 89.

бирских областников (или, как их ещё называли, — «сепаратистов»). И хотя его причастность к делу доказать не удалось, тем не менее новый арест, путешествие под конвоем в Омск, допросы и т.п. — всё это снова напомнило Щапову, что он не волен в своей судьбе, что каждую минуту за ним могут прислать жандармов и отправить куда угодно, даже на каторгу.

Нелегко жилось Щапову и в Иркутске. Не было условий для серьёзных занятий, не было рядом близких друзей. Только очень немногие люди приняли участие в судьбе учёного. Одним из них был выдающийся русский революционер Г.А. Лопатин. Позднее он писал о своих встречах со Щаповым: «Я рвался к нему, как к единственному человеку, с которым я мог вполне откровенно поговорить о своих насущных заботах, о своих и общих невзгодах, о своих и общих надеждах и о своих затеях... Мы горячо спорили о всяком явлении минуты, заглядывали в будущее...» И далее: «В нашей помойной яме, именуемой Иркутском, несмотря на сорокатысячное население, нет ни одной порядочной библиотеки. Вот и приходилось Щапову перебирать свои старые выписки... Невесёлая перспектива для человека, так всецело преданного своим занятиям, как Щапов!»¹

Сближению Лопатина и Щапова в немалой степени способствовало то обстоятельство, что оба они хорошо знали и глубоко уважали Григория Захаровича Елисеева.

Лопатин и Елисеев познакомились в середине 60-х годов, когда оба они имели непосредственное отношение к делам подпольного революционного центра в Петербурге. О том, что они хорошо знали друг друга, свидетельствует письмо Щапова к Елисееву, в котором он просил своего друга и учителя принять и оказать содействие некоему В.А. Бельцову, который «наслышался об вас от нашего славнейшего молодца-“бигуна”, сидящего теперь в остроге». «Бигун» — это Лопатин, находившийся в то время под арестом за попытку организовать побег Н.Г. Чернышевского из Сибири.

К тому времени Елисеев стал одним из ведущих публицистов революционно-демократической журналистики. В своих статьях и «Внутренних обозрениях», печатавшихся сначала на страницах «Современника», а после его закрытия в обновлённом журнале «Отечественные записки», он ставил и решал важнейшие вопросы русской общественно-политической жизни: о положении крестьянства, об эмансипации женщин, о народном образовании и т.п.

Не терял связи Елисеев и с революционным подпольем. Он принимал участие в делах ищутинского кружка, где, в частности,

¹ Герман Александрович Лопатин (1845–1918). Автобиография. Показания и письма... Пг., 1922. С. 96–97, 128–129.

выступил одним из инициаторов организации побега Н.Г. Чернышевского с каторги, был близок с И.А. Худяковым, руководителем Петербургской подпольной организации. И поэтому нет ничего удивительного в том, что вскоре после покушения Д. Каракозова на царя Александра II весной 1866 года Елисеев был арестован и несколько месяцев провёл в одиночной камере Петропавловской крепости. Однако следственной комиссии, во главе которой стоял М.Н. Муравьёв, не удалось собрать достаточно веских улик, чтобы отдать его под суд. Он был освобождён под «строгий полицейский надзор», который сохранялся за ним до самой смерти.

Щапов между тем, поселившись в Иркутске, ни на минуту не оставлял мысли о том, чтобы ему рано или поздно в конце всё-таки вернуться в Петербург, где он смог бы продолжить свою учёную и литературно-общественную деятельность. Но ему хотелось появиться там обогащённым новыми знаниями, новыми впечатлениями. Поэтому, едва приехав в Сибирь, он включается в работу Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества: выступает там с лекциями и докладами, принимает участие в экспедиции по изучению Туруханского края, отправляется в Верхоленский уезд Иркутской губернии для сбора этнографических материалов и т.д.

Не оставляет Щапов и своих научных и литературных занятий. Один за другим отправляет он в Петербург пакеты с публицистическими статьями, отрывками из больших исторических исследований, материалы экспедиций. Учёный стойко переносил обрушившиеся на него невзгоды. По словам Г.А. Лопатина, в первые годы жизни в Сибири «это не был старик, спокойно переживающий сладкие подробности былого, а полный жизни человек, глубоко волновавшийся настоящим, горячо борющийся за будущее».

Но все эти благородные устремления Щапова не нашли отклика в среде иркутского общества, где он, по словам Елисеева, чувствовал себя «одиноким, заброшенным, несчастным». Ко всему прочему прибавились и тяжёлые материальные затруднения.

Пока была здорова жена Щапова, Ольга Ивановна, ещё кое-как удавалось свести концы с концами (О.И. Щапова преподавала в гимназии), а когда она заболела и вынуждена была оставить работу, стало совсем худо. В иные дни не на что было купить даже лекарства для больной, а порой — и хлеба. Всё это заставляло Щапова спешно работать, вырывать из своих больших исследований отдельные фрагменты и переделывать их в журнальные статьи.

Учёный обращался за помощью в Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества, в Литературный фонд,

ко многим своим прежним знакомым. Но либо отказывали в помощи, либо она была столь незначительна, что ни в коей мере не могла хоть на время поправить его материальные дела.

Пожалуй, только у Елисеева Щапов всегда находил и слова ободрения, и материальную поддержку. К сожалению, письма публициста к Щапову не сохранились. Но они были, и немало их было. Об этом можно судить по письмам учёного, которые он посылал своему другу.

Удивительны эти письма! Трудно себе представить, сколько заключалось в них человеческого горя, страдания, а порой и отчаяния. Своему учителю, наставнику и другу Щапов рассказывал о трудной жизни, о беспросветной нужде, о равнодушии окружающих его людей. Чуть ли не в каждом письме Щапов писал об «отсутствии жизненного обеспечения», об «изыскании займа деньжонок», о «долгах и бедствиях», которые совсем замучили его. «А я в настоящее время... обнищал, оскудел до конца и великими долгами одолжен»¹, — с горечью сообщал он в одном из писем, написанных в середине 1872 года.

Но в письмах Щапова к Елисееву содержатся не только жалобы на горькую участь и материальные невзгоды. В них учёный делится со своим другом замыслами новых исследований, советуется с ним по самым различным вопросам, просит прислать книги, которых не мог достать в Сибири (например, «Капитал» К. Маркса), обращается с просьбами подредактировать его статьи — с тем чтобы провести их через цензурные рогатки, узнать о возможности издания собрания сочинений...

Ни в одном письме Щапова нет и намёка на то, что Елисеев не выполнил хоть какую-нибудь из его просьб. А публицисту стоило немалых трудов выхлопотать для своего друга материальную помощь, провести его статьи через цензурное ведомство и, наконец, просто найти место для его работ даже в журнале «Отечественные записки», одним из редакторов которого он был. Ведь, как правило, Щапов присылал ему очень большие статьи, иной раз чуть ли не целые книги, которые приходилось разбивать на отдельные части и публиковать в течение нескольких месяцев. Так, например, его работа «Мирозерцание, мысль, труд и женщина в истории русского общества» печаталась в журнале «Отечественные записки» с перерывами в течение полутора лет. И это, конечно, было трудно для журнала, который, по словам Елисеева, имел «свою программу довольно разнообразную и... без ущерба для этой программы не мог помещать на своих страницах слишком объёмистые трактаты или целые книги»².

¹ А.П. Щапов в Иркутске. С. 74–75.

² Соч. Г.З. Елисеева. Стлб 746.

Всё это Щапов понимал и не мог не ценить. Поэтому он и называет Елисеева в своих посланиях «всесердечно-любимым учителем», «другом», «братом». Особенно интересно письмо Щапова от 24 декабря 1872 года, где он говорит о том, какую роль Елисеев сыграл в его жизни и какое влияние он оказал в своё время на молодёжь Казани и Петербурга. «Чем больше я живу в Сибири, — писал учёный, — тем более преисполняюсь живейшим воспоминанием об вас, глубочайшим уважением к вам. Одно из самых задушевных моих желаний — оставить хоть в памятных набросках своих искреннее, теплосердечное, доброе воспоминание об вас, о вашем благотворном влиянии на молодёжь в Казанской духовной академии и в Питере, в среде студентов, о вашем благотворном влиянии на нас, мало “бодрствовавших над собой”, как вы выражались в одном письме ко мне, о нашем месте в литературе...»¹

Одному из первых Щапов поведал Елисееву о новом горе, которое обрушилось на него. «С 12 на 13 марта, — писал он, — со мной случилось величайшее роковое в моей жизни несчастье — умерла дорогая моя жена»².

Это был страшный удар для Щапова. Теперь он всё чаще и чаще думал о смерти. К жизни его привязывало только одно — неоконченные литературные дела и замыслы, которые он ещё не успел осуществить. «Теперь одна только дума озабочивает меня, — писал в том же письме учёный Елисееву, — как бы скорее и благоуспешнее закончить некоторые свои работы, как бы высказать в литературе ещё несколько мучающих душу дум, — чтобы затем, хоть бы и через полтора или через год, достойно и праведно лечь рядом с ней [О.И. Щаповой. — Н.Я.] в могилу».

Слова Щапова оказались пророческими. Не прошло и двух лет, как его не стало. Он умер 27 февраля 1876 года.

Памяти своего друга Елисеев посвятил большую часть «Внутреннего обозрения», опубликованного в майской книжке журнала «Отечественные записки», где с горечью писал, что только после того, как Щапова не стало, о нём вдруг «вспомнили и заговорили. Но при жизни общество с давних лет забыло его. Из русских деятелей едва ли можно указать ещё другого, который бы в моральном отношении получил так мало из всего того, что так жадно желал, и который бы находился в таком жалком материальном положении».

Пожалуй, никому из людей того времени не удалось так глубоко охарактеризовать личность замечательного учёного, вскрыть причину его трагической гибели, как это сделал Елисеев. О своём умершем друге он писал как о человеке «огромного таланта»

¹ А.П. Щапов в Иркутске. С. 77.

² Там же. С. 81.

и большого обаяния. «Это была личность в высшей степени симпатичная. Вся мысль его, вся душа его сосредоточивалась в его науке и в текущих общественных идеях и вопросах. Остального ничего для него точно не существовало».

Но по прихоти правительства, оказавшись в ссылке, Щапов, по существу, был лишён возможности заниматься научными изысканиями, а отсутствие материальной поддержки заставляло его браться за любую работу. «Он должен был постоянно писать, — говорил Елисеев, — писать что-нибудь, чтобы не сидеть без хлеба. Понятно, что вместо зрелых трудов он должен был давать только недоноски, часто в зачаточном состоянии».

По мнению Елисеева, Щапов мог бы ещё многое сделать, но его прежде времени свели в могилу беспрестанные гонения, которым он подвергался, равнодушие общества, а также отсутствие моральной и материальной поддержки. И ещё учёного угнетало отсутствие перспективы: надежд на возвращение в Петербург не было, к преподавательской деятельности пути ему были отрезаны, к тому же его статьи в силу целого ряда причин всё реже и реже появлялись на страницах журналов. «Щапов не вынес тройного гнёта, — писал Елисеев, — материальной нужды, общественной безучастности и безнадёжности — и погиб»¹.

Редакция журнала «Отечественные записки», по всей вероятности, предполагала посвятить Щапову ещё одну, но на этот раз более обстоятельную специальную статью. Во всяком случае, Елисеев не случайно в конце своего «Внутреннего обозрения» обратился ко всем, кто знал умершего историка, с просьбой присылать в редакцию воспоминания, заметки о нём и его жене. Всё это, по его словам, послужит «материалом для биографии Щапова».

Выступление Елисеева в «Отечественных записках», в котором было сказано немало горьких, но справедливых слов по адресу иркутского общества, оставившего Щапова без всякой поддержки, вызвало недовольство со стороны редакции газеты «Сибирь». В отделе «Иркутская хроника» редакция попыталась представить дело так, что интеллигенция Иркутска всегда помогала Щапову и окружала его вниманием, что постоянная материальная необеспеченность учёного была ничем иным, как следствием его «крайней простоты, безалаберности характера и известной слабости»².

Подобное выступление Елисеев не мог оставить без ответа. В сентябрьской книжке журнала «Отечественные записки» за 1876 год он привёл новые факты и доказательства, которые свидетельствовали о том, что его упрёки иркутской интеллигенции

¹ Соч. Г.З. Елисеева. Стлб 727, 735, 736, 744.

² Сибирь. 1876. № 23. 11 июля.

были совершенно справедливы, что Щапов действительно «был недоволен иркутским обществом... что из этого недовольства иркутскою жизнью у него выродилось враждебное отношение даже ко всей Сибири».

К сожалению, Елисеев так и не написал биографию своего друга и ученика. Помешали сначала бурные события конца 70-х годов, а потом болезнь публициста, из-за которой он в начале 1881 года вынужден был оставить литературу. Правда, в конце жизни тяжело больной Елисеев несколько раз пытался начать работу над воспоминаниями, в том числе и о Щапове, но ничего законченного ему создать не удалось. Однако то, что было написано Елисеевым и напечатано в «Отечественных записках», послужило отправным моментом для всех, кто писал о Щапове позднее.

Почти сто пятьдесят лет прошло со дня смерти замечательного учёного-историка Афанасия Прокопьевича Щапова, его творческое наследие стало в XX веке предметом самого пристального изучения. О Щапове написаны книги, его трудам посвящены многие работы исследователей. И это не случайно. Ведь Щапов был представителем самого передового в XIX веке революционно-демократического направления в русской исторической науке. Его взгляды на историю Древней Руси, на общественное развитие современной ему русской действительности во многом перекликались со взглядами крупнейших деятелей революционной демократии Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова. При этом нельзя не отметить, что огромное влияние на формирование революционно-демократического (пусть не всегда последовательного) мировоззрения Щапова оказал Г.З. Елисеев. И поэтому, чувствуя память выдающегося историка, мы не можем не вспомнить замечательного сибиряка, одного из лучших публицистов революционно-демократического лагеря Григория Захаровича Елисева, которому Щапов был столь многим обязан.

Ф. ПАЛАЦКИЙ И ЕГО ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ В ОЦЕНКЕ РУССКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ¹

Имя выдающегося чешского учёного и публициста Ф. Палацко было хорошо известно в учёных кругах России второй половины XIX века. Ещё в 1846 году его избрали почётным членом «Общества истории и древностей российских» при Московском университете. Позднее Ф. Палацкий становится членом-корреспондентом Академии наук, членом Русского географического общества, Московского археологического общества и других научных учреждений. Труды чешского учёного внимательно изучались в России и неоднократно рецензировались в периодической печати, где, как правило, получали высокую оценку. Об интересе к личности и деятельности Ф. Палацко свидетельствует и такой факт: в «Современной летописи» (1865, № 30–33), выходящей в качестве воскресного приложения в газете «Московские ведомости», была опубликована его биография. В мае 1867 года Ф. Палацкий побывал в Москве на Славянском съезде, где ему была устроена тёплая встреча. Известно также, что в течение многих лет он переписывался с деятелями русской науки и, в частности, с историком М.П. Погодиным.

И поэтому нет ничего удивительного, что когда Ф. Палацкий опубликовал свой знаменитый *Doslov* к сборнику Radhost (dl. 3, Prag, 1872), прозвучавший как политическое завещание² чешского учёного, он не мог остаться без внимания в России.

¹ Впервые опубли.: Pochta Františku Palackému. Václavkova. Olomouc, 1979. С. 182–190.

² Именно так оно было названо самим Ф. Палацким в отдельном издании, переведённом им на немецкий язык, — Politisches Vermächtniss (Palackys Politisches Vermächtniss. Prag, Teodor Moren, 1872).

Среди первых, кто откликнулся на выступление Ф. Палацкого, был один из редакторов и ведущих публицист лучшего русского демократического журнала «Отечественные записки» Г.З. Елисеев. В разделе «Иностранная хроника» декабрьской книжки журнала за 1872 год он дал развёрнутую характеристику деятельности Ф. Палацкого и анализ его политического завещания.

Нельзя не отметить ту оперативность, с какой Елисеев отозвался на заявление чешского учёного. Он познакомился с ним, по всей вероятности, в немецком переводе не ранее ноября (небольшое предисловие к брошюре Ф. Палацкого *Politisches Vermächtniss* датировано 31 октября 1872 года), а 18 декабря журнал «Отечественные записки» со статьёй русского публициста уже вышел в свет.

Обращение ведущего сотрудника «Отечественных записок» к личности Ф. Палацкого и его программному заявлению, конечно, не было случайным. И дело здесь не только в том, что демократическая печать всегда с большим вниманием относилась к жизни славянских народов, в том числе и к чехам¹. Русских демократов глубоко волновал вопрос о положении славян, находившихся под иноземным игом.

В начале 1871 года в журнале «Отечественные записки» Елисеев напечатал большую статью «Австрия», где наряду с анализом политической обстановки в этой стране большое место было уделено характеристике состояния славянских народов, входящих в состав Австро-Венгерской империи. При этом публицист отметил, что сохранение в Австрии централизованной власти и лишение славянских земель самоуправления неминуемо приведёт к тому, что «ей останется при такой политике одно из двух: или быть вечным, покорным вассалом Германии, или в случае столкновения с последнею поплатиться за свою непокорность не только своими немецкими провинциями, но и прилежащими к Пруссии лучшими славянскими провинциями, т.е. Богемиею, Моравиею и Селезиею...»²

Уже в этой статье Елисеев высказывает мысль о том, что в целях сохранения своей самостоятельности Австрия должна отка-

¹ Например, ещё в начале 1863 года газета «Очерки», выходившая под редакцией Елисеева, опубликовала статью «Письма о чехах» (№ 33 и 41), в которой было высказано немало тёплых и сочувственных слов о чешском народе — см.: *Jakušín N. Česká otázka v ruském listu 'Očerki' // 'Slovanský přehled. 1969. № 1. С. 48–49.* В журнале «Отечественные записки» была напечатана рецензия на книгу чешского учёного Ф. Ригера «О капитале и труде...» (1868, № 9), статья В.А. Бильбасова «Чех Ян Гус из Гусеницы» (1868, № 8), рецензия на книгу А.Ф. Гильфердинга «Гус. Его отношение к православной церкви» (1871, № 9) и др.

² Отечественные записки. 1871. № 4. С. 354–355.

заться от централизованного управления и встать на путь федерализма, который обеспечит ей независимость от Германии, потому что «центр её силы будет опираться тогда не на немецкую, а на славянскую народность. Тогда — пишет публицист — Австрии нечего будет бояться ни столкновения с Германией, ни поглощения ею; ибо ненависть славян к немцам воспитана веками и так благонадёжна, что даже в случае решительного поражения они согласятся скорее на поголовное уничтожение, чем снова на воссоединение с немцами для новых опытов германизации»¹.

Создание в 1867 году дуалистического государства Австро-Венгрии, по мнению Елисеева, не решение вопроса. Вместо единой централизации там было создано две: немецкая и мадьярская. Но как та, так и другая выступает против любого вида самостоятельности славянских земель. Ко всему прочему, издавна существующая вражда между немцами и мадьярами не уничтожилась, а только видоизменилась.

Елисеев высказал надежду, что положение славян, входящих в состав Австро-Венгрии, может измениться в результате прихода к власти в 1871 году нового правительства, составленного из таких деятелей, как Гогенварт, Шеффле, Габетинек, Иречек, поскольку в его программе есть пункт об обеспечении равноправности всем народностям и о расширении их законодательной и административной автономии. Но, замечает публицист, «что успеет сделать новое министерство, насколько оно будет в состоянии выполнить объявленную им программу — предсказать это невозможно»². И далее он обещает время от времени давать читателям «отчёт о ходе дел в Австрии»³.

Но политика министерства Гогенварта вызвала резкую оппозицию со стороны централистов, и под нажимом «патриотически настроенных» немцев император Франц-Иосиф дал ему отставку. К власти пришёл новый кабинет во главе с Ауэрспергом, который начал проводить жёсткую политику в отношении славянских народов. И в первую очередь это коснулось чехов. В ответ чешские депутаты объявили австрийскому рейхстагу бойкот, а Ф. Палацкий выступил со своим известным политическим завещанием, где осудил свою веру в то, что австрийцы обладают чувством справедливости и преисполнены прогрессивных намерений в отношении славянских народов. Чешский учёный заявил, что австрийцы попирают права чехов и строят государство, основанное на лжи и угнетении, и что он отказывается от своих надежд на самостоятельность чешского народа в рамках Австро-Венгрии. Ф. Палац-

¹ Отечественные записки. 1871. № 4. С. 355.

² Отечественные записки. 1872. № 12. С. 384.

³ Там же.

кий по существу высказал мысль о необходимости отделения чехов от австрийской империи.

Выступление Ф. Палацкого дало Елисееву повод снова обратиться к славянским делам и в первую очередь к положению чехов. Кроме того, это давало ему возможность поставить вопросы, имеющие непосредственное отношение к России, что, кстати, вообще было характерно для русской революционно-демократической публицистики, стремившейся решение любых проблем (в том числе и вопросов международной политики) связать с насущными потребностями русской действительности.

Раздел «Иностранной хроники», посвящённый Ф. Палацкому, написан Елисеевым необычайно ёмко. Публицист не только характеризует личность чешского учёного, его роль и место в жизни своего народа, но и говорит об исторических судьбах чехов, о задачах чешского возрождения, о панславистских идеях, получивших широкое распространение как в России, так и в ряде европейских стран, о задачах, стоящих перед русским обществом, о судьбе русских литераторов.

Многие мысли, высказанные Ф. Палацким в *Doslove*, были близки и понятны Елисееву. И тем не менее с некоторыми суждениями чешского учёного публицист не мог согласиться. Например, ему, убеждённому материалисту, последователю революционно-демократических взглядов Н.Г. Чернышевского, было глубоко чуждо отрицательное отношение Ф. Палацкого к атеизму, к идеалам интернационализма, коммунизма и социализма. Прямо об этом Елисеев не говорил. Но вся его литературно-общественная деятельность, его сочувственное отношение к работам К. Маркса, которые он неоднократно цитировал в своих статьях, хотя далеко не всегда понимал всю глубину марксистского учения, его отрицательное отношение к самодержавной власти свидетельствовали о серьёзных расхождениях во взглядах русского публициста и чешского учёного.

Можно говорить и об их различном подходе к решению целого ряда других проблем. Но в целом деятельность Ф. Палацкого и его единомышленников, плеяды писателей так называемого чешского возрождения, вызвала у Елисеева глубокое сочувствие. В них он видел образец честного и самоотверженного служения интересам своей родины и своему народу.

Заслугу Ф. Палацкого и его последователей русский публицист видел в том, что «в униженном, упавшем, потерявшем веру в себя народе, они пробудили сознание нравственного достоинства, чувство национальной славы и величия, выработали его литературный и научный язык, создали литературу, соединили распавшиеся классы общества для действия к одной цели, и, стоя во гла-

ве его умственного и политического движения, они дали ему не только почётное положение в Австрии, образовав в нём противовес немецким стремлениям, но и обратили на него внимание всей Европы»¹.

Значение Ф. Палацкого, по словам Елисеева, заключается не только в том, что он своими трудами в области истории убедил чехов в их славном прошлом, но и в том, что ему удалось пробудить в них надежду на славное и великое будущее. И немаловажную роль в этом сыграла идея панславизма, разработанная чешским учёным и его сторонниками в противовес пангерманизму. Отношение русского публициста к идее панславизма было весьма сдержанное. По его мнению, в ней было много неопределённого и неясного. В разных странах она проявилась и толковалась по-разному. Поэтому к оценке панславизма Елисеев подходил дифференцированно. Он допускал, что в определённых исторических условиях, в зависимости от политической и социальной обстановки, сложившейся в той или иной стране, идея панславизма могла оказать весьма благотворное влияние на развитие самосознания народа. Так произошло в Чехии. «Среди славян, рассеянных между немецкими племенами, — писал публицист, — где шла действительная борьба, где даже обыденные неизбежные столкновения усиливали взаимную враждебность племён, как в Чехии, она была живым началом, действительной силой: она вливала бодрость в чехов, давала им чувствовать, что они не одни, что за ними стоит сила, ничуть не уступающая силе немцев, и ещё, пожалуй, и позначительнее её, и что с немцами они могут потягаться»².

И в то же время панславистские идеи для России, по убеждению публициста, оказались бесплодными, так как они, по словам Елисеева, явились «в форме абстракта, развившегося в разные уродливые славянофильские теории». Причину этого публицист видел прежде всего в умственном застое русского общества, которое не способно откликнуться ни на одну живую и свежую мысль. И в этом нет ничего удивительного, говорил он, «ибо мы не знаем ни одной самой жизненной идеи, которая, попав в переделку русской жизни, не оказалась бы совершенно бесплодной или не вышла бы до того опошленной, что сам виновник её ужаснулся бы, если бы увидел её в данном ей нашею жизнью образе»³.

Вместе с тем Елисеев писал, что необходимо различать панславистские идеи, разработанные чешскими общественными деятелями, и панславизм славянофилов. Он осуждает тупое зубоскальство русских либералов, которые заявили, что панславизм вообще

¹ Отечественные записки. 1872. № 12. С. 339–340.

² Там же. С. 341.

³ Там же.

есть не что иное, как несбыточная мечта. Да, говорит публицист, это мечта, но которая подняла народ [имеется в виду чешский народ. — *Н.Я.*], дала ему уверенность в своих силах, вливает в него бодрость и энергию»¹. А раз так, то смеяться над этим нельзя.

Панславистские идеи Елисеев не разделял. Но он понимал, как важно в определённый момент общественного развития той или иной страны выдвинуть идею, способную сплотить народ, поднять его на борьбу, заставить его проявить всё, на что он способен. Именно такой идеей для чехов, по мнению публициста, стал панславизм.

В подцензурной печати Елисеев не мог сказать, что в России тоже была своя великая идея, идея, выдвинутая революционерами-демократами, суть которой заключалась в свержении самодержавия революционным путём и в уничтожении всех форм эксплуатации. Более актуальной и прогрессивной идеи никто русскому обществу в то время предложить не мог. И менее всего на это способны были русские либералы. Это отлично понимал публицист, когда писал, что мы стали бы прославлять наших либералов, если бы они сумели предложить такую идею, такую мечту, которая «подняла бы наше общество, заставила бы его неутомимо работать над своим развитием, соединила бы его для действия к единой цели и дала бы ему такую же энергию и упорство в преследовании этой цели, какими отличаются чехи»².

Как жаль, замечает Елисеев, что мы пренебрегаем опытом жизни других народов и в особенности народов, близких нам по духу. Ведь «если бы наше общество, — говорил он, — лишь на треть столько же, сколько чехи, трудилось над своим самообразованием и на треть столько же, как они, было бы неутомимо в преследовании своих задач, мы могли бы почитать себя счастливыми»³.

По словам Елисеева, Ф. Палацкому не удалось осуществить все свои начинания и ему пришлось раньше времени оставить политическую арену. Но несмотря на это, чешский учёный не потерял веру в свой народ и был убеждён в том, что он «воскреснет к новой жизни, какие бы обстоятельства его ни постигли»⁴.

В России же публицист не видит деятелей, подобных Ф. Палацкому. Правда, чешский учёный чем-то напомнил ему русского историка М.П. Погодина. Оба они, писал Елисеев, «начали своё поприще изучением и разработкою памятников отечественной истории, оба посвятили этому делу лучшие годы своей жизни и оба, одинаково увлечённые древним величием славянства,

¹ Отечественные записки. 1872. № 12. С. 350.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 348.

отдались со всею страстью идее панславизма¹. Однако результаты их деятельности, по словам публициста, оказались далеко не однозначными. Если Ф. Палацкий шёл от архивных источников к жизни и из историографа сделался политическим вождём своего народа, то М.П. Погодин не кончил ничем, сделавшись «добрым московским гражданином, членом Московской думы, членом акционерных обществ, представителем учёного элемента на разных парадных обедах и т.д.»².

Симпатии Елисеева всецело на стороне Ф. Палацкого, который близок ему тем, что не остался равнодушным к судьбе своей родины, что «не мог вынести, чтобы его отечество, когда-то славное, находилось в том унижении, в которое поставили его немцы; он задался мыслью сделать его таким же самостоятельным и славным, каким оно было когда-то, и дать ему гегемонию в австрийском конгломерате различных народностей»³.

И Елисеев задаёт вопрос, чья же деятельность, М.П. Погодина или Ф. Палацкого, может вызвать сочувствие: «Что лучше: окончить ли благополучно и во время почить на лаврах», как это сделал М.П. Погодин, или «тянуть бесполезно целую жизнь борьбу, и в результате не получить ничего, кроме разочарования»⁴, как это произошло с Ф. Палацким?

Казалось бы, ответить на этот вопрос нетрудно. Но, по мнению публициста, русская жизнь очень своеобразна, и роль писателя в ней во многом отличается от той роли, которую он играет в других странах.

В силу сложившихся обстоятельств русский писатель выполняет в своей стране роль забавника и развлекателя. Правда, говорит Елисеев, в России «появляются время от времени в среде писателей натуры экзальтированные, которые увлекаются безумными надеждами и терпят горькое разочарование, но эти натуры самой судьбою намечаются на недолгое странствование в сем грешном мире и быстро исчезают»⁵. В данном случае публицист, конечно, имеет в виду таких писателей и общественных деятелей, как Н.Г. Чернышевский, М.Л. Михайлов, Н.А. Серно-Соловьевич и других представителей русского освободительного движения, ставших жертвами самодержавного произвола. Более определённо в подцензурной печати он высказаться не мог, как не мог и высказать к ним своего глубокого сочувствия. Большинство же русских литераторов, по словам Елисеева, смирились

¹ Отечественные записки. 1872. № 12. С. 341.

² Там же. С. 342.

³ Там же. С. 341–342.

⁴ Там же. С. 342.

⁵ Там же.

с мыслью, что они являются всего лишь сочинителями и что их обязанность «доставлять удовольствие читателю, а обязанность читателя — читать для препровождения времени и ценить таланты сочинителей»¹. Сначала писатели возмущаются такой ролью, а потом смиряются. И в этом, по мнению Елисеева, нет ничего удивительного. Ведь «в жизни, которая насквозь проникнута пошлостью, содержание которой вполне исчерпывается мамманизмом, карьеризмом, жранным, прихвостничеством, в которой с отсутствием или крайнею редкостью и слабостию всяких благородных и возвышенных порывов соединено постыдное равнодушие к своему жалкому положению, всё с неудержимою силою тянет писателя глубже и глубже вниз по тому склону, на который он вступил, всё стремится выработать его талант до уровня общей пошлости и сделать проводником её...»²

Зная это, говорит публицист, мы понимаем многое и очень скромны в своих требованиях к писателям. «Писатель, который сумел пройти омут общей жизни, сохранив хоть самый ничтожный уголок в своём сердце для своего внутреннего бога, пользуется уже нашею симпатиею и уважением»³.

Как видим, личность Ф. Палацкого и оценка его политической деятельности дали возможность Елисееву не только высказать свои мысли по поводу той роли, которую играют многие русские литераторы, но и поставить вопрос о необходимости появления в России деятелей, способных формировать общественное мнение, поднимать народ на борьбу за свои права.

Значительный раздел «Иностранной хроники» Елисеев посвятил анализу причин, которые не позволили чехам добиться независимости в ходе революционных событий, охвативших многие страны Западной Европы в 1848 году. По словам публициста, славянские народы, входившие в состав австрийской империи, стояли перед выбором: либо войти в германский союз, как этого требовали немцы на франкфуртском сейме, и тем самым обречь себя на неизбежную германизацию, либо уступить настойчивым притязаниям самодержавной России, которая стремилась распространить свою власть на южные славянские земли и ничего не обещала славянам, кроме «окончательного поглощения их маленьких народностей». Единственным местом, где славяне могли найти спасение от поглощения своей национальности немцами или русскими, представлялась Австрия, которая «состояла по преимуществу из славянских народностей, имела весь интерес не только препятствовать, но и способствовать вполне свободно-

¹ Отечественные записки. 1872. № 12. С. 343.

² Там же.

³ Там же.

му, самостоятельному развитию различных мелких славянских национальностей, чтобы иметь в них для себя твёрдую опору как против немцев, так и против русских»¹. Так думал и Ф. Палацкий, считавший, что «если бы австрийской монархии не существовало, то понадобилось поспешить создать её». Именно эта мысль и легла в основу политической программы деятелей чешского возрождения. Но, говорит Елисеев, Ф. Палацкий ошибался, уповая на габсбургскую монархию, предполагая, что Австрия представит славянским народам возможность свободного развития на основе справедливых начал. Отсюда и те горькие слова, сказанные чешским учёным в его прощальном слове: «Как мог я в те славные дни расцветшей свободы думать, что нами, славянами, будут управлять немцы, что мы из деспотического абсолютизма перейдём под абсолютизм ещё более жестокий и тяжкий, т.е. под диктатуру враждебной нам расы? Как можно было предвидеть, что цивилизованные немцы будут говорить о свободе и конституции, а в виду будут иметь строго сохранять право индивидуумов и топтать ногами право наций? Что они утвердят государственное здание на лжи и бессмыслице? Что, провозгласив для всех равенство прав, они только на нас, славян, возложат обязанность послушания?»²

Елисееву понятно разочарование чешского учёного. Он писал: «Человек, который прожил всю жизнь в надежде на осуществление своего лучшего, заветного идеала в очень близком будущем и в конце своей жизни видит, что он обманут в этой своей кровной надежде, что идеал его всё ещё слишком далёк от действительности, не может не скорбеть и не жаловаться»³.

Вместе с тем русский публицист считает, что Ф. Палацкий был прав, отстаивая необходимость вхождения чешских земель в состав Австрии. «Нигде, — писал он, — маленькие славянские народности не могли найти большего простора для развития своей национальности, как в Австрии. Самый племенной гнёт, который выносят они здесь, есть гнёт не систематический, а перемежающийся, который делает их упругими и энергичными в борьбе за национальное дело, развивает их моральные и материальные средства для действия»⁴.

Говоря так, Елисеев отнюдь не идеализировал положение славянских народов в австрийской империи. И тем не менее это было всё-таки наименьшее зло по сравнению с тем, что могло бы ожидать чехов и другие славянские народы под владычеством Прус-

¹ Отечественные записки. 1872. № 12. С. 345–346.

² Там же. С. 346–347.

³ Там же. С. 347.

⁴ Там же.

сии или России¹. Своё отношение к Пруссии и её захватнической политике публицист незадолго перед этим достаточно чётко выразил в «Беседах по поводу прусско-французской войны» (Отечественные записки. 1870. № 9–11; Там же. 1871. № 2–3), где он писал о той угрозе, которую представляет для европейских народов прусский милитаризм.

Елисеев разделял точку зрения Ф. Палацкого на то, что вооружённым путём чехи вряд ли могли бы добиться независимости, так как их было всего 5 миллионов, со всех сторон окружённых врагами. Вот если бы их было 50 миллионов, сплочённых единомышленниками, вот тогда другое дело.

Вместе с тем русский публицист был убеждён, что дело освобождения чехов отнюдь не безнадежно. То, что в 1848 году им не удалось добиться свободы, это ещё ни о чём не говорит, так как «их национальное дело ещё недостаточно созрело, ещё было слишком ново для того, чтобы одержать победу при таких неблагоприятных комбинациях, какие представлялись в 1848 году»².

Но Елисеев ставит под сомнение надежду Ф. Палацкого на скорое падение Австрии или на возрождение её к лучшей жизни на новых началах, которые способствовали бы развитию населявших австрийскую империю славянских народов. Однако публицисту импонирует мысль Ф. Палацкого о том, что чешский народ сумеет с честью выйти из любых испытаний, «хотя бы ему с гибелью Австрии предстояло испытание огнём и железом, ядро его слишком хорошо и здорово, чтобы он не воскрес к новой жизни, какие бы обстоятельства его ни постигли»³.

Эта уверенность и убеждённость чешского деятеля в грядущее освобождение своего народа, вера в его могучие потенциальные возможности были близки Елисееву, который с огромной симпатией относился к чехам, ведущим упорную и настойчивую борьбу за свою национальную независимость. «Что бы ни случилось с чехами, — писал публицист, — восторжествуют ли они или умрут славною смертью в борьбе за свою независимость — во всяком случае, нельзя не признать, что чехи представляют собою племя, резко выделяющееся из всех славянских племён своими моральными качествами. Их неутомимая работа над своим само-

¹ Любопытно, что Ф. Палацкий различал отношение чехов к правительству России, с одной стороны, и к русскому народу — с другой. Первое, по его мнению, всегда было равнодушно к судьбе чехов, а со вторым чехов связывало «особенное внутреннее родство». Чехи и русские, писал Ф. Палацкий в одной из своих работ, объединённые любовью друг к другу, могут «общими силами сломить гордыню немцев, после чего славянство окажется победителем более справедливым и благородным, чем монголы, мадьяры или немцы».

² Отечественные записки. 1872. № 12. С. 347–348.

³ Там же. С. 348.

образованием, энергия, с которой ведут неравную борьбу в течение нескольких десятков лет, наконец, настойчивость и упорство в преследовании своей цели — всё это такие качества, которых напрасно мы стали бы искать в других славянских племенах»¹.

Говоря о других славянских племенах, Елисеев прежде всего имел в виду славянские народы, населявшие Россию. Ему было горько сознавать, что народ его родной страны, задавленный гнётом самодержавия, ещё не пробудился, что только незначительная его часть поднималась на борьбу со своими угнетателями. Публицист не мог не видеть и того, что отдельные народные возмущения, вспыхивавшие в разных концах России, возникали стихийно, что в них не было общего организующего начала.

Оценивая личность Ф. Палацкого и его политическое завещание, Елисеев не ставил перед собой задачу дать исчерпывающую характеристику всех аспектов общественно-политической и научной деятельности чешского учёного. Для него важно было другое — обратить внимание русских читателей на ту роль, которую может сыграть в истории своей страны общественный деятель, понимающий основные задачи, стоящие перед его нацией, и способный выдвинуть идею, которая может объединить разрозненные устремления различных общественных группировок.

Конечно, можно говорить о том, что Елисеев не сумел раскрыть ограниченность политической программы Ф. Палацкого и охарактеризовать его как выразителя взглядов определённых кругов чешской буржуазии. Но русский публицист в силу целого ряда причин (и прежде всего ограниченности своего мировоззрения) — не мог этого сделать. К тому же, как уже отмечалось выше, анализируя деятельность Ф. Палацкого и его прощальное слово к чехам, Елисеев намеренно акцентировал внимание на тех вопросах, которые были ему самому близки и давали возможность говорить о делах своей родной страны. Вместе с тем публицисту, вне всякого сомнения, в своей «Иностранной хронике» удалось нарисовать выразительный портрет чешского общественного деятеля и учёного, дать достаточно глубокую оценку его политического завещания и высказать свои искренние симпатии к чешскому народу. Причём это было отражением взглядов не только самого Елисеева, но и всей передовой демократической печати России.

¹ Отечественные записки. 1872. № 12. С. 349–350.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ НАРОДНИЧЕСТВО И НАРОДНИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА¹

Отмена крепостного права положила начало новому периоду в экономической и общественно-политической жизни России. В результате реформы 19 февраля 1861 года в стране создались условия для утверждения капитализма как господствующей общественно-экономической формации. «...После 61-го года, — писал В.И. Ленин, — развитие капитализма в России пошло с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершались превращения, занявшие в некоторых старых странах Европы целые века»².

Вместе с тем 1861 год знаменовал собой начало второго этапа освободительного движения, названного В.И. Лениным «разночинским, или буржуазно-демократическим», поскольку «падение крепостного права вызвало появление разночинца как главного, массового деятеля и освободительного движения вообще, и демократической, бесцензурной печати в частности. Господствующим направлением, соответствующим точке зрения разночинца, стало народничество»³.

Более трёх десятилетий народничество являлось основной идеологией в русском революционно-освободительном движении и в развитии передовой общественной мысли.

История народнического движения и теоретические искания народников были теснейшим образом связаны с судьбой многомиллионных масс русского пореформенного крестьянства. По

¹ Впервые опубл.: Штурманы будущей бури / сост., вступ. статья и примеч. Н.И. Якушина. М., 1987. С. 3–40.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 174.

³ Там же. Т. 25. С. 94.

словам В.И. Ленина, «народничество есть идеология (система взглядов) крестьянской демократии в России»¹.

Основоположниками народнической идеологии были выдающиеся представители русской революционно-демократической мысли — А.И. Герцен и Н.Г. Чернышевский.

Народники 1870-х годов явились продолжателями революционно-демократических идей и традиций шестидесятников. Они безоговорочно взяли на вооружение политическую программу Чернышевского и её основу — идею крестьянской революции, цель которой народники, как и революционеры-демократы, видели не только в ликвидации феодально-крепостнического строя, но и в уничтожении любых форм эксплуатации, будь то феодальные или капиталистические.

Но между революционерами-демократами и революционерами-народниками 70-х годов были и различия. Во-первых, народники значительно больше внимания уделяли проблемам, связанным с развитием капитализма в России, хотя в решении их они допускали серьёзные просчёты. Во-вторых, в отличие от революционеров-демократов народники иначе трактовали вопрос о роли народных масс и личности в истории, что повлекло за собой ошибки в разработке тактики революционной борьбы. И, наконец, в философских взглядах народников наблюдались отступления от последовательного материализма, свойственного революционерам-демократам, и в первую очередь Н.Г. Чернышевскому.

В своих работах В.И. Ленин неоднократно указывал на сложность народнического движения, на наличие в нём различных течений. Вместе с тем он отмечал, что «*основные* социально-экономические взгляды всех и всяких народников совпадают по... главным пунктам»². «Под народничеством, — писал В.И. Ленин, — мы разумеем систему воззрений, заключающую в себе следующие три черты: 1) *Признание капитализма в России упадком, регрессом...* 2) *Признание самобытности русского экономического строя вообще и крестьянина с его общиной, артелью и т.п. в частности...* 3) *Игнорирование связи «интеллигенции» и юридико-политических учреждений страны с материальными интересами определённых общественных классов...*»³ Под юридико-политическими учреждениями в данном случае В.И. Ленин имел в виду самодержавное государство и его институты.

Народники понимали, что капитализм является более прогрессивной общественной формацией по сравнению со средневековы-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 22. С. 304.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 529.

³ Там же. С. 528–529.

ми формами хозяйства. Однако считали это положение правильным лишь для западноевропейских стран.

Народники говорили, что в связи с широким распространением в России общинного землевладения, артелей и кустарных промыслов возможен переход к социализму, минуя капитализм. Они были убеждены, что именно община, артель и кустарные промыслы являются зародышем и базисом социализма, хотя общинное крестьянство к тому времени непрерывно распадалось на кулачество и бедноту, община давно уже стала прикрытием для хищнических махинаций деревенских богатеев, захвативших в свои руки бразды правления, а артели и кустарные промыслы всё больше капитализировались.

Убеждение в том, что в России существует свой, самобытный экономический уклад, общинный строй, соединялось у народников с верой в возможность построения социализма крестьянством без помощи рабочего класса, без пролетарской революции. Основной революционной силой в России они считали крестьянство, руководимое демократической интеллигенцией.

Народники рассматривали интеллигенцию как важнейшую творческую силу в истории, воплощающую в себе «критическую мысль человечества». Именно «критически мыслящие» личности, по их мнению, являются двигателями общественного прогресса. При благоприятных условиях они могут повернуть весь ход социально-экономического развития страны в интересах широких народных масс. Так складывалась ошибочная теория народников о «героях» и «толпе», согласно которой прогрессивная интеллигенция играет в обществе роль авангарда, ведущего за собой малосамостоятельную, инертную массу. Подобная концепция шла вразрез с научным пониманием подлинных законов общественного развития.

Эти взгляды народников объяснялись в первую очередь социально-экономической отсталостью России того времени, а также слабостью рабочего движения, которое тогда ещё делало только первые шаги. Именно поэтому В.И. Ленин говорил, что «отсталость России естественно объясняет большую прочность в нашей стране различных отсталых учений социализма»¹.

Говоря об общности взглядов всех народников на основные социально-экономические вопросы, В.И. Ленин вместе с тем выделял в народническом движении два этапа: первый — революционный, падающий на конец 60-х и 70-е годы, когда деятельность народников при многих заблуждениях и ошибках носила прогрессивный характер, а их взгляды занимали «передовое место среди

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 40.

прогрессивных течений русской общественной мысли»¹, и второй — либерально-реформистский (80–90-е годы), во время которого народничество стало постепенно утрачивать свой революционный характер. После событий 1 марта 1881 года (в этот день был убит император Александр II) оно, по словам В.И. Ленина, «исчерпало себя». И хотя в начале 80-х годов ещё действовали военные организации народников, возникла «Молодая партия “Народной воли”», была сделана попытка восстановить старую «Народную волю», вела активную борьбу группа А.И. Ульянова — П.Я. Шевырёва, тем не менее народничество стало уже тормозом в развитии подлинно революционной теории преобразования общества — марксизма, и с ним необходимо было вести борьбу. Эту борьбу возглавили русские марксисты.

В своей статье «Народничающая буржуазия и растерянное народничество» В.И. Ленин так охарактеризовал причины перерождения народничества: «Русские марксисты давно уже указывают на то перерождение старого русского, классического, революционного народничества, которое неуклонно происходит с восьмидесятых годов прошлого века. Тускнела вера в особый уклад крестьянского хозяйства, в общину, как зародыш и базис социализма, в возможность миновать путь капитализма посредством немедленной социальной революции, к которой готов уже народ. Политическое значение сохранили только требования всяческих мероприятий по укреплению крестьянского хозяйства и “мелкого народного производства” вообще. Это было уже, в основе своей, не более как буржуазное реформаторство; народничество расплывалось в либерализме...»²

Чем же можно объяснить, что, несмотря на серьёзные заблуждения, основанные на утопической теории социализма, В.И. Ленин тем не менее неоднократно писал о прогрессивной роли учения и практической деятельности революционного народничества?

Дело в том, что, по ленинскому определению, источником народничества явилось «преобладание класса мелких производителей в пореформенной капиталистической России», а его основой — «представительство интересов производителей с точки зрения мелкого производителя, мелкого буржуа»³. А поскольку осуществление буржуазно-демократических идей в России того времени было важной исторической задачей, то и борьба за их претворение в жизнь имела прогрессивное революционное значение. В.И. Ленин ценил народников 70-х — начала 80-х годов за

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 531.

² Там же. Т. 8. С. 77.

³ Там же. Т. 1. С. 413.

их героическую борьбу против самодержавного строя, за стремление добиться для угнетённого народа полной свободы, за неустанные поиски революционной теории. Говоря о том, что «марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине выстрадала полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы»¹, В.И. Ленин имел в виду теоретические искания и беспримерную по своему героизму революционную борьбу народников, которых он рассматривал в числе предшественников русской социал-демократии.

Взгляды революционеров-народников на тактику революционной борьбы и на средства достижения своих идеалов не были одинаковыми. К началу 70-х годов в народнической идеологии определились три основных направления, которые возглавили П.Л. Лавров, М.А. Бакунин и П.Н. Ткачёв.

Основные положения своего учения П.Л. Лавров изложил в «Исторических письмах» (1868–1869), где, в частности, утверждал, что двигателями прогресса являются «наиболее развитые личности» из среды интеллигенции. С его точки зрения, «работу критической мысли» определяют не общественные отношения и объективно существующие законы, а наоборот, «критически мыслящие личности» перерабатывают общественные отношения соответственно выработанным ими нравственным идеалам истины и справедливости. Но человечество, по мнению Лаврова, слишком дорого заплатило за то, «чтобы несколько мыслителей в своём кабинете могли говорить о его прогрессе»². Отталкиваясь от этого положения, Лавров разработал теорию «неоплатного долга» интеллигенции перед народом, из которой вытекал такой моральный принцип: «Я сниму с себя ответственность за кровавую цену своего развития, если употреблю это самое развитие на то, чтобы уменьшить зло в настоящем и будущем»³.

Считая, что интеллигенция является основной теоретической силой общества, Лавров вместе с тем не отрицал и важную роль народных масс в историческом процессе. И в этом его взгляды не расходились с учением революционеров-демократов Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова и др. Лавров писал, что «в каждую историческую эпоху прогрессивное движение прочно лишь тогда,

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 8.

² Лавров П.Л. Философия и социология: избранные произведения: в 2 т. Т. 2. М., 1965. С. 81.

³ Там же. С. 86.

когда интересы большинства совпадают в своих общественных идеалах с убеждениями наиболее развитого меньшинства»¹.

Основной пафос «Исторических писем» — это призыв к интеллигенции работать среди народа во имя его духовного пробуждения и политического освобождения, во имя перестройки существующих общественных порядков на социалистической основе.

«Исторические письма» были с необычайным энтузиазмом встречены революционно настроенной молодёжью. Один из активных деятелей народнического движения О.В. Аптекман писал, что «“Исторические письма” были не только настольной книгой молодёжи 70-х годов — нет! Это была книга жизни, революционное евангелие, философия революции»².

Лавров поддерживал идею крестьянской революции, но считал, что революционному взрыву должна предшествовать длительная социалистическая пропаганда среди народа и создание народно-революционной партии. И только после того, как эта предварительная работа будет закончена, настанет день революции.

На иных позициях стоял М.А. Бакунин и его последователи (бакунисты). Бакунин считал, что развитие народа совершается не путём «книжного образования», а тяжёлыми и горькими уроками жизни, что народ уже имеет свой готовый идеал, который не могут ему дать «самые прославленные гении», и поэтому народные массы сами должны совершить свою революцию. По мнению Бакунина, в народе уже достаточно скопилось революционной энергии и требуется только толчок, чтобы он «вспыхнул» и поднялся на борьбу, что революцию нужно вызвать, а не навязывать её народу. А вызвать её должна революционная молодёжь, обращаясь к которой Бакунин писал: «...бросимся, братцы, дружно в народ, в народное движение, в бунт разбойный и крестьянский, и, храня верную, крепкую дружбу между собой, сплотим в единую массу все разрозненные мужицкие взрывы. Превратим их в народную революцию, осмысленную, но беспощадную»³.

Призывая к мужицкому бунту, Бакунин не ставил определённых задач. Он считал, что цель его заключалась в том, чтобы уничтожить все виды эксплуатации, разрушить государство и всякую государственность, которые в будущем заменит «свободная федерация вольных рабочих, как земледельческих, так и фабрично-ремесленных артелей (ассоциаций)»⁴.

¹ Лавров П.Л. Философия и социология: избранные произведения: в 2 т. Т. 2. М., 1965. С. 640–641.

² Аптекман О.В. Общество «Земля и воля» 70-х гг. Пг., 1924. С. 122.

³ Бакунин М.А. Речи и воззвания. Пг., 1906. С. 241.

⁴ Народническая экономическая литература. М., 1958. С. 121.

К. Маркс и Ф. Энгельс неоднократно критиковали несостоятельность анархических взглядов Бакунина, который, по их мнению, «не понимая классово-экономической сущности государственной власти», утверждал, что «государство создало капитал, что капиталист обладает своим капиталом только по милости государства». «Мы же, — писал Ф. Энгельс, — говорим обратное: уничтожьте капитал — сосредоточие всех средств производства в руках немногих, — и тогда само собой падёт и государство. Разница существенная: отмена государства без предварительного социального переворота — бессмыслица; уничтожение же капитала — именно и есть социальный переворот и заключает в себе преобразование всего способа производства»¹.

В своих теоретических построениях Бакунин исходил из ошибочного представления о русском крестьянстве как «социалистическом» по убеждению и «коммунистическом» по инстинкту. Отсюда он делал вывод, что крестьянство уже готово к революции. На этом Бакунин строил и свою тактику бунтарства.

Несмотря на различные тактические установки, как лавристы, так и бакунисты поддерживали лозунг движения в народ, в крестьянство.

И наконец, третье направление в народничестве было представлено П.Н. Ткачёвым и его сподвижниками (их называли ткачёвцами или русскими бланкистами). В вопросах о путях социального развития России Ткачёв разделял общие для народников взгляды. Он также считал, что община является краеугольным камнем будущего строя в России, и был убеждён, что русский народ стоит гораздо ближе к социализму, чем народы Запада. По его мнению, в России нет пролетариата, но нет и буржуазии, и поэтому русским рабочим и крестьянам предстоит бороться только с политической силой, с самодержавным государством, которое не имеет глубоких корней в экономической жизни и не является выразителем интересов какого-нибудь сословия.

Взгляды Ткачёва резко осудил Ф. Энгельс, который писал, что когда «г-н Ткачёв уверяет нас, что русское государство “не имеет никаких корней в экономической жизни народа, не воплощает в себе интересов какого-либо сословия”, что оно “висит в воздухе”, то нам начинает казаться, что не русское государство, а скорее сам г-н Ткачёв висит в воздухе»².

В отличие от Лаврова и Бакунина, которые считали, что революцию в России должны совершить сами народные массы под руководством революционной интеллигенции, Ткачёв был убеждён, что народ в силу своей темноты и забитости сам ничего сделать

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные письма. М., 1953. С. 277.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 18. С. 540.

не может и поэтому революцию должна совершить группа революционеров, объединённых в тайную организацию, которая захватит власть и ниспровергнет правительство. Если Лавров и Бакунин отрицали роль государственной власти в осуществлении задач социальной революции, то, по мнению Ткачёва, после захвата власти революционной партией государство не следует уничтожать, а нужно превратить его из государства консервативного в государство революционное. Ткачёв считал, что для совершения революции никакая предварительная работа не нужна, что боевая революционная организация сможет одна без помощи народа захватить власть и приступить к социальным преобразованиям.

Таким образом, все три направления революционного народничества, возглавляемые Лавровым, Бакуниным и Ткачёвым, выступали за революционное изменение существующего общественного порядка, но отстаивали разные пути осуществления социальных преобразований. Сближаясь во взглядах на стратегию революционной борьбы, они по-разному подходили к решению тактических вопросов.

В статье «Гонители земства и Аннибалы либерализма» В.И. Ленин писал, что в ходе освободительного движения революционная теория преодолела вредные утопические иллюзии. «Мы освободились от иллюзий анархизма и народнического социализма, от пренебрежения к политике, от веры в самобытное развитие России, от убеждения, что народ готов для революции, от теории захвата власти и единоборства с самодержавием геройской интеллигенции»¹.

Но это произошло значительно позже. А пока же революционеры-народники попытались применить на практике основные положения своего учения.

В конце 60-х годов после некоторого спада в стране вновь активизировалось революционное движение. Почти во всех университетских городах России — в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Одессе — возникла целая сеть народнических кружков и отдельных революционных групп, между которыми были установлены более или менее прочные связи.

Особое место среди них занимала организация, созданная активным участником студенческого движения С.Г. Нечаевым. Во время поездки за границу ему удалось убедить Бакунина, что Россия готова к восстанию и что русская молодёжь примет в нём самое деятельное участие. При этом он выдавал себя за представителя якобы существующего и пользующегося огромным влиянием в стране революционного комитета. Как и Бакунин, Нечаев считал, что главное в настоящий момент — поднять народ на

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 71–72.

«страшное, полное, повсеместное разрушение» государства. Что же касается будущего, то оно будет выработано «из народного движения и жизни». При этом Нечаев был убеждён, что для достижения поставленной цели можно использовать любые средства: ложь, фальсификацию, подлог и даже убийство тех, кто не разделял его взглядов.

Подавляющее большинство русских революционеров отвергло методы борьбы Нечаева. Его действия были осуждены I Интернационалом.

Самой значительной революционной организацией начала 70-х годов был кружок «чайковцев»¹ (теперь его принято называть «Большим обществом пропаганды»), из которого вышли такие известные революционеры, как М.А. Натансон, Д.А. Клеменц, С.М. Кравчинский (Степняк), С.Л. Перовская, С.С. Синегуб и др. «Чайковцы» резко расходились с Нечаевым. Они утверждали, что, прежде чем поднимать народ, следует провести основательную работу по подготовке масс к борьбе. «Чайковцы» изучали социалистическую литературу, пытались выработать план и программу практической революционной деятельности. Они создавали нелегальные кружки самообразования, издавали и распространяли сочинения Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, Д.И. Писарева, «Исторические письма» П.Л. Лаврова, первый том «Капитала» К. Маркса, а также другие политические и художественные произведения, которые использовали в своей пропагандистской работе. Наиболее активную пропаганду «чайковцы» вели среди рабочих, рассматривая её как своеобразную подготовку к революционной деятельности среди крестьянства.

Одновременно с «чайковцами» возник кружок «долгушинцев» (названный по имени его руководителя А.В. Долгушина), занимавшийся революционной пропагандой. «Долгушинцы» печатали прокламации, обращённые к крестьянам и к интеллигенции. В одной из них, озаглавленной «К интеллигентным людям», содержался призыв «идти в народ». Однако сами «долгушинцы» этого сделать не смогли. В сентябре 1873 года кружок Долгушина был разгромлен, но лозунг «в народ!» вскоре стал всеопределяющим для передовой русской интеллигенции.

Весной 1874 года началось массовое «хождение в народ». Поодиночке и целыми группами двинулась молодёжь «в народ». Шли, переодевшись в крестьянское платье, под видом пильщиков, сельских батраков, мастеровых, разносчиков товаров. Вместе

¹ Это название за кружком закрепилось в силу исторической случайности по имени Н.В. Чайковского, который, однако, никогда не занимал в нём руководящей роли. Позднее Чайковский опозорил себя участием в борьбе против молодой Советской республики.

с мужчинами в деревню шли женщины, показывая при этом образцы выдержки и мужества. Среди тех, кто отправился «в народ», были не только революционеры, но и люди оппозиционно настроенные по отношению к самодержавию. Но у всех была одна цель, одно желание — изменить, перестроить существующий строй.

Столь широко развернувшаяся революционная пропаганда была быстро обнаружена правительством. По всей стране прокатилась волна арестов. К осени 1874 года большинство ушедших «в народ» оказалось в тюремных застенках. Всего было арестовано около четырёх тысяч человек, но суду преданы 193 революционера. Суд над ними («процесс 193-х») продолжался свыше четырёх месяцев (с октября 1877 по январь 1878 года). Многие обвиняемые до суда по три-четыре года находились в предварительном заключении. За это время 93 человека умерли или сошли с ума. Вынесенный приговор был суров: 5 человек были приговорены к 10 годам каторги, 6 — к 9 годам, 2 — на 5 лет и т.д. Из 90 оправданных около 80 вскоре были вновь арестованы и отправлены в ссылку.

Большинство участников «хождения в народ» были разочарованы результатами своей деятельности. Крестьяне весьма скептически отнеслись не только к «бунтарской» пропаганде, но и к пропаганде социализма вообще. А о том, чтобы поднять их на вооружённую борьбу против самодержавия, не могло быть и речи. Лишь когда речь заходила о земле, о причинах бедственного состояния русской деревни, о тяжёлой мужицкой доле, крестьяне оживлялись. Это было им ближе и понятнее, нежели отвлечённые рассуждения о социальных преобразованиях.

Массовые аресты на какое-то время внесли смятение в ряды революционеров. Некоторые участники «хождения в народ» отошли от революционного движения, но самые убеждённые и последовательные стали искать новые формы борьбы.

Начиная с осени 1875 года уцелевшие от разгрома революционеры приступили к пересмотру программных и тактических положений движения. Было решено объединить отдельные кружки на основе общей программы. Так возникла новая революционная организация, получившая в 1876 году название «Земля и воля». В её состав входили революционные кружки Поволжья, центральных и западных губерний России, Белоруссии, Украины, Северного Кавказа и Грузии. Активными членами «Земли и воли» были такие выдающиеся революционеры, как Г.В. Плеханов, С.М. Кравчинский, А.Д. Михайлов, Д.А. Клеменц, М.А. Натансон и др. В.И. Ленин назвал «Землю и волю» «боевой централизованной организацией, объявляющей решительную борьбу царизму»¹.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 135.

В основных своих чертах программа «Земли и воли» опиралась на идеи учения Бакунина. Однако землевольцы пересмотрели многие вопросы тактики революционной борьбы бакунистов. Исходя из опыта «хождения в народ», они пришли к осознанию того, что в данный момент крестьянство к выступлениям не готово. Поэтому агитацию среди крестьян необходимо вести с учётом их непосредственных нужд, сузить революционные требования до реально осуществимых задач. Главное требование, выдвинутое «Землёй и волей», — это передача всей земли в руки крестьянства и распределение её между теми, кто её обрабатывает. Кроме того, решено было отказаться от «летучей» пропаганды и перейти к созданию в деревнях постоянных поселений интеллигентов, которые сочетали бы легальную работу в качестве учителей, фельдшеров, писарей и т.п. с революционной деятельностью.

Что же касается политических идеалов, то они были изложены в программе «Земли и воли» весьма неопределённо.

Землевольцы ратовали за полное, ничем не стеснённое самоуправление общин. Вместе с тем они в отличие от Бакунина, отрицавшего всякую государственность, считали, что «союзы общин» должны создать «революционные правительства», хотя в то же время видели свою задачу в том, чтобы ограничить функции этих будущих правительств.

Устав «Земли и воли», принятый весной 1878 года, предусматривал создание боевой конспиративной организации, основанной на принципах централизации, подчинения меньшинства большинству и тщательного отбора новых членов.

Важное место в своей деятельности землевольцы отводили печатной пропаганде, и с этой целью ими была создана «Вольная русская типография», боевым органом которой стал подпольный журнал «Земля и воля».

С первых дней существования «Земля и воля» приступила к активной деятельности. Землевольцы приняли участие в подготовке и проведении демонстрации у Казанского собора в декабре 1876 года, которую В.И. Ленин назвал «первой социально-революционной демонстрацией в России», в демонстрации на Смоленском кладбище во время похорон умершего в заключении студента П.Ф. Чернышёва, в стачках рабочих петербургских заводов в 1878–1879 годах.

К концу 70-х годов в России начала складываться революционная ситуация. К этому времени часть революционных народников пришла к выводу, что русское самодержавие находится на грани катастрофы, что в России сложились условия для осуществления революционного переворота и что поэтому необходимо активизировать революционную деятельность. Всё большей популярностью

тью начинает пользоваться идея политического переворота и переход к террору как средству революционной борьбы.

Землевольцы и раньше не исключали терроризм как метод борьбы, но рассматривали его как средство самозащиты и возмездия за злодеяния, совершённые правительственной администрацией. 24 января 1878 года за надругательство, учинённое над арестованным студентом А.П. Емельяновым (А.С. Боголюбовым), Вера Засулич совершила покушение на петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова и тяжело ранила его. В феврале Валериан Осинский совершил покушение на товарища прокурора киевского окружного суда М.М. Котляревского. В мае в том же Киеве Г.А. Попко застрелил жандармского офицера Г.Э. Гейкинга. А 4 августа С.М. Кравчинский среди бела дня на многолюдной Михайловской площади в Петербурге ударом кинжала поразил шефа жандармов Н.В. Мезенцева. Это был ответ на казнь революционера И.М. Ковальского.

Помимо террористических актов, землевольцы организовывали побеги арестованных товарищей. В мае 1878 года М.Ф. Фроленко освободил из тюрьмы Я.В. Стефановича, Л.Г. Дейча и И.В. Бохановского. В Харькове была предпринята попытка отбить осуждённого по «процессу 193-х» революционера П.И. Войнаральского.

Террористическая борьба революционеров вызвала замешательство в правительственных кругах, и это породило у народников уверенность в эффективности террора как средства «дезорганизации» государственного аппарата и поднятия авторитета революционной организации среди народа. В передовой статье одного из номеров нелегального журнала «Земля и воля» говорилось, что «необходимо популяризировать себя в народе как силу, не только действующую в его интересах, но и обладающую достаточными средствами, чтобы постоять за себя и за него. Следует поставить революционную партию в глазах крестьянина на то место, какое занимает у него его мифический царь»¹.

Между тем в «Земле и воле» назрел серьёзный конфликт. Одна часть землевольцев, не возражая против «дезорганизаторской» деятельности, тем не менее предостерегала от увлечения террором, так как, по их мнению, он отвлекал революционные силы от главной задачи — работы среди крестьянства. Другая часть, напротив, всё более и более склонялась к тому, чтобы признать террор одним из главных средств борьбы с самодержавием. Разногласия в «Земле и воле» привели к тому, что она распалась на две самостоятельные организации «Чёрный передел» и «Народную волю».

¹ Земля и воля. 1879. № 5. 8 февр. // Революционная журналистика семидесятых годов. Ростов н/Д. Б. г. С. 237–238.

«Чёрный передел» остался верен основной тактике «Земли и воли», т.е. тактике агитационно-пропагандистской работы среди народа с целью подготовки всеобщего крестьянского восстания. В состав «Чёрного передела» вошли многие землевольцы, среди которых были Г.В. Плеханов, В.И. Засулич, О.В. Аптекман, Л.Г. Дейч и др. Однако организация просуществовала недолго. К началу 1881 года она фактически распалась.

Объяснялось это тем, что после неудачи агитационной работы среди крестьян в период «хождения в народ» приток свежих сил в организацию приостановился. Революционно настроенная молодёжь стремилась к более активной и приносящей немедленный результат деятельности. Кроме того, в связи с усилением правительственного террора многие руководители «Чёрного передела» вынуждены были эмигрировать за границу.

После событий 1 марта 1881 года наиболее активные чернопредельцы Г.В. Плеханов, В.И. Засулич, Л.Г. Дейч, учтя неудавшийся опыт борьбы народовольцев и под влиянием идей Маркса и Энгельса, создали в Женеве первую русскую марксистскую организацию «Освобождение труда».

Иначе сложилась судьба «Народной воли», организации, сыгравшей значительную роль в истории русского освободительного движения.

«Ниспровержение существующих ныне государственных форм и подчинение государственной власти народу»¹ — вот главная задача, которую поставила перед собой «Народная воля». Важно отметить, что народовольцы ставили вопрос не только об уничтожении существующего самодержавного государства, но и о замене его революционным государством, которое должно осуществить народные идеалы. Этот пункт программы «Народной воли» свидетельствовал об отходе народовольцев от точки зрения Бакунина, требовавшего уничтожения государства вообще, и о полном признании необходимости политической борьбы.

Важной заслугой «Народной воли» было то, что она вступила в открытую борьбу против самодержавия и попыталась объединить все революционные силы в единую боевую и централизованную организацию, ядро которой составляли профессиональные революционеры, люди самоотверженные и готовые на самопожертвование. Возглавил «Народную волю» Исполнительный комитет, в состав которого вошли А.И. Желябов, Н.А. Морозов, А.Д. Михайлов, А.А. Квятковский, А.И. Баранников, М.Н. Ошанина, а потом Н.И. Кибальчич, С.Л. Перовская, В.Н. Фигнер.

¹ Народная воля. 1879. № 2. 1 окт. // Литература партии «Народной воли». М., 1907. С. 39.

В программе «Народной воли» предусматривались многие радикальные преобразования, которые должны быть осуществлены после захвата власти революционерами. В частности, содержались требования созыва учредительного собрания, наделения крестьян землёй, передачи фабрик и заводов в руки рабочих, широкого областного самоуправления, самостоятельности крестьянского мира как экономической и административной единицы, «полной свободы совести, слова, печати, сходок, ассоциаций и избирательной агитации», «всеобщего избирательного права, без сословных и имущественных ограничений»¹.

Важнейшими аспектами своей революционной работы «Народная воля» считала деятельность пропагандистскую и агитационную, цель которой заключалась в распространении «во всех слоях населения *идеи демократического политического переворота как средства социальной реформы, а также популяризацию собственной программы партии*»², и деятельность разрушительную и террористическую, задача которой «подорвать обаяние правительственной силы, давать непрерывное доказательство возможности борьбы против правительства, поднимать таким образом революционный дух народа и веру в успех дела»³.

Не отказываясь от идеи народной революции, народovolьцы тем не менее считали, что «в самом народе нет такой силы, которая взяла бы на себя инициативу движения»⁴ и что самое обширное крестьянское движение, при всех усилиях со стороны партии поддержать и организовать его, не в состоянии совладеть с централизованным и прекрасно вооружённым врагом»⁵. Отсюда народovolьцы делали вывод, что партия должна захватить власть своими боевыми силами и что для этого нужно только создать «благоприятный момент». А для создания такого «благоприятного момента», по их мнению, необходимо использовать террор. Основные усилия руководителей и членов «Народной воли» были направлены на то, чтобы убить царя и вызвать массовое революционное движение. В течение двух с половиной лет народovolьцы подготовили семь покушений на царя, из которых пять было осуществлено (самое крупное из них — взрыв в Зимнем дворце, совершённый Степаном Халтуриним). Наконец, 1 марта 1881 года смертный приговор, вынесенный «Народной волей» Александру II, был приведён в исполнение.

¹ Программа Исполнительного комитета. Сентябрь — декабрь 1879 г. // Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. II. М., Л., 1965. С. 172.

² Там же. С. 173.

³ Там же.

⁴ Народная воля. 1881. № 5. 5 февр. // Литература партии «Народной воли». М., 1907. С. 168.

⁵ Там же. С. 173.

Вслед за этим Исполнительный комитет обратился к новому царю Александру III с письмом, в котором говорилось, что «Народная воля» прекратит террористическую деятельность, если в стране будет объявлена амнистия всем политическим заключённым и созданы представители от всего русского народа, избранные при всеобщем избирательном праве, свободе слова, печати и собрания. Но убийство царя не дало ожидаемых результатов.

3 апреля 1881 года на Семёновском плацу в Петербурге по приговору Особого присутствия Правительствующего сената были казнены организаторы и исполнители первоапрельского покушения А.И. Желябов, С.Л. Перовская, Н.И. Кибальчич, Т.М. Михайлов и Н.И. Рысаков. Это был ответ правительства на предложения народovolьцев. Вслед за этим последовала новая волна репрессий, в результате которой «Народная воля» была разгромлена, а в стране наступила пора глухой реакции.

Мужество и самоотверженность народovolьцев вызвали восхищение в передовых кругах русского общества. Вместе с тем деятели первых рабочих организаций, которые тогда возникли в России, понимали, что террористические методы борьбы бесперспективны. Так, в прокламации «Южнорусского рабочего союза», написанной сразу же после убийства царя, говорилось: «Царь убит социалистами-революционерами, это, во-первых, месть за те десятки виселиц, за те тысячи честных душ, замурованных в тюрьмах и на каторге. Во-вторых, они думали смертью царя произвести волнение умов и тем самым пробудить народ выступить более энергично со своими заветными требованиями. Мы, рабочие «Южного союза», думаем, что и десяток убитых царей не поможет народному горю, если этот самый народ не поднимется дружно, как один человек, и не выскажет свою волю»¹.

1 марта 1881 года явилось кульминацией в развитии движения революционного народничества, после чего оно резко пошло на убыль.

Анализируя причины поражения «Народной воли», В.И. Ленин отмечал, что основная ошибка движения революционного народничества заключалась не в организационной слабости, а в его теоретической несостоятельности. «Не в том состояла ошибка народovolьцев, — писал он, — что они постарались привлечь к своей организации всех недовольных и направить эту организацию на решительную борьбу с самодержавием. В этом состоит, наоборот, их великая историческая заслуга. Ошибка же их была в том, что они опирались на теорию, которая в сущности была вовсе не революционной теорией, и не умели или не могли неразрывно связать своего движения с классовой борьбой внутри развивающегося капиталистического общества»².

¹ Каторга и ссылка. 1923. Кн. 5. С. 54.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 135.

Русские марксисты всегда резко отрицательно относились к тактике индивидуального террора. На его несовместимость с задачами революционно-освободительного движения в России неоднократно указывал В.И. Ленин. Так, в его статье «С чего начать?» (1901) говорилось: «...наш долг — со всей энергией предостеречь от увлечения террором, от признания его главным и основным средством борьбы...»¹ Об этом же В.И. Ленин писал в проекте резолюции ко II съезду РСДРП: «Съезд решительно отвергает террор, т.е. систему единичных политических убийств, как способ политической борьбы... поселяющий и среди самих революционеров, и среди населения вообще самые превратные представления о задачах и способах борьбы с самодержавием»².

Оценивая значение героической борьбы революционеров-народников против самодержавия, В.И. Ленин писал: «Они проявили величайшее самопожертвование и своим героическим террористическим методом борьбы вызвали удивление всего мира. Несомненно, эти жертвы пали не напрасно, несомненно, они способствовали — прямо или косвенно — последующему революционному воспитанию русского народа. Но своей непосредственной цели, пробуждения народной революции, они не достигли и не могли достигнуть»³. Это смогла сделать только марксистская партия под руководством В.И. Ленина, возглавившая окрепшее к концу XIX века рабочее движение.

* * *

Как и всякое крупное общественно-политическое движение, народничество вызвало к жизни свою журналистику, свою публицистику и свою художественную литературу. Ещё в конце 1860-х годов, когда только начинали складываться, идейно и организационно оформляться основные направления революционного народничества, перед его деятелями встал вопрос о необходимости создания печатных органов, где они могли бы изложить сущность своего учения, свои взгляды на задачи освободительного движения и тактику революционной борьбы. Для этого народники стремились использовать как нелегальную, так и легальную прессу. При этом им нельзя было не считаться с тем, что в легальной печати из-за цензурных преследований о многом приходилось умалчивать.

Среди нелегальных периодических изданий, сыгравших важную роль в пропаганде народнических идей, видное место занимали журналы и газеты, которые печатались за границей («Вперёд!», «Работник», «Набат», «Община») и в самой России

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 8.

² Там же. Т. 7. С. 251.

³ Там же. Т. 30. С. 315.

(«Начало», «Земля и воля», «Народная воля», «Чёрный передел»).

Легальной трибуной народничества в России стали демократические журналы «Отечественные записки», «Дело», «Русское богатство», «Слово», в которых помимо постоянных сотрудников под псевдонимами или анонимно печатали свои произведения активные деятели революционного движения П.Л. Лавров, П.Н. Ткачёв, Д.А. Клеменц, Н.И. Кибальчич, Л.А. Тихомиров, А.И. Иванчин-Писарев и др.

Наиболее полно и последовательно идеология революционного народничества нашла своё отражение в публицистике. Среди народников было много талантливых литераторов, выступавших с публицистическими произведениями самых различных жанров. Они писали программные и теоретические статьи, обзоры текущих событий общественно-политической и литературной жизни, заметки и размышления по различным вопросам, корреспонденции, отчёты о политических процессах и т.п. Значительное место в их творчестве занимала и художественная публицистика.

Первые нелегальные издания народников печатались за границей. В конце 1860-х годов в Женеве М.А. Бакунин вместе с Н.И. Жуковским начали издавать журнал «Народное дело», а затем газету того же названия. В 1873 году сначала в Цюрихе, а потом в Лондоне П.Л. Лавров вместе с группой своих единомышленников основал «непериодическое обозрение» под названием «Вперёд!». Это был журнал, выходивший в виде довольно объёмистых книг. Но поскольку «Вперёд!» явился непериодическим изданием и не успевал оперативно печатать материалы, присылаемые из России, редакция приступила к выпуску двухнедельной газеты под тем же названием. Первый номер её появился в 1875 году, и в течение двух лет газета регулярно выходила в свет.

В делах журнала и газеты «Вперёд!» горячую заинтересованность проявляли К. Маркс и Ф. Энгельс. «Сближение в Лондоне с Марксом, живые сношения с немецкими социал-демократами дали сторонникам “Вперёд!” в Европе прочное положение»¹, — писал позднее Лавров.

Редакция журнала и газеты «Вперёд!» имела широкую сеть корреспондентов в России. Среди сотрудников «Вперёд!» были известные русские революционеры Г.А. Лопатин, Д.А. Клеменц и др. Там печатались статьи и заметки о революционных выступлениях крестьян и рабочих в России, отчёты о политических процессах, сведения о международном рабочем движении, секретные документы царского правительства по вопросам внутренней по-

¹ Лавров П.Л. Народники-пропагандисты. Л., 1925. С. 69.

литики и т.п., а также революционные стихи и художественная публицистика.

Наиболее важные программные и теоретические материалы для «Вперёд!» готовил сам Лавров. Его статьи отличались глубоким анализом фактов и широкими обобщениями.

Первый номер журнала «Вперёд!» открывала передовая статья «Наша программа», написанная Лавровым, в которой он развил и уточнил свои взгляды на задачи революционного движения в России, высказанные ранее в «Исторических письмах».

Едва вышел из печати первый номер журнала «Вперёд!», как М.А. Бакунин опубликовал в виде приложения к первому изданию своей книги «Государственность и анархия» «Прибавление “А”», в котором уточнил основные положения своей программы революционной борьбы, ранее изложенные в работе «Наша программа» (1868), и очень резко отозвался о Лаврове и его сторонниках, считавших, что, прежде чем поднимать народ на борьбу, его нужно научить понимать свои права и обязанности и указать ему пути и средства освобождения. Бакунин считал, что сделать это невозможно, так как, во-первых, правительство будет всячески мешать такой деятельности, а во-вторых, сами крестьяне вряд ли смогут понять то, чему их хотят научить. Поэтому, говорил Бакунин, в сложившихся условиях «можно действовать только путём практики, отнюдь же не посредством теорий»... Мы верим в бунт, утверждал он, и «только от него ждём спасения».

«Прибавление “А”» пользовалось большой популярностью в революционных кругах России. В горячей проповеди Бакунина молодёжь услышала страстный призыв к немедленному практическому действию.

Анархически-бунтарские идеи Бакунина легли в основу программы газеты «Работник», издававшейся с 1875 по 1876 год в Женеве группой сторонников Бакунина, так называемых анархистов-федералистов, и предназначавшейся для распространения в России.

В начале 1875 года в Женеве под редакцией П.Н. Ткачёва начал издаваться журнал «Набат». В программной статье «Набат!», открывавшей первый номер журнала, Ткачёв изложил свои взгляды, которые ранее высказал в статье «Задачи революционной пропаганды в России», где критиковал Лаврова за отказ от решительных действий и за призыв тщательно готовить революцию. В статье говорилось, что действовать надо немедленно.

Журнал «Набат» предназначался преимущественно для представителей революционной интеллигенции. Но в России он был мало известен, хотя политическая программа Ткачёва была мно-

гим знакома и позднее она оказала серьёзное влияние на членов партии «Народная воля».

В своих программных выступлениях ведущие деятели трёх течений революционного народничества преследовали цель не просто изложить свои взгляды на задачи революционного движения в России, но и эмоционально воздействовать на читателя, убедить его в правоте отстаиваемых ими позиций и ошибочности суждений тех, кто не разделял их убеждений. Так, Лавров критиковал Бакунина и Ткачёва, в свою очередь Бакунин резко выступал против теоретических положений, выдвинутых Лавровым и Ткачёвым, а Ткачёв осуждал взгляды Лаврова и Бакунина. Отсюда тот полемический пафос, стремление убедительными аргументами обосновать правильность своих политических доктрин, пронизывающие все три программных документа. Нельзя не отметить также, что, обращённые в первую очередь к революционно настроенной молодёжи, они звучали как страстный и взволнованный призыв к самоотверженной борьбе против ненавистного самодержавия, за свободу порабощённого народа.

Ещё в самом начале 1870-х годов, когда только начиналась подготовка к «хождению в народ», перед революционерами встал вопрос о возможности использования для пропаганды художественных и публицистических произведений. Сначала они обратились к легальной художественной литературе. Пропагандисты-народники отбирали книги, в которых говорилось о беспросветно тяжёлой жизни крестьян и фабричных рабочих, высказывалось критическое отношение к угнетателям и эксплуататорам. Чаще других для пропаганды использовались рассказы и очерки Н.И. Наумова, А.И. Левитова, Ф.Д. Нефёдова и других демократически настроенных писателей. По словам известного поэта-революционера С.С. Синегуба, «чтения среди народа произведений писателей-демократов давали возможность пропагандистам затевать разговоры и ставить перед крестьянами и рабочими вопросы об эксплуатации, о кулачестве, о тяжести податей, о том, что порядки на Руси не на правде зиждутся»¹.

Однако возможности легальной литературы для распространения революционных идей и пропаганды будущего справедливого социального строя были ограничены. Поэтому возникла потребность в создании специальной пропагандистской литературы, где можно было бы открыто высказывать то, о чём в легальных произведениях приходилось говорить намёками, прибегая ко всякого рода недомолвкам и иносказаниям. О том, какой должна быть эта литература, писал незадолго до начала массового «хождения в народ» известный деятель народнического движения П.А. Кро-

¹ Синегуб С.С. Записки «чайковца». М.; Л., 1929. С. 91.

поткин в программной записке «Должны ли мы заниматься рассмотрением идеала будущего строя?»: «...необходимы книги, пробуждающие дух независимости, сознание в народе его силы и бессилия барства, поддерживающие чувства мирского единства, сознание общности интересов и общности врагов всех разрозненных частей русской земли, всех отдельных классов народа и выясняющих круговую поруку царя, барства, купечества, мироедства и поповщины. <...> ...Нужны рассказы о сильных, выдающихся личностях из крестьянской среды; нужны, наконец, исторические и бытовые рассказы, разъясняющие всю безысходность современного быта, будящие сознание и дух силы, разъясняющие необходимость, возможность и способы предварительной организации. Поэтому мы ставим необходимою своею задачею заготовление и распространение таких книг»¹.

И народники создали такую литературу. Это была литература, пронизанная боевым духом, стремлением пробудить в народе дремлющие силы и поднять его на борьбу против своих угнетателей. В пропагандистских произведениях народников говорилось о бедственном положении трудящихся, содержались сведения о социальном устройстве общества и социалистических идеалах. Для того чтобы всё это лучше донести до читателей и слушателей, авторы стремились излагать свои мысли в доступной и образной форме, широко используя самые различные жанры: прокламации, агитационные стихотворения, песни, поэмы, сказки, библейские притчи, народные рассказы, произведения на исторические темы, прославляющие крестьянские восстания и крестьянских вождей Степана Разина и Емельяна Пугачёва. Среди тех, кто писал пропагандистские произведения, были активные деятели революционного движения 70-х годов А.В. Долгушин, В.В. Берви-Флеровский, Л.Э. Шишко, С.М. Кравчинский, А.И. Иванчин-Писарев, С.С. Синегуб, Д.А. Клеменц и др.

Особенностью нелегальной пропагандистской литературы народников было ярко выраженное публицистическое начало. Почти во всех агитационно-пропагандистских произведениях отчётливо звучит голос автора, открыто выражающего свои взгляды, свои симпатии и антипатии.

Пропагандистские произведения народников, печатавшиеся преимущественно в зарубежных типографиях, сыграли определённую роль в революционном пробуждении народа, в политическом воспитании крестьян и рабочих. Недаром В.И. Ленин отмечал, что «эпоха 60-х и 70-х годов знает целый ряд начавших уже идти в “массы” бесцензурных произведений печати

¹ Цит. по кн.: Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 1. М., 1964. С. 105.

боевого демократического и утопически-социалистического содержания»¹.

Первые нелегальные произведения, предназначенные для революционной пропаганды среди народа, были созданы весной 1873 года в кружке А.В. Долгушина. Продолжая традиции революционеров-демократов, выпустивших в начале 60-х годов прокламации «Барским крестьянам», «Что нужно народу», «Русским солдатам», «Молодая Россия» и др., «долгушинцы» подготовили прокламацию «Русскому народу» (написана А.В. Долгушиным) и брошюру В.В. Берви-Флеровского «Как должно жить по закону природы и правды», в которых стремились убедить крестьян в необходимости торжества для всех людей единого закона «природы и правды» — закона равенства.

Среди народа пользовалась популярностью и прокламация Л.Э. Шишко «Чтой-то, братцы...», выпущенная кружком «чайковцев» и распространявшаяся под названиями «Мужицкая правда» и «Храбрый воин».

«Эта листовка, всего четыре страницы, — говорил С.М. Кравчинский, — но революционная литература не содержит в себе ничего более совершенного, ибо это живая речь живого человека, которую автору удалось положить на бумагу со всей простотой, неправильностями и естественным одушевлением»².

Основная мысль произведения Шишко заключалась в том, чтобы показать народу, что положение его после отмены крепостного права не изменилось, что он по-прежнему находится в полном подчинении у помещиков и кулаков-мироедов. В прокламации отчётливо слышался призыв к борьбе против существующих несправедливых порядков, за установление своего, выбранного самим народом правительства.

В середине 70-х годов, после того как массовое «хождение в народ» потерпело неудачу, часть революционеров решила осесть в деревне и заниматься там уже не «летучей», как раньше, а постоянной пропагандой. Изменение характера пропагандистской работы потребовало создания таких произведений, в которых главное внимание уделялось бы освещению теоретико-экономических проблем и вопросов о переустройстве общества на социалистических основах. И вскоре появилось значительное количество брошюр, написанных в виде широко бытовавших в среде крестьян всякого рода лубочных произведений, которые распространяли коробейники, деревенские лавочники и базарные торговцы.

Важное место среди такого рода пропагандистской литературы занимали сказки. По верному замечанию В.Г. Базанова, «на-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 94.

² Цит. по: Захарина В.Ф. Голос революционной России. М., 1971. С. 83–84.

роднические сказки — это социальная утопия в фольклорном стиле»¹. Под пером народнических авторов традиционные сказочные сюжеты и образы приобретали острое социальное звучание.

Народники не были первыми в разработке жанра литературной сказки. Ещё в 60-е годы М.Е. Салтыков-Щедрин написал свои сатирические сказки «Пропала совесть», «Дикий помещик» и «Повесть о том, как мужик двух генералов прокормил», которые оказали несомненное влияние на сказки, созданные народниками.

Среди них особое место занимают сказки С.М. Кравчинского «Сказка о Мудрице Наумовне» и «Сказка о копейке». Первая из них была адресована не только простому народу, но и интеллигенции, непосредственно принимавшей участие в «хождении в народ». В ней, по словам самого автора, он хотел рассказать «и о последствиях капиталистического производства, и об организации, и о будущем строе»². Но излишняя усложнённость изложения, стремление затронуть множество самых разных вопросов привело к тому, что «Сказка о Мудрице Наумовне» получилась неровной, композиционно рыхлой и неорганизованной.

Более удалась Кравчинскому «Сказка о копейке», где он попытался воплотить в конкретном, понятном самому простому забитому крестьянину образе медной копейки идею экономического угнетения в условиях буржуазных отношений, установившихся в стране после отмены крепостного права. «Сказка о копейке» — это рассказ о мужике, в муках и страданиях добывающем медную копейку, которую у него поочерёдно отбирают поп, помещик и становой. Основная мысль сказки сводилась к доказательству необходимости борьбы народа за свои права.

Пропагандистские произведения, созданные для агитационной работы среди народа, помогали народникам разоблачать пореформенную действительность, пробуждать в народе политическое сознание, утверждать идеи крестьянского утопического социализма.

К середине 1870-х годов зарубежная нелегальная народническая печать, сыгравшая важную роль в пропаганде социалистических идей, в уточнении теоретических положений политических программ народников и оказавшая большую помощь в организации революционных выступлений в России, уже не справлялась с возложенными на неё задачами. Газеты и журналы, издававшиеся за границей, не успевали следить за развитием событий в стране. Возникла острая необходимость создания революционной периодической печати в самой России.

¹ Базанов В.Г. «Хождение в народ» и книги для народа (1873–1875) // Агитационная литература русских революционных народников. Л., 1970. С. 42.

² Цит. по: Соколов Н.И. Русская литература и народничество. Л., 1968. С. 121.

В начале 1878 года группа революционно настроенных интеллигентов предприняла издание первой в нашей стране нелегальной газеты «Начало» с подзаголовком «Орган русских социалистов». Направление газеты не было достаточно чётко выражено. Главная её цель заключалась в критике существующего строя и освещении событий текущей жизни с социалистических позиций. При этом предпочтение отдавалось пропаганде взглядов бакунистов-анархистов, призывавших бунтовать народ, поднимать его на восстание.

«Начало» просуществовало недолго, с марта по май 1878 года. А в октябре того же года «Северная революционно-народническая группа», переименованная вскоре в «Землю и волю», приступила к изданию своей газеты под тем же названием. Параллельно с «Землёй и волей» выходил «Листок “Земли и воли”».

Программная часть «Земли и воли» не отличалась последовательностью. Это объяснялось в первую очередь неоднородностью состава редакции газеты. В неё входили люди разных взглядов: Д. А. Клеменц был убеждённым пропагандистом, И. А. Морозов и Л. А. Тихомиров тяготели к решительным действиям и ратовали за террор, Г. В. Плеханов серьёзно задумывался над необходимостью развёртывания пропаганды среди фабричных рабочих. Но всех членов редакции объединяли общие положения народнического учения. Все они преследовали общую цель, заключавшуюся в подготовке крестьянского восстания против царя и помещиков и в проповеди идей крестьянского социализма. А вот в решении конкретных вопросов тактики революционной борьбы единодушия среди членов редакции «Земли и воли» не было.

Наиболее отчётливо это проявилось в отношении к террористической борьбе, т.е. к тому самому вопросу, разногласия по которому привели в конечном результате к расколу общества «Земля и воля».

Содержание материалов, печатавшихся в «Земле и воле» и «Листке “Земли и воли”», было широко и разнообразно. Помимо программных и теоретических статей, там печатались корреспонденции, освещавшие события общественной и политической жизни, полемические и информационные заметки. Из номера в номер велись постоянные рубрики: «Наши домашние дела», «Известия», «На свежую воду», «Хроника арестов». Изредка печатались стихи революционного содержания, очерки и зарисовки, близкие к жанрам художественной публицистики. Таковы, например, ярко и темпераментно написанные заметки анонимного автора «Одесса во время суда над Ковальским» и очерк Н. А. Морозова «Попытка освобождения Войнаральского».

Публицисты, выступавшие на страницах «Земли и воли» и в «Листке “Земли и воли”», критиковали самодержавие и его институты, предавали достоянию гласности факты насилия и произвола, чинимые правительственными чиновниками, сообщали о крестьянских и студенческих волнениях, о выступлениях за свои права фабричных рабочих, с восхищением писали о подвигах революционеров, о их мужестве и стойкости, вскрывали несостоятельность утверждений либералов о своих заслугах перед русским обществом.

Издания землевольцев пользовались большой популярностью среди демократически настроенной интеллигенции. Доброжелательно отозвалась о них и зарубежная нелегальная печать. Но совсем иначе отнеслась к ним русская либерально-буржуазная легальная пресса. «Новый орган, — писал в статье «Новый оппонент» Д.А. Клеменц, — был принят своими легальными собратьями как непрошенный, назойливый гость, способный только нарушить “чин беседы”. Свободное слово, оказывается, только мешает стройному течению нашей журналистики»¹.

Злобные выпады реакционной и либеральной прессы против «Земли и воли» только укрепляли авторитет газеты.

Летом 1879 года, после раскола «Земли и воли» на две организации — «Народная воля» и «Чёрный передел», вместо газеты землевольцев стали выходить две новые нелегальные газеты «Народная воля» и «Чёрный передел».

В газете народовольцев печатались материалы самого различного характера. Как правило, каждый номер открывался обстоятельной передовой статьёй, носившей программный и теоретический характер. Затем помещались обозрения общественно-политической жизни, заметки и корреспонденции о произволе царских властей, отчёты о политических процессах, речи революционеров на суде, некрологи и биографии революционеров, статьи против реакционной и либеральной прессы, а также очерки, рассказы, памфлеты, фельетоны. Так, в первом и пятом номерах «Народной воли» были опубликованы два очерка А.И. Иванчина-Писарева под общим названием «Из деревни», в которых автор рассказал о том, что деятельность пропагандистов, пытавшихся поселиться в деревне и вести там революционную работу среди крестьян, обречена на неудачу, так как местные власти и кулаки внимательно следили за всеми, кто пытался выступить в защиту интересов крестьян, и о каждом из них доносили исправнику; что деревенское самоуправление попало в руки кулаков и крестьяне давно перестали даже приходить на сходы.

¹ Земля и воля. 1879. № 3. 15 янв. // Революционная журналистика 70-х годов. Ростов н/Д. Б. г. С. 162.

В качестве сотрудников «Народной воли» выступали не только участники революционного движения, но и такие легальные народнические деятели, как активные сотрудники журнала «Отечественные записки» публицисты Н.К. Михайловский и С.Н. Кривенко.

Михайловский в то время пользовался большим авторитетом среди передовой части русского общества, видевшей в нём выразителя своих интересов и активного борца против реакции и либерализма. Формально он не состоял в партии «Народная воля», но тем не менее разделял многие положения программы народо-вольцев, а на своё участие в их нелегальной газете смотрел как на важное и нужное дело.

Уже во втором и третьем номерах «Народной воли» за подписью «Гроньяр» («Сердитый») Михайловский выступил с «Политическими письмами социалиста», где в образной форме высказал своё положительное отношение к наметившемуся среди народо-вольцев повороту к политической борьбе. Михайловский призвал активизировать борьбу против самодержавия. «У русского гербового орла две головы, два жадных клюва — это самодержавие и помещики с капиталистами. Бейте же по обоим головам хищной птицы», — призывал публицист.

Ярко и темпераментно написаны Михайловским и два острых политических памфлета «К характеристике Лорис-Меликова» и «Ещё о лисьем хвосте», в которых разоблачалась политика министра внутренних дел М.Т. Лорис-Меликова, который обещал обратиться за помощью и содействием к обществу, однако ограничился лишь некоторыми перестановками в составе правительства.

Известно, что изданием газеты «Народная воля» интересовались К. Маркс и Ф. Энгельс. В начале 1882 года в сдвоенном номере (№ 8 и 9) «Народной воли» было опубликовано предисловие К. Маркса и Ф. Энгельса ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии», которое готовилось тогда к выпуску в Женеве П.Л. Лавровым. По этому поводу Ф. Энгельс писал Лаврову, имея в виду себя и К. Маркса: «...мы гордимся тем, что состоим её [«Народной воли». — Н.Я.] сотрудниками»¹.

Помимо газеты «Народная воля» и «Листков “Народной воли”», отражавших преимущественно деятельность самой партии, народо-вольцы издавали ещё и «Рабочую газету» (1880–1881), которая была органом рабочей организации «Народной воли», имевшей свою программу. «Рабочая газета» была адресована рабочим и преследовала цель пробудить в них гнев и ненависть

¹ Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. М., 1951. С. 260.

к эксплуататорам, призвать мстить за своё полурабское существование. Периодическое издание этой газеты народовольцам не удалось, и она прекратила своё существование на третьем номере, который вышел в декабре 1881 года.

Менее заметный след в развитии нелегальной народнической печати оставила издательская деятельность организации «Чёрный передел». С начала 1880 и до конца 1881 года чернопердельцам удалось выпустить пять номеров газеты «Чёрный передел» с подзаголовками «Орган социалистов-федералистов» и «Земля и воля». Этим подчёркивалась связь организации «Чёрный передел» с деятельностью землеvolьцев.

Первые два и четвёртый номера газеты «Чёрный передел» были изданы за границей, а третий и пятый — в России (в Минске). Помимо программных статей, в газете печатались письма и заметки, полученные из разных городов и губерний, там освещались события общественной жизни, говорилось об антиправительственных выступлениях крестьян и студентов, о волнениях среди рабочих.

В начале 1881 года типография «Чёрного передела» была разгромлена, и газета перестала выходить, а спустя некоторое время распалась и сама организация.

Помимо нелегальных периодических изданий, революционеры-народники печатали прокламации, написанные в виде обращений к различным слоям русского общества и освещавшие наиболее важные события и факты революционно-освободительной борьбы. Такова была, например, листовка «Покушение на жизнь Трепова», написанная Д.А. Клеменцом.

Среди нелегальных публицистических произведений, отразивших движение революционного народничества, надо отметить книги С.М. Кравчинского (выступавшего под псевдонимом Степняк) и П.А. Кропоткина, написанные и опубликованные за границей. Появление их было вызвано тем, что как в России, так и за границей реакционная печать обрушилась на революционеров с потоком клеветы, стремясь извратить сущность революционной борьбы, ведущейся в России, и в искажённом виде изобразить деятелей освободительного движения. И поэтому необходимо было рассказать правду о причинах возникновения русского освободительного движения, о его целях и задачах, познакомить зарубежных читателей с чаяниями и помыслами революционеров, вступивших в неравную схватку с самодержавием.

В книге очерков Степняка-Кравчинского «Подпольная Россия» кратко охарактеризовано развитие освободительной борьбы в России 1870-х годов, запечатлена целая галерея образов замечательных революционеров: Валериана Осинского, Петра

Кропоткина, Дмитрия Клеменца, Веры Засулич, Софьи Перовской и других, приведены рассказы об организации покушений на царя, о работе тайной типографии и т.д.

В книге «Россия под властью царей» Степняк-Кравчинский проследил, как в России складывался самодержавный деспотизм, показал бесправное положение народа, жалкое состояние земского самоуправления, просвещения, культуры, печати, нарисовал страшную картину репрессий царского правительства против революционеров, рассказал о трагической судьбе арестованных и осуждённых участников освободительной борьбы. Во второй части книги «Зловещие места» Степняк-Кравчинский дал обобщённый образ передовой женщины, вставшей на путь революционной борьбы против самодержавия и погибшей в царских стенах.

Вот что писал о восприятии книг Степняка-Кравчинского на Западе П.А. Кропоткин: «Его книги много способствовали ознакомлению западноевропейцев с нашей родиной. Но едва ли не главную службу в пробуждении симпатий сослужили “Подпольная Россия” и некоторые главы из “России под властью царей”, в которых обрисованы в беллетристической форме типы революционного движения и внутренняя жизнь кружков. Эти очерки обращались к человеческому чувству, к оскорблённому чувству справедливости, а так как они были написаны художественно, то производили глубокое впечатление. Одно время, куда бы я ни приезжал в Англии (а я в то время читал лекции в провинции), мне везде говорили о “Poor Number Thirty-nine” (“Бедняжка номер 39-й”) — очерке Сергея, появившемся в одном журнале. Все читали этот очерк, все выстрадали его, все спрашивали: “Неужели это возможно в России? — и заканчивали словами: Если бы я был в России, я тоже был бы нигилистом...”»¹

О судьбах революционеров, попавших на каторгу и сосланных на поселение в Сибирь, рассказал в своих книгах «Русские тюрьмы» и «Ссылка в Сибирь» П.А. Кропоткин.

Основные положения народнической идеологии разделяли и пропагандировали не только непосредственные участники революционного движения, действовавшие в подполье и отставившие свои взгляды в нелегальной прессе, но и многие демократически настроенные общественные деятели, публицисты и писатели, выступившие в легальной печати. На страницах демократических журналов «Отечественные записки», «Дело», «Слово», «Русское богатство» ставились и решались многие

¹ Цит. по: Таратута Е. С.М. Степняк-Кравчинский и его книга «Россия под властью царей» // *Степняк-Кравчинский С.М. Россия под властью царей*. М., 1964. С. 19–20.

вопросы, которые освещались в нелегальных изданиях народников.

Но, разделяя взгляды народников на роль крестьянской общины, многие демократически настроенные писатели и публицисты идеализировали общинные отношения и крестьян-общинников. Они были склонны считать возникновение в крестьянской общине буржуазных отношений явлением, не характерным, искусственно насаждаемым самодержавным государством. Они недооценивали роль рабочего класса в общественно-историческом процессе, хотя неоднократно обращались к изображению жизни фабричных и заводских рабочих, не выделяли представителей рабочего класса из общей массы угнетённого народа, считая крестьян главными выразителями взглядов и интересов эксплуатируемых масс.

При этом следует иметь в виду, что наиболее полно и последовательно взгляды народников отразились в нелегальной и легальной публицистике. Что же касается художественных произведений и отдельных жанров художественных произведений, то в них жизненная правда нередко вступала в противоречие со многими положениями народнической идеологии. И поэтому не всегда можно поставить знак равенства между творчеством писателей и публицистов народнической ориентации и народничеством как определённой идеологией, течением общественной мысли, политическим и революционным движением. Об этом в своё время писал Г.В. Плеханов, который отмечал: «Народничество как литературное течение, стремящееся к исследованию и правильному истолкованию народной жизни, — совсем не то, что народничество как социальное учение, указывающее путь “ко всему благополучию”. Первое не только совершенно отлично от другого, но оно может... прийти к прямому противоречию с ним»¹.

Писатели и публицисты народнической ориентации внимательно изучали жизнь русской деревни, прислушивались к тому, что в ней происходило, стремились понять, чем живёт русский крестьянин. Чтобы всё это лучше понять и осмыслить, они нередко отправлялись в деревню, селились там и работали в качестве учителей, землемеров, писарей, и многие их произведения были написаны на основе личных впечатлений. Так, результатом знакомства Н.Н. Златовратского с жизнью ряда сёл и деревень Владимирской губернии стали его очерки «Деревенские будни», в основу очерков П.В. Засодимского «Лесная сторона» положены материалы, собранные во время путешествия писателя по Зырянскому краю (ныне Республика Коми), «Рассказы о парашкинцах»

¹ Плеханов Г.В. Искусство и литература. М., 1948. С. 532.

Н.Е. Каронина-Петропавловского явились итогом наблюдений писателя, сделанных в Саратовской губернии.

Публицистические произведения писателей-народников отличала насыщенность конкретными фактами, документами, статистическими данными. Они были написаны не только ярко и убедительно, но и с определённой тягой к художественному обобщению и типизации.

Самой яркой и самобытной фигурой среди литераторов-народников был Г.И. Успенский. Именно в его творчестве наиболее отчётливо проявилось несоответствие реалистически воспроизведённых картин жизни русской деревни с народническими доктринами¹.

Широкое полотно деревенской жизни, быта крестьян и помещиков предстало перед читателями в цикле очерков «Из деревни» А.Н. Энгельгардта. В.И. Ленин писал, что в его очерках дана правдивая и трезвая оценка сущности процессов, происходивших в русской деревне, и вскрыта фальшивая идеализация крестьянского быта и общины: «Народничество Энгельгардта, будучи выражено чрезвычайно слабо и робко, находится поэтому в прямом и вопиющем противоречии с той картиной действительности деревни, которую он нарисовал с такой талантливостью, и если бы какой-нибудь экономист или публицист взял за основание своих суждений о деревне те данные и наблюдения, которые приведены Энгельгардтом, то народнические выводы из такого материала были бы невозможны»².

Внимание народнических писателей и публицистов было обращено не только на жизнь крестьянства, но и на положение фабричных рабочих и ремесленников. В целом ряде произведений Ф.Д. Нефёдова нарисованы поражающие своей беспощадной правдивостью картины страшного труда рабочих ивановских текстильных мануфактур.

Но подавляющее большинство писателей и публицистов, разделявших народнические убеждения (в том числе и Нефёдов), писали прежде всего о русской деревне и о процессах, в ней происходящих.

Во всей своей неприглядности встаёт деревенская жизнь со страниц очерков и рассказов Н.И. Наумова. Произведения писателя вызывали у читателя ненависть к существующим порядкам. Поэтому революционеры-народники широко использовали их в своей пропагандистской работе. И хотя рассказы и очерки На-

¹ Книга публицистических произведений Г.И. Успенского «Власть земли» вышла отдельным изданием в «Библиотеке русской художественной публицистики».

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 522.

умова были написаны на материалах, почерпнутых из жизни сибирской деревни, тем не менее они были близки и понятны любому крестьянину, так как условия, в которых жили крестьяне Сибири, мало чем отличались от жизни крестьян всей России. Не случайно поэтому, по словам О.В. Аптекмана, крестьяне Пензенской губернии, где он выступал в роли пропагандиста, говорили: «Словно про нас написано, не сказка, а быль»¹.

В своих произведениях Наумов не пытался объяснить, откуда появились кулаки и мироеды. Он изображает кулачество как уже сформировавшееся явление, как зло, порождённое какими-то неизвестными случайными обстоятельствами.

Одним из наиболее последовательных выразителей народнических взглядов в литературе был Н.Н. Златовратский. В цикле очерков «Деревенские будни» Златовратский отмечал, что в деревне чётко определилось классовое расслоение, что в ней появились «красная» и «холодная» стороны, что есть там богатеи и бедные труженики, что многие мужики стремятся покинуть деревню и отправиться на отхожие промыслы в город, что крестьянское самоуправление пришло в полное расстройство, что всё большую власть в общине приобретают кулаки. Однако Златовратский не переставал верить, что община может спасти деревню от полного оскудения и разорения.

Иначе, чем Златовратский, подошёл к изображению жизни деревни Н.Е. Каронин-Петропавловский. Сурово и беспощадно раскрывает писатель подноготную деревенских порядков, показывает разорение мужицких хозяйств, усиление власти кулаков и кабатчиков, разложение крестьянской общины. Как отмечал Г.В. Плеханов: «Оригинальность г. Каронина в том и заключается, что он, несмотря на все свои народнические пристрастия и предубеждения, взялся за изображение именно тех сторон нашей народной жизни, от столкновения с которыми разлетаются в прах все идеалы народников»².

В отличие от многих народнических литераторов, считавших, что отрыв крестьянина от родной почвы, от земледельческого труда пагубным образом скажется на его нравственности и развратит его, Каронин-Петропавловский убеждён, что хуже жизни в деревне ничего быть не может. Эта мысль проходит через весь цикл «Рассказы о парашкинцах».

Произведения Каронина-Петропавловского свидетельствовали о пробуждении народного самосознания крестьянских масс, не желавших жить в условиях безудержной эксплуатации и бесправной нищеты.

¹ Аптекман О.В. Общество «Земля и воля». М., 1924. С. 172.

² Плеханов Г.В. Искусство и литература. М., 1948. С. 556.

Столь же безрадостную картину жизни пореформенного крестьянства показал в своих «Записках степняка» А.И. Эртель. В «Записках степняка» он выступил как объективный исследователь процессов, происходящих в деревне. Писатель увидел, что жизнь пореформенного крестьянства определяется не поэзией земледельческого труда, не «мирскими» устоями, а буржуазными отношениями, засильем частной собственности, что хозяйственные мужички постепенно превращаются в оборотистых и жадных до наживы хищников, которые не только прибирают к рукам имущество своих односельчан, но и начинают вершить всеми общинными делами.

Всё это вызывает у писателя грустные мысли. Отсюда и тот элизм повествования, который пронизывает «Записки степняка».

Среди жанров художественной публицистики народнической литературы наиболее популярным был очерк. Это объяснялось тем, что очерк — жанр очень оперативный. В большинстве очерков, написанных народническими литераторами, не было чётко разработанного сюжета. Отдельные сцены и диалоги в них обычно связаны публицистическими рассуждениями, в которых автор излагал сущность своих взглядов и своё отношение к изображаемым событиям. Стремясь лучше понять и осветить в своих произведениях сущность процессов, происходящих в деревне, писатели и публицисты народнического лагеря постоянно искали новые формы отражения жизни. Отсюда появление циклов очерков, посвящённых одной проблеме или теме, на основе которой потом создавались повести и романы. Так, многие факты и наблюдения, отражённые в «Деревенских буднях» Златовратского, были положены в основу его романа «Устой», а циклы «Рассказы о парашкинцах» и «Рассказы о пустяках» Каронина-Петропавловского явились своеобразным прологом к его повести «Снизу вверх».

Художественная публицистика писателей-народников, созданная в результате глубокого и разностороннего изучения народной жизни, имеет большую познавательную ценность. Недаром Г.В. Плеханов писал: «Произведения наших народников-беллетристов надо изучать так же внимательно, как изучаются статистические исследования о русском народном хозяйстве или сочинения по обычному праву крестьян»¹. На эту особенность произведений писателей и публицистов-народников указывал и М. Горький, который писал: «Беллетристы-народолюбцы дали огромный материал к познанию экономического быта нашей страны, психологических особенностей народа, изображали его нравы, обычаи, его настроения и желания»².

¹ Плеханов Г.В. Искусство и литература. М., 1948. С. 510.

² Горький М. История русской литературы. М., 1939. С. 219.

Помимо освещения вопросов о положении крестьянства, о новых экономических отношениях, начинавших складываться в русской деревне, о проникновении капиталистических отношений в экономику страны, народнические писатели и публицисты неоднократно обращались к изображению деятельности передовой русской интеллигенции, к освещению фактов революционной борьбы, хотя делать это в условиях легальной печати, находившейся под жестоким гнѐтом цензуры, было необычайно сложно. Не случайно ведущий публицист журнала «Отечественные записки» Н.К. Михайловский в «Литературных заметках 1879 года» с горечью писал: «...Лучшие годы убиты на то, чтобы с почти акробатической гибкостью, цепляясь за разные шероховатости своего скорбного поприща, хотя изредка, урывками, в искаленном виде сказать вам своё задушевное слово. ...Пусть бы силы расходовались вдесятеро быстрее, но по-божески, на непосредственное дело, а не на томительное измышление форм для обхода препятствий»¹.

Литературная деятельность Михайловского на страницах легальной печати — целая эпоха в истории русской публицистики. В своих статьях, печатавшихся в журнале «Отечественные записки», он откликался на все вопросы, волновавшие передовых читателей, вёл борьбу против русских буржуазных либералов, осуждая их за трусость и непоследовательность, отстаивал высокие морально-нравственные идеалы радикально настроенной молодёжи, открыто заявлял о своей солидарности с революционным движением народников.

Характерной особенностью публицистического таланта Михайловского было умение освещать одновременно множество самых различных, порой мало связанных между собой фактов, почерпнутых из разных сторон общественной, политической, культурной и литературной жизни, находить между ними определённую связь, внутреннее единство. В статьях Михайловского чувствуется биение живой жизни, за внешней неорганизованностью и нестройностью его публицистических циклов всегда проглядывала чёткая мысль.

Это свойство таланта Михайловского проявилось и в его цикле «Вперемежку», основная тема которого, по словам Г.А. Бялого, «тема революционного подполья, которая звучит иногда глухо, иногда более явно, иногда почти совсем открыто и всегда патетически, в тонах благоговейного уважения. Можно сказать даже, — продолжает он, — что это главная тема очерков; все прочие тематические линии сходятся к ней как к центру... всё ведёт к вопросу о героическом подвиге и жертвенном самоотречении, т.е. в сущ-

¹ Михайловский Н.К. Полн. собр. соч. Т. IV. СПб., 1909. Стлб 829.

ности о революционной борьбе и её участниках — разных оттенков мысли и чувства, и разных степеней зрелости»¹.

Михайловский с глубоким уважением относился к людям, посвятившим себя революционной деятельности. В образах революционеров он показал образец подвижничества людей, которые идут на подвиг, вовсе не думая об этом, рассматривая это как простое и естественное дело.

Разных представителей передовой русской интеллигенции нарисовал Михайловский в цикле очерков «Вперемежку». Ему удалось показать сложную расстановку сил в общественном движении 70-х годов XIX века, наличие различных оттенков в революционном движении того времени, разные типы деятелей.

В цикле «Вперемежку» высказана мысль о необходимости объединения всех демократических сил русского общества для совместных действий во имя торжества целей освободительной борьбы.

Нелегальная и легальная публицистика сыграла важную роль в формировании революционной мысли и пропаганде идей социализма и прогресса. Она явилась действенным оружием в борьбе против самодержавных порядков, за торжество идеалов социальной справедливости.

Борьба революционного народничества — одна из славных страниц в истории второго этапа русского освободительного движения, когда «шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. “Молодые штурманы будущей бури”, — звал их Герцен»². Но подлинная связь с народом осуществилась только после того, как «идейно определилось направление русского марксизма... и началось непрерывное рабочее движение в связи с социал-демократией...»³, которое привело к победе Великой Октябрьской социалистической революции.

¹ Бялый Г.А. Михайловский-беллетрист // Русская литература и народничество. Л., 1974. С. 113.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 261.

³ Там же. Т. 25. С. 94.

РЕВОЛЮЦИОНЕР, ЖУРНАЛИСТ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬ СИБИРИ

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

Д.А. КЛЕМЕНЦА¹

В конце февраля 1879 года на квартире почётного мирового судьи А.П. Александрова в Петербурге собралось небольшое общество. Среди гостей были военные, земские деятели, представители радикально настроенной интеллигенции. Говорили об издании нелегальной газеты с «земским» направлением. Присутствующие с сочувствием отнеслись к этой идее. И только один человек, представленный гостям как капитан Сергей Петрович Штурм, не разделял общего мнения. Посасывая коротенькую трубку, он насмешливо поглядывал на говоривших и отдельными репликами часто ставил их в тупик. Он хотел точно знать, какова же всё-таки будет программа газеты, кто будет в ней сотрудничать, где она будет печататься и на какие средства. Как и следовало ожидать, ответы он получил весьма приблизительные, а порой и вовсе невразумительные.

Разговор прервал настойчивый и требовательный стук в дверь.

— Жандармы, — испуганно сообщила прислуга.

Гости засуетились, пытаясь скрыть волнение. И лишь капитан Штурм продолжил невозмутимо сидеть в кресле.

Вошли жандармы во главе с офицером. Документы у присутствующих оказались в полном порядке. Обыск тоже не дал сколько-нибудь ощутимых результатов. Правда, были найдены рукописные заметки, касавшиеся деятельности земства, в которых содержались отдельные противоправительственные мысли, и несколько заграничных изданий. Но у кого из интеллигентов того времени их не было! Тем не менее был составлен протокол, и все

¹ Впервые опубли.: Сибирские огни. 1975. № 2. С. 169–184.

присутствующие подписали его. Только капитан Штурм не сдвинулся с места и попросил принести протокол к его креслу. Это показалось жандармам подозрительным. Капитану предложили встать и пройти к столу. После долгих препирательств ему пришлось подняться — под ним лежал небольшой сафьяновый портфель.

— Что это значит? — спросил офицер.

— Это значит, что вал сменили в органе, — спокойно ответил Штурм.

И действительно, как бы теперь сказали, пластинку сменили. В портфеле, согласно описи, составленной жандармским майором Огарёвым, который руководил обыском, оказались весьма важные документы. Среди них были нелегально отпечатанные в Петербургской вольной типографии экземпляры воззваний «К русским рабочим. Программа Северного союза рабочих», «Казнь Кропоткина» и «От ткачей новой бумагопрядильни, что на Новой канаве, к рабочим всех фабрик и заводов, 16 февраля 1879 г.», номера революционной газеты «Земля и воля», корректурные листы и статьи «противоприветственного содержания, по-видимому предназначенные к напечатанию в периодическом издании»¹, корреспонденции из разных мест, заметки — «все одинаково преступного, резко-революционного характера и содержания»². Как позднее установила экспертиза, около 15 заметок «преступного содержания», корреспонденция «О татарских волнениях» и рассказ «Суд» были «написаны рукою Клеменца»³.

Такого успеха жандармы явно не ожидали. Даже беглое знакомство с содержанием портфеля свидетельствовало, что в их руки попал архив и редакционные материалы «тайного революционного поврежденного издания... “Земля и воля”».

— Пойдите, пойдите, — вдруг проговорил майор Огарёв, внимательно оглядывая Штурма.

Ему показалось знакомым это, несколько калмыцкого склада, лицо с огромным лбом и немного приплюснутым носом. Он открыл свою папку и достал оттуда фотографию. Сомнений не было. Перед ним находился Дмитрий Александрович Клеменц, «опасный государственный преступник», один из организаторов революционного кружка «чайковцев», участник «хождения в народ», активный пропагандист, автор «возмутительных», антиправительственных стихов, статей и прокламаций, сотрудник революционных эмигрантских изданий и, наконец, редактор под-

¹ ЦГИА. Ф. 1405. Оп. 77. Ед. хр. 7779. Л. 26 об.

² Там же. Ед. хр. 7780. Л. 24 об.

³ Там же. Ед. хр. 7779. Л. 27.

польной газеты «Земля и воля», типография которой давно уже разыскивалась властями.

И, конечно, никто тогда не мог предполагать, что через несколько лет имя этого человека станет известно всему учёному миру, что он войдёт в историю отечественной науки как крупнейший исследователь Сибири и Монголии.

* * *

Дмитрий Александрович Клеменц родился 15 декабря (по старому стилю) 1848 года в селе Горяиново Николаевского уезда Самарской губернии в семье управляющего именем. Отец его был выходцем из Курляндии, а мать — уроженкой Саратовской губернии.

Детские годы Клеменца протекали в обстановке доживающего свои последние дни крепостного права. Он видел жестокие надругательства помещиков над крепостными крестьянами, и уже тогда в его сознании возникло глубокое сочувствие к угнетённым и ненависть ко всем проявлениям насилия и жестокости. «Палки, розги, плети, которые я видел в детстве и от которых я убегал, падал головой в колени матери и рыдал, так стали мне ненавистны, что я не могу взять в руки кнута, чтобы ударить урусливую (упрямую) лошадь»¹, — говорил много лет спустя Клеменц своему другу И.И. Попову.

Учился Клеменц сначала в Самарской, а затем в 1-й Казанской гимназии, где, по его словам, «встретил людей, которых называли тогда новыми, и под их влиянием мало-помалу стали изменяться мои понятия и взгляды на жизнь, усвоенные в детстве на фоне крепостного права»². Вместе со своими товарищами он читает журнал «Современник», газету «Колокол», произведения Чернышевского и Добролюбова, издаёт рукописный журнал «Артель», принимает участие в работе воскресных школ. В своих воспоминаниях Клеменц писал, что уже в гимназии он «горячо отстаивал необходимость отпустить крестьян с землёй без выкупа. Читал статьи Добролюбова в «Современнике» о тёмном царстве, знал почти наизусть стихотворения Некрасова, заинтересовался романом «Что делать?» и прислушивался к разговорам на текущие политические темы»³.

В гимназии Клеменц пережил объявление воли, восстание крестьян в селе Бездна под руководством Антона Петрова, видел демонстрацию студентов по этому поводу и панихиду по убитым, слышал речь А.П. Щапова.

¹ РГАЛИ. Ф. 408. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 18.

² Клеменц Д.А. Из прошлого. Воспоминания. Л., 1925. С. 79.

³ Там же. С. 94.

Таким образом, гимназические годы не прошли для него даром. Он покинул гимназию уже во многом сложившимся человеком, твёрдо знавшим, что никогда не сможет примириться с несправедливостью существующего общественного строя.

Гимназию Клеменц окончил в 1866 году, однако в университет, куда он так стремился, смог поступить только на следующий год. У отца не было средств, и ему пришлось целый год работать, чтобы собрать необходимые для учёбы деньги. Много лет спустя, во время следствия, отвергая обвинения в том, что он якобы жил на средства революционной организации, Клеменц с гордостью мог заявить, что с «восемнадцатилетнего возраста не жил иначе, как на собственный заработок»¹.

Казанский университет, куда поступил Клеменц на математический факультет, в то время был далеко не лучшим высшим учреждением России. Но и туда проникли новые веяния. Вместе с другими прогрессивно настроенными студентами Клеменц изучает философию позитивизма, внимательно читает книги О. Конта, Спенсера, Милля, принимает участие в работе нелегальной студенческой библиотеки и студенческой кассы.

Но жизнь в Казани не удовлетворяла Клеменца. Он стремится в Петербург, откуда приходили известия об активизации общественной жизни, где жили и работали выдающиеся учёные, писатели, журналисты. И поэтому, проучившись в Казанском университете два года, Клеменц перевёлся на математический факультет Петербургского университета.

Едва приехав в Петербург, Клеменц с головой окунулся в общественную деятельность. Сначала он организует кружок саморазвития, в котором тщательно изучались труды русских и зарубежных философов, экономистов, историков. Потом сблизился с М.А. Натансоном, Н.А. Чарушиным и Д.М. Рогачёвым, которые ввели его в кружок, известный в истории русского освободительного движения под названием «кружок “чайковцев”».

Члены этого кружка стремились создать среди лучшей части интеллигенции и прежде всего студенчества «кадры революционно-социалистической партии, или, как чаще выражались тогда, истинно народной партии в России»². Они занимались самообразованием, изучали философию, политическую экономию, историю революционных движений. Но этим их деятельность не ограничивалась. Как отмечалось в «Заключении по делу о 58 лицах, обвиняемых в принадлежности к тайному сообществу, стремящемуся ниспровергнуть существующий в Империи го-

¹ Цит. по кн.: *Левин Ш.М.* Дмитрий Александрович Клеменц. М., 1929. С. 7.

² *Шишко Л.Э.* Сергей Михайлович Кравчинский и кружок «чайковцев». Женева, 1903. С. 16.

сударственный и общественный строй»¹, «члены этого кружка поставили себе задачей пропагандировать всеми возможными способами социально-революционные идеи среди рабочего населения страны, для чего стали собираться с рабочими, внушая им недовольство существующим государственным и общественным строем и доказывая необходимость провести в более или менее отдалённом будущем открытое восстание против правительства с целью совершенного его ниспровержения и замены существующего строя осуществлением социалистических начал»².

В кружок «чайковцев» входили многие прославившиеся позднее замечательные русские революционеры, среди которых можно назвать С.М. Степняка-Кравчинского, С.Л. Перовскую, П.А. Кропоткина, Н.А. Морозова и др. «Много мне пришлось повидать народу за свою жизнь, — говорил Клеменц, — столько, сколько и десяток других людей не перевидят, но чище и лучше людей нашего кружка... я не видел». И это было отнюдь не субъективное мнение Клеменца. О высоких помыслах «чайковцев», их самоотверженности, нравственной чистоте писали многие. Так, П.А. Кропоткин в «Записках революционера» писал: «Никогда впоследствии я не встречал такой группы идеально чистых и нравственно выдающихся людей... До сих пор я горжусь тем, что был принят в такую семью»³.

В кружке «чайковцев» Клеменц очень скоро становится одним из самых активных деятелей. Он был членом литературного комитета кружка, вместе с Кропоткиным, Кравчинским и Тихомировым отбирал в легальной печати произведения, которые можно было бы использовать для пропаганды среди рабочих и крестьян социалистических идей. Но таких произведений было не так уж и много. Поэтому Клеменц вместе со своими товарищами стал писать произведения для народа. Это были преимущественно стихи и песни, сказки и рассказы. Перу Клеменца принадлежит довольно много стихотворений и песен. Наибольшей известностью пользовались такие произведения, как «Свободушка», «Дума кузнеца», «Барка», «Когда я был царём российским», а песня «Доля» была положена на музыку неизвестным музыкантом и стала народной.

В стихах и песнях, написанных Клеменцом, открыто звучали революционные мысли, слышался призыв к восстанию против угнетателей народа. Так, в «Думе кузнеца», например, есть такие строки:

¹ По этому делу привлекался в качестве обвиняемого и Д.А. Клеменц.

² ЦГИА. Ф. 1405. Оп. 77. Ед. хр. 7779. Л. 23 об.

³ Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1966. С. 273.

Нет! Довольно страдать!
 На людей работать!
 Кликну я кузнецов!
 Пик, ножей накуём,
 Пушек, ядер нальём,
 И густою толпой
 За свой труд вековой
 Мы на битву пойдём —
 Всё вверх дном повернём!
 Гей! Богатый народ!
 Скоро час твой пробьёт!
 Уж зовёт вас на суд
 Весь ограбленный люд!

В стихотворении «Барка», певшейся на мотив «Дубинушки», содержалась мысль о необходимости свергнуть самодержавие и установить народную власть:

Чтобы барка шла вернее,
 Надо лоцмана в три шеи!..
 И тогда охотно, смело
 Снова примемся за дело!

 Ой, дубинушка, ухнем!
 Ой, зелёная, сама пойдёт!

Вместе с другими «чайковцами» Клеменц принимал активное участие в пропагандистской работе сначала среди учащейся молодёжи, а затем — среди рабочих и крестьян. Его умение разговаривать с простыми людьми было поразительно. В своей книге «Подпольная Россия» С.М. Степняк-Кравчинский писал о Клеменце: «Он едва ли не лучший из наших народных пропагандистов. Манера говорить и вести пропаганду у него своеобразная, совершенно неподражаемая. <...> Он смеётся и заставляет хвататься за животы слушающих его мужиков, старых и малых, несмотря на всю их обычную невозмутимость. Однако он всегда ухитрится вложить в свою шутку какую-нибудь серьёзную мысль, которая так и засядет гвоздём им в головы. Редко кому удавалось вербовать столько приверженцев из среды крестьян и городских рабочих»¹.

Популярность его среди рабочего люда была столь высока, что даже в официальной «Записке» по делу об обвинении Клеменца и его товарищей в «совершении государственных преступлений» отмечалось: «Преступная деятельность Дмитрия Клеменца была

¹ Степняк-Кравчинский С.М. Сочинения. Т. I. М., 1958. С. 403.

настолько энергична, что рабочие, посещавшие сходки, называли его «учителем»¹.

В самом начале 1870-х годов Клеменц познакомился с автором знаменитой книги «Положение рабочего класса в России» В.В. Берви-Флеровским, часто навещал его в Финляндии, где тот тогда жил, спорил с ним, обсуждал его новую работу «Азбука социальных наук». В связи с изданием и распространением «Азбуки...» Клеменц впервые был вызван на допрос в III Отделение. Это произошло в 1871 году.

Среди своих друзей и товарищей Клеменц пользовался огромным авторитетом и уважением. «Я не встречал человека, — писал С.М. Степняк-Кравчинский, — который возбуждал бы к себе такую страстную привязанность, доходившую до обожания, как Клеменц»². И в этом не было преувеличения. Трудно было найти среди тех, кто близко знал Клеменца, людей, которые не отзывались бы о нём с восторгом. Он умел внушать к себе любовь и уважение буквально с первых минут знакомства. В нём привлекали глубокий ум, широкая образованность, деликатность и остроумие.

К тому времени Клеменцу пришлось расстаться с университетом, так и не окончив его. Но это произошло не потому, что он потерял интерес к науке. Напротив, жажда знаний с каждым годом становилась у него всё сильнее. Но Клеменц, по словам П.А. Кропоткина, понимал, что в то время «стать учёным — значит перейти в стан филистёров, тогда как впереди такое множество другой, не терпящей отлагательства работы»³.

Начиная с 1872 и вплоть до 1874 года Клеменц ведёт скитальческий образ жизни. Он исколесил чуть ли не всю Россию, жил в деревне в качестве писаря, пильщика, кучера, работал грузчиком на пристанях, на строительстве железной дороги. В своих показаниях после ареста Клеменц не скрывал, что «путешествовал по Волге, занимаясь ручными работами за подённую плату. В Сызрани он поступил рабочим на вновь строящуюся железную дорогу и, продав своё платье, оделся в самую грубую крестьянскую одежду»⁴. И всюду он вёл пропаганду, всюду стремился раскрыть глаза рабочим и крестьянам на их бесправное положение, убеждал их в необходимости бороться за свои права.

Изредка Клеменц появлялся в Москве и Петербурге, где сразу же подключался к работе своих товарищей, которые вели пропаганду на заводах и фабриках.

Полиция и жандармы уже давно охотились за Клеменцом, но он был неуловим. Часто казалось, что его вот-вот схватят, но каждый

¹ ЦГИА. Ф. 1405. Оп. 77. Ед. хр. 7780. Л. 48 об., 49.

² *Степняк-Кравчинский С.М.* Сочинения. Т. I. М., 1958. С. 404.

³ *Кропоткин П.А.* Указ. соч. С. 271.

⁴ ЦГИА. Ф. 1405. Оп. 77. Ед. хр. 7779. Л. 29 об.

раз благодаря удивительной находчивости и самообладанию, ему удавалось избежать ареста. Так, однажды Клеменц явился на одну конспиративную квартиру, не подозревая о том, что там устроена засада. Но открыв дверь и увидев в квартире жандармов, он «выхватил ключ, выбежал на лестничную площадку, закрыл дверь с наружной стороны и убежал»¹. В другой раз, исполняя обязанности кучера в имении своего друга-революционера А.И. Иванчина-Писарева, Клеменц вступил в беседу с местным исправником, который усомнился в его благонадёжности. Но, проговорив с ним чуть ли не полчаса, исправник плюнул и спросил Иванчина-Писарева:

— Где вы такого идиота раздобыли?²

Действительно, способность перевоплощения у Клеменца была поразительна. Вот что писал Н.А. Морозов о своём первом знакомстве с ним: «Когда в комнату к нам вошёл однажды типичный сибирский мужичок, в засаленной фуражке, чёрном кафтане нараспашку, под которым виднелась пестрядиная крестьянская рубаха навыпуск, в жилете с медными пуговицами и в синих полосатых портках, вправленных в смазные сапоги, я отдал бы голову на отсечение, что это сельский староста, только что вышедший из своей деревни и совершенно чуждый всякой цивилизации»³.

А когда было нужно, Клеменц, несмотря на своё нелегальное положение, мог отправиться к прокурору и хлопотать об освобождении своего друга А. Сердюкова на поруки. «И если бы не какая-то перемена в ходе следствия по делу Сердюкова, — рассказывал С. Степняк-Кравчинский, — то мы имели бы забавный случай освобождения политического заключённого под поручительство человека, который сам скрывается от полиции»⁴.

Подобных случаев в революционной деятельности Клеменца было немало. Одним из предприятий, разработанных им, была попытка освобождения Н.Г. Чернышевского из далёкой Вилуйской ссылки. Вместе со своим товарищем Н.А. Грибоедовым Клеменц отправился в Сибирь (куда незадолго перед этим ездил Г.А. Лопатин) для того, чтобы подновить привезённые ранее Лопатиным сведения, раздобыть бланки разных начальствующих лиц и «для приобретения подписей некоторых новых чиновников, успевших сменить старых»⁵. Когда почти все приготовления были уже закончены, Клеменц и Грибоедов узнали о неудачной попытке освобождения Чернышевского, предпринятой И.М. Мышкиным. Пришлось спасаться бегством.

¹ Буланова-Трубникова О. Странички воспоминаний // Былое. 1924. № 24. С. 62.

² Аксельрод П.А. Пережитое и передуманное. Кн. I. Берлин, 1923. С. 135.

³ Морозов Н.А. Повести моей жизни. Т. I. М., 1961. С. 72.

⁴ Степняк-Кравчинский С.М. Сочинения. Т. I. М., 1958. С. 407.

⁵ Примечания к статье «Н.Г. Чернышевский в Вилуйске» // Минувшие годы. 1908. № 3. С. 21.

Между тем дальше в России оставаться было опасно. Многие члены кружка «чайковцев» были арестованы, и оставшиеся на свободе товарищи настояли на том, чтобы Клеменц немедленно уехал за границу. Это произошло в конце 1874 года.

Сохранилось очень интересное письмо Клеменца к одному из ведущих теоретиков народничества П.Л. Лаврову, написанное вскоре по приезде за границу. В нём содержатся чрезвычайно важные сведения о том, как Клеменц (и, вероятно, многие другие деятели народнического движения) оценивал состояние революционного движения в России после разгрома «хождения в народ». В письме говорилось: «Я был свидетелем оргий реакции в столицах и провинции после разгрома социалистических кружков... Присматриваясь к размерам современного нам погрома, мы должны будем признать, что таких бессовестных арестов и преследований массами, “не щадя ни пола, ни возраста”, ещё не было у нас. Что же мы видим в результате этого погрома? Движение не только не уменьшается, но идёт crescendo. Вместо паники вы встречаете энтузиазм; люди вырастают словно из земли. Каждый новый арест даёт нового героя: его поведение поддерживает бодрость и веру в дело в остающихся на свободе... Что же даёт такую живучесть современному движению? Не колеблясь отвечаю — прямая и непосредственная связь с народом, нравственная поддержка со стороны последнего. Русский социализм до последнего времени был оторван от своей родной почвы, от народа, и не нужно было быть Гераклом, чтобы душить его проявления. Теперь задушить его возможно только одним путём — оторвать его от прямого практического пути, порвать связь между нами и народом, поднять Антея на воздух, но это теперь не удастся сделать и Геркулесу... Теперь не удастся правительству уничтожить социализм, как не удалось извести ему раскольников. Всякий новый деятель теперь уже встречает некоторую почву для своей деятельности, ему не нужно начинать дела снова, заново...»¹

Таким образом, Клеменц уехал за границу отнюдь не разочарованным, а полным сил и надежд. Он считал своё пребывание в Европе временным и надеялся вскоре вернуться в Россию для продолжения революционной борьбы.

Следует отметить, однако, что Клеменц, несомненно, преувеличивал связь революционеров-народников с широкими народными массами. К тому же далеко не все революционеры были настроены столь оптимистично.

Вдали от родины Клеменц не терял времени даром. Сначала мы видим его в Берлине. Много лет спустя Клеменц писал: «Как

¹ ЦГАОР. Ф. 1762. Оп. 4. Ед. хр. 219.

новичок, в первый раз попавший за границу, прямо-таки погрузился в изучение заграничной жизни... Я бегал с одного собрания в другое, слушал общедоступные лекции в университете и посещал музеи.

— Клеменц, кажется, хочет проглотить Берлин, — говорили обо мне знакомые»¹.

В Германии Клеменц познакомился с руководящими деятелями немецкого социал-демократического движения, принимал участие в дискуссиях, спорил с популярным в то время философом Дюрингом.

Кипучая деятельность Клеменца продолжалась и во Франции, куда он вскоре переехал. Там он посещал лекции в Сорбонне, изучал математику, геологию, зоологию, философию, политическую экономию, совершал экскурсии, собирал различные коллекции и гербарии. Казалось бы, зачем всё это нужно было профессиональному революционеру?! С. Степняк-Кравчинский объяснял это тем, что Клеменц всегда, при любых условиях стремился держаться «на уровне интеллектуального прогресса Западной Европы... Обладая ненасытной жаждой знаний, он изучал всё, не забываясь о том, сможет ли он извлечь из этого непосредственную пользу или нет»².

Клеменц, конечно, не мог предполагать, что пройдёт не столь уж и много времени, и все эти занятия ему очень и очень пригодятся.

Живя за границей, Клеменц основательно изучил «Капитал» К. Маркса и высоко ценил это произведение. В спорах по экономическим и социальным вопросам он часто ссылался на Маркса, но практического значения марксистской теории для России так и не признал.

В период жизни за границей Клеменц писал статьи и корреспонденции для иностранных газет и журналов, где рассказывал о революционном и общественном движении в России. Одновременно он стал сотрудником революционной газеты «Вперёд!», издававшейся в Лондоне П.Л. Лавровым, где некоторое время вёл отдел «Что делается на родине?». В газете «Вперёд!» Клеменц опубликовал великолепный политический памфлет «Письмо к графу Д.А. Толстому», в котором от имени ретрограда Масто-донтова упрекал одного из самых реакционных царских министров в либерализме и в недостаточно последовательно проводимых им гонениях на прогрессивную молодёжь. Сила обличения сущности политики царского правительства в памфлете была настолько сильна, что некоторые исследователи в течение долгого

¹ Клеменц Д.А. Из прошлого. Воспоминания. Л., 1925. С. 128.

² Степняк-Кравчинский С.М. Сочинения. Т. I. М., 1958. С. 408.

времени автором этого памфлета считали М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Помимо сотрудничества в газете «Вперёд!», Клеменц принимал участие в подготовке издания ещё одной революционной газеты — «Работник». Одновременно он помещал научные статьи и переводы в русских легальных журналах «Отечественные записки», «Дело» и «Слово».

В Париже Клеменца застала весть о начавшемся в Боснии и Герцеговине восстании славянского населения против турецкого ига. Русские революционеры предполагали, что освободительное движение на Балканах и превращение южнославянских земель в самостоятельные конституционные государства благотворно отзовётся на политическом сознании русского общества и народа. В Герцеговину отправились С.М. Степняк-Кравчинский, М.П. Сажин и другие революционеры. Клеменц же решил сначала поехать в Россию, считая, что там он больше узнает о восстании и заодно выяснит отношение русского общества к балканским событиям.

В России Клеменц пробыл несколько месяцев, а затем под чужим именем вместе с отрядом добровольцев отправился на Балканы. Однако, прибыв в Белград, он увидел, что там царит неразбериха, никто не знает, что нужно делать, куда и когда направятся отряды добровольцев. Встретившись в Белграде с Глебом Успенским, с которым его связывали тёплые дружеские отношения, и посоветовавшись с ним, Клеменц решил поехать в Черногорию. Эта страна давно интересовала его, интересовал «её геройский народ, сумевший отстоять свою свободу среди враждебных племён»¹. Но, пожалуй, больше всего его привлекала возможность познакомиться с тактикой ведения борьбы небольших черногорских отрядов с превосходящими силами турецких войск. Ведь это могло пригодиться и в условиях России.

Но на Балканах вскоре было объявлено перемирие, и Клеменц отправился в Швейцарию. Там он вместе с Н.И. Жуковским, З.К. Ралли и П.Б. Аксельродом редактировал народнический журнал «Община», где напечатал несколько статей программного характера, корреспонденций и заметок.

А в России в это время уже несколько месяцев шёл грандиозный судебный процесс над 193 революционерами, обвинявшимися в революционной пропаганде. Среди них было немало товарищей Клеменца по кружку «чайковцев». Оставшиеся на воле революционеры предполагали, что приговор суда будет суров (так оно и оказалось), и поэтому готовились к тому, чтобы осво-

¹ Клеменц Д.А. Из прошлого. Воспоминания. Л., 1925. С. 144.

бодить осуждённых во время их отправки в каторжные тюрьмы. Для этого дела в числе других был вызван из-за границы и Клеменц.

Несмотря на самые строгие ограничения, ему удалось проникнуть в зал заседания суда. А когда после окончания процесса 24 осуждённых революционера обратились с «Открытым письмом» к «товарищам по убеждениям», где призывали их «идти с прежней энергией и удвоенной бодростью к той святой цели, из-за которой мы подвергались преследованиям»¹, в ответ Клеменц написал статью «По поводу завещания», которая оканчивалась словами: «Ни казни, ни осадные положения не остановят нас на пути исполнения завещания наших товарищей — и оно будет исполнено»².

Едва закончился «процесс 193-х», как Россию потрясло новое событие — 24 января 1878 года раздался выстрел Веры Засулич, стрелявшей в петербургского градоначальника Трепова за издевательства над политическими заключёнными.

По поручению революционных организаций Клеменц написал листовку «Покушение на жизнь Трепова», где, обращаясь к Вере Засулич, говорил: «Среди холопства молчащего, задавленного общества, ты одна решилась собственной, непривычной к насилию рукою обуздать безнаказанный произвол, перед которым всё преклонялось. <...> Ты доказала, что тираны не всесильны, что гнёт рабства и азиатского деспотизма не истребили ещё у нас всех людей, способных жертвовать собою на защиту поруганных прав ближнего. <...> Тебя ждёт суд палачей, который будет издеваться над тобой; тебя ждёт бесчеловечный судебный приговор. <...> Прими же от нас дань нашего благоговейного удивления, русская девушка с душою героя, а потомство причислит твоё имя к числу немногих светлых имён мучеников за свободу и права человека»³.

К счастью, мрачные прогнозы не оправдались, и Вера Засулич была оправдана судом присяжных. У здания суда состоялась бурная демонстрация, которую Клеменц описал в одной из своих корреспонденций для журнала «Община».

Оправдательный приговор Засулич был полной неожиданностью для правительства. И в тот же день последовал приказ о немедленном её задержании. Однако Засулич удалось благополучно исчезнуть, и она несколько месяцев скрывалась в доме доктора О.Э. Веймара, сочувствовавшего революционерам. Здесь она познакомилась с Клеменцом, который, по её словам, очень помог

¹ Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. I. М., 1964. С. 400.

² Община. 1878. № 8–9. С. 4.

³ К делу В.И. Засулич // Историко-революционный сборник. Т. II. 1924. С. 335–336.

ей «в трудное время после оправдания»¹. «Его общество сильно облегчало моё существование, — писала в одном из писем Засулич, — добрый он бесконечно, добрей не выдумаешь человека»².

Понимая, что, оставаясь в России, Засулич каждую минуту рискует быть арестованной, Клеменц настоял, чтобы она уехала в Швейцарию. Вместе с ней уехал и он сам.

В Швейцарии Клеменц узнал о том, что в Петербурге организационно оформилось подпольное революционное общество «Земля и воля». И хотя он считал, что принадлежность к какой-либо организации только связывает личную инициативу революционера, тем не менее решил войти в состав «Земли и воли» и принять участие в редактировании её газеты.

Вернувшись в конце августа 1878 года в Россию, Клеменц оказался в очень трудном положении. В поисках С.М. Степняка-Кравчинского, незадолго перед этим убившего среди бела дня на одной из улиц Петербурга шефа жандармов Мезенцева, полиции удалось напасть на след «Земли и воли». Было арестовано несколько революционеров. Угроза ареста нависла и над Кравчинским. Поэтому Клеменц потребовал, чтобы тот немедленно покинул Россию.

Ко времени появления Клеменца в Петербурге первый номер газеты «Земля и воля» был уже готов (его редактировал С. Кравчинский). Теперь основная тяжесть работы в газете пала на плечи Клеменца. И хотя ему большую помощь оказывали Г.В. Плеханов и Н.А. Морозов, тем не менее Клеменцу приходилось не только самому писать, но и редактировать все вновь поступающие материалы, вести переписку и т.п.

Вопросами теории народнического движения Клеменц занимался мало. Его внимание в газете было сосредоточено, главным образом, на темах текущей общественной жизни, среди которых его больше всего занимали проблемы конституции, политических свобод и вопрос о терроре. Он вёл полемику с либеральной и реакционной прессой, выступавшей с нападками на революционное движение, отстаивал необходимость политических свобод, которые должны стать следствием решения широких задач социально-экономического порядка, защищал революционеров, вынужденных встать на путь террора. Клеменц был противником террористической борьбы и всё же считал, что в известных случаях террор неизбежен и революционеры вынуждены прибегать к нему «для спасения жизни и свободы своих товарищей, для из-

¹ В.И. Засулич, Д.А. Клеменц // *Дейч Л.* Дмитрий Александрович Клеменц. Пг., 1921. С. 29.

² Из переписки В.И. Засулич // Историко-революционный сборник. Т. II. 1924. С. 340.

бавления их от чрезмерных страданий и когда требует этого спасение чести партии»¹.

За короткий период своего сотрудничества в «Земле и воле», прерванного арестом, Клеменц опубликовал там несколько редакционных статей, систематически вёл отделы «Из-за границы» и «На светлую воду», а также напечатал несколько небольших статей и корреспонденций.

Между тем правительству стало известно о возвращении в Россию «одного из главных агитаторов» — Клеменца. Его повсюду разыскивали, его фотография была разослана чуть ли не во все губернии Российской империи. Однако долгое время ему удавалось благополучно избегать ареста. Человек осторожный, блестящий конспиратор, он вёл довольно замкнутый образ жизни, общался с очень немногими и хорошо проверенными людьми, а если встречался по разным делам с лицами, не причастными к революционному движению, то представлялся им как капитан Штурм. И только благодаря предательству провокатора Ротштейна полиции удалось напасть на его след.

В ночь на 25 февраля 1879 года в разных концах Петербурга было одновременно проведено одиннадцать обысков. В квартире П.А. Александрова жандармов ожидала удача: там им удалось задержать давно разыскиваемого «государственного преступника» Д.А. Клеменца. Узнав о его аресте, Александр II написал на докладе III Отделения: «Хорошо, что он, наконец, в наших руках. А вась, чрез него узнаем мы других сообщников»².

Клеменц попал в тяжёлое положение. Дело в том, что хозяин квартиры, где он скрывался, Александров дал откровенные показания: рассказал о собраниях в его квартире, о своём желании издавать газету с земским направлением, о лицах, посещавших мнимого капитана Штурма, и т.д. Эти показания вместе с отобранными у Клеменца во время ареста документами давали правительству основание обвинить его в причастности к руководству подпольного общества «Земля и воля» и редакции газеты.

Однако сам Клеменц отказался подтвердить показания Александрова. И, как было отмечено в протоколе, на допросах относительно участия в деятельности «Земли и воли», своих товарищей по организации, а также относительно найденных у него бумаг «отозвался частью запамätованием или нежеланием давать какие-либо объяснения, а частью давал таковые весьма неопределённого и неясного содержания»³.

¹ «Земля и воля». От редакции. Цит. по сб.: Революционная журналистика 70-х годов. 1905. С. 173.

² Цит. по кн.: *Левин Ш.М.* Дмитрий Александрович Клеменц. М., 1929. С. 92–93.

³ ЦГИА. Ф. 1405. Оп. 77. Ед. хр. 7780. Л. 27 об.

На допросах Клеменц держался с удивительным достоинством и хладнокровием. В самых, казалось бы, безнадежных ситуациях он не только не терял присутствия духа, но ещё и шутил при этом, излагал следователям разные научные гипотезы и теории. Своими широкими познаниями, глубоким умом и неистощимым юмором он внушал к себе невольное уважение. Даже сам прокурор Петербургской судебной палаты В.К. Плеве, принимавший участие в допросах, высказал сожаление, что такой глубокий и умный человек «сбился с пути».

Вскоре после ареста Клеменц был водворён в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. Но и здесь он не терял времени даром: много читал, изучал иностранные языки, пытался наладить связь с товарищами, оставшимися на свободе.

Почти два года провёл Клеменц в крепости. И это, как ни странно, спасло ему жизнь. Дело в том, что пропагандистская и литературная деятельность Клеменца, хотя и носила откровенно антиправительственный характер, протекала главным образом в 70-е годы. Он был арестован до того, как начались массовые террористические выступления революционеров-народников, вершиной которых стало убийство Александра II 1 марта 1881 года. Как рассказывал сам Клеменц, если бы он был арестован раньше и судился по «процессу 193-х», то «в числе зачинщиков был бы осуждён на 10 лет каторги», если бы его арестовали позже, «в самый разгар белого террора, то он, несомненно, был бы присуждён к смертной казни»¹.

Но поскольку Клеменц сам никогда не проповедовал террора, то его обвинили только в участии в революционной пропаганде. К тому же Плеве считал, что «процесс 193-х» в своё время был сильно раздут и что один из его инициаторов, бывший харьковский прокурор Жихарев, сильно перестарался. Поэтому после многомесячной переписки решено было дело о 58 лицах, «обвиняемых в принадлежности к преступному сообществу» (по нему привлекался и Клеменц), не передавать в суд, а решить в административном порядке. Для Клеменца была избрана наиболее тяжёлая мера наказания — пятилетняя ссылка в Якутскую губернию.

В августе 1881 года Клеменц был переведён из крепости в Дом предварительного заключения, а спустя несколько дней вместе с другими осуждёнными отправлен в Сибирь.

В октябре Клеменц прибыл в Красноярск. Но более чем двухлетнее пребывание в крепости дало себя знать. В Красноярск он прибыл уже серьёзно больным.

Несколько месяцев провёл Клеменц в красноярской тюремной больнице. В мае 1882 года он обратился к директору Департамен-

¹ Ковалик С.Ф. К биографии Д.А. Клеменца // Русская мысль. 1914. № 6. С. 5.

та полиции с просьбой разрешить ему отбывать ссылку в Енисейской губернии, так как по состоянию здоровья он дальше ехать не в силах.

Просьба была удовлетворена лишь после того, как генерал-губернатор Восточной Сибири Д.Г. Анучин лично убедился в плохом состоянии его здоровья. Клеменцу разрешили поселиться в Минусинске, где к тому времени уже находилась довольно большая группа политических ссыльных. Многих из них он знал раньше по совместной революционной работе, с другими познакомился здесь.

Человек общительный, разносторонне образованный, остроумный, Клеменц очень быстро стал душой минусинской интеллигенции. По его инициативе стали устраиваться совместные чтения и реферирование новых журналов, произведений П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского, а также западноевропейских писателей и социологов. На одном из собраний Клеменц выступил с докладом о брошюре Г.В. Плеханова «Социализм и политическая борьба», изданной только что созданной марксистской организацией «Освобождение труда». Клеменц, по словам Л. Дейча, положительно отнёсся к работе Плеханова и собирался ему писать.

Но, пожалуй, самое большое значение для всей дальнейшей жизни Клеменца имело его знакомство с Николаем Михайловичем Мартьяновым, основателем знаменитого Минусинского музея. Вскоре Клеменц становится его другом и помощником.

Для музея, долгое время вынужденного пользоваться услугами малоквалифицированных и порой случайных сотрудников, Клеменц был подлинной находкой. Он принимает участие в разборе и научном описании многочисленных коллекций, собранных в музее, готовит новые экспедиции, ведёт переписку с учёными и путешественниками.

Работа в музее по-настоящему увлекла Клеменца и в то же время показала ему, что он многого не знает, многого не читал. И началась упорнейшая работа по изучению истории, географии, геологии и этнографии Сибири. В этом ему неоценимую помощь оказал Николай Михайлович Ядринцев, талантливый писатель и путешественник, страстно влюблённый в свою родину — Сибирь. Он привлёк Клеменца к сотрудничеству в газете «Восточное обозрение», которую редактировал, вёл с ним обширную научную переписку, советовался по самым различным вопросам. В неопубликованных воспоминаниях о Ядринцеве Клеменц писал: «У нас шла оживлённая переписка по местным и этнографическим вопросам. Благодаря этой переписке мы были au courant¹ всех научных новостей, касавшихся Сибири. Ядринцев засыпал

¹ В курсе дела (*фр.*).

нас [Клеменц имеет в виду себя и Мартьянова. — *Н.Я.*] вопроса-ми, по поводу которых приходилось писать целые послания, эти послания, когда целиком, когда в выдержках, попадали на страницы его журнала [«Восточного обозрения». — *Н.Я.*], и в ответ на наши послания шли длинные письма от него, иногда с выдержками из газет и журналов, иногда и целых книг...»¹

Весной 1883 года Клеменц предложил свои услуги экспедиции, организованной Западно-Сибирским отделом Русского географического общества, которую возглавил А.В. Адрианов, и вместе с ней отправился для исследования малоизученного района в верховьях Томи и Абакана.

Это первое путешествие произвело на Клеменца ошеломляющее впечатление. Его поразила дикая, ни на что не похожая природа Сибири, её бескрайние просторы, непередаваемая красота тайги. И хотя он за свою жизнь повидал немало красивых мест, но то, что теперь открылось перед его глазами, ни с чем нельзя было сравнить. В статье «Минусинская Швейцария и её боги» Клеменц так передал свои впечатления от всего увиденного: «Оригинальное произведение природы, эта так называемая сибирская тайга, с её клокочущими реками, первобытными лесами, где над канделябрами кедров поднимаются стрелки пихты, образующие не хуже пальм лес над лесом, со своей гигантской травяной растительностью синих дельфиний и белых зонтичных растений, где всадник с конём тонет, как в пучине, со своими синими и снежными горами на заднем плане, со своими утёсами, высящимися как стены среди лесов, представляет нечто новое, неведомое завсегда-таю ни швейцарских Альп или скандинавского севера, ни других прославленных своими видами уголков мира»².

Из экспедиции Клеменц вернулся полный сил и желания работать. Своей давней знакомой Е. Дубенской он писал: «Из тайги вернулся, должно быть, лет на пять моложе, чем уехал. Природа и общество дикарей повлияли на меня так благотворно в нравственном и физическом отношении, что я всю жизнь буду вспоминать об этом с благодарностью в душе...» В другом письме читаем: «...Как-то незаметно начали возвращаться ко мне и силы, и бодрость, охватил интерес к невиданной ещё дикой обстановке... Никто не хотел и не хочет верить, чтобы человек, буквально еле державшийся на ногах, мог возвратиться через три месяца путешествия, полного лишения и опасностей, таким здоровым и свежим, как сказываюсь я»³.

¹ Рукописный отдел Института востоковедения (Ленинградское отделение) (ИВЛ). Ф. 28. Оп. 1. Ед. хр. 146. Л. 1.

² Восточное обозрение. 1884. 22 марта. № 12. С. 11.

³ Дубенская Е. Дмитрий Александрович Клеменц // Каторга и ссылка. 1930. С. 174–175.

Настроение Клеменца после первого путешествия нашло отражение и в стихотворении «В Абаканской степи», напечатанном в «Сибирской газете». Там, в частности, говорилось:

Стройный хор ликующей природы
И широкий манящий простор
Будят чувство мощное свободы,
Что в душе заснуло с давних пор —
В битве с жизнью утомлённой
И вольней и шире дышит грудь,
И душе, слезою обновлённой,
Жадно, жадно хочется стряхнуть
Тяжкий гнёт страданий пережитых.
Бодрость, сила, вера юных дней
Оживают. Ряд полузабытых
Образов встаёт в душе моей
И потянет снова из пустыни
В круг друзей — далёких, но родных —
Так и хочешь броситься в пучину,
В самый пыл борьбы людей живых!¹

После нескольких лет вынужденного бездействия и молчания Клеменц снова погрузился в работу, по которой он так стосковался. И хотя характер его деятельности теперь изменился, тем не менее Клеменц был счастлив. Его деятельная, активная натура получила, наконец, возможность проявить себя. Здесь, в Сибири, он убедился, как мало ещё изучен этот богатейший край, как много белых пятен на его карте. И отныне Клеменц каждый год отправлялся в экспедиции, проводил географические и геологические исследования на реках Абакан и Мрассу, на Телецком озере, в Западных Саянах и на Алтае. Он проникал в такие районы, где до него не ступала нога ни одного путешественника. По словам академика В.А. Обручева, Клеменц «был первым исследователем местности между Абаканом и Западным Саяном, чрезвычайно дикой и трудно доступной»². Данные, собранные им, сыграли большую роль в изучении этого района Сибири.

Путешественником Клеменц был неутомимым. Вместе с другими исследователями, а чаще только в сопровождении проводника он отправлялся за сотни километров в глухие и неизвестные края, ночевал под открытым небом или в наскоро разбитой палатке. Его не пугали ни трудности, ни встречи с «лихими людьми»,

¹ Сибирская газета. 1884. № 2.

² Известия Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. Т. XV. 1916. Посвящается памяти Дмитрия Александровича Клеменца. Иркутск, 1917. С. 6. Далее см.: Известия...

которых немало тогда бродило по тайге. Как правило, эти встречи кончались мирным чаепитием у костра. Близко знавший Клеменца в эти годы И.П. Белокопский писал: «Путешествие для Клеменца было своего рода стихией, в которой он чувствовал себя как рыба в воде. Низведя до минимума свои потребности... Дмитрий Александрович на ничтожные средства мог осуществлять такие поездки, на которые европейцы затрачивали десятки тысяч рублей»¹.

Очень много сделал Клеменц для изучения жизни малых народностей, населявших этот край. Его привлекали удивительная честность и доброжелательность людей, с которыми ему приходилось встречаться во время многочисленных путешествий. Вернувшись из одной из поездок, Клеменц писал Е. Дубенской: «Ознакомился я с жизнью дикарей... Нравится мне и самый народ, и его замечательно честный характер, и первобытная обстановка; кажется... я снова навещу своих новых приятелей в тайге, буду слушать за полночь их рассказы про старину, буду ходить по лесам на лыжах и ночевать в трескучий мороз около костра под кедром...» В другом письме он замечает: «Скажу по совести, что эти сибирские дикари нравятся мне гораздо более многих моих соотечественников, и рано или поздно я проживу между ними»².

На страницах сибирской периодической печати не один раз появлялись корреспонденции Клеменца, в которых он писал о тяжёлой жизни сибирских инородцев, о тех притеснениях, которым они подвергались со стороны чиновников и духовенства.

Результаты исследований, проведённых Клеменцом во время путешествий по Минусинскому краю, легли в основу топографического очерка, который вошёл в первый его большой научный труд «Древности Минусинского музея». Кроме того, в эту книгу вошли описания археологических памятников, найденных в Минусинском округе, сведения о народах, населявших его в древние времена. В силу целого ряда причин Клеменц в своей книге ограничился описанием археологических находок, связанных с металлическими эпохами. И прежде всего потому, что, по словам исследователя, «эти эпохи представляют более типическую и своеобразную картину местной культуры, чем памятники каменного века»³.

Выход в свет книги Клеменца произвёл сенсацию в учёном мире. Она получила высокую оценку не только в России, но и за

¹ Белокопский И.П. Дань времени. М., 1928. С. 296–297.

² Дубенская Е. Дмитрий Александрович Клеменц // Каторга и ссылка. 1930. С. 175.

³ Древности Минусинского музея / сост. Д. Клеменц. Томск, 1886. С. 52.

рубежом. О никому не известном провинциальном музее узнали далеко за пределами Сибири.

Журнал «Исторический вестник» писал о «Древностях Минусинского музея»: «Перед нами — весьма почтенная попытка создать на основании собранных в Минусинском музее предметов древности целый очерк археологических раскопок и исследований, произведённых во второй половине нынешнего столетия в Минусинском округе... Попытка весьма почтенная и со стороны г. Клеменца, составившего каталог музея и предпославшего каталогу подробную описательную статью...»¹

Имя Клеменца становится хорошо известным в учёных кругах. Уже в 1887 году он избирается членом-корреспондентом Московского географического общества, а несколько позднее — действительным членом Общества любителей естествознания.

Не прекращает Клеменц и свою литературную деятельность. Вскоре после приезда в Минусинск он начинает активно сотрудничать в «Сибирской газете», издававшейся в Томске. Вокруг газеты в то время объединилась довольно большая группа талантливых литераторов, среди которых было немало старых друзей и товарищей Клеменца. Он встретил там Ф.В. Волховского, С.Л. Чудновского, К.М. Станюковича и др. Начиная с 1884 года на страницах «Сибирской газеты» систематически печатались передовые и научные статьи Клеменца, рецензии на книги, фельетоны, стихи.

Сейчас трудно точно определить, что именно он там напечатал. Большинство материалов появлялось в «Сибирской газете» либо без подписи, либо под различными псевдонимами. С полной уверенностью можно говорить о принадлежности перу Клеменца стихотворения «В Абаканской степи» (Сибирская газета. 1884. № 2), рецензии на книги известного исследователя Сибири И.Д. Черского «Отчёт о геологическом исследовании береговой полосы озера Байкал...» и «О результатах исследования озера Байкал» (1887, № 6), сатирического стихотворения «Сказка о двух родителях и девах Платониде, Проскуде и Перепетуе» (1887, № 14, 16) и статьи «Экскурсия в область научных вопросов...» (1888, № 27).

В 1884 году на должность начальницы Минусинской женской гимназии была назначена Елизавета Николаевна Зверева. Она родилась и выросла в Сибири, преподавала в Томской гимназии, а после окончания в Петербурге Бестужевских курсов вернулась на родину. С первых дней пребывания в Минусинской гимназии Елизавета Николаевна завела новые порядки. Она устраи-

¹ Минусинский местный публичный музей. Древности Минусинского музея // Исторический вестник. 1887. № 5. С. 473.

вала для своих учениц спектакли, литературные вечера, водила их в музей. Там она познакомилась с Клеменцом и вскоре стала его женой. Елизавета Николаевна отныне неперемнная участница всех экспедиций Клеменца. Она делила с ним все трудности его кочевой жизни и напряжённой работы. В 1887 году Елизавета Николаевна сопровождала его в экспедиции в Урянхайский край и участвовала в раскопках большого Уйбатского кургана. В следующем году она отправилась с мужем в экспедицию по Качинскому и Канскому уездам, предпринятую по поручению Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. А несколько позднее мы видим их уже на золотых приисках, расположенных у южно-енисейской тайги. Елизавета Николаевна не только была спутницей мужа, но и сама вела научные наблюдения, собирала коллекции растений и насекомых.

Так вот и жил Клеменц. Каждое лето вместе с женой он отправлялся в экспедиции, а зимой обрабатывал собранные материалы. Результаты своих наблюдений и исследований он систематически печатал в «Записках», которые издавали Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский отделы Русского географического общества.

Научная деятельность Клеменца и результаты его исследований весьма высоко оценивались специалистами. Например, составитель Отчёта о деятельности Западно-Сибирского отдела Русского географического общества за 1885 год так характеризовал его работу: «Неутомимая наблюдательность автора, возможные знакомства с литературой, обобщающий метод наблюдения, при осмотрительном и в высшей степени осторожном отношении к выводу заключений, сообщают трудам г. Клеменца характер научных работ, вполне основательных и серьёзных»¹.

Жил Клеменц то в Минусинске, то в Томске. Часто бывал и в других сибирских городах, где читал публичные лекции, рефераты, стремился привлечь представителей сибирской интеллигенции к изучению родного края, выступал инициатором открытия местных краеведческих музеев. Так, при самой активной его поддержке был открыт музей в Кяхте.

Жизнь не баловала Клеменца. Материально он был обеспечен плохо. Под рукой не было нужных книг, журналов. Всё приходилось выписывать либо из Иркутска, либо из Москвы и Петербурга. Хотя срок его административной ссылки уже закончился, тем не менее местные власти по-прежнему относились к нему как к «государственному преступнику». В начале 1889 года Клеменц

¹ Отчёт Западно-Сибирского отдела Русского географического общества с 1 января 1885 г. по 1 июля 1886 г. // Записки Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. Кн. VIII. Вып. I. Омск, 1886. С. 25.

писал Г.Н. Потанину: «Слишком, слишком много работы у меня на плечах. В Минусинске вожусь с музеем: почти окончил каталог новых приобретений по части древностей и скоро засяду за переборку горных пород. В нынешнем году я Вам, может быть, успею обработать дневник одной Бирюсинской поездки... Нахожусь вообще я в очень скверном положении: никакого содействия от властей я просить не могу, а без него приходится платить то полоторные, то двойные прогоны»¹.

Клеменц считал, что в Минусинске ему больше делать нечего. Работа музея была налажена. Там появились новые люди, которые вполне могли его заменить. К тому же начиная с 1888 года, после того как по распоряжению властей была закрыта «Сибирская газета», Н.М. Ядринцев настойчиво звал его переехать в Иркутск и принять участие в издании газеты «Восточное обозрение», редакция которой незадолго перед этим была переведена туда из Петербурга. Однако, несмотря на свой беспокойный характер, Клеменц не спешил принять это предложение. Он не собирался бросать свои научные занятия, да и в работе редакции «Восточного обозрения» ему многое не нравилось. Его настораживало то, что Ядринцев стремился один руководить газетой и не всегда считался с мнением своих ближайших сотрудников. Точку зрения на характер издания «Восточного обозрения» разделял и Г.Н. Потанин. В письме к нему Клеменц, в частности, писал: «С Н.М. Ядринцевым нас... связывают симпатии: но это не мешает сильно злиться на него порой. Подобно Вам единоличное распоряжение “Восточным обозрением” считаю делом весьма неудобным...» И далее он предлагает Потанину свой проект переустройства редакции газеты: «Вы, Писарев², Загоскин³ и ещё кто-нибудь могли бы составить совет редакции. Вам пришлось бы раз в неделю, перед выходом № собираться на собрание, как было у нас в Сибирке⁴ и разобрать содержание готовящегося №. Вероятно, голоса старых друзей имеют значение в глазах Ядринцева? Ссылку на обилие занятия у друзей я признаю только благовидной, но не основательной. Иначе я не вижу возможности устранить односторонности и те недостатки в газете, которые замечаете и Вы»⁵.

И тем не менее переезд Клеменца в Иркутск вскоре состоялся. Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества предложил ему занять место хранителя Иркутского краеведческого музея.

¹ РГАЛИ. Ф. 381. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 1, 4.

² А.И. Иванчин-Писарев.

³ М.В. Загоскин — редактор газеты «Сибирь», издававшейся в Иркутске (1873–1887).

⁴ В «Сибирской газете».

⁵ РГАЛИ. Ф. 381. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 1, 1 об.

В Иркутске Клеменц очень скоро оказался в самом центре общественной и научной жизни. Хорошо знавший его политический ссыльный Н.А. Чарушин вспоминал позднее: «Клеменца приглашали нарасхват. Его удивительная простота и непринуждённость, в связи с его содержательной и остроумной речью, и его богатый жизненный опыт и разносторонние знания делали его во всякой среде интересным собеседником и очаровывали слушателей»¹.

Клеменц по-прежнему много времени и сил уделял научным занятиям. Его работоспособность была поразительна. К тому же он оказался прекрасным организатором. Даже иркутские власти относились к нему, бывшему «государственному преступнику», с уважением.

В 1891 году Клеменц был приглашён на должность правителя дел Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. Назначение его на этот пост совпало с 40-летием существования Отдела. На торжественном собрании в честь этой знаменательной даты новый правитель дел выступил с блестящим докладом, в котором глубоко проанализировал деятельность Отдела со дня его основания, дал обзор трудов многих научных учреждений и отдельных учёных, ведущих исследовательские работы в Восточной Сибири, сделал обстоятельные выводы о состоянии науки в Сибири и указал пути, по которым она должна развиваться. В заключение Клеменц сказал: «Мы служим делу жизненному... Нам остаётся идти тем же путём, которым мы шли, свято чтить наших предшественников и стараться быть достойными служителями вверенного нам дела»².

Клеменц стремился всячески активизировать работу Отдела. Он организовал систематическое описание коллекций и других материалов, привлекал членов Географического общества к чтению лекций и докладов, выступил инициатором организации целого ряда экспедиций и экскурсий по изучению Забайкалья. Одновременно он вёл обширную научную переписку со многими сибирскими учёными, просил их принять участие в работе Отдела, поделиться результатами своих исследований и наблюдений. При этом поражает огромный круг проблем и вопросов, волновавших Клеменца. Профессора Томского университета ботаника П.Н. Крылова он просит высказать своё мнение по поводу того, «имеются ли остатки лесной флоры на Абакане, Тубе, Бее, Уйбату и Камыште»³, к горному инженеру и геологу А.М. Зайцеву

¹ Чарушин Н.А. О далёком прошлом. М., 1931. С. 178.

² Цит. по ст.: *Серебрянников И.* О деятельности Д.А. Клеменца в Восточно-Сибирском отделе Русского географического общества // Известия... С. 146.

³ Известия... С. 163.

обращается с просьбой сообщить о его новых работах и «вообще о работах, проводящихся по тракту будущей железной дороги»¹. В письме к геологу П.К. Яворскому выражает надежду, что тот не откажет сообщить сведения о своих новых трудах², а профессора Томского университета С.И. Залесского просит составить «программку-инструкцию для собирания образцов минеральных вод и грязей»³.

Клеменц был удивительно чутким и отзывчивым человеком. Каждый, кто обращался к нему за помощью или советом, всегда находил и доброе участие, и поддержку. Заваленный огромной организаторской и научной работой, он находил время интересоваться жизнью своих друзей, а если нужно, приходил им на помощь, старался поддержать в трудную минуту. Узнав о смерти жены Г.Н. Потанина, Клеменц пишет ему от своего имени и от имени своих товарищей тёплое и прочувствованное письмо: «У нас одна забота, одна мольба к Вам — берегите себя: одна надежда, что душевные силы не оставят Вас при этом испытании... Помните, что теперь, после потери неизменного друга и товарища Ваших трудов, есть люди, есть друзья у Вас, которым Вы близки и дороги...»⁴

Каждое лето Клеменц временно слагал с себя обязанности прораба Отдела и отправлялся в экспедиции, а зимой приводил в порядок собранные материалы, писал годовой отчёт о работе Отдела, вёл научную переписку, читал лекции и доклады. Он совершил несколько поездок в Забайкалье. Результатами его экспедиций явились сообщения, с которыми он выступил на заседаниях Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. В них Клеменц разоблачил лживую легенду о том, что буряты в силу своей «дикости и лености» якобы чуждаются земледелию, выступил против урезывания у бурят их исконных земель, приводившее к тому, что многие из них вынуждены были перекочевать в Монголию, говорил о задачах этнографических исследований народов, населявших Забайкалье.

Во время своих экспедиций Клеменц завязал тесные отношения со многими представителями бурятского и монгольского населения. Он посещал их стойбища, слушал и записывал произведения народного творчества. Как писал позднее А. Мэрген, «Клеменц относился к инородцам с большой теплотой и доброжелательностью. Те инородцы, с которыми ему приходилось иметь дело, платили ему тем же и почти боготворили его»⁵.

¹ Известия... С. 161.

² Там же. С. 163.

³ Там же. С. 165.

⁴ Там же. С. 176–177.

⁵ Там же. С. 242.

Клеменц стремился разбудить самосознание бурят и тувинцев, всячески поддерживал представителей интеллигенции из их среды. Так, например, он настойчиво внушал публицисту и этнографу Ц. Жамцарано мысль перевести и издать на бурятском и монгольском языках научно-популярные книги, ратовал за развитие оригинальной монгольской литературы, за необходимость подготовки кадров интеллигенции из бурят, тувинцев и монголов.

Не забывал Клеменц и Минусинский край, куда он в эти годы несколько раз выезжал с целью изучения минеральных озёр, расположенных на территории Минусинского и Ачинского округов.

В 1891 году известный тюрколог академик В.В. Радлов принял экспедицию в Каракорум, открытый незадолго перед этим Н.М. Ядринцевым. Этот древний город, построенный потомком Чингисхана Окатаем на месте тюркского поселения, давно привлекал внимание исследователей. В экспедиции, помимо Ядринцева, принял участие и Клеменц. Его деятельностью В.В. Радлов остался чрезвычайно доволен. «Не я руководил Клеменцом, — говорил позднее учёный, — а он руководил всеми нами. Без него мы не сделали бы и половины нашей работы. Он подбадривал нас, и работать с ним легко, притом же он чрезвычайно практичный человек»¹.

По словам Г.Н. Потанина, «Радлов на Ядринцева смотрел как на лёгкую кавалерию, несущую разведывательную службу, а на Клеменца — как на тяжело вооружённое войско. Ядринцев должен был делать набеги на разные углы Монголии и разузнавать, где есть писаницы и каменные бабы, а затем в те же места должен был отправиться Клеменц составлять точные описания, делать раскопки по всем правилам науки и пр.»².

Насколько высоко ценил В.В. Радлов Клеменца, свидетельствует то обстоятельство, что, спустя некоторое время, он «сделал представление в Академию о поручении ему самостоятельных летних экспедиций для исследования Северной Монголии в течение 5 лет»³.

Но прежде чем отправиться в Монголию, Клеменц проделал громадную работу по подготовке знаменитой Якутской экспедиции, организованной по инициативе и на средства известного сибирского мецената И.М. Сибирякова. Сибиряков долгое время искал подходящего человека, способного подготовить экспедицию. И, наконец, его выбор остановился на Клеменце,

¹ Цит. по ст.: *Николаев В.Н.* Сибирская политическая ссылка и изучение местного края // Каторгa и ссылка. 1927. № 5. С. 107.

² Сибирская жизнь. 1914. № 10.

³ Архив АН СССР. Ф. 1769. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 1.

в котором он увидел лицо, «сочувствующее делу и умеющее его организовать»¹.

К идее И.М. Сибирякова Клеменц отнёсся с большим сочувствием. В письме к А.В. Адрианову он писал: «Надобно сказать, что теперь момент для исследования якутов чрезвычайно благоприятный. Там теперь пока проживает много политических ссыльных, серьёзно знакомых с языком якутов, с их обычаями, и людей образованных»².

Якутская экспедиция готовилась в очень трудных условиях. Противником её выступил генерал-губернатор Восточной Сибири А.Д. Горемыкин, которого испугало намерение Клеменца привлечь для участия в экспедиции политических ссыльных. Чинил препятствия и якутский губернатор В.Н. Скрипицын. Потребовался весь недюжинный организаторский и дипломатический талант Клеменца, чтобы экспедиция всё-таки состоялась.

В конце 1893 года Клеменц отправился в Якутск, где в течение полутора месяцев вёл переговоры с губернатором, местными чиновниками и с будущими участниками экспедиции — политическими ссыльными Н.А. Виташевским, В.Г. Богоразом, Э.К. Пекарским, И.И. Майковым и др.

В обстоятельном отчёте, представленном Клеменцом Сибирякову по возвращении, содержалась подробная характеристика участников, был определён конкретный план исследований, прилагалась смета расходов, намечался план обработки и издания материалов по результатам экспедиции. «Дело теперь налажено, — писал он Сибирякову. — Сам же я должен считать на этом свою задачу поконченной... Участники — народ добросовестный и не ребята малые, сумеют вести дело сами. Их честь и их прямой интерес — в том, чтобы дело вышло как можно лучше»³.

А жилось Клеменцу по-прежнему трудно. В одном из писем 1893 года он жаловался: «Я получаю жалованья 600 рублей в год, консерватор и он же библиотекарь — 350... Ни я, ни консерватор не можем существовать на жалованье, мы берём посторонние работы, берём какие попало»⁴.

Много сил и внимания уделял Клеменц и работе в газете «Восточное обозрение». Он вёл там научный отдел, систематически печатал передовые статьи, под псевдонимами «Нургали» и «Неисправимый резонёр» публиковал фельетоны, посвящённые самым различным сторонам общественной и культурной жизни Сибири. Некоторое время он был даже ответственным редактором газеты.

¹ Известия... С. 159.

² Там же. С. 181.

³ Там же. С. 210.

⁴ Там же. С. 173.

Круг вопросов, затронутых Клеменцом в статьях и корреспонденциях, печатавшихся в «Восточном обозрении», чрезвычайно широк. Он писал о торговле в Урянхайском крае («Письма с русской границы» — 1891, № 46; 1892, № 2 и № 4), о трудной жизни сибирских крестьян («Потаёжные обитатели» — 1891, № 51), о трудовом обучении в школе («Попытка введения ручного труда в школе» — 1891, № 5) и о других проблемах.

Но, пожалуй, главный вопрос, который волновал Клеменца, это необходимость тщательного изучения природных ресурсов Сибири, её географии, климата, её прошлого и настоящего. В одной из своих статей учёный с горечью писал: «Сколько мест на карте Сибири хочется замазать чёрной краской, потому что все эти ловко растушёванные хребты и змейками вьющиеся реки — плод “расспросных сведений”»¹. Такую же картину, по его мнению, можно было наблюдать и в области археологии, этнографии, антропологии и т.п.

В статье «Голос из провинции (По вопросу об основании русской ассоциации естествоиспытателей и научных врачей)» Клеменц говорил: «Велико и обширно наше отечество. Много неизведанного ещё скрыто в громадных пространствах его. Многие великие общенаучные вопросы своё твёрдое начало получают только тогда, когда оно будет детально изучено. Познание России во всей её обширности и разнообразии не только законная дань любви к ней, но и наш долг перед всем человечеством... Ни у одного народа нет такой громадной задачи, как у нас перед лицом науки. Познать страну, где раздаётся русская речь, где живут, умирают и рождаются русские люди — сама по себе задача непомерная; но нам же, а не кому другому, надлежит знать и изучать наших соседей, народов полудиких, варварских, наша же задача — изучение исчезнувших, некогда живших среди России и сопредельных с ней стран. Поднять такой труд можно только общими усилиями — и усилиями дружными, а не разбросанными...»²

В статье говорилось о необходимости консолидации научных сил Сибири, о создании учреждений, «имеющих специальною целью — помощь отдельным работникам и объединениям, интересующимся наукою», о проведении съездов, на которых учёные могли бы обмениваться результатами своих исследований.

Важнейшими центрами, объединяющими усилия местных энтузиастов науки, Клеменц считал краеведческие музеи. По его убеждению, музей «должен, по возможности, представлять собою собрание всего, что характеризует местность, — от естественных произведений её до местной промыш-

¹ Восточное обозрение. 1891. № 24. С. 10.

² Там же. С. 8.

ленности включительно»¹. В нём жители должны иметь возможность получить о своём крае самые исчерпывающие сведения по всем вопросам.

В «Восточном обозрении» Клеменц печатал и беллетристические произведения: рассказы («Рождество в разведке» — 1891, № 1; «Карьера Косушки» — 1891, № 17–21; «Как пропал Яшка Беспалый» — 1892, № 14–15 и др.), стихотворные фельетоны («Ханьшин и Сивуха» — 1890, № 14 и др.).

Между тем работать Клеменцу становилось всё труднее и труднее. Три года подряд он по поручению Академии наук выезжал в Монголию для изучения древних архитектурных памятников. Работа эта требовала много внимания и энергии. По-прежнему много дел было и в Восточно-Сибирском отделе Русского географического общества. Не хватало времени и сил. С грустью писал он А.В. Адрианову: «Мне, по всей вероятности, придётся оставить службу в Отделе. Вот уже третий год, как я езжу по поручениям Академии в Монголию каждое лето, но такие поездки при моём служебном положении приносят Академии мало пользы и наносят ущерб Отделу, запускаются дела»². От работы в Отделе Клеменцу пришлось отказаться.

В марте 1894 года он покинул Иркутск. На прощальном обеде, устроенном в его честь, председатель Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества В.П. Сукачёв сказал: «Позволю себе выразить от местного Отдела Географического общества глубоко любимому и уважаемому Дмитрию Александровичу нашу искреннюю признательность за его высокоталантливую и полезную деятельность в качестве правителя дел. Д[митрий] А[лександрович] умел вносить во все свои работы не только полное и всестороннее знание дела, но и образцовое умение справляться с ним и проводить его в жизнь... В истории деятельности нашего Отдела работа Д[митрия] А[лександровича] оставила, несомненно, глубокий след, а в связи с его высоко симпатичными чертами как человека, — и в наших сердцах. И, питая к Д[митрию] А[лександровичу] самые тёплые и сердечные чувства, мы всегда сохраним о нём самую лучшую память»³.

Чтобы быть ближе к Монголии, где по поручению Академии наук ему предстояло проводить исследования, Клеменц поселился в Угре. К своей новой работе он готовился очень тщательно: составил подробный план, разработал маршруты экспедиций. В докладной записке, составленной для Академии наук, он писал, что основное место в его изысканиях займёт «археологичес-

¹ Восточное обозрение. 1891. № 24. С. 10.

² Известия... С. 181.

³ Там же. С. 142–143.

кое изучение страны и, главным образом, собирание памятников рунического письма и стоящих в связи с этими памятниками остатков старины»¹. Кроме того, он намеревался уделить внимание этнографическим наблюдениям и сбору ботанических коллекций.

Находясь вдали от культурных центров, Клеменц, однако, не порывает связи со своими друзьями. Он ведёт с ними переписку, информирует их о своей работе, продолжает сотрудничать в газете «Восточное обозрение». И как всегда, он в курсе всех событий, которые происходили не только в Сибири, но и далеко за её пределами. В самый разгар Мултанского дела² Клеменц написал статью «Новая стадия Мултанского “дела”», в которой убедительно показал несостоятельность выводов некоего профессора Смирнова, пытавшегося доказать, на основе сравнения произведений народного эпоса разных народов, возможность существования человеческих жертвоприношений у черемисов и вотяков. Он признавал, что вотяки в то время были действительно чрезвычайно отсталым и забитым народом, но, по его мнению, это ещё не могло служить основанием для обвинения целого народа в чудовищном преступлении. «Плохо ещё мы знаем наших инородцев, — писал учёный, — плохо относимся к ним — вот почему и культура к ним прививается так медленно»³.

Исследования Клеменца, проведённые в Северной Монголии, дали огромный материал. За два с половиной года он вместе с сопровождавшей его Елизаветой Николаевной обследовал обширную территорию от Урги до Хабдо, собрал множество коллекций, описал несколько древних архитектурных памятников, нашёл старинные рукописи.

В начале 1897 года в Музее антропологии и этнографии Академии наук открылась должность учёного-хранителя. И никого не удивило то, что занять её по рекомендации академика В.В. Радлова предложили Клеменцу. К тому времени его имя в учёном мире было хорошо известно. Его знали как крупного учёного-этнографа, археолога и геолога, как умелого и деятельного организатора.

На новой должности Клеменц зарекомендовал себя с самой лучшей стороны. Прошло немногим больше года, и его назначили старшим этнографом музея.

За то сравнительно небольшое время, которое Клеменц проработал в Музее антропологии и этнографии (около четырёх лет),

¹ Известия... С. 188.

² В 1895 году группа крестьян-удмуртов (их тогда называли вотяками) села Старый Мултан была обвинена в человеческих жертвоприношениях. Дело слушалось несколько раз, и только в 1896 году после вмешательства В.Г. Короленко, выступившего на суде в качестве защитника, крестьяне были оправданы.

³ Восточное обозрение. 1896. № 28.

им была издана обширная «Программа для собирания этнографических предметов», обработаны и систематизированы материалы, собранные им в Сибири, приведены в порядок многочисленные коллекции, много лет лежавшие неразобранными.

Но Сибирь, ставшая для Клеменца второй родиной, по-прежнему звала к себе. И он снова и снова возвращается туда в составе разных экспедиций.

— Не могу я сидеть в каменном Петрополе, — говорил Клеменц своим друзьям-сибирякам. — Запахнет весной — и меня, как старого бродягу, тянет в тайгу, в степь.

Летом 1897 года мы видим его в числе участников экспедиции по статистико-экономическому обследованию Забайкальской области. Цель её — ознакомление с жизнью бурятского населения и сбор материалов для изучения кочевых народов внутренней Азии. Для того чтобы исследования носили объективный характер и чтобы при этом не пострадали интересы бурятского населения, Клеменц убедил руководителя экспедиции А.Н. Куломзина привлечь к работе политического ссыльного М.А. Кроля и статистика Д.М. Головачёва.

В 1898 году Клеменц совершил свою знаменитую экспедицию в Турфан (Западная Монголия), которая, по словам академика С.Ф. Ольденбурга, составила целую эпоху в науке и явилась «определённой гранью в изучении китайского Туркестана». Экспедиция дала блестящие результаты. Были открыты и обследованы развалины нескольких древних городов, подземные жилища, пещеры, буддийские храмы, найдены и привезены в Петербург образцы фресок, написанных в китайском и индийском стиле, ряд древнетюркских и китайских настенных надписей, предметы быта и проч.

Отчёт Клеменца об экспедиции, опубликованный на немецком языке («Turfan und seine Alterh mer» — «Турфан и его древности»), вызвал исключительный интерес не только в России, но и во многих западноевропейских странах.

Клеменц неоднократно обращался в Академию наук с просьбой направить в Турфан экспедицию на более продолжительное время для детального обследования памятников старины. Однако у правительства на это не нашлось денег. Зато из других стран, и прежде всего из Германии, в далёкий Турфан одна за другой потянулись экспедиции, организованные различными научными учреждениями. Они собрали «богатейшие материалы, внёсшие массу нового в познание письменности, искусства, религий, этнографии, быта соответственных стран». При этом, как писал Д.Н. Анучин, все экспедиции, «особенно немецкие, исходили из данных, собранных Клеменцом, имя которого останется навсегда

связанным с историей открытия этих замечательных памятников среднеазиатской письменности, искусства и вообще культуры»¹.

Клеменц всегда стремился к тому, чтобы познакомить с результатами своих исследований не только научную аудиторию, но и широкий круг людей, интересующихся наукой.

Г.Н. Потанин писал о Клеменце: «Продолжительная жизнь в Сибири, участие в местной жизни, знакомство с сибирскими общественными вопросами и культурные услуги этой стране дали ему право на звание учителя сибирских поколений»².

Поездка в Турфан была последней крупной экспедицией, в которой Клеменц принял непосредственное участие. Большая научная и организаторская работа в Музее антропологии и этнографии не давала ему возможности надолго покидать Петербург. Однако он всё-таки находил иногда время и снова отправлялся в далёкую Сибирь, где осталось много его друзей, осталась частица его души.

По словам академика В.А. Обручева, «Д[митрий] А[лександрович] покрыл своими маршрутами громадное пространство внутренней Азии и изучил часть Южной Сибири (Ачинский, Минусинский и Канский уезды Енисейской губ[ернии] и южную часть Забайкальской области), всю прилегающую внешнюю Монголию до Великой Гоби и часть Джунгарии и Китайского Туркестана; он познакомился с Кузнецким Алатау, Западным и отчасти Восточным Саяном, Хангаем, Танну-ола, Монгольским Алтаем и Вост[очным] Тянь-Шанем»³.

«Его описание местностей и остатков древних сооружений, — отмечал академик С.Ф. Ольденбург, — отличается редкой ясностью и определённой: вы всегда можете себе точно представить, где был Клеменц и что он видел; никогда он не запутается в подробностях, всегда выдвинет на надлежащий план главное и основное...»⁴

Мы не имеем возможности дать всестороннюю и глубокую оценку всем научным трудам и результатам научных исследований и разысканий Дмитрия Александровича Клеменца. Обзору его многогранной научной деятельности и характеристике его многочисленных экспедиций посвящён специальный том «Известий Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества» (Т. 45. 1916. Посвящается памяти Дмитрия Александровича Клеменца. Иркутск, 1917), к которому мы и отсылаем читателей, желающих более основательно познакомиться с деятельностью выдающегося исследователя Сибири.

¹ Анучин Д. Памяти Д.А. Клеменца // Русские ведомости. 1914. 10 янв. № 7. С. 2.

² Сибирская газета. 1914. № 10.

³ Обручев В.А. Обзор путешествий Д.А. Клеменца по внутренней Азии и их географических и геологических результатов // Известия... С. 13.

⁴ Ольденбург С.Ф. Дмитрий Александрович и Елизавета Николаевна Клеменцы // Живая старина. 1915. Вып. I–II. С. 171.

Живя в Петербурге, Клеменц не только был в курсе всего, что происходило в научной, культурной и общественной жизни Сибири, но и всячески поддерживал сибиряков, приезжавших в столицу учиться или по каким-либо другим делам. Как вспоминал Г.Н. Потанин, «в его квартире постоянно толкалась сибирская молодёжь. Молодые сибиряки, стремившиеся в высшую школу, ехали с рекомендательными письмами к Клеменцу. Его журфиксы в девяностых годах прошлого столетия заменили журфиксы Ядринцева семидесятых годов. Они были продолжением ядринцевских вечеров и по всему духу и направлению»¹.

Клеменц поддерживал тесные отношения и с представителями малых народностей, приезжавших в Петербург. Так, например, А. Мэрген в статье «Д.А. Клеменц и сибирские инородцы» писал, что «Д[митрий] А[лександрович] быстро сблизился с учащейся монголо-бурятской молодёжью и навербовал из неё деятельных работников по сбору этнографических коллекций для музея»².

В Петербурге Клеменц близко сошёлся с редакцией журнала «Русское богатство», где работал его давнишний друг А.И. Иванчин-Писарев. Он принимал участие в редакционных совещаниях, встречался с такими замечательными деятелями русской литературы, как В.Г. Короленко, Д.Н. Мамин-Сибиряк, Н.К. Михайловский и др. В «Русском богатстве» Клеменц опубликовал несколько своих работ и в том числе большую статью «Г.Н. Потанин», посвящённую 70-летию замечательного сибиряка.

Авторитет Клеменца как учёного был чрезвычайно высок. В 1900 году он выступил в Комитете по присуждению медалей Русского географического общества с оценкой трудов В.А. Обручева. Уже одно то, что обзор работ замечательного русского геолога был поручен Клеменцу, свидетельствует о том, как ценились в научном мире его знания в области геологии. Клеменц дал обстоятельную и очень компетентную оценку трудам Обручева, и это в немалой степени способствовало тому, что выдающемуся учёному была присуждена высшая награда общества — золотая Константиновская медаль.

Во время одной из поездок за границу Клеменц встретился с президентом Венской Академии наук, известным геологом Э. Зюссом и поделился с ним своими взглядами на основные черты строения Монголии, данными о составе её горных систем и об условиях залегания горных пород. Э. Зюсс включил эти сведения в книгу «Antlitz der Erde» («Лик земли». Т. III. Вена, 1901) и сослался на то, что «Д.А. с чрезвычайной предупредительностью

¹ Потанин Г. Д. А. Клеменц // Сибирская жизнь. 1914. 10 янв. № 10.

² Известия... С. 243.

представил ему для пользования записи и эскизы»¹, касающиеся многих местностей Сибири и Монголии.

В конце 1901 года Клеменц был приглашён на должность заведующего Этнографическим отделом Русского музея. На него было возложено общее руководство отделом, и, кроме того, он принял на себя обязанности хранителя-этнографа по району Сибири и стран, прилегающих к ней с юга и востока.

К новым своим обязанностям Клеменц отнёсся с большой ответственностью. Он совершил несколько поездок за границу, где познакомился с постановкой музейного дела в Берлине, Гамбурге, Дрездене, Цюрихе, Праге, Белграде и других городах; привлёк для сбора новых коллекций большую группу учёных Сибири, представителей местных сил интеллигенции и людей, которые хорошо знали народный быт и были заинтересованы в сборе этнографического материала, связанного прежде всего с жизнью малых сибирских народностей. В числе внештатных сотрудников музея были такие известные исследователи Сибири, как Н.М. Мартынов, Ф.Я. Кон, Э.К. Пекарский, Н.П. Сокольников и многие другие. Именно с их помощью Клеменцу удалось пополнить экспозиции музея чрезвычайно ценными экспонатами материального быта и культовыми предметами различных народностей, населявших Сибирь (сойотов, бурят, чукчей, коряков, тунгусов и др.).

Как и прежде, Клеменц живо интересовался всем, что происходило в Сибири. Особое внимание он в эти годы уделял положению малых сибирских народов. В газете «С.-Петербургские ведомости» (1903, № 5, 24, 86, 98, 100, 132) Клеменц опубликовал цикл статей «Заметки о кочевом быте», а в журнале «Сибирские записки» — статью «Пессимизм на бурятской почве», в которых выступил против насильственного введения оседлого образа жизни для бурят, осудил тех, кто утверждал, что кочевые народы якобы не могут и не могли создать свою культуру. «Земледелие, — писал он, — не всегда является залогом процветания культуры». По его убеждению, даже самые малые народы вносят свой ценный и своеобразный вклад в мировую культуру. Он верил, что настанет время, когда все, даже самые отсталые народы, приобщатся к прогрессу и будут жить счастливо.

В 1904 году на Алтае возникло религиозное движение под руководством Чет Челпанова, который обратился с призывом к своим соотечественникам порвать с шаманством и его кровавыми жертвоприношениями. Местные власти и православные священники увидели в этом не что иное, как стремление к сепаратизму. Они организовали вооружённую банду и разгромили стан Чет

¹ Цит. по ст.: *Обручев В.А.* Обзор путешествий Д.А. Клеменца... // *Известия...* С. 32.

Челпанова, а его самого и его ближайших приверженцев отправили в Бийский острог.

Узнав об этом, Клеменц поехал на Алтай, исследовал новое учение и оценил его как «нарастающие запросы большой души» бедного народа, как «искание более чистого и широкого источника для удовлетворения своих высших потребностей»¹. Он сделал об этом доклад в Географическом обществе, который затем был опубликован в «Известиях Русского географического общества» (1905. Т. XI. Вып. 1), а когда в Бийском окружном суде началось слушание дела Чет Челпанова и его сподвижников, снова отправился туда и выступил в качестве защитника и эксперта по языческим верованиям. Вмешательство Клеменца в судебный процесс во многом способствовало тому, что с Чет Челпанова и его товарищей были сняты все обвинения и они были с миром отпущены по домам.

Живя в Петербурге, Клеменц никогда не порывал связей со своими друзьями и товарищами по революционной борьбе. Он всегда находил возможность помочь им. В его квартире на Большой Садовой улице часто можно было видеть людей, вернувшихся с каторги и из ссылки. Каждому он стремился хоть чем-нибудь помочь: кому уехать за границу, кого снабдить деньгами, кому подыскать подходящую работу. В 1905 году Клеменц принимал деятельное участие в комитете по содействию лицам, возвратившимся из ссылки.

Бывший земледелец Л.Г. Дейч, встретившись с Клеменцем в Швейцарии, писал: «Меня очень обрадовало, что он сохранил живой интерес к происходившему в России движению»². Однако непосредственного участия в революционном движении он не принимал. Во-первых, потому что плохо ориентировался в событиях, происходящих вокруг. Его политические симпатии по-прежнему были на стороне революционных народников 70-х годов, а в новых аспектах политической борьбы он разобраться не сумел. И, во-вторых, научная и административная работа отнимала слишком много сил и не оставляла времени на политическую деятельность. К тому же и здоровье Клеменца резко пошатнулось. Ему часто и надолго приходилось выезжать для лечения за границу.

Между тем дела у Клеменца в музее складывались не лучшим образом. Правительственные чиновники давно уже с неодобрением следили за деятельностью бывшего политического ссыльного, который, несмотря на высокий занимаемый пост, не прекращал связей с людьми, в глазах правительства неблагонадёжными. Начались всякого рода интриги. Все начинания Клеменца, направ-

¹ Известия Русского географического общества. Т. XI. Вып. I. СПб., 1905. С. 158.

² Дейч Л.Г. Дмитрий Александрович Клеменц. Пг., 1921. С. 26.

ленные на улучшение деятельности музея, встречались с явным неодобрением, и в конце 1909 года его вынудили выйти в отставку. С горечью писал он своему другу академику С.Ф. Ольденбургу: «...Я музейщик школы Мартьянова. Мне хотелось создать что-нибудь самому. А теперь, когда дело подходило к концу, оно у меня вырвано грубыми руками...»¹

Последние годы своей жизни Клеменц жил в Москве. Здоровье у него день ото дня становилось хуже. Но он не прекращал научную и литературную работу. Он пишет статьи для Британской энциклопедии и для других зарубежных изданий, а в газете «Русские ведомости» (1910–1911) публикует свои воспоминания «Из прошлого»².

В конце 1913 года Клеменц заболел воспалением лёгких. Узнав, что положение его безнадежно, Елизавета Николаевна не выдержала потрясения и 4 января 1914 года скончалась от сердечного приступа. А спустя четыре дня на руках у своих друзей умер и Дмитрий Александрович.

Смерть замечательного учёного и общественного деятеля вызвала многочисленные отклики. В некрологах и в речах, произнесённых во время похорон, Клеменц характеризовался как человек большой души и благородного сердца, как самоотверженный общественный деятель, как разносторонний учёный и отважный путешественник, внёсший большой вклад в развитие отечественной науки и особенно в изучение Сибири. Среди тех, кто откликнулся на смерть Клеменца, были Г.Н. Потанин, В.А. Обручев, С.Ф. Ольденбург, И.И. Попов, А.В. Адрианов и многие другие. В некрологе «Памяти Д.А. Клеменца», опубликованном в журнале «Русское богатство», В.А. Мякотин писал, в частности: Клеменц «много дал русской науке, но те, кому удавалось взглянуть в него поближе, невольно думали, что в других, более нормальных условиях он дал бы неизмеримо больше... И над свежей могилой почившего борца и труженика вместе с благодарным чувством к его светлой памяти невольно вновь возникает скорбная мысль о том, как мало были использованы жизнью его благородные силы. Как много таких неиспользованных сил уже погибло на нашей родине! И как много их гибнет ещё сейчас!»³.

Да, в других общественных условиях талант Клеменца мог бы раскрыться в ещё большей степени. Но и то, что было сделано им, заставляет нас с глубокой благодарностью вспоминать отважного революционера, честного труженика науки и неутомимого исследователя Сибири.

¹ Архив АН СССР. Ф. 208. Оп. 3. Ед. хр. 269.

² Отдельное издание: *Клеменц Д.А.* Из прошлого. Воспоминания. Л., 1925.

³ *Мякотин В.* Памяти Д.А. Клеменца // Русское богатство. 1914. № 2. С. 344.

К ИСТОРИИ АРТЕЛЬНОГО ЖУРНАЛА «РУССКОЕ БОГАТСТВО» (1880–1882)¹

Летом 1879 года по инициативе публициста С.Н. Кривенко была создана литературная артель, объединившая в своих рядах литераторов народнического направления. В её состав помимо С.Н. Кривенко вошли писатели Г.И. Успенский, П.В. Засодимский, Н.И. Наумов, Н.Н. Златовратский, В.М. Гаршин, Н.Ф. Бажин, С.Н. Бажина и литературный критик А.М. Скабичевский.

Приступая к организации артели, С.Н. Кривенко руководствовался тем, что, по его мнению, «артельное начало» как нельзя лучше соответствует духу и особенностям русской культуры. Кроме того, он полагал, что, обзаведясь своим печатным органом, его единомышленники смогут расширить своё влияние на читающую публику, поскольку для их произведений не всегда находилось место на страницах близких к народническим кругам журналов «Отечественные записки» и «Дело». Однако получить разрешение на новое издание в то время было достаточно сложным делом, и поэтому артель вступила в переговоры с владелицей журнала «Русское богатство» С.Н. Бажиной, которая согласилась передать его в ведение новой литературной организации.

История возникновения и издания, а также характеристика и общественно-политическая позиция артельного журнала «Русское богатство» достаточно подробно освещены в целом ряде

¹ Впервые опубл.: Россия в современном мире: проблемы, поиски, решения: научные труды. М., 2005. С. 305–320.

исследований¹. Наиболее обстоятельно об этом написано в работе Б.П. Козьмина «“Русское богатство” (1880–1881 гг.)», в которой исследователь пришёл к выводу, что как артельное издание журнал просуществовал «всего лишь один год с четвертью»², т.е. с начала 1880 по март 1881 года, после чего, в силу целого ряда причин (недостаток денежных средств, равнодушие читателей, отъезд из Петербурга С.Н. Кривенко и т.п.), артель распалась, и с № 4 «Русское богатство» перестало быть её органом. Чуть позже (в конце 1881 года), артель, по словам Б.П. Козьмина, «в несколько расширенном составе... приобрела новый журнал “Устой”»³.

О том, что произошло с литературной артелью «Русского богатства», Н.Ф. Бажин писал в конце августа 1881 года одному из сотрудников журнала В.О. Португалову: «Старая артель распалась и ушла на более тучные пастбища. Горсть оставшихся при журнале сотрудников очутилась без статей, без денег, почти без всяких шансов довести издание до конца года»⁴. Но история артельного «Русского богатства» на этом не закончилась. Опираясь на целый ряд новых материалов, Л.А. Шорникова в своей статье «Из переписки Н.Ф. Бажина с А.И. Эртедем (Материалы к истории артельных народнических журналов “Русское богатство” и “Слово”)» убедительно доказала, что одному из членов распавшейся артели Н.Ф. Бажину ценой огромных усилий удалось создать для продолжения «Русского богатства» *новую* артель.

В сентябре 1881 года (а не в январе 1882 года, как ошибочно посчитала Л.А. Шорникова) был объявлен новый состав сотрудников «Русского богатства» (это была, по существу, именно новая артель), в который вошли П.В. Быков (ответственный редактор),

¹ *Евгеньев-Максимов В.Е.* Из истории «Русского богатства» // Русское богатство. 1917. № 11–12; *Каратаев Н.К.* Народническая литература 60–90-х годов XIX века // Народническая экономическая литература. Избранные произведения. М., 1958; *Козьмин Б.П.* Русское богатство (1880–1881 гг.) // Козьмин Б.П. Из истории революционной мысли в России. М., 1961; *Летов Б.Д.* Русское богатство // Очерки по истории русской журналистики и критики. Т. 2. Л., 1965; *Якушин Н.И.* По градам и весям. Очерк жизни и творчества П.В. Засодимского. Архангельск, 1965; *Слинько А.А.* К оценке идейной направленности журнала «Русское богатство» в советском литературоведении // Вопросы литературы и фольклора. Воронеж, 1969; *Смирнов В.Б.* Из литературной истории артельного «Русского богатства» (сатирические страницы Льва Паночини) // Русская литература 1870–1890 годов. Сб. 4. Свердловск, 1971; *Шорникова Л.А.* Из переписки Н.Ф. Бажина и А.И. Эртеда (Материалы к истории артельных народнических журналов «Русское богатство» и «Слово») // Русская литература. 1977. № 3.

² *Козьмин Б.П.* Из истории революционной мысли в России. М., 1961. С. 414.

³ Там же. С. 409.

⁴ Цит. по: Русская литература. 1977. № 3. С. 80.

П.В. Засодимский, Н.Ф. Бажин и С.Н. Бажина, Л. Алексеев (Паночини), А.П. Мичурин, В.О. Португалов и И.М. Рева.

К сожалению, новая артель, возглавившая журнал, не смогла ничего изменить. «Такое теперь настало время для Русск<ого> богатства, — жаловался Н.Ф. Бажин одному из новых артельщиков В.О. Португалову в письме от 21 октября 1881 года, — что голова идёт кругом. Всё истощилось: денег окончательно нет и взять их негде, ибо откуда можно было их выскрести — отовсюду выскоблено, так что перед какими-нибудь двумястами рублей, необходимыми до того времени, покуда начнётся подписка, станем просто в тупик, как перед неодолимой каменной скалой...»¹

И всё-таки, несмотря на невероятные трудности, журнал не только удалось довести до конца года, но и провести новую подписку. Однако, как писал Н.Ф. Бажин 18 февраля 1882 года А.П. Мичурину, «в конце концов повторилась прошлогодняя история. Как все подписные деньги прошлого года ушли на погашение долгов 1880 года, точно так же вся подписка нынешнего года ушла на расплату за прошлый. Разница только та, что если в марте прошлого года у нас не осталось ничего из подписных денег, зато были кое-какие посторонние ресурсы, был личный кредит, а нынче исчерпано всё...»².

Над журналом нависла угроза закрытия. Нужны были деньги, а взять их было негде. Как писал Н.Ф. Бажин в том же письме к А.П. Мичурину, «тысяча рублей дала бы нам возможность хоть перевести дух и выиграть время, а это чрезвычайно важно. Но если бы удалось достать три тысячи, тогда мы могли бы сказать, что “Р<усское> богатство” спасено»³. Здесь же содержалось одно очень важное замечание, на которое не обратила должного внимания автор публикации этого письма Л.А. Шорникова. Там шла речь об «одном человеке», который, по словам Н.Ф. Бажина, «заинтересовался и нашей идеею артельного журнала, и нашим упорством в преследовании этой идеи. Ещё осенью прошлого [1881. — Н.Я.] года он обещал нам такую денежную поддержку, чтобы мы могли поставить журнал сразу на ноги. Деньги будут у него в руках, может быть, через три-четыре месяца, самое позднее нынешнюю осенью...»⁴. Л.А. Шорникова высказала предположение, что, говоря об «одном человеке», Н.Ф. Бажин имел в виду некоего Сумкина. Но это не так. Речь там шла не о каком-то неизвестном Сумкине, а о вполне реальном лице — городском голове Иркутска, краеведе и издателе Владимире Платоновиче Сукачё-

¹ Цит. по: Русская литература. 1977. № 3. С. 80.

² Там же. С. 181.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 182.

ве (1849–1920). Он действительно обещал помочь «Русскому богатству» и прислать столь необходимые журналу 3000 рублей. Но время шло, а В.П. Сукачёв, занятый делами о получении наследства, не подавал никаких вестей и не отвечал на отчаянные письма Н.Ф. Бажина. Денег в редакции по-прежнему не было и новых поступлений не предвиделось. К тому же отдельные сотрудники журнала понимали, что и в деятельности самой редакции не всё ладилось и что она нуждается в реорганизации.

В это трудное для «Русского богатства» время в борьбу за его спасение включился поэт и активный деятель революционного движения П.Ф. Якубович, учившийся тогда на последнем курсе Петербургского университета. Он был известен как один из руководителей «Центрального студенческого кружка С.-Петербургского университета социально-революционной партии» и непреременный участник всех выступлений студентов. Был у него и опыт литературной работы: с конца 1878 года Якубович систематически печатал свои стихотворения в журналах «Дело», «Слово», «Живописное обозрение», являлся инициатором и идейным вдохновителем сборника «Отклик» (1881), задуманного как «отклик революционного студенчества на страдания народа», к участию в котором сумел привлечь таких известных литераторов, как А.К. Шеллер-Михайлов, А.Н. Плещеев, М.А. Антонович, Я.П. Полонский и др.

Известно также, что с марта 1881 года Якубович начал сотрудничать и в «Русском богатстве», где опубликовал довольно много произведений самых разных жанров (стихи, прозу, литературно-критические и публицистические статьи, переводы). Однако действительная роль Якубовича в делах журнала до сих пор оставалась не до конца прояснённой. Между тем сохранились материалы, ещё не привлекавшие внимание исследователей, позволяющие не только осветить этот малоизученный период жизни и деятельности поэта, но и пролить свет на историю последних месяцев (март — сентябрь 1882 года) издания «Русского богатства». Речь идёт прежде всего о письмах Якубовича к своему университетскому другу В.Н. Шаталову, который включил их в свои неопубликованные мемуары «Из воспоминаний неудавшегося литератора»¹. В них содержится множество самых разнообразных сведений о творчестве поэта, его сотрудничестве в «Русском богатстве», суждений о материалах, напечатанных в журнале, а также неизданные стихотворения.

Несомненный интерес представляют и письма Якубовича к сибирскому литератору М.Я. Писареву², в одном из которых изложена развёрнутая программа реорганизации «Русского богатства».

¹ РГАЛИ. Ф. 137. Оп. 1. Ед. хр. 291.

² РГАЛИ. Ф. 1135. Оп. 1. Ед. хр. 3.

ва», а в другом содержатся сведения о состоянии дел в журнале. И, наконец, сохранилось письмо М.Я. Писарева к издателю и краеведу В.П. Сукачёву¹, где речь идёт о критическом положении, в котором оказалось «Русское богатство» летом 1882 года.

В начале 1882 года Якубович, по словам В.Н. Шаталова, «носился с мыслью испробовать свои силы на более или менее литературном поприще, в разных, кроме стихотворства, областях литературного труда. Он всё ещё в это время стоял на распутье: выйти ли ему на литературный или активно революционный боевой путь»². Хорошо знавший Якубовича по совместной революционной работе М.П. Шебалин позднее писал, что в это время тот «уже решил весь отдаться революционному делу, не оставляя своей работы в легальной журналистике»³.

Однако Якубовича не удовлетворяло простое сотрудничество в легальной прессе. Он искал возможность приобрести свою собственную журнальную трибуну. Как вспоминал участник революционного движения 1880-х годов И.И. Попов, «ему хотелось иметь орган, который постоянно, систематически влиял бы на студентов... Якубович мечтал о создании легального студенческого журнала и нелегальной студенческой газеты. Журнал должен был объединить студенчество и воспитывать его не только в научно-литературном, но и в социально-политическом отношении. Газета должна была преследовать агитационные цели»⁴.

Собственный журнал Якубовичу создать не удалось, свидетельствовал в своих воспоминаниях тот же И.И. Попов, «но П<ётр> Ф<илиппович> попытался приспособить к намеченной цели журнал “Русское богатство”, издаваемый Бажиной»⁵.

О своём активном участии в делах «Русского богатства» Якубович указал в автобиографии, написанной для С.А. Венгерова, где отметил, что много сил отдавал в 1882 году «старому» народническому журналу «Русское богатство», в котором помимо стихов «писал в прозе, был беллетристом, критиком и даже внутренним хроникёром»⁶. А в анкете Общества любителей российской словесности прямо указал, что «редакцией старого “артельного” “Русского богатства” я заведовал в течение 1882 года, последнего года существования этого журнала»⁷.

¹ РГАЛИ. Ф. 1135. Оп. 1. Ед. хр. 4.

² РГАЛИ. Ф. 137. Оп. 1. Ед. хр. 291. Л. 73.

³ Шебалин М.П. Ключки воспоминаний. М., 1935. С. 125.

⁴ Попов И.И. Революционные организации в Петербурге в 1882–1885 годах // Народовольцы после 1 марта 1881 года: сб. статей и материалов. М., 1928. С. 50–51.

⁵ Попов И.И. Минувшее и пережитое. Л., 1924. С. 89.

⁶ РО ИРЛИ. Архив С.А. Венгерова. Ф. 377. Ед. хр. 2995.

⁷ РГАЛИ. Ф. 583. Оп. 1. Ед. хр. 1.

Свою деятельность как фактического руководителя журнала Якубович начал с того, что привлёк к сотрудничеству новых и в первую очередь близких ему по духу людей. Так, участница революционного движения того времени В.И. Дмитриева вспоминала, что летом 1882 года она получила от Якубовича большое письмо, где тот предлагал ей «принять ближайшее участие в журнале “Русское богатство” и высказывал свои мысли на то, какой в настоящее время должна быть литература, и заканчивал своё письмо словами: “Теперь мы, молодые писатели, должны так работать, чтобы трещала бумага и из-под пера сыпались искры...”»¹.

Настойчиво убеждал Якубович и своего друга В.Н. Шаталова начать сотрудничать в журнале. В письме от 4 июля 1882 года он писал: «Отчего бы тебе не заведовать, например, фельетоном “Русского богатства”. Написать в течение месяца листик фельетонной размазни (хотя бы и художественной) не бог весть какой подвиг...»²

В течение марта — сентября 1882 года, времени активной деятельности в «Русском богатстве» Якубовича, в журнале стали печатать свои произведения новые сотрудники, среди которых можно назвать писателя К.С. Баранцевича, поэтов С.А. Бердяева, И.М. Гофштеттера, В.В. Огаркова и др. Весьма вероятно, что некоторых из них именно Якубович привлёк к участию в журнале. Сам он в этот период печатался в «Русском богатстве» весьма интенсивно. В мартовском номере журнала за 1882 год появился его перевод «Песен Мирзы-Шаффи» Ф. Боденштедта, а в апрельском — опубликованы три стихотворения («Я твой, земля! Твои страдания...», «Спустилась ночь», «Песня разума»), «Внутреннее обозрение» и статья «Охранитель в маске либерала». В следующем двояном майско-июньском номере помимо стихотворений («Встреча» и «Учитель») Якубович поместил начало повести «На простор», «Литературную летопись (Мнимое оскудение талантов)», в июле — окончание повести «На простор», стихотворение «Падаль (Из Шарля Бодлера)», «Литературную летопись (Наши молодые беллетристы)» и заметку «Селифановщина» и, наконец, в августовском номере — стихотворение «Здравствуйте, бодрые» и статью «Гамлет наших дней (Рассказы Вс. Гаршина)».

Активная работа Якубовича в «Русском богатстве» началась в тот момент, когда многие члены литературной артели, возглавлявшей журнал, были лишены возможности плодотворно участвовать в его издании. Большинство артельщиков были иногородними: Л. Алексеев (Паночини) жил в Орле, А.П. Мичурин — во Весьегонске, В.О. Португалов — в Самаре. Числившийся офици-

¹ Дмитриева В. Так было. М.; Л., 1930. С. 206.

² РГАЛИ. Ф. 137. Оп. 1. Ед. хр. 291. Л. 75.

альным редактором «Русского богатства» П.В. Быков ещё в августе 1881 года прекратил сотрудничество в журнале. Впрочем, редакционными делами, судя по сохранившимся сведениям, он никогда и не занимался.

Таким образом, непосредственное участие в решении редакционных дел могли принимать участие лишь Н.Ф. Бажин, С.Н. Бажина, П.В. Засодимский и А.С. Комаров.

Если судить по письмам Якубовича, то можно предположить, что начиная с марта 1882 года идейный вдохновитель и организатор новой артели, созданной ровно год назад, Н.Ф. Бажин всё меньше и меньше уделял внимания «Русскому богатству» (впрочем, так же как и его жена С.Н. Бажина, утверждённая официальным редактором журнала). Нельзя сказать, что он совершенно устранился от редакционных дел, но писать для журнала перестал. В последний раз в качестве автора он выступил в ноябрьской книжке «Русского богатства» за 1881 год («Из рассказов о золоте. Одни»). Во всяком случае уже не чувствовалось той горячей его заинтересованности в судьбе «Русского богатства», которая была раньше. Из членов литературной артели только П.В. Засодимский и А.С. Комаров, жившие в Петербурге, а из иногородних Л. Алексеев (Паночини) продолжали решать редакционные вопросы. Известно, что П.В. Засодимский и А.С. Комаров не только много писали для журнала, но первый — поддерживал связь и переписывался с иногородними сотрудниками, а второй вёл корректуру.

Взяв ведение основных редакционных дел в свои руки, Якубович тем не менее стремился сохранить в «Русском богатстве» принцип коллективного руководства, его артельный дух и все свои действия старался согласовывать с сотрудниками, которые продолжали работать в журнале.

Однако, несмотря на поистине героические усилия, предпринимаемые Якубовичем, положение «Русского богатства» становилось отчаянным. Не было денег даже на оплату типографских расходов. Пришлось выпустить сдвоенный майско-июньский номер журнала. О том, в каком положении оказалось «Русское богатство» в начале лета 1882 года, подробно изложил в письме к своему давнему знакомому богатому золотопромышленнику и иркутскому городскому голове В.П. Сукачёву М.Я. Писарев, который хотя и не был членом артели, но принимал живейшее участие в делах журнала. Вот что он писал:

Глубокоуважаемый Владимир Платонович!

Ну, батюшка мой милый, и пострадались же мы («Русское богатство»), возмечтавши, что получим три тысячи рублей не позже 20-го ап-

реля сего года. Вышло какое-то недоразумение, искать виновника в котором теперь не время. Знаем, что Вам пришлось не сладко в богоспасаемом Иркутске, знаем это и из любезных сообщений добрейшей Надежды Владимировны¹, и из газетных известий («Сибирь». № 19). Но знаете, это нисколько не содействовало развитию прекраснодушия. Извините, товарищ юности, что я пишу и намерен писать Вам с полнейшей откровенностью. Быть может, я и огорчу Вас, но, насколько Вы знали меня прежде и насколько успели познакомиться со мной в течение прошлого (1880–81) года, надеюсь, Вы не объясните этого огорчения какой-либо преднамеренностью с моей стороны. Дело вот в чём, Владимир Платонович. Процесс Ваш с городом ведь пришёл к вожделенному концу, — и получение Вами наследства — факт почти свершившийся, или это получение может замедлиться максимум на месяц. Кредит Вам, очевидно, открыт безграничный. При таких условиях, что бы стоило для Вас какие-нибудь 3 т<ысячи>? А для «Русского б<огатства>» неполучение этих денег угрожает совершенной ликвидацией дела, и притом в такое время, когда к нему начали примыкать свежие силы, напр<имер> Якубович и Шаталов². И вот мы, не получивши денег в апреле, ждали их в мае, ждали в июне. Но денег всё нет, как нет. Войдите же в наше положение всеми силами Вашей благородной души и поддержите наше дело, которому Вы не можете отказать в сочувствии. Три тысячи рублей, о которых Вы договорились с Павлом Владимировичем [Засодимский. — *Н.Я.*], если возможно, дайте немедленно (буде их уже не выслали).

Но, кроме того, рассмотрите хорошенько проект, представленный Вам Засодимским, и откликнитесь, если только Вы найдёте это возможным. Действуйте, как и всегда Вы это делали, вполне открыто: не нравится Вам «Р<усское> б<огатство>», укажите его недостатки и предложите меры к устранению их. Объяснитесь по всем этим вопросам Вы можете или с Серафимой Николаевной Бажиной, или, ещё лучше, с новым составом редакции в конторе в дни, назначенные для заседаний. <...>

25-го июня 1882³.

М. Писарев

В конце концов обещанные В.П. Сукачёвым 3000 рублей были получены, о чём Якубович сообщил в ниже приведённом письме к М.Я. Писареву. Но их хватило только на погашение самых срочных долгов. Якубович понимал, что для того, чтобы преодолеть равнодушие читающей публики к «Русскому богатству», необходимо коренным образом изменить не только структуру журнала, но и его идейное направление. А для этого следовало прежде всего привлечь в журнал новых сотрудников, и самое главное — перестроить работу редакции «Русского богатства» и активизиро-

¹ Жена В.П. Сукачёва.

² Речь идёт об Иване Иосафовиче Шаталове, двоюродном брате В.Н. Шаталова.

³ РГАЛИ. Ф. 1135. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 3–4 об.

вать деятельность членов артели таким образом, чтобы каждый из них почувствовал личную ответственность за состояние дел в журнале. Своё представление о том, каким должно быть артельное «Русское богатство» и что нужно сделать для реорганизации работы его редакции, Якубович изложил в обстоятельном письме, отправленном 11 августа 1882 года М.Я. Писареву, которое заслуживает того, чтобы привести его полностью. Якубович писал:

Многоуважаемый Михаил Яковлевич!

Июльская книжка «Р<усского> б<огатства>» опять печатается на удачу, без уверенности в дальнейшем существовании журнала — поэтому думать о каких-либо заметных реформах в этой книжке нельзя¹. Но если дело с С<укачёвым> уладится, то на это последнее полугодие редакция должна взглянуть как на решающую пробу своих сил; в это полугодие редакции (или никогда) следует победить равнодушие публики, работая так, чтобы бумага трещала. Алексеев в письме, которое он прислал на днях на моё имя (он в отчаянии за всё хватается), доказывает необходимость коренных изменений в журнале и во главе их ставит прекращение халатных отношений к публике. Вот что он ставит в вину редакции:

Во 1) в начале нового года было объявлено о том, что в журнале принимают участие многие имена. Потом эти имена исчезли — и не было ни объявления о том, ни объяснения, отчего это произошло. Предпочли промолчать. А кто молчит — тот виноват. Всякий подписчик вправе подумать: в первый год для привлечения подписки была выставлена приличная вывеска, а когда подписчиков было наловлено нужное число, вывеску сняли и заменили другой, более дешёвой... А ничто, кажется, так не возмущает публику, как литерат<урный> шантаж. Между тем редакция могла *sine ira et studio* [без предвзятого мнения (*лат.*) — Н.Я.] рассказать всю историю артели и объяснить, почему считает нужным продолжать тянуть журнал, и этим, конечно, привлекла бы к себе симпатии.

2) В начале 2-го (прошлого года) были обещаны редакцией статьи, которые после раскола оказалось невозможным дать, и об этом опять предпочли промолчать.

3) Значение имён, а равно и количество сотрудников — несомненно, так, журнал «Дело», например, перечисляя своих сотрудников, два раза называет Станюковича (Ст<анюковича> — откров<енного>

¹ Сукачёв перевёл обещанные 3000. Сам же приедет в конце июля. Н<иколай> Ф<едотович> хочет отправиться к нему, для переговоров, со мною. М-ме Сукачёва почему-то потребовала от Серафимы Никитичны [Бажиной. — Н.Я.] вексель на эти 3000. Барыня эта относится к «Р<усскому> б<огатству>» иронически и претендует на то, что в журнале мало серьёзных(!) вещей. А отчего бы, М<ихаил> Я<ковлевич>, не попытаться Вам заблаговременно закинуть удочку на другого сибирского креста, о котором Вы говорили, хотя бы для того, чтобы узнать, как он отнесётся к этому делу и можно ли на него рассчитывать. (Примеч. П.Ф. Якубовича.)

писателя, что, собственно, тот же «Елизавет Воробей» Собакевича). «Р<усское> же б<огатство>», как нарочно, скромничает и нимало не заботится о представительности своих объявлений, хотя с полным правом может назвать: А. Барыкову, В. Дмитриеву, Белозерова, М. Соймонова. Потом Бажин и Засодимский, единственные в артели известные имена, словно нарочно скрываются под разными таинственными буквами, так что иной читатель подумает, что Бажин с Засодимским участвуют в журнале лишь номинально.

4) В конце прошлого года, не сговорившись хорошенько, обещали «Полит<ическую> хронику», а когда её запретили, тоже не объяснились с читателем. Скажите же, ради Бога, кто не назовёт такую редакцию после таких штук сонмищем жуликов.

5) План журнала, его литературная физиономия — всё это не было обсуждено коллективно. Не затребовали мнения от иногородних подписчиков. Оттого выходило, что один ехал в лес, другой по дрова.

Многое было результатом (соглашается Алексеев) «бедственного и гнусного» положения журнала, но всё это непреренно должно быть устроено и исправлено при первой же возможности.

В случае, если положение это изменится к лучшему, вот какой ряд мероприятий предлагает Алексеев и какие прибавил бы я со своей стороны. Многие из этих предложений могут, конечно, показаться не практичными и наивными, так как один из советчиков сидит в деревне, «словно на дне реки» [имеется в виду Алексеев. — *Н.Я.*], а другой homo novus [новый человек, выскочка (*лат.*)]. — *Н.Я.* Ну, да сказ не грех.

Итак, во 1) необходимо прежде всего изменить самый внешний вид журнала, чтобы таким образом отмежевать одно полугодие от другого. Хорошо бы, например, обратиться с объяснением «От редакции» — что при всём-де нашем желании мы до сих пор не могли по многим причинам сообщить журналу тот вид, какой он должен бы иметь (тут вкратце изложить бы, почему произошёл раскол и почему оставшиеся члены редакции не могли исполнить обещаний, данных до раскола); что вот-де теперь наше положение улучшилось, и мы надеемся, что отныне журнал пойдёт лучше; можно многое сказать и о громадной трудности вести журнал (почти начинающий) и заявить, что число сотрудников увеличилось (при этом действительно нужно выяснить, согласятся ли числиться нашими постоянными сотрудниками Дмитриева, Белозёров, Барыкова, Д. Сибиряк — приславший на днях недурный рассказ — может быть, М. Белинский и др. Можно бы войти в сношение с польскими беллетристами Элизой Ожешко, Сенкевичем, заинтересовать их журналом, его целью, программным артельным устройством: почему знать — может быть, они тоже дали бы согласие числиться нашими постоянными сотрудниками и давать нам в первые руки свои рассказы до переводов).

Во 2) изменить название журнала, и если изменить, то непременно в этом полугодии: старые подписчики до нового года успеют привыкнуть к новому названию; а для вербования новых это принесёт только пользу. Вообще, вероятно, никто не станет протестовать против

этой реформы: а если так, то остаётся столкнуться в выборе названия. Н<иколай> Ф<едотович> [Бажин. — Н.Я.] предлагает «Месяц», я предложил бы «Волну».

3) Каждые две недели в обязанность редколлегии следует поставить — отписывать иногородним постоянным сотрудникам и в особенности артельщикам о ходе дел, извещая о той или другой работе, которую желательно было бы иметь, спрашивая совета и согласия. Только в таком случае каждый из участников журнала чувствовал бы себя живо заинтересованным в его судьбе, стал бы дорожить не столько его материальным, сколько идейным успехом. Этот пункт, собственно, относится к артельному уставу, о котором речь будет в своё время, но мне думается, на него следует обратить внимание теперь, когда речь идёт главным образом о средствах поднять журнал. Вы, как иногородний, конечно, будете поддерживать этот пункт.

4) Серьёзная статья первого отдела должна быть научно-философской статьёй. Компиляции и вшивое гелертёрство [т.е. учёность — от нем. gelehrter. — Н.Я.] — это своего рода *béret noire* [чёрный берет (фр.). — Н.Я.] Алексева. Он определяет эту статью 1-го отдела журнала как «своё слово» редакции, обобщающее слово по высшей гигиене, педагогике, истории, философии, социологии. Он предлагает в случае недостатка таких статей — давать переводы, как это делает журнал «Мысль». Я же думаю, что недостатка в таких статьях не должно быть. Действительно, если артель издаёт «свой» орган мысли — значит, она имеет «свои слова», которые хочет поведать обществу. Отсюда вытекает необходимость столкования артели насчёт этих «своих» мыслей и убеждений; потом отметить несколько основных положений, убедить в которых читателя для всех было бы в высшей степени желательно — и распределить эти намеченные темы между собою для разработки. Таким образом, возможно заготовить в несколько месяцев ряд руководящих статей — так сказать, передовиц журнала.

5) Второй отдел всегда был в «Р<усском> б<огатстве>» лучше первого, но всё-таки не бог весть какое совершенство.

а) Прежде всего должна идти критическая статья, образцом которой (в формальном отношении) может служить «На тернистом пути» Алексева или статья Протопопова в «Деле». Такие статьи можно бы распределить между 3-мя членами редакции, чтобы каждый поставил одну в течение 3 месяцев (Алексеев, Засодимский, я тоже попробовал бы).

б) Публицистическая статья («Мало слов и мало дела» Комарова, моя «Охранитель в маске»). Вопрос: допускать ли полемику в этот отдел?

с) Статья по поводу какого-нибудь выдающегося явления в текущей общественной жизни: напр<имер>, процесс Буша, выставки, речей и смерти Скобелева, хлудовщины, катастрофы черньской и т.п.).

д) Литерат<урная> летопись. Этот отдел особенно должен быть расширен, и на него следовало бы обратить во 2-й части журнала не меньшее, если не большее внимание, чем на хронику внутренней жизни. В него должны входить: руководящая статья, выясняющая

идею и физиономию журналистики за истекший месяц; затем обозрение новых книг (5 minimum) и, наконец, обозрение последних книжек журналов (по возможности, всех главных). Это последнее обозрение будет для читателей (особенно захолустных) очень приятным нововведением.

е) Внутр<енняя> хроника должна давать возможно полную картину общественной жизни за истекший месяц, в особенности картин наших нравов; задача её — воспитывать в обществе отрица<тельное> отношение к действительности. Комаров, нужно сознаться, недурно ведёт свой отдел, даже очень недурно, сравнительно, например, с односторонними «обозрениями» Шелгунова в «Деле».

ф) «Смесь» — вот отдел, которого я не понимаю. По крайней мере, при той наличности юмористов, какое имеется у «Р<усского> б<огатства>», её следовало бы похерить. Разве Ал<ексея> Сер<геевича> [Комарова. — Н.Я.] посадить на «Смесь»? Кажется, это молодой человек, подающий большие надежды на то, что впоследствии он заменит нам Щедрина.

б) Вот те мероприятия, которые прежде всего следовало бы пустить в ход для спасения журнала, для завоевания ему будущности; одни деньги её не обеспечат.

Хотя в июльской книжке этих реформ произвести невозможно, но в августовской и — самое позднее — в сентябрьской (если им суждено увидеть свет Божий) они необходимо и неотложно должны быть проведены. Пускай же каждый из принимающих в судьбе «Р<усского> б<огатства>» посильное участие теперь же, не ожидая решения денежного вопроса, выскажет прямо и подробно своё мнение. Если журнал погибнет, в преждевременности этих переговоров раскаиваться особенно будет нечего; а если не погибнет, то лучше заблаговременно всё обсудить и даже не начинать хлопотать о переименовании журнала и о выходе из-под контроля цензуры, в случае если этот выход нужен, желателен и не страшен.

Так как ответ Ваш на это письмо придёт, вероятно, не раньше конца июля или даже начала августа, то, пожалуйста, напишите, М<ихаил> Я<ковлевич>, подробнее, категоричнее.

Ваш П. Якубович

Подобное же письмо я разослал от имени себя и Алексеева — Ник. Федотовичу <Бажину>, Павлу Владимировичу <Засодимскому> и Реве. Относительно Мичурина я, право, недоумеваю. Ведь, право, совестно подумать о том, в какие отношения стала к нему редакция. А он, как сообщает Алексеев, приготовил уже для «Р<усского> б<огатства>» капитальную статью о Добролюбове...¹

Из письма Якубовича видно, с каким вниманием он прислушивался к советам и предложениям Л.А. Алексеева (Паночини). Именно опираясь на них, он и предложил план реорганизации

¹ РГАЛИ. Ф. 1135. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 1–4.

и новую программу «Русского богатства», которая, кстати, была составлена без участия главы артели Н.Ф. Бажина. Якубович от своего имени и от имени Л. Алексеева послал её текст Н.Ф. Бажину, П.В. Засодимскому, И.М. Реве и, как видно из вышеприведённого письма, М.Я. Писареву. Правда, последний не был членом артели и не числился в составе постоянных сотрудников «Русского богатства», но начиная с конца 1881 года стал принимать в его делах самое деятельное участие, которое проявилось прежде всего в изыскании средств, необходимых для продолжения издания журнала, а также в подготовке для него целого ряда статей. Посылая М.Я. Писареву программу реорганизации «Русского богатства», Якубович тем самым давал ему, по всей вероятности, понять, что намерен включить и его в состав артели. Что же касается остальных артельщиков, то А.С. Комарова и И.И. Шаталова с новой программой журнала он мог познакомить лично, так как встречался с ними чуть ли не каждый день, а А.П. Мичурину не написал, так как у того возникли какие-то разногласия с редакцией журнала (о чём говорится в письме к М.Я. Писареву), и Якубович решил повременить до тех пор, пока внутриредакционный конфликт будет разрешён.

Таким образом, можно предположить, что в состав новой артели Якубович предполагал включить: Л. Алексеева (Паночини), супругов Бажиных, П.В. Засодимского, А.С. Комарова, И.М. Реву, И.И. Шаталова и себя. Нельзя не отметить, что имя Якубовича, несмотря на его самое активное участие в делах «Русского богатства», ни разу не упоминалось в числе постоянных сотрудников журнала, список которых печатался на его обложке из номера в номер в течение всего 1882 года. Впервые его фамилия была упомянута в числе сотрудников лишь в начале 1883 года, когда «Русское богатство» перешло в руки Л.Е. Оболенского. Но там Якубович так ничего и не напечатал, и его имя в июне 1883 года исчезло с титульного листа журнала.

Как следует из письма Якубовича к М.Я. Писареву, одним из главных положений, выдвинутых им в своей программе по реорганизации «Русского богатства», являлось сохранение артельного принципа руководства журналом. Казалось бы, опыт неудачной деятельности первой артели, созданной С.Н. Кривенко для издания «Русского богатства», и второй, которую попытался организовать Н.Ф. Бажин, должны были бы убедить Якубовича в неэффективности коллективного руководства печатным органом, однако он полагал, что если серьёзно заинтересовать всех членов артели в успехе журнала и повысить их ответственность за его судьбу, а также внимательно прислушиваться к мнению и советам каждого из артельщиков, то это может коренным образом изме-

нить лицо издания и привлечь к нему внимание читателей. Якубович считал также, что артельное устройство журнала могло бы привлечь к сотрудничеству в нём новые литературные силы.

Соглашаясь с тем, что в «Русском богатстве», как и прежде, будет два отдела (они были разделены в журнале только нумерацией страниц), Якубович предлагал существенным образом усовершенствовать каждый из них. Так же как и Алексеев (Паночини), он считал, что первый отдел каждого номера журнала должен открываться программной статьёй, отражающей «своё слово», свой взгляд редакции на важнейшие проблемы современной действительности. А для этого, по его мнению, необходимо, чтобы члены артели «столковались» о «своих» общих взглядах и убеждениях. Одним словом, чётко определить идейную платформу журнала, выделив в ней «несколько основных положений».

Помимо этого, Якубович настаивал на необходимости реорганизации второго отдела журнала, подчёркивая, что в нём обязательно должна присутствовать обстоятельная публицистическая статья «по поводу какого-нибудь выдающегося явления в текущей общественной жизни».

Особое внимание Якубович уделил содержанию раздела «Литературная летопись», считая, что на него следует обратить «не меньшее, если не большее внимание, чем на хронику внутренней жизни». Насколько важное значение он придавал этому разделу, свидетельствует не только его письмо к М.Я. Писареву, но и послание к В.Н. Шаталову от 3 августа 1882 года, в котором, кстати, он весьма критически оценил свои собственные статьи, опубликованные в «Литературной летописи». «“Летопись” моя, — писал Якубович, — как прежняя [«Мнимое оскудение талантов» — в майско-июньском номере «Русского богатства» за 1882 год. — *Н.Я.*], так и эта [«Наши молодые беллетристы» — в июльской книжке журнала. — *Н.Я.*] мне дуже не нравятся. Вот почему. Я задался было целью сделать из “Л<итературной> л<етописи>” руководящую в критическом отделе статью, выясняющую основную идею и физиономию всех последних книжек журналов. Для такой задачи у меня слишком мало силёнок, не говоря уже о времени. Ну, и выходит размазня... небрежность, перескакивание с одного на другое, и вдобавок “шашковщина” [имеются в виду статьи публициста журнала «Дело» С.С. Шашкова. — *Н.Я.*], т.е. масса цитат, скреплённых двумя-тремя собственными фразами. Я говорю о форме. Думаю, что возьми я для своих статей более узкую сферу, они будут выходить несравненно лучше. Пишу о только что вышедших рассказах Гаршина¹. О работе над этой статьёй Якубович чуть позже писал тому же В.Н. Шаталову:

¹ РГАЛИ. Ф. 137. Оп. 1. Ед. хр. 291. Л. 87.

«Пишу на этот раз терпеливо, обдумывая каждое слово, не помногу зараз. Думаю, что сооружу нечто дельное и, может быть, оригинальное... С цензурой за каждую строку буду колотиться...»¹ (Статья Якубовича «Гамлет наших дней (Рассказы Вс. Гаршина») была опубликована в августовском номере «Русского богатства».)

По мысли Якубовича, в радикальном усовершенствовании нуждался и раздел «Хроника внутренней жизни» журнала, в котором, полагал он, должна быть представлена «возможно полная картина общественной жизни», призванная «воспитывать в обществе отрицательное отношение к действительности».

Что же касается раздела «Смесь», то Якубович считал, что его следует закрыть, так как в настоящее время среди сотрудников журнала не было людей, в достаточной степени обладающих юмористическим талантом. Вместе с тем он полагал, что неплохо было бы подумать и о создании новых отделов в журнале. Так, в письме В.Н. Шаталову от 5 августа 1882 года Якубович писал: «Хорошо бы, думаем мы с Иваном [И.И. Шаталовым. — *Н.Я.*], — сделать в “Русском богатстве” особый отдел “Мефистофель” (сатира), но сил для этого нужно много!»²

Предлагая свою программу реформирования «Русского богатства», Якубович, как видно из его письма к М.Я. Писареву, настаивал на том, чтобы все преобразования, о которых он писал, должны быть произведены в самое ближайшее время.

Одним из первых шагов, предпринятых редакцией по реорганизации «Русского богатства», стало «Прошение» об изменении названия журнала на «Зарница» с сентября 1882 года, подписанное его издательницей С.Н. Бажиной и отправленное в Главное управление по делам печати 4 августа. На что последовала немедленная резолюция: «Главное управление по делам печати, принимая в соображение, что общее направление журнала “Русское богатство” не может считаться вполне благонамеренным, полагало бы ходатайство г-жи Бажиной отклонить»³.

А чуть раньше, в самом начале августа 1882 года, в редакции «Русского богатства» стало известно, что в Петербург приехал давно ожидаемый В.П. Сукачёв. Вот что писал об этом Якубович М.Я. Писареву:

Многоуважаемый Михаил Яковлевич!

Сукачёв приехал 27-го июля и, прибыв в Питер, целую неделю не дал никому знать о своём прибытии, несмотря на то, что супруга его обещала быть настолько любезной. 2-го августа Александр [по

¹ РГАЛИ. Ф. 137. Оп. 1. Ед. хр. 291. Л. 89.

² Там же. Л. 88.

³ РГИА в С.-Петербурге. Ф. 776. Оп. 5. Ед. хр. 103. Ч. 1. Л. 141.

всей вероятности, речь идёт о А.П. Мичурине, который в это время находился в Петербурге. — *Н.Я.*] отправился к нему с письмом от Ф<едотыча> [Н.Ф. Бажина. — *Н.Я.*]. Он был так любезен, что не потрудился даже несколько слов черкнуть в ответ, а на лету крикнул Александру, что «у него самого дел по горло, а когда будет меньше, даст знать Бажину». Несколько дней спустя я решил отправить ему Ваше письмо, но какой результат оно произвело на этого мецената, до сих пор неизвестно. Мы склонны думать, что он так и уехал за границу, забыв о существовании какого-то «Русского богатства».

Так вот каковы дела, Михаил Яковлевич! Что касается «нутра» журнала, то я уже писал Вам довольно подробно и Вы, вероятно, получили его.

Заглавие решено большинством голосов переменить, подано уже прошение в Гл<авное> Управление по д<елам> п<ечати>. Название будет «Зарница». Как Вам нравится? Может быть, подписка на эти 4 месяца несколько поправит дела.

Но во всяком случае нужны деньги и деньги, хотя бы на объявления. 1000–2000 нужны возможно скорее.

Как быть? Откуда достать? Попробуйте, ради Бога, ещё куда-нибудь закинуть удочку. Авось новая не сорвётся. Будьте здоровы. Пишите.

Ваш П. Якубович¹

Положение «Русского богатства» снова стало критическим. Впрочем, оно уже давно пребывало в таком состоянии. Но Якубович тем не менее не падал духом и продолжал напряжённо работать. По-прежнему уделяя много внимания творческой деятельности (с января по август 1882 года им было написано и опубликовано множество стихов, несколько критических и публицистических статей), он, помимо этого, редактировал материалы, поступавшие в журнал, правил корректуру, вёл переговоры с цензурным ведомством. «Собственно процесс писания, заведование каким-нибудь отделом в журнале — занимает не Бог весть сколько времени, — писал он В.Н. Шаталову ещё 4 июля 1882 года, — а вот редактирование чужих статей, корректорство и издательство вообще — страх сколько!»² А в другом письме (от 16 августа 1882 года) жаловался своему приятелю: «Главное — подмоги ниоткуда нет, а критики не оберёшься: тот одно советует, этот совсем иное; а я буквально один брошен с этим распроклятым “Русским богатством” на произвол судеб. Главное, что убивает меня и обессиливает, то эта черновая работа (корректуры) и беготня в типографию и к цензору. К последнему, положим, не так часто приходится ходить, да это вечное ожидание: “вот-вот завтра идти” страх как тяжело... Вот и вчера три корректуры задержа-

¹ РГАЛИ. Ф. 583. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 1.

² Там же. Ф. 137. Оп. 1. Ед. хр. 291. Л. 75.

ли — конец Алексеевской статьи [«Земля и крестьянин». — *Н.Я.*], статью о народной медицине [«Заметки о народной медицине в южной России» И.М. Ревы. — *Н.Я.*] и мою о Гаршине [«Гамлет наших дней». — *Н.Я.*], надо хлопотать, потому что без этих статей августовская книжка будет с напёрсток бабий по размерам и плевка будет стоить по внутренней ценности»¹.

Невероятно загруженный сугубо организационными делами, Якубович тем не менее основное внимание уделял редактированию журнала. По существу, летом и в начале осени 1882 года он являлся главным редактором «Русского богатства» и на этом посту, как писал В.Н. Шаталов в своих мемуарах «Из воспоминаний неудавшегося литератора», проявил себя «чутким, способным, смелым, понимающим дело редактором». Об этом, кстати, свидетельствуют и обстоятельно написанные письма Якубовича к тому же В.Н. Шаталову, в которых он не только давал подробную характеристику почти всем опубликованным (или готовящимся к печати) материалам в «Русском богатстве», но излагал свои взгляды на задачи, стоящие перед журналом и литературой вообще. Так, в одном из писем (от 16 августа 1882 года) Якубович писал: «Задача современной беллетристики (той части её, которая рисует отрицательные стороны жизни, а не новых людей) — показывать обществу, в какую пропасть ведёт его современная цивилизация, как всё зависит от случая в его жизни и как всё требует радикальной и быстрой перестройки. И беллетристика этого калибра должна так рисовать свои отрицательные картины, чтобы у тупоголовых сторонников настоящего режима черепа трещали от ужаса и отчаяния, руки опускались»².

Несмотря на все трудности и неурядицы, Якубович не отчаивался. Он был полон энергии и желания вдохнуть в «Русское богатство» новую жизнь, сделать его интереснее, ярче, содержательнее. Именно поэтому он с таким вниманием прислушивался к критическим замечаниям по поводу материалов, печатавшихся на страницах журнала. «Беспристрастная приятельская критика полезна, — писал он В.Н. Шаталову, — а брань тем более»³. Якубович обращался к нему с просьбой высказать мнение по поводу своих стихотворений, произведений Н. Молотова (Никифорова), А.П. Барыковой и др. Однако при этом далеко не всегда соглашался с мнением своего приятеля и часто спорил с ним, что-то принимал, с чем-то соглашался, а что-то безоговорочно отвергал. Так, Якубович защищал от его нападок рассказ В.М. Ключникова «Где она и что с ней?», считая, что это произведение «име-

¹ РГАЛИ. Ф. 583. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 90.

² Там же. Л. 90, 91. Здесь и далее подчёркнуто в подлиннике.

³ Там же. Л. 84.

ет большое значение со стороны участия женщин в социальном вопросе»¹, отстаивал необходимость создания в журнале специального отдела — «Стихотворения». Особенно раздражала Якубовича безапелляционность и поспешность некоторых суждений В.Н. Шаталова. «Вообще, — писал он ему, — у тебя критика, очевидно, не установилась ещё, критериума ты не нашёл ещё»². Вместе с тем, считая своего приятеля несомненно способным человеком, к некоторым его замечаниям Якубович прислушивался.

Поглощённый редакционными делами своего журнала, Якубович находил время, чтобы внимательно следить и за материалами, печатавшимися в других изданиях, и сравнивать их с теми, которые публиковались на страницах «Русского богатства». Так, говоря о статье И. Шаталова «Из жизни рабочего люда», помещённой в майско-июньской книжке журнала, он находил её суховатой и писал (4 июля 1882 года) В.Н. Шаталову: «...Уж очень математикой пахнет, — это вовсе не от сюжета произошло: возьми статьи Абрамова о том же в “Отечественных записках” — божественно»³.

Якубович не только знакомился с содержанием ведущих периодических изданий своего времени, но и выступал в качестве их обозревателя в отделе «Новые журналы». В частности, он опубликовал в августовском номере «Русского богатства» за 1882 год заметки о журналах «Вестник Европы» и «Заграничный вестник» (в соавторстве с И. Шаталовым).

Но самое большое удовлетворение и радость испытывал Якубович, когда удавалось заполучить для «Русского богатства» новое интересное произведение. Так, говоря о рассказе В. Ключникова «Где она и что с ней?», напечатанном в вдвоенном номере журнала (№ 5–6), он писал, что тот составил бы украшение даже для «Отечественных записок», а о стихотворении А.П. Барыковой «Пациенты» заметил: «Какие стишки Барыковой пропущены нашим цензором — прелесть! У Некрасова мало найдёшь такого поражающего»⁴.

При этом сам Якубович очень требовательно и критически относился к своим собственным произведениям. Он, например, отлично сознавал недостатки своей повести «На простор» (Русское богатство. 1882. № 5–6). «Не думаешь ли ты, — писал он В.Н. Шаталову 3 августа 1882 года, — что теперь у меня те же идеалы, какие были тогда, когда задумывалась и печаталась повесть в 78–80 гг. Напечатана повесть потому, что она во всяком случае удобочитаема и для юных гимназисток не бесполезна, а материа-

¹ РГАЛИ. Ф. 583. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 88.

² Там же.

³ Там же. Л. 80.

⁴ Там же. Л. 87.

лов у нас в редакционном портфеле буквально не было для майско-июньской книжки»¹.

Посвятив всего себя работе в «Русском богатстве», Якубович порой сомневался в результативности своей журнальной деятельности. Он, по всей вероятности, предполагал, что ему достаточно быстро удастся возродить «Русское богатство», превратить его в рупор передовых общественных идей и тем самым привлечь к журналу новых читателей. Но сделать это оказалось не так-то просто. К тому же Якубович говорил о себе, что сам он «лопается от обуревающих его сомнений» и переживает «переходный момент», так как до конца ещё не решил, куда направить переполнявшую его энергию. В письме к В.Н. Шаталову, отправленном 16 августа 1882 года, он, в частности, писал: «Вот и теперь. Корчу из себя “верующего” литератора, а сам в “Русское богатство” не слепо верю. Если не на то, чтобы мамон ублаготворить, и не на то, чтоб литературный зуд потешить, то, значит, на то, чтоб пользу приносить? Ясно. У “Русского богатства” в лучшем случае через год будет 1500 подписчиков — попы, аптекаря, фельдшера, писаря, учителя... Да не правда ли: ведь это грубый, грубый, грубый самообман — это принесение пользы?! <...> Я решил так. Буду работать для “Русского богатства” до тех пор, пока оно не выйдет на дорогу (дорогу эту покажет декабрь месяц), а там, вероятно, брошу его. Не потому брошу, чтобы очень уж скептицизмом по отношению к нему был заеден; может быть, опасения мои и напрасны, — а потому, что я эгоист большой. Моё “я” это такой идол ненасытный, которому я ежедневно должен приносить пышные гекатомбы [т.е. жертвоприношения. — Н.Я.], а не ломоть трудового хлеба; которое ни за что не удовольствуется пером, беседой, кабинетом и дружбой. Ему нужны эффекты, игрушки, тромбоны, литавры. Ты скажешь: “Ну, да, конечно! Я давно знал это и думал. Ты — актёр!” Ничего ты не знал — ничего, ничего! Не из тщеславия нуждаюсь я в блеске и громе, а для того, чтобы ослепить и оглушить себя, обмануть себя получше и задавить червяка вечного недовольства самим собою и жизнью...»²

Судя по этим словам, Якубович не был полностью удовлетворён своей работой в «Русском богатстве». Он стремился к более активной и приносящей немедленные результаты деятельности и всерьёз подумывал о своём непосредственном участии в борьбе за социальные преобразования в рядах революционного общества «Народная воля».

Следует иметь в виду, что Якубович в силу целого ряда причин далеко не всегда и не во всём до конца был откровенен с В.Н. Ша-

¹ РГАЛИ. Ф. 583. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 84.

² Там же. Л. 92.

таловым, о чём тот, в частности, писал в своих «Из воспомина- ний неудавшегося литератора»: «Террористическая деятельность, куда исключительно были направлены революционные силы партии “Народная воля”, была не по мне во всех отношениях... Я бли- же примыкал в это время к “Черному переделу”, а в политиче- ском отношении моим идеалом была английская конституция с её представительным строем. Якубович знал это и уже не старался, как прежде, тащить меня на свой путь...»¹

Между тем дела в «Русском богатстве» продолжали идти не лучшим образом. Переговоры с В.П. Сукачёвым о дополнитель- ном финансировании журнала закончились провалом. 30 ав- густа 1882 года Якубович писал В.Н. Шаталову: «Фабрикант, обещавший нам 30 тысяч, надул нас. Я много рассказывал под- робности визита к нему, что, право, неохота рассказывать ещё раз, — довольно одного, что надул нас сукин сын (фамилия Су- качёв — как это мы раньше не подумали об этом!). И вот теперь “Русское богатство” висит на ниточке, что будет в конце концов, не знаю, а ожидание это так мне опротивело, что тошнит, плюнуть хочется»².

Прошёл месяц. Положение журнала становилось отчаянным. В самом конце сентября 1882 года Якубович писал В.Н. Шата- лову: «“Русское богатство” всё ещё дышит на ладан — ну, хоть бы околевало скорее. Впрочем, сентябрьская книжка печатается и выйдет 10 октября... Войдут в неё (если оставить в стороне цен- зора): повесть Молотова “Сквозь сон”, его же громогласное сти- хотворение, стихи Соймонова, Филимонова, Алексеева, Щедрова, Якуба [Якубовича. — *Н.Я.*]; роман Алексеева (начало) “На заре жизни”, его же статья “Педагогическое и социальное значение ро- мана” и т.д.»³.

Но этой книжке уже не суждено было выйти в свет. Журнал «Русское богатство» как артельное предприятие прекратил своё существование и был продан Л.Е. Оболенскому. В письме от 13 октября 1882 года Якубович сообщил В.Н. Шаталову: «“Рус- ское богатство” продаётся, по-видимому, Оболенскому — на очень выгодных условиях»⁴.

Невольно возникает вопрос, куда же исчез этот подготовлен- ный и, как писал Якубович, даже отправленный в печать номер журнала?

Просматривая комплект «Русского богатства» за 1883 год, когда журнал уже выходил под редакцией Л.Е. Оболенского,

¹ РГАЛИ. Ф. 583. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 117.

² Там же. Л. 93.

³ Там же. Л. 107.

⁴ Там же. Л. 109.

нам удалось установить, что все его материалы (за исключением стихотворений Алексеева и Якубовича) были опубликованы. Повесть Н. Молотова «Сквозь сон» появилась в первом номере «Русского богатства» за 1883 год, роман Л. Алексеева (Паночини) «На заре жизни» под псевдонимом «Н. Гриневич» был напечатан в февральской, мартовской и апрельских книжках журнала, его же статья «Социально-педагогическое значение романа» — в февральском номере. Что же касается стихотворений, то они публиковались в следующем порядке: М. Соймонова — во втором номере, Ф. Филимонова — в десятом и Н. Щедрова — в одиннадцатом.

Любопытно, что И.Ф. Масанов¹, ссылаясь на В. Катенева², решил, что автором романа «На заре жизни», скрывшего своё имя под псевдонимом «Н. Гриневич», является некто Н. Алексеев. Правда, после его фамилии он поставил знак вопроса. В. Катенев же просто написал: «Н. Алексеев-беллетрист»³. Но как следует из процитированного выше письма Якубовича, роман «На заре жизни» принадлежал перу всё того же Л. Алексеева (Паночини). Таким образом, стал известен ещё один псевдоним («Н. Гриневич») талантливого и плодовитого журналиста 1880-х годов Льва Александровича Паночини (1853–1886)⁴.

Кстати, письма Якубовича к В.Н. Шаталову позволяют раскрыть ещё несколько псевдонимов и криптонимов авторов, печатавшихся в «Русском богатстве», а также атрибутировать некоторые материалы, опубликованные в журнале без подписи. Так, вполне определённо можно утверждать, что в сдвоенном майско-июньском номере «Русского богатства» И.И. Шаталову принадлежат анонимные статьи «Братья Гонкур», «Критический очерк по Г. Брандесу» и рецензия «В.Ю. Скалон. Земские вопросы. Очерки и обозрения», а также статья «Из жизни рабочего люда», подписанная криптонимом «И.Ш.» (см. письмо В. Шаталову от июля 1882 года). Напечатанная без подписи в том же номере журнала рецензия «О книге Эмиля де Лавеле» (Э. де Лавеле. Современный социализм. СПб., 1882) написана Л.А. Паночини (см. письмо В. Шаталову от 16 августа 1882 года). Ему же принадлежит неподписанная статья «На тернистом пути». Об этом говорится в письме Якубовича к М.Я. Писареву от 11 июля 1882 года.

¹ Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов: в 4 т. М., 1956. Т. 1. С. 305.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Интересную статью о нём написал В.Б. Смирнов («Из литературной истории артельного “Русского богатства” (сатирические страницы Льва Паночини)») // Русская литература 1870–1890-х годов. Сб. 4. Свердловск, 1971. С. 52–72). К сожалению, вне поля зрения исследователя оказалась деятельность Л.А. Паночини в 1882 г., когда, помимо сатирических произведений, им были написаны произведения других жанров.

Из этого же письма следует, что статья «Много слов — мало дела (по поводу слухов о крестьянском поземельном банке)», автор которой скрыл своё имя под псевдонимом «А. Казанский», написана А.С. Комаровым.

Письмо Якубовича В.Н. Шаталову от 16 августа 1882 года позволяет раскрыть имя автора цикла очерков «Как мы воевали (Воспоминания штатского о войне)», напечатанного в ряде номеров «Русского богатства» за 1882 год (№ 1, 2, 4, 8) под псевдонимом «Южанин». Они принадлежат перу И.М. Ревы.

Следует отметить, что псевдонимы «А. Казанский» и «Южанин», которыми подписывали свои произведения А.С. Комаров и И.М. Рева, а также криптоним «И.Ш.», часто используемый И.И. Шаталовым, в «Словаре псевдонимов» И.Ф. Масанова не зарегистрированы.

На основании косвенных данных можно также предположить, что статьи в «Русском богатстве», подписанные «М. П-в», принадлежат М.Я. Писареву. Это следует из того, что, во-первых, все статьи и рецензии за этой подписью посвящены вопросам медицины, а М.Я. Писарев по образованию был врачом; во-вторых, в январском номере «Русского богатства» за 1882 год он напечатал под своей фамилией «М. Писарев» статью «Гигиена и народ», непосредственно связанную с медицинской тематикой; и, наконец, потому что, судя по переписке с Якубовичем и В.П. Сукачёвым, М.Я. Писарев был очень близок к редакции журнала и принимал самое деятельное участие в его судьбе: не только хлопотал о финансовой помощи «Русскому богатству», но и активно сотрудничал в нём.

Подводя итоги, можно сказать, что приведённые выше и ранее не публиковавшиеся материалы позволяют сделать несколько важных выводов.

Во-первых, журнал «Русское богатство» в качестве артельного издания прекратил своё существование не в марте 1881 года, как утверждал Б.П. Козьмин, и не весной 1882 года, как об этом писала Л.А. Шорникова, а в сентябре 1882 года.

Во-вторых, после фактического распада весной 1882 года артели, возрождённой год назад Н.Ф. Бажиным, попытку продолжить издание «Русского богатства» на артельных началах предпринял П.Ф. Якубович. До последнего времени о его действительной роли в издательских делах журнала известно было очень немного. Обычно лишь мельком упоминалось, что в течение 1882 года он активно сотрудничал в «Русском богатстве». Между тем, начиная уже с весны 1882 года, Якубович практически становится главным редактором журнала. Мало того, он разработал собственную программу и план коренной реорганизации «Русского богатства»,

которые, по его мнению, должны были изменить лицо журнала и привлечь к нему внимание читателей.

И, наконец, удалось выяснить судьбу последнего (сентябрьского) номера артельного «Русского богатства», раскрыть авторство многих материалов, вошедших в него, а также целый ряд ранее неизвестных псевдонимов и криптонимов, которыми подписывали свои произведения сотрудники журнала.

Н.В. ШЕЛГУНОВ И «ШЕЛГУНОВСКАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ»¹

Ясное и солнечное апрельское утро 1891 года. У одного из домов на Воскресенском проспекте Петербурга стали собираться люди. Скоро они заполнили всю улицу. Здесь были старики и юноши, студенты и курсистки, литераторы и художники, учёные и рабочие... Куда ни бросишь взгляд, всюду молчаливые и скорбные лица.

Из ворот, ведущих во внутренний двор, стали выносить венки. Один, два, три... десять... двадцать... Казалось, нет им числа... Венки от студентов Петербургского университета, от студентов-медиков, от Высших женских курсов, от сотрудников журналов «Дело» и «Северный вестник», от редакции «Русской мысли», от писателей, художников и ещё от многих лиц и организаций.

Послышалось стройное пение. Над толпой медленно поплыл белый гроб, а за ним снова венки, венки... Потом вдруг всё смешалось... Молодёжь хотела нести гроб на руках до самого кладбища, полиция требовала поставить его на катафалк. Поднялся шум, гроб качнулся, накренился, кто-то истерически вскрикнул. Раздалась команда: «Руби по рукам!»

Присутствовавшие на похоронах писатели П.В. Засодимский, Н.К. Михайловский и К.М. Станюкович, опасаясь нежелательных последствий, стали горячо убеждать студентов поставить гроб. Это удалось не сразу. Наконец, всё уладилось, и процессия тронулась. Несмотря на запрет полиции, перед катафалком несли десятки венков, среди которых всеобщее внимание привлекал один — из тёмно-зелёных дубовых листьев с горящей на ленте надписью:

¹ Впервые опубли.: Север. 1966. № 3. С. 101–105.

«Н.В. Шелгунову —
указателю пути к свободе и братству,
от петербургских рабочих».

Несли этот венок бедно одетые люди, в сильно поношенных пальто и простых сапогах — делегация столичного пролетариата. Рабочие во главе процессии! Всё это скорее походило на демонстрацию, нежели на похороны.

Толпа между тем прорвала цепь конных жандармов, пытавшихся направить процессию по малолюдным улицам, и вышла на Литейный, а потом на Невский проспект. Медленно двигалось траурное шествие через весь город к Волкову кладбищу.

...День был ясный и тёплый. Тишина стояла удивительная. Тысячная толпа на кладбище словно застыла в молчаливом горе. Здесь никто не готовил специальных речей. Люди говорили экспромтом, говорили то, что чувствовали: о большой утрате, понесённой русской литературой, о жизни, отданной борьбе, о подвижничестве и мужестве выдающегося публициста-демократа Николая Васильевича Шелгунова. Первым выступил писатель-вологжанин П.В. Засодимский. Его голос отчётливо звучал в настороженной тишине:

— Нет, Шелгунов не умер. Шелгунов жив, живы те идеи, которыми он служил всю жизнь и за которые пострадал.

Потом говорили студенты, писатели... Только к вечеру толпа покинула кладбище.

Похороны Шелгунова, вылившиеся в небывалую до того времени демонстрацию, не на шутку обеспокоили правительство. Уже на следующий день после похорон директор департамента полиции П.Н. Дурново в специально составленном докладе на имя императора Александра III доносил:

«15 сего апреля в С.-Петербурге состоялись похороны известного писателя либеральной партии, отставного полковника Николая Шелгунова, во время коих толпа учащейся молодёжи произвела демонстрацию, окончившуюся, однако, благодаря тактичным действиям полицейских чинов, без всяких с ними столкновений.

Ко времени выноса тела из квартиры, находящейся на Воскресенском проспекте, собралось до 700 человек воспитанников разных учебных заведений, мужчин и женщин, преимущественно же студентов Технологического института. По выносе гроба на улицу толпа сделала попытку принять его и нести на руках, но была остановлена полицией — и гроб был поставлен на колесницу, а на него возложены венки. Но едва тронулась процессия, как молодёжь сняла на ходу венки с колесницы и, выстроившись впереди шествия, сопровождала гроб пением «Святой Боже». Несмотря на то что путь для следования по-

хоронной процессии был назначен по Знаменской улице и Лиговскому каналу, шедшие впереди воспитанники с венками, а затем и всё шествие, свернули самовольно по Кировой на Литейный, оттуда на Невский и Николаевскую и затем уже по Разъезжей улице, на Лиговский канал, где гроб был снят с колесницы и донесён до кладбища на руках. Шествие двигалось всё время чрезвычайно медленно и, по-видимому, умышленно задерживалось на всём пути шедшею впереди молодёжью.

После отпевания, когда гроб был опущен в могилу, произнесено несколько речей, посвящённых восхвалению общественной деятельности покойника, причём речь писателя Засодимского отличалась особенною тенденциозностью и резкими выражениями. На могилу возложено 38 венков с надписями явно демонстративного характера. По окончании похорон толпа молодёжи направилась к могилам писателей Салтыкова, Костомарова, Добролюбова и др., где пела “вечную память”, и затем спокойно разошлась. Коноводы и инспираторы означенной демонстрации известны и будут привлечены к ответственности.

Следует заметить, что в похоронной процессии принимали участие многие лица, давно уже известные полиции по своей политической неблагонадёжности.

Покойный Шелгунов в 1862 г. судился военным судом по обвинению в составлении революционной прокламации, но был оправдан, а затем за политическую неблагонадёжность выслан под надзор полиции, от коего освобождён лишь в 1877 г.

В 1883 г. Шелгунов подвергся вторичной высылке из С.-Петербурга за участие в студенческом вечере, имевшем противоправительственные цели, а в 1884 г. был привлечён к дознанию по обвинению в государственном преступлении, причём расследованием было установлено, что Шелгунов, будучи арендатором журнала “Дело”, находился в сношениях с нашими политическими эмигрантами и в том числе с возвращённым ныне Львом Тихомировым, приезжавшим тогда в Россию нелегально, о чём было известно Шелгунову. По Высочайшему повелению в апреле 1885 г. Шелгунов был подчинён на пять лет гласному надзору, от коего освобождён, по миновании срока, год тому назад.

Об изложенном верноподданнейшим долгом поставляю себе доложить Вашему Императорскому Величеству.

Статс-секретарь Дурново.

16 апреля 1891 г.»¹.

На этом докладе Дурново Александр III написал:

«Напрасно полиция допустила эту демонстрацию, это только причащает народ к недозволенным публичным выражениям сочувствия разным проходимцам и пошлым либералам. — Не надо было допускать выноса тела при таких обстоятельствах. — В этом случае вовсе не одобряю действий полиции».

¹ РГАЛИ. Архив Н.В. Шелгунова. Ф. 559. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 1—4.

Подобная реакция Александра III на события «шелгуновской демонстрации» развязала руки полиции. Начались массовые аресты, десятки студентов различных учебных заведений были высланы из столицы. Репрессии коснулись также рабочих и литераторов, друзей Шелгунова. Засодимскому и Михайловскому было предложено немедленно покинуть Петербург.

Волна правительственной реакции вызвала бурю негодования в среде прогрессивно настроенной части русского общества. Студенты С.-Петербургского университета напечатали и распространили прокламацию, которую они озаглавили: «15 апреля 1891 года. По поводу демонстрации на похоронах писателя Шелгунова». В прокламации говорилось, что «в лице Шелгунова русское общество потеряло одного из последних “шестидесятников”, так много сделавших в области общественного сознания». С гневом и возмущением писали студенты о полицейском произволе, царящем в России, о массовых репрессиях, которые последовали вслед за «шелгуновской демонстрацией». «Да что же это за дикая расправа? — говорилось в прокламации. — ...Кто дал правительству право губить Россию, заглушая в ней всё честное, идейное, живое и тем давать ещё больший простор общественному индифферентизму и произволу?.. Из года в год систематически правительство само создаёт кадры недовольных, само расшатывает своё основание. Расходившееся своеволие не знает предела, прикрывая произвол “общим благом”».

В прокламации отмечалось, что в похоронах Шелгунова приняло участие значительное число рабочих, что придало событию характер политической демонстрации. В.И. Ленин в статье «Первые уроки», говоря об истории рабочего движения в России 90-х годов, писал: «Припомним главные вехи пройденного пути. <...> 1891-й год — участие петербургских рабочих в демонстрации на похоронах Шелгунова, политические речи на петербургской маёвке. Перед нами социал-демократическая демонстрация передовиков-рабочих при отсутствии массового движения»¹.

«Шелгуновская демонстрация» свидетельствовала о возросшей роли рабочего класса в общественном развитии страны и явилась предвестником массового рабочего движения в России. Участие пролетариата в похоронах Н.В. Шелгунова отнюдь не было случайным. Рабочие хорошо знали произведения замечательного публициста и видели в нём представителя славной плеяды революционеров 60-х годов, друга и соратника Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова. Незадолго до смерти Шелгунова делегация петербургских рабочих посетила больного писателя и вручила

¹ Ленин В.И. Соч. 4-е изд. Т. 8. С. 118.

ему адрес, где говорилось о его заслугах в деле воспитания сознательности рабочего класса России:

«Дорогой учитель Николай Васильевич! Читая Ваши сочинения, научаешься любить и ценить людей, подобных Вам. Вы первый признали жалкое положение рабочего класса в России. Вы всегда старались и стараетесь до сих пор объяснить нам причины, которые отодвигают нас назад и держат нас в том угнетённом состоянии, в котором мы закованы, словно в железные цепи, нашими правителями и капиталистами.

Вы познакомили нас с положением братьев рабочих в других странах, где их тоже эксплуатируют и давят. Мы... узнали, как наши товарищи рабочие в Западной Европе добились прав, борясь за них и соединяясь вместе. Мы поняли, что нам, русским рабочим, подобно рабочим Западной Европы, нечего рассчитывать на какую-нибудь внешнюю помощь, помимо самих себя, чтобы улучшить своё положение и достигнуть свободы... Вы выполнили Вашу задачу, — Вы показали нам, как вести борьбу».

И действительно, вся жизнь Николая Васильевича Шелгунова — яркий пример неустанной борьбы, стойкости, мужества и преданности великим идеям революционной демократии.

Родился он в 1824 году в небогатой дворянской семье. Учился в Александровском кадетском корпусе, потом в Лесном институте, после окончания которого служил сначала в Лесном департаменте, а позже в Самарском управлении казёнными землями.

По роду своей деятельности Шелгунову приходилось много ездить, и тут он впервые увидел, что такое крепостная деревня.

Вскоре он был отозван в Петербург, где успешно сочетает службу в Лесном департаменте с большой научной работой. Его исследования о лесе и лесном хозяйстве печатались во многих журналах того времени. Научные занятия не мешали молодому учёному внимательно следить за общественной жизнью того времени. Он близко сходитя с представителями прогрессивно настроенной интеллигенции, знакомится с поэтом-революционером М.И. Михайловым, а затем с Н.Г. Чернышевским. Именно под влиянием идей великого революционера-демократа и его соратников сложились общественно-политические и философские взгляды Шелгунова. Он становится убеждённым материалистом, противником существующего общественного строя, сторонником революционных методов борьбы, борцом за интересы широких народных масс.

В годы революционной ситуации (1859–1861) Шелгунов завязывает отношения с редакциями прогрессивных журналов «Современник», «Век», «Русское слово». Одна за другой на их страницах появляются его статьи, посвящённые различным обще-

ственно-политическим вопросам, пропаганде естественно-научных и исторических знаний.

В 1861 году Шелгунов пишет свою работу «Положение рабочего пролетариата в Англии и во Франции», в основу которой была положена известная книга Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». Работа эта сыграла громадную роль в общественной жизни России. В ней автор впервые привлёк внимание читающей публики к рабочему вопросу, выразил глубокое сочувствие пролетариату и страстную ненависть к буржуазии.

После отмены крепостного права, когда стало ясно, что крестьянская реформа ни в коей мере не разрешила основные проблемы времени, революционные демократы во главе с Чернышевским приступили к подготовке революции. Было решено обратиться с воззванием к народу и революционной интеллигенции. Чернышевский написал прокламацию «К барским крестьянам», а Шелгунов — «К солдатам» и «К молодому поколению».

Воззвание «К молодому поколению» было отпечатано в Лондоне и с помощью жены Шелгунова Л.П. Шелгуновой, его друзей М.И. Михайлова и А.А. Серно-Соловьевича распространено в столице и в провинции. Спустя некоторое время по доносу провокатора был арестован Михайлов, которого обвинили в составлении и распространении этого воззвания. Желая спасти Шелгунова и его жену от преследований, Михайлов всю вину взял на себя и вскоре предстал перед судом, приговорившим его к шести годам каторжных работ в Сибири.

Шелгунов давно уже намеревался оставить службу, теперь решил сделать это незамедлительно. В чине полковника он выходит в отставку и вместе с женой едет вслед за Михайловым, чтобы в какой-то мере облегчить положение своего друга и, если удастся, помочь ему бежать. Благополучно проделав огромный путь, Шелгуновы поселились вместе с Михайловым на Казаковском приiske. Не успели они обжиться, как пришёл приказ об их аресте. Шелгунов давно находился на подозрении у правительства, и оно только искало повода, чтобы расправиться с неблагонадёжным публицистом. По повод нашёлся — письмо Николая Васильевича, отправленное Н.А. Серно-Соловьевичу (брату Александра Серно-Соловьевича), в то время уже арестованному и содержащемуся в Алексеевском равелине. Их перевели в Иркутск, где сначала держали под домашним арестом, а потом освободили, сохранив, однако, за ними полицейский надзор. В марте 1863 года Шелгунов был вновь арестован и препровождён в Петропавловскую крепость, где отсидел почти два года. Обвинения были суровы: участие в революционной деятельности, составление и распространение прокламаций, имеющих целью поднять народ на

борьбу с самодержавием, а также написание статьи «Русское слово», примыкающей по своему духу и направлению к воззванию Чернышевского «К барским крестьянам».

На следствии и в суде Шелгунов держался мужественно. Он отрицал предъявленные обвинения и отказался давать показания о деятельности Чернышевского. Военный суд приговорил его к ссылке в Вологодскую губернию под строгий надзор полиции. Началась пора скитаний, продолжавшаяся почти до самой смерти писателя.

С невесёлыми думами собирался Шелгунов в путь. В письме к жене, написанном накануне отъезда, он жаловался: «Никогда, милый мой друг, не укладывался я в дорогу с такими мрачными мыслями, как вчера. Еду в Вологодскую губернию». Он отлично понимал, что значит жить в глуши, без друзей и близких. И всё-таки это было лучше, нежели сырой каземат Алексеевского рavelина.

Суровым морозом встретила Шелгунова Тотьма — маленький уездный городишко. Вначале всё было интересно — жители, их быт, нравы. Не теряя времени, писатель принялся за работу. За короткий срок он собрал громадный материал о жизни Тотьмы: бытовой, статистический, экономический. Вскоре в Петербург была отправлена большая работа под названием «Тотьма». Безрадостная картина жизни уездного города вставала перед читателем. Наблюдая, как живут тотьмичи, Шелгунов не без горечи пишет: «Едят они плохо, одеты тоже».

Положение поднадзорного тяготило и раздражало Шелгунова. За каждым шагом его следили, все письма просматривались уездным исправником. По этому поводу он писал жене: «Относительно писем мне было в рavelине легче, он, во-первых, на то и рavelин; а во-вторых, комендант читал письма один, не посвящая в них членов своего семейства». К тому же суровый климат Тотьмы вконец расстроил и без того подорванное тюрьмой здоровье писателя. Он был вынужден обратиться к вологодскому губернатору с просьбой перевести его в Великий Устюг.

Новое место показалось сначала значительно лучше прежнего. «Устюг мне нравится гораздо более Тотьмы...» — писал он жене. Здесь была довольно большая библиотека, да и жизнь более походила на городскую. Шелгунов много и напряжённо работает. Его популярность как публициста становится всё более широкой, его статьи печатаются чуть ли не в каждом номере журнала «Русское слово», что вызывало среди городских обывателей различные толки. Вокруг имени писателя начали ходить слухи один нелепее другого. А когда в печати появилась одна из лучших его статей — «Женское безделье», где он показал, как провинциальный быт

засасывает женщин, нашлись люди, которые узнали себя среди тех, о ком говорилось в статье. Возмущению их не было предела. «Быть литератором в провинции небезопасно, — с горечью говорит Шелгунов в одном из писем, — и теперь мне остаётся только ожидать, что кто-нибудь, обидевшись какой-нибудь моей статьёй, написанной без всякой мысли о нём, наймёт каких-нибудь незнакомцев с дубьём, поставит их у моих ворот и... в одно прекрасное утро полиция г. Устюга найдёт на тротуаре мой бездыханный труп».

Всё это кончилось тем, что однажды Шелгунов, человек необычайно выдержанный и вежливый, публично надавал пощёчин судебному следователю Сутоцкому после того, как тот назвал его «ссылной собакой». Вслед за этим последовало распоряжение о переводе писателя в Никольск. Оттуда через год ему разрешили переехать в Кадников, а ещё через полгода, учитывая плохое состояние здоровья и необходимость консультаций опытных врачей, — в Вологду.

Жизнь в губернском городе была несколько иной. Рядом была жена — Л.П. Шелгунова, кроме того, он познакомился и встречался с интересными людьми: писателем П.В. Засодимским, с отбывавшим здесь ссылку философом П.Л. Лавровым, публицистом В.В. Берви-Флеровским и др. В Вологде Шелгунов написал одну из своих замечательных статей — «Вологодские кружевницы».

Ни в крепости, ни в ссылке Шелгунов не прекращал интенсивной работы. Но большие расстояния затрудняли общение с редакциями журналов, и в особенности с цензурой. Поэтому он вновь и вновь посылает ходатайства о переводе его куда-нибудь поближе к столице. Наконец, ему разрешили переехать в Калугу, потом в Новгород, а ещё через некоторое время в Выборг. Только в 1877 году Шелгунову разрешили жить в Петербурге.

Годы ссылки не сломили писателя. По словам близко знавшего его революционера Н.С. Русанова, «он по основным вопросам оставался всегда верен идеалам своей молодости... Шелгунов был убеждённый социалист и убеждённый революционер». Переехав в Петербург, Шелгунов становится одним из руководителей и идейных вдохновителей демократического журнала «Дело».

Однако в столице Шелгунову не пришлось прожить долго. В 1884 году его снова арестовали по обвинению в связях с революционерами-эмигрантами. Он был сослан на жительство в Смоленскую губернию. Там писатель провёл последние годы своей жизни. Больной, одинокий, он тяжело переживал свою оторванность от постоянного дела, от друзей. «Живёшь точно под какой-то плитой, — жаловался он в одном из писем. — От этой вечной

связанности деревенеешь и тупеешь. Даже никаких желаний как будто не является». Но работать Шелгунов не прекращал ни на минуту. Там пишет он свои «Воспоминания» и «Очерки русской жизни», пользовавшиеся огромной популярностью среди читателей, по-прежнему живо интересуется всем, что происходит в мире, много читает, ведёт обширную переписку и сам, тяжело больной, находит силы кого-то утешать, кого-то ободрять.

Только за несколько месяцев до смерти, когда было уже ясно, что дни его сочтены, Шелгунову разрешено было вернуться в Петербург.

12 апреля 1891 года Шелгунов скончался.

*Воспоминания
о недалёком прошлом*

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ЯКУШИН –
студент третьего курса Педагогического института им. В.И. Ленина
1951 г.

СЕМЕЙНАЯ ФОТОГРАФИЯ

На переднем плане: Екатерина Ивановна Ермакова (бабушка Н.И. Якушина)
с внуком Колей на коленях, рядом — мама Мария Ивановна;
стоят — брат и сестра мамы Николай Иванович и Екатерина Ивановна Дудины
*Фотография сделана в период жизни семьи Н.И. Якушина на Поварской улице в Москве,
в Доме политкаторжан. Конец 1920-х гг.*

МАТЬ Н.И. ЯКУШИНА МАРИЯ ИВАНОВНА

Конец 1920-х гг.

КОЛЯ ЯКУШИН —

техник-технолог 3-й категории завода № 122 авиационной промышленности СССР
1943 г.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ЯКУШИН
во время чтения лекций в Педагогическом институте
1970-е гг.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ЯКУШИН С ЖЕНОЙ СВЕТЛАНОЙ ИГОРЕВНОЙ
в Берлине, на фоне Бранденбургских ворот
1980-е гг.

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ ЕФРЕМОВ,
художественный руководитель МХАТ им. А.П. Чехова,
«самый старый друг» Николая Ивановича
Конец 1980-х гг.

НА ДНЕ РОЖДЕНИЯ О.Н. ЕФРЕМОВА

Слева направо — Р.М. Горбачёва, М.С. Горбачёв, О.Н. Ефремов,
дочь О.Н. Ефремова Настя, Н.И. Якушин

1 октября 1992 г.

Н.И. ЯКУШИН И М.С. ГОРБАЧЁВ

На дне рождения О.Н. Ефремова

1 октября 1999 г.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ И ЕГО ЛЮБИМЫЙ КОТ АГДАМ
Начало 2000-х гг.

«ПЕЧАЛЕН Я: СО МНОЮ ДРУГА НЕТ...»

АРБАТ ОЛЕГА ЕФРЕМОВА¹

Прошло двадцать лет с того времени, как ушёл из жизни Олег Николаевич Ефремов. Ещё совсем недавно имя его было у всех на слуху. Да и сейчас, каждый год — 1 октября и 24 мая — в день рождения и в день кончины, у могилы собираются друзья Олега и те, кто его любил и продолжает помнить о нём. Но, к сожалению, с каждым годом круг этих людей сужается. «Иных уж нет, а те далече...», да и многие из ныне живущих всё реже приходят поклониться праху своего кумира и вспоминают его не так уж и часто. Наверное, это естественно. И очень жаль, что до сих пор не написано ни одного обстоятельного исследования о жизни и творчестве Олега, о его роли и значении в истории отечественного театра и в духовной жизни нашего общества в 1950–1990-х годах. Но, надеюсь, что такого рода исследования всё-таки появятся. И, конечно же, перед каждым, кто будет писать об Олеге Ефремове, рано или поздно встанет вопрос: а с чего, собственно говоря, всё начиналось, где истоки форми-

¹ Свои воспоминания об Олеге Ефремове я не готовил к публикации. Они предназначались для тех, кто (надеюсь, в недалёком будущем) будет работать над обстоятельной книгой о нём. Тем не менее в связи с празднованием 80-летия со дня рождения Олега часть воспоминаний под названием «Арбат Олега Ефремова» была опубликована в книге «Олег Ефремов. Пространство для одинокого человека» (М., 2007. С. 770–813). В основу воспоминаний положены переработанные магнитофонные записи, сделанные мною в разное время. В расшифровке записей принимала участие И.Л. Корчевникова. За что приношу ей огромную благодарность. Поскольку часть расшифрованных записей в силу ряда причин в основной текст воспоминаний не вошла (а они кому-нибудь могут показаться интересными), то они прилагаются в качестве отдельного текста в настоящем издании.

рования этой, вне всякого сомнения, выдающейся личности, реформатора отечественного театра? Ведь ничего не возникает вдруг, на пустом месте. И как тут не вспомнить, что «все мы родом из детства».

Жизнь в арбатских переулках существенным образом отличалась от шумного Арбата (имеется в виду старый Арбат) с его многочисленными магазинами и магазинчиками, кафе и ресторанами, с вечно снующей толпой и сигнализирующими машинами. К тому же по Арбату ходили сначала трамваи, которые потом сменили троллейбусы. Но стоило только свернуть с него в один из близлежащих переулков, как будто попадал в другой мир, мир покоя и тишины, изредка нарушаемый грохотом телег по булыжным мостовым да заунывными криками татар-старьёвщиков, ходивших по дворам, распевая: «Старьё берём!», и точильщиков, предлагавших: «Точить ножи, ножницы, бритвы править!» Что же касается машин, то они здесь появлялись очень редко. Да и прохожих было мало. Лишь по утрам и в середине дня переулки заполняли толпы галдящих ребятишек самых разных возрастов, топившихся в школу или возвращавшихся из неё.

Вот здесь-то, среди тишины и покоя, и прошли наши с Олегом самые светлые годы жизни. Память о них Олег хранил до последних лет и, по словам его помощницы Т.А. Горячевой, когда выпадала свободная минута, не один раз приезжал сюда побродить около своего родного дома.

Судьба распорядилась таким образом, что мы с Олегом появились на свет с промежутком в полтора месяца в родильном доме им. Грауэрмана, находившемся рядом с рестораном «Прага»: он — 1 октября 1927 года, а я — спустя полтора месяца. Об этом Олег, кстати, постоянно напоминал мне, что он старше меня и поэтому я должен его слушаться и подчиняться. А потом младенца Олега отнесли домой — на угол Гагаринского и Староконюшенного переулков, где жили его родители, а меня — тоже в угловой дом, только на пересечении Поварской улицы и Трубниковского переулка. В общем-то, не так уж и далеко друг от друга, всего лишь по разную сторону Арбата. Чуть позже моя семья переселилась в Нащокинский переулок, и мы оказались почти рядом — наши дома разделяли всего лишь два квартала.

Впервые мы встретились с Олегом осенью 1935 года, когда оба были зачислены в 1 класс «Е» школы № 9, расположенной в Староконюшенном переулке. В нашей школе были ещё и 1 «Ж», и 1 «З», то есть 8 первых классов. И неудивительно, что через год часть первых (а также и других) классов перевели в только что построенную в Гагаринском переулке (почти рядом с домом Олега) школу № 70, в которой мы проучились до самой войны.

Класс наш был большой, около 40 человек, и довольно разношёрстный по своему составу. Были в нём и хорошо учившиеся дети, и малозаметные мальчики и девочки, державшиеся обособленно и ни в чём себя не проявлявшие, ни в учёбе, ни в поведении, а также небольшая группа вечных двоечников и довольно хулиганистых мальчишек.

На Олега я обратил внимание с первых дней, как только переступил порог школы. Он резко выделялся среди других учеников своим поведением, общением с товарищами и учителями. Это был какой-то сгусток энергии. Он вечно куда-то бежал, спешил и буквально не мог усидеть на одном месте. Он единственный из учеников, кто носил бриджи, что по тем временам было не совсем обычным, и особенно непривычным было его общение с девочками. Помню, как по школьному двору он бежал, держа за руку Леночку Маурер, девочку, по которой не один год тайно вздыхали многие (и я в том числе) мальчишки нашего класса. А ведь открыто водиться с девочками считалось между ребятами чем-то предосудительным и недостойным.

Отличали Олега от других учеников какая-то повышенная активность и целеустремлённость. И ещё. Олег удивительно свободно и непринуждённо общался с учителями. Особенно это проявилось, когда нашим классным руководителем стала Елизавета Ивановна Малинина, женщина не очень далёкая и малоинтеллигентная. Особой любви к ней наш класс не испытывал. Всё держалось на окриках и порой достаточно грубых разносах нерадивых, но чаще всего чем-то не угодивших ей учеников. Большинство из нас (и я в том числе) с классным руководителем старались не конфликтовать и относились к её поведению сдержанно. Иное дело — Олег. Вот он-то, наверное, единственный из учеников, кто не желал безропотно выслушивать её часто ничем не обоснованные поучения и нотации и мог довольно дерзко ответить ей и отказаться выполнять казавшиеся ему несправедливыми требования и указания. Всё это привело к тому, что она невзлюбила Олега и при каждом удобном случае досаждала ему мелкими придирками и замечаниями.

Очень хорошо помню, как ещё в первом классе на одном из уроков Олег прочитал стихотворение «Письмо Ворошилову», начинавшееся словами:

Климу Ворошилову
Письмо я написал...
Товарищ Ворошилов,
Поверь, ты будешь рад,
Когда к тебе на службу
Придёт мой старший брат!..

Читал он очень выразительно и с пафосом. И позднее, пожалуй, никто в классе так, как он, стихов не читал.

Не могу не упомянуть и о том, как в пятом или шестом классе, когда мы изучали творчество Лермонтова, Олег по своей инициативе выбрал и прочитал на уроке стихотворение «Умиравший гладиатор». Прошло почти семьдесят лет, но до сих пор помню то потрясение, которое я (да, наверное, и весь наш класс) тогда пережил. Уже первые строки стихотворения, произнесённые Олегом:

Ликует буйный Рим... торжественно гремит
Рукоплесканьями широкая арена:
А он — пронзённый в грудь — безмолвно он лежит,
Во прахе и крови скользят его колена... —

настолько поразили меня, что я как будто воочию представил себе картину страданий сражённого мечом гладиатора, а вокруг ликующую толпу «бесчувственных римлян». Наверное, уже тогда у Олега проявилось умение заворожить и подчинить себе всех, кто его слушал, хотя никто, да и он сам, тогда не мог и предположить, во что всё это, в конце концов, выльется.

Первый год обучения в школе мы с Олегом практически не общались. У него был свой круг товарищей, с которыми он встречался и проводил время. Что же касается меня, то я, как мне теперь кажется, был сам по себе и больше тяготел к мальчишкам, мягко выражаясь, не отличавшимся примерным поведением, хотя и не сходил с ними близко. Правда, это общение существенным образом сказалось на моих школьных успехах: дневник мой пестрел преимущественно отметками «посредственно» и «плохо». Об этом достаточно долгое время не знала моя мама. Но, в конце концов, всё это обнаружилось, и дома мне была устроена основательная взбучка, после чего дела мои пошли на лад, и первый класс я окончил с отметками «хорошо» по всем предметам. Так что ничем особенным в классе я не выделялся и был как многие.

И мне до сих пор не совсем ясно, почему осенью 1936 года, когда мы только что перебрались в новую школу и стали вторым классом «А», ко мне подошёл Олег и спросил, хочу ли я с ним дружить. Что толкнуло его на этот шаг, я не знаю и никогда его об этом не спрашивал. И начиная с этого времени и до самой кончины Олега мы были друзьями и поддерживали друг с другом самые тёплые и, я бы сказал, даже особые отношения, которыми мы оба очень дорожили. И прежде всего они были дороги для меня, поскольку Олег в моей жизни сыграл огромную роль. Совсем не потому, что оказывал на меня какое-то давление, тянул за собой или наставлял. Этого не было. Но общение с ним и его семьёй, ко-

торая стала для меня вторым домом, и сознание того, что где-то, совсем рядом, живёт человек, который может выслушать тебя, понять и в трудную минуту прийти на помощь, — всегда помогало жить.

Между тем мы с Олегом ведь были очень непохожими по характеру людьми. Он как-то сказал мне: «Какие же мы с тобой разные!» На что я ответил, что, может быть, это и хорошо, иначе не дружили бы так долго. Наверное, мы в чём-то дополняли друг друга и восполняли то, чего не хватало каждому из нас. К тому же между нами никогда не было никакого соперничества и чувства зависти. Существовало лишь своеобразное соревнование, стремление быть если не равным, то, во всяком случае, в чём-то соответствовать друг другу. К этому следует лишь добавить, что Олег всегда и во всём был лидером, и я безоговорочно признавал и принимал его лидерство.

Спустя несколько дней после того, как Олег предложил мне свою дружбу, он сказал, что его родители хотели бы со мной познакомиться, и я в назначенный день отправился к нему домой.

Семья Ефремовых жила на третьем этаже большого доходного дома в коммунальной квартире, где кроме них проживали, насколько мне помнится, ещё три семьи. В отличие от других коммуналочек, где мне довелось жить и бывать, квартира Олега была на удивление тихой. Даже с кухни, расположенной в глубине, не было слышно ни шума, ни громких разговоров. В относительно большой прихожей не было никаких вещей. Лишь на стене висел общий для всех жильцов телефон. Не было и привычных для коммунальных квартир стоявших в коридоре сундуков и развешанных по стенам корыт, велосипедов и прочих вещей, не помещавшихся в комнатах. Первое, что бросилось в глаза, когда я переступил порог комнаты Олега, так это удивительная чистота и безукоризненный порядок во всём. Блистел ярко начищенный паркет, нигде не было ни пылинки, ни одной небрежно оставленной вещи. Комната показалась мне огромной и очень светлой благодаря большому окну с дверью, ведущей на маленький балкон. В правой стороне была сделана выгородка из обычно раздвинутых тяжёлых портьер, за которыми располагались две кровати родителей. Слева стоял большой резной буфет. С ним у Олега было связано много воспоминаний, и он очень им дорожил. Буфет путешествовал с ним из одной квартиры в другую: сначала на Ленинградский проспект, потом на Суворовский бульвар, пока, наконец, не обосновался на Тверской улице, где прошли последние годы моего друга. Где теперь этот буфет — не знаю. Надеюсь, что сын Олега Михаил сохранил эту семейную реликвию.

За ним находилась широкая тахта, на которой спал Олег, и огромный, как мне тогда показалось, письменный стол. Напротив возвышался массивный трёхстворчатый платяной шкаф, над которым висела репродукция картины с полуобнажённой женщиной. Когда порой мать Олега Анна Дмитриевна упрекала сына за его амурные похождения, то он в шутку отвечал, что во всём виновата эта картина, рано пробудившая в нём эротические чувства.

В центре комнаты располагался большой обеденный стол, покрытый красивой узорчатой скатертью. Открыто выставленных книг тогда в доме Олега не было. Они хранились в том же платяном шкафу. Всех книг я не видел, но точно знаю, что там были: юбилейное собрание Пушкина в шести томах, выпущенное издательством «Academia», собрание сочинений М. Горького, романы А. Дюма «Три мушкетёра» и «Двадцать лет спустя», которые Олег мне давал читать.

Что же касается читательских пристрастий моего друга, то могу сказать, что читал он то, чем увлекались все школьники того времени: произведения М. Рида, Ф. Купера, А. Дюма, Р. Стивенсона, романы о приключениях Тарзана, а также такие книги советских писателей, как «Школа» и «Тимур и его команда» А. Гайдара, «Дикая собака Динго, или Повесть о первой любви» Р. Фраермана, «Педагогическая поэма» А. Макаренко, «Человек-амфибия» и «Голова профессора Доуэля» А. Беляева и др. Читали мы и книги о героях Гражданской войны: Котовском, Пархоменко, О. Дундиче и др.

До начала нашей с Олегом дружбы я, к стыду моему, читать не очень любил. Книг у меня в доме не было, да и некому их было читать. Родители мои не были большими охотниками до чтения. Но однажды Олег принёс мне роман Р. Стивенсона «Остров сокровищ», а потом «Робинзона Крузо» Д. Дефо. С того времени книга прочно вошла в мою жизнь. И этому я во многом обязан Олегу.

Насколько я помню, сначала я познакомился с мамой Олега Анной Дмитриевной. Это была довольно полная и очень энергичная женщина, невероятно аккуратная во всём, к тому же ещё и прекрасная кулинарка. Готовила она превосходно. До сих пор вспоминаю её вкуснейшие обеды, которыми она нас кормила. Чувствовалось, что главным лицом в доме была именно она. Анна Дмитриевна любила Олега безмерно, но старалась держать его в строгости: могла порой за непослушание и подзатыльник дать, и постегать полотенцем.

Позднее Анна Дмитриевна рассказывала мне, что родилась она в городе Череповце, тогда Новгородской губернии, а теперь Вологодской области, где её отец занимал должность городского голо-

вы. Череповец был не совсем обычным для того времени уездным городом. Расположенный на высоком берегу полноводной Шексны, он славился не только прекрасным парком, разбитым в центре города, линейной планировкой улиц, каждая из которых была обсажена деревьями одного вида (берёзами, липами, лиственницами и др.), но и тем, что это был один из образовательных центров Российской империи. В нём тогда находилось около десятка средних учебных заведений, среди которых были женская гимназия, реальное училище, школа судовых механиков, дипломы которых признавались за пределами России, и несколько других. По свидетельству краеведов, на каждого из семи жителей Череповца тогда приходился один учащийся. В городе было несколько библиотек и краеведческий музей. По словам Анны Дмитриевны, в городе и, конечно же, в гимназии, в которой она училась, кипела активная культурная жизнь: устраивались литературные и музыкальные вечера, торжественные собрания, новогодние балы и другие праздники. И надо же было такому случиться, что в 1961 году я был назначен проректором по учебной и научной работе Череповецкого педагогического института, один из факультетов которого располагался в здании бывшей женской гимназии, где мне довелось несколько лет читать лекции студентам. Так что я воочию мог себе представить ту обстановку, где когда-то училась мать Олега. Узнав, что судьба занесла меня в её родной город, она заметила: «Как бы мне хотелось побывать там, прийти к своему дому, посмотреть, кто там обитает, и спросить: “А по какому праву вы, собственно говоря, здесь обосновались?”»

Я несколько раз приглашал Анну Дмитриевну и Николая Ивановича приехать в Череповец, благо, что остановиться они могли у меня. К сожалению, в силу целого ряда обстоятельств поездка эта так и не состоялась.

Что же касается отца Олега, Николая Ивановича Ефремова, то он мало походил на свою супругу. Очень спокойный, сдержанный и немногословный, с тонким чувством юмора, Николай Иванович, в моём представлении, был идеальным типом русского интеллигента. До преклонного возраста (он умер на 93-м году жизни) он сохранил удивительную ясность и живость ума, был в курсе всех происходивших событий культурной и общественной жизни, посещал все премьеры в «Современнике» и во МХАТе и очень много читал. Особенно его интересовали сочинения русских историков Н.М. Карамзина, С.В. Соловьёва, В.О. Ключевского, Н.И. Костомарова. Кстати, Николай Иванович был единственным в их семье, кто прочитал мои первые книги, подаренные Олегу: «Достоевский в Сибири» (1960) и «По градам и весям» (1965).

Во время празднования его 90-летия, на которое собрались многие друзья Олега, был и я со своей женой Ланой, он пожаловался, что стал плохо видеть и слышать. На это Олег шутливо заметил: «Ну, то, что нужно, он видит и то, что нужно, слышит». После смерти Анны Дмитриевны Николай Иванович чувствовал себя очень одиноким. Друзей у него к тому времени почти никого не осталось. Олег большую часть своего времени проводил в театре. Внуки тоже не очень баловали его своим вниманием.

Учились мы с Олегом охотно и без особого напряжения. Не знаю, как он окончил первый класс, но начиная со второго года обучения мы успевали одинаково и старались не отставать друг от друга. Причём с каждым годом учились всё лучше и лучше, и вовсе не потому, что были зубрилами. Просто мы считали, что плохо учиться как-то неприлично. Конечно, бывало, что кто-нибудь из нас умудрялся схватить двойку, но она быстро исправлялась. В общем, дела наши обстояли следующим образом: второй класс мы окончили с отметками «хорошо» и «отлично», третий — только с тремя «хорошо», а в четвёртом, где у нас были первые экзамены, только по изложению получили оценку «хорошо». Ну, а в пятом и шестом классах мы были круглыми отличниками. Но если по окончании пятого класса нам обоим выдали почётные грамоты «За отличные успехи и примерное поведение», то в следующем году Олег грамоту не получил, хотя по всем предметам мы с ним имели только отличные отметки. Дело в том, что, по настоянию нашего классного руководителя, Олегу по поведению поставили «удовлетворительно». Нашла она таки возможность отплатить ему за его нежелание выслушивать её бесконечные, не всегда разумные поучения и нотации, за дерзкие ответы и независимость суждений.

В классе Олег был несомненным лидером. И хотя он и не отличался примерным поведением, тем не менее его то избирали председателем совета пионерского отряда, то старостой класса, то редактором стенной газеты, к которой, по его предложению, мы с ним стали выпускать сатирическое приложение «Заноза». Там помещались карикатуры на наших товарищей, высмеивались нерадивые ученики и всякого рода школьные шалости и проступки. Так, например, некоторые ребята нашего класса любили зимой лихачить: цеплялись каким-нибудь крюком за легковые машины и мчались за ними на коньках, а то скользили и просто на ногах. По этому поводу Олег написал целое стихотворение об одном нашем ученике, начинавшееся словами: «Прицепившись к задней шине, / Аверин едет на машине» и т.д.

Одно время весь наш класс забавлялся тем, что из стеклянных трубочек стреляли друг в друга комочками жёванной бумаги или

использовали для этого разную крупу. Так вот и по этому поводу Олег сочинил такие стихи: «В класс я принёс пшено. / На уроке стрелять решено» и т.д.

Поскольку мы с Олегом числились в активе класса, да и выглядели довольно прилично и, как теперь говорят, неплохо смотрелись, то нас привлекали к разным мероприятиям. Одно из них я очень хорошо помню. Во время гражданской войны в Испании в Москву привезли много испанских детей. В их честь повсюду, в том числе и в школах, устраивались всякого рода праздники, готовились инсценировки и т.п. С одной из таких инсценировок ученики нашей школы, среди которых были и мы с Олегом, выступали даже в Колонном зале Дома Союзов. Одели нас в белые рубашки с красными галстуками, а на головы водрузили «испанки», типа пилоток с кисточками, поскольку мы изображали испанских детей и от их имени произносили такие слова: «Наши отцы и братья бились в первых рядах. Они убиты. Мы приехали в Советский Союз, чтобы жить вместе с вами, нашими братьями».

Помимо этого мы с Олегом участвовали в классной самостоятельности. Исполняли роли в инсценировках басен Крылова и в каких-то пьесках о детских годах Ленина и Будённого. А в созданном шумовом оркестре Олег играл на ксилофоне, а я — на какой-то свистульке.

Наше детство пришлось на трудное время. В разгаре были политические процессы 1937–1938 годов, о которых мы узнавали из разговоров взрослых и из газет, расклеенных на городских улицах. Моя тётя, работавшая лифтёром в Доме на набережной, чуть ли не каждый день рассказывала об арестах видных военачальников и государственных деятелей, чему она была непосредственным свидетелем. По Москве ходили слухи о раскрытых заговорах, подпольных организациях и т.п. Всё выглядело на первый взгляд довольно убедительно. Да, были «враги народа», готовившие заговор против Советской власти и лично против Сталина и признававшие свою вину. Но даже нас, подростков, настораживали всякого рода нелепости, которые вменялись им в вину. Их, например, обвиняли в том, что они подмешивали стекло в сливочное мало и др. Мы знали, что у нескольких учеников нашего класса были арестованы родители. Но об этом не принято было говорить, и никто и никогда даже таких слов, как «дети врагов народа», не произносил. Им просто молча сочувствовали. И я не помню, чтобы у нас в школе проводились по этому поводу какие-либо собрания и митинги, которые устраивались на промышленных предприятиях и в разных учреждениях столицы, где обличались «продажные наймиты международного империализма».

При всём том, как мне запомнилось, в Москве в это время царил какое-то приподнятое и даже радостное настроение. Проводились разные праздники, на бульварах открывались кафе, для детей устраивались аттракционы, катали их на осликах и верблюдах. По всей вероятности, тем самым власти стремились отвлечь население от ужасов происходящего и убедить в неизбежности существующих порядков. Недаром на очередном съезде партии Сталин провозгласил: «Жить стало лучше, жить стало веселее!»

Что же касается нас с Олегом, то мы жили своей жизнью и события, происходившие в стране, воспринимали как нечто, не имевшее к нам непосредственного отношения, хотя порой они и давали себя почувствовать.

Так, например, в это время в стране стало ощущаться тревожное нарастание военной угрозы со стороны фашистской Германии. Повсюду, в том числе и в школах, стали возникать оборонные кружки. Как и другие ученики, мы с Олегом сдавали в них нормы и получили значки на цепочках «Готов к труду и обороне», «Готов к химической защите» и др., носить которые было модно и престижно. А когда началась война с Финляндией, в Москве для школьников была проведена общегородская военная игра. Готовились к ней очень серьёзно. Мы пришивали к одежде красные петлицы, ходили по улицам и даже отдавали честь военным. Нам казалось, что и мы тоже воины. Потом мы отправились на Воробьёвы горы, где нам выдали деревянные ружья, поделили на красных и синих, между которыми и произошёл бой. Кто уж там победил и на какой стороне мы с Олегом сражались, не могу вспомнить.

Олега в классе любили, и среди товарищей он пользовался заслуженным авторитетом. Не обходилось, конечно, и без конфликтов, которые возникали у него с другими учениками, иногда заканчивавшиеся дракой: Олег умел постоять за себя и обид не прощал. Но товарищей своих он любил, неизменно по-доброму вспоминал многих из них и бывал очень рад, когда ему иногда доводилось встретиться с кем-нибудь из одноклассников.

Как-то раз к нему домой неожиданно пришёл наш школьный товарищ Дима Романов. Олег сначала его не узнал, поскольку тот из щуплого паренька, которого он знал когда-то, превратился в огромного верзилу. Но всё скоро разъяснилось, и Олег был очень рад этой встрече: пригласил его к себе, а поскольку дома ничего спиртного не оказалось, повёл его к Жене Евстигнееву, который жил тогда в том же доме на Суворовском бульваре. Там кое-что нашлось. Они посидели, вспомнили школьные годы и своих одноклассников.

А однажды, в середине 1980-х годов, Инна Мацевская и Инна Злотова, с которой, кстати, Олег сидел за одной партой, решили собрать наших бывших одноклассников, с кем когда-то поддерживали дружеские отношения. К сожалению, их оказалось очень немного. Пригласили и нас с Олегом. Когда я сообщил ему об этом и спросил, сможет ли он прийти, то в ответ услышал: «С удовольствием!» В назначенный день мы на его машине отправились на эту встречу. Олег всех узнал, хотя ни с кем, кроме Инны Мацевской, не виделся много лет. Я так, например, не сразу узнал Энню Сендереву. Была там одна (хотел сказать девочка) женщина, о которой он спросил меня: «А это кто? У нас в классе её не было». И действительно, она с нами не училась и появилась в компании наших одноклассниц уже после войны.

Встреча прошла на редкость тепло и непринуждённо. Вспомнили одноклассников, смешные и грустные истории школьной жизни. Поваяло ароматом давно прошедшего детства, когда всё было впереди и будущее казалось счастливым и безмятежным. О том, кто как живёт и чем занимается, почти не говорили. Нам было приятнее окунуться в прошлое, в котором всё было овеяно романтикой, а наши детские увлечения и развлечения представлялись теперь смешными, милыми и очень трогательными. Так, например, вспомнили такой случай.

В нашем классе учился Валя Лебедев, который на уроках физкультуры на зависть всем нам делал на брусьях и перекладине какие-то невероятные упражнения. Желая приобщить к спорту своих одноклассников, он показал, как без особого труда на партах можно делать стойку на плечах. Всё это так увлекло, что вскоре чуть ли не все ученики нашего класса, в том числе и мы с Олегом, во время перемены пытались освоить это упражнение. Особенно смешно выглядели наши девочки, которые, не желая отставать от мальчишек, подоткнув за резинки трусов подолы своих платьев, тоже стояли вверх ногами. Увлечение было настолько сильным, что, даже приходя в гости к кому-нибудь из наших товарищей, мы и там не оставляли этого занятия.

Вместе со всеми Олег шутил, тоже вспоминал забавные случаи, учителей, расспрашивал о судьбе наших школьных товарищей. Но было почему-то немного грустно. Наверное, от осознания того, что благословенное время детства навсегда ушло и больше не повторится. Вообще о нашем детстве Олег всегда вспоминал с каким-то трепетным, но тщательно скрываемым волнением.

Спортом мы с Олегом особенно не увлекались и даже на уроки физкультуры ходили без особого энтузиазма, поскольку все наши успехи на спортивных снарядах, в сравнении с мастерством Вали Лебедева, выглядели довольно жалко. И это нас очень задевало.

Ведь мы всегда стремились во всём быть первыми. Иногда уроки по физкультуре проводились на стадионе около Новодевичьего монастыря, где мы играли в футбол. Гонять мяч нам нравилось, но не настолько, чтобы уделять этому занятию много времени.

После того как мы окончили четвёртый класс и получили, как тогда говорилось, начальное образование, Олег решил, что мы должны посещать Городской дом пионеров, находившийся в переулке Стопани¹, недалеко от метро «Кировская» (теперь «Чистые пруды»). Попасть туда было не просто. Требовалась даже специальная рекомендация от школы. Такую рекомендацию мы с Олегом получили и записались в исторический кружок, которым руководил известный московский краевед Александр Феокистович Родин. От него мы многое узнали о прошлом нашей столицы: о её основателе Юрии Долгоруком, о том, как строилась Москва, кто возводил Кремль и московские храмы, как раньше выглядели её улицы и т.п. Он помог нам почувствовать и полюбить неповторимую прелесть и очарование нашего родного города и старался приобщить нас к изучению его истории. Каждому из членов кружка было поручено подготовить какое-нибудь сообщение, связанное с прошлым Москвы. Мы взялись написать доклад об Иване-первопечатнике, хотя и не очень хорошо представляли себе, как это делается. Время шло, был даже назначен день нашего выступления, но мы никак не могли приступить к работе, пока, наконец, Олег не взял инициативу в свои руки. Он где-то достал брошюру об Иване-первопечатнике и ещё какие-то книги, сел и своим крупным чётким почерком довольно быстро написал вполне сносный и одобренный нашим руководителем доклад. За него нас даже поощрили поездкой в туристический лагерь. Правда, Олег поехать туда не смог, но я там побывал.

А на следующий год Олег решил, что нам необходимо заняться фотографией. Дело в том, что незадолго перед этим родители подарили ему фотоаппарат «Фотокор», и поэтому возникла необходимость освоить хотя бы некоторые навыки работы с ним. С этой целью мы записались в фотостудию того же Дома пионеров, где нас научили, как нужно снимать, проявлять, печатать и другим премудростям фотографирования. Кстати, первым снимком, самостоятельно сделанным Олегом дома, оказалась моя фотография, которая хорошо сохранилась. Её даже напечатали в газете «Московский комсомолец» в связи с 75-летием Олега.

Дом пионеров в переулке Стопани мы посещали с удовольствием. Нам нравилась особая атмосфера, царившая в нём, уютный зимний сад, деревянная лестница, ведущая на второй этаж, где

¹ Ныне переулок Огородная Слобода.

располагались кабинеты для занятий, окна с витражами и библиотека, в которую мы оба были записаны. Поскольку читали мы много, то брали книги ещё и в детской библиотеке им. Н.К. Крупской, находившейся недалеко от Зубовской площади, а также в школьной библиотеке.

Довольно часто по дороге домой после занятий в Доме пионеров мы останавливались около расположенной поблизости палатки, где продавали пиво и квас. О пиве мы тогда, конечно, и не помышляли. Это сейчас ребята пробуют пить его чуть ли не с 10 лет, а для нас это был запретный плод. Но было очень сильное желание хотя бы немного приобщиться к взрослой жизни. Поэтому мы покупали по кружке кваса и несколько сушек, обсыпанных солью, которые в то время полагались к пиву, и, попивая квасок, чувствовали себя почти взрослыми людьми.

Надо сказать, что карманных денег нам не полагалось: родители выдавали их только для проезда на метро. Но даже для того, чтобы выпить кваса, нужны были хотя бы какие-нибудь средства. И поэтому мы старались экономить на проездных билетах в метро. Делалось это так. Мы покупали два билета. Потом один из нас шёл с ними впереди и подавал их контролёру. Теперь нужно было уловить момент и незаметно один билетик сдвинуть так, чтобы контролёр надрывал только один из них, а второй оставался целым.

Второй вариант был такой: Олег шёл первым и небрежно бросал контролёру: «Билет у товарища сзади» — и бегом сбегал по лестнице на платформу. Я же подавал только один билет и на вопрос контролёра: «А за него?» — отвечал, что его знать не знаю.

Этот приём мы использовали и при посещении кино. Правда, не всегда удачно. Олег проходил, а меня всё-таки задерживали. Так что мне приходилось довольствоваться лишь его рассказом об увиденном.

Иногда родители Олега, не знаю, по каким каналам, доставали нам входные пропуска в театры. Все спектакли, которые мы посмотрели, я не помню. Но запомнились «Романтики» Э. Ростана, поставленные в помещении, где теперь находится Театр сатиры, и оперетта «Свадьба в Малиновке». О впечатлениях, произведённых на нас этими спектаклями, судить не берусь. Прошло слишком много времени. Однако именно тогда у Олега возникла мысль, что в театр нам нужно ходить постоянно и для этого необходимо приобрести театральные абонементы. А где взять деньги? И решение было найдено.

Уже в течение нескольких лет мы с Олегом собирали марки. Сначала каждый сам по себе, а потом наши коллекции объединили. Относились мы к этому делу очень серьёзно. Для марок у нас были специальные альбомы и кляссеры, а также неперменные

для каждого уважающего себя филателиста пинцеты и ланцеты. Марки покупались или обменивались, и вскоре мы стали обладателями довольно большого собрания, где были достаточно редкие экземпляры. Вот Олег и предложил продать нашу коллекцию, накопить денег и на них приобрести абонементы.

Купить марки мы предлагали своим товарищам и ходили продавать их к филателистическим магазинам. Вырученные деньги решили хранить в сберегательной кассе. Был открыт счёт на имя Олега, а сберегательная книжка была отдана мне. Так мы решили не потому, что не доверяли друг другу. Просто на двоих оформить счёт было нельзя, и поэтому постановили — у одного хранится книжка, а другой имеет право снимать с неё деньги. Нам удалось собрать большую, по нашим представлениям, сумму — целых 60 рублей. Но начавшаяся вскоре война смешала все наши планы. Было уже не до абонементов. Но самым удивительным оказалось то, что деньги наши сохранились, и спустя пять или шесть лет мы их получили и даже с какими-то, правда мизерными, процентами. Во всяком случае, нам их хватило на две бутылки водки и небольшую закуску, которые мы благополучно вместе с нашими друзьями Мацевевскими и ликвидировали.

В то время, когда мы распродавали наши марки, случилась такая история. Однажды около одного магазина Олег, который обычно руководил процессом реализации нашего товара (я же стоял в стороне и на всякий случай его подстраховывал), предложил марки каким-то достаточно взрослым ребятам. Причём большая часть марок находилась у меня, поскольку мы были предусмотрительны и не рисковали. Ведь бывали случаи, когда уличная шпана могла их и отобрать. И вдруг я слышу: «Коля, беги, милиция!» Спасая марки, я бросился бежать к себе домой, где стал ждать, чем всё это закончится. Часа через два пришёл Олег и сказал, что его задержали бригадмилыцы, члены бригады содействия милиции, отвели в отделение, обыскали, нашли при этом ланцет и решили, что имеют дело с карманником. Но, в конце концов, они поняли, что перед ними приличный мальчик. К тому же Олег объяснил им, что ланцет — это всего лишь необходимый инструмент каждого филателиста и не предназначен для вскрытия чужих карманов. Его отпустили и даже вернули конфискованные марки. Но обо всём этом он рассказал мне чуть позже. А сначала поведал о своём задержании, обыске и о том, что он якобы сказал, что был не один, что у него есть сообщник, и выдал мой адрес. И добавил, что, мол, и за тобой скоро придут. Я, конечно, обиделся и сказал, что так друзья не поступают и всякие другие нелицеприятные слова. Но это был всего лишь очередной его розыгрыш, и мы оба от души посмеялись.

Приблизительно в это же время у Олега возникла мысль о создании кукольного театра. Он где-то достал ширму, попросил своего двоюродного брата Германа Малышева, который хорошо рисовал, расписать задник и для постановки отыскал в каком-то детском журнале незамысловатую пьесу. В ней речь шла о молодом человеке, который собрался служить в армии и с пафосом провозглашал: «Я не буду дома жить. / Буду в армии служить». Его роль исполнял Олег, а мне было поручено изображать Барбоса, который уговаривал своего хозяина не делать этого, но тот оставался непреклонен. Вот и всё, что я запомнил из этого драматургического шедевра.

Пьесу мы сначала показали в школе, имели успех — нас рекомендовали для участия в районном смотре художественной самодеятельности. И у нас возникли грандиозные планы. Мы решили, что непременно завоюем первое место в районе, а потом и в городе. Надо сказать, что нам очень помогала наша учительница Алла Адольфовна Зонненблик, преподававшая литературу. Её уроки мы посещали с удовольствием и ей во многом обязаны своей любовью к русской словесности. В нашей затее с кукольным театром она приняла живейшее участие и даже оплатила такси, нанятое для перевозки нас со всем нашим реквизитом в клуб им. Горбунова, где проходил районный смотр школьной самодеятельности.

Но нашим мечтам не суждено было сбыться. Никакого места мы на смотре не заняли, и деятельность нашего театра на этом и закончилась.

Надо сказать, что тогда у нас и мысли не возникало об актёрской профессии. Мы мечтали совсем о другом. Олег решил, что мы будем готовиться к поступлению на кораблестроительный факультет Высшего военно-морского инженерного училища в Ленинграде. Почему именно туда — не знаю. Ведь моделированием кораблей мы не занимались и вообще о море особенно не думали. Однако, наверное, каждый из нас где-то в глубине души всё-таки мечтал о морских путешествиях и приключениях, с ними связанных. Во всяком случае мы увлекались книгами о знаменитых мореплавателях, о первооткрывателях новых земель, о покорении Северного и Южного полюсов и т.п. И, наверное, совсем не случайно весной 1943 года Олег подал заявление с просьбой принять его в военно-морское училище. И чуть позже, летом 1945 года, независимо от него я сделал то же самое. Но эти планы, в силу целого ряда причин, нам реализовать не довелось.

В последний предвоенный год у нас, как и у многих наших сверстников, настала пора любви «и грусти томной». Все мальчишки и девчонки нашего класса повлюблились друг в друга, писали записки к предметам своего обожания (кстати, весьма не-

винного содержания), писали на руках цифры, означавшие буквы алфавита, с которых начинались их имена и т.п. Всё это продлевался и я, но Олег точно этого не делал. Причём тогда я влюбился сразу в трёх девочек, но предпочтение отдавал Инне Мацевской. Что же касается Олега, то ему тоже, наверное, кто-то нравился, и, несомненно, были и девочки, тайно вздыхавшие о нём. Но об этом он даже мне ничего не говорил. Да и не принято было между нами об этом разговаривать. Как-то неловко было. Правда, в своей книге «О театре и о себе» Олег упомянул, что мы с ним были влюблены в девочку из нашего двора Таню Ростовцеву. Что касается меня, так и было, а вот о том, что и он испытывал к ней тайную симпатию, я узнал только много лет спустя.

Надо сказать, что девочкам, и не только нашего класса, Олег всегда очень нравился. Где бы он ни появлялся, неизменно находились его обожательницы и поклонницы. И так было всегда. Было в нём что-то необъяснимо привлекательное, что заставляло женщин его обожать.

Конечно же, мы общались с Олегом не только в школе. Распорядок дня у нас был такой. После школы мы каждый у себя дома готовили уроки. Но когда не решалась какая-нибудь особенно трудная задача по математике, мы встречались у меня или у Олега и пытались это сделать совместными усилиями. Бывали случаи, что у нас и вдвоём ничего не получалось. Тогда мы отправлялись к нашему однокласснику Кириллу Каверзневу, жившему недалеко от моего дома и которого за его математические способности в классе называли «инженером», и вместе всё-таки находили решение. Появляться в классе с невыученными домашними заданиями мы считали для себя чем-то недостойным и даже неприличным. Конечно, бывали случаи, когда наши дневники украшали «посредственные», а порой и «плохие» отметки, но это было очень редко, и мы их быстро исправляли.

Почти всё свободное от уроков и выполнения домашних занятий время Олег проводил у меня. Дело в том, что возле дома, в котором он жил, в сущности, не было двора, где можно бы играть и чем-нибудь заняться. Там имелась лишь небольшая заасфальтированная площадка, со всех сторон окружённая громадами зданий, и не было ни одного дерева или куста. А я жил в небольшом бывшем барском особняке (который, правда, к тому времени превратился в густонаселённую коммуналку), расположенном в самом начале Нащокинского переуллка, рядом с домом друга А.С. Пушкина П.В. Нащокина, где поэт обычно останавливался, когда приезжал в Москву. Особняк этот сохранился. Только его почему-то перекрасили из синего в жёлтый цвет. Исчезли, конечно, и каменные тумбы при въезде во двор, а также газовые

фонари на опорах увезённых куда-то чугунных ворот. И главное, не стало уютного двора с отделённым от него невысокой железной оградой маленького садика с двумя огромными тополями и кустами сирени. Всё это теперь застроено гаражами, а в доме разместились привычные для Москвы антикварный магазин, салон красоты и прочие такого же рода заведения. Да и весь облик Нащокинского переулка очень изменился. Если та его сторона, где располагался мой дом, полностью сохранилась, то от противоположной стороны не осталось и следа. А ведь когда-то бóльшую её часть занимал длинный пятиэтажный дом, где жили тогда многие известные советские писатели. Его так и называли — «Дом писателей». Но нас с Олегом это как-то не очень интересовало: живут и живут. И, конечно же, мы и представить себе не могли, что в том доме находилась квартира Михаила Афанасьевича Булгакова. Впрочем, мы тогда даже имени его не слышали и только спустя много лет узнали, с кем рядом прошли наши детские годы. А вспомнил я об этом вот почему. Где-то, по-моему, в середине 1980-х годов Олег готовил радиокomпозицию по роману «Мастер и Маргарита», и однажды при встрече он мне сказал, что, работая над ней, часто тоже представлял себя Мастером, который живёт в подвале квартиры дома, где я тогда жил. И это не случайно. Ведь Булгаков-то жил напротив. Так что судьбы этих двух замечательных людей причудливым образом пересекались. Да и свой последний приют оба они нашли на Новодевичьем кладбище: их могилы расположены напротив друг друга.

Жили мы дружно и почти никогда не ссорились. Правда, порой между нами возникали всякого рода обиды и недоразумения. Так, однажды вечером Олег попросил меня на следующий день заменить его, теперь уже и не помню на каком-то очень важном мероприятии, на котором он должен был обязательно присутствовать. Я, естественно, согласился. И надо же было такому случиться, что утром моя мама повела меня в поликлинику, и врач обнаружила у меня пневмонию и прописала постельный режим. Где-то к вечеру Олег зашёл ко мне и спросил, как прошло то самое мероприятие. Узнав, что я там не был, он, не выслушав никаких объяснений, повернулся и ушёл. Горько мне было и обидно. А когда я после болезни вернулся в школу, то узнал, что Олег болен. После уроков я отправился к нему и застал в постели. Оказывается, что вскоре после нашей размолвки он заболел в очень тяжёлой форме воспалением лёгких и едва не умер. Спасло его то, что родители достали только что появившийся тогда сульфидин. Возникшее недоразумение было выяснено и забыто.

Как я уже говорил, Олега постоянно переполняли какие-нибудь идеи. Однажды он предложил организовать в моей квартире

домашний кинотеатр, чтобы заработать немного денег, которых нам всегда не хватало. Достали проектор, несколько диафильмов и во дворе расклеили объявления с расписанием сеансов. А потом пошли по квартирам распространять билеты ценой в 20 копеек среди взрослых. Детям мы решили показывать кино бесплатно. Кое-кто из взрослых билеты приобрёл, но, естественно, смотреть наше кино никто не пришёл. Это нам показалось странным. Ведь мы собирались показать такие, по нашему мнению, замечательные фильмы, как «Мойдодыр», «Сказка о царе Салтане» и др.

Также по инициативе Олега мы затеяли в нашем садике построить деревянный домик. Соорудили каркас, обшили его досками от ящиков, которые выпрашивали в окрестных магазинах, сколотили дверь, сделали пол, под которым у нас был тайник. Так что получилось очень добротное сооружение. Там мы любили сидеть, обсуждать и решать наши ребячьи дела.

В предвоенные годы в Москве были очень снежные зимы. Снег с улиц свозили во дворы и складывали в огромные кучи дворники, которые тогда были в каждом доме. Такие кучи скапливались и в нашем дворе. В них мы прокапывали ходы и устраивали пещеры, где мастерили из старых вёдер и самоварных труб печки. Топили их какими-то техническими книгами, изданными до революции, которые мы отыскивали в чулане на лестничной площадке нашего дома. Как теперь я понимаю, это было варварством, но мы полагали, что книги эти никому не нужны, и поэтому жгли их без всякого сожаления. Горящий огонь завораживал и создавал атмосферу уюта и таинственности.

Очень часто зимой мы переносили свои игры на улицу, благо, что в нашем переулке машины тогда были большой редкостью. И потому мы, ничего не опасаясь, катались по нему на лыжах, коньках и на санках, в которые запрягали жившую в нашем дворе довольно бестолковую немецкую овчарку по кличке Кармен. У неё была одна особенность — при виде кошки она впадала в ярость. Стоило только крикнуть: «Кармен! Кошка!» — как она неслась, не видя ничего перед собой. Этим мы и пользовались, поскольку просто так собака везти нас отказывалась.

Дом, в котором я жил, был небольшой, но проживало в нём много детей разного возраста. Со своими сверстниками мы с Олегом играли в распространённые тогда игры: в прятки, в казаки-разбойники, «двенадцать палочек», «штандер» и др. А когда к нам во двор приходили некоторые наши одноклассники, то иногда играли с ними на деньги в «расшибалку» и «пристеночку», а также мастерили самопалы и устраивали из плёнки «дымовухи», носились по крышам дровяных сараев и лазили по деревьям. Вели, так сказать, активный образ жизни.

А ещё в доме был чердак — мы забирались по пожарной лестнице сначала на крышу, а затем через слуховое окно на чердак. Там всегда царила таинственная полутьма — свет попадал только через стеклянный фонарь над парадной лестницей в подъезде. Правда, ничего интересного мы там не нашли, но нас привлекала необычная обстановка, располагавшая к душевным беседам. Но самое главное, у нас там хранились папиросы. К тому времени нам уже было лет по двенадцать, и Олег вместе с нашим школьным приятелем Славой Пёрушкиным уже покуривали и всеми силами старались и меня привлечь к этому занятию. Но именно в этом я наотрез отказался последовать за своим другом. Я и без него однажды попробовал покурить, но мне этот процесс не понравился, и я дал себе слово — никогда не брать в рот папиросы. И, кстати, слово сдержал и не курил до сорока лет.

Была у нас ещё одна забава. Мы покупали в аптеке соски, предназначенные для кормления из бутылочек маленьких детей, надевали их на водопроводный кран и пускали воду, под напором которой они превращались в огромный грушеобразный, вмещавший чуть ли не два литра, сосуд. Эта ёмкость выносилась во двор, прижималась нижним концом к земле, отпускалась и, взлетев вверх, обдавала всех водой.

А однажды вот что случилось. Как-то холодным зимним вечером мы позвали гулять постоянную участницу наших игр Таню Ростовцеву. Но нам ответили, что она не выйдет, так как её собираются купать в ванной, которая находилась на втором этаже нашего дома. Тогда мы подготовили соску, наполненную водой, с которой Олег по пожарной лестнице добрался до окна ванной комнаты. А поскольку оно было занавешено, он постучал в него и, когда открылась форточка, сунул туда приготовленную ёмкость. Раздался истошный крик. Мы кубарем скатились с лестницы и убежали.

Когда мы всё это затевали, то предполагали, что к окну подойдёт домработница Тани, с которой у Олега были приятельские отношения. С ней-то мы и собирались пошутить. Но на беду к окну подошла Танина тётя, женщина серьёзная, неодобрительно относившаяся к подобным проказам. Скандал получился большой. Когда мы узнали, кто стал жертвой нашей шалости, мы с Олегом, как воспитанные мальчики, на следующий день отправились к ней с извинениями. Нас пожурили и объяснили, что так хорошие мальчики не поступают. Мы с этим, конечно, согласились, и нас простили.

Хочу рассказать ещё об одном эпизоде нашей ребячьей жизни. Как-то мы с Олегом и нашим приятелем Славой Пёрушкиным взялись скинуть снег с крыши флигеля, находившегося во дворе

нашего дома, за что нам заплатили целых десять рублей. Сумма для нас была очень значительная. Это были первые заработанные нами деньги. И, естественно, возник вопрос, на что их потратить. Олег предложил: «Давайте в первый раз в жизни пообедаем на самостоятельно заработанные деньги». Предложение было принято, и мы отправились в небольшую столовую на Арбате, где заказали себе по тарелке борща, сосиски (ах, какие же они тогда были вкусные!) с картофельным пюре, компот и по бутылке лимонада. Трудно передать, как мы были горды. Ну, как же, мы хорошо поработали и вот теперь отдыхаем, нас обслуживают и на самостоятельно заработанные деньги кормят.

Конечно, мы проводили свободное время не только в моём дворе. Иногда собирались целой компанией школьных товарищей и отправлялись гулять то в Парк культуры и отдыха им. М. Горького, то на Воробьёвы горы или просто бродили по Арбату и Гоголевскому бульвару.

Довольно часто я приходил к Олегу домой. Иногда мы вместе готовили уроки, играли, немного хулиганили. Например, поливали с балкона прохожих водой, пускали бумажных голубей, стреляли из рогаток и т.п. Незадолго перед войной родители Олега решили обучать его музыке. В доме появился рояль. Но, насколько мне помнится, он кроме «Собачьего вальса» так ничего и не освоил. Правда, играл он его с блеском.

Бывал я у Олега и на всех его днях рождения. Приглашались обычно только соседи, с которыми родители Олега поддерживали добрые отношения. Из детей, помимо нас Олегом, приходил соседский мальчик Вадим, который был старше нас на два года и держался с нами немного покровительственно. Пока взрослые сидели за столом, мы занимались своими делами: во что-то играли и мастерили, рассматривали книги. Вот тогда в доме Олега я впервые услышал пластинки с записями песен П. Лещенко «У самовара я и моя Маша», «Чубчик, чубчик, чубчик кучерявый» и др. И Олег таинственно сообщил мне, что Лещенко — это белогвардейский офицер, эмигрировавший за границу, что слушать его песни небезопасно и чтобы я об этом нигде и никогда не говорил.

Летние месяцы мы обычно проводили порознь и жили на дачах, которые снимали наши родители. Но летом 1940 года мне предстояло остаться в Москве. Узнав об этом, Анна Дмитриевна пригласила меня погостить у них за городом. Где это находилось — не помню. Нагруженный сахаром, который почему-то тогда был в дефиците, и другими продуктами, я и отправился туда.

Сначала Олег познакомил меня с основными окрестными достопримечательностями, а потом повёл к полигону для стрельбы,

огороженному колючей проволокой с грозными объявлениями: «Прохода нет», «Запретная зона» и т.п. Но это Олега не смутило. Он отыскал, наверное, им самим проделанную лазейку в заграждении и приказал: «Лезь!» Было страшновато, но я послушался. Тем более, что Олег сказал, что там, в небольшом лесочке, растёт много грибов и ягод. Уже тогда в нём проявилась исконно русская черта — нарушать то, что запрещено.

Весна 1941 года была тревожной. Все вокруг говорили о надвигающейся войне. Мой дядя, служивший на западной границе около Бреста, в мае приехал в Москву и предупредил, что война неминуема и что она может начаться в самом скором времени. Но в это как-то не верилось, и многие надеялись, что, может быть, всё как-нибудь и обойдётся. Так, вероятно, думала и Анна Дмитриевна. Поэтому вскоре после окончания занятий в школе она вместе с Олегом стала готовиться к поездке на Север в Воркуту, где отец Олега Николай Иванович работал бухгалтером в одном из управлений северного ГУЛАГа. Там они намеревались провести всё лето.

Перед самым отъездом Олег зашёл ко мне попрощаться. И тут случилось непредвиденное. Та самая, уже упоминавшаяся немецкая овчарка по кличке Кармен, с которой мы постоянно играли и которая никогда не проявляла по отношению к нам никакой агрессивности, на этот раз, едва Олег вошёл во двор, неожиданно зарычала на него. Надо сказать, что так она обычно встречала почтальона и всех, у кого в руках была какая-нибудь поклажа. На беду, у Олега в руках тоже оказалась сумка, что и вызвало недовольство собаки. Увидев её оскаленную пасть, он бросился бежать назад к воротам, собака за ним и, догнав, вцепилась ему в ягодицу. Всё это кончилось тем, что запланированную поездку к отцу пришлось отложить, поскольку Олегу нужно было залечивать рану и делать уколы.

Но, как говорится, худа без добра не бывает. Буквально через несколько дней началась война, и Анна Дмитриевна вынуждена была внести существенные поправки в план своей поездки. Ведь она предполагала, что они с Олегом пробудут на Севере не более полутора-двух месяцев и вернуться к началу занятий в школе. Поэтому в дорогу были собраны только летние вещи. Теперь же всё изменилось. Анна Дмитриевна отлично понимала, что война может затянуться и что, по всей вероятности, их пребывание у мужа может быть длительным. Как человек предусмотрительный, она запаслась всем необходимым, в том числе и тёплыми вещами, что оказалось очень кстати. Ведь на Севере вместо двух месяцев им пришлось прожить более двух лет.

До своего отъезда Олег по-прежнему часто забегал ко мне. Москва в это время жила напряжённой жизнью. На улицах по-

явились военные патрули. В городе ходили слухи о шпионах и диверсантах, заброшенных в столицу. В ожидании налётов вражеской авиации по ночам в небо поднимались аэростаты противоздушной обороны. На крышах высоких домов, в парках и на бульварах устанавливались зенитные орудия и пулемёты. Витрины магазинов закладывались мешками с песком. Подвалы домов стали переоборудовать под бомбоубежища. На чердаки поднимались ящики с песком и бочки с водой для тушения зажигательных бомб. Окна заклеивались бумажными лентами, которые якобы могли уберечь во время взрыва бомбы от ранений стеклом. Население запасалось продуктами. С полок магазинов сметалось буквально всё, что там имелось.

В каждом доме создавались группы жителей, дежуривших по ночам и призванных следить за соблюдением светомаскировки. В таких группах каждый в своём доме принимал участие и мы с Олегом и, встретившись днём, обменивались впечатлениями, рассказывали об обнаруженных нарушителях правил светомаскировки т.п.

Застали мы с ним и первые учебные воздушные тревоги, которые произвели немалый переполох в столице. К счастью, нам не довелось пережить все ужасы ночных бомбардировок Москвы немецкой авиацией, начавшихся ровно через месяц после начала войны. К тому времени Олег и Анна Дмитриевна уже уехали в Воркуту, а меня моя мама отправила к своим родственникам в деревню недалеко от Тулы. Там, кстати, мне многое пришлось увидеть: немецкие самолёты, разбрасывавшие листовки, где говорилось о полном разгроме Советской армии и скором падении Москвы, толпы беженцев и бесчисленные стада скота, покидавшие захваченные немцами территории, и отступление наших войск. И самое страшное — пережить оккупацию, которая хотя и продолжалась всего тринадцать дней, но показалась мне вечностью. Угнетало прежде всего сознание того, что навсегда ушла прежняя жизнь, что я уже никогда не смогу вернуться в мою родную Москву и никогда не увижусь с моим другом. К счастью, вскоре началось наступление наших войск. Деревня, где я жил, была освобождена от оккупантов, и через некоторое время мне удалось вернуться в Москву.

Что же касается Олега, то он вместе с Анной Дмитриевной возвратился домой только в августе 1943 года.

Как-то, вернувшись с работы (к тому времени я уже больше года работал на оборонном заводе), нашёл записку: «Я приехал. Заходи. Олег». Я тут же помчался к нему. На первый взгляд мой друг мало изменился. Остался таким же неуёмным и подвижным. При мне, например, он залез пальцем в кастрюлю, где Анна Дмитриевна замесила тесто, за что получил от матери подзатыльник.

И в то же время Олег показался мне возмужавшим и повзрослевшим. Во всяком случае, гораздо старше меня. Хотя, казалось бы, должно быть иначе. Ведь я тогда тоже чувствовал себя почти взрослым и достаточно самостоятельным человеком. Ну как же, сам зарабатывал и был преисполнен сознанием важности и необходимости того, чем я занимался на заводе. Но в поведении Олега было нечто такое, что вызывало невольное уважение и даже восхищение. Он держался очень уверенно, по-взрослому курил, что придавало ему некую солидность.

О своей жизни на Севере Олег говорил мало. Правда, как обычно, иногда хохмил и на полном серьёзе рассказывал, что там бывали такие страшные морозы, что, отправляясь на улицу справлять большую нужду (при этом всё, конечно, называлось своими именами), необходимо было брать с собой напарника с палкой для того, чтобы отбивать испражнения. Говорил он и серьёзные вещи. Так, упомянул, что однажды в одном из лагерей, расположенных вокруг Воркуты, вспыхнуло восстание, и всем жителям посёлка, где он жил, и ему самому выдали автоматы. Мне кажется, что всё это Олег придумал для того, чтобы произвести на меня впечатление: вот, мол, в каких событиях ему довелось принять участие. Он вообще очень часто во многое приносил элемент игры и фантазировал. Так, например, рассказывал Тане Горячевой, что там, на Севере, он связался с блатными, стоял «на стрёме» и даже был «форточником». Но уже к 14 годам мы оба были довольно рослыми подростками и при всём желании даже в большую форточку навряд ли смогли бы протиснуться. Да к тому же у нас с ним был какой-то иммунитет по отношению к блатным. В нашем Нащокинском переулке проживало немало пацанов, очень рано познакомившихся с правоохранительными органами. Многих из них мы хорошо знали, но предпочитали держаться от них подальше. Довелось нам встречать и настоящих «воров в законе». Один из них, некто Юрий Батурин, жил в моём доме. Правда, бóльшую часть времени он проводил в местах заключения, но иногда между отсидками появлялся у нас во дворе, чем вызывал шушуканье соседей и наше любопытство. Жил в доме напротив ещё один вор по кличке «Зоя».

Конечно, нам, как, наверное, и многим мальчикам нашего возраста, было интересно что-нибудь узнать о жизни этих людей. Было в ней для нас нечто загадочное и таинственное. Однако о том, чтобы вступать в общение с представителями криминального мира, да и вообще с уличной шпаной, нам и в голову не приходило.

Вообще Олега никогда не привлекала блатная романтика и даже блатные песни, которые, как прежде, так и теперь, пользуются успехом у некоторой части нашего общества, он не любил.

Из всех историй, рассказанных Олегом о своей жизни на Севере, самой правдивой была о том, как однажды какой-то заключённый (или просто приклатнённый) ударил его палкой по голове. Как это случилось — не знаю. В результате у Олега в одном глазу произошло отслоение сетчатки. Несмотря на сделанную операцию, он им до конца жизни плохо видел.

После возвращения Олега с Севера мы с ним встречались редко, поскольку он в это время учился в школе, и у него была своя жизнь, а я сутками пропадал на заводе, где порой даже выходных дней не давали. Но однажды мы случайно встретились на улице, оба куда-то спешили и договорились, что в ближайшее воскресенье Олег обязательно придёт ко мне.

Я прождал его весь назначенный день, но он так и не появился. Это настолько меня обидело, что я долго не мог его простить. На этом наши отношения надолго прервались. До меня через моих одноклассников, с которыми я иногда встречался, доходили слухи, что Олег занимается в какой-то театральной студии и что там поставили спектакль по пьесе К. Симонова «Русские люди», где он с блеском играет роль немецкого офицера Розенберга.

Потом Олег мне рассказывал, что в театральную студию его уговорил прийти Саша Калужский, учившийся вместе с ним в девятом классе школы № 59 и что он долго отнекивался, поскольку мысль о карьере актёра ему даже в голову не приходила. Руководила студией Александра Георгиевна Кудашева, женщина своеобразная и с примечательной судьбой. Когда-то, ещё до революции, она служила гувернанткой в доме родственницы моего близкого друга Жени Осиповой. После революции в Москве, да, наверное, и в других городах страны, возникло множество театральных и других художественных студий. Одну из таких студий создал великий актёр и режиссёр Михаил Чехов. Она находилась вблизи Арбатской площади. В ней-то и стала заниматься АГ, как мы называли в своём кругу Александру Георгиевну, на всю жизнь оставшуюся горячей поклонницей своего учителя. Потом она служила в разных театрах, преподавала в театральных училищах актёрское мастерство. Во время эвакуации АГ потеряла московскую прописку и жила в самых неприглядных условиях. Вот в её студию и пришёл Олег. Кстати, среди студийцев были известный позднее театровед Галя Шалимова и другие интересные люди. Именно АГ во многом помогла раскрыться актёрскому дарованию Олега. Чуть позже, когда он ещё служил в Центральном театре юного зрителя, она мне как-то сказала, что пройдёт время, и Олег обязательно возглавит Художественный театр. Слова её оказались пророческими.

Весной 1945 года Олег стал студентом школы-студии МХАТ. О том, как он туда поступал, он не один раз достаточно подробно рассказывал в своих интервью.

Мои отношения с Олегом возобновились весной 1946 года, когда наши общие друзья сёстры Мацеевские, зная о нашей с ним размолвке, решили устроить нам в своём доме неожиданную встречу. Там мы объяснились и, конечно же, помирились. А потом долго бродили по улицам и о многом переговорили. Олег рассказывал о занятиях в школе-студии, о своих однокурсниках Алексее Аджубее, Ирине Скобцовой, за которой он тогда ухаживал, о своих планах и т.п.

Ну, а мне особенно похвастаться было нечем, хотя моя карьера на заводе, где я работал, складывалась достаточно успешно. Я к тому времени уже прошёл путь от ученика до мастера и техника-технолога. Но ведь у меня за плечами всего лишь семь классов образования. Правда, я немного поучился в восьмом и девятом классах вечерней школы, но окончить их мне не довелось. Совмещать двенадцатичасовой рабочий день с учёбой оказалось мне не по силам. Но ещё до нашей с Олегом встречи я твёрдо решил оставить завод, поступить учиться и получить аттестат зрелости. Дальнейших планов у меня не было. О своей будущей профессии я особенно не задумывался. Узнав обо этом, Олег загорелся идеей и меня направить по своему пути.

Буквально на следующий день он пришёл ко мне и попросил что-нибудь прочитать. Помню, что я выбрал монолог Бориса Годунова «Достиг я высшей власти. / Шестой уж год я царствую спокойно...». По-моему, читал я отвратительно. Но Олег не подал виду и сказал, что, в общем-то, не так уж и плохо, что нужно, конечно, ещё поработать и что он обязательно познакомит меня с замечательным педагогом Александрой Георгиевной Кудашевой, которая со мной позанимается. К ней мы вскоре и отправились.

Жила она в подвале дома в Большом Афанасьевском переулке, занимала крохотную комнатку, окна которой выходили в коридор. Там стояла кровать, маленький столик, небольшой книжный шкаф и кресло. Было настолько тесно, что кроме хозяйки в комнате могли поместиться не более двух-трёх человек. Но это никого не смущало, и сюда постоянно приходили её ученики и бывшие студийцы. Здесь же АГ послушала и меня. Позднее, когда мы с ней подружились, она мне рассказала, что это было нечто ужасное, что читал я, не очень понимая смысла, и особенно её огорчила моя речь. Это и неудивительно. Четыре года, проведённые на заводе, не прошли бесследно. Ведь за это время я толком не прочитал ни одной книги, да и читать-то было особенно некогда. К тому же общение с заводским человеком мало способствовало

расширению моего кругозора и образования. Тем не менее АГ решила попробовать. Я читал ей басни и стихи, разыгрывал этюды и проч. И кое-что стало получаться.

К тому времени студия, существовавшая во время войны при Доме пионеров, распалась. Студийцы разбрелись кто куда. Одни поступили в театральные учебные заведения, другие — в университеты и другие институты. Но у многих из них о студии сохранились самые светлые воспоминания, и у них возникла мысль — попробовать воссоздать её.

В том же Доме пионеров, где АГ руководила детским театральным кружком, собрались прежние студийцы: Олег, Саша Калужский, Оля Морозова, Галя Еремеева. Пригласили новых людей, в том числе и меня.

Планы были весьма обширные. Решено было поставить пьесы К.А. Тренёва «Любовь Яровая» и А.Н. Островского «Женитьба Бальзаминова». Причём в качестве режиссёров «Любови Яровой» решили себя попробовать Олег Ефремов и Саша Калужский. Они же репетировали под руководством АГ сцены из «Ревизора», где Олег играл Хлестакова, а Саша Калужский — Осипа.

К слову сказать, студентам школы-студии МХАТ категорически запрещалось принимать какое-либо участие в любых мероприятиях вне её стен. Так что пребывание Олега и Саши Калужского в новой студии должно было храниться в тайне.

В силу целого ряда причин многое из задуманного реализовать не удалось. Но была завершена работа над «Женитьбой Бальзаминова», где я, как говорили, удачно сыграл главную роль. Но перед самой премьерой исполнитель роли Устрашимова Коля Алабин неожиданно заболел, и возникла угроза срыва спектакля. АГ обратилась к Олегу с просьбой выручить и сыграть вместо него. И тот с ходу, по существу без единой репетиции, без знания текста, под суфлёра, довольно удачно сыграл Устрашимова. Так что мне довелось однажды вместе с Олегом принять участие в одном спектакле.

Мои успехи в студии радовали АГ, и она посчитала, что я вполне готов к поступлению в театральное училище.

Весной 1947 года, после окончания подготовительного отделения Нефтяного института и получения аттестата, я подал, как тогда было принято, заявления в несколько театральных вузов и всюду потерпел неудачу. Дальше первого тура меня не пропустили. И это было справедливо. Я почему-то весь зажался и читал отвратительно. Однако это не остудило моего желания стать актёром, и я решил на следующий год сделать ещё одну попытку. Но, трезво оценив свои актёрские возможности, не стал этого делать и поступил в педагогический институт, в чём теперь

нисколько не раскаиваюсь. Правда, я однажды сказал Олегу, что иногда жалею о том, что судьба нас так развела. Ведь как было бы хорошо, если бы мы занимались одним делом. «О чём жалеть, — сказал он. — Всё правильно. Каждый из нас состоялся, и мы нашли себя и своё место в жизни».

В студенческие годы мы с Олегом виделись постоянно. Я к тому времени учился в педагогическом институте на факультете русского языка и литературы. И очень часто, возвращаясь домой после занятий в школе-студии МХАТ, а чуть позже после репетиций и спектаклей в Центральном детском театре, он заходил ко мне.

О том, что он вот-вот появится, я узнавал по грохоту ступенек лестницы, ведущей в подвал, где находилась моя маленькая (и что очень важно — отдельная) двухкомнатная квартирка, где у меня была своя комната. Скатываться по лестнице на одних каблуках было нашим любимым занятием, и это мы проделывали виртуозно, особенно в метро, где за это нас один раз задержали дежурные по станции.

По всей вероятности, Олег приходил, чтобы снять напряжение, немного расслабиться после трудного дня, и мы проводили время за тем, что делились разного рода новостями, играли в шахматы, а иногда и в карты, в подкидного дурака. Причём не просто так. Проигравший, например, подряд три партии в шахматы или пять раз в карты должен был расплачиваться книгами. Бывали очень курьёзные случаи. Однажды Олег проиграл мне тогда очень редкую и к тому же чужую книгу «Американская новелла XIX века» (1946) и в сердцах сделал на ней такую надпись: «Чтоб ты подавился этой книгой». В другой раз на проигранном им в карты сборнике историко-литературных статей «Александр Николаевич Островский. Его жизнь и сочинения» (1912) он написал: «Чем бы в карты играть, лучше читал бы всякие умные книги вроде этой». Теперь обе они хранятся в музее МХАТа.

В то время студенты школы-студии МХАТ имели возможность (да и теперь, наверное, тоже) получать входные пропуска во все московские театры, и Олег иногда брал меня с собой. Помню, что мы посмотрели с ним в Армянском доме культуры гастрольный спектакль «Отелло», где главную роль великолепно играл известный трагик Ваграм Папазян, в отличие от остальных исполнителей, собранных неизвестно откуда. И, конечно же, незабываемое впечатление на нас произвело посещение в Камерном театре таировской постановки «Мадам Бовари» с Алисой Коонен.

А иногда мы отправлялись с ним «в народ»: шли на Остоженку в небольшую пивную, брали по кружке пива, а когда были деньги, ещё и по сто граммов. Там, за высокими мраморными столиками,

мы общались с разного рода людьми, и прежде всего с недавними фронтовиками. Надо сказать, что в первые послевоенные годы на улицах Москвы можно было встретить множество инвалидов, покалеченных на войне. Иные из них чем-то промышляли: торговали папиросами и всякой мелочью, другие просили милостыню. Они же были постоянными обитателями всякого рода забегаловок, где просили у посетителей отлить им в кружку немного пива. Это были глубоко несчастные люди, на своих плечах вынесшие все тяготы кровопролитной войны и брошенные государством на произвол судьбы. Но на этом их страдания не закончились. Власти посчитали, что они своим видом оскорбляют облик столицы государства-победителя, и однажды в один день почти все они были высланы из города. Вот с ними-то Олег вступал в разговоры, расспрашивал о жизни, о том, что им довелось пережить и т.д. Так что постигать глубины народной жизни Олег начал задолго до того, как отправился с Геннадием Печниковым странствовать по Руси.

Вот это стремление во всём дойти до сути, познать жизнь во всех её проявлениях, разобраться, казалось бы, в не очень значительных мелочах было характерной особенностью натуры Олега, помогавшей ему быть удивительно достоверным и правдивым на сцене.

В связи с этим не могу не привести один пример. Когда Олег был ещё студентом, ему поручили небольшую роль в каком-то спектакле МХАТа на производственную тему, действие которого происходило на вагоностроительном заводе. Репетируя её, Олег обратился к моему отчиму, инженеру-железнодорожнику, много лет проработавшему на таком заводе, с просьбой рассказать ему, насколько я помню, об устройстве тормозных колодок и о каких-то ещё деталях.

Так было всегда. Отсюда совершенная достоверность и правдивость во всём, что он играл в театре и в кино. Зритель безоглядно верил ему и был убеждён, что перед ним именно тот самый персонаж, с которым он неоднократно встречался в жизни: будь то журналист, бульдозерист, таксист и т.п.

Однажды Олег пришёл ко мне и спросил: «Хочешь, я прочитаю тебе стихи?» И начал читать:

Стрелой несётся конь мечты моей.
Вдогонку ворон каркает угрюмо.
Вперёд, мой конь! Мою печаль и думу
Дыханьем ветра встречного обвей...

«Ну, как?» — поинтересовался он, закончив чтение. «Потрясающе!» — ответил я и спросил: «Это ты написал?» Вопрос этот

возник неслучайно. Я ведь знал, что Олег писал стихи и некоторые из них читал мне. Олег с готовностью подтвердил своё авторство. Я выразил ему своё восхищение и наговорил кучу комплиментов. Выслушав мои излияния, он рассмеялся: «Да ты что! Это стихи грузинского поэта Николоза Бараташвили». Вслед за этим последовала «Серьга»:

Головку ландыша
Качает бабочка.
Цветок в движенье.
На щёчку с ямочкой
Серёжка с камушком
Ложится тенью.

Я вам завидую,
Серьга с сильфидою!
Счастливец будет,
Кто губы жадные
Серьгой прохладною
Чуть-чуть остудит...

И, наконец, стихотворение, которое Олег всегда очень любил:

Цвет небесный, синий цвет
Полюбил я с малых лет.
В детстве он мне означал
Синеву иных начал.

И теперь, когда достиг
Я вершины дней своих,
В жертву остальным цветам
Голубого не отдам...

Так Олег открыл для меня поэзию совершенно удивительного поэта, имя которого я раньше даже не слышал. Кстати, он не только меня разыграл со стихами Бараташвили, но и свою первую жену Лилию Толмачёву, которая тоже подумала, что именно Олег написал «Мерани».

В другой раз он пришёл ко мне немного озабоченный и сказал: «Понимаешь, мне нужно подготовить для экзамена какое-нибудь хорошее стихотворение. Что ты можешь посоветовать?» И тут я вспомнил, как недавно на одном из концертов Василий Иванович Качалов блестяще читал стихотворение Э. Багрицкого «Весна», которое буквально заворожило меня. Особенно запомнился его финал:

И поезд, крутящийся
В мокрой траве, —
Чудовищный вьюн
С фонарём в голове!..
И поезд от похоти
Воет и злится:
— Хотится! Хотится!
Хотится! Хотится!

Я тут же отыскал на полке томик Багрицкого, и Олег, прочитав стихотворение, сказал: «Это то, что нужно!»

Так что мы не только играли в карты, но занимались и вполне серьёзными делами.

Кстати, спиртным мы тогда не увлекались. Во-первых, денег у нас на это не было, а во-вторых, и особой потребности в этом не испытывали. Ну, бывали, конечно, исключения и разные поводы, но всё было в меру и вполне пристойно.

Иногда мы позволяли себе немного расслабиться, приобщиться, так сказать, к «красивой жизни» и ехали в Сандуновские бани, где проводили время по полной программе: парились, отмокали в ваннах, нанимали банщика, плавали наперегонки в бассейне, а потом, скорее из пижонства, нежели по необходимости, Олег делал себе педикюр и маникюр. Ну а заканчивалось всё это пивом в буфете и отъездом домой на такси. Стоило это, по нынешним временам, сущие гроши — всего 50 рублей на двоих.

Встречались мы не только у меня. Я, как и во времена нашего детства, часто бывал у него дома и, конечно же, на всех днях его рождения, которые отмечались, как правило, в довольно узком кругу. Причём приглашал меня Олег иногда весьма своеобразно. Когда он не заставал меня дома, то на клочке откуда-то оторванной бумаги оставлял такие, например, записки: «Если хочешь, приходи» или «Приходи», а иногда и просто: «Жду».

Бывал он и на моих днях рождения. Сначала один, а потом вместе со своей первой женой Лилечкой Толмачёвой. При этом дарили мы друг другу только книги. Помню, на одной из подаренных мне книг он сделал такую надпись: «Будь педагогом, но не забывай и люби театр». А в другой раз на сборнике стихотворений М.В. Исаковского написал: «Живи счастливо... живи красиво и просто, как стихи Исаковского... в день твоего рождения от Лили и Олега».

Традицию дарить книги мы сохранили на всю жизнь. На последний день рождения Олега я подарил ему только что вышедшее тогда солидное издание: «А.С. Пушкин. Школьный энциклопедический словарь», где в разделе «Театр» была опубли-

кована моя статья, посвящённая Олегу (а точнее, о его отношении к творчеству великого поэта и о сыгранных им ролях в произведениях Пушкина), которую ещё в рукописи я дал ему прочитать. Он её одобрил и сказал: «Всё, в общем-то, правильно». К сожалению, статью при подготовке к печати основательно сократили, но её полный текст, одобренный Олегом, я передал в музей МХАТа.

После окончания аспирантуры и защиты кандидатской диссертации меня направили работать в Сибирь, а потом перевели на Север, в Череповец. И поэтому постоянно видеться с Олегом я не мог. Однако каждый год зимой я приезжал в Москву для работы в архивах и библиотеках, а летом — в отпуск. И тогда почти всё свободное время проводил с Олегом, когда у него тоже выпадали свободные минуты, или на спектаклях в созданном им «Современнике». В Москву я смог вернуться только через 14 лет, так как меня за время моего отсутствия лишили прописки. Олег несколько раз пытался что-нибудь сделать для меня, но это оказалось ему не по силам. Правда, когда я, наконец, получил разрешение на жительство в Москве, он познакомил меня с В.И. Коршуновым, позднее работавшим в управлении драматическими театрами Министерства культуры, а тогда занимавший в Моссовете какую-то важную должность, и тот поспособствовал скорейшему оформлению моих документов. Так что Олег всегда, как только возникала необходимость, старался хоть в чём-нибудь помочь мне. Например, одалживал деньги, когда у меня (правда, всего два раза) в этом возникала необходимость. Впрочем, я никогда не злоупотреблял его добрым отношением ко мне.

В последние годы его жизни мы виделись не очень часто, но постоянно перезванивались и были в курсе дел друг друга. Но неизменно святым для меня оставался его день рождения, когда я обязательно приходил к нему домой или он приглашал меня туда, где его отмечал.

Кстати, Олег пригласил меня с женой в гастрольную поездку МХАТа по Волге, приуроченную к торжествам по случаю 100-летия театра, во время которой мы постоянно общались. Я делился с ним своими впечатлениями о просмотренных спектаклях. Он внимательно слушал. Иногда соглашался с моими замечаниями, а иногда весьма выразительно отмалчивался.

Приблизительно за год до кончины Олега мы поехали с ним на Ваганьковское кладбище, где похоронены его родители и моя мама. Мы давно собирались это сделать вместе, но всё как-то не получалось. Наконец однажды он мне позвонил и сказал: «Едем». Решили, что служебную машину он брать не будет (сам за руль уже не садился) и отправимся на моём стареньком жигулёнке. Наверное, Олег просто хотел побыть со мной вдвоём, без посторонних.

Мы побывали на могиле Анны Дмитриевны и Николая Ивановича, постояли, помолчали. Поскольку Олегу было трудно ходить, я попросил его подождать меня, пока схожу на могилу моей мамы. «Нет, — сказал он, — я обязательно пойду с тобой». Мою маму он хорошо знал, и она его очень любила. Возвращаясь обратно, мы остановились около могилы Юры Богатырёва, и Олег сказал, что он чувствует вину перед ним: почему он не потребовал от врачей, чтобы Юру раньше времени не выписывали из больницы, где тот проходил курс лечения. Вообще у меня сложилось впечатление, что в последний год жизни Олег жил с постоянным ощущением вины перед родителями и перед всеми, кого вольно или невольно когда-нибудь обидел.

В последние годы Олег тяжело болел и как-то всё больше и больше замыкался в себе. Его, конечно же, угнетало сознание, что он иногда не может обойтись без посторонней помощи. Хотя Татьяна Александровна Горячева, Татьяна Васильевна Бронзова, трогательно и внимательно опекавшие его, старались делать это деликатно и ненавязчиво. К тому же он тяжело переживал уход из театра некоторых актёров, с которыми его связывали долгие годы совместной работы. Я никогда специально не расспрашивал Олега о его театральных делах, считая, что если он захочет, то и сам расскажет. Но как-то раз я поинтересовался, почему его театр покинули многие замечательные актёры. На что он ответил: «Ты понимаешь, каждый из них решил, что имеет право ставить мне условия и требовать к себе особого отношения». И добавил: «Это то, что теперь называется звёздной болезнью. Но это их право считать себя великими и неповторимыми и самим принимать решение, что делать и как поступить».

Олег говорил об этом без раздражения и даже без осуждения. Он вообще никогда при мне ничего дурного о своих коллегах не высказывал. Даже о тех, кто относился к нему несправедливо и враждебно. Например, в разгар полемики вокруг деления МХАТа Олег не говорил ничего плохого о своём главном оппоненте Т.В. Дорониной, которая, в отличие от него, особенно в выступлениях не стеснялась.

Олега иногда обвиняли в жёсткости и даже в бездушии. Так, например, его осуждали за то, что он несправедливо поступил с Женей Евстигнеевым, уволив его из театра. По этому поводу у меня с Олегом чуть ли не на следующий день после внезапной кончины Евстигнеева произошёл следующий разговор. Я спросил его, что же послужило причиной их разрыва. Ведь они столько лет дружили и искренне любили друг друга. Олег мне ответил: он не может простить Жене того, что тот во многом виноват в трагическом уходе из жизни его жены Лили — в критических обстоя-

тельстввах, в которых она оказалась, он не помог и не поддержал её. И в сердцах произнёс, что и на его похороны, может быть, не пойдёт, добавив при этом: «Вот Алёшу Аджубея (который тогда же скончался) пойду хоронить. И тебя тоже, когда придёт время, а вот его нет, не пойду». Всё это было сказано сгоряча. И, конечно же, он проводил Женю в последний путь и на панихиде сказал о нём много тёплых слов.

Была у Олега одна особенность. Он далеко не всегда умел прощать, когда даже очень близкий ему человек совершал какой-нибудь неверный, с его точки зрения, поступок или раскрывался перед ним такой стороной, о которой не знал, то он порывал с ним. Так, например, было с Александрой Георгиевной Кудашевой, которую Олег очень любил, и с глубоко уважаемым им Виталием Яковлевичем Виленкиным. Что послужило причиной их размолвки, мне об этом неведомо, и я его об этом не спрашивал. Но смерть всех примиряет. Так, забыв о возникших когда-то разногласиях, Олег (а с ним и я с Сашей Калужским) пришёл проститься с умершей АГ.

В те дни, когда у Олега бывали, если так можно выразиться, проблемные дни, общаться с ним и говорить было трудно. Он был угрюм, замкнут и молчалив. И если мне иногда доводилось приходиться к нему в это время, то мы обычно просто сидели, молчали и без слов понимали друг друга. Но это нас не угнетало, и мы не испытывали никакого дискомфорта. Как мне говорила Танечка Горячева, Олег любил иногда помолчать рядом с близким ему человеком.

Я всегда поражался мужеству, с каким он переносил свою болезнь. Олег как-то пожаловался мне (это, кстати, было совсем не в его правилах), что по утрам он с трудом поднимается с постели и потом полчаса не может отдышаться. И добавил: «Ты знаешь, Колька, я очень не хочу быть старым». Да он никогда и не был им. За три дня до его кончины я позвонил ему и поразился: голос Олега был бодрый и уверенный. Когда я спросил, что это у тебя там за конфликт возник с профсоюзными деятелями театра, он ответил: «Да ерунда всё это! Всё обойдётся. Работать надо, работать!» И он работал буквально до последнего дня. Казалось, что всё идёт нормально и ничто не предвещает трагедии, и поэтому его кончина для многих и для меня стала неожиданностью.

После того как Олег ушёл из жизни, в моей душе образовалась какая-то пустота и не проходящая грусть и печаль, сродни той, которую когда-то, наверное, пришлось испытать Пушкину, сказавшему о безвременно ушедшем из жизни своём друге поэте А.А. Дельвиге: «Печален я: со мною друга нет...»

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ГЛАЗАМИ АРБАТСКОГО ПОДРОСТКА¹

«Мы все — войны шальные дети...»

О войне написано очень много. Меня иногда это останавливало: ну что я могу ещё нового сказать? А потом вдруг видишь, что о многом ещё не сказано и уже никогда не будет сказано, поскольку таких, как я, осталось не так уж и много — тех, кто хорошо помнит войну... Да, дети ещё долго будут жить, но детские воспоминания или воспоминания отрока — это разные вещи. Мы же всё-таки были достаточно понимающими и знающими.

У меня создаётся впечатление, что я всегда жил во время войны. Детский сад я, конечно, не помню, но вот начиная со школы — вечные рассказы о Гражданской войне. Причём это сейчас кажется, что это было давно, но ведь когда я пошёл в школу, в 1935 году, Гражданская война закончилась меньше 15 лет назад. А что такое 15 лет? Представьте себе любого взрослого человека, который пытается вспомнить, что было полтора десятка лет назад... Всё это осталось у меня в памяти: «от тайги до британских морей Красная Армия всех сильней!», «Если завтра война» и т.д. У меня была целая серия книг о Котовском, Олеко Дундиче, Пархоменко. Сейчас многим эти имена уже ничего не скажут, а для нас это были герои. Мало того, мы, пацаны, когда видели на улице человека с орденом — тогда не прятали ордена стыдливо, а носили открыто, — мы забегали вперёд посмотреть орден, особенно если там орден Красного Знамени или Красной Звезды.

Где-то начиная с 1938 года, когда разгорелась война в Испании, стало возникать ощущение, что и к нам она стучится в дверь, по-

¹ Стенограмма воспоминаний.

тому что стали прибывать испанские дети. Я помню, даже какие-то встречи устраивались, массовые выступления. Одно из них до сих пор в памяти. Мы изображали приехавших испанских детей. У нас были очень модные испанки — такие с кисточками пилотки... «Наши отцы и братья бились в первых рядах. Они убиты. Мы приехали в Советский Союз, чтобы жить вместе с вами, нашими братьями». Однажды вот с этими речёвками наш класс поехали в Колонный зал Дома Союзов. Мы поднимались на сцену, я споткнулся, и учительница на меня такими глазами посмотрела, что я и сейчас помню весь этот ужас её...

Мы, в отличие от современных школьников, были какие-то немножко более политизированные, что ли... Газеты читали. В школе, когда были те страшные процессы, читали о них в газетах, на стендах. Я хорошо помню, как в 1939 году, ещё перед захватом Чехословакии, очень много писалось о чехословацкой армии. Изображения танков, манёвры и т.д. И о том, что происходило в Европе, что были захваты в Австрии, мы знали.

Атмосфера напряжённости чувствовалась по прессе. А потом началась Финская война. И она уже коснулась многих. В 1936 году мой дядя был призван в армию (раньше призывали в армию с 22 лет). В 1938 году он вернулся и в конце года получил повестку на Финскую войну. Штатской жизнью он пожил совсем недолго. У него дома устроили ужин. Потом дядя пошёл провожать свою невесту, а когда возвращался домой, его сбита машина, и он целый месяц пролежал на больничной койке. Это спасло его от Финской.

Мы помним страшные морозы. В Москве ведь вымерзли все каштаны, яблоневые сады. Моя тётушка много лет служила лифтером в Доме на набережной — Доме правительства, причём в самых престижных подъездах. (И на её глазах уводили и военачальников, и прочих. Я даже помню, где, у какого подъезда, — там пять или шесть досок: здесь жили такие-то и такие-то. Я ещё об этом скажу.) А во дворе этого дома был храм, церковный двор. Там до сих пор сохранился дом ещё времён Ивана Грозного, может, конца XVI века, и он считался домом Малюты Скуратова (любимого опричника и помощника Ивана Грозного), а от него был подземный ход в Кремль... Так там во дворе был огромный яблоневый сад. Вот этот сад весь погиб во время тех морозов.

И вот конец 1939 — начало 1940-го. Через полгода моего дядю всё-таки забрали в армию. По-моему, он даже среднего образования не получил, но был очень способный, талантливый человек, был великолепный музыкант, не знавший ни одной ноты. Слухач. На трубе играл. Я даже помню, как однажды — я ещё пацаном был — он меня на какие-то похороны водил, в барабан бил.

Дядя служил в армии старшиной. Четыре треугольничка было. Его на какие-то курсы отправили, и он уже к войне был лейтенантом. К тому времени он женился и служил в Брестском гарнизоне. И перед самой войной, 15 мая 1941 года, он приехал в Москву и просто сказал: «Война будет!..» Потом он ещё рассказывал, что их на лето вывели из гарнизона, вывезли на границу, и там они строили дзоты. Вот он там войну и встретил.

Так что всё дышало ей. Мало того, ещё в школе — это был, по-моему, 1940 год или даже 1941-й — была военная игра такая. Называлась «Красные и синие». Мы, ребята, нашивали какие-то подпетлицы, ходили и отдавали военным честь на улице. Потом поехали на Воробьёвы горы, там нам раздали деревянные ружья, и мы устроили какое-то побоище. Меня в первой же стычке «убили». И потом пацаны на меня показывали: «Вот, я его убил, я его убил!». Такая атмосфера была: «Война, война!»

Конечно, нас очень удивило, что были фашисты, борьба против немцев... Очень хорошо помню огромный плакат: топор, внизу лежит Тельман (лидер немецких коммунистов). Это вот как бы над ним нависла угроза смерти. О Тельмане много писали, о войне в Испании, что там фашисты и т.д. Потом наступил 1939 год, и вдруг, оказывается, что это уже не фашисты, а национал-социалисты. Это нас ввело в какое-то заблуждение. В кругу ребят мы старались не обсуждать политические вопросы, каждый сам был по себе, потому что на слуху были процессы конца 30-х. Лишнего не болтать. Из класса исчезали иногда дети, но все считали, что они куда-то уезжают. Ну а если у кого-то с родителями что-то случилось, то не было такого в классах, что «ты враг народа». Никогда не было и антисемитизма. Расслойка в классе была, были дети маргиналов, приблатнённые. Они были сами по себе, плохо учились. Мальчиков евреев не было, а девочек было много. Но кто там еврей, какая разница? Об этом речи не шло никогда.

Возвращаясь к атмосфере... Ходили даже такие анекдоты. Наши спрашивают: «Почему вы концентрируете войска на нашей границе?». (Это когда уже Польшу захватили.) Немцы отвечали: «Они устали, проходя через всю Европу, они здесь отдыхают. Простите, а вы зачем концентрируете свои войска на нашей границе?» Наши отвечают: «Это чтобы ваши солдаты отдыхали в покое, чтобы им никто не мешал». Поэтому когда началась война, для нас это не было сюрпризом. Мы знали, что война будет, что все готовятся, что армия у нас самая сильная, что она, конечно же, победит. А потом оказалось, что армия, в общем-то, абсолютно не была готова. Дядя потом рассказывал, что самолёты, особенно в воскресенье, в день начала войны, все были отпущены в отпуска... Горючее не было подвезено, самолёты были в ремон-

те и т.д. Всё погибло... У нас ведь было больше танков и самолётов, чем у немцев, чуть ли не в два раза. И всё это осталось на земле, многие даже не взлетали... Вот у Нагибина есть один рассказ, совершенно потрясающий, про молодого лётчика, который так и не взлетел, а у него была мечта... Потом он купил «Запорожец» и где-то на этом «Запорожце» взлетел... Так что войну ждали, война вот-вот должна начаться, хоть и были потом разговоры о том, что всё произошло неожиданно. Всем же известно, что это не так. И разведка сообщала, и Зорге писал... Но когда один человек в государстве решает все вопросы, это не всегда идёт на пользу, а иногда приводит даже к трагическим последствиям. Так что предвоенная обстановка была такой, как я сказал.

Что касается начала войны... Тогда я жил у бабушки и у тёти, во дворе Дома на набережной. Я там часто бывал в силу целого ряда причин. Иногда месяцами там жил. Олег Ефремов, с которым мы дружили, тоже там иногда бывал. (Моё детство прошло в Нащокинском переулке, потом это была улица Фурманова, сейчас опять Нащокинский переулок. Почему он так назван? Потому что дом 2 — это дом знаменитого Нащокина, друга Пушкина. Дом сохранился, хотя и был перестроен. Кстати, в Петербурге, в Царском Селе, в Пушкинском музее, есть макет этого дома. Нащокин был человеком очень богатым, щедрым, и он заказал дом в масштабе 1/40. И там было всё, что было в его доме. Посуда из севрского фарфора была заказана; там стоял рояль, на котором можно было играть мелодию. Это совершенно удивительно — потрясающая вещь. К сожалению, весь дом не сохранился, только часть. И конечно, можно было бы восстановить его, потому что в нём часто бывал Пушкин. Но это слишком, наверное, дорогое удовольствие. Этот дом в конце XIX века стоил на аукционе 40 тысяч серебром. Это были огромные деньги. Такая вот ценность была. И наш дом тоже старый.)

Это было раннее утро... Конечно, все бросились в магазин. А в Доме на набережной было всё: там был свой театр, кинотеатр «Ударник», свой магазин, очень большой. И все бросились туда, и я тоже помчался. Помню толпу, которая заполнила весь зал. Что я покупал, уже не помню... А потом начались военные будни. Прежде всего светомаскировка. Были организованы группы — подростки, взрослые по 1–2 человека. Всю ночь ходили и смотрели, чтобы не дай Бог где не мелькнуло... Смешно думать, что сверху будет виден какой-то кусочек или щель, но тем не менее всю ночь ходили, пока не рассветёт. Уже появились первые аэростаты, которые заполнили всё небо. Все внимательно слушали, что же происходит на фронте. А там всё страшнее и страшнее. Немцы всё наступают. Но паники не было. Ну да, говорили разное... Но все знали, что у нас на старой границе ук-

репрайоны. Как только до старой границы дойдут, так мы там немцев остановим...

Потом выяснилось, что эти укрепрайоны оказались совсем пустые, они были разукомплектованы. И немцы или обошли их, или просто прошли. Мы всё время ждали: что ж там на фронте? Было однажды сообщение, что наши войска после каких-то боёв вновь захватили город Рогачёв и ещё какой-то... Все вроде вздохнули, но, увы, очень ненадолго.

В это время стали говорить о том, что появились шпионы. Пацаны бегали по улице, высматривали незнакомых, подозрительных, звали милиционеров. Потом стали укреплять дома. Все стёкла были заклеены бумажными лентами, как будто это могло спасти... Стали закрывать подвалы, витрины магазинов защищали мешками с песком. Мы с Олегом встречались, обсуждали: мы вот это сделали, то...

Вот так жила Москва. Карточек не было. Ощущения голода или нехватки еды первый месяц... ну, не месяц, недели три — не было. А буквально через две недели среди ночи завывла сирена. Я проснулся, вскочил с постели — не могу найти брюк, не могу найти носков... Короче, ботинки на босу ногу, вместо штанов надел пальто и бегом в Дом на набережной, в подвал. Там всё было заполнено, спустились жители и из окрестных домов, чтобы укрыться. Но оказалось, это была учебная тревога. Тогда возникла мысль, что всё ещё впереди, очень тревожно стало в Москве. Поэтому моя мама, опасаясь, что скоро всё начнётся (она как чувствовала), решила меня отвезти на свою родину. Это Тульская область, Венёвский район. Город Венёв, и от него в 10 километрах деревня, откуда она родом. Туда мы с мамой и отправились.

Москву я на время оставил. О том, как немцы подходили к столице, слышал только по рассказам. Тётка моя оставалась в Москве. В связи с этим как раз хочу напомнить вот ещё о чём (этого я, кстати, ни в одних воспоминаниях не находил). Дело в том, что, так как моя тётушка работала лифтьером в Доме на набережной, она была знакома с разными партийными деятелями — Землячкой, Шверником и многими другими. Ну, наверное, здоровались с ней. Она ещё и подрабатывала тем, что помогала по хозяйству — в тот период, когда началась война. Так вот, был молодой майор, я его помню, нашёл его портрет в «Огоньке», где были портреты Героев Советского Союза, награждённых за Испанию. Это некто Рогачёв или Рычагов, — по-моему, Рычагов всё-таки. Он был назначен командующим военно-воздушными силами страны. И буквально накануне войны ему разрешили уехать в отпуск. Он отправился в Крым. Это тётушка рассказывала, так сказать, из первых уст, я отвечаю за каждое своё слово. Кстати, его жена была

лётчик-испытатель, тоже, может быть, военной была... Понятно, что без разрешения И.В. Сталина никто не мог покинуть Москвы. Когда началась война, их немедленно оттуда вызвали, тут же арестовали и 16 октября, когда была паника в Москве, расстреляли. Я почему об этом говорю? Потому что тётушка приходила и говорила, что они, пока были арестованы и находились в Москве, к ней обращались — с отчаяния. Что она могла сделать? Но она всё-таки видится с какими-то членами правительства, может, она что-то узнает, может, скажет кому. Они ведь ни в чём не виноваты. Кстати, о нём нигде не читал ни одного слова. Но это было действительно так.

Ну что ещё о начале войны я могу сказать? Как-то все немножко разбрелись — во всяком случае, ребята из нашего класса каждый занимался в своём доме укреплением. Потом даже начали копать такие щели для укрытия, но это было уже тогда, когда началась бомбёжка. Бомбёжка началась ровно через месяц после начала войны — 22 июля. Я уехал из Москвы 8 июля. Что интересно, 8 июля — какой-то особенный для меня день. Ровно через год, в тот же день, я пришёл работать на завод. А тут мама меня вывезла в деревню. Это был довольно длинный путь... Сейчас-то быстро, а тогда мы что-то около полусуток ехали или сутки... В темноте, с остановками...

«Всё-таки это было всё родное...» (В деревне)

И вот мы приехали в деревню. Было, конечно, очень интересно, как воспринималась война крестьянами. Я человек всё-таки городской, родился в Москве и всю жизнь прожил в Москве. Правда, мама, когда мне было года четыре, возила меня в эту деревню. Но от той поездки остались другие впечатления. Помню, например, что я сижу на лошади впереди дяди, лошадь пьёт воду, и я очень боюсь, что соскользну по лошадиной шее и упаду в пруд. Очень хорошо помню, что около избы деда был маленький палисадничек, и у меня там был свой конь — деревянный или из папье-маше, уж я не знаю... Короче говоря, когда я вернулся туда почти через 10 лет, я нашёл своего коня и увидел тот самый палисадник. Всё это было родное...

Мне повезло ещё в том смысле, что я застал настоящую деревню, хотя коллективизация прошла, но связь с деревней не терялась, потому что в неё ещё приезжали. В частности, младший брат моего деда, мамин, получается, дядя, который был моложе моей мамы... Они в доме у нас были и говорили, что он очень долго не вступал в колхоз, но потом налогами задушили, огороды обре-

зали — 15, допустим, соток было, а так чуть ли не 3 сотки стало. В общем, вступил он в колхоз...

Когда я приехал в деревню, оставалась она ещё патриархальной. Деревня была небольшая, домов сорок приблизительно... Пустых таких домов. Мест, где обычно раскулаченные жили, почти не было. В другой деревне, куда я позднее переехал и где я попал в оккупацию, было много раскулаченных: там село было богаче. А здесь — что осталось в памяти? Всё колхозное, конечно, но у каждого мужика была своя лошадь, которая в колхозе находилась. У моего родственника это Карюха своя, приходили иногда, подкармливали...

Вечером возвращалось стадо. Хотя деревня небольшая, у каждого — одна корова, у каждого — по несколько овец. И дороги, самое главное, не разъезженные, не изуродованные. Потом я приехал в другую деревню — там колея по пояс. Там почва мягкая, и трактор проехал с огромными колёсами... Так что наша деревня патриархальная, и мне показалось, она мне очень близка. Бывал я в разных деревнях потом, и за границей, но именно тут что-то такое родное почувствовал.

В первые дни войны было довольно спокойно. Мужиков многих забрали уже, но жизнь шла равномерно. В это время начался сенокос, за огородами ухаживали. Радио было не в каждой избе, но газеты поступали.

Пару слов о почте. Когда началась война, мой дядя был на самой границе, не в Брестской крепости, а, как я уже сказал, в лагерях. Он рассказывал, как встречал первых немцев, когда они переправлялись через Мухавец. Нескольких, по его словам, убил. Потом он отступал со своими. В окружение он тогда не попал и дошёл до границы. Там был город Пинск, белорусский город. Несколько дней в нём не было ни одного старшего офицера, и дядя был комендантом этого города, руководил эвакуацией. Оттуда вывозили какое-то оборудование. Дядя взял ящик, в который положил два фотоаппарата «Фотокор» — тогда только такие были (были ещё «лейки», но это была большая редкость, а любительские «Фотокоры», в них пластинка вставлялась, выдвигалась, щёлкалась и так далее), и сумку какую-то дамскую. И эта посылка во время войны дошла до Москвы ровно через две недели, по-моему, или через три! И эту посылку мы получили. Потом дядя попал в окружение, о чём я позже ещё расскажу.

Начались будни. С ребятами я ходил в ночное — лошадей пас. Ну как пас — пытался. Потом приехала мама, и мы переехали: дело в том, что у моего деда была довольно большая семья — четверо детей. Мама понимала, что тяжело, и мы отправились в соседнюю деревню, где жил дядя моего отчима. Он приезжал к нам в Москву —

дело в том, что он участник Первой империалистической войны, и что-то там с ним случилось — то ли была газовая атака, то ли ещё что — он ослеп. Совсем. Его пытались лечить, но оказалось, что вылечить его невозможно. У него была жена. Ему было тогда около 50. Интересно, что он перед этим был у немцев в плену, во время Первой империалистической войны, четыре года почти. И, конечно же, к нему приходили, спрашивали: «А кто такие немцы?» И он рассказывал, как он там был. А был он, как говорил, великолепно устроенным, у какого-то бюргера жил, который очень хорошо к нему относился. И самое интересное то, что после той войны прошло почти 25 лет (он вернулся оттуда где-то в 1918 году), а он без какой-либо практики смог сохранить язык. И когда пришли немцы, он с ними свободно разговаривал, поэтому к нему приходили как к переводчику.

Мы с мамой переехали в село и стали там жить. Мама вместе с хозяйкой и слепой дед, который, кстати, не был колхозником. Он был большим мастером, валял валенки. Это большое искусство! Я насмотрелся. Складывается шерсть, потом её валяют, потом в горячую воду погружают, потом бьют. Дед был слепым, а его валенки славились на всю округу — очередь стояла, чтобы он выполнил заказ. В печи это грелось всё, доставались чугуны. Хозяйка делала подготовку, раскладывала шерсть — её надо было положить очень ровно: весь валенок должен быть одной структуры.

Так мы там и зажили. Было достаточно спокойно — стоял август... А вот в сентябре уже через село, — а село большое, домов триста; там была главная дорога, а наш дом немножко в стороне, — по той дороге всё время шли огромные гурты скота... Уже гнали скот в ожидании немцев... Колхозные стада формировали и гнали в тыл. Это было страшно. Недоенные коровы кричат... Трудно было всё-таки... Колхозные стада — сколько их было в колхозе — они всё идут, идут, на восток, на восток... Среди крестьян нарастала тревога: немец Смоленск взял, а это уже очень опасно. Уже стали возвращаться и раненые: вернулся солдат, у него рука была разбита. Он рассказывал о том, как на Брянском фронте был, о том, что им пригнали четыре танка КВ, и они на броне куда-то прорывались, и его там подстрелили. И вот вернулся. Такие эпизоды рассказывал. Приходили разные люди. Одного звали Павел Андреевич Соломенцев — «Как немцы»? Ну, он что мог — рассказал: какие они... Начали заблаговременно готовиться: припрятали барахлишко, какое было — закапывали; продукты, которые могут лежать, тоже прятали по разным местам. И вот сидели в ожидании того, что будет. В нашем доме поселился солдат, который был оставлен сторожить амбар с хлебом, зерном. Военные ушли и про него забыли. Он остался. Очень хороший был парень, по-моему, откуда-то из Баш-

кирии, но русский. Когда немцы стали подходить, хозяйка говорит ему: пусть переоденется, останется, а он — нет, я не могу так, присягу давал. В это время немцы стали уже летать над нами. Однажды пролетел самолёт, сбросил так небрежно, не прицельно, несколько бомб. Они попали на огороды, никого не задели. Потом где-то сел наш подбитый самолёт — «кукурузник»: где-то его там сожгли, лётчики ушли. Ну вот такое ожидание: что будет? Дядя записался в колхоз, мама стала ходить на работу в колхоз. Иногда мама не ходила, или хозяйка не ходила — я ходил, занимался сельхозработами. Ну, что я там мог? Снопки кидал. Конечно, помогал по дому. Главная моя задача была гонять кур с огорода, чтобы они огурцы не поклевали. А что, пацан же! Скучно мне было сидеть у огорода. А бегать надо было далеко. Я уже приспособился: чтобы их оттуда выманить, я кричал: «Цып-цып-цып!» Они оттуда выскочат, и я опять по своим делам ходил. То, что немцы придут, до многих не доходило. Я понял, что в Москву в этом году мне, видимо, не придётся возвращаться. Но в этом селе была школа — двухэтажное здание, переделанное, кстати, из церкви. И я уже прикидывал... Мама привезла учебники за седьмой класс, я стал почитывать. Это было где-то в августе. Стало ясно, что в Москву возвращаться нельзя: в Москве начались очень сильные бомбёжки. Куда ж там — возвращаться?

Всё изменилось, когда стало ясно, что немцев можно ожидать и здесь. Конечно, собирались каждое утро у дома, где был приёмник, не приёмник, а трансляция — такие были круглые, из картона, тарелки — вот оттуда слышали, что и где происходило. Это продолжалось до двадцатых чисел ноября. Снега ещё не было большого, но морозец уже был. А перед этим отступали наши войска — опять же, они шли по главной улице, у нас только иногда останавливались солдаты для ночёвки. Что интересно — уже тогда ходили слухи, что немца мы всё-таки одолеем, у нас новое орудие появилось — «катюша». И даже один, до сих пор помню, рассказывал, что он видел эту «катюшу». «Здоровая пушка», — показывает и говорит, что у неё чуть ли не метровое жерло и длина в три или четыре метра. Фантазии уже ходили! Безнадёги пока не было. Всё это продолжалось до начала ноября, продолжались и работы в колхозе. Когда уже окончательно стало ясно, что немцы придут, народ собрался. А село большое — там, по-моему, даже три колхоза было — и поделили всё это имущество колхозное. Не делили, кто что брал, а по-честному, по жребии. Допустим, если тридцать лошадей было, а дворов шестьдесят, значит, на два двора лошадь брали. Всё поделили, в том числе улья. Колхоз был не очень богатый, но всё-таки что-то осталось. Всё разложилось и затихло в ожидании.

Очень хорошо помню этот день. Был морозный солнечный день, ясный, и вдруг всё затихло. Абсолютно. Какая-то абсолютная тишина наступила на улице. Кстати, когда немцы были, а это продолжалось почти две недели, — в деревне собак не было слышно. Что-то они чувствовали. Молчали. Какая-то тревога, может, от хозяев... Обычно вечером тьякнет одна, потом другая, и начинается, так сказать, перекличка. О чём они решают вопрос, я не знаю, но это всегда было. А тут — тишина. Наш дом стоял на пригорке, внизу пруд, и на той стороне тоже пригорок. И вот в этой тишине сверху спускаются три бронетранспортёра — ну нельзя сказать, что прямо бронетранспортёры. Это были машины открытые совсем — там какой-то тент у них был, сзади гусеничный ход, передние колёса и противотанковая пушка. И вот они спускаются вниз в полной тишине, и как раз к нашему дому подъезжает такой автомобиль с пушкой. Выходят из машины четверо молодых, красивых, высокого роста ребят, очень приветливых, здороваются с хозяином — хозяин тем более по-немецки говорит, сразу нашли общий язык. Немцы были доброжелательны, у них там своя кухня была — они приносили из неё всё и садились вместе с хозяевами за стол. Даже шоколад иногда приносили, давали. Вот такое было, как будто в гости пришли. Правда, перед этим... я не помню, в каком порядке... Короче говоря, наверное, сначала... Не эта команда к нам пришла, а какие-то другие... Потому что солдат-то у нас ведь остался... А перед этим немцы бросали листовки. Листовки до сих пор помню. Такая листовка, большими буквами написано: «Делайте выбор: жизнь или смерть». Дальше на другой стороне: «Армия Ворошилова окружена под Ленинградом, Тимошенко там чего-то такое, армия Будённого бежала» — в общем, все эти перечисления. «Москва вот-вот должна пасть, Москва уже почти наша. Сдавайтесь в плен, эта бумага будет служить вам пропуском». А что касается этих немцев, то я до сих пор помню даже, как они вооружены были: у каждого был шмайссер, у каждого пистолет был — они вроде не солдаты были, но вооружение было именно такое. Потом уже, как выяснилось, они прошли всю Европу — из Норвегии были. Они шутили и даже в шутку пели «Интернационал». Дня четыре они у нас жили. Да, и что интересно: народ сначала немножко был в ожидании: кто, что? Но потом видят: ничего. Стали доставать яйца, другие продукты. Немцы брали кур, гусей, платили деньги... марки, правда, но платили, отдавали. Мародёрства или чего-то подобного не было. И всё время разговор в деревне шёл, что, конечно, это плохо, что немцы, но это лучше, чем колхоз. Вот было твёрдое такое убеждение, что нет ничего страшнее колхоза. А немцы — что немцы? Они люди культурные, главное, чтобы колхозов не было. Действительно, громадная ошибка немцев была,

что они потом эти колхозы оставили, потому что удобнее грабить не в одиночку. Всё вроде немножко успокоилось. Потом они отправились дальше в наступление, на Рязанскую область. Была маленькая передышка.

И потом видим, как по большой дороге в село въезжает обоз: огромные лошади — першероны они называются, фуры огромные. И уже народ совсем другой. Первое: пинком открывается дверь. Входят солдаты, как к себе домой. «Матка, — кричат, — яйца, пиво!» А хозяйка — жена нашего деда — ну как дед, ему 51 год был, а хозяйке лет 40, такая молодая, здоровая — руки в боки: «От пива, милок, ссать будешь криво!» Ну, они не понимают, конечно, но она ему так ответила. Потом началось что-то невообразимое. Где-то они нашли пасеку, разграбили, принесли, на стол вывалили соты, тут же сняли рубахи, стали вшей давить — тут же, одновременно. Средняя полоса — там бань даже нет, люди мылись и парились в печке. А тут вот за одним столом вши! Это был уже беспредел. Стали стрелять свиней. Очень хорошо помню, как немец тащит корову, а хозяйка упирается, чуть ли не за хвост отнимает последнее. Крик на всю деревню, уже стрельба там: где-то свинью застрелят, куры верещат. И у нас уже начали брать кур — одну, вторую, третью. Когда вечером немножко утихло, что-то они там завозились — куры на нашесте, на потолке — хозяйка говорит: «Коля, пойдём наверх». Мы взяли «летучую мышь», топор и, чтобы сохранить каких-то кур... Короче говоря, мы с ней туда полезли, она светила, держала кур, а я рубил им головы. Ну что делать? Это я рассматривал не как живодёрство, а как необходимость, потому что иначе можно было остаться без всего. Так что мы такой обряд тихо совершили.

Стали приспосабливаться. Только страшно было выходить на улицу, поскольку был комендантский час. Но тем не менее в доме у нас — не знаю, по какому случаю, — собрались однажды люди, выпивали немножко, даже вполголоса пели песни... В это время стук в дверь. Вздрыгнули: всё... Входит отчим мой. А с отчимом у меня целая история. Он в нескольких московских магазинах был заведующим мясным отделом. Он был мясник. Сейчас тоже есть специалисты, которые умеют разделывать туши. Вот он был большим мастером. Где-то он служил, и потом его почему-то забрали в армию. Это было весной 1941 года. Причём — как он рассказывал, я опять же за достоверность не ручаюсь, — их послали на какие-то курсы и обучали работать на каких-то агрегатах, о которых он говорил так: «Мы в этот агрегат запускаем тушу, а с другой стороны там автоматически чуть ли не готовые сосиски выходят». Но это что-то он фантазирует, наверное, — за что купил, за то и продаю. В первые дни войны он где-то служил — я не помню, где-то

под Смоленском или под Вязьмой? — где-то в «котел» попал, и... Как ему удалось сбежать? Шла колонна, он увидел пасущуюся лошадь и как бы отошёл в сторону по нужде, подошёл к лошади, стал копаться у неё в стреножнике, успел переодеться в гражданскую одежду, потом взял лошадь под уздцы потихонечку, и на виду у всех... Вот так повезло, с этой лошадью он и ушёл. Ну и пешком пришёл сюда. Так что вот такие невероятные вещи были.

И ещё один эпизод. О том, что пришёл племянник Павла Андреевича, вся деревня знала. И к нему как-то вечером приходит человек, который идёт не с Запада на Восток, а с Украины, украинец. То ли в плен попал, то ли сбежал... И он шёл обратно. Спрашивал: как лучше пройти, где нет патрулей вот хотя бы в ближайшее время. То есть хотел узнать тот маршрут, по которому шёл мой отчим. Вот только что он вошёл, мы сели, разговариваем — вдруг удары прикладом в дверь: патруль немецкий. Переполошились, решили, что, если поймают, неизвестно, что будет... Вышел он в сени, за дверь, а открывать пошёл слепой. Он открыл дверь, немцы входят, а тот выскочил — последний немец его увидел. И вот они перед нами: «Кто был?» И достают пистолет. Немец отлично говорил по-русски: «Кто был?» В итоге я до сих пор помню этот пистолет перед носом. Ну, сказали, что никого не было, ему показалось. Ничего особенного, ну пришёл человек просто что-то узнать... я пытался тоже что-то объяснить, но мама на меня так взглянула, что я проглотил язык, а немец увидел этот взгляд и спрашивает: «А почему вы так на него посмотрели?» И вот тут у меня мелькнула мысль: а если меня поведут куда-нибудь и начнут бить? Хотя в то же время он не партизан никакой... Но больше всего они боялись партизан. Дед как-то по-немецки и по-русски объяснил, что никого не было, может быть, там кто-то рядом проскочил, но у нас никого не было — ни партизан, никого. Так вот и ушёл.

Перед этим случаем был ещё один эпизод. На третий или четвёртый день после ухода первых частей пришла полевая жандармерия, которая следила за порядком в деревне. Соблюдение порядка началось с того, что расстреляли директора школы прямо у собственного дома. И дня четыре не разрешали убрать тело. Сказали, что он коммунист. Из коммунистов, кстати, никто не уехал, их человек 18 было. Они терпеливо ждали, что будет. Тревога в селе уже была. А у меня такое настроение было, что никогда я в Москву уже не попаду... Неужели я на всю жизнь останусь в этой деревне? И что со мной и с нами будет? Было такое отчаяние. И вдруг в это время на улице началась какая-то пальба, какой-то грохот. Я выскочил на улицу и вижу: по небу летят три самолёта — это сейчас парами летают, а в начале войны сохранился ещё довоенный строй в три самолета: впереди один и два сзади.

И вот летят — с красными крыльями, не очень высоко — потому что отлично видно звёзды; и вокруг — взрывы, взрывы, взрывы — буквально всё небо во взрывах. А они летят как-то спокойно. Такое ощущение, что «в гробу мы вас всех видали — летим и летим». И вот это было то состояние, когда вдруг я поверил, что не всё ещё закончено, что всё ещё будет, что это не навсегда, что наши есть и наши ещё придут. Вот этот день остался в моей памяти на всю жизнь. Уже как-то легче стало дышать.

И буквально через несколько дней началось наступление наших. Всем стало известно, что это армия под командованием генерала Белова. Причём экипировка — это были, видимо, сибирские части — экипировка была. Немцы перед этим уже мёрзли. У них была летняя шинелька и ещё какая-то сверху шинель. Ноги мёрзли, и они стали лепить из соломы бахилы. Потом они уже стали у мужиков снимать на улице сапоги, я об этом ещё расскажу, я как раз в больнице лежал, и старик пришёл с обмороженными ногами... То есть они дрожали, а тут идут наши — все одеты. У всех ватные штаны, телогрейки, у всех ещё шинель. Мало того, почти все с автоматами. Ну, винтовка — это понятно, а тут... То есть экипировка, вооружение. И вот они шли колонной, почти не останавливаясь, через нашу деревню. Выносили им картошку, кормили... По-моему, они даже одну ночь у нас переночевали. И вот они пошли дальше, и отчим буквально на следующий день отправился в Москву с мамой, а потом на фронт, и буквально через три недели вернулся уже раненый.

Вот такая была встреча с немцами. Крестьяне настороженно, но, во всяком случае, спокойно принимали немцев, но через две недели можно было создавать партизанский отряд. Когда немцы уже отступали, они были озлобленные, остановились в нашей избе, один из немцев к маме начал клеиться. Но дед ему объяснил, что это вообще-то русские женщины, они... А мама была молодая, ей было 33 года... Дед уговорил как-то немца успокоиться. И потом, когда немцы отступали, они, по-моему, 18 мужиков забрали с собой, с лошадьми. И эти мужики сгинули, так и не вернулся никто. Видимо, угнали в Германию или расстреляли. Немцы сожгли школу. Я помню ещё, как вышел на улицу. Деревни в этой полосе расположены очень близко друг от друга, километр-два, можно выйти за околицу, и всегда три-четыре деревни видно, даже колокольню в Венёве — огромная колокольня, какая-то уникальная совершенно — из деревни видно было, а там 10 километров — и зарево. Там зарево, там зарево — семь зарев я нашёл: везде немцы начинали уже тотально выжигать деревни. Но ещё мало. Вот в нашей деревне сожгли одну школу. В той деревне, где

мой дядя жил — мой дед по существу — там никто не пострадал, немцы сбежали, поджечь ничего не успели.

Дня через три за околицей нашей деревни нашли несколько трупов: молодые, красивые ребята, в самых необыкновенных позах замёрзшие. То ли ранеными они были выброшены на снег, то ли их расстреляли и бросили — они не просто лежали, а в каких-то невероятных позах. Их сложили сначала в сарай, документов никаких нет. Где-то их похоронили — война. Может, потом, после войны, их в общей могиле похоронили, догадались, узнали, кто это.

Вот так закончилось моё знакомство с немцами. Ну и, забегая вперёд, скажу, что немцы рассказывали. Я три года проработал в Германии, и самые лучшие друзья, которые были у нас с женой, были немцы, которые побывали в плену. Все они об этом говорили не один раз. Это коллеги наши, очень хорошие, добрые отношения были. В 1967 году мы были на научной конференции в Эрфурте, где после заседания я познакомился с одним немцем. Его звали Йохан Брандбауэр. «Слушай, — говорит, — пойдём где-нибудь посидим? Такие вещи я знаю...» А Эрфурт был знаменит тем, что там сохранился мост-улица, то есть это не только мост, на нём расположены и торговые лавки. А внизу, под ним, спуск к реке, где раньше, видимо, воду брали. И какое-то здание, и подвал — «Старый лебедь» — такой кабачок. Мы туда заходим. Экзотическое местечко: своды, бутылки торчат в стене, деревянная скамья, лавки. Вот мы сидим с ним, выпиваем, и он мне начинает рассказывать: «Слушай, Николай, вот там спрашивают, как к русским относятся. Во время войны я был в плену. Наш лагерь был под Коломной, под Москвой. Каждую ночь нас отправляли разгружать вагоны с углём. На вагон четыре человека. Два человека оставалось. А конвоиров не было особо, потому что — ну кто убежит? Тем более дело было зимой. А двое шли в город. Мы стучали ночью — ни одного огонька. Мы стучали. Нам открывали. Нас кормили. И с собой давали». — «Я, — говорит, — могу это забыть когда-нибудь?» Вот такие вещи были. Поэтому, хотя отчима убили на войне и ужасов я посмотрелся, но такого однозначного отношения, дикой ненависти — нет. Разные чувства.

После того как было объявлено о начале войны, Москва во многом изменилась. Каждое время, мне кажется, имеет свою атмосферу, какие-то свои запахи, своё ощущение, которое растворено вокруг. В первые дни войны это была какая-то настороженность, тревога. Конечно, знали, что сразу люди пошли в военкомат, выстраивались в очереди. Рядом с нашим домом, недалеко, была школа, до 1938 года, по-моему, немецкая школа, где учили на немецком языке, это было распространено. Её закрыли, и стало артиллерийское училище. Этот дом рядом с музеем Пушкина, на

Пречистенке. Напротив него в глубине двора было школьное здание. Вот в этом здании была артиллерийская школа. И там сейчас такое панно сделано скульптурное, откуда ушли эти мальчишки. Мы учились с Олегом в шестом классе, а шефствовали над нашим классом девятиклассники. Там были уже взрослые, по нашим представлениям, на целых три года старше нас, и мы знали, кто там в кого влюблён... Сейчас думаю: наверное, никто из них не вернулся. Даже из моего класса. Наш год — 1927-й. Но дело в том, что раньше очень строго принимали в школу, и, если нет восьми лет, не брали. Я как-то чудом проскочил: мне не было восьми лет, когда я поступил в школу, — я в ноябре родился... У нас учились ребята 1926 года рождения, которые должны были учиться в седьмом, а они учились в шестом. Некоторые из них попали в армию, но на фронте не были: они либо ещё учились, либо в каких-то тыловых частях служили. А вот дальше, начиная с восьмого класса — это 1926 год, 1925 год особенно — все прошли войну. Мой двоюродный брат — ему недавно 95 лет исполнилось, 1925 года рождения — хлебнул с полной силой, был и контужен, и ранен, но вернулся. Другой двоюродный брат, 1923 года рождения, вообще был кадровым военным. Я к чему это говорю? Из юношей, которые родились с 1920 по 1924 год, то есть 9–10 классы, выжило только три процента. Три процента...

Вернусь к тому, о чём уже рассказывал. Конечно, очень важно восприятие городского арбатского мальчишки, который вдруг приезжает в деревню. Я говорил, что давно, в раннем детстве, я уже был там, но остались туманные воспоминания. Здесь же я смотрел на всё немножко другими глазами. Первое, что бросалось в глаза, — никакой суеты. Мужики, женщины — все ходили на работу. Когда я туда попал, был ещё сенокос. А потом уже начались сельскохозяйственные работы. Деревня, в которой я вначале жил, была небольшой (около 40 домов), поэтому мне ещё довелось увидеть старую русскую деревню. Как мне потом рассказывали, эта деревня всё время была крепостной. И в лесу, который находился примерно в полукилометре от деревни, была усадьба. Там сохранились ещё остатки сада и даже фруктовые деревья. Деревня была тихая, спокойная. Уже шла война, но это где-то далеко, а здесь по утрам выгоняли скот, вечером возвращали стадо — коровы, овцы разбредались по домам; начинали топить печи — дымок такой... тишина... Причём из этой деревни очень мало кто был раскулачен. Деревня называлась Артёмово. Видимо, по хозяину: Артёмов, наверное, был. Она находилась в 10 километрах от города Винёва — это Винёвский уезд, как раньше называлось, или Винёвский район. Причём я уже говорил о том, что в этой части России — в средней полосе — деревни были очень

частыми. Здесь буквально каждая друг от друга — километр-полтора. Из Артёмова можно было пройти приблизительно за полчаса пять деревень. Одна деревня вообще была — в 600 или 700 метрах, причём в то время почти в каждой деревне был свой колхоз. В этой деревне, в Артёмово, не было сельскохозяйственных машин. И колхозники не пользовались услугами машинно-тракторных станций. Это уже в другой деревне, куда я потом переехал, были комбайны, тракторы и другая техника.

И всё-таки я был чужой. Сколько я прожил в деревне — почти девять месяцев, — но друзей среди деревенских мальчишек у меня так и не появилось. Как-то на меня смотрели, считали, что я из другого мира. Поэтому меня не очень принимали в компанию. Но тем не менее я с ребятами пас лошадей. И когда переехал в другую деревню, там я уже принимал участие в сельскохозяйственных работах — на молотье, возил снопы, а потом — там была пожарная часть — я лошадь водил на водопой, скакал на лошади без седла очень лихо... Так что как-то приобщался немного. Тем не менее общался я и раньше, и потом только с родственниками своими — хозяин дома, где я жил, мне доводился дядей. Он был моложе меня на четыре года, но по родству он был моим дядей.

В этой деревне не было нервозности, люди занимались своим делом. Кого-то забирали. К тому времени, когда я приехал, уже три недели шла война, уже людей призывного возраста всех забирали. Но оставались ещё люди. Брат моего деда (он тоже мне доводился дедом) был болен: у него была язва желудка, он не призывался...

Я неслучайно сказал, что эта деревня была крепостная. Вот в той деревне, где я потом жил, там люди были посвободнее. Здесь же особенно много не разговаривали, про политику я почти ничего не слышал, хотя я, может быть, не так долго там жил. Но тем не менее какие-то вещи были удивительные: чуть позже в этой деревне я нашёл последний, четвёртый том «Тихого Дона», который вышел в 1940 году. И он оказался в этой деревне! Кто-то принёс, и я его читал. Удивительно совершенно. В этой деревне, в Артёмово, потом жил мой сводный брат. Он во время войны почти одновременно со мной там был, но мы как-то не общались, а потом он уже вторую половину войны там учился в начальной школе. В этой небольшой деревне была даже начальная школа. И детишек, конечно, там было очень много. Вообще деревня была очень уютная, зелёная. Было два пруда — один большой, другой поменьше. У меня осталось какое-то чувство родины. Конечно, моя родина — это Арбат, который является чем-то святым для меня. Но и сюда, когда приехал, ощутил, что всё вокруг не чужое.

Всё-таки что-то есть, какие-то гены, что ли... Всё импонировало моему характеру.

Потом случилось так, что мама окончательно вернулась, приехала в деревню. А у дяди, брата моего отца, было четверо детей. Поэтому мама понимала, что, в общем-то, это обуза — ещё два человека, взрослых, по существу. Мы поехали в село — полтора километра приблизительно от этой деревни.

Там была более живая какая-то обстановка, насколько я помню. Было радио. В Артёмово я не слышал, чтобы у кого-то было радио, а тут оно было. Была даже партийная организация — 18 коммунистов было. Было три колхоза (деревня большая, домов триста). Всё продолжалось, то есть по-прежнему вели хозяйство. Мало того, мама стала ходить на работу. Что интересно: война уже в самом разгаре, а в деревне моего слепого деда поставили вопрос о том, что нужно вступить в колхоз, и после должны были отрезать огород. Дед вступил в колхоз. При мне это было: колхозное собрание на улице... Где-то в августе месяце. А о том, что немцы придут, никто пока не говорил. Ещё не было этого движения на Восток, когда гурты скота гнали, когда потом отступали наши воинские части... Это ещё было впереди. А здесь ещё вроде колхоз... В колхоз приняли, поэтому мама ходила работать вместе с женой деда. Трудодни там, записывали палочки. И, по-моему, один или два раза выдали граммов по двести какого-то зерна на трудодень. Ну что это? Какие-то мелочи совершенно.

Постепенно обстановка начала меняться. Стали приходиться раненые. А когда пошли бесконечные гурты со скотом, когда стали появляться какие-то отдельные воинские части, которые оставались на ночлег, когда был сдан Смоленск и всерьёз заговорили о том, что немцы могут прийти, — вот тогда стало очень тревожно. Если говорить об общем настроении, то пугала прежде всего неопределённость. Хотя, когда я туда приехал, люди жили довольно спокойно: да, шла война, да, многие уже были на фронте.

Но вот отношение к колхозу было очень негативное, потому что ещё в колхозных конюшнях, в колхозных стадах были свои родные животные — их тогда старались даже подкармливать. Ребятишки были довольно развязные — в Москве я такого никогда не видел — бывало, шли по улице мальчишки и на всю округу песни пели, хотя где-то шла война. Конечно, общались с ребятами. И потом, когда я лежал в больнице, там много ребятишек было.

Страх какой-то был, потому что ещё помнили раскулаченных. Были раскулаченные: стояли дома без окон, без дверей. Но, конечно, взрослые помалкивали, а ребятишки какие-то частушки распевали... Причём это та деревня, в которой была школа, семи-

летка перестроенная, кстати, из бывшей церкви. Это было всё-таки село, где был приход.

Когда мама приехала, уже чётко стало ясно, что в Москву мы пока не вернёмся, потому что немцы всё ближе подходили к столице, и мама привезла учебники для седьмого класса — они были куплены, и я уже что-то там посматривал, читал, конечно, хрестоматию, учебник по литературе. Очень хорошо помню: «Ревизора» прочитал. Конечно, всю глубину понять не мог, но меня очень заинтересовало, сколько же в конце концов денег собрал Хлестаков?

Деревня была очень чистая, ухоженная. Наш дом стоял на пригорке, чуть ниже был пруд — искусственный; была плотина, я там рыбу ловил: из иголки на огне согнул крючок, ушко-то было, нитку вставил — и как-то удалось, двух карпов выловил. Конечно, купался в этом пруду.

К тому, о чём я уже рассказывал, хочу добавить. Когда вошёл немецкий обоз, появилась и немецкая жандармерия. И тут же был назначен староста. Староста — бывший председатель колхоза. К этому времени грянули морозы, и он ходил по домам, собирал тёплые вещи для немцев. Уже немцы были другие, уже был страх. Никто теперь не спрашивал: стреляли и кур, и свиней. Помню, как корову отбирали. В общем, бесчинствовали. Но тоже какое-то время. Потом они ушли, и в деревне осталась только какая-то группа немцев, которые следили за порядком, о чём я уже рассказывал.

После того как немцы ушли, прошла наша армия. Отчим с мамой очень быстро, буквально через неделю, собрались и поехали в Москву, где он сразу же явился в военкомат и был быстро отправлен на фронт и буквально через две-три недели был ранен и оказался в госпитале. А потом, я не помню, говорил уже или нет, из госпиталя его, поскольку грамотный был человек, направили в школу миномётчиков. Он окончил там курсы и на фронт уже ехал заместителем командира батальона миномётчиков. А я остался в деревне, но мама меня перевезла обратно в Артёмово. Та деревня называлась Грибовка. Мама увезла меня опять в Артёмово — там я в семье родной, а тут всё-таки люди чужие были. Стало чувствоваться некоторое обременение, хотя мама старалась помогать по дому, ходила в колхоз, даже что-то пыталась из вещей продать и какое-то зерно в дом принести, чтобы мы не голодали. Они были люди зажиточные, в том смысле, что, как я уже рассказывал, хозяин был мастером валять валенки, а за работу стал брать продуктами. Так что они были более-менее обеспеченными людьми.

В Артёмове, куда я вернулся, осталось очень много немецких машин: замерзали, бензина-то у них не было, а искусственный

бензин замерзал на морозе, поэтому и бросали часто технику. Ну, ребятишкам это забава — растаскивали машину по винтикам. Здесь как-то всё обошлось без жертв. А потом чуть позже, когда я попал в больницу (я ещё об этом расскажу), очень много ребятишек находили всякого рода патроны, гранаты, снаряды. Ребятам же интересно, копаются там. Взрыв. Кто без руки, кто без пальца. Вот привезли однажды мальчика — их было пять человек, нашли снаряд, стали бить по нему молотком. Рвануло. Все погибли, кроме одного, который как-то оказался только ранен. И это ужасно совершенно. Причём ведь это люди не совсем маленькие, а такие пацаны, уже четырнадцать-пятнадцать лет. Эти люди потом и на фронт-то не попадали. А без рук в селе что делать-то? Страшно было. Вот это было тревожно. Ну, а так — зима. В это время уже никаких работ нет. Мужики собирались иногда на посиделки — такой был обычай: раз в неделю в одной избе собирались, потом — в другой. Собирались, обсуждали, какие там новости, что на фронте и так далее. Но это продолжалось не очень долго, потому что однажды мы там играли с мальчишкой, моим дядей, о котором я говорил, в прятки, я залез на потолок, спрятался там, а потом решил побыстрее соскочить, по лестнице спускался, прыгнул с середины лестницы вниз... И надо же случиться так, что он из-за угла выскочил, а в руках у него был кол. И я на этот кол прыгнул... Ну, кол-то я вытащил, потом посмотрели — на животе какая-то блямба. Дядя мой это увидел. Надо какого-то фельдшера... Дело в том, что у дяди сохранилась лошадь: когда делили колхозную скотину, ему достался жеребец. Тому было года два, по-моему, или два с половиной. Но дядя сказал, что это жеребёнок, и поэтому немцы его не тронули. Так что была лошадь. Дядя согласовал с председателем, лошадь дали, и он меня повёз. Это был уже вечер, зима. Укутали меня и повезли в город. И я вот до сих пор помню: когда ехал, то решил, что, конечно, умру. Единственное, о чём жалел, — что мамы рядом нет. Вот это было мне как-то очень горько. Но почему-то сильной боли не было. Как потом оказалось, у меня были разорваны мышцы живота. А кожа сохранилась...

В больнице

Привезли в больницу. Когда въехали в город, было страшно. Мы ехали по улице, которая состояла из одних сгоревших домов. Оказалось, что сожжена и больница. И всех больных, раненых, поместили в бывший родильный дом — одноэтажное деревянное

здание, с печным, конечно же, отоплением. Меня положили в палату, в которой было шесть или семь человек. Окна были завешены матрасами, потому что в них не было стёкол, только лишь в одном. Приподнимали кусок матраса, чтобы хоть какой-то был свет. Меня положили рядом с окном. Посмотрели и сказали: «Ну что?..» Ничего не делали, потому что бесполезно делать: инструментов нет. А мне было больно. Там лежали люди — у кого палец, у кого там ещё что-то. Был один солдат, у которого ноги были поморожены. Ну, они молодые, всякие анекдоты рассказывали, хохочут, и мне иногда смешно было. А смеяться не могу — сразу страшная боль. Подушку в рот запихивал. И вдруг однажды утром я проснулся, и как-то мне легко. А чувствую, что у меня живот весь мокрый. И пришла врачиха. До сих пор помню: молодая, красивая, такая русская красавица, с роскошной косой цвета ржи. Изумительная совершенно. Только что, в 1941 году, окончила институт. И попала сюда. Я до сих пор помню её имя. Звали её Мария Степановна Подколзина. Ну, задрала она мне рубашку, достала ножницы — без наркоза, безо всего — и мне, значит... Прорвалось, оказывается, нагноение. Прорвалось. Она мне разрежала ножницами. Я на всё это смотрел. Ну, поскольку зашивать не стали — нельзя, наверное, она побоялась, — наложили мне всяких бинтов, люголь там какой-то был. Поскольку это не зашивалось, то всё это продолжалось четыре месяца: два месяца я в больнице пролежал и после этого ещё ходил на перевязку. Но всё обошлось. Остался очень тёмный шов, и когда какие-то комиссии проходил, то спрашивали: «У вас что, аппендицит был?» Ничего нет. А самое интересное другое было. Потом уже, когда у нас выступал экстрасенс Кашпировский, мы как-то с Олегом решили посмотреть. И шов этот вдруг стал белым и почти незаметным. Вот и не верь после этого.

Первое, что бросалось в глаза в больнице, — давали хлеб. Хлеб из сгоревшего элеватора, пропахший дымом. Чёрный хлеб. Кормили... Был суп: телёнок только родился, и его на суп пустили. Ну, можно представить, что это такое. Выручало то, что жена брата моего деда, у которого я жил, буквально через день приходила в город и приносила мне молока, картошки, так что она как-то меня подкармливала. В больнице как раз я и насмотрелся, и многое увидел — разных ребят. Я уже рассказывал: без пальцев на руке... Они рассуждали: что можно сделать? Может, надо учиться быть писарем? Один солдат, который выходил из окружения, у него были пальцы отморожены — оказалось, он тоже с Арбата. Так что был какой-то разговор — интересный был мужик...

А ещё страшная была история — старика привезли. Когда ещё немцы были в деревне, в которой он жил, он был где-то за городом. Его остановили, сняли с него валенки, и он босиком бежал до деревни и отморозил ноги, и ему их ампутировали. А у него никого нет, и старик остался безногим.

Здесь, когда были в городе, как-то до нас доходили слухи о том, что на фронте происходит. А в то время было как раз наступление под Москвой, как-то жили ещё в таком воодушевлении... Но оно уже закончилось, это был январь месяц, уже всё затихло.

Про фронт в палате речи не шло. Запомнился мне только один случай. Привезли двух узбеков. Они больны были — один особенно. Второго я не помню, а первого очень хорошо: у него, видимо, язва желудка была, он всё время говорил: «Умиру я». Когда я попал в больницу, написали письмо маме в Москву. Она в это время жила у бабушки, в Доме на набережной, и там тётушка как-то помогла ей устроиться в столовую для живущих в этом доме. Ну, такая, закрытая столовая. Было очень хорошее место. Мама получила письмо: «Тётя Маня, приезжай: Коля очень сильно напоролся». Вот так, лаконично. Она всё бросила, не взяла ничего и приехала. И привезла белый хлеб... Я помню, терпеть не мог сливочное масло. Мама всегда им кормила, было многовато. Потом с маслом более-менее обошлось. А вот манная каша — это единственная пища, которую я не ем до сих пор. И даже во время войны не мог есть манную кашу, потому что мама в детстве обкормила. Хуже для меня каторги нет. А мама привезла сливочное масло. Когда раньше она намазывала масло на хлеб, я его смазывал и отдавал коту. Кот у меня был замечательный... А тут мне масло показалось таким вкусным — ничего вкуснее я в жизни не пробовал, мне кажется. У него был какой-то привкус, помню, клубники. Сейчас масло какое-то безвкусное совершенно. Раньше, когда масло было настоящим, чувствовался аромат. В общем, мама привезла белый хлеб. Тот больной узбек увидел белый хлеб и стал просить у меня. Я дал ему хлеба, естественно, раз надо ему. Желудок-то поддержать. Чёрный хлеб несъедобный был совершенно. Он какие-то деньги мне совал. Но я не взял. А потом — ну, мальчишка, но до сих пор стыдно — потом я подошёл к нему, сидел рядом, и он опять — кошелек и какие-то деньги совал-совал, и я взял. А потом всю жизнь задал себе вопрос: «Зачем?» Не знаю, стыдно ужасно.

В больнице я выживал. Была какая-то библиотека, и это было единственным, что меня спасало. Вот там-то я и прочитал... Что особенно запомнилось, — конечно, «Преступление и наказание». «Обломова» прочитал тоже, но с трудом. Я знал, что надо это прочитать, но я многого ещё не понимал. Потом-то я перечиты-

вал взхлёб. А вот «Преступление и наказание» меня потрясло: я представил весь ужас человека, который — вольно или невольно — совершил это преступление. Вот то, что пережил Раскольников, мне показалось, что не дай Бог — и я весь этот ужас буду переживать. Может быть, именно после этого у меня появилось к Достоевскому совершенно особое отношение. Позднее уже, конечно, всё перечитывал много раз. Чтение выручало.

Потом я стал уже ходить. Два месяца я провёл в больнице, с трудом начал ходить: два месяца не поднимался совсем. Потом выписали меня, и приехала бабушка. Бабушка, которая во время войны нас очень сильно выручала. Одно время мама работала в редакции — в буфете, по-моему, в редакции газеты «Гудок», и она приносила газеты — старые, какие оставались. А в деревне был большой дефицит бумаги — махорка-то была, а курить-то её надо было как-то. И вот бабушка — до сих пор помню — продавала газету за семь рублей. Тогда хлеб в магазине стоил рубль, на рынке его цена доходила до 100 рублей. Бабушка приехала, и мы с ней собрались в обратный путь. Но к тому времени её сын, мой дядя, пропал совсем — мы о нём ничего не знали. Я уже рассказывал, что он войну встретил на границе с Польшей. Только в августе месяце пришла посылка — я уже об этом рассказывал — в ней два фотоаппарата. И дядя исчез. Надолго — почти на два года. Он появился весной сорок третьего. А его жена из Бреста — в Бресте они жили, там же гарнизон был — пешком буквально три месяца добиралась до Москвы, как беженка из Бреста. А он как стал выходить из окружения, прямо от границы — где-то застрял и потом попал в отряд Ковпака. Ковпак — знаменитый партизанский вождь, у него целая армия была. И потом у дяди нога болела, и его вывезли самолётом в Москву. А тогда ничего не было известно.

В Москве с продуктами было трудно. И приехала туда, как раз одновременно с бабушкой, двоюродная сестра мамы. Она очень интересная. Жили они в Кунцеве, и как раз накануне войны она окончила десять классов и вышла замуж за сына Максима Дормидонтовича Михайлова — это знаменитый певец был, бас Большого театра. А она русская красавица: высокого роста, с пышными пепельными волосами. Очень красивая была женщина. Она тоже приехала — какие-то продукты надо было и прочее. В общем, мы вот такой компанией — она, я, бабушка и кто-то ещё, я сейчас уже не помню — добрались до Винёво. Помню, как подошёл поезд, — билетов нет, и этот поезд брали с боем, кто куда влезет. Бабушку отпихнули — ну, бабушка была пятидесяти лет, молодая совсем... А у меня была бельевая корзина, полная каких-то вещей... Меня впихнули в вагон, сумку эту впихнули... Где-то я умудрил-

ся на третьей полке — в общем вагоне — поставить эту сумку, то есть корзину, и за ней я лежал. Без билета. Да и билет, насколько я помню, нельзя было проверить: вагон был набит до предела.

Возвращение в Москву. Завод

Утром, в шесть часов, мы прибыли на Павелецкий вокзал. И вот моё впечатление о Москве: какая-то тишина настороженная. И около вокзала на улице стоят противотанковые «ежи». Ещё — какие-то остатки баррикад, которые были построены, когда немцы подходили к Москве. И видно, как аэростаты спускаются. Но мы слышали уже — и бабушка рассказывала, и мама... Она, когда меня увезла, вернулась в Москву и попала под бомбёжки. То есть она всё это время была в Москве. Потом уже она приехала туда, в июле. Интересно: я не застал бомбёжки, когда уезжал. Приехал я в Москву в начале апреля. Днём приехал, а в ночь была объявлена тревога. Но ничего не было. Мне повезло: я в войну ни под одну бомбёжку в Москве так и не попал, к счастью. Выгрузился я из вагона, один. Ну, родственница — её Анной звали — говорит: «Слушай, Коль, меня тоже никто не встретил, а у меня вещи есть. Ты давай сейчас езжай к моему мужу, Игорю». Они жили в угловом доме на Пушкинской площади. Если ехать в центр, то это с правой стороны, в этом доме жили актёры. Я к ним приехал, а вещи оставил с ней. «Мы, — говорят, — тебе поможем». Они приехали, взяли свои вещи, сели в трамвай и уехали, а я остался один. А это у Павелецкого вокзала, там трамвай, я как-то доехал до Балчуга, где Болотная площадь. До Дома на набережной нужно было идти через всю Болотную площадь. Я ещё в перевязке, а эта корзина — килограммов двадцать, или, может, больше была... и я её тащил. То есть я пять шагов пройду — поставлю, пять шагов пройду — поставлю. Один раз мужик какой-то мне помог немножко — я встал отдохнуть, он сразу оставил и ушёл. Я думал, что он ещё поможет... Так еле-еле доволокся... И никому сообщить не могу — телефона у них же нет, не позвонить. Мама на работе. В общем, добрался я до Москвы, и пока я шёл, столица мне показалась очень пустой. Не скажу, что она производила впечатление какой-то запущенности. Мне показалось, что всё более-менее. Привычно. Тем более Болотной площади как таковой не было — там были какие-то сараи, забор был — я шёл вдоль забора; такая была улица, до самого дома.

Началась другая жизнь. Мама работала. Я по-прежнему... Уже пришла весна. Бабушка не работала, тётушка работала в Доме на набережной. Чуть позже, где-то, наверное, в мае, мы вернулись

домой, в Нащокинский переулок. Школы были, кто-то учился, кто-то нет. Я целый год школы пропустил. Олега нет, я один. Мой приятель, который жил на моей улице, где-то работал — устроился в какую-то артель. Ну а я? Все работают, при деле, а я себя чувствую очень неловко. В это время я встретил Родина (известный московской краевед Александр Феоктистович Родин). Он сказал: «Коль, давай приходи. У нас кружок продолжает работать». Я стал ходить в Дом пионеров. Ходил в течение всего мая и даже, по-моему, до середины июня. Как раз когда я ему рассказал про свои мытарства, он мне посоветовал написать о том, что я видел, каждую деталь — всё это когда-нибудь потребуется. А память тогда была у меня!.. Я по часам мог всё вспомнить. Я и сейчас вспоминаю, только, конечно, по часам и дням уже не могу, но как будто стоит всё перед глазами. Поэтому во всём, о чём я говорю, нет ни грамма фантазии.

Ощущение ненужности, неприкаянности не покидало меня. Я хотел куда-то поступить. Мой приятель, который жил рядом, стал меня уговаривать учиться на мастера по ремонту пишущих машинок — но это совсем было неинтересно. Потом я был в одном доме, там мне встретила женщина, которая сказала, что она работает на заводе. Завод очень интересный — там приборы делают или ремонтируют. Мне очень захотелось на этот завод — там очень чисто, аккуратно, мраморные столы... И случилось так, что у нас во дворе жил инженер, который что-то там курировал, и на этот завод он должен был поехать чуть ли не на следующий день. Он сказал: «Я поговорю». Ну, поговорил, сказал: «Езжай». И я приехал на этот завод. Я уж не помню, какие документы у меня с собой были — никаких, наверное. Разве только свидетельство о рождении... Мне было четырнадцать, это был июль месяц... Меня приняли учеником чертёжника. Этот завод был довольно основательный. Завод авиаприборов. Военный завод, оборонный. Накануне подхода немцев к Москве он был эвакуирован в Энгельс. А там было огромное здание, пятиэтажное, и два трёхэтажных, которые были очень длинные. Этот завод до сих пор стоит, на него ещё можно посмотреть. Неизвестно, что там сейчас находится, но не завод. И это было абсолютно всё пустое. Только административный корпус работал. Там был отдел главного технолога. Меня туда определили в качестве ученика чертёжника. Всё остальное было выворочено: станков нет, один станок где-то сорвался — он так и валялся. Всё вычищено, всё вывезено, абсолютно. И началась видимость работы: меня пытались учить, давали какую-то мелкую работу, чертить там... это был июль, а в начале августа приехал завод из Петербурга. Их вывезли. После этой страшной зимы 1942 года... Завод погрузили на баржу и через Ладогу, вместе с ра-

бочими и инженерами, привезли в Москву. Мужчины, которые там работали, все разгружали станки. Но меня не брали — что там, четырнадцать лет. Так сказать, пожалели. И вот тогда я впервые познакомился с ленинградцами. Это были, конечно, удивительные люди. Рабочих от станка было немного. Всё-таки когда стали устанавливать станки, подключать их, стали набирать рабочих. Станочники, токари, фрезеровщики — это были выпускники ремесленных училищ. Вот если бы перед войной не было этой системы ремесленных училищ, не знаю, что бы было. Это была очень разумная политика. Когда начинался пятый класс, шестой класс, когда появлялись химия, физика, математика — многие не тянули. Особенно из семей рабочих, дворников, не очень грамотных. Для таких ребят была открыта система ремесленных училищ. Туда шли с удовольствием, потому что там было полное обеспечение: кормили, поили, давали бесплатную форму. По-моему, даже стипендию какую-то платили. Причём они там не только ремеслу учились, но и получали школьное образование. То есть все, как правило, семилетку заканчивали. И получали разряд. Вот на них-то, по существу, держалась вся промышленность.

Был ещё один пожилой мастер, сменщик мой, и ещё один токарь, который как наладчик был. В общем, четыре или пять человек взрослых. Остальные все были девочки. Возраст — от четырнадцати до шестнадцати лет. Вот такие. А кто из Ленинграда уцелел — это были преимущественно инженеры — большинство всё-таки женщины и пожилые мужчины. Остальных мужчин, конечно, забрали на фронт. А ИТР так называемые, инженерно-технический состав, вот они были. Трудно даже сказать, какие это были люди: несломленные, какие-то очень спокойные, достойные. Переносили это горе. И у каждого из этих людей было своё горе. Например, как-то в разговоре женщина рассказывала, как она сумела мужа своего похоронить на кладбище, что она сама его на саночках везла и т.д. У кого-то там ещё что-то. И всё-таки все они очень достойно себя держали. И самое удивительное то, что они в моей судьбе приняли очень тёплое участие.

Моё впечатление о заводе, о том, как всё проходило. Надо сказать, что, поскольку мне было четырнадцать с небольшим лет, у меня был восьмичасовой рабочий день, так полагалось работать всем, кому ещё нет 16 лет. Было более или менее свободно. На следующий год, в 1943 году, — да, в начале 1943 года, — я поступил в Школу рабочей молодёжи. Тогда были циклы: три или четыре предмета преподавались — сдавались экзамены; потом ещё четыре предмета... Вот так. Учился я всегда прилично: всегда отличником был. И здесь было всё нормально. Но одно событие меня выбило из колеи, и вот на всю жизнь обида сохранилась. Я сдавал экзамен

по геометрии, всё выучил. Одну задачу — даже помню, где она расположена в учебнике: с левой стороны, внизу. Маленькая какая-то. И я как-то её просмотрел... А она мне попалась на зачёте. Я говорю: «Я не помню. Давайте я вам любую другую решу. Теорему Пифагора (то, что было самое сложное)». Ну, давай. Я блестяще всё ответил. Думаю, всё нормально. Ну «хорошо» надо было поставить. А она мне поставила «тройку». Я очень обиделся.

Когда я только поступил на завод, шёл 1942 год. Сильного голода ещё не было, потому что какие-то продукты выдавали даже сверх карточек: то капусту, то ещё что-то. Карточка, пока я был учеником чертёжника, а потом чертёжником, была служащая. Не рабочая, а служащая. Всё было в урезанном виде: хлеба, по-моему, на 150 граммов меньше, и всё остальное. Чуть позже стало довольно трудно. 1942 год был очень трудный: это был Сталинград. Было очень тревожно. И как-то плохо стало с продуктами, ребята голодали. Представьте себе: рабочая карточка. Хлеба мы получали 650 граммов — это уже рабочая карточка. В субботу можно было взять на субботу и воскресенье. Хлеб в Москве, в отличие от Петербурга, где голодали, был хороший. Белый хлеб. Целый батон свежего хлеба в субботу. Голодные ребята съедали этот хлеб в один день, а потом два дня голодали. Это во-первых. Во-вторых, продуктовую карточку можно было поменять на обеденную карточку в столовой. Там выделялось какое-то мясо и прочее. Рыба. В каждой карточке были талоны на рыбу. Рыбу в течение всей войны ни разу на карточку не дали. Никогда. Селёдка была. Но селёдку давали вместо мяса. На мясные талоны давали селёдку — вот это было, а другой рыбы не было. Короче говоря, вот 1200 граммов. И помню очень хорошо меню на один месяц: лапша и лапшевник. За лапшу вырезали 40 граммов крупы, а за лапшевник — 80. Такое меню было в течение целого месяца. 120 граммов за один раз вырезают, а всего — 1200. Значит, всей этой карточки хватало на 10 дней. Ребята бедствовали ужасно. Что делали? Приспособились дорисовывать карточки: там, где 100 граммов, делали 400. Как-то уж они умудрялись, не знаю. Мало того, иногда ребята даже сбегали на фронт, особенно одинокие — откуда-то приезжие иногда были, кто-то из эвакуированных, и из оккупированных частей оказывались в Москве. Так что было очень несладко.

Зима. Большая комната, ну, наверное, метров сорок, может быть. Это был отдел главного технолога. В центре была поставлена печка. Труба выводилась на улицу. И вот сидели, кто чем обогревался: кто-то лампочками — втыкал их и грелся. У меня в то время пальцы, фаланги — до сих пор шрамы остались — от холода лопались. Чесались, потом лопались и долго не заживали. Врач

говорил: «Никакая мазь не поможет. Мех нужен, собачий мех». Вот в таких условиях работали.

Очень хорошо помню, что надо мной сначала шефствовал Александр Венедиктович Хапанцев — это когда ещё из Петербурга не приехали. А потом Михаил Абрамович Струтиевский. Инженер-технолог, совершенно блестящий ум. Он как-то меня взял под своё крыло: он разрабатывал технологические карты, а я переводил это всё в чертежи. Эскизироващиком был. А потом он давал мне самому задание, и я уже сам составлял эти карты и всё рисовал. Причём он натаскивал так: сходи в цех, посмотри, как работают, как эта деталь обрабатывается. И я ходил по цехам, смотрел. А потом попытался я учиться в восьмом классе. Это уже был, правда, 1943 год, лето, уже было более-менее спокойно.

До того, зимой, после Сталинградской битвы, где-то в феврале месяце, мой отчим уехал на фронт, и эшелон где-то стоял под Москвой, где-то на Окружной дороге, и он прибежал домой повидаться. Мама была на работе, я был один, поскольку тогда у меня был восьмичасовой рабочий день, поэтому я оказался дома случайно. Он мне отдал собачьи рукавицы, на собачьем меху. Я потом их носил на верёвке, как маленький мальчик, потому что боялся их потерять в трамвайной давке. Они вылечили мои пальцы. И вот перед тобой стоит человек, который знает, что он видится, наверное, в последний раз — где-то внутреннее чувство это есть. Он вообще был человек очень сдержанный. Очень хорошо ко мне относился. Я воспитывался вместе с его дочкой. И он никаких различий не делал, но и особых отношений тоже не было, детьми он особо не занимался. Единственное время, когда мы более или менее общались, — это когда жили на даче. На даче мы бывали с 1934 года. В том году мы в первый раз были на даче, в Кунцеве, потом, с 1935 до 1940-го, мы снимали дачу в Клязьме. На три месяца мы всегда выезжали на дачу. Я никогда не чувствовал недоброжелательного к себе отношения. Так вот. Когда зашел он, мы поговорили, а потом вдруг спрашивает: «Коля, я тебя чем-то когда-нибудь обидел?» Я говорю: «Ну что ты, никогда в жизни». Это, пожалуй, одно из самых сильных потрясений в моей жизни. Мама не пришла, не успела — она просто не могла прийти: она заступила на смену. Она работала на заводе в это время. На вагоно-ремонтном заводе. И таскала там какие-то чушки огромные — потом у неё опущение почки было из-за этого. Страшные вещи...

Отчим уехал. Через какое-то время, через месяц приблизительно, он прислал письмо. И тоже письмо какое-то... ну, не похоже на него — с каким-то пафосом написанное, вроде того: да, не знаю, вернусь ли я, но я погибну не зря... Вот такие, пафосные немного слова. И какое-то очень тревожное в то же время письмо. Потом,

буквально, по-моему, через неделю, соседка приходит с письмом, а мы с мамой только с работы вернулись. Мама такая радостная, берёт письмо... Я говорю: «Ну, дай я посмотрю». Письмо, смотрю, какое-то казённое. Открываю, а там: «Ваш муж погиб...» Я, помню, так и сказал: «Убит!» Мама, конечно, очень переживала... А на следующий день я пришёл на работу — работать надо было. Ну и спросили, что со мной, я сказал, и меня отпустили домой.

Теперь вот о чём надо сказать. Когда я только поступил на завод — это был июль 1942 года, лето, — всё было нормально. Я жил в Нащокинском переулке — это рядом с метро «Дворец Советов», ныне «Кропоткинская». Две остановки до Арбата. А Арбат был не тем, что сейчас. Была площадь, на этой площади, посередине, чуть-чуть наискосок от кинотеатра «Художественный», была остановка троллейбуса. Я садился здесь на троллейбус и ехал к нынешнему Кутузовскому проспекту, ехал до конца, то есть не доезжая арки. Вот так вниз, до фабрики-кухни, где была троллейбусная остановка. А чуть подальше троллейбус делал круг. Это была конечная остановка, и, по существу, после нашего завода только один дом был, а потом начиналось поле. Налево будет Давыдково, а прямо — Кунцево. Сейчас это всё застроено вплотную уже. Летом на троллейбусе я довольно быстро добирался, минут за двадцать, наверное. Но начались морозы, троллейбусы почти совсем перестали ходить, и поэтому надо было добираться на трамвае. А трамвай шёл только от Киевского вокзала. Так вот, я садился в метро, делал пересадку на другую линию и ехал до Киевского вокзала. У Киевского вокзала я выходил и садился на трамвай. Трамвай брали тоже с боем. То есть он уходил, весь обвешанный людьми: и на подножках, и на крыше, и между вагонами. Ну, я боялся между вагонами ездить — как-то втискивался в сам вагон. И так каждый день. И это было ещё более-менее. Когда я восемь часов работал, то всё-таки возвращался нормально. И когда 1943 год наступил, было терпимо. А вот когда надо было уже работать по двенадцать часов, вот тогда было уже тяжело... То есть жизнь строилась таким образом: вставал в шесть часов, добирался к восьми часам на работу. Без опоздания. Опаздывать было нельзя. Почему? Был такой указ: за опоздание на двадцать минут — принудительные работы с вычетом 25% заработной платы. Ну это на военных заводах, потому что выгонять трудно. А вот на других просто в тюрьму сажали за такие вещи. Поэтому я привык никогда не опаздывать. И на лекцию за 60 лет моей деятельности как преподавателя я ни разу не опоздал. В восемь часов кончался рабочий день. Ещё в магазине надо было зайти, в очереди постоять... Часам к десяти я возвращался домой. Ужинал. Часто электричества не было, была копилочка такая, с фитилёчком. Иногда удавалось что-нибудь почи-

тать. А потом спать. И так целую неделю. Выходные не давали. Но раз в месяц давали всегда — в баню сходить.

Приходили в баню. Там выдавали мыло, маленький обмылок такой — ну, как два куска рафинада. Хозяйственное мыло. Это к билету полагалось такое мыло. Иногда вдруг пиво продавали. Но это редкость была. Вот такой образ жизни.

В то же время, пока был восьмичасовой рабочий день, как это ни странно, на заводы приходили кассиры и продавали билеты в театр. Билеты стоили копейки тогда. Самый дорогой билет стоил три рубля — в Большой театр, на первый ряд. Конечно, я-то мог ещё ходить, поскольку рабочий день заканчивался в пять часов вечера. И даже когда двенадцатичасовой рабочий день был — в выходной я всё-таки ходил в театр. Во время войны я посмотрел весь репертуар в филиале Большого, несколько спектаклей в Большом театре, во МХАТе, в Малом театре особенно много, в Театр оперетты ходил. Сейчас же приезжают в Москву и даже не знают, какие театры в Москве есть. Ну, правда, должен сказать, что ребят из цеха я не видел в театре... В Оперетту кто-то ходил.

Когда я пришел на завод и сказал, что отчим у меня погиб, меня отправили домой и потом стали думать, как мне помочь с продуктами. Карточка-то служебная, служащего. И главный технолог завода придумал должность: техник-технолог третьего разряда. Такой должности нет, есть просто техник-технолог. Но они меня сделали техником-технологом третьего разряда. Я стал получать рабочую карточку. И зарплата стала немножко больше — по-моему, 350 рублей платили. До сих пор помню: когда я был учеником, я получал 175 рублей. Когда я стал чертёжником уже, стал получать 250. То есть разницы почти никакой. А когда я стал техником-технологом, мне стали платить 350. Уже после я и одна женщина, Ольга Яковлевна Хотс (она опекала меня на заводе), переехали в цех. Механический цех, где мы готовили новую документацию для вновь выпускаемых приборов. Ну, там надо было переделывать все чертежи. Допустим, нужно было сделать какой-нибудь корпус авиационного прибора. Надо было рассчитать так — он отливался сначала, и надо было вычислить, сколько будет снято во время его обработки. Это довольно сложная работа была. И мы вот этим занимались. А потом Михаил Абрамович Струтиевский сказал: «Коля, знаешь, всё-таки я бы тебе посоветовал поработать у станка. Лучше будешь понимать». Я согласился. И осенью 1943 года меня определили учеником к рабочему — пожилому рабочему, ленинградцу, который рассказывал, что он в одном цехе с М.И. Калининым когда-то работал. Василий Васильевич Хохряков. У него был станок производства конца XIX века, наверное. У этого станка были ременные трансмиссии. Василий Васильевич на этом станке делал совершенно неверо-

ятные вещи, то есть точность такую, какой не давали самые точные станки. Как он это делал — трудно сказать. Он там мог и фрезерные работы, и всё что угодно. Вот меня к нему и определили. Он к этому довольно скептически отнёсся, но учил. Короче говоря, я встал к станку, и вместе мы что-то делали — я уже сейчас не помню, всякие приспособления, в общем. Я видел там настоящих виртуозов, которые умели работать на токарном станке. Это талант должен быть. В любой профессии должно быть призвание, должны быть золотые руки. Но у меня, к сожалению, не было. Где-то до четвёртого разряда я доработал, а те, кто меня курировал в отделе главного технолога, обо мне не забыли. Весной 1944 года меня сняли с цеха, со станка, и перевели, даже не помню, на какую должность. Я стал помогать в техническом отделе цеха. И потом случилось так, что одного техника-технолога с участка сделали начальником цеха. Место освободилось, и он почему-то тоже меня заметил и назначил техником-технологом этого участка. Ну, техник-технолог — это человек с профильным образованием, который окончил среднюю школу, техникум. Я окончил семь классов. Но дело в том, что я как-то умел пользоваться всякими справочниками. И умел любой расчёт сделать. Мало того, у меня появился вкус что-нибудь изобретать. А это было очень важно, потому что каждый месяц можно было получать премию за рационализаторские предложения. Ну, и там бухгалтер была, такая милая женщина, говорит: «Коль, иди-ка сюда. Давай какое-нибудь рационализаторское предложение, я сейчас зарплату там оформляю». И я садился, писал. Кстати, это тоже чисто формально, потому что все эти рационализаторские предложения, за очень редким исключением, так и оставались нереализованными. Но тем не менее я всё-таки занимался серьёзными делами.

Тогда впервые стали у нас на заводе вводить поточный метод: заготовка проходила через целый ряд станков, и выходила готовая деталь. Я разработал одну поточную линию: у меня были огромные чертежи, со всеми выкладками, хронометраж и так далее, всё это было развешано. Это было оформлено как рационализаторское предложение. Пришли посмотреть начальник цеха и главный технолог. Одобрили и выписали премию. Начальнику цеха — 1500 рублей, технологу — 1200 рублей и мне — 500 рублей. (Вот эта система, когда делает один, а приписывают многим, была типичной. Потом и в науке, в статьях... Сколько мы знаем таких случаев, когда научный руководитель записывается в соавторы к аспиранту...)

Один год я даже был лучшим рационализатором завода. Тоже какую-то премию мне дали. Я действительно умел что-то делать. Однажды я приехал на работу, а мастер цеха ушёл в ночную, и из сборочного цеха приходит сообщение: нужна деталь. Деталь-то

ерундовая: маленькая такая, как шпилька, ось, на которой ходят заслонки в гироскопическом компасе. Ну, она очень точная должна быть, чтобы эллипса не было, абсолютная ровность, и микронные допуски. Обычно это делали очень просто: тянули через волоочильный станок. То есть проволоку запускали — делалась такая планшетка с дыркой, через неё протягивали, вытягивали, и получалось. А тут никак. Очень сложно сделать эту штуку, а там она почему-то вышла из строя. Встал весь конвейер. Что делать? Есть ещё один путь: шлифовальный станок. Это два диска, а между ними проходит деталь. Вот надо было так отрегулировать эти два диска — абразивные, с крошкой алмаза; их надо было проточить и пропускать через них. Короче говоря, я нашёл какую-то литературу — в библиотеку пошёл посмотреть, как всё это устроено, ведь на этом станке я никогда не работал. Потом где-то почти целый день я провозился, но всё-таки к концу дня я выдал партию, и конвейер заработал. Вот это было тоже такое чувство, когда я домой шёл, а время уже позднее, мама беспокоилась: десятый час. Лето, правда, было. Иду домой, а мама где-то меня встречает на бульваре. И вот ощущение: вот, я что-то сделал.

Наверное, не было ни одного поэта, который не писал бы о войне. Я просто хочу сказать... У Окуджавы в песне есть такие слова: «Мы все — войны шальные дети...» Мне кажется, что было бы более правильно, более точно сказать: «Мы все — войны больные дети». Война стала забываться в суете. Даже люди, которые видели войну, люди, которые прошли войну... Они, во-первых, не любят вспоминать её, но когда касается вдруг, человек остановится, пытается оглянуться, что-то вспомнить. Возникает совершенно неизбежное горе. Говорят о том — «со слезами на глазах». Наверное, очень точно сказано, потому что, когда объявили, что война закончена, мама у меня в ночную смену работала, я был дома. И вот она вернулась, и вместо радости мы просто рыдали. Потому что, наверное, не было ни одной семьи в стране, которая кого-то не потеряла. Поэтому, когда вспоминают войну, то прежде всего думают не о победах, а вспоминают о горе, страдании. Я об этом говорю потому, что многие просто не понимают, что такое война. Правду надо рассказывать о войне, и тогда будешь любить Родину и знать, за что люди гибли, за что они шли на смерть. Все, наверное, знают, кто видел: после войны Москва была заполнена инвалидами. Мы в это время с Олегом Ефремовым часто ходили, как это говорят, «в народ». Ходили в пивные, говорили с людьми, которые прошли войну... Встречали там людей, которые протягивали кружку, просили им пива налить... Это было страшно. Потому что все думали, что когда война закончится, вот тогда мы заживём. Даже фильм был такой — «В шесть часов вечера после войны».

Когда праздновали День Победы, это тоже было ликование: начинается новая жизнь! Как мы будем жить! А никак. Люди, которые вернулись с войны, часто не находили себе места в жизни. Дядя мой прошёл всю войну. Всю войну — я уже говорил об этом. Демобилизовался. Да, он не только участвовал в войне с Германией, но и с японцами повоевал. Потом вернулся, по настоянию жены вышел в отставку и не мог найти себя. Болтался, начал пить. Кончилось тем, что он просто покончил с собой в 39 лет. И таких судеб было очень много...

О дяде

Я хочу вернуться немножко назад. Просто хотел рассказать о дяде. Как я уже говорил, дядя отступал от границы, где-то попал в окружение — он не любил об этом рассказывать. Я знаю, что он был потом в армии Ковпака. Он пропал. Мы о нём ничего не знали до весны 1943 года — это почти полтора года. Куда делся — неизвестно. И вот однажды вдруг получаем — мы в это время жили у бабушки, на Берсеневской набережной, — телеграмму: «Лежу в госпитале». Написан адрес, подпись: «Дугис». А фамилия его Дудин. Ну, я понял, что это, видимо, ошибка телеграфиста. Тут же мы сразу поехали, начали разыскивать адрес. Оказалось, что госпиталь находился в академии Фрунзе. Знали, где академия Фрунзе, а мы искали улицу, адрес почтовый. Трудно было найти адрес этого госпиталя. Короче говоря, видим: он выходит на костылях, бабушка моя: «Ах, без ноги!» Но оказалось, нога на месте, просто очень тяжёлое было ранение, не заживало долго. И вот у них время обеда наступило. Он взял меня и повёл в свою столовую. Посадил меня и вместо себя накормил обедом. Это было весной, где-то в мае месяце.

Потом, после выписки, его отправили на так называемую фильтрацию. Где-то под Москвой был лагерь, где собирали всех людей, которые были в плену или вышли из окружения. Проверку устраивали капитальную. Это было именно то, из чего потом формировали так называемые штрафные батальоны. Причём в кино говорят и везде пишут: штрафбат. Показывают, что там и уголовники были и прочее, — не знаю. Во всяком случае, дядя мой не называл свой батальон штрафным; он называл его штурмовой батальон. Это был батальон, состоявший из одних офицеров — от лейтенанта до подполковника. Там были сапёры, лётчики, артиллеристы, миномётчики — представители всех родов войск были, но, по существу, они воевали как пехотинцы. То есть в большинстве своём

это были кадровые военные, имевшие специальную подготовку. Это были те кадры, в которых нуждалась наша армия. Кончилось тем, что сформировали этот батальон — там было девятьсот с лишним человек — мне дядя рассказывал. Он это знал, потому что он был командиром из этой же среды. Не присланный. Был подполковник, а дядя был у него помощником — адъютантом. Поэтому он был в курсе всех событий. Как он мне рассказал, три раза они сходили в атаку. И от всего батальона осталось 250 или 260 человек. Но вернулся с медалью, как у Высоцкого: «И если не поймашь в грудь свинец, / Медаль на грудь поймашь “За отвагу”». Вот он и поймал эту медаль «За отвагу». После этого он был отправлен в действующую армию. Он ведь пехотинец был, но человек одарённый, умелец на все руки, он даже, по-моему, не окончил средней школы, но каким-то механиком работал. Попал в армию после выхода из штурмового батальона, в техническую часть, и был потом всю войну помпотехом — помощником какого-то моторизованного батальона, начальником технической части. А до войны он играл в оркестре, не зная нот совершенно. Он был «слухач», играл на трубе, когда служил в армии, был футболистом — вратарём, в Западном округе где-то играл за команду. Таким вот был человеком.

Он рассказывал, как воевал под Кёнигсбергом, за что получил орден Красной Звезды...

Ну и ещё о войне чуть-чуть. О заводе. Сама атмосфера заводской жизни... Она, по существу, была просто деловой, без каких-то вот «взрывов» особого патриотизма. Но всё-таки мы знали своё место. Мы знали нашего директора: Гоцеридзе, генерал-майор. Интересно то, что у нас военпредом был Гомес — капитан первого ранга, командир испанского крейсера, который после разгрома республиканской Испании, видимо, был направлен сюда. Он в штатском ходил, но мы знали, что он испанец. И мы гордились.

Что касается состава, я уже говорил о выпускниках ремесленных училищ, которые были квалифицированными рабочими: они приходили на производство, имея 3–4-й разряд. У каждого человека есть свой талант. Там один парень был — токарь. Ну, у всех был 4-й разряд, а он очень быстро получил 5–6-й разряд. Он был виртуоз.

И на весь цех было несколько квалифицированных рабочих, причём, как правило, это были люди, которые вернулись на завод из Энгельса, из бывших рабочих этого завода.

Что касается ленинградцев — очень мало уцелевших рабочих после страшного голода. Больше инженеры, техники. И много было подмосковных ребят. Кто-то из них от армии уходил — да-

вали бронь; здоровые были ребята, не очень квалифицированные, но тяжёлую работу ведь надо же было делать на заводе. Литейный цех, такелажники... Так что все были при деле.

Внимательно следили за тем, что происходит на фронте. Помню, к нам на завод приехал дважды Герой Советского Союза лётчик А.И. Молодчий. Он рассказывал про фронт. Мы ему подарили прибор, который выпускали, — именной прибор авиационный, гирокомпас, по-моему.

Всё-таки очень голодно было — я уже об этом говорил. И, конечно, ребята очень уставали, особенно в ночную смену. Среди ночи, где-то в 12 или в час ночи, шли обедать — у нас своя фабрика-кухня была. И возвращались, быстро поев, чтобы поспать. Расползались по цеху. Потом звонил звонок — никого добудиться было невозможно. Я ходил по цеху — в верстаках, в шкафах прятались ребята — их поднимали, будили, чтобы шли к станку. А одного парня мы за ночь так и не нашли однажды: он умудрился залезть в воздухоочистительную трубу и там проспал до утра.

Я иногда сейчас слушаю про ребят, которые делают невероятные фотографии (селфи). Иногда думаю: дураки. А потом вспоминаю: Боже мой, какими же мы были дураками! То же самое! Ну вот представьте себе: участок трамвайных путей от Арбатской площади до Сивцева Вражка. Там, наверное, метров 500, может, 800. Но скорость была довольно большая — наверное, километров сорок трамвай гнал. Так вот, было лихо прыгнуть на него на ходу. И прыгали. Иногда даже не кому-то показать, а самого себя испытать: прыгну или не прыгну? До сих пор я помню, как прыгнул, он рванул сильно, скорость большая. Вот в это время главное — успеть ноги оторвать от земли и вспрыгнуть на площадку. Дело в том, что раньше были открытые площадки, а потом — дверь в вагон. И эти площадки, особенно зимой, когда на работу ехали, были забиты. Друг на друге ехали буквально: на крыше, между вагонами. Так вот, я к чему это говорю? Когда я жил в доме на Берсеневской набережной, на работу шёл к метро «Библиотека имени В.И. Ленина» через мост. И через него шли трамваи. Мост с уклоном был, немножко в горку, и здесь трамвай замедлял ход. И я иду почти рядом с ним, а сил догнать его и прыгнуть не было. Такая усталость была.

Что меня выручало... Я могу сказать, что мне повезло в жизни, потому что всегда встречались хорошие люди. Я никогда ничего не просил, но они как-то ко мне были очень расположены. И приходил я, допустим, в поликлинику — как раз я заболел простудой в это время, — и врачи выписывали мне карточку, направление на лечебное диетическое питание. Это было и вкусно, и вполне приемлемо, хотя и немного. И это выручало. Я уже говорил, что ба-

бушка нас спасала — привозила из деревни то мяса немножко, то ещё чего-нибудь. Должен сказать, что сильного голода не чувствовал.

И ещё хотел рассказать. Где-то в 1944 году — не помню, кто порекомендовал, — к нам пришли два офицера. Майоры. Молодые: один с 1921 года, Алексей Николаевич Потёмкин, и Миша Родченков — тот с 1922 года. Они пришли как слушатели Академии Фрунзе. Были ускоренные курсы, их сняли с фронта и отправили, по-моему, после госпиталя, на шестимесячные, кажется, курсы. Причём Лёша Потёмкин к этому времени был командиром полка. За переправу через Днепр он получил звание Героя Советского Союза. Он был ещё награждён орденом Александра Невского. (Я удивляюсь: этот орден давали за полководческие подвиги, а у нас сейчас Соловьёв получил орден Александра Невского! За что?) Кроме того, Лёша Потёмкин был награждён ещё орденом Красного Знамени и медалью «За отвагу». А Миша был начальником штаба, по-моему, полка тоже. Вот они и жили у нас. И, конечно, это выручало: дело в том, что Герой Советского Союза получал очень большой паёк. И мы — мама, я, их двое (мама на всех готовила) — перед самым окончанием войны не голодали. Но трудно было, конечно. Работали по 12 часов и мама, и я, и они в Академии. Жили мы достаточно дружно.

В дом постоянно приезжали друзья Потёмкина. Кстати, Алексей Николаевич потом окончил полный курс Академии Фрунзе и Академию Генерального штаба, был начальником штаба Пятой армии, которая была в оккупированной Германии. Надо сказать, что ему не дали особо развернуться в плане карьеры, но он дослужился до генерал-лейтенанта. И последнее место его работы — должность начальника военных учебных заведений где-то в Киеве. Потом он вернулся в Москву. Не знаю, я как-то потерял его из виду. Один раз в восьмидесятые годы я нашёл телефон — случайно мне попался, мы с ним переговорили, но особого желания встретиться как-то не появилось. Я просто хотел вспомнить, что мы именно с ним встретили День Победы. Мы были в парке Горького. И вот там — был он, по-моему, в шинели, в плаще — люди как-то разглядели у него геройскую звезду и качали его на руках. Это было совершенно удивительное ликование. Был потрясающий салют, было огромное количество прожекторов, которые перекрещивались, и всё небо прямо полыхало от их света. И где-то высоко-высоко был портрет Сталина, поднятый на аэростатах и освещённый. Это был действительно какой-то восторг.

Ещё мне хотелось сказать, что, когда шли бои под Сталинградом, было очень напряжённо. Немцы шли на юг. Но удивительно то, что, насколько я себя помню, с того случая, который был со

мной в ноябре 1941 года, когда я видел наши самолёты и когда поверил, что не всё ещё кончено, ещё будет на нашей улице праздник, ощущение, что всё закончится благополучно, не покидало меня. Я не знаю, отчего: то ли от русского, как у Стивы Облонского, «всё образуется», то ли ещё по какой-то причине, но внутренне я был спокоен.

Много времени занимали поиски возможности отоварить карточки. Прежде всего, если вспомнить цены, хлеб был очень дорогой: в магазине он стоил рубль, а на чёрном рынке — 100 рублей. А зарплата была средняя, в цехе ребята получали 500–600 рублей. Я, когда был техником-технологом, получал 550 рублей, плюс премии, но не больше 700 рублей. А 100 рублей за буханку хлеба — это, конечно, тяжело. Кроме того, важно было, к какому магазину прикрепиться: по-разному снабжались разные магазины. И при этом не все продукты можно было найти: я уже говорил, что на протяжении всей войны рыба значилась в талонах, но ни разу эти талоны никто не отоваривал.

О том, как мы работали. А мы не только работали по 12 часов — нас иногда ещё посылали на всякого рода работы, например разгружать вагоны с дровами. Приходили плоты по Москве-реке, и вот интеллигенция из технических отделов — рабочих не снимали со станков — разбирала эти плоты, и брёвна выкатывали. Это был тоже тяжкий труд: надо было подцепить, тащить на берег... Но самое страшное было попасть на лесозаготовки. Посылали от завода валить лес, и потом лес этот грузили и отправляли в Москву. И топили котельную. Топили дровами. И тоже меня ни разу туда не посылали. А многих периодически брали и на две недели, и на месяц. Потом меняли.

Кроме того, посылали иногда разгружать баржи. И вот я очень хорошо помню, как разгружали одну баржу. Это была осень 1943 года. И пришла баржа с капустой. А капуста начала гнить. Кочан было невозможно держать в руках — горячий, буквально обжигал руки. И мы кидали эту капусту на берег.

Был ещё случай. Меня послали в качестве бригадира в Западный порт за солью. Там были терриконы соли, выгруженные, по моему, ещё до войны. А дело было зимой, смёрзлось всё. И вот однажды мы на полуторке — по-моему, три или четыре человека — поехали. А там была такая пещера выдолблена, и над ней висела огромная, метра полтора, наверное, в диаметре, глыба. Ну, мы под эту глыбу подогнали грузовик. Я сидел наверху и ломом скалывал с этой глыбы куски, и соль сыпалась в кузов. И в какой-то момент мне вдруг захотелось спуститься. Только я спустился, вся эта глыба рухнула в грузовик. Она проломила днище. И если бы я остался наверху, я как раз под неё бы и попал. И вытащить было

бы нельзя: краны вообще, по-моему, не работали. Вот так... Что-то бывает в жизни, какие-то вещи, когда как будто кто-то тебя заставляет что-то делать. Запомнилось мне два случая — этот и ещё один.

Были похороны Сталина. У нас в институте организовали колонну, мы пошли прощаться. А поскольку было таких колонн много, нас гоняли по всяким переулкам. И в конце концов нас вывели к Петровским воротам (перед спуском на Трубную площадь). И вдруг как будто меня что-то осенило. А жена была беременна. Я её схватил за руку и вытащил из толпы, а толпа пошла туда, вниз. Ну что там было — мясорубка...

Жизнь всё-таки затягивала. Я понимал, что надо что-то менять — война закончилась, и надо было решать, что делать дальше. 1945 год — мне исполнилось 18 лет, мама была на работе в ночную смену, а я один дома. И я прикинул: мне 18 лет, у меня 7 классов образования. А какие ещё перспективы? Учиться и работать, я чувствовал, физически не выдержу. Я попытался учиться в восьмом классе, в девятом... Приходил в школу и засыпал просто-напросто. А ещё где-то готовиться... Каждый день на работу же надо ходить. Хотя после войны уже перешли на восьмичасовой рабочий день. Первое время, кстати, когда кончилась война, завод остановился: приборы никому не были нужны, и где-то полгода чего только там не делали: замки, кастрюли и прочее. Но довольно быстро всё восстановилось: снова понадобилось делать приборы. И мы какое-то время делали даже автопилоты. А начиная с 1946 года пошла уже новая продукция.

Началось новое время с его новыми заботами и проблемами, но об этом уже следует поговорить отдельно.

Приложение

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ

Н.И. ЯКУШИНА

Книги, учебники, учебные пособия

Достоевский в Сибири: очерк из жизни и творчества. — Кемерово, 1960. — 210 с.

Жизнь и творчество Ф.М. Достоевского: материалы для выставки в школе и детской библиотеке. — М.: Детская литература, 1981. — 56 с.

Жизнь и творчество Н.А. Некрасова: материалы для выставки в школе и детской библиотеке. — М.: Детская литература, 1981–1988. — 41 с.

Жизнь и творчество И.С. Тургенева: материалы для выставки в школе и детской библиотеке. — М.: Детская литература, 1981–1988. — 41 с.

Жизнь и творчество Н.А. Добролюбова: материалы для выставки в школе и детской библиотеке. — М.: Детская литература, 1987. — 39 с.

Тропа к Некрасову: документально-художественная книга о жизни и творчестве Н.А. Некрасова. — М.: Детская литература, 1987. — 302 с.

Н.А. Некрасов в жизни и творчестве: учебное пособие. — М.: Русское слово, 1998–2012. — 95 с.

И.С. Тургенев в жизни и творчестве: учебное пособие. — М.: Русское слово, 1998–2018. — 112 с.

Ф.М. Достоевский в жизни и творчестве: учебное пособие. — М.: Русское слово, 1998–2012. — 28 с.

История русской литературы XI–XIX веков: учебное пособие для вузов / под ред. В.И. Коровина и Н.И. Якушина. — М.: Русское слово, 2001. — 592 с.

Н.А. Некрасов в школе: книга для учителя. — М.: Дрофа, 2004–2007. — 318 с.

«Шестидесятники» XIX века в жизни и творчестве: учебное пособие. — М.: Русское слово, 2004–2010. — 128 с.

Русская литература XI–XX веков: пособие для абитуриентов / под ред. проф. Н.И. Якушина и проф. В.И. Баранова. — М.: Русское слово, 2004. — 512 с.

Русская литература XIX века (первая половина): учебное пособие для вузов. — М.: Владос, 2001. — 256 с.

Русская литература XIX века (вторая половина): учебное пособие для вузов / Н.И. Якушин, Л.В. Овчинникова. — М.: Владос, 2005. — 368 с.

Русская литературная критика XVIII — начала XX века: учебное пособие и хрестоматия / Н.И. Якушин, Л.В. Овчинникова. — М.: Камерон, 2005. — 816 с.

Тропа к Достоевскому. — Рязань: Парус, 2005. — 512 с.

История русской литературы XI–XIX веков: учебник для вузов. — М.: Русское слово, 2013. — 632 с.

Антологии, избранные произведения русских писателей

Помяловский Н.Г. Избранное / вступ. статья и примеч. Н.И. Якушина. — М.: Советская Россия, 1980. — 432 с.

Ковалевская С.В. Избранные произведения / сост., вступ. статья и примеч. Н.И. Якушина. — М.: Советская Россия, 1982. — 350 с.

Куцневский И.А. Николай Негорев: роман и маленькие рассказы / вступ. статья и примеч. Н.И. Якушина. — М.: Советская Россия, 1984. — 396 с.

Публицисты «Современника» / сост., вступ. статья, биограф. очерки и примеч. Н.И. Якушина. — М.: Детская литература, 1985. — 256 с.

Добролюбов Н.А. О классиках русской литературы: сборник / сост., вступ. статья, примеч. Н.И. Якушина. — М.: Детская литература, 1986. — 304 с.

Слепцов В.А. Проза / сост., вступ. статья и примеч. Н.И. Якушина. — М.: Советская Россия, 1986. — 334 с.

Русская поэзия XIX — начала XX в.: сборник / сост., вступ. статья и примеч. Н.И. Якушина. — М.: Художественная литература, 1987. — 864 с.

Штурманы будущей бури: сборник / сост., вступ. статья и примеч. Н.И. Якушина. — М.: Советская Россия, 1987. — 462 с.

Соллогуб В.А. Повести и рассказы / сост., вступ. статья и примеч. Н.И. Якушина. — М.: Советская Россия, 1988. — 350 с.

Достоевский Ф.М. Избранные сочинения / сост., вступ. статья и примеч. Н.И. Якушина. — М.: Художественная литература, 1990. — 606 с.

Сердца чуткого прозреньем... Повести и рассказы русских писательниц XIX века / сост., вступ. статья и примеч. Н.И. Якушина. — М.: Советская Россия, 1991. — 558 с.

Достоевский Ф.М. Избранное / сост., вступ. статья и примеч. Н.И. Якушина. — М.: Детская литература, 1998. — 766 с.

Поэты пушкинской поры: сборник стихотворений / сост., вступ. статья, биограф. очерки и коммент. Н.И. Якушина. — М.: Детская литература, 1999–2010. — 316 с.

Русская поэзия XIX века: антология / сост., вступ. статья, примеч., биогр. справки Н.И. Якушина. Т. 1. — М.: Русское слово, 2000. — 544 с.

Русская поэзия XIX века: антология / сост., вступ. статья, примеч., биогр. справки Н.И. Якушина. Т. 2. — М.: Русское слово, 2000. — 528 с.

Русская поэзия первой половины XIX века / сост., вступ. статья Н.И. Якушина. — М.: Дрофа, 2003–2009. — 320 с.

Русская поэзия второй половины XIX века / сост., вступ. статья Н.И. Якушина. — М.: Дрофа, 2003–2009. — 352 с.

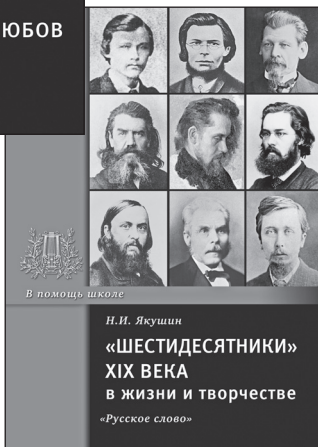
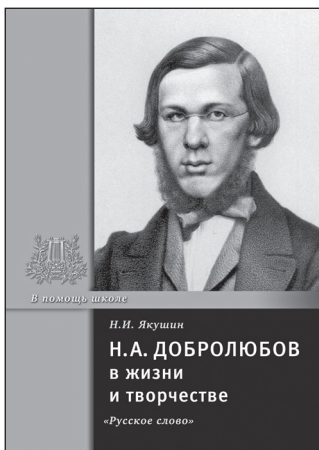
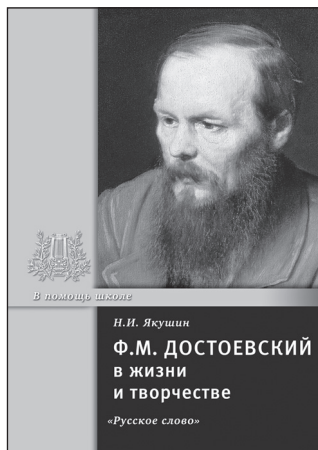
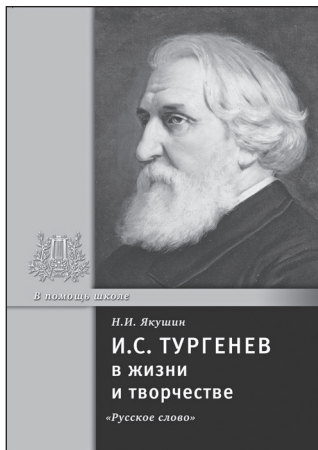
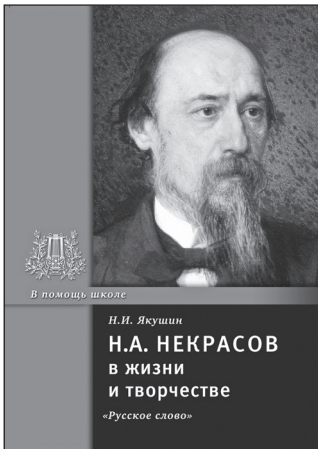
Некрасов Н.А. Стихотворения. Поэмы / сост., вступ. статья, коммент. Н.И. Якушина. — М.: Дрофа, 2003–2009. — 528 с.

Достоевский Ф.М. Избранное. — М.: Астрель: АСТ, 2006. — 524 с.

Золотой век поэзии. Поэты пушкинской поры: сборник стихотворений / сост., предисл. и коммент. Н.И. Якушина. — М.: Детская литература, 2008. — 316 с.

Русская поэзия XIX века: антология / сост., вступ. статья, примеч., биогр. справки Н.И. Якушина, А.В. Фёдорова. Т. 1. — 2-е изд., доп. — М.: Русское слово, 2011. — 616 с.

Русская поэзия XIX века: антология / сост., вступ. статья, примеч., биогр. справки Н.И. Якушина, А.В. Фёдорова. Т. 2. — 2-е изд., доп. — М.: Русское слово, 2011. — 632 с.

КНИГИ Н.И. ЯКУШИНА
В СЕРИИ «В ПОМОЩЬ ШКОЛЕ» ИЗДАТЕЛЬСТВА «РУССКОЕ СЛОВО»

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От автора</i>	5
ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА.....	7
«Сибирская тетрадь» Ф.М. Достоевского	9
Возвращение в литературу. Сибирский период творчества Ф.М. Достоевского	22
Своеобразие стиля «Сибирских повестей» Ф.М. Достоевского.....	44
Самый трудный в мире классик. Тема детства в творчестве Ф.М. Достоевского.....	51
Зимние мотивы русской поэзии допушкинского периода....	78
Зимние мотивы в лирике А.С. Пушкина	85
«Причудливо смешались свет и тени» . Творчество русских писательниц XIX века	107
«Талантливый и суровый реалист». Творчество Н.Г. Помяловского	125
Был ли П.В. Засодимский автором переделки романа Эркмана-Шатриана «История крестьянина»?.....	146

Л.Н. Толстой и П.В. Засодимский. К истории взаимоотношений	150
С.С. Синегуб в Сибири и Амурском крае. По новым материалам.	156
К истории создания и публикации «Сказки о мужике Егорке» С.С. Синегуба.	174
«...Что-то погасло вдали». О судьбе семьи С.С. Синегуба	180
Н.А. Некрасов и современность.	185

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА 203

Газета «Очерки» — орган революционной демократии.	205
«Отцы и дети» И.С. Тургенева в оценке журнала «Век» (1862)	230
Г.З. Елисеев в каракозовском процессе.	237
Н.А. Некрасов и Г.З. Елисеев. К истории взаимоотношений	255
Г.З. Елисеев и Н.Г. Чернышевский. К вопросу о взаимоотношениях.	285
А.П. Шапов и Г.З. Елисеев.	302
Ф. Палацкий и его политическое завещание в оценке русской демократической печати	320
Революционное народничество и народническая публицистика.	331
Революционер, журналист и исследователь Сибири. Жизнь и творчество Д.А. Клеменца	364
К истории артельного журнала «Русское богатство» (1880–1882)	399
Н.В. Шелгунов и «шелгуновская демонстрация»	422

ВОСПОМИНАНИЯ О НЕДАЛЁКОМ ПРОШЛОМ	431
«Печален я: со мною друга нет...».	
Арбат Олега Ефремова	433
Великая Отечественная глазами арбатского подростка	466
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	503
Краткая библиография трудов Н.И. Якушина.....	505

Научно-популярное издание

Якушин Николай Иванович

**«Минувшее проходит предо мною...»
Избранные труды и воспоминания**

Руководитель Филологического центра *Е.А. Роженцева*

Редактор *Н.В. Умрюхина*

Художественный редактор *Н.В. Ордынский*

Корректор *О.И. Ощепкова*

Вёрстка *Е.П. Бреславской*

Подписано в печать 20.10.20. Формат 60 × 100/16.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 35,52 + вкл. 1,11.

Изд. № 02920. Заказ

ООО «Русское слово — учебник».

115035, Москва, Овчинниковская наб., д. 20, стр. 2.

Тел.: (495) 969-24-54, (499) 689-02-65

(отдел реализации и интернет-магазин).

Вы можете приобрести книги в интернет-магазине:

www.russkoe-slovo.ru e-mail: zakaz@russlo.ru